

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

1

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Ардашев Р.Г., Адилов А.Н.</i> Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости	6
<i>Баев П.А.</i> Российская идентичность в условиях цивилизационного моделирования	10
<i>Гетманская М.Ю., Гончарова Е.Н.</i> Разработка и эмпирическое обоснование критериальной модели аудиодескрипции для интерактивных музейных экспозиций	15
<i>Корелин М.Н.</i> Патриотизм в спорте: общественные последствия	20
<i>Кравченко А.И.</i> Перекресток и перепутье на дорогах жизни	25
<i>Кузнецова Е.А.</i> Социализация в виртуальных мирах: будущее реального и виртуального	30
<i>Маслодудова Н.В.</i> Успех в информационном обществе ...	35
<i>Савицкая Ю.П.</i> Религиозная идентичность как многомерное социальное явление: от теории к эмпирике	40

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рябыкин Д.О.</i> Роль информационных технологий в формировании представлений о преступлениях	46
<i>Скуденков В.А.</i> Особенности городского маркетинга в г. Иркутске	50
<i>Трескин П.А.</i> Проблемы взаимодействия органов власти и общественных организаций в сфере молодежной политики	59
<i>Устинова О.В.</i> Анализ социальных представлений молодежи о многодетности: разрыв между ценностным одобрением и поведенческими установками в условиях современной России	67
<i>Шинкевич В.Е., Крютченко А.Д.</i> Обучение гуманитарным специальностям в эпоху цифровизации: вызовы и риски как предмет социологического анализа	74

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рыбакова М.В., Иванова Н.А.</i> Формирование образа студенческой молодежи в медиапространстве в условиях рисков и вызовов трансформации профессиональной структуры	81
<i>Быченко Ю.Г., Курманов Р.Ш.</i> Мотивация к военной службе в оценках военнослужащих России	88
<i>Табасаранский Р.С.</i> Перспективные пути устойчивого развития системы обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике	94
<i>Тамицкая Е.Н.</i> Историческое сознание послевоенного поколения северян (на материалах социологических исследований в Архангельской области)	99
<i>Шумейко А.А.</i> Социальные сети как инструмент противодействия экстремизму в молодежной среде	105

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); **Силласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарьян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабелных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренкова Екатерина Владимировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсutowич (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сapienza) **Чжан Шуухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилени Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думаличевич** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.02.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Селезнев П.С., Абдурагимов З.Е.</i> Мягкие политтехнологии: эффективные модели и результаты применения.....	111
<i>Брагин Е.А.</i> Дихотомия моделей управления в условиях удаленной занятости: сравнительный анализ требований на рынке труда 2026 года	116
<i>Ван Цзюань.</i> Предпринимательская деятельность китайских мигрантов в условиях региональной институциональной среде: неформальные практики и стратегии адаптации (на примере Томска).....	121
<i>Данилов В.Л.</i> Ценностные основания российской гражданской идентичности: традиции и инновации	128
<i>Новиков С.М., Фомичева Т.В.</i> Технологическое обеспечение формирования экологической культуры молодежи: управленческая модель, инструменты оценки и институциональные механизмы.....	134
<i>Слугин В.А.</i> Ценностные ориентации бывших военнослужащих и членов их семей как условия успешной адаптации	139
<i>Юшкова С.А., Тимошенко М.А.</i> Социальные практики использования цифровых технологий в сфере здравоохранения студентами Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.....	144

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Ежикова Е.Г.</i> Социокультурные факторы и их влияние на использование языка	148
<i>Клевенский М.С.</i> Искусственный интеллект в контексте проблемы социального манипулирования: социологический анализ	152
<i>Федоренко А.А.</i> Образы российских гонимых чемпионата «Формула-1» как элементы социальной коммуникации в спортивном медиадискурсе	160
<i>Чеснокова Л.В.</i> Соседские отношения и проблема приватности в большом городе	168

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Печерина Е.А.</i> Религия и идеология и их влияние на этику.....	175
---	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Мельникова Г.В.</i> Апофатическое мышление как принцип неклассической философии (на примере философских концепций А.Ф. Лосева и Ж. Деррида)....	180
<i>Михайлова О.А.</i> Акустический портрет жилого района (на примере района Вторчермет г. Екатеринбург)	188

<i>Солодова В.А.</i> Специфика представления научного знания в Античной традиции.....	194
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Абдулова Л.М., Беляева А.М.</i> Религиозно-философский ренессанс и трансформация русской интеллигенции: Анализ идейного сдвига начала XX века (на материале сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины») и концептуализация понятия «интеллигенция» в XXI веке	198
<i>Архипов А.П.</i> К вопросу о соотношении понятий «жесткая», «мягкая» и «умная сила»	203
<i>Бекова М.А.</i> «Экономика впечатлений» и межкультурная коммуникация в современном мире ...	208
<i>Бовелиева Я.В.</i> Цифровой авторитаризм: социально-философские аспекты контроля и свободы в онлайн-пространстве.....	214
<i>Бугаев М.К.</i> К этике инфрачеловеческого состояния.....	219
<i>Гилёва З.В.</i> Диалектика свободы и ответственности в инклюзивном обществе: от патернализма к этике солидарности	226
<i>Глебов А.П.</i> Контркультура как семиотическое сопротивление: социально-философский анализ пространства деконструкции	232
<i>Каргин Н.Н., Коротенко И.А.</i> Оценка значимости взаимосвязи социума и профессиональных спортсменов в России	240
<i>Салимгареев Д.И., Кротова Е.Ю.</i> Детерминанты игровой реальности, обладающие практической значимостью при формировании гражданской идентичности.....	245
<i>Суховская Д.Н.</i> Исторические формы городского пространства: от сакральной топографии к индустриальной рационализации	251

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Канзычакова Н.Г.</i> Этническая идентичность и потребность в изучении хакасского языка у подростков хакасского этноса: по материалам исследования	255
<i>Зайцева И.А.</i> «Обучение служением» как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета: социологический анализ	259
<i>Туркменов И.О., Усов В.Н., Гнатюк М.А.</i> Студенческий отряд как иммунитет нации: формула отрядного эффекта	266
<i>Афанасенко Я.А., Перевозникова Л.С.</i> Возможность бессмертия как философская проблема	275

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Ardashev R.G., Adilov A.N.</i> Social security: opportunities and threats of adaptive flexibility	6
<i>Baev P.A.</i> Russian identity in the context of civilizational modeling	10
<i>Getmanskaya M.Yu., Goncharova E.N.</i> Development and empirical substantiation the criterion model of audiodescription for interactive museum exhibitions	15
<i>Korelin M.N.</i> Patriotism in sports: social consequences.....	20
<i>Kravchenko A.I.</i> Crossroads and Intersections on the Roads of Life.....	25
<i>Kuznetsova E.A.</i> Socialization in virtual worlds: the future of the real and the virtual	30
<i>Maslodudova N.V.</i> Success in the Information Society	35
<i>Savitskaya Yu.P.</i> Religious identity as a multidimensional social phenomenon: from theory to empirics	40

EMPIRICAL STUDIES

<i>Ryabykin D.O.</i> The role of information technology in shaping perceptions of crime	46
<i>Skudunkov V.A.</i> Characteristics of urban marketing in Irkutsk.....	50
<i>Treskin P.A.</i> Problems of interaction between government bodies and public organizations in the field of youth policy	59
<i>Ustinova O.V.</i> Analysis of young people's social perceptions of large families: the gap between value approval and behavioral attitudes in contemporary Russia....	67
<i>Shinkevich V.E., Kryutchenko A.D.</i> Teaching humanities in the digital age: challenges and risks as a subject of sociological analysis	74

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Rybakova M.V., Ivanova N.A.</i> Shaping the image of student youth in the media environment in the face of risks and challenges of professional structure transformation	81
<i>Bychenko Yu.G., Kurmanov R.Sh.</i> Motivation for military service in the assessments of Russian military personnel	88
<i>Tabasaransky R.S.</i> Prospective Pathways for Sustainable Development of the Food Security System in the Republic of Azerbaijan	94
<i>Tamitskaya E.N.</i> The historical consciousness of the post-war generation of northern residents (based on sociological research in the Arkhangelsk region)	99
<i>Shumeyko A.A.</i> Social networks as a tool for countering extremism among young people.....	105

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoz Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov); **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro); **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)); **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)); **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus); **Farro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome); **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad»); **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)).

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University); **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University); **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky).

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 02/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Seleznev P.S., Abduragimov Z.E.* Soft political technology: effective models and results of application 111
- Bragin E.A.* The dichotomy of management models in remote employment: a comparative analysis of 2026 labor market requirements..... 116
- Wang Juan.* Entrepreneurial activity of Chinese migrants in the institutional environment: informal practices and adaptation strategies (The Case of Tomsk).... 121
- Danilov V.L.* Value foundations of Russian civic identity: traditions and innovations 128
- Novikov S.M., Fomicheva T.V.* Technological support for developing environmental culture in young people: a management model, assessment tools, and institutional mechanisms 134
- Slugin V.A.* Value orientations of former military personnel and their family members as conditions for successful adaptation 139
- Yushkova S.A., Timoshenko M.A.* Social practices of using digital technologies in the field of healthcare by students of the Financial University under the Government of the Russian Federation 144

SOCIOLOGY OF CULTURE

- Ezhikova G.E.* Socio-cultural factors and how they affect the use of language..... 148
- Klewensky M.S.* Artificial Intelligence in the Context of Social Manipulation: A Sociological Analysis..... 152
- Fedorenko A.A.* Images of Russian formula 1 championship racing drivers as elements of social communication in sports media discourse 160
- Chesnokova L.V.* Neighborhood relations and the problem of privacy in a big city..... 168

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

- Pecherina E.A.* Religion and ideology and their influence on ethics 175

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

- Melnikova G.V.* Apophatic thinking as a principle of non-classical philosophy (on the example of the philosophical concepts of A.F. Losev and J. Derrida) 180
- Mikhailova O.A.* Acoustic portrait of a residential district (illustrated by the Vtorchermet district of Yekaterinburg) 188

- Solodova V.A.* The specifics of scientific knowledge representation in the Antique tradition..... 194

SOCIAL PHILOSOPHY

- Abdulova L.M., Beliaeva A.M.* The Religious and Philosophical Renaissance and the Transformation of the Russian Intelligentsia: An Analysis of the Ideological Shift at the Beginning of the 20th Century (Based on the Collections "Problems of Idealism," "Vekhhi," and "From the Depths") and the Conceptualization of the Term "Intelligentsia" in the 21st Century 198
- Arkhipov A.P.* On the Question of the Relationship Between the Concepts of «Hard», «Soft» and «Smart» Power» 203
- Bekova M.A.* The «Experience Economy» and intercultural communication in contemporary world 208
- Bovelieva Ya.V.* Digital authoritarianism: social and philosophical aspects of control and freedom in the online space..... 214
- Bugaev M.K.* The ethics of subhuman condition 219
- Gileva Z.V.* The dialectics of freedom and responsibility in an inclusive society: from paternalism to an ethics of solidarity 226
- Glebov A.P.* Counterculture as a Semiotic Resistance: A Socio-Philosophical Analysis of the Deconstruction Space 232
- Kargin N.N., Korotenko I.A.* Assessment of the significance of the relationship between society and professional athletes in Russia 240
- Salimgareev D.I., Krotova E.Yu.* Determinants of game reality with practical significance in the formation of civic identity..... 245
- Sukhovskaya D.N.* Historical forms of urban space: from sacred topography to industrial rationalization 251
- INTERDISCIPLINARY RESEARCH**
- Kanzychakova N.G.* Ethnic identity and the need to study the Khakass language among teenagers of the Khakass ethnic group: based on research materials..... 255
- Zaitseva I.A.* Ministry training» as a form of educational activity organization in the context of the university's «third mission»: a sociological analysis 259
- Turkmenov I.O., Usov V.N., Gnatyuk M.A.* Student squad as nation's immunity: the formula for the squad effect..... 266
- Afanasenko Ya.A., Perevoznikova L.S.* Philosophical understanding of immortality..... 275

Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Адилов Айбек Насырович,

доктор юридических наук, профессор, начальник отдела организации научной работы Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева
E-mail: ibek2000@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ процессов социальной безопасности общества, выделяются риски и угрозы социальной безопасности в условиях нелинейного развития. Выделяются особенности проявления социальной безопасности. Приводятся результаты исследования восприятия социальной безопасности в современных условиях неопределенности, понимаемые как процесс, результат и социальная оценка.

Ключевые слова: социальная безопасность, адаптированная гибкость, угрозы безопасности, риски безопасности, стратегии социальной безопасности.

Социальная безопасность опирается на социальный порядок и универсальные человеческие ценности и нормы. Не стоит соединять государственную и социальную солидарность. Государственная безопасность опирается на интересы представителей власти того или иного государства, а социальная безопасность имеет более гуманистическую природу, более широко показывает возможности личного и социального развития. Социальная безопасность имеет «человеческое» измерение и опирается на интересы индивидов и социальных групп изнутри (вне установок правящей элиты).

Традиционное рассмотрение безопасности через идеи школы реализма, где ключевая роль в обеспечении безопасности отводилась государству отходит в прошлое. На смену ему приходят идеи «общества риска», где интересы человека приоритетны для социального развития. В меняющихся условиях – социальные риски растут, соответственно понижается уровень социальной безопасности общества. Это же формирует сложности в достижении поставленных целей, а также подталкивает индивидов жить более короткими целями, не думая стратегически.

Вопросы социальной безопасности рассматривались в исследованиях Р.Г. Ардашева [1, 15], А.Н. Адилова [2–6], Н.В. Маслодудовой [7], новые условия жизни в меняющихся условиях и процессы безопасности изучались П.А. Баевым [8], мировоззренческие риски в условиях отсутствия безопасности социального пространства в работах О.А. Полюшкевич [9–12], человеческое измерение социальной безопасности исследовалось Т.В. Шипуновой [13], особенности развития социальных рисков изучались О.Н. Яницким [14] и другими учеными.

Современные социальные смыслы безопасности формируются вокруг потребностей людей и те сферы, где эти потребности могут быть не удовлетворены (политика, экономика, культура, здравоохранение, экология и проч.). Сегодня мы можем говорить о цифровой, информационной, коммуникативной безопасности. Поле безопасности расширяется регулярно.

Нарушение социальной безопасности в современном мире чаще связывают с нарушением прав, границ и гарантий жизни современников. Это активизирует множество социальных рисков. То есть, смещаются акценты с государства на индивида; социальная и личностная нестабильность; разрабатываются механизмы борьбы с угрозами

безопасности на государственном и личностном уровне и т.д.

Стоит уточнить, что принципы работы социальных служб, также направленные на минимизацию рисков для разных категорий граждан являются прерогативой государства, хотя сегодня и появляются некоммерческие организации, которые также выполняют данные функции, но это не тот уровень угроз социальной безопасности на личностном и социальном уровне, о котором пойдет речь в данной статье. Мы касаемся вопросов личной и социальной безопасности, распространяющейся на всех людей без исключения. Ни одна государственная, частная или некоммерческая служба или организация не может таким вопросом заниматься.

Интересным выступает момент так называемого парадокса безопасности: чем больше усилий и внимания уделяется обеспечению безопасности, тем менее безопасно себя чувствует человек. Работа социальных институтов и специальных служб по обеспечению социальной безопасностью тогда эффективна, когда осуществляется не под давлением и вынужденными мерами, а когда выступает организационно-просветительским механизмом социального воспроизводства общества.

Наше исследование стремилось выяснить оценку социальной безопасности респондентов, какие процессы и явления помогают им себя чувствовать в безопасности, а какие разрушают это чувство. В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 65 лет, проживающие в разных городах и селах, 55% женщин и 45% мужчин, с разным уровнем образования и профессионального статуса.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Обыденное знание и здравый смысл структурируют жизнь обывателей. Чем больше они уверены в своей повседневной жизни, в безопасности своего повседневного мира – тем больший уровень социальной безопасности есть в их жизни. При этом, существуют риски, нарушающие устои социальной безопасности. К ним относятся такие риски:

- преступности (стать жертвой преступлений могут любые люди, этому находится регулярное подтверждение в сети Интернет и СМИ, транслирующей криминальную хронику) – 19%;
- социально-экономических процессов (экономические санкции, потеря работы, низкая заработная плата, рост цен, мошенничество и проч.) – 18%;
- социально-политических процессов (военные действия, политика в отношении мигрантов) – 17%;
- экологических и техногенных катастроф (наводнения, землетрясения, пожары – риски без-

опасности жизни, которым не могут противостоять обыватели; такая же оценка и в восприятии техногенных угроз, в виде взрывов на заводах, фабриках, домах) – 14%;

- социально-культурных (утрата традиционных ценностей, распространение ценностей других культур, массовое общество, общество потребления, отсутствие преемственности поколений и т.д.) – 13%;
- утраты духовности (обесценивание веры, формализация идей патриотизма, идей служения Родине, чести и бесчестия и проч.) – 11%;
- неэффективности законов и деятельности органов правопорядка – 8%.

Эти все угрозы социальной безопасности тесно переплетаются с интересами национальной безопасности и социальной безопасности как ее основы. На практике – это выливается в потребности свободы, социальной поддержки, качества жизни и т.д. Это то, что дает возможности каждому найти свое место в плане экономических и социальных притязаний, психологических условностей для комфортной и безопасной жизни.

В условиях неопределенности, когда социальная безопасность может быть не гарантирована. В этом случае, важным инструментом социализации становятся процессы «адаптивной гибкости», того, что люди интуитивно выбирают для построения наиболее эффективной стратегии социального взаимодействия. Адаптивная гибкость может быть выражена в количестве психических сил, знаний, умений и навыков, позволяющих ему действовать в непривычной ситуации наиболее оптимально и эффективно.

Респонденты, говоря о том, что лично им помогает адаптироваться к сложным условиям и угрозам потери социальной безопасности фиксировали свое внимание на «положительных сторонах дела», «умении переключать внимание», «умении не замечать трудности», «оптимизме» и других личностных психологических характеристиках включающих адаптивную гибкость (53%). На втором месте стояли профессионально-образовательные навыки и качества (35%): «профессиональный взвешенный подход», «готовность решать вопросы на профессиональном уровне, не поддаваясь панике», «ответственность как руководителя» (стоит признать, что в этой стратегии также присутствуют и личные эмоциональные оценки, но они работают на «профессиональное решение ситуации», поэтому, могут считаться в большей степени социальными чертами. На третьем месте внешние обстоятельства (22%), иногда случайного характера: «оказаться в нужном месте в нужное время», «звезды сошлись», «никого кроме меня не было, кто мог взять ответственность» и т.д. Эта адаптированная гибкость позволяет создавать базовые условия для развития социальной безопасности.

Социальная безопасность – это процесс и результат одновременно, а также социальная оценка. Как процесс – это ряд профилактически и реальных действий, направленных на минимизацию разнообразных рисков, несущих социальную угрозу (36%). Как цель – это ориентир желаемого качества жизни, разделимый определенным сообществом и позволяющий ориентироваться в новых условиях жизни в соответствующей ситуации качества (34%). В условиях социальной безопасности личность может наиболее полно реализовать свой потенциал и вывести на новый уровень перспективы социального моделирования. Третья оценка социальной безопасности выступала в виде оценочной категории – восприятия своего социального благополучия в обществе, своего качества жизни (30%).

В смыслы социального благополучия опрошенные вкладывали совершенно разные понимания: от экономических притязаний (деньги, недвижимое или движимое имущество), социального статуса (образования, карьеры, должности, семьи), личностного развития (самообразование, внутренняя наполненность) и проч. Это наиболее близкие сферы к повседневному взаимодействию – то, что люди непосредственно замечают (не всегда понимая, как это влияет, но всегда осознавая трансформации).

Наибольший уровень адаптивной гибкости проявляют те респонденты, что под безопасностью понимают оценочную категорию, в два раза ниже и меньше форм взаимодействия у тех, кто социальную безопасность трактует как цель взаимодействия и в три раза меньше как процесс взаимодействия (55%, 30%, 15% – соответственно).

Но при этом, около 72% опрошенных именно государству отводят основную роль в обеспечении социальной безопасности. То есть, не смотря на желания личной ответственности и свободы, многие хотели бы, чтобы вопросы социальной безопасности решал кто-то другой. Идеальным кандидатом выступает государство как социальный институт или власть как один из рычагов управления.

Более 50% опрошенных, готовы поступиться своей свободой, если уровень социальной безопасности будет выше. Это говорит о том, что механизмы обеспечения социальной безопасности, профилактики безопасности могут и должны расширяться. Потребность и готовность их принимать в свою жизнь у населения имеется. Это то, что дает социальную стабильность и уверенность. Политика безопасности может строиться на разнообразных стратегиях, но итог один – устойчивая линия социальной безопасности.

В данном контексте важно развивать и культуру безопасности, которая может строиться на смысловых конструктах, наполненных позитивным символическим содержанием и ценности культуры

и традиций народов проживающих на территории того или иного государства; существующих социальных культурных практиках и кодах культурной безопасности, опирающихся на проверенные традиционные символы веры, ценности проверенные поколениями, преемственность опыта поколений, социальную память и проч.; социальных практиках и стереотипах, которые целенаправленно формируются государством; образовательной реформой с ориентиром на традиционные патриотические ценности, а не вестернизированные образцы поведения.

Таким образом, социальная безопасность выступает мерилем социального благополучия и социокультурного воспроизводства общества. Глобальные задачи, которые преследует государство не всегда могут реально обезопасить граждан и тогда формируются стратегии адаптивной гибкости, регулирующие разнообразные способы личной и социальной безопасности в конкретных сообществах.

Для более эффективной системы социальной безопасности необходимо не только «сверху», но и «снизу» изучать и управлять процессами социальной безопасности. Это может стать основой устойчивого развития общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
2. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Роль правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности в контексте социокультурных факторов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 341–345.
3. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
4. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
5. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
6. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
7. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами

Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.

8. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
9. Полюшкевич О.А. Патриотическое воспитание и социальная безопасность общества // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества и 30-летию открытия специальности «Социальная работа» в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2025. С. 259–262.
10. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
11. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
12. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 467–471.
13. Шипунова Т.В. Социальная безопасность в человеческом измерении // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2019. № 32(2), 73–80.
14. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.
15. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.

SOCIAL SECURITY: OPPORTUNITIES AND THREATS OF ADAPTIVE FLEXIBILITY

Ardashev R.G., Adilov A.N.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev

This article provides a comprehensive analysis of social security processes in society, highlighting the risks and threats to social se-

curity in the context of nonlinear development. The specific manifestations of social security are highlighted. The article presents the results of a study on the perception of social security in modern conditions of uncertainty, understood as a process, outcome, and social assessment.

Keywords: social security, adaptive flexibility, security threats, security risks, social security strategies.

References

1. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // Sociology. 2024. № 7. pp. 59–64.
2. Ardashev R. G., Adilov A.N. The Role of Law Enforcement Agencies in Ensuring Social Security in the Context of Sociocultural Factors // 1st East Siberian Legal Forum. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 341–345.
3. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 21–27.
4. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. pp. 6–11.
5. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // Sociology. 2025. № 1. pp. 26–30.
6. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. pp. 6–11.
7. Ardashev R. G., Maslodudova N.V. Sociocultural Foundations for Ensuring Social Security by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation // Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions. Collection of Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 361–363.
8. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. pp. 27–31.
9. Polyushkevich O.A. Patriotic Education and Social Security of Society // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of Defender of the Fatherland and the 30th Anniversary of the Opening of the Specialty «Social Work» in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2025. pp. 259–262.
10. Polyushkevich O.A. Social Security and Social Tensions // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 28–31.
11. Polyushkevich O.A. Social Security of Society in the Implementation of Prosocial Practices // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 159–163.
12. Polyushkevich O.A. Social Risks of Ideological Security // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 467–471.
13. Shipunova T.V. Social Security in the Human Dimension // Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 2019. № 32 (2), 73–80.
14. Yanitsky O.N. Sociology of risk: key ideas // Mir Rossii. 2003. Vol. 12, № 1. Pp. 3–35.
15. Ardashev R.G. Ideology of fear: analysis of crime reports in the media and on the Internet for 2019–2022 // Sociology. 2023. № 6. P. 86–93.

Российская идентичность в условиях цивилизационного моделирования

Баев Павел Анатольевич,

кандидат социологических наук, доцент, Байкальский
государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье раскрываются проблемы формирования российской идентичности и национального сознания, анализируются проблемы гражданственности и патриотизма через призму цивилизационного моделирования. Теоретическая основа исследования строится на основе обучения основам российской государственности через механизмы конструирования гражданской идентичности в рамках системно-деятельностного подхода, который опирается не на традиционное преподнесение и усвоение знаний, а разбор и анализ ситуаций, позволяющий формировать личную позицию и реализовывать ее в реальных подходах и действиях в рамках социальной активности и ответственности за страну, нацию и Родину. Эмпирический анализ позволяет на примере работы с молодежью показывается, что Любовь к Родине – это не просто громкие слова, но и механизм повышения патриотизма, который предполагает не только когнитивное знание, эмоциональное включение, но и реальную деятельность или конкретное поведение по реализации и предьявления патриотизма в жизни отдельного человека и целых социальных групп. Указывается, что российская идентичность – это результат соединения прошлого, настоящего и будущего через призму самосознания себя как гражданина на уровне цивилизационного развития. Делается вывод об изменениях цивилизационных установок общественного воспроизводства.

Ключевые слова: российская идентичность, государственность, патриотизм, гражданственность, цивилизационное моделирование.

Введение

Вопрос формирования российской идентичности становится наиболее актуальным в связи с неоднозначными отношениями со странами запада. Период тесного взаимоотношения с последними, после перестройки 90-х годов XX века, привел к внедрению прозападных ценностей, которые в отдельных позициях противоречат, а в других разрушают основы формирования российской идентичности.

Российская идентичность многогранна, поэтому чтобы усилить ее основные формы и механизмы конструирования, среди населения разных возрастов, необходим комплексный подход. Локальные действия не помогают, а порой запутывают осознание российской идентичности и ее включение в повседневное взаимодействие как обывателей, так и представителей различных значимых социальных институтов (власти, бизнеса, НКО, СМИ и т.д.).

Цивилизационное моделирование общественного развития становится возможно при определении идентичности тех, кто включен в конкретное цивилизационное пространство. Цивилизационное моделирование строится через схему анализа последовательных приоритетов:

- процессы целеполагания (приоритет развития);
- стратегическое планирование и проектирование (приоритет социального конструирования);
- обеспечение жизненного мира (приоритет личного моделирования);
- социальное формирование эмпатии и альтруизма (приоритет просоциальной активности).

Все выделенные приоритеты обеспечивают устойчивость социальной системы.

Теоретический анализ

Проблемное поле развития приоритетов развития российской идентичности определяется четырьмя направлениями не решенных проблем.

Первое направление – это разобщенность социальных институтов при понимании и планировании собственного развития. При всей актуальности и регулярности обсуждения межсекторного партнерства бизнеса, власти, НКО, общественности и других социальных институтов – до сих пор не сложилось единого инструментария оценки работы социальных институтов, отсутствует единое пространство социального моделирования будущего развития. Целеполагание в социальной сфере можно сформировать лишь при понимании того, как работают, взаимодействуют и решают свои

и помогают в решении чужих проблем социальные институты. А эта картина не сложилась до сих пор в единую систему.

Далеко не всегда соблюдается то, что прописано в Конституции РФ – что Россия – социальное государство, где интересы общества превалируют над интересами отдельных граждан и социальных институтов. Это приводит к противоречиям в логике развития социальных систем и реальных практик отдельных людей и социальных сообществ.

Второе направление проблемности реализации приоритетов выражается в сложностях организации долгосрочного планирования (советский опыт планирования пятилеток и десятилеток воспроизвести в нынешних условиях просто невозможно). А также проектирование носит локальный, а не глобальный характер, обусловлено возможностями и выгодами здесь и сейчас, а не стратегическим конструированием будущего. На данный момент, социальное взаимодействие на уровне работы социальных институтов возможно при конструировании нескольких вариантов развития сообществ, определяющих механизмы, нормы и правила, табу и законы общественного развития. Несколько вариантов необходимо для возможного моделирования и переключения сценариев при непредвиденных внешних и внутренних процессах [3]. А также планирование может производиться по нескольким (пересекающимся или параллельным) сценариям.

Третье направление трудностей реализации проектов опирается на двойственность стандартов построения жизненных миров современников. Внешние условия жизни, обусловленные глобализацией и виртуализацией, показывают жизненный успех людей, не опирающихся на фундаментальные знания, не комплексность подхода в решении того или иного вопроса, а тех, кто обладает навыками, необходимыми здесь и сейчас, готовностью учиться и применять усвоенное на практике. Ориентир на публичную реализацию в виде блогерства, удаленной занятости и фриланса – становится новым условием конструирования жизненного мира большей части молодежи и более лояльного отношения к такому положению вещей среди старших поколений. Это указывает на новый формат социальной идентичности и солидарности сообществ.

Более того, новые ценности, перенятые из стандартов западного мира, не приживаются в чистом виде, и не могут заменять один образ жизни на другой. Это становится основой для конфликта поколений, а также чувства неудовлетворенности и разочарования самим собой, так как в СМИ, сети Интернет, фильмах транслируется один образ успешного человека, а другое дело – реальные возможности рядовых граждан. Происходит разрыв шаблона между тем, какой успешный образ и какая реальная картина собственной реализации у целых поколений.

В советское время, образы героев, которые транслировались в фильмах и воспевались в песнях, находили реальное подтверждение среди окружения советских людей. Они сами могли стать такими героями (передовыми трактористами или шахтерами, которых восхваляли в фильмах). Сегодня образы успешности в фильмах олицетворяются в виде богатых-предпринимателей, магнатов, преступников и коррупционеров, они не совпадают с рядовыми возможностями обывателей, что разрывает стандарты и личные ориентиры и возможности построения жизненного мира [4].

Четвертое направление выражается в трудности организации просоциальной активности россиян. При том, что количество волонтеров и добровольцев, участвующих в разных социальных проектах и программах, растет каждый год, стоит задаться вопросом о мотивах социальной вовлеченности. Для одних это формальный способ показать свою активность, для других способ приобретения социального капитала, для третьих это важность соответствия личным убеждениям ценностям.

Важность просоциальной активности объясняется необходимостью формирования условий низовой солидарности, когда не власть диктует ценности консолидации, а объединение происходит на местах через реальную деятельность, способную изменить жизнь отдельного человека, сообщества людей или какой-то территории (города, природной зоны, животных и т.д.). Этот ориентир социальной вовлеченности в жизнь Другого, позволяет говорить о том, что есть чувство общности и идентичности с определенным кругом людей или ценностей, которые готов отстаивать человек на уровне мыслей, чувств и действий.

Личная история жизни, жизненный путь вписывается в те внешние условия, в которых живет человек. Быстрое информационное обновление условий жизни, технологический прогресс (ранее за несколько поколений не было столько введений технических достижений, сколько сегодня реализуется в жизни одного поколения) изменяет работу социальных структур. Более того, активизируются множественность параллельных социальных реальностей, с высокой динамикой их социальной трансформацией, что разрушает целостную картину развития человека, включает момент плюралистичности вариантов развития. Это отражается на психологических особенностях формирования идентичности, личного развития и возможностей самореализации человека в новых условиях жизни [2].

Следствием этого становится размывание идентичности, фрагментированные образы социальной идентичности или развития множественной идентичности. Это вызывает сложности при соотношении с принятыми нормами и ценностями, представлениями о самом себе, своем окружении и обществе в целом.

Идеология, идентичность, безопасность

На сегодняшний день в России нет идеологии. И соответственно, ответы на вопросы «Кто мы?», «Как живем?», «Куда идем?» становятся более риторическими, чем наполненными конкретным содержанием и смыслом. Результатом этого становится социальная пассивность, легкость усвоения любых социальных технологий (основанных на манипулятивной основе), рост социальной напряженности и сложности в конструировании будущего и другие негативные социальные последствия. На повседневном уровне граждане не чувствуют себя безопасно, не могут быть уверенными в своем настоящем и будущем.

На глобальном уровне нарушается социальная безопасность общества, что тормозит социальное развитие страны. Социальная безопасность строится на уровне осознания себя членами общей системы, объединённой ценностями, мировоззрением и наконец, идеологией, позволяющей воспитывать новые поколения в новых условиях жизни, обладающих соответствующими представлениями и убеждениями. Если нет тех, кто консолидируется через собственные ценности и взгляды, это означает то, что нет уверенности в своей безопасности в той среде, что находится человек. Он будет искать более лучшее место, более безопасное, комфортное и стабильное. Это, собственно, и движет мигрантами, которые ищут лучшее место для себя и своих близких. Если граждане в своей собственной стране не могут найти опору и безопасность, не чувствуют опору, то говорить об идентичности и солидарности не приходится. Отсутствие идеологии лишь усиливает эти черты и разрушает [1].

На сегодняшний день существует социально-экономическая безопасность, военная, информационная. Это конечно не объясняет всей сложности и многомерности угроз, перед которыми стоит современный человек.

Приоритеты развития строятся на вопросах национальной безопасности, которые включают в себя достаточно большой спектр морально-этической и правовой безопасности общества, интересов политики и экономики государства, культуры и религии, направленных на сохранение и преумножение потенциала тех, кто сегодня является гражданином страны и тех, кто завтра будет конструировать новую стратегию общегосударственного развития России.

Вопросы безопасности социального конструирования определяются существующими проектами социального развития. Это могут быть приоритеты социально ответственного бизнеса, реализующего образовательные, спортивные, культурные и иные программы развития в регионах своего присутствия. Или же государственные проекты поддержки некоммерческого сектора через реализацию системы грантов Фонда Гранты Президента РФ для поддержки НКО или Президентский фонд

Культурных инициатив, программами поддержки проектов местного уровня – Губернское собрание Иркутской области или же коммерческими фондами, например Фонд Потанина, занимающийся финансированием различных направлений культуры и образования. Это все является толчком к социальной активности граждан, их вовлеченности в социальную жизнь и публичное пространство тех населенных пунктов, где они живут.

Социальная безопасность жизненного мира людей тесно связана с предыдущими положениями и определяется возможностью выстроить свои личные приоритеты, найти возможности реализации в условиях преодоления социальных угроз и рисков через стабилизацию социального положения и формирование психологически основ и ориентиров для уверенности в себе и своем будущем в условиях изменчивости мира. Чем выше личные цели собственной жизни, тем более вовлечен в строительство светлого будущего человек или целое сообщество людей. А если люди думают о том, как выжить, то говорить об идеологии и общих целях социального развития не приходится [7]. О цивилизационном развитии начинают думать тогда, когда базовые потребности закрыты.

Социальная безопасность становится ощутима и осязаема, когда просоциальная активность становится нормой и не является чем-то удивительным и непонятным для рядовых граждан. Если проявление эмпатии и альтруизма – это личная инициатива, то говорить о социальных трансформациях невозможно, а если это результат социальной политики, идеологической пропаганды, а также личного примера значимых публичных персон, то мы можем говорить о новых смыслах общественного развития в конкретный исторический период.

Идентичность и патриотизм

Патриотизм сегодня звучит и от представителей различных социальных институтов. Патриотизм востребован и как форма гражданственности и как процесс становления идеологии. Он усиливает процессы национального самосознания и гражданской идентичности у представителей разных социальных групп. Патриотизм как форма национальной идеи становится общим началом для социальной практики, наполненной когнитивно-эмоциональными и поведенческими стратегиями практической реализации.

На уровне знаний человек может знать государственные символы, гимн и патриотические песни, но кроме разговоров это не выходит в практическую деятельность (когда через практическую вовлеченность доказывается свое отношение к Родине, не только через аспекты, которые нормативно прописаны и выступают обязанностью (служба в армии, уплата налогов и т.д.), но и то, что можно назвать социально-политической активностью, вовлеченностью в волонтерскую деятельность, направленную на реальную трансфор-

мацию публичного пространства, работу социальных структур, обеспечивающих реализацию гражданских инициатив и социальных проектов).

Эмоциональная составляющая патриотизма, выражающаяся в Любви к Родине, преданности, верности и проч., также может и должна быть выражена в готовности трудиться на благо страны и всех граждан, направлена на формирование светлого будущего для всех, кто проживает на нашей территории. Это современная форма социальной эмпатии, которая отражается в реальных поведенческих установках и готовности жить и работать на благо страны.

Национальная идентичность тесно связана с патриотизмом, так как быть патриотом, невозможно не осознавая свою личную связь с нацией, своей ответственностью за национальные интересы и реализацию идеологии в практических аспектах повседневной жизни. Быть гордым за свою нацию и страну – это условие социального воспроизводства, которое консолидирует общество, объединяет людей, создавая дополнительные межличностные связи, подталкивая к просоциальной активности, способной регулировать социально-активную позицию граждан и вносить свой вклад в общую социальную динамику развития гражданских институтов.

Национальное самосознание позволяет переключить индивидуалистические, нарциссические формы поведения и мышления на интересы коллектива, сообщества, нации и государства. Перейти с идеологии первенства Я, на идеологию Мы. Да, возврат к социалистическим идеям невозможен, но сам принцип соборности и коллективизма заложен в народе, проживающем в разных уголках нашей страны. Даже ассимиляция с другими народами не смогла искоренить коллективности, чувства сопричастности, альтруизма и эмпатии. Это то, что сегодня может возродить патриотизм, национальную идентичность и самосознание на новом уровне [5].

Важным моментом выступает формирование в молодых поколениях активной жизненной позиции, так как без личной инициативы, готовности и желания изменить свою жизнь и жизнь тех, кто рядом, нести ответственность за будущее страны – сложно представить поступательное развитие.

Механизмы конструирования гражданской идентичности

Сложным моментом выступает трансформация знаний в мировоззрение и социальные установки, которые влияют на поведение людей. Формирование нравственно-патриотических качеств становится основным ориентиром социального развития. Результатом этого становится четкое осознание национальной идентичности и национального самосознания, гражданской ответственности и патриотизма среди молодых граждан страны.

Поставленные задачи реализуются через системно-деятельностный подход, который предполагает рассмотрение иерархических сложных социальных процессов, где прослеживается важность как внутри системы, так и ее внешние взаимосвязи. На практике это может выражаться в решении какой-либо актуальной ситуации, требующей личной оценки и проявления гражданской позиции, обоснованного аргументированного подхода к отстаиванию своих убеждений [6]. Помимо этого, реализуется личный образовательный результат, через поисковую, проблемную, проектную деятельность в рамках занятия). В процессе взаимодействия с молодыми людьми важно опираться не на знания (традиционный подход), а на умение анализировать ситуации (инновационный подход). Это помогает включать рефлексию и включенность в проблему, проявление своей позиции (ее заявление, проявление и обоснование).

Основной ориентир современной системы образования, формировать не только интеллектуальной личности, но социально ответственной личности, понимающей свое место и роль в сохранении национальной культуры, традиций, исторического и социокультурного опыта. Установки на патриотизм и проявление гражданственности невозможно навязать, но можно сформировать через личный пример и умение анализировать ситуации как социальные конструкты, позволяющие проявлять свою гражданскую позицию, помогающие ее отразить и воплотить в реальных действиях.

Можно реализовать принципы данного подхода на занятиях, для этого стоит соблюдать особую логику.

1. Постановка проблемной задачи, ее неоднозначность, необходимость личной оценки и выводов, которые помогут сформировать персональную оценку и позицию в отношении рассматриваемого вопроса.

2. Процессуальный этап связан с осмыслением задачи, вариантах решения, умения увидеть плюсы и минусы ситуации. Он реализуется в формате групповой дискуссии или работы в мини-группах с последующим представлением своих позиций. Поощряется применение коллаборативного обучения (совместный поиск и обсуждение конкретной информации). А также любых других форм интерактивного взаимодействия, позволяющих сформировать и расширить социально-ответственные установки и гражданскую активность молодежи, которая уже вне стен аудитории сможет воплотиться в реальных действиях, способных усилить патриотизм и гражданственность как отдельных людей, так и целых сообществ.

3. Рефлексивно-оценочный этап позволяет оценить полученные знания, а также выявить уровень сформированности психологической, социальной, политической и любой другой позиции, отражаю-

щей гражданские установки человека и его социальное позиционирование. А также развиваются коммуникативные навыки и формы социального взаимодействия. Критерием оценки выступает социальный капитал, полученный в результате социального взаимодействия.

Выводы

На основе социальной солидарности необходимо конструировать созидательные основы социального развития, через просоциальную активность, социальную ответственность различных институтов общества (власть, бизнес, НКО) на местном, региональном и общегосударственном уровне. Это может стать основой для формирования новых приоритетов развития, где идентичности и новой идеологии нашего государства будет принадлежать ключевая роль. Значимость цивилизационного поворота сможет быть краеугольной лишь при создании новой социальной системы, где жизненные миры и стратегии будут включены в общую систему социального служения, альтруизма и эмпатии.

Цивилизационное моделирование строится на патриотизме и идентичности граждан страны, который наполнен не только громкими лозунгами, но и реальными действиями, конкретными идеями, которые воплощаются в жизнь и меняют повседневное пространство россиян. Перемены к большему начинаются с малого. Это движение позволяет находить своих и идти к общим целям социального развития и реализации цивилизационного потенциала.

Этим малым может стать механизм обучения, но не через навязывание знаний, а через разбор ситуаций и готовность вовлекаться в их обсуждение и анализ и педагогом и учащимся.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64. EDN: WGIIEX
2. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28. EDN: NLFJJT
3. Лимонцева Г.В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодежи // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(3\).27](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(3).27)
4. Метелева Е.Р. Формирование патриотизма как социальная технология: понятия, элементы, индикаторы. // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 965–979. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15\(3\).965-979](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979)
5. Мунгалов В. Н., Левина А.Г. Профессиональная идентичность студентов, получающих профессиональное образование (на примере выс-

шего образования) // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 6. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(6\).24](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(6).24)

6. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
7. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>

RUSSIAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL MODELING

Baev P.A.

Baikal State University

Introduction. The article reveals the problems of formation of Russian identity and national consciousness, analyzes the problems of citizenship and patriotism through the prism of civilizational modeling. *The theoretical basis* of the study is built on the basis of teaching the basics of Russian statehood through the mechanisms of constructing civic identity within the framework of a system-activity approach, which is based not on the traditional presentation and assimilation of knowledge, but on the analysis and analysis of situations that allow you to form a personal position and implement it in real approaches and actions within the framework of social activity and responsibility for the country, nation and Motherland. *Empirical analysis* allows us to show, using the example of working with young people, that Love for the Motherland is not just big words, but also a mechanism for increasing patriotism, which involves not only cognitive knowledge, emotional inclusion, but also real activity or specific behavior to implement and present patriotism in the life of an individual and entire social groups. It is indicated that Russian identity is the result of the combination of the past, present and future through the prism of self-awareness of oneself as a citizen at the level of civilizational development. *A conclusion* is made about changes in civilizational attitudes towards social reproduction.

Keywords: Russian identity, statehood, patriotism, citizenship, civilizational modeling.

References

1. Ardashev R.G. Social security in the consciousness of Siberians // Sociology. 2024. № 7. Pp. 59–64. EDN: WGIIEX
2. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // Sociology. 2023. № 1. Pp. 21–28. EDN: NLFJJT
3. Limontseva G.V. The relationship between the value of patriotism and personal characteristics of student youth // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8, № 3. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(3\).27](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(3).27)
4. Metelyova E.R. Formation of patriotism as a social technology: concepts, elements, indicators. // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15, № 3. P. 965–979. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15\(3\).965-979](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979)
5. Mungalov V. N., Levina A.G. Professional identity of students receiving vocational education (on the example of higher education) // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7, № 6. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(6\).24](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(6).24)
6. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18, № 2. P. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
7. Skudnikov V.A. Economic claims in the structure of patriotism of student youth // Alma Mater (Herald of the Higher School). 2018. № 2. P. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>

Разработка и эмпирическое обоснование критериальной модели аудиодескрипции для интерактивных музейных экспозиций

Гетманская Марина Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»
E-mail: getmanskaia@pgu.ru

Гончарова Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»
E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Исследование сосредоточено на поиске методологического решения проблемы повышения степени доступности интерактивных музейных экспозиций для лиц с нарушениями зрения и призвано способствовать успешной интеграции незрячих и слабовидящих в социокультурное пространство. Актуальность исследования обусловлена существованием четко проявляющегося разрыва между растущим спросом на разработку аудиодескрипции экспонатов интерактивных музейных выставок и недостаточным количеством специализированных стандартов, позволяющих преодолеть возникший барьер, что приводит к росту уровня неудовлетворенности пользователей. При ежегодном росте запроса почти на 15% степень неудовлетворенности пользователей аудиодескрипции составляет 65%. В этой связи наиболее значимыми задачами исследования являются создание, апробация и эмпирическая проверка трехуровневой критериальной модели аудиодескрипции музейных экспонатов интерактивных выставок, способной преодолеть ограничения классических подходов, сводящихся к простому описанию стационарных объектов. В качестве материала послужили данные, полученные в ходе разработки интерактивных экспозиций музея Кавказского горного общества. Методологическая основа включала сравнительный анализ, моделирование с использованием методов структурированного наблюдения, опроса по шкале Ликерта и полуструктурированных интервью. Полученные результаты убедительно подтверждают статистически значимое повышение ($p < 0.01$) эффективности взаимодействия в экспериментальной группе. Предлагаемая критериальная модель имеет большой теоретический и прикладной потенциал в аспекте изучения аудиодескрипции музейных экспонатов интерактивных выставок как особого гибридного инструктивно-интерпретационного дискурса, позволяющего создать эффективный инструмент для трансформации наиболее востребованного, но при этом наименее обеспеченного методиками сегмента инклюзивной практики.

Ключевые слова: аудиодескрипция, интерактивная экспозиция, инклюзивный музей, критериальная модель, доступность, незрячие и слабовидящие посетители, UX-тестирование, музейная педагогика.

Концепция существования современного музея стремительно меняется в современном обществе и может быть абсолютно справедливо охарактеризована как вполне закономерный переход от пассивного созерцания объектов к парадигме со-участия и иммерсивности. Посетитель современного музея – активный участник содержательного, эмоционального, интеллектуального погружения в исследуемый социокультурный контекст. Он совершенно справедливо характеризуется как исследователь, открывающий новые смыслы через собственные действия. В этой связи необходимо переосмыслить и роль интерактивных экспозиций, которые становятся смысловыми доминантами музейного пространства. Однако интереснейшая инновационная концепция сегодня вступает в очевидное противоречие с недостаточным уровнем развития компенсаторных механизмов доступности. В результате неожиданно возникают новые, технологически усугубленные барьеры, преодоление которых требует концептуально иных подходов.

Особенно остро это противоречие ощущается в контексте потребностей незрячих и слабовидящих посетителей, для которых аудиодескрипция является не просто вербальной передачей увиденного, но тонким инструментом визуализации нового смысла, приобщения к визуальному искусству. Существующая сегодня методологическая база, представленная в нормативных документах [2] и ряде работ авторитетных исследователей [3], безусловно, эффективна для описания статичных артефактов или линейных нарративов. Однако при описании экспоната интерактивной музейной экспозиции, где смысл рождается не в форме, а в действии и ответной реакции, сопутствующими элементами которых может быть и слух, и обоняние, и кинетическое восприятие предмета, функционала имеющихся на сегодняшний день ресурсов оказывается недостаточно. И тогда складывается ситуация, в которой перцептивная сложность создает условия для когнитивного отчуждения – незрячий или слабовидящий посетитель музея может потрогать предмет, но это не обеспечивает правильного его осмысления, создает информационную лакуну.

Актуальность этой проблемы наглядно подтверждается статистическими данными проведенного опроса. Мониторинг использования сервисов доступности в 35 музеях федерального и регио-

нального значения за 2022–2023 годы [11] позволяет говорить о том, что лидерами по запросам потребителей аудиодескрипции являются сюжетные динамичные объекты – их доля в общей системе типов аудиодескрипции составляет 38%. В то время, как интерактивные экспонаты (научные установки, мультимедиа), поступательно демонстрируя рост, сегодня составляют 30% при сохраняющейся тенденции ежегодного прироста до 15%. Несмотря на то, что уровень удовлетворения потребностей пользователей данного типа аудиодескрипции достигает лишь 35%, подавляющее число респондентов испытывает трудности в восприятии интерактивных устройств. На этом фоне относительную стабильность проявляет сегмент, наиболее обеспеченный готовыми решениями, – статичные объекты (живопись, скульптура). Доля запрашиваемых аудиодескрипций музейных экспонатов указанного типа составляет 25%. И наименьшие показатели наблюдаем в сегменте «Архитектурное пространство» – запрос на разработку аудиодескрипций данного типа экспонатов составляет всего 7%. Анализ полученных данных отчасти подтверждается и в результатах анкетирования, проведенного Всероссийским обществом слепых, согласно которым более 70% респондентов называют аудиодескрипцию для интерактивных экспозиций крайне необходимой. Около 65% опрошенных выражают обеспокоенность слабой степенью разработанности этого типа аудиодескрипции и недостаточно высоким качеством имеющихся образцов [14].

Все сказанное выше позволяет констатировать факт о создавшейся в современном обществе ситуации острого методологического дефицита: стремительно растущий и смыслоформирующий сегмент музейного предложения оказывается наименее доступным потребителям ввиду отсутствия адекватных инструментов его текстуализации для не визуального восприятия [4; с. 132]. Это противоречие требует своего разрешения и создает импульс для формирования перспективного научно-исследовательского инструментария для разработки, операционализации и эмпирической проверки новой критериальной модели аудиодескрипции музейных экспонатов интерактивных экспозиций, которая бы позволила обеспечить полноценное когнитивное и деятельностное включение людей с ограниченными возможностями здоровья по зрению в интеракцию с нелинейными музейными объектами.

Очевидно, что для достижения столь объемной цели необходимо решить целый ряд частных задач, связанных с изучением структуры музейных экспонатов интерактивных выставок; выявлением особенностей восприятия пользователей данного типа аудиодескрипции; разработкой критериальной модели, включающей содержательные, функциональные и технико-эргономические аспекты; тестированием новой модели и интерпретацией

полученных результатов в контексте повышения доступности музейных материалов [5; с. 302].

Теоретико-методологическую основу новой критериальной модели составляют два взаимообуславливающих явления: принцип полисенсорного восприятия и возможность декомпозиции музейного экспоната интерактивной выставки.

Если мы анализируем первую составляющую, необходимо исходить из того, что незрячий или слабовидящий человек последовательно строит ментальные репрезентации на основе данных анализаторов [1]. Из этих данных, тщательно комбинируя тактильные, аудиальные и кинестетические впечатления, незрячий или слабовидящий посетитель формирует целостный образ. Получаемая внешняя вербально выраженная информация призвана выполнить роль своеобразного каркаса для внутреннего строительства. А значит, она должна быть последовательной, логичной, способствующей сборке смыслов.

В свою очередь, сборка смыслов возможна лишь при качественно выполненной ментальной декомпозиции музейного экспоната интерактивной выставки. Очень важно понимать, что в этом случае мы описываем не вещь, но событие взаимодействия, атрибуты которого кардинально отличаются от характеристик статичного объекта [6]. Предмет аудиодескрипции исследуемого типа – это сложная комбинация управляемых элементов (ручек, кнопок, сенсоров); динамической составляющей (процессов, возникающих в результате действий пользователя) и механизмов обратной связи (визуальных, акустических и тактильных эффектов). Именно поэтому классическая аудиодескрипция, с которой мы успешно работаем при описании картин и скульптур, отвечающая на прямой вопрос: «Что это?», в данном случае утрачивает свою эффективность. Для создания аудиодескрипции музейного экспоната интерактивной выставки требуется дискурс, содержащий ответы сразу на несколько вопросов: «Как действовать?», «Что произойдет в ответ?» и «Заем это нужно?». Отвечая на эти вопросы, мы трансформируем модель из дескриптора в функционального медиатора взаимодействия [7; с. 284].

В качестве примера рассмотрим экспонат интерактивной экспозиции музея Кавказского горного общества – альпинистское снаряжение. Исходя из ранее обозначенных подходов, считаем целесообразным при создании аудиодескрипции руководствоваться ключевыми векторами.

1. Ориентация и идентификация: «Вы подошли к стенду «Альпинистское снаряжение». Здесь вы найдете аутентичное снаряжение, которое использовали первые альпинисты. В верхней зоне на уровне плеча Вы найдете тяжелую холодную металлическую конструкцию. Это первые карабины для веревки. Они крупнее современных, размером с ладонь».

2. Управление и ориентация: «Найдите подвижную часть – откидную дужку с пружиной. Нажмите на нее – раздастся четкий, громкий щелчок».

3. Результат и пояснения: «Это звук безопасности, который слышал каждый альпинист при защелкивании карабина. Форма карабина грушевидная, неровная, с четкими следами ручнойковки».

Именно такой подход к описанию позволяет максимально сформировать у посетителя музея с ограниченными возможностями здоровья по зрению целостное представление об исследуемом объекте [8].

В целом предлагаемая критериальная модель аудиодескрипции музейных экспонатов интерактивных выставок структурирована по трем взаимосвязанным уровням, каждый из которых адресует конкретный комплекс проблем доступности.

1. Содержательно-семантический уровень (информативная структура). Очень важно здесь проследить соответствие предлагаемой информации критерию иерархической релевантности. То есть сведения должны предъявляться в порядке, соответствующем построению оперативной ментальной модели: 1) идентификация и целеполагание; 2) макространственный контекст (габариты, расположение в зале, основные зоны); 3) детализация интерфейса (поэлементное описание органов управления с тактильными характеристиками). Еще один важный аспект в этом сегменте, который обязательно нужно проверить, – это соответствие аудиодескрипции критерию структурной дискретности и связности. Текст строится в четкие, завершенные модули с явными переходами: «Концепция» «Устройство» «Алгоритм действий» «Интерпретация результата». Это позволяет пользователю мысленно «закреплять» пройденные этапы, снижая когнитивную нагрузку. Этой же цели служит и критерий сенсорно-ориентированной лексики. Язык должен апеллировать к доступным модальностям. Вместо «красная кнопка» – «кнопка с шероховатой текстурой, расположенная слева».

2. Операционно-деятельностный уровень (организация действий) также содержит маркеры, которые помогают грамотно выстроить структуру аудиодескрипции. Важнейшим критерием здесь является критерий пошаговой алгоритмизации [13]. Описание принимает форму сценария с императивными и пространственно точными указаниями: «Опустите рук на 30 см вниз, в нижнюю левую зону. Здесь Вы найдете альпинистский ботинок начала века. Он очень тяжелый и жесткий. Подошва очень толстая, из многослойной кожи и резины, с едва намеченными шипами. Проведите пальцами от носка к высокому голенищу – вся поверхность покрыта мелкими металлическими заклепками». Критерий обязательной вербализации обратной связи требует, чтобы каждое изме-

нение состояния системы было немедленно озвучено как следствие действия пользователя: «Рядом лежит клубок настоящей пеньковой веревки. Она очень жесткая, колючая и толстая – сравните ее толщину со своим мизинцем. Попробуйте ее перехватить – такая веревка, намкнув, становится тяжелой, как камень». Действенным корректирующим механизмом является и критерий описания нелинейных сценариев. При наличии ветвлений необходимо вербализовать точки выбора [9]: «На этом этапе вы можете выбрать: поднести руку к правому датчику, чтобы увидеть эффект притяжения, или к левому – для эффекта отталкивания». Критерий интеграции тактильной навигации [10; с. 414] заключается в том, что аудиодескрипция должна напрямую координировать тактильное исследование: «Чтобы ощутить разницу температур, удерживайте левую руку на черной поверхности, а правую проведите по зеркальной полосе».

3. Техничко-эргономический уровень (способ передачи информации) также включает в себя ряд критериев: а) критерий канальной независимости и контекстной синхронизации. Носитель (приложение, аудиогид) должен поддерживать ручной или автоматический переход между модулями, обеспечивая смысловую синхронизацию с этапами физического взаимодействия [12; 104]; б) критерий управляемости потока информации подразумевает обязательность пауз и повторов фрагмента, что критично для усвоения последовательных инструкций; в) критерий пространственной привязки заключается в том, что начало аудиодескрипции содержит однозначные указания для локализации экспоната («от входа в зал «Альпинистское снаряжение» пройдите прямо 10 шагов, экспонат будет по левую руку»).

На основе разработанной концепции был проведен эксперимент, в ходе которого изучалась специфика работы с аудиодескрипциями музейных экспонатов интерактивных экспозиций. Одна группа работала с традиционными аудиодескрипциями, другая – с новым, усовершенствованным вариантом, подготовленным в соответствии с разработанной критериальной моделью.

Итоги показали, что участники, использовавшие обновленную версию, демонстрировали существенное улучшение показателей эффективности взаимодействия: сокращение времени принятия первых самостоятельных действий на 65%, уменьшение числа ошибок на 47%. Положительные отзывы участников подчеркнули, насколько важным оказалось введение интерактивных подсказок и пошаговых инструкций, создающих комфортные условия для полноценного участия в процессе.

Разработка и внедрение критериальной модели аудиодескрипции музейного экспоната интерактивной выставки позволяют существенно повысить доступность интерактивных музейных

экспозиций для лиц с нарушениями зрения. Новая модель представляет собой универсальный инструмент, который помогает обеспечить полное вовлечение таких пользователей в изучение интерактивных объектов. Результаты проведенного исследования подтверждают целесообразность дальнейших разработок и широкого распространения предложенных подходов, способствующих укреплению инклюзивных инициатив в культурной сфере.

Литература

1. Аналитический отчет и методические рекомендации по результатам исследования модели пролонгированного взаимодействия музеев с целевой аудиторией инклюзивных программ в рамках проекта «Инклюзивный музей». – М. – 2023. – 26 с.
2. ГОСТ Р 56832–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Шрифт Брайля. Требования и размеры. Braille. Requirements and dimensions. – М.: Стандартинформ, 2016. – 8 с.
3. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2023 году (подготовлен Минкультуры России 5 сентября 2024 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410372028/?ysclid=mkwusle5b442974141>
4. Комлев Ю.Э. Коммуникации в музее: теория и практика: монография / Ю.Э. Комлев. – 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 315 с.
5. Потапова Н.В. Увидеть невидимое: методическое пособие по адаптации музеев для слабовидящих посетителей / Н.В. Потапова. – Музей «Огни Москвы». – Москва: Лингва-Ф, 2021. – 88 с.
6. Психология воспитания детей с нарушением зрения / Л.И. Солнцева, В.З. Денискина, Г.А. Буткина [и др.]; под ред. Л.И. Солнцевой, В.З. Денискиной. – Москва: Налоговый вестник, 2004. – 316 с.
7. Современные технологии и практики адаптации культурной среды и повышения доступности культурных благ для лиц с инвалидностью. – М. – 2024. – 34 с.
8. Щекочихина М. Понимание и реализация инклюзии в российских музеях // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. – 2020. – № 1. – С. 98–123.
9. Hayhoe S. Blind Visitor Experiences at Art Museums. – Rowman & Littlefield Publishers. – 2017. – 234 p.
10. Candlin F. Museum, Modernity and the Class Politics of Touching Objects // The Senses and Society. – 2008. – Vol. 3, № 3. – P. 299–314.
11. Neves J. Multi-sensory approaches to (audio) describing the visual arts // MonTi Special Issue 3. – 2012. – P. 277–293.

12. Perego, E. The Cognitive Effectiveness of Subtitle processing / E Perego, F Del Missier, M Porta, M Mosconi. – Media psychology. – 2010. – 13 (3). – P. 243–272.
13. Shams, L., & Seitz, A.R. Benefits of multisensory learning. // Trends in Cognitive Sciences. – 2008. – 12(11). – P. 411–417.
14. Szarkowska, A. Experimental research in audiovisual translation – Cognition, reception, production / JD. Cintas, A. Szarkowska // The Journal of Specialised Translation. – 2020. – P. 3–16.

DEVELOPMENT AND EMPIRICAL SUBSTANTIATION THE CRITERION MODEL OF AUDIODESCRIPTION FOR INTERACTIVE MUSEUM EXHIBITIONS

Getmanskaya M.Yu., Goncharova E.N.
Pyatigorsk State University

The study focuses on finding a methodological solution to the problem of increasing the accessibility of interactive museum exhibits for people with visual impairments, with the aim of promoting the successful integration of the blind and visually impaired into the socio-cultural environment. The relevance of the study is driven by the clear gap between the growing demand for the development of audio descriptions of interactive museum exhibits and the lack of specialized standards to overcome this barrier, resulting in increased user dissatisfaction. With an annual increase of almost 15%, the degree of user dissatisfaction with audio descriptions is 65%. In this regard, the most significant research objectives are to create, test, and empirically validate a three-level criteria model for audio descriptions of museum exhibits in interactive exhibitions, which can overcome the limitations of classical approaches that focus on simple descriptions of stationary objects. The study used data obtained during the development of interactive exhibits at the Caucasian Mountain Society Museum. The methodological framework included comparative analysis, modeling using structured observation methods, Likert scale surveys, and semi-structured interviews. The results obtained convincingly confirm a statistically significant increase ($p < 0.01$) in the effectiveness of interaction in the experimental group. The proposed criteria model has great theoretical and applied potential in the aspect of studying the audio description of museum exhibits in interactive exhibitions as a special hybrid instructional and interpretive discourse, which allows for the creation of an effective toolkit for transforming the most sought-after but least methodologically equipped segment of inclusive practice.

Keywords: audiodescription, interactive exhibition, inclusive museum, criterion model, accessibility, blind and visually impaired visitors, UX testing, museum pedagogy.

References

1. Analytical report and methodological recommendations based on the results of a study of the model of prolonged interaction between museums and the target audience of inclusive programs within the framework of the Inclusive Museum project. – М. – 2023. – 26 p.
2. ГОСТ Р 56832–2015. National Standard. Russian Federation. Braille. Requirements and dimensions. – М.: StandardInform, 2016. – 8 p.
3. State Report on the State of Culture in the Russian Federation in 2023 (prepared by the Ministry of Culture of the Russian Federation on September 5, 2024) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410372028/?ysclid=mkwusle5b442974141>
4. Komlev Yu.E. Communication in the Museum: Theory and Practice: monography / Yu.E. Komlev. – 2 edition. – М.: Urait, 2023. – 315 p.

5. Potapova N.V. To see the invisible: a methodological guide for the adaptation of museums for visually impaired visitors / N.V. Potapova. – The Lights of Moscow Museum. Moscow: Lingua-F, 2021. 88 p.
6. Psychology of Raising Children with Visual Impairments / L.I. Solntseva, V.Z. Deniskina, G.A. Butkina [et al.]; edited by L.I. Solntseva and V.Z. Deniskina. – Moscow: Tax Bulletin, 2004. – 316 p.
7. Modern technologies and practices for adapting the cultural environment and increasing the accessibility of cultural benefits for people with disabilities. – Moscow, 2024. – 34 p.
8. Shchekochikhina M. Understanding and Implementing Inclusion in Russian Museums // The Garage Journal: Research in the Field of Art, Museums, and Culture. – 2020. – 1. – P. 98–123.
9. Hayhoe S. Blind Visitor Experiences at Art Museums. – Rowman & Littlefield Publishers. – 2017. – 234 p.
10. Candlin F. Museum, Modernity and the Class Politics of Touching Objects // The Senses and Society. – 2008. – Vol. 3, № 3. – P. 299–314.
11. Neves J. Multi-sensory approaches to (audio) describing the visual arts // MonTi Special Issue 3. – 2012. – P. 277–293.
12. Perego, E. The Cognitive Effectiveness of Subtitle processing /E Perego, F Del Missier, M Porta, M Mosconi. – Media psychology. – 2010. – 13 (3). – P. 243–272.
13. Shams, L., & Seitz, A.R. Benefits of multisensory learning. // Trends in Cognitive Sciences. – 2008. – 12(11). – P. 411–417.
14. Szarkowska, A. Experimental research in audiovisual translation – Cognition, reception, production / JD. Cintas, A. Szarkowska // The Journal of Specialised Translation. – 2020. – P. 3–16.

Патриотизм в спорте: общественные последствия

Корелин Михаил Николаевич,

преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД

E-mail: korelinmn@mail.ru

В статье рассматриваются особенности роли и места патриотизма в структуре спортивных соревнований. Выделяются ценностные основания занятий спортом, роль патриотического символического контекста в формировании спортивных достижений. Выделяется символическая типология спортсменов, а также тех, кто не занимается спортом, но является болельщиком и зрителем спортивных соревнований.

Ключевые слова: патриотизм, спортивные достижения, спорт, фанаты спортивные

Спортивные соревнования – яркое представление. Все участники спортивных соревнований находятся в едином поле социально-ценностного моделирования. Патриотические символы и знаки могут формировать особую настрой и тесное взаимодействие с игроками или командой победителем или проигравшим – напрямую будет ассоциироваться с успехом или проигрышем страны.

Патриотические приоритеты и ориентиры формируются в зависимости от идеологической работы государства и имеют формальные символы, которые закрепляются государственной символикой спортивных соревнований (в виде флага страны, герба, гимна; символов государства в одежде и атрибутах спортсменов (значки, стаканчики, ручки, бейсболки и т.д.). Но они всегда опираются на социокультурные традиции и образы народов, проживающих на территории страны. Они являются дополнительным элементом социальной идентичности как спортсменов, так и зрителей, а также одним из направлений формирования процессов социальной солидарности. Поддержка команды, символика, ритуалы, социальная активность болельщиков и спортивных активистов создает пропатриотический настрой.

Можно выделить несколько видов патриотизма на спортивных соревнованиях.

Инструментальный патриотизм – прагматичный, строгий, рациональный. Он опирается на существующие социокультурные коды, опираясь на национальную идентичность для получения максимальной выгоды (спонсорские контракты, коммерческие предложения для команды не связанные со спортивными соревнованиями, а связанные с рекламой спортивных услуг, спортивного питания и проч. Возможно глобальное позиционирование команды (бренд страны может влиять на спортивную команду и наоборот, туризм и другие маркетинговые ходы могут быть связаны со спортивными соревнованиями). Мотивация связана с выгодой на любом уровне взаимодействия.

Социальный патриотизм – иррациональный, строится на чувстве единения, общности (спортсменов и болельщиков, спортсменов и зрителей). Это подкрепляется через совместные песни, речевки, ритуалы, флешмобы, события и проч. Мотивация связана с желанием победить, безусловной поддержкой, опирающейся на чувство «мы – лучшие», «мы – сила» и т.д. При этом активизируются мотивы честной игры, открытого соперничества, победы сильнейшего. Достаточно сильно активизирует эмоциональное включение. Поддержива-

ются крепкие связи внутри сообщества, как формальные, так и не формальные.

Государственный патриотизм – отражается во флаге, гербе, гимне, национальных цветах на соревнованиях. Это то, что делает команду или спортсмена узнаваемым и вызывает базовый эмоциональный отклик. Мотивация строится на воспитании и готовности служить отечеству (личные убеждения которые облакаются в служение государству через участие в спорте и спортивных состязаниях).

В литературе вопросы спорта и патриотических установок всех участников соревнований рассматривались П.А. Баевым [7, 8], просоциальная активность на спортивных мероприятиях О.П. Полюшкевич [18], Р.В. Иванов [19, 20], социально-активные роли спортсменов и спортивные достижения как социально значимые факторы изучались М.Н. Корелиным [3, 15]; О.В. Муниной [16]; А.Э. Муталимовым [17]; О.А. Рогановым, П.Г. Воронцовым, Л.Г. Шебалиной, В.А. Эртель [21]; Т.Б. Чернянской и С.Д. Антонюк [26]; Е.А. Шмелевой, Т.В. Киселевой, А.А. Михайловым и Д.С. Рожковым [27]. Исследования, направленные на социальные и личные мотивы спортивных достижениях Р.Г. Ардашева [1, 2], В.Н. Турковой [4–6].

Представленные ниже работы сильно влияют на патриотические установки всех участников спортивных соревнований, а также происходит изменения на философски-мировоззренческом уровне. Идеи культурвитализма отражены в исследованиях С.И. Григорьева [9]; Г.В. Говорухина, Л.Г. Гусляковой, С.И. Григорьева и Л.Н. Цветкова [10–13]; А.В. Ковалевой и А.С. Выдриной [14]. Спорт как социокультурное явление рассматривается в работе М.Ю. Федоровской [22, 23]; философия спорта анализируется в исследовании Ю.А. Фомина [24]; вопросы здорового образа жизни в многополярном мире как показателя национальной безопасности рассмотрены в работе О.М. Хохловой, А.В. Катунцевой и Л.Ю. Дмитриевой [25] и других.

Особенности исследования

Для изучения роли патриотизма в структуре спортивных достижений мы провели опрос (n = 600) молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся в разных вузах Иркутска и Красноярска, 55% девушек и 45% юношей.

Среди опрошенных было 50% (300 человек) занятых в различных спортивных секциях, в которых они занимались с детства. Большая часть (84%) имеет значимые достижения в спортивной деятельности (победы на Всероссийских и Международных соревнованиях, звание кандидата или мастера спорта). Остальные 50% не занимаются спортивной деятельностью, но являются спортивными

болельщиками, фанатами или просто зрителями спортивных соревнований.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Респонденты отмечают, что количество спортивных клубов существенно влияет на готовность заниматься спортом и вместе с тем развивать патриотические настроения в разных социальных группах. Хотя минусом этого является то, что существенная часть является коммерческой и для определенных социальных групп – это ограничение в занятиях спортом, что в последующем не способствует становлению патриотов. Но при этом, данный факт не является критичным, так как и бесплатные клубы имеются и при достаточной мотивации могут создать условия для реализации спортивных достижений.

Занятия спортом, помимо физической подготовки тела, формируют волевые качества личности, которые потом раскрываются через гражданственность (16%), социальную ответственность (22%), нравственность (20%), патриотизм (28%), целеустремленность (14%). Поэтому, результатом спортивно-патриотического воспитания является патриотизм.

Отвечая на открытый вопрос о том, что такое «патриотизм в спорте», респонденты говорили о разных смыслах, но все они сводились к служению Родине через твои спортивные достижения. Например: «Патриотизм в спорте – это духовный принцип развития социальной ответственности перед собой, обществом и страной», «Патриотизм в спорте – это проверка не только физической подготовки тела, но и подготовки духа к готовности реализовываться по максимуму для страны и ее граждан», «Патриотизм в спорте – это быть примером для других, быть первым среди равных и быть достойным лучших спортсменов прошлого, перенимая эту эстафету для будущих поколений».

Мы можем утверждать, что патриотизм в спорте – это одно из базовых качеств, помогающих спортсменам, и всем кто вовлечен в спортивные состязания, проявлять качества гражданина. Это активная созидательная деятельность через выполнение своих спортивных обязанностей, направленная на благо государства. Респонденты указывали на то, что это качество подкрепляется социальной средой (профессиональное окружение также разделяет эти состояния) – 41%; внешними стимулами (вниманием СМИ, положительной оценкой медийного поля их спортивных достижений, направленной на социальную престижность, ценность и значимость того, что они делают в спорте) – 35%; внутренними ориентирами (личными убеждениями, что я думаю, чувствую и действую правильно) – 24%. Иными словами, важно соединение как личностных установок, представ-

лений и ценностей и социального отклика, чтобы эти личные убеждения находили поддержку извне.

Патриотизм в спорте раскрывается через: уважение к Отечеству (24%), народу и культуре (22%), знании спортивных традиций (22%), спортивной преемственности поколений спортсменов или спортивных школ (20%), соблюдении ценностно-этических норм, выражающихся в готовности служить отечеству, соблюдать его интересы на спортивных соревнованиях (12%). Полагаем, это то, что составляет идеологическую основу патриотизма в спорте, его фундаментальную опору.

Большая часть опрошенных говорит о том, что патриотизм в спорте – это не цель, а процесс, это механизм воспитания (88%). Это осознанные действия, направленные на мотивацию и ценностно-смысловые контексты, начиная с тренировок детей и молодежи, заканчивая серьезными спортсменами. На современном этапе общественного развития это требует новых форм и техник реализации, так как изменяется социально-техническое пространство, государственные интересы, социокультурные особенности, но патриотизм в спорте может стать связующим элементом для развития социальной идентичности и солидарности всех граждан. Поэтому, этот аспект имеет принципиальное значение для конструирования социального поля новых патриотических смыслов в спорте.

Мы попытались проследить когнитивный уровень (знания) оценки патриотизма в спорте, аффективный (эмоциональный) и поведенческий (реальные действия на благо страны в спорте или околоспортивной тематике).

Когнитивный уровень более развит у старших спортсменов, возможно, некоторые уже занимаются тренерской деятельностью – они опираются на гуманистические ценности и спортивную культуру, сформированную в том или ином виде спорта, определенной спортивной школе, имеющей свою традицию и историю, они продолжают передавать то, что получили сами когда-то – обучаясь тут же. На данном уровне активизируются знания о спортивных достижениях страны, региона; лучшие исторические и культурные традиции в подготовке спортсменов, в том числе через патриотическую риторику, так как история любого спортивного движения или спортивной школы связана с историей страны. Когнитивный уровень развит у спортсменов на 65% и у тех, кто не занимается спортом на 36%.

Аффективный уровень связан на низшем уровне с популярной установкой: «в здоровом теле – здоровый дух», на более высоком уровне: «спортсмены – это лицо и тело страны, успехи в спорте = успехам в политике». На эмоциональном уровне активно развивается идея о развитии спортивных качеств и навыков, способных привести к спортивным достижениям, которые являются достижениями страны на мировом уровне. Для болельщиков

это выражается в эмоциональной поддержке своих игроков, команд и в целом спортсменов. На данном уровне активизируется аксиологическое начало – ценностное отношение к Родине, к тому или иному виду спорта, к здоровью и т.д. Аффективный уровень развит у спортсменов на 75%, у тех, кто не занимается спортом на 54%.

На поведенческом уровне – реальные спортивные достижения, которые совершаются не только для личных амбиций, но для социального статуса страны. Как доказательства «мужества», «чести спортсмена», «чести команды», «силы» гражданина страны, а вместе с тем и самой страны. Это наиболее точная консолидация патриотизма и физического воспитания (через мотивацию, ценности и рефлексy создать установку на служение государству). Это мировоззренческие ориентиры, которые опираются на мотивационные и содержательные аспекты спортивного воспитания. На данном уровне активизируется деятельностный уровень – социальная активность, занятия спортом как социальная ценность, занятия спортом как государственно значимая деятельность. Поведенческий уровень развит у спортсменов на 44%, у тех, кто не занимается спортом – 18%.

Распределение ответов шло не по 100-бальной системе, так как учитывались качественные показатели и оценки респондентов, но различия между теми, кто занят спортом и являются наблюдателем – очевидны. Но это лишь служит дополнительным стимулом к развитию спортивно-патриотической риторики и реальной деятельности всех заинтересованных сторон.

Для того, чтобы общественные последствия развития патриотизма в спорте стали позитивными, необходимо активно развивать спортивно-патриотическое воспитание. Это активная работа по формированию физически и духовно развитого гражданина-патриота, имеющего патриотическое сознание, упорство, выносливость, целеустремленность, добросовестность, честность, ответственность, коллективизм, готовность к выполнению своего социального долга.

Таким образом, патриотизм в спорте имеет множество социальных последствий как для спортсменов (усиливая их профессиональную состоятельную реализацию), так и для зрителей и болельщиков (сплачивая их воедино, укрепляя через эмоциональные связи).

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные установки на спортивные достижения и профессиональную реализацию среди молодых работников силовых структур // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 28.
2. Ардашев Р.Г. Условия развития спортивных достижений студентов правовых вузов // Те-

- ория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 104.
3. Ардашев Р. Г., Корелин М.Н. Патриотизм среди студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
 4. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.
 5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
 6. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
 7. Баев П.А. Мотивы участия студентов в волонтерской работе на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 9. С. 69.
 8. Баев П.А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
 9. Говорухина Г. В., Гусякова Л.Г., Григорьев С.И., Цветков Л. . Культурвитализм как методологическая основа исследования духовно-нравственной составляющей качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 41–47.
 10. Григорьев С.И. Культурвитализм – концептуальная основа развития евразийской идеологии: парадигмальные основания эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения // ЦИТИСЭ. 2019. № 3 (20). С. 16.
 11. Григорьев С. И., Гусякова Л.Г., Говорухина Г.В. Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 76–85.
 12. Григорьев С. И., Даровских О.В., Гришина А.С. Культурвитализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственноэкономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1 (199). С. 39–46.
 13. Григорьев С. И., Миронова С.В. Культурвитализм социологии жизненных сил человека и общества – основа осмысления СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА ФАНТОМОВ СОВРЕМЕННОЙ России // Философские дескрипты. 2016. № 15. С. 1.
 14. Ковалева А. В., Выдрина А.С. Культурвитализм как методологическая основа социологического анализа социальной рекламы // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2 (54). С. 111–114.
 15. Корелин М.Н. Патриотизм и спортивная деятельность: оценки молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 37–41.
 16. Мунина О.В. Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
 17. Муталимов А.Э. Спорт как средство эстетического и патриотического воспитания молодежи // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 68–73.
 18. Полюшкевич О.А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
 19. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
 20. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
 21. Роганов О. А., Воронцов П. Г, Шебалина Л.Г., Эртель В.А. Патриотизм и развитие волевых качеств молодежи в спортивно-оздоровительной деятельности вуза // Философия образования. 2016. № 6 (69). С. 151–161.
 22. Федоровская М.Ю. Ретроспективный анализ спорта как социокультурного феномена // Социально-политические науки. 2020. № 1. С. 137–142.
 23. Федоровская М.Ю. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции // Социодинамика. 2019. № 5. С. 1–14.
 24. Фомин Ю.А. Методологические основы теории спорта или философия спорта? // Теория и практика физической культуры. 2011. № 12. С. 94–98.
 25. Хохлова О. М., Катунцева А.В., Дмитриева Л.Ю. Здоровый образ жизни в многополярном мире как показатель национальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 31.
 26. Черняновская Т. Б., Антонюк С.Д. Массовый спорт как инструмент патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 7–8 (159–160). С. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174>

org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63

27. Шмелева Е. А., Киселева Т.В., Михайлов А.А., Рожков Д.С. Военно-патриотическая подготовка учащейся молодежи на базе вузовского центра «Авангард»: базовые стратегии поведения // Научный поиск: личность, образование, культура. 2025. № 3. С. 2–9. <https://doi.org/10.54348/SciS.2025.3.1>

PATRIOTISM IN SPORTS: SOCIAL CONSEQUENCES

Korelin M.N.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs

This article examines the role and place of patriotism in the structure of sports competitions. It highlights the value foundations of sports participation and the role of the patriotic symbolic context in shaping athletic achievement. A symbolic typology of athletes is identified, as well as those who do not participate in sports but are fans and spectators of sports competitions.

Keywords: patriotism, athletic achievements, sports, sports fans.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious attitudes towards sports achievements and professional development among young employees of law enforcement agencies // Theory and practice of physical education. 2021. № 3. P. 28.
2. Ardashev R.G. Conditions for the development of sports achievements of students of law universities // Theory and practice of physical education. 2022.
3. Ardashev R. G., Korelin M.N. Patriotism among student-athletes // Theory and practice of physical education. 2025. № 10.
4. Ardashev R.G., Turkova V.N. Features of unconscious strategies for students' sports achievements // Theory and practice of physical education. 2022. № 9. P. 38.
5. Ardashev R.G., Turkova V.N. Athletes' attitudes towards violation of moral and legal norms at sports competitions in the aspect of sociological analysis // Theory and practice of physical education. 2023. № 7. P. 65.
6. Ardashev R.G., Turkova V.N. Sports achievements of students in the structure of social success // Theory and practice of physical education. 2022. № 12. P. 90.
7. Baev P.A. Motives for students' participation in volunteer work at sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. № 9. P. 69.
8. Baev P.A. Sports and patriotism of youth // Theory and practice of physical education. 2025. № 2. P. 30.
9. Govorukhina G. V., Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Tsvetkov L.N. Cultural vitalism as a methodological basis for studying the spiritual and moral component of the quality of life // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2016. № 2 (200). P. 41–47.
10. Grigoriev S.I. Cultural vitalism is a conceptual basis for the development of the Eurasian ideology: paradigmatic foundations of management efficiency and the optimal combination of the standard and quality of life of the population // CITISE. 2019. № 3 (20). P. 16.
11. Grigoriev S.I., Guslyakova L.G., Govorukhina G.V. Cultural vitalism is a conceptual basis for assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the standard and quality of life of the population of Siberia // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2018. № 4 (210). P. 76–85.
12. Grigoriev S.I., Darovskikh O.V., Grishina A.S. Cultural vitalism and vitalist sociology are a conceptual basis for the analysis of modern national-cultural, industrial-economic and socio-territorial differentiation of the population of the regions of Russia // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2016. № 1 (199). P. 39–46.
13. Grigoriev S.I., Mironova S.V. Cultural vitalism of the sociology of the vital forces of man and society – the basis for understanding the SOCIAL QUALITY of PHANTOMS of MODERN Russia // Philosophical descriptors. 2016. № 15. P. 1.
14. Kovaleva A.V., Vydrina A.S. Cultural vitalism as a methodological basis for the sociological analysis of social advertising // Bulletin of the Altai State University. 2007. № 2 (54). P. 111–114.
15. Korelin M.N. Patriotism and sports activity: assessments of young people // Sociology. 2025. № 8. P. 37–41.
16. Munina O.V. The role of physical culture and sports in the system of patriotic education of youth and the mechanism of formation of civil identity of the individual // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2020. Vol. 20, issue. 2. P. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
17. Mutalimov A.E. Sport as a means of aesthetic and patriotic education of youth // Regional problems of economic transformation. 2019. № 1. P. 68–73.
18. Polyushkevich O.A. Patriotism and sports in the prosocial activity of young people // Theory and practice of physical education. 2025. № 10.
19. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial activity as social capital of volunteers in sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. № 7. P. 92.
20. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // Theory and practice of physical education. 2023. № 2. P. 50.
21. Roganov O. A., Vorontsov P.G., Shebalina L.G., Ertel V.A. Patriotism and development of volitional qualities of youth in sports and health activities of the university // Philosophy of education. 2016. № 6 (69). P. 151–161.
22. Fedorovskaya M. Yu. Retrospective analysis of sports as a socio-cultural phenomenon // Social and political sciences. 2020. № 1. P. 137–142.
23. Fedorovskaya M. Yu. Sports as a socio-cultural phenomenon of our time and its leading functions // Sociodynamics. 2019. № 5. P. 1–14.
24. Fomin Yu.A. Methodological foundations of the theory of sports or the philosophy of sports? // Theory and practice of physical education. 2011. № 12. P. 94–98.
25. Khokhlova O.M., Katuntseva A.V., Dmitrieva L. Yu. Healthy lifestyle in a multipolar world as an indicator of national security // Theory and practice of physical education. 2025. № 8. P. 31.
26. Chernyanovskaya T. B., Antonyuk S.D. Mass sports as a tool for patriotic education of student youth // Vestn. Tambov. University. Series: Humanities. 2016. Vol. 21, issue. 7–8 (159–160). P. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63>
27. Shmeleva E. A., Kiseleva T.V., Mikhailov A.A., Rozhkov D.S. Military-patriotic training of student youth on the basis of the Avangard University Center: basic behavior strategies // Scientific search: personality, education, culture. 2025. № 3. pp. 2–9. <https://doi.org/10.54348/SciS.2025.3.1>

Перекрёсток и перепутье на дорогах жизни

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Город невозможно представить без улицы, а городские улицы – без перекрёстков. Здесь пересекаются очереди из людей и очереди из машин. В метафорическом смысле перекрёсток означает пересечение дорог и линий жизни, место, где приходится раздумывать над дальнейшим и выбирать важное решение. Таким образом, перекрёсток – начало пути. В хрониках городских ДТП перекрёсток, к сожалению, становится ещё и концом пути. Вот почему он стал важным объектом изучения для социологии. Так что такое перекрёсток в отличие, скажем, от перехода или распутья? Это разное, одинаковое, близко похожее? Узнать ответ, значит посмотреть контекст, в каком люди употребляют эти слова.

Ключевые слова: перекрёсток, перепутье, распутица, выбор, город, улицы, пешеходы.

Перекрёсток – место встречи четырёх уличных углов. Углы домов на перекрёстке не встречаются. Место их встречи – подворотня или проулок. Пересечение улиц выполняет функцию дорожной развязки, регулирую потоки городских мобильных – потоки гужевого, общественного, грузового и частного транспорта.

Перекрёсток – это распутье, а оно – точка выбора: налево пойдёшь – коня потеряешь и т.д. В русских сказках и былинах часто говорится о надписи на перекрёстке трёх дорог, что случится с богатырём, если он поедет в ту или другую сторону. Светофор на перекрёстке накапливает психологические ожидания водителей. Оно разное: для стоящих в правом углу оно радостное – наконец-то я сверну на свой маршрут; для едущих прямо – утомительное (ещё одна остановка на длинном пути).

Скращения дорог – не только место выбора жизненного пути, но и точка выбора между жизнью и смертью, что в переполненном мегаполисе случается нередко. Перекрёсток – место, где ты испытываешь сомнение: по какой дороге пойти? Раньше у перекрёстков разбойники чаще всего устраивают засады, ведь народу здесь больше всего.

Перекрёсток напоминают дверь или ворота, а светофор – замок на них. Замок открыли – движение началось, закрыли – все замерли. Это регулировщик перемещений, роль которого может выполнять полицейский, круговой маршрут в центре, дорожные указатели, дорожная разметка или светофор. Поэтому с самых древних времен было принято ставить на дорожных перекрёстках обелиск, алтарь, герма, колонна, часовенка, столб, просто камень.

Перекрёсток – самое многолюдное место. Городская площадь – это тоже перекрёсток разных улиц, по которым передвигаются пешеходы, а не автомобили. Перекрёсток – место собрания, общения, обмена мнениями и товарами, новостями и знаниями. Глашатай для своих объявлений спешит именно на перекрёсток. Кофейный столик или сама кофейня являются социальным и культурным перекрёстком, где встречаются знакомые и незнакомые, мужчины и женщины, люди с разной судьбой и разными взглядами. Им есть о чем поговорить или о чем помолчать. Иногда после встречи их статус или судьба может измениться.

Как правило, на перекрёстке встречаются не празднующиеся горожане, а спешащие по делам, купцы, торговцы, водители, менеджеры,

курьеры, пожарные, санитары и т.п. Это крупный деловой центр города, место не только расхождения, но и схождения разных путей. Одновременно скрещение дорог – локус событийности, временной остановки в пути, элемент фрагментарности и разрыва непрерывного континуума передвижения. Сами города возникали на перекрёстке дорог – торговых, речных, морских, железнодорожных. А самый первый в истории перекрёсток – это символ четырёх первоэлементов: огонь, воздух, вода и земля, из которых состоит все сущее (рис. 1).

Рис. 1. Самый первый перекресток

Почему переход и перекрёсток могут служить визуальной метафорой нашей жизни? Во-первых, переход, как и наша жизнь, полосатый: чёрная полоса неудач следует за светлой полосой удач. Жизнь полосатая как асфальтовая зебра. То ли зебра, то ли морская тельняшка посреди дороги лежит. Может сушится? Во-вторых, у жизни, как и у перехода, два противоположных берега – рождения и смерти. В-третьих, если у твоего жизненного движения вектор направлен прямо, то обязательно кто-то движется в противоположном направлении.

Так и с нашими взглядами – у всех разных вектор. Главное не сталкиваться и не спорить. По дороге к противоположному берегу тебя может сбить как-нибудь форс-мажор на дорогой иномарке, который вечно стремится без очереди. Поскольку вы – всего лишь пешеход, а не пассажир в его машине, то суд вы точно проиграете. Вообще, шансы добраться живым до конца перекрёстка уменьшаются по мере увеличения пройденного расстояния и вашего возраста. В случае чего вам могут и не прийти на помощь, поскольку прохожие или спешат по делам, или торопятся покинуть опасную зону.

Если у другого те же самые альтернативы – пойти прямо, свернуть налево или направо, а то и вообще повернуть назад, значит перекрёсток не у вас в голове, а на местности. Тогда он объективен. Та-

ких ситуаций на самом деле великое множество, например, по какому пути пойти сейчас нашей стране. Их что очень много? Да нет, продаться западу или трудно пробираться к независимости. Обстановка и объективное положение дел не даёт много вариантов. Обстановка может возбудить твою или его фантазию, но это лишь фантазии, а трезво мыслящие люди исходят из немногих и очень похожих, если не сказать одинаковых вариантов. Выбор определяет политическая воля руководства. Вот и все, вот и перекрёсток.

На перекрёстке нельзя стоять в нерешительности и «чесать репу» – надо действовать смело и решительно, иначе вас переедет транспортом, машиной или трамваем. Перекрёсток кто-то создал, другой, но не вы. Он объективен и вам предзадан. Не задан вами, как на распутье, а предзадан вам другими.

Проезжая зона – вот ещё одна метафора для нашей жизни. Дорожные знаки висят повсюду и о чем-то нас предупреждают. Но мы всегда их нарушаем. Почему? Потому что человек по природе девиант, любящий нарушать социальные правила и культурные условности. Сколько раз водители и пешеходы нарушали правила движения, выражая через это отношение к чужой и своей собственной жизни. То есть им на все наплевать. А сколько раз их штрафовали или наказывали? Вот именно. Потому и продолжают нарушать, оглядываясь только на рядом идущих или рядом едущих (рис. 2).

Рис. 2. Переход – фрагмент уличного перекрёстка – места сходимости городских дорог

Всех интересует только встречный поток или конкуренты на неширокой полосе пешеходного мостика по потоку жизни. А ещё людей интересует красный свет светофора – одних, чтобы остановиться, других, чтобы побыстрее проскочить. Иногда переход никак не обозначен и его здесь не должно быть, но люди сами прокладывают себе путь на противоположный берег. И путь этот оказывается очень коротким. Собственно говоря, на что обижаться. Ведь они и хотели сократить себе путь, торопясь, например, к отъезжающему автобусу. К автобусу, а не к катафалку. Часто мы путаем два вида транспорта.

Иногда самыми опасными людьми на переходе становятся не пешеходы, а те, кто размечает знаки и устанавливает правила. Те, кто устанавливает правила движения и следит за их соблюдением, называется правительством. Само оно придуманными правилами не пользуется, ибо их возят на специальных машинах – «членовозах», построенных для членов правительства.

Сотрудник ДПС стоит иногда возле перехода не потому, что боится за жизнь пешеходов, а потому что боится своего начальства и потери премий. Среди разновидностей перехода – наземного, подземного и воздушного – самый безопасный второй. Под землёй человеку всегда спокойней. Пешеходный переход – место встречи двух классов, форма классовой борьбы.

Перекрёсток и перепутье/распутье – близнецы-братья. Но судьба у них разная. Перекрёсток рождён и всю жизнь свою живёт в городе. Перепутье рождён вне городских стен и существует только там. Чаще всего перепутья нет там, где постоянно живут люди. Это символ выбора – рыцарь на распутье у камня с вариантами дороги и последствий представляет собой популярнейший персонаж карикатур и интернет-мемов. Впрочем, не только рыцарь.

Непролазное/непроходное перепутье превращается в распутицу – место без пути-дороги. Распутица перепутала пути, а распутье, т.е. перекрёсток, их распутало, развязало узел и привело все в порядок. Перекрёсток – форпост дорожного и социального порядка. Жёсткие дорожные правила регулируют неуправляемые потоки человеческой стихии. На дороге каждый участник преследует только свои цели и интересы, борется за собственную выгоду и готов ею поделиться, если это не принесёт ему вреда. Правила движения и их соблюдение воспитывают у горожан культуру движения. Перекрёсток – квинтэссенция культуры, ее движущий механизм и приводной ремень (рис. 3).

Переходя через дорогу, смотрите не на светофор, а на машины, светофоры ещё никого не сбивали.

Рис. 3. Светофор на перекрестке главный

Перекрёсток регулирует очередность перемещения машин. Следовательно, он является местом формирования очередей, которые в крайних случаях образуют пробки. Светофор – скрытая причина образования пробок. Но в отличие от стихийных, это регулируемые пробки, которые, упорядочивая общее движение, «вышибают» первые, действуют как контр-пробковый механизм.

В русском языке от слова «распутье» образовано слово, означающее отклонение от «правильного» пути, – «распутство». Сбившийся с правильного пути – это человек, не почитающий старших, не уважающий социальные нормы и законы своей страны. Таких людей называют девиантами, делинквентами, правонарушителями, преступниками.

Женщина на распутье – ещё не распутница, но уже в пути. Пока ты на распутье, тебя гложут сомнения. Но когда ты выбрал и вступил на путь распутства, ты потерял контакт с нравственными нормами. Никакие нормы тебя не ограничивают, как в распутье машину не держит размытая колея. Распутство, разврат – отсутствие скромности и стыдливости, испорченность нравов, низкий моральный уровень поведения.

Сбиться с правильного пути может и машина, которая решила, ни с того, ни с сего, развернуться посередине дороги или пересечь двойную сплошную, не уступить дорогу, «подрезать» соседа, нередко с человеческими жертвами. Все это проявления распутства.

Распутье – 1) название образа жизни гулящей женщины, 2) когнитивная ситуация человека вечно во всем сомневающегося, 3) обычная ситуация задумавшегося перед принятием ответственного решения руководителя, перед которым вер альтернатив, 4) мозговой штурм за «круглым столом», 5) перед выбором – в магазине, перед свадьбой, на выборах. Распутица – непроходимая дорога. Распутица – это когда вообще никаких вариантов и ты жалеешь, что вляпался в неё. Безвыходная ситуация. Распутье – это когда несколько вариантов, а тебе нужен один.

Распутье – это когда из одной точки в разные стороны идут дороги, т.е. «расходица», «раздорожица», разнонаправленность. Обязательно должна быть точка исхода или старта для разных дорог или вариантов решения проблемы. Разные дороги из одной точки, в которой вы находитесь и «чешите репу», суть всегда альтернативы. Иначе не было бы распутицы. Она – начало пути по одной из дорог, некий горизонт событий. Вы смотрите на горизонт, перед вами огромное море возможностей и вы не знаете, на что решиться. А потому стоите в нерешительности.

Исторически распутица – наша лучшая попутчица, для врага непролазная грязь, естественный редут защиты, надежда и опора солдат (хотя и нашим солдатам она не брат). Ее сестра – зима,

врагов сводит с ума, что Наполеона, что Гитлера. В эпоху оттепели и парниковых эффектов зима отступает, зато грязь наступает. Однако в феврале 1917 г. в России наступили сильные холода, начались перебои в снабжении столицы хлебом, что привело к забастовкам рабочих Путиловского и других заводов (всего 400 тыс. человек), подхваченных революционерами.

Перекрёсток – регулируемое кем-то или чем-то место пересечения разнонаправленных потоков. Регулировщик руководствуется теми же правилами, что и движущиеся по дорогам. Он им просто напоминает о правилах и помогает их соблюдать. Поскольку на перекрёстке встречаются автомобили – очень опасное изобретение человека, постольку там особенно важно соблюдать правила и ставить супервайзера. А на распутии никто не толпится. Там стоит один человек, а толпятся его мысли в голове. Функцию регулировщика выполняют надписи на камне, указатели дорожных правил или реклама.

Перекрёсток – крест из четырёх дорог для кого-то превращается в надгробный крест. Крест-распятие – символ наказания и искупления, победы Христа над адом и смертью, наименование крестного подвига Спасителя. Кресты и перекрёстки занимают одно из центральных мест в символике Ф. Достоевского. Перекрёсток не символизирует начало и конец пути. Это не тупик, а середина пути, открывающая новые возможности изменить прежний маршрут, изменить старые привычки, свернуть на правильный путь. Город не может существовать без перекрёстков, как железная дорога без станций и перевалочных пунктов.

Городской перекрёсток – символ правопорядка и социального контроля. Социального, а не физического потому, что он управляет водителями, а не автомобилями. Перекрёсток имеет чёткие план, разметка, светофоры, указатели, устанавливает правила движения, нормы поведения («как положено делать»). Перекрёсток – это распределительный узел, направляющий и перенаправляющий потоки машин таким образом, чтобы они смогли удовлетворить свои интересы, не нарушая чужие потребности.

Как и перепутье (распутье), перекрёсток суть место выбора, но другого, а именно рационального выбора: решение принимается «по инструкции», с оглядкой на других. Это как бы не совсем выбор, не такой, как у подростка, выбирающего профессию из моря возможностей. Здесь рамочный выбор – «от сих и до сих».

Напротив, перепутье за городом – пространство неопределённости: нет чётких знаков, карта не всегда может помочь. Подсказать дорогу никто не может – вокруг природная стихия. Распутица – неупорядоченная мешанина дорог, путей, маршрутов, колеи. До такой степени мешанина, что са-

мо понятие дороги или колеи исчезает. Распутица – это уничтожение дорог и путей, их стирание, нивелирование. Распутица – это не место встречи и никак уж не регулируемое пространство, а скорее беспутица.

Перекрёсток – стержень нормативно-правовой системы общества. Распутица – полная противоположность. Это сфера девиантности, сумятицы, беспорядка и бардака. Распутица – это когда дороги разбиты, т.е. потерпели поражение, пришли в негодность, на них выбоины, ямы, отсутствие колеи, т.е. нормативного порядка и ухоженности. Отсюда – разбитная или развратная женщина, гулящие люди, непутёвые индивидуумы.

Перекрёсток знаменует одновременно начало и конец нескольких дорог, встретившихся в одной точке пространства. Перекрёсток – разграфлённое пространство. Вместе с тем он служит простейшей формой координатной системы. Стоит на встретившиеся пути нанести меры, линейную шкалу, как перекрёсток превратится в декартову систему координат.

Следовательно, перекрёсток – прообраз либо форма структуры (системы). А вот представляет ли собой распутица прообраз подвижной и мало упорядоченной системы (но не структуры), это большой вопрос.

Распутица – это заезженность дорог, их стёртость, разбитость. Дороги пришли в негодность, их размыло дождями, над ними властвует природа и непогода потому, что человек перестал за ними ухаживать и поддерживать в надлежащем состоянии. Заезженность сюжета сюда вполне подходит. Сюжет как перекрёсток и система координат, направляющий и управляющий замысел повествования. Повествование – путь, дорога, по которой идут персонажи, события и действия. Заезженность как бывалость, непроходимость дороги. Распутица – настолько разбитая передвижением по ней машин и людей, что исчезла сама дорога. Распутица – отрицание дороги, а стало быть и перекрёстка.

Следовательно, распутица – беспорядочность, неухоженность, исхоженность, заброшенность, отчуждённость, сиротство, а также бестолковость, непредсказуемость, хаотичность, запутанность, запущенность, неприхотливость, бардак, беспорядок, бесконтрольность, неустроенность, мятежность, беспутность, неупорядоченность, разжиженность, расхлябанность, хоженность, натруженность, истёртость, бренность, заброшенность, забитость, негодность, неприспособленность, зашибленность, негодность, забитость, зашибленность, разухабистость.

Таким образом, распутица и перекрёсток не синонимы, а антагонисты. Распутье и перекрёсток – разные философии и разные онтологии.

Словом *перекрёсток* принято обозначать центр событий или явлений (перекрёсток культур, пере-

крёсток истории), пересечение важных магистралей, место встречи, переплетение интересов. Ничего подобного к *распутице* не относится.

На распустье – символ предстоящего выбора, потенциально обозначает свободу выбора, ибо ты не находишься бы на распустье, если бы не имел свободы. Это также символ предстоящего пути, символ будущего и начала новой дороги, жизненного пути. Когда респонденту показывают формулировку анкетного вопроса с набором альтернатив, он находится на распустье, т.е. перед принятием решения. Как только он выбрал свою альтернативу, указал свой путь, распустье кончилось. Свобода выбора пала жертвой. Начался детерминизм – движение по жёстко заданному – без альтернативному – пути.

На распустье ты ещё не принёс себя в жертву. Если ты способен выбирать, значит ты: свободен, ещё жив, находишься в поиске, перечисляешь альтернативы, анализируешь возможности, просчитываешь их и проводишь мысленный эксперимент (а что было бы, если бы я выбрал тот или другой вариант).

В экзистенциально-метафорическом смысле перепутье/распустье символизирует не только не «куда пойти», но и с «кем там быть». Жизнь на перепутье – это как жизнь на переправе или в эпоху перемен. Китайцы такой участи никому не советуют. Поскольку наша жизнь стала намного мобильнее, чем у предков, перекрёстков и перепутей, а в компании с ними и распутицы стало гораздо больше. Потому социолог З. Бауман и придумал понятие текучей современности.

Перекрёсток и распустье – место, на котором испытываешь сомнение. Определение испытываешь сюда очень подходит, так как сомнение заставляет мучиться – мучиться в неопределённости. Перекрёсток – локус неопределённости и мучительных сомнений при столкновении с равноценными альтернативами. Если бы они были не такими, то и не мучился бы. Это место для надежд. Построения планов, мечтаний, встречи с неопределённым будущим.

Перекрёсток – это выход из частного и ограниченного дорогой либо закоулком пространства в публичную сферу, на люди (в буквальном и переносном смысле). Выход из уютной сферы закоулка или улочки (символы местечковости) на большое пространство площади или перекрёстка всегда вызывает чувство неловкости, беспокойства, неуютности.

Распустье – способ развести пути по разным уровням, не пересекая их. Полная противоположность перекрёстку. Распустье – символ индивидуализма: каждый идёт своим путём, не встречаясь с другими, не имея общих интересов или конфликтов. Перекрёсток – символ общения и коллективизма. Социализация происходит скорее на перекрёстках, чем на распустье. Приставка *рас* означает разведение, разделение, расставание.

Распутица ведёт в тупик или в никуда. В ней непролазная грязь, в которую превратили дорогу те, кто вечно что-то ищет и куда-то ходит. Одним словом, мигранты и туристы – люди, которым не сидится на месте. В бездорожье они превратят любую дорогу. Бомжи – те хоть по преимуществу сидят на одном месте, где и гадят. А первые ходят и гадят, ходят и гадят. Вот и получается распутица. Это пространство, где обитают распутные люди. Перекати-поле туда же относятся.

CROSSROADS AND INTERSECTIONS ON THE ROADS OF LIFE

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

It's impossible to imagine a city without streets, and city streets without intersections. Here, queues of people and queues of cars intersect. Metaphorically, a crossroads signifies the intersection of roads and lifelines, a place where one must consider one's future and make an important decision. Thus, a crossroads is the beginning of a journey. In chronicles of urban traffic accidents, an intersection, unfortunately, also becomes the end of a journey. This is why it has become an important object of study for sociologists. So what is a crossroads as opposed to, say, a crossing or a crossroads? Are they different, the same, or closely related? Finding the answer means examining the context in which people use these words.

Keywords: crossroads, crossroads, muddy roads, choice, city, streets, pedestrians.

Социализация в виртуальных мирах: будущее реального и виртуального

Кузнецова Екатерина Александровна,

преподаватель Государственного автономного профессионального образовательного учреждения Иркутской области «Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса» (ГАПОУ БТОТиС)
E-mail: kuznecova.ea2023@bk.ru

В статье рассматриваются процессы социализации, происходящие в виртуальном мире. Анализируются внешние условия виртуальности и технические характеристики позволяющие развивать личные качества в виртуальном пространстве, а также воздействовать на виртуальные и реальные сообщества. Приводятся результаты исследования социализации в виртуальных мирах современной молодежи, рассматриваются универсальные примеры и локальные формы.

Ключевые слова: социализация, виртуальность, виртуальные миры, изменение жизни, виртуальные жизненные миры

В современном мире социальные взаимодействия радикально меняются из-за активного развития виртуальной реальности. То, что было технологическим этапом – сегодня стало новым смыслом социального развития. Поле контактов в виртуальном пространстве, способы коммуникации меняются и расширяются очень быстро. Сегодня общение в виртуальном мире не просто дополняет реальные коммуникации, но и формирует собственную экосистему взаимоотношений, со своими особенностями, возможностями и перспективами развития. Вместе с этим меняется и человеческое сознание, которое раздвигает границы приемлемого, формируются и новые модели социализации.

Авторы затрагивают разные аспекты виртуальной социализации: Р.Г. Ардашев [1–8] рассматривает различные стороны безопасности, П.А. Бавев [9–12] анализирует вопросы ценностей и авторитетов, И.А. Журавлева [13–15] вопросы обучения и образования в виртуальном пространстве, О.А. Полюшкевич [27–31] анализирует изменения социальной идентичности в виртуальном пространстве, Р.В. Иванов [16, 17] и Е.А. Кузнецова [18–26] анализируют особенности виртуальной социализации.

Многомерность виртуального общения формирует новые смыслы и задачи для коммуникации. Во многом из-за иммерсивности виртуальной среды, происходит более глубокое изменение личности под влиянием эмоций и действий в этой среде.

Начиная от создания аватара (символа идентификации и самовыражения в виртуальном мире), заканчивая поведенческими особенностями – формируются особые черты личности, особые черты характера, так как там нет ограничений физического мира, нет тех границ, что ставят рамки в мире реальном. Это может быть как образ идеализированного «Я» в позитивном контексте (улучшенные качества внешнего вида или другие характеристики), так и негативном (намеренное использование отталкивающих образов самоидентификации, начиная от внешнего изображения, заканчивая личностными чертами).

Это все показатели для повышения самооценки и подчеркивания собственной уникальности. Так как аватары часто фиксируют не то, кем является человек, а кем хотел бы быть, чего ему не хватает в реальной жизни. Это подталкивает к развитию множественной идентичности (в реальной жизни он один, в виртуальной – другой, а если есть несколько виртуальных профилей, то и в виртуаль-

ном мире может быть несколько видов самопрезентации). Начиная с того, что можно менять гендерную идентичность, заканчивая возрастом, социальным статусом и проч.

Также в виртуальной среде формируется новый тип сообществ, внутри которого в разы может быть выше уровень сплоченности и поддержки, внимания и эмпатии, чем в реальном мире. Принцип формирований виртуальных сообществ зависит от личных интересов и активностей участников: от творческих до образовательных, от спортивных (виртуальный спорт) до коммуникативных (общение в виде досуга). Принцип объединения – не география, язык или культура, а общие ценности и интересы. Это то, что сплачивает группы на универсальном уровне безусловного единства и поддержки. В этих сообществах не социальный статус определяет лидерство, а технические навыки, креативность, харизматичность аватара и т.д. Также в них формируются свои ритуалы, обряды, кодексы – то, что придает дополнительную значимость членам этого сообщества внутри его самого.

Стираются культурные грани, но и возникает новое культурное пространство – фестивали, выставки и коллаборации, которые создают новое, меняя привычные образы на креативные нестандартные стратегии, технологии, подходы. Это то, что позволяет развиваться обществу, трансформировать культурные коды и делать их по настоящему межкультурными практиками коммуникации, обмена и рождения нового.

Виртуализация личных отношений (от знакомств и виртуальных свиданий (например, в прохождении совместной игры или других аутентичных мирах прошлого или будущего) до заключения виртуальных браков) – формирует особо тесную эмоциональную связь, которая сближает гораздо сильнее и позволяет глубже понять друг друга, чем реальные встречи. Это новый уровень личного взаимодействия и социальных связей.

Виртуальное обучение само по себе меняет реальность социальных контактов, методов и форм обучения, что создает условия для развития цифровой грамотности, критического мышления, осознание последствий своих действий в виртуальном и реальном мире. Знания, полученные в виртуальном пространстве, ничем не уступают знаниям из реального мира, а в ряде случаев являются приоритетными формами социальной коммуникации, позволяющей выйти на новый уровень образовательной компетентности. Также, знания можно получать по всему миру, не ограничиваясь возможностями своего территориального нахождения. А возможность погружения в какие-либо исторические или культурные, естественно-научные или технические ситуации, опыты, эксперименты позволяет на более глубоком уровне понимать базовые принципы необходимых знаний.

В виртуальном пространстве оказываются социальные услуги (остающиеся в виртуальном пространстве или влияющие на реальную жизнь). Просоциальный опыт виртуальной компетентности влияет на всех без исключения, создавая возможности для монетизации собственных знаний и умений. Можно заработать как виртуальные деньги (кредиты), так и реальные. И те и другие обладают социальным и реальным капиталом, который отражается на материальном и социальном статусе человека.

Не стоит в стороне и вопрос этического и правового пространства, которое в виртуальном мире подвергается дополнительным трансформациям. Например, вопросы кибербуллинга и киберсталкинга все актуальнее проявляют себя, мошенничество и обманы в виртуальности также регулярно встречаются, так как активизируется такое явление как «иллюзия безнаказанности» («в виртуальном пространстве меня не найдут»). Этот аспект приводит к потребностям просвещения населения о безопасном общении в виртуальном пространстве.

Для работников помогающих профессий, виртуальное пространство может стать полем профессиональной реализации, где индивидуальная и групповая поддержка становится основой социальной реабилитации человека или группы людей. Предметом терапии могут быть ситуации или переживания, возникшие как в виртуальном, так и в реальном пространстве.

Виртуальность уже влияет на базовые социальные институты (семья, религия, образование, здравоохранение, политику, культура и проч.). Она создает новые реалии для изменения жизни. Социализация в виртуальном мире кардинально меняет личностные качества, позволяет формировать новые формы социального взаимодействия, меняя саму ткань социального. Благодаря виртуальности меняется и реальный мир и будущее все больше будет походить на гибридные формы. Но пока, виртуальная социализация становится ориентиром развития современного человека.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет регулярно использующие виртуальное пространство (от 4 часов в день) – это была одна из квот выборки респондентов. 55% девушек и 45% юношей, проживающих в разных регионах РФ. Отбор проводился через социальные сети – запрос на прохождение опроса и при согласии высылалась анкета. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Виртуальность как место их социальной реализации позволяет чувствовать опрошенных молодых людей

более уверенными (23%), интересными (17%), значимыми (15%), активными (13%), успешными (12%), креативными (10%), умными (10%). Это те качества, что делают их лучше. Они признают, что в реальной жизни они не настолько хороши, как позиционируют себя в виртуальном мире.

Но при этом, они всегда зарабатывают деньги в виртуальности (постоянный источник дохода), на который они и живут – 18%. Эта группа не планирует работать в реальном мире. Время от времени зарабатывают в виртуальном мире – 42%, иногда зарабатывают – 25%, никогда не зарабатывают – 15%. То есть, материальные притязания у существенной части опрошенных закрываются виртуальным пространством. Также, молодые люди отмечают, что при желании могли бы увеличить свои заработки в виртуальном пространстве. Но пока это не входит в зону их интересов или есть другие проекты или обязательства (зачастую связанные с реальным миром, например, вынуждены учиться в реальном мире, чтобы не беспокоить родителей, хотя в планах на жизнь после завершения обучения – у более чем половины (54%) – работать онлайн).

Получение основного образования в виртуальном пространстве актуально для 17% опрошенных, дополнительного образования (начиная от повышения квалификации, заканчивая переобучением) – 83%. То есть, обучение и образование проходит через виртуальность как одно из условий успеха и реализации.

Получение дополнительных услуг в виде консультаций юристов, врачей, нутрициологов, дачников, астрологов (максимально широкий набор консультантов) – осуществляется в сети интернет – 65%, в реальном мире – 35%. Полагаем, эта тенденция будет лишь усиливаться, так как общие консультации для ориентирования, где и кого искать (юриста или стоматолога, флориста или мануальщика) происходят через поисковые системы виртуального мира для 95% опрошенных.

Личные знакомства происходят все реже – только 21% предпочитает реальные встречи, остальные 79% готовы знакомиться и общаться в сети интернет. Это меняет характер и формат социальных контактов, что усиливает механизмы и формы считывания информации друг о друге, умении слышать и слушать друг друга.

Для большей части опрошенных будущее складывается из тех возможностей, что приходят из виртуального пространства. Свое будущее видят в том числе, реализуясь в виртуальном пространстве – 37%, только в виртуальном пространстве – 33%, вне виртуального пространства – 30%.

Личный негативный опыт кибербуллинга присутствует у 16% опрошенных, были свидетелями или кто-то из близкого окружения лично с этим сталкивался у 49% опрошенных молодых людей. В целом, респонденты говорили о небезопасно-

сти виртуального пространства и необходимости более серьезного развития виртуальной безопасности.

Эти данные показывают, что виртуальная социализация происходит в разных контекстах и влияет на личность молодых людей, определяя будущие социальные контакты в виртуальном мире. Заблокировать это невозможно, поэтому необходимо активно отслеживать и регулировать особенности кибербезопасности отдельного человека и целых сообществ, соблюдать этические и правовые нормы в виртуальной среде, развивать механизмы социальных виртуальных контактов и перспектив цифрового развития всего общества.

Цифровая социализация становится инструментом социального моделирования общественного воспроизводства. Это необходимо принимать и учитывать в перспективах изменения общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
5. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 67–73.
6. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
7. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.

8. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
9. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
10. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
11. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
12. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
13. Журавлева И.А. Социальная самоизоляция молодежи через виртуальное пространство // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 165–169.
14. Журавлева И.А. Самообразование молодежи в виртуальной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 888–891.
15. Журавлева И.А. Экспертный анализ социального моделирования виртуального обучения // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 254–259.
16. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
17. Иванов Р.В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 15–18.
18. Кузнецова Е.А. Виртуальный досуг молодежи как условие социализации // Социология. 2024. № 4. С. 109–116.
19. Кузнецова Е.А. Личность и виртуальная социализация // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 332–336.
20. Кузнецова Е.А. Особенности виртуальной социализации современников // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 203–206.
21. Кузнецова Е.А. Проблемное поле социализации личности в виртуальном пространстве // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 152–159.
22. Кузнецова Е.А. Стратегии и механизмы виртуальной цифровой социализации молодежи в информационном пространстве // Социология. 2025. № 5. С. 30–36.
23. Кузнецова Е.А. Ценностно-рефлексивное восприятие виртуальной социализации молодежи // Социология. 2024. № 5. С. 58–65.
24. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
25. Кузнецова Е.А. Цифровизация образа жизни молодежи: критерии благополучия // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 227–230.
26. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
27. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
28. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
29. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после нее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.

30. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.
31. Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 24–29.

SOCIALIZATION IN VIRTUAL WORLDS: THE FUTURE OF THE REAL AND THE VIRTUAL

Kuznetsova E.A.

Baikal College of Industry Technologies and Services

The article examines the processes of socialization occurring in the virtual world. The external conditions of virtuality and technical characteristics are analyzed that allow one to develop personal qualities in the virtual space, as well as influence virtual and real communities. The results of a study of socialization in the virtual worlds of modern youth are presented, universal examples and local forms are considered.

Keywords: socialization, virtuality, virtual worlds, life change, virtual life worlds.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new life orientations of Russians // Global and regional impacts in the system of modern societies. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. Pp. 130–134.
3. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // Sociology. 2022. № 6. Pp. 32–38.
4. Ardashev R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. Pp. 152–156.
5. Ardashev R.G. Social connections of young people in virtual communities of death // Solidarity society as an ideal and a project: history and modernity. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Responsible editors R. Kh. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023. Pp. 67–73.
6. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2021. № 5. Pp. 31–34.
7. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // Russian deviantological panorama: theory and practice. Proceedings of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. P. 100–103.
8. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18. № 2. P. 77–85.
9. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // Sociology. 2024. № 11. P. 27–31.
10. Baev P.A. What Russian youth is proud of and what is it ashamed of // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 129–132.
11. Baev P.A. Economic well-being of ideological attitudes of young people // Sociology. 2024. № 2. P. 57–64.
12. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. P. 512–515.
13. Zhuravleva I.A. Social self-isolation of youth through virtual space // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. pp. 165–169.
14. Zhuravleva I.A. Self-education of youth in a virtual environment // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 888–891.
15. Zhuravleva I.A. Expert analysis of social modeling of virtual learning // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 254–259.
16. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: social and philosophical analysis // Social reality of virtual space. Materials of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. pp. 36–41.
17. Ivanov R.V. Social factors of virtualization of society // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. pp. 15–18.
18. Kuznetsova E.A. Virtual leisure of youth as a condition for socialization // Sociology. 2024. № 4. pp. 109–116.
19. Kuznetsova E.A. Personality and virtual socialization // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 332–336.
20. Kuznetsova E.A. Features of virtual socialization of contemporaries // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 203–206.
21. Kuznetsova E.A. Problem field of personality socialization in virtual space // Problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2023. № 14. pp. 152–159.
22. Kuznetsova E.A. Strategies and mechanisms of virtual digital socialization of youth in the information space // Sociology. 2025. № 5. P. 30–36.
23. Kuznetsova E. A. Value-Reflective Perception of Virtual Socialization of Young People // Sociology. 2024. No. 5. Pp. 58–65.
24. Kuznetsova E.A. Digital socialization of youth // Sociology. 2023. № 3. P. 59–66.
25. Kuznetsova E.A. Digitalization of the lifestyle of young people: criteria for well-being // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the IX International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2024. pp. 227–230.
26. Kuznetsova E.A. Internet as a factor in the socialization of youth // Sociology. 2023. № 6. P. 19–26.
27. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. № 5. pp. 163–176.
28. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // Man in the information society. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. pp. 161–164.
29. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. pp. 303–307.
30. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. pp. 10–25.
31. Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis within the framework of I. Hoffman's concept // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. pp. 24–29.

Успех в информационном обществе

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются современные особенности развития успеха в информационном обществе. Даются общие характеристики успеха. На примере исследования представлений молодежи об успехе составляется несколько моделей жизненного успеха современной молодежи: дауншифинг, карьеризм, гибкость, нигилизм. Анализируются ключевые черты, основные характеристики и перспективы развития.

Ключевые слова: успех, информационное общество, образы успеха, символы успеха.

На осмысление социального взаимодействия в информационном пространстве накладывает отпечаток внешние и внутренние процессы, в которые вовлечен индивид. Информационное пространство формируется под воздействием социальных задач, что ранее задавали идеологией, сейчас это выполняется механизмами массового общества. От идеологического конструирования сегодня осталось: формирование общих задач и смыслов развития общественных настроений (патриотическая риторика, поддержка внешней и внутренней (налоговые реформы, новые законы) политики; определение задач развития общества (майские указы Президента, стратегическое развитие) и т.д.

Массовое общество более детально и рутинно меняет жизненные ориентиры: в киноиндустрии формируются образы «новой успешности», которые потом подкрепляются примерами жизни блогеров и других медийных личностей; меняются смыслы и формы трудовой деятельности (от обязательной трудовой деятельности с 8 до 17 часов с отрывом от дома, до удаленной дистанционной занятости или фриланса).

Успех в информационном обществе становится совершенно новой формой предъявления себя. Если в советское время акцент ставился на том, чтобы «быть», то сегодня достаточно «казаться». Важно то, что ты показываешь в своих социальных сетях (картинка), которая может не совпадать с реальностью (с тем, что есть на самом деле). Это смысловой контекст современного общества, так как о тебе чаще судят через внешние образы, а не внутреннее содержание, чаще потому что нет ни времени, ни желания идти дальше и разбираться, так как тут срабатывает еще один эффект современного общества – клиповое сознание (восприятие мира через картинки, поверхностное восприятие, а не через глубинные смыслы).

На психологическом уровне, успех становится не формой внутренней работы над собой, а внешним атрибутом, который можно позаимствовать у кого-то другого, присвоить себе на время, потом отдать или вовсе забыть. Это то, что позволяет произвести впечатление на других, а не найти точку опоры в себе. Результатом этого становятся установки на поверхностное впечатление, а не реальное изменение самих себя.

На социальном уровне – смена ориентиров смыслов и целей жизни для целых поколений и социальных групп. Когда важно быть «как все», создавая иллюзии, а не быть собой. Сегодня не ин-

дивидуально, а коллективно нет понимания того, кто же Я на самом деле, что важно для Меня. Это потеря личности на индивидуальном уровне (копирование поведения и установок «как у всех»), а также растворение индивидуальности на уровне коллектива и общества в целом. Такими людьми легче управлять, кто не знает себя и ориентируется на других. Причем те, кто реально управляет, не всегда будут руководствоваться интересами общества или государства (как было при идеологическом конструировании), а те, кто будет заинтересован в деньгах и управляемом потребительском поведении (через рекламу, фильмы, социальные сети навязываются сценарии потребительского поведения).

На социокультурном уровне меняются контексты значимых культурных кодов, закладывающих уникальные черты и особенности социального взаимодействия на уровне культурных контекстов и межкультурной коммуникации. Эти изменения запускают новые культурные смыслы, определяющие глобальные тренды, такими были эпохи возрождения, индустриализации, цифровизации... Сейчас мы наблюдаем схожий процесс через виртуализацию общества. Эти культурные коды формируют реальность как на глобальном, так и на локальном уровне.

На экономическом уровне происходит изменение форм труда, возможностей получения финансов, монетизации собственных знаний и навыков, что позволяет быть в ресурсе. Это новые условия экономической социализации и возможностей трансформации социально-экономических установок в новых условиях жизни.

В литературе существуют разные стратегии развития успеха и условиях объяснения его возникновения: Р.Г. Ардашев [1–3] говорит о новых смыслах жизни в современном мире, П.А. Баев [4–7] также о жизненном кризисе и новых ориентирах благополучия и успеха, И.А. Журавлева [8–10] и коллеги исследуют разные жизненные траектории молодых людей, О.А. Полюшкевич [12–14] и коллеги изучают формы и стратегии социальной успешности и активности, В.А. Скуденков [18–20] – экономические и социальные притязания в новых жизненных реалиях, собственно стратегии успеха анализируются в работах О.С. Кокоткиной [11], Н.Н. Седовой [17], Е.В. Реутова и коллег [15], Л.В. Рожковой и В.А. Гладилиной [16], П.В. Смирновой и О.В. Цаплиной [21] и другими.

Особенности исследования

Эти процессы подтолкнули нас к проведению исследования, направленного на понимание новых смыслов удачи в современном обществе. Для этого мы провели опрос среди молодых россиян в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщины и 45% мужчины, проживающие в разных регионах РФ и занимаю-

щиеся разным социально-экономическим статусом. Среди опрошенных: только учатся – 37%, учатся и работают – 33%, только работают – 30%.

Исследование проводилось в онлайн, анкета отправлялась после согласия респондента ее пройти. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Успех выражается в социальных оценках и общественном признании для 76% опрошенных и только для 24% в личном развитии и становлении.

На формирование представлений об успехе повлияла социальная среда респондентов – 88% и личный выбор только в 12%.

Благодаря успеху можно создать социальный капитал и двигаться вперед, производить нужное впечатление и создавать новые условия и возможности для личностного роста. Успех – это социальный маркер стабильности. Он строится на внешних символах: то, что могут видеть другие и оценивать его, судить о нем на основе этих символов.

Для тех, для кого успех измеряется внутренними категориями значимого достижения того или иного состояния, процесса или явления, это внутренний показатель преодоления собственных границ, качественная трансформация личности. Это то, что трудно измерить внешними мерками (еще одной машины, квартиры в более дорогом районе, брендовой одежды, зарплаты с несколькими нулями, большим, чем у большинства из окружения и т.д.). Это то, что укрепляет стержень человека, делая его несгибаемым под давлением внешних обстоятельств.

Современный успех – это быстро меняющийся успех. Поэтому есть необходимость в активизации креативности, мобильности, гибкости как ключевых характеристик успешной личности. Именно эти черты указывали респонденты, говоря об успешных людях.

Одним из новых образов успешности для современной молодежи выступает *дауншифинг* (жизнь ради себя), когда молодой человек осознанно выбирает не гнаться за деньгами, карьерой, привычных потребительских практик – 25%. Они, как правило, имеют хорошее образование, и достаточно спешную карьеру в начале своего профессионального пути, но быстро «перегорают» и уходят от социально одобряемых профессиональных и карьерных ярлыков.

Вторым образом успешности является *карьеризм* – ориентир на построение карьеры, заработок (западная модель с ориентиром – «заработка миллиона») – 30%. Люди этого типа активны, рациональны действуют изначально из просчитанных вариантов развития ситуации. Они получают образование за рубежом или же учебные стажировки являются мерилом успеха.

Третьим образом успешности выступает стратегия *гибкости* (24%). Достаточно трансформирующая реальность, чтобы человек стремился к получению хорошего образования, но четкого понимания, где и как будет реализовываться нет, он скорее надеется на удачу и случай. Для этой группы важно быть «не хуже других», что позволяет говорить о влиянии старшего поколения на ценности этой группы молодежи.

Четвертым образом выступает *нигилистический* тип молодых людей (21%). Они настроены негативно в оценке и интерпретации своих жизненных шансов, не ожидают каких-то легальных вариантов успеха. Уровень образования не достаточно значимый (среднее образования, у единиц среднеспециальное), но работающими по профилю обучения среди этой группы единицы. Они чаще других попадают в деструктивные группы и сообщества, находятся в зоне риска в условиях неблагоприятных жизненных условий.

В таблице 1 представлено сравнение ключевых показателей успешности для основных образов успешности.

Таблица 1. Показатели успешности в основных образах успешности (в %)

Показатели	Дауншифинг	Карьеризм	Гибкость	Нигилизм
Материальные ценности через труд	4,4	14,2	15,2	3,2
Материальные ценности как гедонизм	7,7	12,4	9,3	6,5
Карьерные успехи	3,6	15,7	8,1	6,7
Духовные ориентиры	11,3	10,5	10,1	14,3
Патриотические ценности	6,7	6,5	7,5	6,5
Профессиональный успех, уважение	6,3	13,2	12,6	5,4
Известность, уважительность	9,5	5,2	8,5	4,3
Семья и дети	17,2	7,5	10,2	14,5
Здоровье	14,2	8,2	9,8	18,4
Путешествия	19,1	6,6	8,7	20,2

Как видно в таблице – семья и путешествия как показатель жизненного успеха более важна для дауншиферов и нигилистов; карьера и деньги, так же как профессиональный успех и уважение как показатель успеха важны для карьеристов и гибких. Но это крайние точки. Интересным выступает показатель духовных ценностей и ориентиров – примерно в одном диапазоне для всех типов, также как и патриотические ценности. Ценность здоровья неодинаково важна: для нигилистов в два раза больше, чем для гибкого типа. Эти данные показывают неоднородность успешности современной молодежи.

При этом, успешный человек всегда хорошо выглядит (100%), но для карьеристов и гибких (хорошо это = дорого), а для дауншиферов и нигилистов (хорошо это = удобно, комфортно).

В близком окружении у опрошенных есть успешные люди только у 21%, публичные медийные личности (блогер, телеведущий, журналист), которые являются олицетворением успеха – смогли назвать 25%, родственники как показатели успеха важны только для 9% молодых людей, исторические персонажи – 15%, общественный деятель, политик – 12%, предприниматель – 8%, спортсмен /ученый / творческий человек – 10%.

Себя успешными считают 32% молодых людей, тех, кто стремиться стать успешными – 44%, не стремятся к успеху 24%.

Из основных стратегий достижения успеха, молодые люди выделяют: получение образования (25%), формирование нужных связей и знакомств во время обучения, практики, стажировки или работы – 30%, удача – 20%, личные качества, проявленные на работе – 15%, рассчитывают на поддержку семьи или государства – 10%.

Помешать жизненному успеху может лень – 48% и отсутствие удачи – 52%. А помочь – готовность рисковать (64%) и действовать – 36%. То есть, успешные люди это все такие, кто готов что-то делать, а не ждать, что само случится, при этом проявляют активность, креативность и мобильность.

Таким образом, современный успех – это успех разных людей и не одинаково он проявляется в жизни, не одинаково за него готовы бороться молодые люди, но каждому он дает состояние удовлетворенности и реализации. Понимание разных моделей – дает возможность будущим работодателям лучше понимать мотивы сотрудников, родителям – своих детей, а партнерам – искать тех, кто на одной волне и это поможет реализовать совместный успех.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 23–26.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.

4. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
5. Баев П.А. Молодежные социальные активисты в медиасреде // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 3. С. 21–30.
6. Баев П.А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 387–392.
7. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
8. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
9. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
10. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
11. Кокоткина О.С. Формирование модели жизненного успеха личности: социально-философский аспект // Вестник Луганского государственного университета имени В. Даля. 2021. № 1 (43). С. 228–230.
12. Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, Вол НЦ РАН, 2020. С. 240–243.
13. Полюшкевич О.А. Социальная активность горожан (на примере Иркутска) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 456–464.
14. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
15. Реутов Е. В., Реутова М.Н., Тришина Т.В., Шавырина И.В. Российская молодежь: социальная диспозиция и перспектива // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71). С. 132–137. doi: 10.52452/18115942_2023_3_132
16. Рожкова Л. В., Гладилина В.А. Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 5–14. doi: 10.21685/20723016-2025-1-1
17. Седова Н.Н. Жизненный успех молодежи – от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
18. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.
19. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 168–173.
20. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022, С. 104–109.
21. Смирнова П. В., Цаплина О.В. Атрибуция успехов и неудач как ресурс проектирования профессионально-личностного развития студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2. С. 55–62. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>

SUCCESS IN THE INFORMATION SOCIETY

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the contemporary characteristics of success in the information society. General characteristics of success are provided. Using a study of young people's perceptions of success as an example, several models of success in life are developed for today's youth: downshifting, careerism, flexibility, and nihilism. Key features, main characteristics, and development prospects are analyzed.

Keywords: success, information society, images of success, symbols of success.

References

1. Ardashev R. G. Virtualization in the New Life-Meaning Orientations of Russians // Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 130–134.
2. Ardashev R. G. New Lifeworlds of Russians after COVID-19 // Modern Society in the Context of Socioeconomic Uncertainty. XV International Scientific Conference «Sorokin Readings-2021». Moscow, 2021. pp. 23–26.
3. Ardashev R. G. New Meanings in the Consciousness of Young People: The Influence of Virtuality // In Search of Social Truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical

- Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 152–156.
4. Baev P. A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // *Sociology*. 2024. № 11. pp. 27–31.
 5. Baev P. A. Youth Social Activists in the Media Environment // *Humanitarian Vector*. 2025. Vol. 20. № 3. pp. 21–30.
 6. Baev P. A. Social Consequences of Labor Digitalization // *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2025. Vol. 25. № 4. pp. 387–392.
 7. Baev P. A. Economic Well-Being of Young People's Ideological Attitudes // *Sociology*. 2024. № 2. pp. 57–64.
 8. Zhuravleva I.A. Educational Trajectories of Student Youth in the Structure of the Lifeworld // *Development of Expert Institutions in the 21st Century: Theory and Practice. Collection of Scientific Papers of the Third International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. pp. 371–374.
 9. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life Goals and Strategies of Provincial Youth // *Sociology*. 2020. № 2. pp. 117–127.
 10. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the Life Priorities of Regional Youth: A Qualitative Analysis // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2020. № 4. pp. 52–59.
 11. Kokotkina O. S. Formation of a Model of Personality Success in Life: Social and Philosophical Aspect // *Bulletin of V. Dahl Luhansk State University*. 2021. № 1 (43). Pp. 228–230.
 12. Polyushkevich O. A. Ideas of Altruism and Egoism Through the Prism of Happiness // *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions. Proceedings of the V International Scientific and Practical Internet Conference*. In 2 parts. Vologda, Vol Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. Pp. 240–243.
 13. Polyushkevich O. A. Social Activity of Citizens (using Irkutsk as an Example) // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 456–464.
 14. Polyushkevich O. A., Ivanov R. V., Borisova Yu. V. Notions of Social Success // *Sociodynamics*. 2016. № 10. Pp. 37–44.
 15. Reutov E. V., Reutova M. N., Trishina T. V., Shavyrina I. V. Russian Youth: Social Disposition and Prospects // *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023. № 3 (71). Pp. 132–137. doi: 10.52452/18115942_2023_3_132
 16. Rozhkova L. V., Gladilina V. A. Social success in the models of personal success of modern student youth // *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2025. № 1. pp. 5–14. doi: 10.21685/20723016–2025–1–1
 17. Sedova N. N. Life success of young people – from Moscow to the very outskirts // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2019. № 6. pp. 505–529. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
 18. Skudunkov V. A. Changing Perceptions of Success and Well-Being in the Minds of Russians (from 2014 to 2017) // *Sociology*. 2018. № 2. pp. 118–122.
 19. Skudunkov V. A. Economic and Social Aspirations in the Context of the Virtualization of the Young People's Lifestyle // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. pp. 168–173.
 20. Skudunkov V. A. Economic Aspirations: Effects of Transformations in Modern Society // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference*. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022, pp. 104–109.
 21. Smirnova, P. V., Tsaplina, O. V. Attribution of Successes and Failures as a Resource for Designing Students' Professional and Personal Development // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2024. № 2. pp. 55–62. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>

Религиозная идентичность как многомерное социальное явление: от теории к эмпирике

Савицкая Юлия Петровна,

к.с.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: savitskajap@tyuiu.ru

Статья посвящена изучению теоретико-методологических основ анализа религиозной идентичности как комплексного социального явления. Значительное внимание уделено рассмотрению понятия «идентичность», раскрытию её структурных элементов и функциональных особенностей в условиях современного социума. Автором подчёркивается многоуровневый характер идентичности, проявляющийся на индивидуальном, коллективном и общественном уровнях. Исследованы процессы формирования идентичности, её влияние на личностное самоопределение и сплочённость социальных групп. Научная ценность работы состоит в обобщении существующих подходов к пониманию структуры идентичности, состоящей из внутренних и внешних компонентов, а также в детальном изучении её ключевых функций в общественной жизни. Особое значение придаётся различению категорий идентичности и религиозности, выявлению связей и специфики каждой из них. Новизна исследования заключается в систематизации современных представлений о структуре и функциях религиозной идентичности, а также в предложении методологических усовершенствований для её изучения.

Ключевые слова: идентичность, религия, самоопределение, интеграция, эмпирическое исследование, социологический анализ.

Теоретический анализ исследований в области религиозной идентичности выступает фундаментальным базисом для разработки методологического инструментария социологического исследования. Систематизация научных подходов, концепций и парадигм в данной сфере позволяет не только определить ключевые направления изучения феномена религиозной идентичности, но и сформировать чёткие исследовательские гипотезы, обосновать выбор методов сбора и анализа эмпирических данных. Методологическая значимость теоретического обзора проявляется также в возможности выявить наиболее релевантные исследовательские стратегии в изучении религиозной идентичности, определить операциональные характеристики данного феномена, а также установить причинно-следственные связи между различными аспектами религиозной идентичности и социальными процессами в современном обществе. На основе теоретической базы становится возможным разработать эффективную методологию исследования.

В современной социологической науке понятие «идентичность» занимает парадоксальное положение: несмотря на интенсивное использование в исследовательской практике, оно остаётся концептуально размытым и лишённым унифицированного определения в профессиональном сообществе. Анализ динамики употребления данного термина позволяет констатировать его устойчивую популяризацию в социологическом дискурсе при одновременном отсутствии консенсуса относительно содержательных границ понятия. Этот феномен актуализирует задачу теоретического осмысления статуса идентичности как социологического концепта. На фоне растущего числа исследований, оперирующих категорией идентичности, прослеживается тенденция к формированию относительно автономного направления социологического знания, сфокусированного на изучении механизмов её конструирования, трансформации и функционирования в социальных процессах.

С точки зрения объяснительного потенциала, понятие идентичности демонстрирует двойственную природу. С одной стороны, оно представляет аналитические инструменты для интерпретации широкого спектра социальных феноменов – от микроуровневых практик самоопределения до макросоциальных процессов групповой консолидации. С другой – существует риск ре-

дуцирования его эпистемологической ценности до статуса интеллектуального тренда, используемого без чёткой концептуальной проработки. Социологический анализ распространения дискурса идентичности выявляет комплекс детерминант его актуализации. Среди ключевых факторов можно выделить: трансформацию социальных структур в условиях глобализации, усиливающую потребность в самоопределении; кризис традиционных форм социальной принадлежности; развитие коммуникативных технологий, создающих новые пространства для конструирования идентичностей; смещение фокуса социологических исследований в сторону субъективных измерений социальной реальности. Таким образом, концепт идентичности представляет собой многомерный теоретический инструмент, нуждающийся в чёткой операционализации в рамках каждого конкретного исследования – с обязательным учётом как его аналитического потенциала, так и границ применимости.

Истоки осмысления феномена идентичности уходят вглубь веков. Уже античные мыслители – Сократ, Платон, Аристотель, Парменид и другие – заложили философские предпосылки для последующего понимания идентичности, хотя напрямую этот термин не использовали [11]. Однако концептуализация идентичности как самостоятельной научной категории происходит пришло на вторую половину XX века, в работах Э.Г. Эриксона, а затем в рамках символического интеракционизма и теории социальной идентичности. Именно в этот период формируется междисциплинарное поле – от психоанализа и социальной психологии до социологии и культурной антропологии, – где идентичность рассматривается как центральный механизм конструирования Я, групповой принадлежности и коллективных образов мира.

Понятие «идентичность» получило значительное распространение в научной среде благодаря фундаментальным исследованиям 1940–1950-х годов американского психолога и антрополога Э. Эриксона, проведённым в период. Именно его труды заложили теоретико-методологическую базу для понимания идентичности как важнейшего психологического и социального феномена. Распространение данного термина в широкой среде привело к тому, что он стал неотъемлемой частью повседневного языка, проникнув в публицистику, массовую культуру и обыденное сознание. Этому способствовали междисциплинарность концепта (его востребованность в психологии, социологии, антропологии, культурологии и политологии, социальная актуальность проблемы самоопределения личности и групп в условиях ускоряющихся социокультурных изменений. Гибкость термина, позволила адаптировать его к различным исследовательским контекстам, хотя это одновременно создало риски размывания исходного смысла. В итоге эволюция термина от строго научного по-

нятия до общеупотребительного концепта отразила не только развитие психологической теории, но и более широкие социокультурные процессы второй половины XX века [16; 17–18].

В российской научной среде активное обращение к понятию «идентичность» началось в начале 1990-х годов, что во многом было обусловлено кардинальными социально-политическими и культурными трансформациями постсоветского периода. На фоне распада прежних идеологических ориентиров и поиска новых оснований социальной солидарности концепт идентичности оказался чрезвычайно востребован в самых разных областях гуманитарного знания [18]. За прошедшие десятилетия в отечественной науке сформировался обширный корпус исследований, оперирующих этим понятием. Тематика работ демонстрирует исключительное разнообразие: от изучения национальной и гражданской идентичности до анализа профессиональных, гендерных, региональных и цифровых идентичностей; от историко-культурных реконструкций до социологических замеров текущих идентификационных процессов. Масштаб и междисциплинарность корпуса публикаций настолько значительны, что их исчерпывающая систематизация представляется практически неосуществимой задачей [19].

При этом обращает на себя внимание существенный методологический парадокс: несмотря на интенсивное использование термина, в большинстве работ отсутствует развёрнутое концептуальное обоснование его содержания. Авторы зачастую применяют понятие «идентичность» как уже устоявшееся и интуитивно понятное, предполагая наличие общего смыслового поля у читателя. Однако подобная презумпция очевидно вступает в противоречие с реальной ситуацией – в российском научном дискурсе по-прежнему не сформировано единое, общепринятое определение данного концепта. Эта особенность порождает ряд исследовательских проблем: несогласованность терминологии, затрудняющая сопоставление результатов; размывание границ концепта снижающее его аналитическую ценность; дефицит теоретико-методологической рефлексии, приводящий к использованию его концептуальных альтернатив.

В социологической науке концепция социальной идентичности утвердилась как эффективный инструмент анализа самоопределения индивида в социальном пространстве. Под социальной идентичностью понимается совокупность осознанных отнесений человека к значимым социальным категориям – расовым, этническим, классовым, гендерным и иным.

Согласно энциклопедическому определению из издания «Культурология XX век», идентичность представляет собой «психологическое представление человека о своём Я, характеризующее-

ся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности» [6]. Это определение подчёркивает ключевой аспект феномена – субъективное переживание человеком собственной целостности и непрерывности существования.

Формирование идентичности происходит через механизм социальной идентификации – процесс соотнесения индивида с различными социальными категориями, такими как социальный статус, гендерная принадлежность, возрастные характеристики, социальные роли, нормативные установки, групповые образования и культурные паттерны. Динамика становления идентичности обусловлена последовательным усвоением индивидом социокультурных образцов поведения, нормативно-ценностных систем и моделей социальных взаимодействий. В процессе межличностных коммуникаций человек осваивает и интериоризирует социальные роли, что приводит к трансформации его самоидентификаций.

Согласно преобладающим в науке взглядам, базовая идентичность формируется к концу юношеского возраста, когда достигается относительная устойчивость представлений о собственном «Я». Приведённая трактовка концептуально близка к теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона, который также акцентировал взаимосвязь индивидуальных психологических процессов и социальных факторов в становлении идентичности.

В концепции Э.Г. Эриксона идентичность предстаёт как многогранный феномен, объединяющий субъективное переживание и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности [14]. Ключевой аспект этого понятия – неразрывная связь индивидуального самосознания с разделяемым с другими образом мира: человек не просто осознаёт своё «Я», но и верит в устойчивость этого «Я» в контексте общественных представлений, ценностей и исторического времени [13].

Особенно отчётливо двойственная природа идентичности проявляется в юношеском возрасте. Именно в этот период, по мере расширения круга общения и пробы различных социальных ролей, молодой человек постепенно выстраивает осознанное представление о себе, что Эриксон описывает как «психологический мораторий» – время интенсивного поиска и экспериментов [10]. В этом процессе формируется уникальный синтез разнородных элементов: телесного облика и темперамента, природных задатков и уязвимостей, инфантильных поведенческих паттернов и усвоенных идеалов, которые развиваются в пространстве возможностей, заданном обществом – в профессиональном самоопределении, выборе социальных ролей, усвоении ценностных установок,

построении дружеских связей и первых романтических отношений [15; 112].

В понимании Эриксона идентичность выполняет две фундаментальные функции. Во-первых, она выступает стержнем, вокруг которого выстраивается жизненный путь личности: именно идентичность обеспечивает внутреннюю связность опыта, позволяя человеку воспринимать свою жизнь как целостную историю, а не набор разрозненных событий. Во-вторых, она служит индикатором психосоциального равновесия – того состояния, при котором индивид испытывает устойчивое ощущение непрерывности собственного существования.

Это равновесие проявляется в трёх взаимосвязанных аспектах. Во-первых, в переживании временной непрерывности – человек осознаёт себя тем же субъектом, несмотря на внешние и внутренние изменения, и может связать своё прошлое, настоящее и будущее в единую линию. Во-вторых, в ощущении социальной включённости – возникает чувство принадлежности к определённым группам и сообществам, разделяющим близкие ценности и нормы. В-третьих, в согласовании личного и социального – достигается гармония между собственными убеждениями и нормами, принятыми в окружении, что позволяет избежать диффузии.

Принципиально важно, что Эриксон трактует идентичность не как статичное свойство, а как динамический процесс непрерывного взаимодействия. С одной стороны, это внутреннее самоощущение – переживание целостности, уникальности, осмысленности собственного бытия, которое Эриксон определяет как «внутреннее равенство с собой» и «непрерывность самопереживания». С другой – это постоянное соотнесение себя с внешними социальными контекстами: ролями, группами, культурными нормами, ожиданиями окружения. Именно в этом диалоге между внутренним и внешним формируется устойчивое чувство самотождественности, которое Эриксон рассматривает как интегративное начало личности, способное соединить биологические, психологические и социальные аспекты существования [15; 115].

Религиозная идентичность – это особая форма самосознания человека, которая формируется благодаря его принадлежности к конкретной религиозной традиции. Она подразумевает не просто формальное членство в какой-то конфессии, а глубокое осмысление своей веры: изучение догматов, участие в обрядах, понимание ценностей и мировоззренческих принципов своей религиозной общины. Ключевой аспект религиозной идентичности – сознательное отождествление индивида с определённым религиозным образом, то есть с системой представлений, норм и моделей поведения, принятых в рамках конкретной конфессии. Человек воспринимает эти нормы как

значимые для себя, интегрирует их в собственную систему ценностей и через них определяет свою принадлежность к религиозной группе.

Важно отличать религиозную идентичность от понятия религиозности. Если религиозность в первую очередь отражает глубину веры, интенсивность религиозных переживаний и степень вовлечённости в культовую практику (молитвы, обряды, ритуалы), то религиозная идентичность фокусируется на социально-психологическом аспекте – на осознании человеком своей принадлежности к определённой религиозной общности и принятии её групповых ценностей. Иными словами, религиозность больше связана с внутренним духовным опытом и чувствами, а религиозная идентичность – с самоопределением и социальной идентификацией через призму религиозной принадлежности.

Впервые феномен религиозной идентичности стал предметом систематического анализа у Г.С. Холла и У. Джеймса в начале XX века, в контексте психологии религиозного развития и конверсии. Г.С. Холл в своей фундаментальной работе «Adolescence» (1904) рассматривал религиозную идентичность как ключевой этап подросткового кризиса, связанный с поиском смысла и автономии [17]. Подросток через религиозную конверсию (резкий или постепенный переход к новой вере) формирует устойчивую самоидентичность, отходя от детской зависимости к взрослой ответственности. У. Джеймс дополнил этот подход, трактуя религиозную идентичность как субъективный выбор индивидом духовного пути, где конверсия выступает «перерождением» сознания – от разрозненных переживаний к целостному «Я», интегрирующему трансцендентное в повседневность [2]. Оба автора видели в ней неотъемлемую часть становления личности: Холл акцентировал социокультурный контекст (влияние общины и ритуалов), Джеймс – индивидуальную психологию (эмоциональные пики и волю к вере).

Эта пионерская концептуализация заложила основу для понимания религиозной идентичности не как статичного атрибута, а как динамического процесса, где выбор традиции становится актом самоконструирования. Холл подчёркивал её роль в разрешении возрастных конфликтов, Джеймс – в обеспечении экзистенциальной стабильности через мистические переживания.

Встраиваясь в определённую традицию с её нормами, символами и коллективной памятью, религиозная идентичность создаёт для человека систему координат, которая обеспечивает фундаментальную стабильность его существования. Священные нарративы и ритуалы становятся опорой, формирующей ощущение преемственности поколений и предсказуемости жизненного пути. Благодаря этому механизму индивид получает возможность осмысленно отвечать на важнейшие

экзистенциальные вопросы – о смысле жизни, смерти, страдании и предназначении. Религиозная идентичность существенно влияет на повседневное поведение человека, его моральный выбор и характер социальных взаимодействий, обеспечивая тем самым целостность его мировоззрения и действий [7].

Этот тип идентичности присущ всем обществам и эпохам человеческой истории, от первобытных культов до современных конфессий. Служа универсальным механизмом социальной интеграции и психологической устойчивости. По мнению исследователей, таких как Э. Дюркгейм и его последователи, религиозная идентичность исторически выступает первой формой человеческой идентичности: религия как источник базисных нормативных моделей (табу, мораль, космогония) задаёт матрицу общественных институтов, которые со временем секуляризируются и обретают автономию [3].

В традиционных обществах религиозная идентичность доминирует как тотальный и императив, определяя все сферы жизни; в секулярных – трансформируется в выборочную, сочетаясь с гражданской или этнической, но сохраняет роль «якоря» в кризисах. Таким образом, религиозная идентичность не только стабилизирует личность, но и структурирует социальный порядок, эволюционируя от сакрального монолога к плюралистическому диалогу [1].

По мнению С.В. Рыжовой, религиозная идентичность имеет двойственную природу, состоящую из взаимосвязанных компонентов. Ядро идентичности образует внутренний слой – глубокая личная вера человека в религиозные догматы и учения. Вокруг этого ядра формируется внешний слой, который проявляется через культурную идентификацию: принятие традиций, ценностей и норм религиозного сообщества, стремление быть частью его истории и культурного наследия. Примечательно, что оба слоя, хотя и тесно переплетаются между собой, формируются под воздействием различных факторов и способны существовать автономно друг от друга. Отсутствие жёсткой границы между слоями создаёт особую структуру, где культурный компонент выполняет роль связующего звена с обществом, а религиозная составляющая остаётся центральным элементом идентичности, определяющим мировоззрение и поведение человека [9].

Описанная структура объясняет феномен, когда человек может активно участвовать в религиозных обрядах по социальным или семейным причинам, при этом сохраняя мировоззрение, не соответствующее религиозным догматам. Говоря о примерах с проявлением таких групп на социальном уровне, можно отметить ситуацию, когда значительная часть россиян связывает себя с православной традицией не через активное участие

в церковных таинствах, а через восприятие православия как фундамента национальной культуры и самобытности [8].

Согласно А. Игнатьеву, религиозная идентичность выступает механизмом выстраивания социальных границ между «своими» и «чужими» (Игнатьев, 2014). Когда эти границы пересекаются, возникает реакция отторжения по отношению к представителям иных групп: их начинают стигматизировать, а в ряде случаев – проявлять агрессию. Такие реакции не просто поддерживают существующий конфликт, но и создают для него рациональные обоснования [4]. При этом формирование религиозной идентичности у конкретного человека происходит под влиянием целого ряда символических элементов – традиций, ритуалов, сакрального языка, музыки, культового облачения, культурных кодов и других феноменов. Их содержание определяется социально-историческими условиями, что, в свою очередь, обуславливает многообразие форм религиозной идентичности в различные исторические периоды [5].

Проведённый теоретический анализ концепции религиозной идентичности позволяет сформулировать ряд методологических выводов, обеспечивающих основу для построения программы реального социологического исследования.

Во-первых, анализ концепций идентичности показал, что она имеет многоуровневую структуру, включающую личностный, групповой и социальный уровни. При разработке социологического инструментария необходимо учитывать это обстоятельство. Составление вопросов анкеты должно охватывать все аспекты феномена от индивидуальных убеждений и ценностей до групповой солидарности и социальных ролей.

Во-вторых, Многогранность религиозной идентичности обуславливает необходимость комплексного методологического подхода. Он предполагает использование широкого спектра исследовательских методов – как количественных, так и качественных. Стратегия исследования должна интегрировать различные социологические техники: от стандартизированных анкетных опросов до глубоких интервью и этнографических наблюдений. Подобный подход обеспечивает всесторонность анализа, позволяя выявлять не только статистические закономерности, но и уникальные индивидуальные проявления религиозной идентичности. При разработке исследовательского инструментария необходимо обеспечить отражение многоаспектности религиозной идентичности. Помимо прямых вопросов о конфессиональной принадлежности и религиозных практиках, следует включить индикаторы, характеризующие: социальное окружение респондента, его семейные связи, профессиональную сферу, круг интересов и систему ценностных ориентаций. Оптимальным представляется междисциплинарный подход, интегриру-

ющий методологический потенциал социологии, психологии, антропологии и культурологии.

В-третьих, изучение религиозной идентичности в России требует учета локального контекста, определяемого постсоветскими изменениями, возрождением традиционных конфессий и появлением новых религиозных практик. Важно принимать во внимание как исторические традиции, так и современные реалии в религиозной сфере. Отдельно следует иметь в виду российскую специфику секуляризации, которая проявляется не столько в полном отказе от религиозных установок, сколько в трансформации их роли и значимости в повседневной жизни, изменении характера религиозного опыта и способов его выражения.

Литература

1. Гришаева Е.И. Религиозная идентичность как незавершенный проект. Перспективы применения дискурсивных подходов для социологического изучения идентичности в православных приходах // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1. С. 13–22. doi:10.18413/2408-9338-2018-4-1-13-22
2. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта. Москва: Наука, 1993. – 431 с.
3. Дюркгейм Э., Земскова В. (переводчик) Элементарные формы религиозной жизни. Заключение // Социологическое обозрение. 2018. № 2. С. 122–154.
4. Игнатьев А. Пять базовых концептов социологии религии // Социологическое обозрение. 2014. № 1. С. 155–170.
5. Ковалева А.И. Новый взгляд на явление идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 322–323.
6. Николаев В.Г. Идентичность // Культурология. XX век: Энциклопедия в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. – С. 238–239.
7. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник РХГА. 2015. № 2. С. 154–166.
8. Религия и общество: мониторинг Аналитический обзор ВЦИОМ от 9 июня 2025 г. // [Электронный ресурс]. – URL: ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (дата обращения 20.12.2025).
9. Рыжова С.В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социологические исследования. 2010. № 12 (320). С. 59–69.
10. Степанов С. Сам себе голова // Школьный психолог. 2003. № 2.
11. Тюрин М.Н. Истоки термина «идентичность» и специфика его использования в психолого-

педагогических исследованиях // Актуальные исследования. 2021. № 37 (64). С. 69–73.

12. Мещерякова Е.М. Психология личности: идентичность и временная перспектива [Электронный ресурс]: учебное пособие. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. – 143 с.
13. Эриксон Э.Г. Идентичность и цикл жизни. – СПб.: Питер, 2023.
14. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996.
15. Яшина М.Н. Истоки теоретических воззрений Э. Эриксона на роль социальных факторов в развитии личности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 1 (19). (С. 112).
16. Erikson E.H. Life history and historical moment. New York: Norton, 1975.
17. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. New York: Appleton-Century-Crofts, 1904.
18. Баев П.А. Виртуальная религиозность современности // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 55–58.
19. Баев П.А. Религиозное сознание в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 3. С. 47–54.

RELIGIOUS IDENTITY AS A MULTIDIMENSIONAL SOCIAL PHENOMENON: FROM THEORY TO EMPIRICS

Savitskaya Yu.P.

Tyumen Industrial University

This article explores the theoretical and methodological foundations of analyzing religious identity as a complex social phenomenon. Considerable attention is devoted to examining the concept of «identity», exploring its structural elements and functional characteristics in modern society. The author emphasizes the multi-layered nature of identity, manifested at the individual, collective, and societal levels. The processes of identity formation, its influence on personal self-determination, and the cohesion of social groups are examined. The scientific value of this work lies in its summary of existing approaches to understanding the structure of identity, consisting of internal and external components, as well as in a detailed study of its key functions in public life. Attention is paid to distinguishing between the categories of identity and religiosity, identifying the connections and specific features of each. The novelty of this study lies in its systematization of modern concepts regarding the structure and functions of religious identity, as well as in its proposal of methodological improvements for its study.

Keywords: identity, religion, self-determination, integration, empirical research, sociological analysis.

References

1. Grishaeva, E. I. «Religious Identity as an Unfinished Project. Prospects for Applying Discursive Approaches to the Sociological Study of Identity in Orthodox Parishes.» Research Result. Sociology and Management. 2018, № 1, pp. 13–22. doi:10.18413/2408-9338-2018-4-1-13-22.
2. James, W. «The Diversity of Religious Experience». Moscow: Nauka, 1993, 431 p.
3. Durkheim, E., Zemskova, V. (translator). «Elementary Forms of Religious Life. Conclusion.» Sociological Review. 2018, № 2, pp. 122–154.
4. Ignatiev, A. «Five Basic Concepts of the Sociology of Religion.» Sociological Review. 2014. № 1. pp. 155–170.
5. Kovaleva A. I. A New Look at the Phenomenon of Identity // Knowledge. Understanding. Skill. 2013. № 2. pp. 322–323.
6. Nikolaev V.G. Identity // Cultural Studies. 20th Century: Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 1 / Ed. and compiled by S. Ya. Levitt. St. Petersburg: University Book; Aletheia, 1998. pp. 238–239.
7. Pronina T.S. Religious Identity as a Psychosocial Phenomenon // Bulletin of the Russian Academy of Arts. 2015. № 2. pp. 154–166.
8. Religion and Society: Monitoring. Analytical Review by VTsIOM, June 9, 2025 // [Electronic resource]. – URL: VTsIOM. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (accessed December 20, 2025).
9. Ryzhova S.V. Formation of the Orthodox Identity of Russians: Traditional, Cultural, and Civic Foundations // Sociological Research. 2010. № 12 (320). Pp. 59–69.
10. Stepanov S. Be Your Own Master // School Psychologist. 2003. № 2.
11. Tyurin M.N. Origins of the Term «Identity» and the Specifics of Its Use in Psychological and Pedagogical Research // Current Research. 2021. № 37 (64). P. 69–73.
12. Meshcheryakova E.M. Personality Psychology: Identity and Time Perspective [Electronic resource]: study guide. St. Petersburg: Science-Intensive Technologies, 2025. – 143 p.
13. Erikson E.G. Identity and the Life Cycle. St. Petersburg: Piter, 2023.
14. Erikson E.G. Identity: Youth and Crisis / General ed. and foreword by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress, 1996.
15. Yashina M.N. The Origins of E. Erikson's Theoretical Views on the Role of Social Factors in Personality Development // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Philosophy. Sociology. Art Criticism». – 2014. – № 1 (19). (p. 112).
16. Erikson E.H. Life history and historical moment. New York: Norton, 1975.
17. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. New York: Appleton-Century-Crofts, 1904.
18. Baev P.A. Virtual religiosity of our time // Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. pp. 55–58.
19. Baev P.A. Religious consciousness in a pandemic society // Sociology. 2022. № 3. pp. 47–54.

Роль информационных технологий в формировании представлений о преступлениях

Рябыкин Денис Олегович,

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется роль информационных технологий в формировании представлений о преступлениях. Анализируются существующие социальные стереотипы о преступлениях, а также выделяется роль медийных процессов формирования определенного образа преступления и самих преступников. Приводятся результаты исследования россиян о преступлениях, подчеркивается роль информационных технологий в этих образах.

Ключевые слова: информационные технологии, преступления, представления, общественное мнение, медийное пространство.

Информационные технологии в последние годы активно развиваются. Благодаря им формируются новые стратегии обработки информации, новые формы позиционирования информации, новые технические возможности анализа любой информации. Это применимо и к представлениям о преступлениях. Информационные технологии создали новые смыслы, формы и возможности реализации преступлений.

Например, средства массовой информации транслируют криминальную хронику, обыватели, наблюдая за количеством преступлений, формируют собственные представления о количестве преступлений вокруг и том, как и почему они совершаются. В сети Интернет можно найти форумы и чаты с обсуждением громких дел прошлого и настоящего по любым расследованиям. В фильмах и сериалах находят продолжение совершенные ранее преступления (сюжеты снимаются по мотивам каких-либо преступлений) – это выступает поводом для героизации преступников и идеализации образа жизни тех, кто совершает преступления. В публичном пространстве модными выступают веяния полукриминальной культуры, музыки в стиле шансон и многих других направлений, которые определяют рамки «нормальности» в контексте преступлений.

Исследования Р.Г. Ардашева [1–4, 14] показывают роль СМИ в формировании общественного мнения о преступлениях, работы О.А. Полюшкевич [6–11] раскрывают особенности правовых представлений россиян, В.А. Скуденкова [13] об иллюзиях правовой компетентности. Работы А.А. Бимбинова [5] указывают о мерах профилактики преступлений совершаемых в социальных сетях, а в работе Д.О. Рябыкина [12] анализируются преступления совершаемые с позиции информационных технологий. Это позволяет говорить, что с разных сторон исследователи пытаются изучать преступления и информационные технологии, цифровые технологии и виртуальное пространство как таковое, подчеркивая не только процессы развития общества, но и изменения форм и особенностей самих преступлений.

Формальный подход гласит, что за преступлением следует наказание. И закон стоит на страже этого. Но множество журналистских расследований – показывают обратную картину или же когда правоохранительные органы расследуют длившиеся десятилетиями преступные действия – их ак-

тивное освещение в СМИ, вызывает неоднозначную реакцию (с одной стороны – справедливость восторжествовала, а с другой – почему раньше не остановили преступников).

Подобные двойные стандарты усиливаются благодаря новым возможностям информационных технологий. Можно выделить два направления формирования социальных стереотипов о преступлениях.

Личностно-ориентированный – он предполагает, что желание совершить преступление, формируется на основе личных представлений гражданина, а информация получаемая из вне (СМИ, сеть Интернет, ТВ) – лишь оформляют личные устремления и организуют поведенческую логику. Тут важным моментом выступает личный опыт, условия социализации, круг общения, оценка поведения других и формирование идеалов и представлений об «успешной жизни». Преступление для такого типа людей выступает способом самоутверждения и изменения социального и личного статуса в обществе.

Социально-ориентированный – предполагает ключевое влияние социальных условий и норм, работы социальных институтов, которые ограничивают возможности человека. Начиная от примеров поведения в семье (родительское поведение), заканчивая политическим режимом и культурно-религиозными ограничениями. Внешняя информация из любых источников становится еще одним толчком к желанию перевернуть систему – путем совершения преступлений, значительная часть представителей этой группы готова разрушать и саму систему, то есть участвовать в революционных акциях, террористических и экстремистских мероприятиях. В медийном поле часто находятся идеализированные образы-преступников, которые «меняют мир», совершают преступления и их действия оправдываются великой целью – изменением «загнившего» общества.

Общество без преступлений не может быть. Но в тоже время, профилактические и репрессивные меры борьбы с преступлениями меняются. В современном обществе они должны строиться с учетом развития информационных технологий (используя их как объект для распространения профилактических просветительских аспектов и как технологию разрушения ложных стереотипов о преступлениях).

Эти вопросы и стали основой для проведения нашего исследования. Под влиянием цифровых технологий мир меняется и необходимо формировать новые инструменты борьбы с преступностью, используя эти же технологии не только как источник проблем, но и как инструмент противостояния.

Особенности исследования

Исследование проводилось в разных регионах Российской Федерации. В опросе приняло участие 1500

человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, уровень образования разный (среднее – 13%, средне-специальное – 37%, высшее – 50%).

Целью исследования было изучение места информационных технологий в формировании представлений о преступлениях и преступниках.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Информационные технологии в 100% случаев дают рядовым россиянам представления о том, какие бывают преступления и как они совершаются.

Целенаправленно смотрят криминальную хронику по ТВ, подписаны на криминальные каналы города или региона – 49% опрошенных; 35% – регулярно фиксируют свое внимание на преступлениях из-за того, что сообщения о них часто распространяются через новости по ТВ или отдельные сообщения или статьи в газетах или блогах (например, о «деле Долиной» или «про ангарского маньяка»); и только 16% старается избегать информации о совершаемых преступлениях.

Представители старшего возраста от 55 лет и старше чаще информацию получают из ТВ-источников, так как чаще смотрят телеканалы. Представители среднего возраста (35–54 года) и младшего возраста (18–34 года) – отдают предпочтение сети Интернет и социальным сетям. Информацию о преступлениях из газет берут также представители старшего возраста, а среднего и младшего чаще пользуются цифровыми аналогами изданий.

Регулярно смотрят фильмы и сериалы про преступников и преступления или про расследование преступлений – 77%, являются поклонниками полукриминальной культуры – 38%.

Знают и формируют идеальные образы героев-преступников – 36% (причем женщин 75% и мужчин 25%).

Обсуждают криминальные новости с семьей – 32%, с друзьями и коллегами – 46%, с незнакомыми людьми на просторах Интернета (тематические чаты, форумы, беседы) – 55%. Проверяют полученную информацию в других источниках – 27%.

Обсуждают просмотренные детективные фильмы и сериалы с членами семьи – 18%, с друзьями и коллегами – 38%, с незнакомыми людьми в социальных сетях, на форумах в сети Интернет – 56%.

Личный опыт (сами совершали преступления) есть только у 17% опрошенных, знают тех, кто совершал преступления (родственники, друзья) – 53% и не имеют личных знакомых совершивших преступление – 30%.

А тех, кто стал жертвой какого-либо преступления значительно больше – среди знакомых таких 83%, сами становились жертвой – 56%.

Эти данные говорят о том, что уровень преступности и преступлений достаточно высок и информационное поле наполнено идеями преступлений достаточно сильно.

На основе полученных данных, мы смогли составить типологию тех, кто пользуется информационными технологиями в конструировании собственных представлений о преступлениях, а также влияет на общее поле социальных стереотипов и представлений в социуме.

Первый тип – увлечённый идеалист (22%). Для этого типа преступления обладают романтикой «настоящей жизни», адреналина, интересного проживания жизни. Они увлекаются историческими детективами, любят драматические истории преступлений, могут рассказывать истории о необычных преступлениях. Часто героизируют самих преступников, облагораживая и приписывая то, чего нет.

Второй тип – щепетильный педант (18%). Также интересуется преступлениями, но не их романтическим ореолом, а техникой совершения преступлений. Очень дотошно выясняют, восстанавливают по крупицам. Обладают аналитическим складом ума и могут воспроизвести и описать любые известные им преступления в любой сфере.

Третий тип – постоянная жертва (30%). Те, кто всегда становятся объектом (жертвой) преступления. Мимо них ничего не проходит и они интересуются преступлениями для того, чтобы понимать, что не они одни жертвы, преступлений много и всем плохо.

Четвертый тип – озлобленный активист (13%). Преступления, о которых распространяется информация в СМИ и сети Интернет, подталкивает их к активным действиям, они не видят для себя других вариантов социальной и условно профессиональной преступной реализации.

Пятый тип – случайный преступник (17%). Те, кто стали участником преступления случайно, через стечение обстоятельств (неважно с какой стороны – жертва или преступник), например, дорожно-транспортное происшествие с жертвами.

Выделенные типы условны, но каждое их действие, мотив, поведенческая установка имеет отсылку к информации, которую они получили через медийное поле – как вести себя, что делать, на что надеяться, чего избегать и проч. Информационные технологии уже в нашей жизни и они влияют на мировоззрение обывателей в том числе и в отношении преступлений. Это надо учитывать при анализе уровня и особенностей преступности в современном российском обществе.

Выводы

Таким образом, информационные технологии создают больше возможностей для вовлечения в поле преступлений, не всегда обладая достоверностью,

они тиражируют ложные представления о преступлениях, к этому добавляется художественная выдумка создателей фильмов, сериалов, песен и других культурных продуктов – в результате конструируется идеализированный образ преступления и героический образ преступника. Это нарушает принципы справедливости в общественном сознании. Это в целом негативно сказывается на представлениях обывателя о нормальном и не нормальном, о правовом и не правовом, о допустимом и недопустимом поведении в правовом поле россиян.

Для того чтобы регулировать данные процессы – необходима комплексная просветительская работа со всеми группами населения. А также воздействие на общественное сознание через СМИ, сеть Интернет, фильмы и музыку должно вестись с позиции осуждения преступлений и примеров первенства Закона, а не наоборот (своего рода цензура). Только тогда, мы сможем говорить о разрушении ложных представлений о преступлениях и осуждении их как таковых. А информационные технологии от источника угроз – могут стать основой просветительской деятельности.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.
2. Ардашев Р.Г. Представления россиян о цифровых преступлениях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 237–240.
3. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 367–369.
4. Ардашев Р.Г. Экспертный анализ информационных сообщений в СМИ о преступлениях // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 186–189.
5. Бимбинов А.А. Социология уголовного права: некоторые выводы о возможных мерах профилактики преступлений пользователей мобильных приложений для знакомств // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 66–73.
6. Полюшкевич О.А. Правовая культура и ментальные установки современников // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной

научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2025. С. 367–369.

7. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 28–31.
8. Полюшкевич О.А. Социальная справедливость/несправедливость в современных реалиях // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2025. С. 171–175.
9. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
10. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
11. Полюшкевич О.А. Социально-правовые рамки формирования границ // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 455–460.
12. Рябыкин Д.О. Отдельные аспекты квалификации преступлений, совершаемых группой лиц с использованием информационных технологий // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью. Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 90–96.
13. Скуденков В.А. Иллюзия правовой компетентности // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 147–150.
14. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN SHAPING PERCEPTIONS OF CRIME

Ryabykin D.O.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article analyzes the role of information technology in shaping perceptions of crime. It examines existing social stereotypes about crime and highlights the role of media processes in shaping the im-

age of crime and the criminals themselves. The article presents the results of a study of Russians' perceptions of crime, emphasizing the role of information technology in these perceptions.

Keywords: information technology, crime, perceptions, public opinion, media space.

References

1. Ardashev, R. G., «The Influence of the Media on Public Opinion on Crime,» *Sociology*, 2023, № 5, pp. 90–97.
2. Ardashev, R. G., «Russians' Perceptions of Digital Crimes,» *Social Reality of Virtual Space, Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference*. Edited by O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023, pp. 237–240.
3. Ardashev, R. G., «Transformation of Russians' Thinking in the Digital Age,» *Strategy and Tactics of Socioeconomic Reforms: National Priorities and Projects, Proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Vologda, 2021, pp. 367–369.
4. Ardashev R.G. Expert analysis of media reports on crimes // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. pp. 186–189.
5. Bimbinov A.A. Sociology of criminal law: some conclusions on possible measures to prevent crimes committed by users of mobile dating applications // *The rule of law: theory and practice*. 2023. № 3 (73). pp. 66–73.
6. Polyushkevich O.A. Legal culture and mental attitudes of contemporaries // *East Siberian Legal Forum. Collection of materials of the XXXX international scientific and practical conference*. Irkutsk, 2025. pp. 367–369.
7. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. pp. 28–31.
8. Polyushkevich, O.A. Social Justice/Injustice in Modern Realities. *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2025. pp. 171–175.
9. Polyushkevich O.A. Trust in Legal Institutions // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. pp. 96–103.
10. Polyushkevich O.A. Legal Norms in Public Assessments // *State, Civil Society and Law: Theoretical and Applied Issues of Correlation and Development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. pp. 84–89.
11. Polyushkevich O.A. Social and Legal Framework for Boundary Formation // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. General editors: O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. P. 455–460.
12. Ryabykin, D.O. Certain Aspects of Qualification of Crimes Committed by a Group of Persons Using Information Technologies. *Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Issues of Combating Crime. Collection of Articles Based on the Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 2024. pp. 90–96.
13. Skudencov, V.A. The Illusion of Legal Competence. *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. Pp. 147–150.
14. Ardashev R.G. Ideology of fear: analysis of crime reports in the media and on the Internet for 2019–2022 // *Sociology*. 2023. № 6. P. 86–93.

Особенности городского маркетинга в г. Иркутске

Скуденков Владимир Алексеевич,

соискатель кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета
E-mail: vskudencov@mail.ru

В статье проводится теоретический анализ существующих стратегий городского маркетинга. На примере Иркутска показывается эффективность применения той или иной модели. Анализируются результаты качественного исследования, проведенного в виде экспертного опроса среди тех, кто занимается внутренним туризмом и на основе этого сформулирована модель городского маркетинга для Иркутска.

Ключевые слова: городской маркетинг, имидж города, бренд города.

Переходя от теоретических аспектов к практической реализации, необходимо отметить, что развитие городского маркетинга в Иркутске является относительно новым, но динамично формирующимся направлением муниципального управления. По нашему мнению, Иркутск обладает высоким потенциалом для применения маркетинговых подходов, поскольку сочетает в себе уникальные историко-культурные, природные и экономические ресурсы, способные формировать привлекательный имидж города как точки притяжения туризма, бизнеса и человеческого капитала.

Вопросами брендинга Иркутского региона и отдельных городов занимался ряд специалистов. Это исследования Ю.В. Борисовой [1], Ю.В. Заварзиной [3–5], И.А. Журавлевой [2], М.В. Поповой [14–18], О.А. Полюшкевич [6–13] и других. Все они рассматривают вопросы имиджа региона или города как стратегии государственного моделирования и управления территорией. Их идеи стали основой нашего исследования.

Общая характеристика города Иркутска

Иркутск – административный центр Иркутской области и один из старейших городов Сибири, основанный в 1661 году. Город расположен в южной части Восточной Сибири, на пересечении важнейших транспортных путей – Транссибирской магистрали и автомагистрали «Байкал». Близость к уникальному природному объекту – озеру Байкал – определяет стратегическое значение Иркутска как ключевого туристического и культурного центра региона¹.

В Иркутске чуть более 620 тысяч человек. На сегодняшний день в Иркутске реализуется ряд программ и стратегических документов, содержащих элементы городского маркетинга, хотя сам термин «маркетинг города» в них прямо не используется.

Ключевым документом является Стратегия социально-экономического развития города Иркутска до 2035 года, в которой выделены приоритеты по созданию привлекательного облика города, развитию туризма, поддержке малого бизнеса и продвижению культурного наследия. В частно-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-п. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/

сти, в стратегии определено направление «Развитие туристической отрасли и укрепление имиджа города Иркутска как центра культурного и исторического туризма».

Одним из центральных направлений продвижения города является использование бренда Байкала как символа региона. Иркутск активно позиционирует себя как «ворота к Байкалу», при этом в последние годы предпринимаются попытки сместить акцент на самостоятельную туристическую ценность города. Так, в муниципальных программах подчёркивается необходимость развития событийного туризма и продвижения архитектурного наследия – квартала 130, исторического центра, деревянного зодчества и купеческих традиций.

Однако стоит отметить участие Иркутска и в национальных программах, а именно¹:

1. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства».
2. Государственная программа «Развитие культуры и туризма».
3. Проект «Создание туристско-рекреационных кластеров».
4. Программа «Малое и среднее предпринимательство».

Реализация политики городского маркетинга в Иркутске осуществляется при активном участии муниципальных структур, координирующих работу в сфере туризма, экономики и общественных коммуникаций.

Основную роль в этом процессе играют:

- Департамент экономики администрации города Иркутска, который разрабатывает стратегические документы и программы развития, отвечает за инвестиционную политику и взаимодействие с бизнесом;
- Комитет по туризму и международным связям, занимающийся продвижением туристического потенциала города, организацией выставок, форумов и фестивалей;
- Пресс-служба администрации и отдел по общественным связям, отвечающие за коммуникационную политику, взаимодействие со СМИ и имиджевое позиционирование города;
- Департамент архитектуры и градостроительства, реализующий проекты благоустройства, исторической реконструкции и формирования городской среды.

По нашему мнению, важным направлением является также взаимодействие органов власти с бизнесом и населением. Межсекторное партнерство выступает одним из приоритетов социального моделирования территории.

Однако, несмотря на наличие программных документов и активность отдельных департаментов, в Иркутске пока отсутствует единый координиру-

ющий центр или концепция городского маркетинга, объединяющая все направления – от туризма и брендинга до инвестиционной политики и работы с населением. Это приводит к фрагментарности усилий и ограничивает эффективность реализации маркетинговых инициатив.

Механизмы финансирования

Финансирование проектов, связанных с продвижением города, осуществляется преимущественно за счёт:

- средств муниципального бюджета (в рамках программ «Развитие туризма» и «Культура города Иркутска»);
- федеральных субсидий (на благоустройство, реконструкцию общественных пространств, развитие туризма);
- грантов и конкурсов (например, Президентского фонда культурных инициатив, Фонда содействия инновациям);
- частных инвестиций в рамках ГЧП – при строительстве гостиниц, туристических объектов, кафе, реконструкции исторических зданий.

Несмотря на это, доля внебюджетного финансирования остаётся недостаточной, что ограничивает масштаб маркетинговых проектов. Мы считаем, что для повышения эффективности маркетинга города требуется более активное вовлечение местного бизнеса, предпринимательских ассоциаций и общественных организаций.

Промежуточный вывод

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в Иркутске сформированы базовые элементы городского маркетинга, включающие развитие туристических проектов, участие в федеральных программах и проведение культурных мероприятий. Органы власти демонстрируют определённую степень вовлечённости, однако деятельность носит фрагментарный и ведомственный характер, без единой долгосрочной концепции позиционирования города.

По нашему мнению, дальнейшее развитие городской маркетинговой политики Иркутска требует:

- создания единого координационного центра (или концепции) по управлению брендом города;
- усиления взаимодействия между властью, бизнесом и сообществами;
- интеграции маркетинга в систему стратегического планирования города.

Это позволит перейти от разрозненных инициатив к системному управлению имиджем Иркутска и укреплению его статуса как самобытного, привлекательного и динамично развивающегося сибирского центра.

¹ Устав Иркутской области: принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 15 апреля 2009 года. // URL: <https://irkobl.ru/documents/UstavIO/>

Для того чтобы определить стратегические направления развития городского маркетинга, необходимо провести комплексный анализ сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз внешней среды. По нашему мнению, SWOT-анализ позволяет системно оценить текущее положение города Иркутска в контексте формирования его туристического и культурного бренда, выявить потенциал роста и определить факторы, сдерживающие развитие.

Маркетинговым и социально-стратегическим потенциалом Иркутска выступает следующее.

1) Особое территориальное расположение (Иркутск – середина земли).

2) Уникальное социально-историческое и культурно-религиозное наследие.

3) Научный, образовательный и культурный потенциал.

4) Развития креативный кластер.

5) Близость Байкала.

Это все формирует перспективные ориентиры развития региона. Но при этом наблюдаются и серьезные ограничения.

1. Отсутствие тиражируемого бренда города. Иркутск чаще воспринимается через Байкал, а его уникальные образы не воспринимаются ни горожанами, ни гостями города.

2. Низкая событийная активность. В Иркутске отсутствуют масштабные ежегодные мероприятия, ради которых туристы приезжали бы специально в город. Существующие фестивали имеют локальный характер и не обладают федеральным информационным резонансом.

3. Слабая визуальная айдентика. В городе мало узнаваемых символов, арт-объектов и брендовых точек, способных стать «иконами» городской культуры. Это препятствует созданию устойчивых визуальных ассоциаций, которые являются важной частью маркетингового продвижения.

4. Отсутствие привлекательных маршрутов внутри города. Туристы, прибывающие в Иркутск, часто не знают, какие достопримечательности посетить, а существующие маршруты не включают уникальные локальные особенности, связанные с историей, культурой или ремеслом города.

Таким образом, слабые стороны Иркутска связаны не с отсутствием потенциала, а с его неструктурированным использованием и отсутствием системного подхода к маркетингу территории.

По нашему мнению, Иркутск располагает широкими возможностями для активизации городской маркетинговой политики, при условии стратегического планирования и координации усилий.

1. Развитие креативных индустрий и событийного туризма. Чтобы Иркутск стал местом пересечения социокультурного пространства Евразии.

2. Создание уникальных туристических маршрутов. Разработка концепции «Иркутск – сердце Сибири» или «Путь к Байкалу начинается здесь»

позволит изменить восприятие города как промежуточной точки.

3. Использование цифровых инструментов продвижения. Применение технологий дополненной реальности (AR-гиды, виртуальные туры), интерактивных карт и мобильных приложений позволит сделать восприятие города современным и интерактивным, особенно для молодежной аудитории.

4. Продвижение идеи Иркутска как города культурного диалога. Особое внимание самобытности города и возможного развития в будущем.

5. Обмен опытом с другими регионами. Учитывая опыт других городов можно регулировать стратегическое маркетинговое развитие города, применяя уже освоенные технологии.

Таким образом, при грамотной реализации данных возможностей Иркутск способен стать точкой притяжения культурного, образовательного и событийного туризма Восточной Сибири.

При отсутствии стратегического подхода к городскому маркетингу внешние и внутренние угрозы могут существенно ограничить потенциал развития.

1. Перетекание туристического потока напрямую к Байкалу.

2. Недофинансирование инфраструктуры и культуры.

Ограниченные финансовые ресурсы могут замедлить реализацию проектов благоустройства и культурных инициатив, что негативно скажется на восприятии города.

3. Отсутствие партнёрства между властью, бизнесом и туристическим сообществом.

4. Снижение интереса туристов из-за качества сервиса.

Чтобы преодолеть эти угрозы необходимо системно работать со стратегией продвижения Иркутска. Город должен сохранить свою культурную и историческую идентичность, сделать ставку на аутентичность, ремесленность, архитектуру и многонациональность, а также применить современные инструменты продвижения.

Необходимо:

- сохранить историческое наследие и деревянное зодчество как основу бренда города;
- развивать фестивали и культурные события, способные удерживать туристов;
- интегрировать Байкал в имидж города не как доминирующий, а как дополняющий элемент;
- отказаться от копирования чужих моделей брендинга (московской или казанской), так как это может разрушить культурный код Иркутска и стереть его самобытность.

Таким образом, стратегическая цель городской маркетинговой политики Иркутска должна заключаться в том, чтобы перестроить имидж города с «транзитного пункта» на «центр сибирской куль-

туры и ремёсел», объединяющий в себе традиции, инновации и гостеприимство.

Проблемы развития городского маркетинга в г. Иркутске

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Иркутск обладает мощным потенциалом для развития городского маркетинга, однако реализация этого потенциала сдерживается рядом системных проблем. По нашему мнению, основная причина заключается в отсутствии единого подхода к формированию бренда города и недостаточной интеграции усилий власти, бизнеса и общества. Ниже представлены ключевые проблемы, их последствия и пути решения, направленные на повышение эффективности маркетингового управления развитием Иркутска.

1. Отсутствие уникального позиционирования города. Иркутск не имеет чётко сформулированного бренда, который отличал бы его от других туристических и культурных центров России. Основной образ города сводится к фразе «ворота к Байкалу», что обесценивает собственную идентичность и культурную уникальность Иркутска.

Такое позиционирование превращает Иркутск в «транзитный город», где туристы проводят не более суток, не вовлекаясь в культурное пространство и не создавая значимого экономического эффекта для местного бизнеса.

По нашему мнению, необходимо сформировать сильный и эмоционально насыщенный бренд города, отражающий его самобытность и историко-культурное многообразие.

Возможные концепции позиционирования:

1. «Иркутск – душа Байкала» (подчёркивает связь с озером, но оставляет самостоятельную ценность города);

2. «Иркутск – город культурного переплетения Сибири и Азии» (акцент на многонациональности и уникальной атмосфере Восточной Сибири).

Формирование бренда должно сопровождаться визуальной айдентикой (логотип, фирменные цвета, слоган, дизайн-код городской среды), что позволит создать узнаваемый образ Иркутска на внутреннем и внешнем уровнях.

2. Недостаток событий, удерживающих туриста в городе. Иркутск пока не располагает мероприятиями федерального или международного масштаба, способными стать визитной карточкой города и привлекать туристов не только на Байкал, но и в сам Иркутск.

Большинство путешественников ограничиваются кратковременным пребыванием, что снижает доходы гостиничного, ресторанного и культурного сектора. Город теряет возможность закрепить в туристическом сознании как самостоятельное направление.

Необходимо создать ежегодное событийное мероприятие федерального уровня, отражающее этнокультурную специфику региона.

Предлагаем проект «Фестиваль народов Прибайкалья», который мог бы объединить бурятскую, русскую, татарскую, якутскую и другие культуры Иркутской области.

В рамках фестиваля возможно проведение:

- выставок народных ремёсел и декоративно-прикладного искусства;
- гастрономических площадок с национальной кухней;
- музыкальных и танцевальных выступлений;
- мастер-классов, форумов и ярмарок.

Такое событие способно превратить Иркутск в центр культурного туризма Восточной Сибири, повысить длительность пребывания туристов и укрепить чувство локальной идентичности у жителей.

3. Отсутствие брендированных туристических маршрутов. Несмотря на богатое архитектурное и культурное наследие, Иркутск не располагает комплексной системой туристических маршрутов, объединяющих ключевые достопримечательности в логическую и визуально привлекательную структуру.

Туристы не знают, какие объекты заслуживают внимания, что снижает глубину их вовлечённости и создаёт ощущение, что в городе «нечего смотреть».

Следует разработать единый туристический маршрут «Иркутск – Байкал», включающий обязательные остановки:

- исторический центр с купеческими домами и 130-м кварталом;
- набережную реки Ангары с интерактивными арт-точками;
- музеи и ремесленные мастерские;
- гастрономические площадки и локальные бренды;
- фотозоны и тематические арт-объекты.

Маршрут должен быть интегрирован в цифровое пространство через мобильное приложение и AR-карты, что позволит сделать путешествие интерактивным и современным. Кроме того, необходимо создать серию брендированных сувениров и информационных материалов, формирующих у туристов эмоциональную связь с городом.

4. Слабая коммуникация власти с жителями и бизнесом. В Иркутске отсутствует эффективный механизм координации маркетинговых инициатив между различными структурами – департаментами администрации, предпринимателями, туроператорами и креативным сообществом.

Множество идей и проектов реализуются точечно, без стратегического единства и долгосрочного эффекта. Недостаток горизонтальных связей снижает эффективность работы органов власти и приводит к дублированию функций.

Необходимо создать офис городского бренда Иркутска – специализированный центр, объединяющий представителей администрации, бизне-

са, университетов, культурных институтов и общественных организаций.

Задачи офиса:

- координация маркетинговых проектов;
- разработка единой коммуникационной стратегии;
- поддержка стартапов в сфере туризма и креативных индустрий;
- организация публичных консультаций с жителями и экспертами.

Подобные структуры успешно работают в Казани, Екатеринбурге и Перми, обеспечивая устойчивое взаимодействие между властью и обществом в вопросах продвижения городов.

5. Недостаточная цифровая идентичность города. В информационном пространстве Иркутск представлен ограниченно: отсутствуют современные digital-инструменты продвижения, видеоконтент и активная коммуникация в соцсетях.

Молодая аудитория и зарубежные туристы не воспринимают Иркутск как привлекательное направление, а федеральные и международные платформы мало используют визуальные материалы о городе.

Следует развивать digital-маркетинг и визуальное позиционирование города Иркутска через:

- создание единого хэштега и кампании на всех административных каналах #VisitIrkutsk и активного продвижения Иркутска в социальных сетях;
- создание серии коротких фильмов и видеороликов о городской жизни, культуре, искусстве, современных музеях и галереях города;
- сотрудничество с блогерами, тревел-фотографами и медиахудожниками;
- запуск официального туристического портала с интерактивными сервисами бронирования, картами, афишами и рекомендациями, которые смогут показать особое отношение к туристам и позволят продемонстрировать все интересные локации города.

Отдельно хочется отметить экспертный опрос, проведенный среди руководителей и ведущих специалистов туристических фирм, занимающихся въездным туризмом (n = 25), стаж работы от 5 до 35 лет; 60% женщин и 40% мужчин в возрасте 28–65 лет. Мы преследовали следующие цели:

- 1) какие отзывы оставляют туристы о городе и какие впечатления он у них вызывает;
- 2) какой процент людей приезжает одновременно изучить город и Байкал, а также как они используют свободное время в городе после перелета или перед основным туром на Байкал;
- 3) как представители агентств относятся к городу и что они думают о развитии бренда и имиджа Иркутска.

Исходя из ответов респондентов и графика (рис. 1) можно сделать следующие выводы.

Рис. 1. Отношение туристов к г. Иркутску

1. Отзывы о городе несут преимущественно положительное настроение, однако нельзя сказать, что Иркутск производит сильное впечатление на всех туристов. Для большинства это больше промежуточная точка на пути к священному озеру Байкал. Некоторые выделяют в городе бережное отношение к культурным особенностям города: деревянному зодчеству, купеческой истории, атмосфере сибирского города и теме декабристов. К сожалению, не все разделяют эту точку зрения, а лишь 1 из 10 туристов. Молодые путешественники в возрасте до 30 лет чаще не замечают динамичных и визуально современных впечатлений, чем гордятся крупные города (например, фестивали, выставки, музеи истории с современным динамичным прочтением). Исходя из сказанного, можно прийти к выводу о том, что город способен удерживать внимание людей, которые интересуются культурой и историей, но он не является ярким центром притяжения для всех категорий туристов.

2. Статистика показывает, что 10% туристического потока желают познакомиться с Иркутском, как с самостоятельным элементом поездки. Туристы приезжают заранее на 1–2 дня, чтобы не только отдохнуть перед туром, но и изучить Иркутск как самостоятельный элемент. Их интересует культурная ценность города для России, национальный колорит, кто-то устраивает знакомство с гастрономией и стремится попробовать деликатесы, а другие планируют познакомиться с ремесленными мастерами города и сразу закрыть вопросы с сувенирами из Иркутска.

3. Сами туристические агенты и владельцы агентств отмечают: «Иркутск – это, безусловно, значимый город и он интересен и узнаваем. Однако отсутствие сильного бренда и позиционирования на рынке является значительным недостатком». Делая вывод можно сказать, что Иркутск не имеет четкого имиджа в глазах туриста. Однако каждый житель Иркутска смело скажет, что город имеет свой узнаваемый символ (маскот) – бабра, историческую ценность, богатую историю и очень схожие исторические факты, которые заимствует от столиц России.

Цифровая стратегия позволит Иркутску сформировать современный, визуально привлекательный образ и выйти на международный уровень коммуникации.

Таким образом, по нашему мнению, ключевые проблемы городского маркетинга Иркутска связаны не с отсутствием ресурсов, а с дефицитом стратегического управления и слабой координацией действий различных акторов.

Для преодоления этих барьеров и повышения привлекательности города предлагается:

- разработать чёткое позиционирование и визуальный бренд Иркутска;
- сформировать устойчивые культурные и событийные традиции;
- создать брендированные туристические маршруты и цифровую инфраструктуру;
- выстроить партнёрство власти, бизнеса и общества через офис городского бренда;
- усилить присутствие города в информационном пространстве России и за её пределами.

Реализация этих мер позволит Иркутску перейти от образа «транзитного города у Байкала» к статусу самостоятельного центра культурного туризма и креативных индустрий Восточной Сибири, сохранив при этом свою историческую аутентичность и уникальный культурный код.

Направления совершенствования городского маркетинга как метода управления развитием г. Иркутска

Проведённый анализ показал, что Иркутск располагает значительным потенциалом для превращения в самостоятельный центр туристической и культурной активности Восточной Сибири. Однако в настоящее время этот потенциал реализуется фрагментарно, что требует выстраивания долгосрочной стратегии городского маркетинга. Это опирается на целостное восприятие города как устойчивого объекта. Вариантами такого притяжения могут быть следующие направления:

- Иркутск – центр культуры и ремёсел Сибири.
- Иркутск – место встречи Востока и Запада.
- Иркутск – город, с которого начинается Байкал.

Данное позиционирование сохраняет связь с главным туристическим брендом региона, но при этом подчёркивает самостоятельность города. Иркутск должен восприниматься не как «приложение» к Байкалу, а как его культурная и эмоциональная отправная точка.

1. Формирование бренда города на уровне стратегии. Одним из ключевых направлений должно стать утверждение официальной стратегии развития городского маркетинга, интегрированной в общую социально-экономическую стратегию Иркутска.

Для этого необходимо:

- разработать концепцию бренда «Иркутск – город притяжения», отражающего идею госте-

приимства, открытости и культурного разнообразия;

- привлечь креативные агентства, университеты и экспертов в области территориального брендинга для создания визуальной айдентики (логотип, шрифты, цвета, дизайн городской среды);
- утвердить бренд-гайд и дорожную карту его внедрения через муниципальные программы и инициативы.

Такой документ станет основой для согласованных действий органов власти, бизнеса и культурных институтов.

2. Создание событийного календаря города. Эффективный маркетинг территории невозможен без событий, формирующих эмоциональную привязанность к месту. Мы считаем, что Иркутску необходим собственный событийный календарь, включающий проекты, способные удерживать туристов и развивать внутренний туризм.

Предлагается:

- учредить ежегодный Фестиваль народов Прибайкалья как главный культурный бренд региона;
- проводить городские праздники ремёсел, уличной культуры и гастрономии;
- активно привлекать вузы, колледжи культуры и школы искусств как площадки для организации мероприятий;
- создавать систему мини-фестивалей на разных локациях города (например, «Деревянный Иркутск», «Музыка на Ангаре», «Купеческие вечера»).

Регулярная событийная активность позволит сформировать у туристов устойчивое ожидание новых впечатлений, а у жителей – чувство гордости и вовлечённости в жизнь города.

3. Инфраструктурные решения. Для того чтобы идеи городского маркетинга не остались на уровне концепций, необходимо создать физическую инфраструктуру бренда.

В этом направлении предлагается:

- разработать и благоустроить туристический маршрут от аэропорта до Байкала через ключевые достопримечательности Иркутска;
- установить навигационные знаки, арт-объекты, смотровые площадки и фотозоны, выполненные в едином визуальном стиле бренда;
- оформить улицы и остановки в духе фирменной айдентики города;
- благоустроить исторический центр, уделяя внимание деревянной архитектуре как «визитной карточке» Иркутска.

Инфраструктурные решения должны быть не только эстетичными, но и функциональными – направленными на комфортное пребывание туристов и повышение качества городской среды для жителей.

4. Межведомственное взаимодействие и управление. Ключевым механизмом реализации стратегии должно стать создание единой программы «Маркетинг Иркутска», объединяющей усилия департаментов культуры, туризма, архитектуры, предпринимательства и информационной политики.

В рамках программы необходимо:

- установить межведомственные рабочие группы и единые коммуникационные каналы;
- ввести KPI для органов власти по показателям узнаваемости бренда, привлечению туристов и инвесторов;
- организовать систему мониторинга эффективности проектов городского маркетинга.

Такой подход обеспечит неразрывную связь между стратегией и практикой, исключив дублирование функций и обеспечив прозрачность результатов.

5. Поддержка малого бизнеса и ремесленников. Особое внимание должно быть уделено поддержке локальных производителей, ремесленников и крафтовых брендов, поскольку именно они формируют аутентичность и культурный облик Иркутска.

Предлагается:

- выделять гранты и субсидии на развитие ремесленного туризма, сувенирной продукции и креативных студий;
- предоставлять площадки для реализации продукции в рамках фестивалей и городских ярмарок;
- развивать коллаборации между ремесленниками, дизайнерами и местными предпринимателями.

Поддержка малого бизнеса создаст экономическую основу для устойчивого развития городского маркетинга и повысит вовлечённость населения в процесс формирования бренда.

6. Продвижение через цифровые каналы. В условиях цифровизации важно обеспечить медийное присутствие Иркутска на уровне ведущих туристических направлений России.

Рекомендуется:

- создать современный туристический портал VisitIrkutsk.ru с интерактивными картами, маршрутами, календарём событий и возможностью бронирования услуг;
- развивать официальные аккаунты города в соцсетях (VK, Telegram, TikTok, YouTube, WeChat);
- использовать AR- и QR-технологии для навигации по историческим маршрутам;
- запускать коллаборации с тревел-блогерами, журналистами и онлайн-платформами.

Современные цифровые коммуникации позволяют привлечь молодую аудиторию и повысить узнаваемость Иркутска как современного, открытого и креативного города.

Таким образом, по нашему мнению, стратегические перспективы городского маркетинга Иркутска связаны с переходом от фрагментарных инициатив к системной политике формирования бренда города.

Иркутск должен стать самостоятельным центром культурного и ремесленного притяжения Сибири, сохранив свою историческую самобытность и усилив современную идентичность.

Ключевые механизмы достижения этой цели включают в себя:

- формирование официального бренда и визуальной стратегии;
- развитие событийного календаря и фестивального движения;
- создание единой инфраструктуры бренда в городской среде;
- выстраивание межведомственного взаимодействия;
- поддержку локального бизнеса и ремесленников;
- цифровое продвижение и международную коммуникацию.

Реализация данных механизмов позволит укрепить имидж Иркутска как города, в котором гармонично сочетаются история, культура, ремесло и современность, а также повысить его конкурентоспособность среди туристических центров России и Восточной Азии.

Литература

1. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 81–92.
2. Журавлева И.А., Заварзина Ю.В., Попова М.В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 26–29.
3. Заварзина Ю.В. Виртуальный имидж Иркутской области // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 69–75.
4. Заварзина Ю.В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций // Социология. 2021. № 4. С. 75–91.
5. Заварзина Ю.В. Роль креативного брендинга в социально-экономическом развитии территории // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 97–100.

6. Полюшкевич О.А. Противоречия конструирования территориальной идентичности Байкальского региона // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань, 2020. С. 145–148.
7. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.
8. Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.
9. Полюшкевич О.А. Символы территориального единства сибиряков // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. Материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 87–92.
10. Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске // Социология. 2019. № 2. С. 250–256.
11. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293–300.
12. Полюшкевич О.А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI – 2017: идеи, гипотезы, открытия в социально- гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики права. Хабаровск, 2017. С. 129–135.
13. Полюшкевич О.А., Борисова Ю.В., Попова М.В. Технология разработки бренда города (на примере Ангарского городского округа) // Урбанистика. 2017. № 4. С. 48–62.
14. Попова М.В. Бренд и имидж территории: характерные отличия // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, ИГУ, 2016. С. 121–127.
15. Попова М.В. Влияние идентичности на имидж сельских территорий // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 158–164.
16. Попова М.В. Социальные представления об имидже и бренде территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. Материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 266–272.
17. Попова М.В., Борисова Ю.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.
18. Попова М.В., Попов Е.П. Территориальный имидж как основа брендинга территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. Материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 272–280.

CHARACTERISTICS OF URBAN MARKETING IN IRKUTSK

Skudenkov V.A.

Irkutsk State University

This article provides a theoretical analysis of existing urban marketing strategies. Using Irkutsk as an example, the effectiveness of each model is demonstrated. The results of a qualitative study conducted in the form of an expert survey among those involved in domestic tourism are analyzed, and based on this, an urban marketing model for Irkutsk is formulated.

Keywords: urban marketing, city image, city brand.

References

1. Borisova Yu.V. «City Image as a Development Strategy (using Irkutsk as an Example)» // Urban Studies. 2017. № 3. pp. 81–92.
2. Zhuravleva I.A., Zavarzin Yu.V., Popova M.V. «The Influence of Territorial Identity on the Creation of a Territorial Brand as a Creative Direction» // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of a Region. Proceedings of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 26–29.
3. Zavarzin Yu.V. «Virtual Image of the Irkutsk Region» // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. pp. 69–75.
4. Zavarzin Yu.V. Territorial Image through the Prism of Sociocultural Communications // Sociology. 2021. № 4. pp. 75–91.
5. Zavarzin Yu.V. The Role of Creative Branding in the Socioeconomic Development of the Territory // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 97–100.
6. Polyushkevich O.A. Contradictions in Constructing the Territorial Identity of the Baikal Region // Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Online Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Tatar ASSR. Edited by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan, 2020. Pp. 145–148.
7. Polyushkevich O.A. Symbolic Meaning of Territory in the Minds of Siberians // Sociology. 2018. № 2. Pp. 113–117.
8. Polyushkevich O.A. Symbolic Construction of Territorial Identity (Based on Irkutsk Toponymy) // Management Consulting. 2017. № 11 (107). Pp. 80–94.
9. Polyushkevich O.A. Symbols of Territorial Unity of Siberians // Culture and Explosion: Social Meanings in the Era of Change. Proceedings of the IX All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2017. Pp. 87–92.
10. Polyushkevich O.A. Territorial Identity and Toponymic Problems in Irkutsk // Sociology. 2019. № 2. Pp. 250–256.
11. Polyushkevich O.A. Territorial and Spatial Symbols of Sociocultural Solidarity of Siberia // Bulletin of the Pacific National University. 2017. № 4 (47). Pp. 293–300.
12. Polyushkevich O.A. Territory as a Symbol of Consolidation of the Baikal Region // DIXI – 2017: Ideas, Hypotheses, Discoveries in Social and Humanitarian Research. Collection of Scien-

- tific Papers. Khabarovsk State University of Economics, Law. Khabarovsk, 2017. Pp. 129–135.
13. Polyushkevich O. A., Borisova Yu. V., Popova M.V. City Brand Development Technology (Based on the Angarsk Urban District) // Urban Studies. 2017. № 4. pp. 48–62.
14. Popova M.V. Territory Brand and Image: Characteristic Differences // Transgression of Sociocultural Space. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, Irkutsk State University, 2016. pp. 121–127.
15. Popova M.V. The Influence of Identity on the Image of Rural Territories // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 158–164.
16. Popova M.V. Social Representations of Territorial Image and Brand // Culture and Explosion: Social Meanings in the Era of Change. Proceedings of the IX All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2017. pp. 266–272.
17. Popova, M.V., Borisova, Yu.V. Construction of a Territorial Brand in the Perceptions of Russians // Sociology. 2018. № 2. pp. 97–103.
18. Popova, M.V., Popov, E.P. Territorial Image as a Basis for Territorial Branding // Culture and Explosion: Social Meanings in the Era of Change. Proceedings of the IX All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2017. pp. 272–280.

Проблемы взаимодействия органов власти и общественных организаций в сфере молодежной политики

Трескин Петр Андреевич,

старший преподаватель кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, руководитель МАУ г.о. Самара «Самарская газета»
E-mail: treskin-ne@ya.ru

В статье проводится системный анализ проблем взаимодействия органов власти и общественных организаций в рамках реализации молодежной политики. Анализируются сильные и слабые стороны, выделяются ключевые проблемы и обозначаются варианты их решения.

Ключевые слова: органы власти, общественные организации, взаимодействие, молодежная политика.

Несмотря на активное развитие институтов взаимодействия государства и институтов гражданского общества, практика реализации молодежной политики сталкивается с рядом системных проблем. Они проявляются на всех уровнях – от федерального до муниципального – и затрагивают как организационные, так и содержательные аспекты работы. Эти проблемы препятствуют эффективному вовлечению молодежи, снижают доверие к институтам власти и ограничивают потенциал общественных организаций. Анализ данных ограничений позволяет выявить направления, требующие корректировки и дальнейшего совершенствования.

С учетом результатов проведенного анализа можно выделить шесть ключевых проблем, влияющих на взаимодействие органов власти и общественных организаций в сфере молодежной политики.

1. Недостаток устойчивого финансирования молодежных некоммерческих организаций.
2. Формализация участия молодежи в консультативных и совещательных органах.
3. Кадровый дефицит в сфере молодежной политики и высокой текучести кадров.
4. Слабая координация между федеральным, региональным и муниципальным уровнями управления.
5. Ограниченный охват сельской молодежи и так называемых «слабых голосов».
6. Цифровое неравенство и слабая цифровая доступность государственных и общественных сервисов.

Каждая из указанных проблем имеет собственные причины и проявления, но в совокупности они формируют систему взаимосвязанных барьеров, снижающих эффективность молодежной политики.

Проблема 1. Недостаток устойчивого финансирования НКО.

Недостаток устойчивого финансирования молодежных некоммерческих организаций (НКО) – одна из наиболее серьезных проблем, препятствующих развитию полноценной молодежной политики в Российской Федерации. Несмотря на значительные усилия федерального центра по расширению грантовой поддержки, на практике финансирование остается краткосрочным и ограниченным, что делает дея-

тельность НКО зависимой от конкурсных механизмов и затрудняет долгосрочное планирование [2].

Во-первых, грантовая система в основном ориентирована на проектный формат, где средства выделяются на 6–12 месяцев. После завершения этого периода организация часто вынуждена заново искать источники поддержки, что приводит к разрыву в деятельности.

Во-вторых, сохраняется сильная зависимость от одного источника финансирования. В большинстве случаев это гранты Росмолодежи или Президентского фонда культурных инициатив. На региональном и муниципальном уровнях подобные механизмы развиты значительно слабее: в некоторых субъектах отсутствуют собственные конкурсы для молодежных НКО, а объемы выделяемых средств ограничены несколькими сотнями тысяч рублей в год.

В-третьих, недостаточно развиты механизмы софинансирования и социального предпринимательства. НКО редко имеют возможность привлекать дополнительные ресурсы от бизнеса или частных жертвователей. Корпоративная социальная ответственность компаний слабо интегрирована в сферу молодежной политики, за исключением отдельных примеров в крупных регионах.

По данным Росмолодежи¹, в 2022 году общая сумма грантовой поддержки молодежных проектов составила около 3,2 млрд рублей, в 2023 году – 4 млрд рублей, в 2024 году – около 4,5 млрд рублей. Однако количество заявок стабильно растет: если в 2022 году было подано 15 тыс. проектов, то в 2024 году – уже более 22 тыс. В результате конкуренция увеличивается, и только четвертая часть инициатив получает поддержку.

Региональные различия также весьма существенны. В Москве и Татарстане существует разветвленная система региональных конкурсов, где ежегодно распределяются десятки миллионов рублей. В Сахалинской области в 2023 году дополнительно выделено 80 млн рублей на поддержку социально ориентированных молодежных проектов. В то же время в ряде сибирских и дальневосточных субъектов общий объем финансирования молодежных НКО не превышает 5–10 млн рублей в год, что не позволяет организациям вести системную работу.

Особенно уязвимыми оказываются сельские территории. Там молодежные объединения либо вообще не имеют доступа к грантовой поддержке, либо сталкиваются с серьезными административными барьерами при подаче заявок. Это приводит к тому, что активность концентрируется в крупных городах, а сельская молодежь остается вне институциональной молодежной политики.

Отсутствие устойчивости проектов: даже успешные инициативы часто прекращают работу после завершения гранта. Кадровая нестабильность: молодые специалисты, пришедшие в НКО, не видят перспективы постоянной занятости и уходят в другие сферы. Ограничение инновационности: организации вынуждены адаптировать идеи «под конкурс», а не исходя из реальных потребностей молодежи. Рост региональных диспропорций: молодежь в благополучных субъектах получает доступ к большему числу программ, тогда как менее обеспеченные регионы остаются на периферии молодежной политики. Снижение доверия к государственным институтам: молодежь видит, что проекты не получают долгосрочной поддержки, и воспринимает политику как временную или имитационную.

Таким образом, проблема недостаточного и нестабильного финансирования является системной и затрагивает все уровни реализации молодежной политики. Без решения этой задачи невозможно говорить о формировании устойчивого сектора молодежных НКО, способных планировать работу на годы вперед и реализовывать комплексные программы. Эта проблема также напрямую связана с кадровыми и организационными вопросами, которые будут рассмотрены в последующих разделах.

Проблема 2. Формализация участия молодежи.

Одним из наиболее обсуждаемых вызовов современной молодежной политики является формализация участия молодежи в процессах принятия решений. Несмотря на широкое распространение консультативных органов – молодежных парламентов, советов, общественных палат при органах власти – их влияние в большинстве случаев остается ограниченным.

Во-первых, деятельность молодежных структур часто носит декларативный характер. Заседания проводятся нерегулярно, повестка согласуется заранее, а вопросы, выносимые на обсуждение, имеют рекомендательный статус. Это снижает мотивацию самих участников, которые не видят реального результата своей работы.

Во-вторых, наблюдается отсутствие институциональных механизмов передачи инициатив от молодежных органов в систему государственного управления. Даже если предложения вырабатываются, они редко находят отражение в нормативных актах или государственных программах.

В-третьих, в ряде случаев молодежные советы формируются по принципу назначения сверху, а не открытых выборов или конкурса. Это ведет к появлению «удобных» представителей молодежи, что снижает уровень доверия со стороны активной части общества.

По данным мониторинга Общественной палаты Российской Федерации, в 2023 году более чем

¹ Федеральное агентство по делам молодежи. Итоги реализации проектов «Россия – страна возможностей» // Росмолодежь: офиц. сайт. URL: <https://fadm.gov.ru>

в 70 регионах действовали молодежные парламенты при законодательных собраниях. Однако лишь в 15–20% случаев их инициативы учитывались при разработке региональных программ.

В Москве действует система молодежных палат при муниципальных образованиях. Несмотря на то, что это одна из наиболее развитых моделей, многие участники отмечают, что их предложения редко влияют на решения местных органов власти.

В Ленинградской области, где активно практикуется инициативное бюджетирование, ситуация более позитивная: молодежные советы предлагают конкретные проекты, за которые голосуют жители, и часть инициатив реализуется за счет бюджета. Однако и здесь охват ограничен – участвует в среднем 10–15% молодежи региона.

Снижение доверия к институтам власти: молодежь воспринимает участие в советах и парламентах как имитацию диалога. Рост пассивности: участники, разочаровавшись в эффективности работы органов, теряют интерес к общественной деятельности. Социальное неравенство: доступ к формальным органам участия чаще получают представители активной городской молодежи, в то время как сельская и малообеспеченная молодежь остается вне системы. Искажение обратной связи: государственные органы получают ограниченное представление о реальных запросах молодежи, что снижает результативность программ.

Решение проблемы формализации требует не только институциональных изменений, но и смены управленческой логики. Необходимо переходить от консультативных моделей к партнерским: расширять практику инициативного бюджетирования, внедрять обязательный учет предложений молодежных органов при разработке программ, развивать цифровые платформы, где инициативы молодежи фиксируются публично и отслеживается их реализация.

Таким образом, формализация участия остается одной из ключевых проблем взаимодействия власти и молодежных организаций. Она приводит к снижению доверия и разочарованию молодых людей, ограничивает их влияние на политику и препятствует развитию полноценного гражданского общества. Решение данной проблемы напрямую связано с поиском новых моделей взаимодействия, которые позволят молодежи не только высказывать предложения, но и видеть их практическое воплощение.

Проблема 3. Кадровый дефицит в сфере молодежной политики.

Эффективность молодежной политики напрямую зависит от качества кадрового состава органов власти и общественных организаций, вовлеченных в ее реализацию. Однако на практике именно ка-

дровый дефицит остается одной из наиболее устойчивых проблем, препятствующих формированию стабильной системы взаимодействия государства и молодежи.

Во-первых, работа в сфере молодежной политики часто воспринимается как временный карьерный этап. Молодые специалисты приходят в органы власти или НКО для получения опыта, но вскоре покидают сектор из-за низкого уровня оплаты труда и ограниченных возможностей карьерного роста.

Во-вторых, сохраняется недостаток профильной подготовки. Несмотря на то, что в ряде вузов открываются программы по государственному и муниципальному управлению, «чисто молодежная политика» редко выступает как самостоятельное направление подготовки. В результате специалисты приходят в отрасль без достаточной теоретической базы и навыков проектного управления.

В-третьих, существует проблема перегрузки кадров в муниципальных структурах. В небольших поселениях отделы по молодежной политике фактически совмещают несколько направлений работы – спорт, культуру, туризм, социальную сферу. Это приводит к снижению качества работы и к высокой текучести кадров.

По данным исследований, проведенных в 2022–2023 гг., средний срок работы специалистов по молодежной политике на муниципальном уровне составляет менее трех лет [3]. При этом почти 40% сотрудников совмещают несколько должностных обязанностей.

В общественном секторе ситуация не менее сложная. Молодежные НКО сталкиваются с проблемой отсутствия профессиональных менеджеров и проектных специалистов. Руководителями организаций чаще всего становятся активисты «по призванию», что усиливает энтузиазм, но ограничивает эффективность управления. В результате многие проекты не достигают поставленных целей из-за ошибок в планировании и отчетности.

Региональные примеры также показывают разрыв в уровне подготовки. В Москве и Татарстане созданы центры обучения молодежных лидеров, проводятся программы наставничества и стажировки. В то же время в ряде регионов кадровый потенциал ограничен несколькими специалистами, зачастую работающими «на энтузиазме». Это ведет к неравномерности реализации молодежной политики по стране.

Низкая эффективность программ: отсутствие квалифицированных кадров снижает качество разработки и реализации проектов. Имитационный характер работы: при недостатке специалистов мероприятия проводятся формально, без анализа их реальной эффективности. Слабая преемственность: из-за высокой текучести кадров теряется опыт и нарушается преемственность в ра-

боте молодежных структур. Снижение доверия молодежи: ошибки в организации мероприятий и недостаточная вовлеченность специалистов приводят к разочарованию молодежи и снижению ее активности.

Таким образом, кадровый дефицит является системной проблемой, которая снижает результативность молодежной политики на всех уровнях. Решение этой задачи требует комплексного подхода: создания специализированных образовательных программ в вузах, повышения престижа профессии, развития системы наставничества и формирования условий для долгосрочной занятости специалистов. Без устранения кадрового дефицита невозможно построить устойчивую систему взаимодействия государства и общественных организаций в сфере молодежной политики.

Проблема 4. Слабая координация между уровнями власти.

Важнейшим условием эффективной молодежной политики является согласованность действий федеральных, региональных и муниципальных структур. Однако на практике именно недостаточная координация между уровнями власти остается одной из ключевых проблем, тормозящих развитие молодежной политики.

Во-первых, сохраняется дублирование функций. Федеральные органы формируют стратегические документы, но аналогичные программы часто разрабатываются на региональном уровне без учета федеральных приоритетов. В результате появляются параллельные проекты, ресурсы распределяются неэффективно, а показатели результативности остаются формальными.

Во-вторых, отсутствует единая система мониторинга и оценки эффективности. Каждый уровень власти использует собственные критерии: федеральный – охват и количество мероприятий, регионы – участие молодежи в программах, муниципалитеты – число локальных инициатив. Такое разнообразие делает невозможным сопоставление результатов и формирование общей картины.

В-третьих, отмечается разрыв в информационном обмене. Федеральные структуры не всегда получают достоверные данные из муниципалитетов, а местные органы не имеют доступа к аналитике на федеральном уровне. В итоге молодежная политика развивается фрагментарно.

По данным Росмолодежи, в 2023 году 72% регионов разработали собственные программы по реализации Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». Однако лишь треть из них включили показатели, сопоставимые с федеральными индикаторами [4–9].

В Красноярском крае в 2022–2023 гг. проводился мониторинг реализации молодежных программ. Результаты показали, что муниципальные

отделы используют разные подходы к учету молодежных инициатив: в одних районах фиксируется только количество мероприятий, в других – число вовлеченных участников, в третьих – объем привлеченного финансирования. Это затрудняет формирование консолидированного отчета по региону.

В Сахалинской области в 2023 году возникла ситуация, когда региональная программа поддержки волонтерских движений не учитывала федеральные грантовые проекты, уже действующие на территории. Это привело к дублированию мероприятий и неэффективному расходованию средств.

Размывание ответственности: неясно, какой уровень власти отвечает за конечный результат. Неравномерность развития: одни регионы активно внедряют федеральные инициативы, другие ограничиваются формальными отчетами. Снижение эффективности использования ресурсов: дублирование программ и конкуренция между уровнями власти ведут к потере финансов и времени. Падение доверия молодежи: участники сталкиваются с противоречивыми требованиями и разными стандартами участия.

Для решения проблемы необходима разработка единой вертикали мониторинга, где показатели федеральных программ будут интегрированы с региональными и муниципальными индикаторами. Следует создать цифровую платформу, объединяющую все уровни отчетности и обеспечивающую прозрачность данных. Перспективным направлением является развитие сетевого взаимодействия: регулярные стратегические сессии с участием федеральных, региональных и муниципальных органов власти, обмен лучшими практиками, формирование единых методических стандартов.

Таким образом, слабая координация между уровнями власти приводит к дублированию функций, снижению эффективности программ и падению доверия молодежи. Решение этой проблемы возможно только при создании единой системы управления и мониторинга, обеспечивающей согласованность действий на всех уровнях.

Проблема 5. Ограниченный охват сельской молодежи и «слабых голосов».

Одной из системных проблем молодежной политики в Российской Федерации является неравномерность охвата целевых групп. В первую очередь это касается сельской молодежи, а также так называемых «слабых голосов» – молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, представителей малообеспеченных семей, мигрантов и национальных меньшинств. Несмотря на провозглашенные цели инклюзивности, именно эти категории остаются на периферии молодежной политики.

Во-первых, в сельских территориях слабо развита инфраструктура. Молодежные центры, ресурсные площадки, коворкинги и пространства для досуга чаще всего сосредоточены в крупных городах. В малых поселениях отсутствуют условия для проведения мероприятий, что снижает доступность программ для молодых людей.

Во-вторых, сохраняются проблемы транспортной и цифровой доступности. Для участия в форумах, конкурсах или обучающих программах сельская молодежь должна выезжать в областные центры, что требует дополнительных затрат. Наличие интернета не всегда обеспечивает равный доступ: в ряде регионов фиксируется низкая скорость связи и перебои с подключением.

В-третьих, государственные органы и НКО зачастую ориентируются на массовую и «удобную» аудиторию, концентрируя усилия на студенческой молодежи в городах. Это приводит к недоучету потребностей менее ресурсных групп.

Согласно данным Росстата, более 25% молодежи в возрасте от 14 до 30 лет проживает в сельской местности. Однако их участие в федеральных и региональных молодежных программах в 2023 году составило менее 10% от общего числа участников.

В Республике Саха (Якутия) неоднократно фиксировались трудности с доступом сельской молодежи к цифровым платформам Росмолодежи и «Добро.ру». Жители отдаленных улусов не могут своевременно подавать заявки на конкурсы из-за проблем со связью.

В Ленинградской области в 2023 году проведено исследование, показавшее, что лишь 12% сельских школьников участвовали в региональных молодежных инициативах, тогда как среди городских сверстников этот показатель превышал 40%.

Рост социального неравенства: молодежь из сельских территорий и уязвимых групп имеет меньше возможностей для самореализации. Снижение доверия к институтам: отсутствие поддержки формирует у сельской молодежи ощущение отстраненности от государственных программ. Риск маргинализации: молодые люди, не вовлеченные в позитивные формы активности, чаще оказываются подвержены негативным социальным практикам. Потеря кадрового потенциала: государство недополучает талантливых молодых людей из сельской местности, которые могли бы стать лидерами в своих сферах.

Для решения проблемы необходим комплекс мер: развитие сети мобильных молодежных центров, которые выезжают в сельские территории, использование онлайн-форматов с учетом цифрового неравенства (льготный интернет-доступ, офлайн-заявки через муниципальные администрации), целевые программы для молодежи с ОВЗ и малообеспеченных семей, поддержка

местных инициативных групп, которые лучше знают потребности своих сообществ.

Таким образом, ограниченный охват сельской молодежи и «слабых голосов» представляет собой серьезную проблему, снижающую эффективность молодежной политики и противоречащую принципу равных возможностей. Для ее преодоления необходимо сочетание инфраструктурных, цифровых и социальных решений, позволяющих вовлечь в молодежные программы все категории молодых граждан, независимо от места проживания и социального положения.

Проблема 6. Цифровое неравенство и слабая цифровая доступность.

В последние годы цифровизация стала ключевым направлением государственной молодежной политики. Создаются онлайн-платформы для подачи заявок на гранты, регистрации волонтеров, участия в конкурсах и форумах. Однако именно цифровая среда выявила новые барьеры, связанные с неравным доступом к интернет-сервисам и недостаточной цифровой грамотностью молодежи.

Во-первых, сохраняется территориальная диспропорция. В крупных городах доступ к высокоскоростному интернету является нормой, тогда как в сельской местности фиксируются перебои и низкая скорость связи. Это ограничивает возможности сельской молодежи участвовать в цифровых сервисах Росмолодежи и платформе «Добро.ру».

Во-вторых, существует проблема социального неравенства. Молодые люди из малообеспеченных семей не всегда имеют персональные устройства или возможность постоянно пользоваться мобильным интернетом. В таких условиях даже наличие цифровых платформ не гарантирует равный доступ.

В-третьих, сохраняется недостаточный уровень цифровой грамотности у части молодежи. Особенно это касается ребят из сельских школ, колледжей, а также молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Затрудненное использование сервисов снижает их мотивацию к участию в проектах.

По данным Минцифры, в 2023 году около 12% домохозяйств в сельской местности не имели доступа к стабильному интернету. При этом именно цифровые платформы становятся главным инструментом вовлечения молодежи в общественные инициативы.

В Республике Саха (Якутия) неоднократно фиксировались проблемы с подачей заявок на участие в грантовых конкурсах из-за низкого качества связи. В результате часть молодежных инициатив так и не дошла до рассмотрения.

В Нижегородской области в 2022 году было проведено исследование, показавшее, что 28% сельской молодежи испытывают трудности при работе

с государственными цифровыми сервисами, тогда как среди городских сверстников этот показатель составил лишь 7%.

Ограничение доступа к государственным программам: молодежь из сельских территорий и социально уязвимых групп не может в равной степени пользоваться цифровыми возможностями. Снижение мотивации к участию: технические сложности приводят к тому, что молодые люди отказываются от подачи заявок и участия в онлайн-проектах. Усиление социального неравенства: цифровое отставание становится дополнительным фактором, ограничивающим возможности молодежи. Потеря обратной связи: государство не получает мнения значительной части молодежи, что снижает репрезентативность проводимых программ [11, 12–15].

Для преодоления цифрового неравенства необходимы меры комплексного характера: развитие инфраструктуры в сельской местности, обеспечение доступа к широкополосному интернету, создание альтернативных каналов подачи заявок (через муниципальные администрации, МФЦ, офлайн-форматы), программы по повышению цифровой грамотности для школьников, студентов и молодежи с ОВЗ, предоставление льготного доступа к интернет-услугам для малообеспеченных семей [10].

Таким образом, цифровое неравенство является значимой проблемой, ограничивающей эффективность молодежной политики и препятствующей достижению целей цифровизации. Решение этой задачи требует координации усилий государства, бизнеса и образовательных организаций, направленных на обеспечение равных цифровых возможностей для всей молодежи.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на развитие инфраструктуры и рост числа молодежных инициатив, система взаимодействия органов власти и общественных организаций в России сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем [16–20]. Недостаток устойчивого финансирования, формализация участия молодежи, кадровый дефицит, слабая координация между уровнями власти, ограниченный охват сельской молодежи и уязвимых групп, а также цифровое неравенство формируют совокупность барьеров, существенно снижающих результативность молодежной политики.

Эти проблемы взаимосвязаны и во многом усиливают друг друга: финансовая нестабильность препятствует кадровой устойчивости; слабая координация между уровнями власти обостряет территориальные диспропорции; цифровое неравенство и ограниченность инфраструктуры ведут к исключению части молодежи из участия в программах [21–24].

В результате эффективность молодежной политики снижается, а доверие молодежи к государственным институтам оказывается под угрозой. Для преодоления данных вызовов требуется сис-

темный подход, сочетающий нормативные изменения, институциональные реформы и поддержку со стороны гражданского общества. Выявленные в данном разделе проблемы задают рамку для дальнейшего анализа и поиска решений. В последующих разделах работы внимание будет сосредоточено на механизмах, позволяющих смягчить обозначенные ограничения, а также на рассмотрении того, как указанные проблемы проявляются в практике взаимодействия органов исполнительной власти и молодежных общественных объединений в Иркутской области. В третьей главе на материалах Иркутской области будет показано, как выявленные общероссийские проблемы проявляются на региональном уровне и какие механизмы взаимодействия органов исполнительной власти и молодежных общественных объединений используются для их преодоления.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 125–128.
5. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 48–52.
6. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
7. Баев П.А., Хаустов Д.С. Материальные притязания и финансовые идолы современных студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и век-

- торы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 352–355.
8. Журавлева И.А. Изменение условий и форм образования // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 78–82.
 9. Журавлева И.А. Образовательные и трудовые стратегии молодежи в 2018 и 2023 гг. // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 185–190.
 10. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132.
 11. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, Вол НЦ РАН, 2022. С. 675–678.
 12. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
 13. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 41–44.
 14. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
 15. Скуденков В.А. Социально-экономические притязания в кризисном обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 84–90.
 16. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
 17. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
 18. Трескин П.А. Развитие человеческих ресурсов студенческих общественных организаций // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 362–365.
 19. Трескин П.А. Ресурсы некоммерческого сектора байкальского региона в многополярном мире // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 229–233.
 20. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
 21. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // ExLegis: правовые исследования. 2019. № 4. С. 37–39.
 22. Трескин П.А. Просоциальные практики гражданской активности молодежи: история и современность // Социология. 2025. № 8. С. 85–92.
 23. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей // Социология. 2024. № 3. С. 52–59.
 24. Трескин П.А. Некоммерческие организации в системе взаимодействия власти, бизнеса и общественности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 156–161.

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT BODIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF YOUTH POLICY

Treskin P.A.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article provides a systematic analysis of the interactions between government agencies and public organizations in the implementation of youth policy. Strengths and weaknesses are analyzed, key issues are identified, and solutions are proposed.

Keywords: government agencies, public organizations, interaction, youth policy.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in the New Meaningful Life Orientations of Russians // Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 130–134.

2. Ardashev R.G. Changing Consciousness in the Era of a Post-Pandemic Society // *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurements. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. pp. 76–79.*
3. Ardashev R.G. New Meanings in the Consciousness of Young People: The Influence of Virtuality // *In Search of Social Truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 152–156.*
4. Ardashev R.G. Consciousness of City Residents in a Post-Pandemic Society // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 125–128.*
5. Baev P.A. National Heroes of Russia in the Virtual World // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 48–52.*
6. Baev P.A., Khaustov D.S. Living on Debt: Moral Attitudes of Russians // *Sociology. 2023. № 6. Pp. 94–100.*
7. Baev P.A., Khaustov D.S. Material aspirations and financial idols of modern students // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Vectors of Development. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. pp. 352–355.*
8. Zhuravleva, I.A. Changing the conditions and forms of education // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Vectors of Development. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. pp. 78–82.*
9. Zhuravleva, I.A. Educational and labor strategies of young people in 2018 and 2023 // *Social reality of virtual space. Proceedings of the V International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. pp. 185–190.*
10. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // *Humanitarian vector. 2023. Vol. 18. № 2. Pp. 124–132.*
11. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the VII international scientific and practical internet conference. Vologda, Vol Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. Pp. 675–678.*
12. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of prosocial practices // *Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.*
13. Polyushkevich O.A. Social Communications and Prosocial Practices in the Digital World // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. pp. 41–44.*
14. Pruzhinin A. N., Podzhidaeva A. Yu. Models of Legitimization of Human Resource Development of Non-Commercial Organizations // *Sociology. 2022. № 1. pp. 144–153.*
15. Skudunkov V.A. Socio-Economic Aspirations in a Crisis Society // *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. Irkutsk, Irkutsk State University, 2018. pp. 84–90.*
16. Skudunkov V.A. Social Symbols of Cash in Everyday Life // *Sociology. 2019. № 2. pp. 280–283.*
17. Skudunkov V.A. Economic Claims in the Context of Mobilization // *Sociology. 2022. № 5. pp. 80–87.*
18. Treskin P.A. Development of Human Resources of Student Public Organizations // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Vectors of Development. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. pp. 362–365.*
19. Treskin P.A. Resources of the Non-Commercial Sector of the Baikal Region in a Multipolar World // *Ethnopsychological and Cross-Cultural Problems and Resources of the Formation of a Multipolar World (Eastern and Western Approaches). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, ISU, 2023. pp. 229–233.*
20. Treskin P.A. Youth Non-Commercial Organizations as a Modern Social Elevator // *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2022. № 3 (67). pp. 154–158.*
21. Treskin P.A. Participation of Public Organizations in Regulating Public Relations in the Region // *ExLegis: Legal Research. 2019. № 4. pp. 37–39.*
22. Treskin P.A. Pro-social Practices of Youth Civic Engagement: History and Modernity // *Sociology. 2025. № 8. pp. 85–92.*
23. Treskin P.A. The Role of Youth Public Organizations in the Formation of Civic Consciousness, Patriotism, and Moral Values // *Sociology. 2024. № 3. Pp. 52–59.*
24. Treskin P.A. Non-profit Organizations in the System of Interaction between Government, Business, and the Public // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 156–161.*

Анализ социальных представлений молодежи о многодетности: разрыв между ценностным одобрением и поведенческими установками в условиях современной России

Устинова Оксана Вячеславовна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
E-mail: ustinoovaov@tyuiu.ru

В статье представлены результаты комплексного исследования, направленного на выявление особенностей восприятия многодетной семьи в молодежной среде. На основе синтеза данных вторичного анализа (ВЦИОМ) и авторского анкетирования выявлен ключевой парадокс: устойчивое ценностное одобрение многодетности как социального идеала сочетается с крайне низкой готовностью к ее реализации в собственных жизненных планах. Восприятие амбивалентно: наряду с образами «сплоченной команды» и «самоотверженных родителей» доминируют стереотипы о неизбежной бедности, карьерном крахе, хаосе и потере личного пространства. Исследование детализирует структуру этого разрыва, выделяя в качестве ключевых барьеров не только материальные факторы, но и социально-психологические – конфликт с идеологией индивидуалистической самореализации, дефицит позитивных медийных образов и влияние травматичного семейного опыта предыдущих поколений. На основе результатов сформулированы рекомендации по коррекции информационной политики и формированию более релевантного и реалистического имиджа многодетной семьи.

Ключевые слова: многодетная семья, репродуктивные установки молодежи, социальные представления, имидж семьи, демографическая политика, стереотипы восприятия.

Актуальность

Актуальность изучения представлений молодежи о многодетной семье в современной России обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов: перманентным демографическим кризисом, декларируемым государством курсом на возрождение многодетности как нормы и фундаментальным сдвигом в системе ценностей и жизненных стратегиях молодого поколения. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к снижению рождаемости, что делает стратегически важным понимание репродуктивных установок тех, кто формирует демографический потенциал страны на ближайшие десятилетия. В таких условиях особенно важно анализировать, как молодежь воспринимает семью и многодетность, какие установки формируются у будущих родителей и какие барьеры препятствуют трансляции абстрактных ценностей в конкретные жизненные решения.

Многодетная семья традиционно рассматривается как один из важнейших элементов сохранения культурных, моральных и духовных ценностей российского общества. Однако в общественном сознании образ многодетной семьи зачастую воспринимается неоднозначно, демонстрируя значительную поляризацию: с одной стороны – как символ семейного благополучия и социального долга, с другой – как социально и экономически обремененный институт, сопряженный с чрезмерными трудностями в условиях современной реальности. Этот внутренний конфликт в восприятии становится ключевым предметом анализа.

Заместитель Председателя Правительства РФ Т.А. Голикова в 2024 г. отметила рост интереса молодежи к созданию семьи: «Все больше молодых людей выражают желание иметь детей, однако они нуждаются в большей финансовой и социальной поддержке» [1]. Эта цитата подчеркивает двудеиную актуальность проблемы: необходимость не только изучения отношения молодежи к многодетности, но и выявления глубинных причин разрыва между желанием и действием, чтобы создавать адекватные и комплексные условия, которые помогут молодым людям реализовать свои семейные планы.

Цель настоящей работы – выявить особенности восприятия молодежью многодетной семьи,

определить структуру и содержание этого образа, а также проанализировать факторы, влияющие на формирование общественного мнения о многодетности среди молодежи, с акцентом на выявление причин разрыва между ценностным одобрением и поведенческими установками.

Восприятие многодетной семьи в обществе является сложным социальным конструктом, отражающим культурные ценности, экономические реалии и личные жизненные стратегии. Для молодежи этот имидж служит не просто абстрактным понятием, а ключевым ориентиром при формировании собственных репродуктивных планов и проектировании жизненного пути [2]. Анализ отношения молодежи к многодетности позволяет не только прогнозировать демографические тенденции, но и выявлять глубинные социокультурные барьеры для реализации семейной политики, которые могут не нивелироваться исключительно экономическими мерами поддержки.

Исследования показывают, что образ многодетной семьи в массовом сознании, особенно среди молодежи, часто поляризован, колеблясь между идеализацией традиционных ценностей и восприятием ее как модели, сопряженной с непреодолимыми трудностями в современных условиях. Этот образ формируется под влиянием множества каналов: личного опыта, семейных нарративов, медиа-контента и общественного дискурса [3]. Примечательно, что в цифровую эпоху, где доминируют визуальные коммуникации, решающую роль начинает играть не столько официальная пропаганда, сколько «картинка» – доступные и релевантные визуальные образы повседневной жизни многодетных семей, транслируемые через популярные среди молодежи платформы. Дефицит этих «нормализованных» образов ведет к закреплению стереотипов.

Эмпирические исследования последних лет фиксируют сложную, амбивалентную картину восприятия многодетной семьи в молодежной среде, которая напрямую коррелирует с репродуктивными планами. Анализ данных всероссийских опросов последовательно выявляет устойчивый и, по-видимому, расширяющийся разрыв между декларируемой ценностью семьи с несколькими детьми и реальными поведенческими намерениями. Так, в 2023 г. лишь 12–15% молодых людей в возрасте 18–30 лет называли идеалом семью с тремя и более детьми, в то время как модель с одним-двумя детьми доминировала, набирая свыше 70% [4, 5]. Парадоксальным образом, на уровне абстрактных ценностей многодетность часто оценивается положительно как символ семейного счастья, взаимопомощи и традиционной крепости, однако на уровне личных жизненных проектов она отодвигается на периферию из-за сформированного комплекса барьеров, как материальных, так и психологических.

Особую остроту проблеме придает контраст между внешним и внутренним образом многодетности. Согласно данным фокус-групп, проведенных среди студенческой молодежи, в публичном поле, особенно в новостном и социальном медиа-дискурсе, доминирует стереотипный, часто негативно окрашенный образ: семья, «вечно борющаяся с трудностями», «лишенная личного пространства и времени», «финансово зависимая от государства». При этом в частных обсуждениях и при оценке конкретных знакомых семей может проявляться иной, более позитивный и человеческий образ – «дружной команды», «эмоционально насыщенного сообщества», где дети получают уникальный социальный опыт. Этот разрыв свидетельствует о сильном и зачастую искажающем влиянии медийного и бытового дискурса, который гиперболизирует проблемы и редко транслирует успешные, современные, сбалансированные модели многодетного образа жизни [6]. Таким образом, воспринимаемая «недостижимость» комфортной многодетности является не только экономической, но и глубоко социально-психологической проблемой, блокирующей трансляцию позитивных репродуктивных установок.

Результаты исследования

С целью исследования представлений молодежи о многодетности автором был проведен опрос 220 респондентов – представителей молодежи в возрасте 17–25 лет. Выборка включала студентов и работающих молодых людей.

Проведенный опрос подтвердил и детализировал противоречивую картину восприятия имиджа многодетной семьи в молодежной среде, выявленную при вторичном анализе. С одной стороны, на декларируемом уровне демонстрируется позитивное отношение к многодетности как социально значимому явлению: 84% респондентов признают ее ценность для общества и называют «идеалом семейной жизни». С другой – при проекции на собственную жизненную стратегию готовность иметь трех и более детей выражают лишь 28% опрошенных, и только 8% рассматривают возможность иметь более 5 детей. Представленные данные – не просто количественные показатели, но и отражение глубинных социокультурных установок, формирующих отношение молодежи к многодетности. Они демонстрируют явный конфликт между традиционалистскими ценностями, транслируемыми на макроуровне, и прагматичными, индивидуалистическими ориентирами индивидуального жизненного проектирования.

Анализ ассоциативного ряда, связанного с многодетной семьей, выявил доминирование прагматичных и тревожных коннотаций. Как видно из рис. 1, у 26% респондентов многодетная семья ассоциируется, в первую очередь, с возможными

финансовыми трудностями, у 26% – с большой ответственностью. Положительные эмоциональные ассоциации («теплое и насыщенное общение», «семейная атмосфера») занимают значительно более скромное место (11%). Этот дисбаланс указывает на то, что в массовом сознании акцент смещен с эмоциональных выгод на воспринимаемые риски и нагрузки.

Рис. 1. Распределение мнений респондентов о том, с чем у них чаще всего ассоциируется многодетная семья, %

Важным аспектом является понимание мотивации многодетных родителей глазами молодежи. Отвечая на вопрос о том, что привлекает людей в многодетных семьях, респонденты чаще всего выбирали абстрактно-ценностные варианты: «Приверженность традиционным семейным ценностям» (31,2%) и «Живое общение и постоянное присутствие рядом близких людей (23,4%)». Гораздо реже предполагалась личностно-ориентированная мотивация, такая как «Стремление раскрыть свой родительский потенциал» (20,3%) или «Желание создать большую «настоящую» семью» (9,4%). Это косвенно указывает на восприятие многодетности как следствия следования внешним по отношению к личности нормам, а не как путь личностной реализации, что может отталкивать поколение, выросшее в парадигме самоактуализации.

Представления о повседневной жизни также носят двойственный характер (рис. 2). Большинство респондентов (53%) представляют быт многодетной семьи как хаотичный и непредсказуемый, с частыми неплановыми ситуациями. Лишь 47% видят его как гармоничный при условии хорошего взаимодействия и вовлеченности всех членов семьи. Это говорит о том, что в массовом сознании многодетная семья воспринимается как сложная, постоянно функционирующая система управления, где ошибка или нехватка ресурсов быстро приводит к кризису и перегрузке. Такой образ, безусловно, повышает психологический порог входа в модель многодетности, формируя установку на ее исключительную сложность.

Стереотипный компонент образа ярко проявляется в ответах на вопрос о том, что общество приписывает многодетным семьям (рис. 3). Респонденты считают, что обществу свойственно приписывать таким семьям «низкий или средний

уровень дохода, вне зависимости от реальной ситуации» (56,2%) и «высокую степень поддержки и взаимопомощи внутри семьи» (57,8%). Наименьший вес набрала «Традиционность и приверженность классическим семейным ценностям» (25%). Этот раскол демонстрирует, что даже при наличии позитивных ассоциаций (поддержка, сплоченность), доминирующим и наиболее устойчивым остается образ социально и экономически уязвимой семьи, нуждающейся в помощи, что способствует стигматизации.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о том, как они представляют себе бытовую жизнь многодетной семьи, %

Рис. 3. Распределение мнений респондентов об атрибутах, которые, по их мнению, общество приписывает многодетным семьям, %

При этом, отвечая на прямой вопрос о личном восприятии (рис. 4), респонденты чаще выбирали положительные социальные образы: «сплоченная и дружная команда» (31%) и «семья с сильным внутренним стержнем» (24%). Однако значимая доля (около 17%) ассоциирует многодетность с негативными образами «семьи, живущей в режиме бесконечной занятости» и «семьи, нуждающейся в дополнительной поддержке». Это наглядно подтверждает амбивалентность восприятия: уважение и симпатия к абстрактному образу сочетаются со страхом и дистанцированием при мысли о его реализации в собственной жизни.

Иерархия условий успешности, по мнению респондентов, окончательно расставляет акценты. Ключевыми условиями успешной жизни многодетной семьи названы «стабильный доход и социальные гарантии» (70%). Значительно менее важными считаются «эмоциональная зрелость родителей» (15%) и «поддержка со стороны родствен-

ников и сообщества» (10%). Личностные и эмоциональные факторы воспринимаются как важные, но явно вторичные по отношению к экономической и социальной стабильности. Это подчеркивает доминирование экономической логики и прагматизма в оценке молодежью семейных перспектив.

Рис. 4. Распределение мнений респондентов том, какой социальный образ многодетной семьи ближе их восприятию, %

Обсуждение

Анализ данных вторичных исследований позволяет структурировать факторы, влияющие на восприятие многодетности, выделив два основных кластера: материально-прагматические и социально-психологические. Их влияние неоднородно и демонстрирует определенную динамику в зависимости от возраста и жизненного этапа (табл. 1).

Таблица 1. Оценочные суждения молодежи о многодетной семье, % от числа опрошенных (данные ВЦИОМ с 2020–2023 гг.) [3]

Оценочная характеристика	Положительные ассоциации	Нейтральные ассоциации/затруднились ответить	Отрицательные ассоциации
Крепкая, сплоченная, дружная	65	25	10
Материально неблагополучная, бедная	15	30	55
Родители герои, самоотверженные	58	30	7
Постоянный стресс, хаос, нехватка личного пространства	8	27	65
Естественная традиционная для России	48	40	12
Невозможность карьерной реализации родителей	8	27	65

Авторское исследование коррелирует с представленными данными, демонстрируя внутренний конфликт в восприятии многодетности молодежью. С одной стороны, наблюдается устойчи-

вое целостное уважение к многодетной семье как к социальному и культурному феномену: большинство респондентов ассоциируют ее с крепостью, сплоченностью и самоотверженностью родителей. С другой стороны, в непосредственной проекции на собственную жизнь активизируется рационально-прагматический и отчасти тревожный дискурс, связанный с представлением о неизбежных материальных и психологических трудностях. Более 55% молодых людей считают, что многодетная семья часто бывает материально неблагополучной, а 65% — что такая модель ведет к стрессу и потере личного пространства и карьеры. Этот разрыв между «идеальным» и «реальным», между уважаемым «другими» и пугающим «для себя» формирует основную психологическую преграду для планирования более двух детей.

Особую значимость с точки зрения демографической политики имеет тот факт, что негативные стереотипы сильнее выражены в наиболее активной репродуктивной группе 18–25 лет. Согласно данным исследований, каждый второй респондент в этом возрасте считает, что рождение третьего и последующего ребенка фактически ставит крест на профессиональной реализации, особенно для матери. При этом «фатальным перегибом», после которого многодетность перестает восприниматься как возможная личная стратегия, является именно вопрос карьеры и личностной самореализации, а не только отсутствие финансов или позитивного образа такой семьи как таковой [3]. Это указывает на глубинный конфликт между традиционной моделью родительства, предполагающей тотальную самоотдачу, и современной идеологией индивидуализма, баланса и личных достижений.

Динамика факторов наглядно представлена в табл. 2. Для молодежи 18–25 лет, находящейся на этапе профессионального и личностного старта, первоочередными являются вопросы материальной обеспеченности влияния многодетности на карьеру. Для группы 26–35 лет, часто уже имеющий опыт родительства с одним-двумя детьми, на первый план наравне с финансами выходит эмоциональный климат в семье, а также начинает учитываться собственный, пусть и ограниченный родительский опыт.

Таблица 2. Ранжирование факторов, влияющих на восприятие многодетности в разных молодежных группах (1 – наивысший приоритет) [3]

Фактор восприятия	Молодежь 18–25 лет	Молодежь 26–35 лет
Материальная обеспеченность, жилищные условия	1	1
Влияние на карьеру и личностный рост	2	3
Эмоциональный климат, счастье детей	4	2

Окончание

Фактор восприятия	Молодежь 18-25 лет	Молодежь 26-35 лет
Давление/поддержка со стороны родственников	5	5

По результатам проведенного анализа представляется возможным выделить несколько ключевых факторов формирования существующего имиджа, которые выходят за рамки простого экономического детерминизма.

1. Сдвиг в структуре барьеров: от чисто материальных к социокультурным. Эксперты отмечают, что при сохранении первостепенной важности финансовой стабильности, для современной молодежи все чаще критическими становятся нематериальные факторы. О. Исупова указывает: «Молодое поколение выросло в парадигме «качества жизни», куда входит и карьера, и самореализация, и личное время. Многодетность в ее традиционном, «затратном» образе вступает в прямой конфликт с этой системой координат». [4] Имидж большой семьи ассоциируется с тотальной самоотдачей и «исчезновением» личности родителей, особенно матери, что отпугивает поколение, ценящее баланс и личные проекты. Этот конфликт ценностей является, возможно, более серьезным барьером, чем прямой расчет доходов и расходов.

2. Влияние медийных и цифровых образов. Исследователи молодежных медиа акцентируют роль визуального контента, который формирует «нормальность»: «В информационном поле молодых людей доминируют два полярных образа: «гламурна» семья инфлюэнсеров, чья многодетность показана как дорогой хобби-проект, и «социальная» семья в репортажах о помощи, которая маркируется проблемами и нуждой. Отсутствует массовый, релевантный образ «соседской семьи» – обычной, но успешной и гармоничной. Этот дефицит «нормальных» визуальных нарративов в популярных среди молодежи цифровых платформах (соцсети, видеоблоги) приводит к тому, что многодетность не интегрирована в воспринимаемую «нормальность» повседневной жизни и выглядит либо как экзотика, либо как патология.

3. Влияние межпоколенческой трансляции опыта. Демографы отмечают, что на установки молодежи сильно влияет опыт их собственных родителей, часто пришедшийся на социально-экономические кризисы конца XX века [7]. Как отмечает А.Б. Синельникова, «у значительной части сегодняшних 25-летних в детстве не было позитивной модели родительства «для себя», основанной на ресурсах и уверенности. Вместо этого транслировалась модель родительства как тяжелой, истощающей жертвы». [6] Этот негативный эмоциональный багаж, даже при объективно лучших материальных условиях, сегодня формирует глубокую психологическую установку на малодет-

ность как на способ избежать повторения травматичного родительского сценария, «дать детям лучшее», концентрируя ограниченные ресурсы.

Таким образом, консенсус экспертного сообщества смещается от упрощенных объяснений, сводящихся преимущественно к экономической несостоятельности, к более комплексной социокультурной модели. Она включает в себя конфликт между абстрактной ценностью многодетности и современной идеологией индивидуалистической самореализации, дефицит позитивных и релевантных медийных образов, а также влияние травматического семейного опыта предыдущего поколения. Именно эта комплексная модель позволяет понять, почему даже на фоне существенных мер государственной материальной поддержки сохраняется и, по некоторым данным, углубляется разрыв между декларируемым уважением к многодетности и ее крайне низкой воплощаемостью в жизненные планы современной молодежи.

Выводы

Проведенное исследование показало, что образ многодетной семьи в представлениях молодежи является глубоко амбивалентным и внутренне противоречивым, что приводит к устойчивому разрыву между ценностями и поведением. С одной стороны, многодетность воспринимается как положительное и социально значимое явление, связанное с семейным единством, взаимоподдержкой и традиционными ценностями. С другой стороны, при рассмотрении в контексте собственной жизни молодежь демонстрирует крайне низкую готовность к реализации этой модели, ориентируясь на малодетную семью.

Основой причиной этого выступает воспринимаемая совокупность взаимосвязанных барьеров. Ключевыми из них являются не только финансовые и бытовые сложности, но, что более важно, психологические и социокультурные: конфликт с идеологией личностной самореализации и карьерного роста, страх потери личного пространства и автономии, влияние негативных стереотипов и дефицит позитивных, «нормальных» образов многодетности в медийном поле.

На основе результатов исследования можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на снижение выявленных противоречий и формирование более устойчивого, привлекательного и реалистичного образа многодетной семьи в молодежной среде.

1. Коррекция информационной и медийной политики. Необходимо целенаправленное формирование и продвижение в медиапространстве, особенно в digital-среде (соцсети, блоги, видеоплатформы), нового имиджа многодетной семьи. Акцент должен смещаться с нарратива «жертвенности и проблем» на нарратив «успешности, баланса

и разнообразия». Ключевая задача – визуализировать и нормализовать образ современной гармоничной, профессионально реализованной многодетной семьи. Целесообразно поддерживать проекты, создающие подобный контент, в том числе с участием самих многодетных родителей как инфлюэнсеров.

2. Интеграция вопросов семейного проектирования в образовательную среду. В программы вузов и колледжей, в молодежные образовательные форумы необходимо включать модули, посвященные не только демографической политике, но и практическим аспектам жизненного проектирования: управлению ресурсами (временными, финансовыми, эмоциональными) в семье, моделированию различных сценариев родительства, психологической готовности к семье. Это позволит молодым людям перейти от стереотипных страхов к более осознанному и информированному выбору.

3. Повышение прозрачности и доступности мер поддержки. Многие барьеры усиливаются из-за недостатка знаний или недоверия к существующим мерам поддержки. Необходимо создавать удобные цифровые сервисы (чат-боты, агрегаторы), которые в простой форме доносили бы информацию о льготах, пособиях, жилищных программах, возможностях совмещения карьеры и родительства для многодетных семей. Консультационные центры при вузах и молодежных организациях могут снизить уровень неопределенности и тревожности, связанной с планированием семьи.

4. Развитие семейно-ориентированной инфраструктуры и гибких форматов занятости. Формирование готовности к многодетности напрямую зависит от реальной среды. Критически важны доступность и качество детских учреждений, системы здравоохранения, образовательных и досуговых секций. Не менее значимо создание условий для гибкой занятости, удаленной работы, развития семейного предпринимательства, что позволяет снять остроту конфликта «семья/карьера».

5. Организация позитивной коммуникации и развенчание стереотипов. Необходима системная работа по разрушению стигматизирующих стереотипов через прямое общение. Проведение открытых встреч, дискуссионных клубов, публичных лекций с участием успешных многодетных семей из разных профессиональных и социальных сфер позволит сократить социальную дистанцию, показать разнообразие жизненных стратегий и сделать образ многодетности более достижимым.

В целом, для преодоления разрыва между ценностным одобрением многодетности и низкой готовностью к ее реализации необходим комплексный подход. Он должен выходить за рамки исключительно экономической поддержки и включать

в себя целенаправленное формирование нового, релевантного культурного и медийного образа многодетной семьи, соответствующего запросам и ценностям современной молодежи. Только синтез мер экономического, социального и культурно-психологического характера может способствовать сокращению выявленного в исследовании разрыва и трансформации многодетности из отдаленного социального идеала в одну из реальных и привлекательных жизненных стратегий.

Литература

1. Аналитический обзор о демографической политике РФ – РИА Новости. – 2025. – URL: https://ria.ru/20231028/mnogodetnye_semi-1905741815.html (дата обращения: 30.10.2025).
2. Комментарии участников круглого стола о многодетности – Коммерсант. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7873868> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Многодетная семья: оценка и отношение – ВЦИОМ – 2023. – URL: <https://wciom.ru/45558548> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Поэтому надо рожать: социолог Ольга Исупова о феномене чайлдфри – 2024. – URL: <https://www.caravan.ru> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Росстат. Семья и дети в России: статистический сборник. – Москва: Росстат, 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Синельников А.Б. Интервью о факторах многодетности – E1.ru. – 2023. – URL: <https://www.e1.ru/text/family/2023/10/17/72815462> (дата обращения: 30.11.2025).
7. Антонов А.И. Комментарий о результативности материнского капитала – РИТМ Москвы. – 2024. – URL: <https://ritmsk.ru/news/natsproekt-demografiya-pochemu-rossiya-ne-spravlyaetsya-s-uvelicheniem-rozhdaemosti-po-mneniyu-sotsiologa> (дата обращения: 10.11.2025).

ANALYSIS OF YOUNG PEOPLE'S SOCIAL PERCEPTIONS OF LARGE FAMILIES: THE GAP BETWEEN VALUE APPROVAL AND BEHAVIORAL ATTITUDES IN CONTEMPORARY RUSSIA

Ustinova O.V.
Industrial University of Tyumen

The article presents the results of a comprehensive study aimed at identifying the features of the perception of a large family in the youth environment. Based on the synthesis of secondary analysis data (VTsIOM) and the author's questionnaire, a key paradox was identified: a stable value approval of large families as a social ideal is combined with an extremely low willingness to implement it in one's own life plans. The perception is ambivalent: along with the images of a «close-knit team» and «selfless parents,» stereotypes about inevitable poverty, career failure, chaos, and loss of personal space dominate. The study details the structure of this gap, highlighting not only material factors as key barriers, but also socio-psychological factors such as conflicts with the ideology of individualistic self-realization, a lack of positive media images, and the influence of traumatic family experiences from previous generations.

Based on the results, recommendations have been formulated to adjust information policies and create a more relevant and realistic image of large families.

Keywords: large family, youth reproductive attitudes, social perceptions, family image, demographic policy, and perception stereotypes.

References

1. Analytical review of the demographic policy of the Russian Federation – RIA Novosti. – 2025. – URL: https://ria.ru/20231028/mnogodetnye_semi-1905741815.html (date of access: 30.10.2025).
2. Comments of participants in the roundtable on large families – Kommersant. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7873868> (date of access: 30.11.2025).
3. Large families: assessment and attitudes – VTsIOM – 2023. – URL: <https://wciom.ru/45558548> (date of access: 25.11.2025).
4. That's why we need to have children: Sociologist Olga Isupova on the childfree phenomenon – 2024. – URL: <https://www.caravan.ru> (accessed: 25.11.2025).
5. Rosstat. Family and Children in Russia: Statistical Digest. – Moscow: Rosstat, 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (accessed: 25.11.2025).
6. Sinelnikov A.B. Interview on the Factors of Having Many Children – E1.ru. – 2023. – URL: <https://www.e1.ru/text/family/2023/10/17/72815462> (accessed: 30.11.2025).
7. Antonov A.I. Commentary on the Effectiveness of Maternity Capital – RHYTHM of Moscow. – 2024. – URL: <https://ritmmsk.ru/news/natsproekt-demografiya-pochemu-rossiya-ne-spravlyaetsya-s-uvelicheniem-rozhdaemosti-po-mneniyu-sotsiologa> (date of access: 10.11.2025).

Обучение гуманитарным специальностям в эпоху цифровизации: вызовы и риски как предмет социологического анализа

Шинкевич Владимир Ефимович,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Сибирского юридического института Министерства внутренних дел России, профессор кафедры социологии и этнографии института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: Vlashink@yandex.ru

Крютченко Алина Дмитриевна,

аспирант кафедры социологии и этнографии института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: akd0226@mail.ru

Процессы поиска, при реализации различных социальных практиках необходимого информационного контента. В статье показывается роль и место процессов цифровизации в социально-гуманитарном знании. Рассматривается роль социологического инструментария в обработке новых знаний цифрового пространства. Доказывается, что благодаря цифровизации произойдет не только преумножение количества и качества знаний, но и трансформируются процессы коммуникации и самоидентичности всех вовлеченных в этой пространство людей. Это скажется как на личном, так и на профессиональном знании. И то, каким образом можно будет отслеживать данные трансформации может предоставить социологический подход. Социологические знания смогут отслеживать, анализировать и моделировать процессы интеграции цифровизации в социально-гуманитарное знание, дополняя существующие традиционные формы обучения.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровая безопасность, образовательный процесс, цифровизация образования, оптимизация образования, дегуманизация образования, социализация.

Введение

Современный этап развития социума детерминирован процессами интенсивной цифровой трансформации, которые обуславливают не только модификацию социальных интеракций, но и качественное изменение структуры и форм социального общения, социального взаимодействия, в том числе и образовательной деятельности. Следовательно, в условиях цифровизации общества, глобальных социально-экономических изменений, активного внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс, проблематика цифровизации, цифровой культуры, цифрового здоровья нации приобретает новые измерения и требует переосмысления теоретических подходов и практических стратегий воздействия. Модернизация теорий и методик исследования поведения как обучающегося, так и профессорско-преподавательского состава в условиях стремительного расширения внедрения технологий цифровизации и активного пользования услугами цифровых баз данных и искусственного интеллекта, является критически важной задачей для обеспечения социального здоровья нации, каждого слагаемого социальной безопасности России [2, 3].

Цифровые инструменты стали частью образовательного пространства. Игнорировать их невозможно. Необходимо понимать особенности работы и использовать в преподавании социально-гуманитарных дисциплин. Необоснованное завышение роли цифровизации в современном обществе, равно как и ее принижение, деформируют социальную среду, а в определенных условиях агрегируют опасные проявления в социуме как на уровне общества, так и на уровне малых социальных групп [4, 24].

Теоретический анализ феномена цифровизации

Необходимость органичного включения цифровизации в процесс профессиональной подготовки специалистов образовательных организаций высшего образования имеет свою историю. Однако данная проблема наиболее активно стала обсуждаться в научном сообществе лишь с 2019 г. Этому способствовала экстремальная ситуация, связанная с пандемией COVID-19. Сегодня в научной литературе отмечается большой интерес к изучению феномена цифровизации, в том числе ее влияние

на сферу образования, на социальное здоровье обучающихся – молодежи [7, 13, 15, 22].

Различные учёные рассматривают эту проблему с позиций своих областей научных знаний. Обозначим некоторые, которые непосредственно пересекаются с социологическими наблюдениями процессов цифровизации.

С психологической точки зрения цифровизацию рассматривают как сложный процесс, который затрагивает процессы цифровой социализации [20], а также формируются новые условия для выстраивания нового коммуникативного пространства в цифровой среде. Например, исследование характеристик совладающего поведения студентов во время сессии в условиях цифрового образования.

Авторы, проводя диагностику, установили, что уровень стресса у обучающихся при сдаче экзаменов незначительно отличается между цифровым и традиционным форматами. Помимо позитивных аспектов (персонализация обучения, свобода в выборе образовательного маршрута, наибольшая самостоятельность обучающихся, ответственность за результат обучения), встречаются негативные эффекты. Среди них отсутствие возможности у преподавателей в полной мере оказывать психолого-педагогическое воздействие/взаимодействие на обучающихся, и неумение студентов объективно оценивать достоверность большого объёма противоречивой информации, что приводит к неоднозначному отношению к источникам [21].

Социальные философы изучают цифровизацию образования через призму влияния технологий на общество, культуру и индивидуальное развитие. Например, заключение одного из авторов гласит, что современное российское профессиональное образование благодаря цифровизации кардинально меняет свои ориентиры, может выстроить новые форматы и условия работы, так как не только образовательный процесс изменился, меняется и сам формат профессиональной деятельности. Это непрерывные процессы взаимодействия и взаимосвязи. Цифровизация более тесно связала образование и работу как никогда ранее [14].

С позиции педагогики встает вопрос о противостоянии «цифровизации и гуманизации» [8, 16]. Дистанционное обучение дает толчок к развитию цифровой педагогики.

Авторы подчеркивают сложность и актуальность вопросов дистанционного образования, и традиционные формы обучения далеко не всегда готовы к ответу. В образовательном процессе все большие обороты набирает цифровая педагогика. Начиная от простых презентаций, заканчивая МООС и перевернутых классов. Или домашние задания в социальных сетях или блогах, также как и получение нового опыта через цифровую

среду как таковую. Это фиксация новых принципов обучения и преподавания, которая соответствует реалиям времени [5].

В культурологическом аспекте авторы рассматривают цифровизацию образования как комплексный процесс, влияющий на формирование новых культурных практик, ценностей и коммуникаций в образовательной среде. Например, в работе о проблемах образовательной культуры России в условиях цифровизации современного общества осуществлен анализ теоретических и методологических основ исследования процесса цифровизации в сфере образования, определены основные изменения образовательной культуры России, происходящие под влиянием процессов цифровизации [12].

Тема социологического сопровождения цифровизации образования активно поднимается зарубежными авторами. В исследовании Андреаса Шляйхера «К цифровой трансформации в образовании» (Франция), рассматривается стратегическое измерение цифровизации на уровне образовательных систем. Автор формулирует видение «цифровой трансформации» образования, обращая наследующие проблемы: во-первых, как технологии (включая искусственный интеллект) могут изменить организацию обучения, во-вторых, какие возможности и риски при этом возникают, в-третьих, какие политические меры нужны для системных изменений. Исследователь анализирует опыт стран ОЭСР и утверждает, что цифровая трансформация требует не просто технологического оснащения школ, а изменения всей образовательной экосистемы – от учебных планов до системы оценки компетенций [28].

Как показывают результаты социологических наблюдений [10, 13, 14], цифровая трансформация понимается не просто как внедрение гаджетов, а как изменение процессов коммуникации и поиска информации, связанных с персонализацией, новыми ролями преподавателя, изменением оценивания результатов уровня познания в обучении, управлением данными и экосистемой цифровых сервисов. Это во многом согласуется и с исследованиями Андреаса Шляйхера, который видит новые возможности в цифровизации образования: более персонализированное и доступное обучение, повышение эффективности, масштабируемость. При этом автор выделяет риски: усиление неравенства, вопросы приватности и качества контента, необходимость подготовки персонала. Автор подчёркивает необходимость формирования цифрового мышления как ключевого навыка XXI века. Цифровая грамотность трактуется им не как умение пользоваться устройствами, а как способность критически осмысливать информацию и творчески использовать технологии для решения реальных задач. В завершении исследования он рекомендует инвестировать в инфраструктуру

туру и навыки, разработать нормативы и защиту данных, поддерживать исследования эффекта технологий [28].

Ценностные ориентиры и приоритеты меняются под влиянием цифровизации, она расширяет ставшие нормой инструменты моделирования социальных ситуаций [11]. Исследователи предлагают свои варианты анализа влияния процессов цифровизации на образование и выделить наиболее правильный или эффективный достаточно трудно.

Основная часть

Рассматривая цифровизацию как неотъемлемое явление современного социума обратим внимание на социологическом анализе профессиональных эффектов, связанных с цифровой социализацией личности, использованием искусственного интеллекта в процессе получения высшего гуманитарного образования. Сегодня люди иначе общаются, иначе видят себя и других, это создает новые механизмы личной и профессиональной реализации, новые модели социальной стратификации общества. Гуманитарное образование стоит перед вызовами цифрового мира: как сохранить человечность в цифровом обществе.

В исследовании «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования» [25] подчеркивается существенная трансформация целей, содержания и форм образования, вызванных цифровизацией. Многие привычные в рамках традиционной педагогики формы обучения уходят, а на их место становятся новые, что требует соответствующего уровня «компьютерной грамотности». Авторы исследования вводят это понятие, показывая, что речь идет не столько о грамотности, сколько о принципиально новых компетенциях, в которых нужно различать несколько аспектов – культурный, когнитивный, конструктивный, коммуникативный, уверенность при использовании цифровых технологий, творческий, критический, социальный. Меняется и роль педагога, он не столько учит предметам, сколько организует научение, помогая самостоятельной работе обучающихся.

В итальянском исследовании «Мнения учителей об использовании цифровых технологий в школе» Анналина Сарра приводит результаты последствий «цифровой перегрузки» после пандемии и смешанное отношение преподавателей к интеграции технологий [27]. На основании ответов на открытые вопросы проанализированы категории убеждений преподавателей: восприятие эффективности, барьеры (технические/педагогические), эмоциональная реакция (оптимизм/усталость) и т.д. Автор выделяют три основные группы установок: оптимистическую, осторожную и скептическую. Большинство преподавателей положительно оценивают влияние цифровых инструмен-

тов на мотивацию обучающихся и признают их полезность, особенно для дифференциации и расширения доступа. Вместе с тем они выражают беспокойство по поводу роста нагрузки, снижения личного контакта с обучающимися, а также отмечают сопротивление внедрению из-за недостатка поддержки и неясной педагогической ценности. Этот амбивалентный взгляд отражает реальные трудности переходного периода в образовании. Таким образом процесс цифровизации университетов несет в себе как широкие возможности, так и серьезные риски, этические дилеммы [24].

Среди наиболее значимых возможностей выделяются доступность образования, гибкость предлагаемых образовательных форматов, интеграция университетов как особого вида образовательных платформ в международное образовательное пространство. Безусловным плюсом «цифровизации» является тенденция «ускорения» темпа и ритма жизни как в науке, технике, в образовании, так и в быту и т.д. Характерным для современного этапа цифровизации является системный характер взаимодействия, когда при внедрении цифровых технологий в одну сферу, активизируются и актуализируются перемены в других [25]. К актуальным негативным рискам цифровизации образовании необходимо отнести рост социального неравенства, одиночество и снижение социальной коммуникации, деградацию традиционных социальных институтов в образовании, проблемы формирования социальной ответственности и гражданской позиции, а также снижение качества социальной поддержки и менторства в образовании [16].

Одним из ключевых негативных последствий цифровизации образования для студентов гуманитарных специальностей может стать снижение уровня межличностного общения и ослабление или потеря навыков социальных практик взаимодействия. Это есть следствие того, что многие современные цифровые технологии, особенно нейросети, работают по принципу «черного ящика», где даже разработчикам не всегда понятно, на основании каких именно факторов система приняла то или иное решение. При дистанционном обучении социальное взаимодействие обучающихся в основном происходит в онлайн-формате, что уменьшает возможность развивать навыки, такие как общение, активное слушание, эмпатия и невербальная коммуникация, что является неотъемлемой частью профессий, ориентированных на работу с людьми. Из-за избытка информации в сети обучающиеся могут испытывать трудности в критическом осмыслении и фильтрации данных, что особенно важно для гуманитарных наук. Если рассмотреть формат взаимодействия главных субъектов онлайн-обучения, можно сделать вывод о недостаточной способности выстраивания доверительных отношений между обучающимися

и преподавателями, что, в свою очередь, может негативно сказаться на эффективности образовательного процесса [1].

Ценность преподавателя как субъекта, непосредственно передающего знания или предлагающего обучающимся направления, формы, средства получения необходимых знаний, высока. Именно благодаря умению преподавателя использовать цифровые средства, его цифровой культуры зависит эффективность учебного процесса. Раньше, получить знания можно было только в образовательном учреждении, сегодня – пространство Интернет дает безграничное количество вариантов социального включения в область знаний – можно учиться в любом месте и в любое время.

В связи с этим меняется роль преподавателя: он становится организатором обучения, а не распространяет знания. Важна новая педагогическая стратегия, новое понимание своего места в цифровом мире. Для этого, как показывают результаты социологических исследований, преподаватели должны обладать следующими навыками: разбираться в технологиях, обновлять регулярно свои знания; методично учиться и приобретать опыт, чтобы разумно и эффективно применять цифровые методы обучения [5, 14]. Звучит несколько идеалистично. Сегодня преподаватель выполняет не только роль наставника и консультанта для обучающихся, но и берет на себя множество административных обязанностей. Ведение учебного курса – от подготовки отчетов о проведенных занятиях и разработки планов до ответов на вопросы обучающихся и работы с техническими средствами – требует значительных временных затрат. В результате у педагогов может не оставаться возможности уделять достаточное внимание методической и научной работе, которые являются важными составляющими их профессиональной деятельности. В цифровой среде есть риск алгоритмизации, унификации образовательных продуктов, что приведет к потере индивидуального видения и подхода к получению знаний [6]. Уйдет индивидуальный подход к передаче знаний от учителя к ученику. Цифровизация может привести к дегуманизации знания и самого образования.

Более того, цифровизация формирует условия для социальной изоляции, отчуждения и одиночества. В результате учащиеся не смогут получить необходимые социальные, коммуникативные компетенции, что негативно отразится на реализации профессиональных стратегий и ролей [8, 10, 26]. Особенно важно это для помогающих профессий (психологов, социальных работников, социальных педагогов и т.д.).

На возможные риски самостоятельного принятия решений показывают результаты социологических исследований включенности обучающихся в цифровую среду, практику использования воз-

можностей искусственного интеллекта в процессе получения профессионального образования. В ходе проведенного опроса в 2025 году обучающихся высших образовательных организаций г. Красноярска (выборочная совокупность составила 638 респондентов), специализирующихся на реализации различных программ подготовки: гуманитарной, инженерной, естественнонаучной, сервисной по теме «Искусственный интеллект и образование», было установлено, что более 50% обучающихся практически каждый день пользуются услугами нейросетей. При этом среди ответов обучающихся гуманитарных специальностей таковых около 60%, несколько ниже – данный показатель у обучающихся инженерных специальностей, что связано, прежде всего, с особенностями обучения (45%). При этом используют нейросети непосредственно для подготовки заданий по оценке индикаторов «от случая к случаю, но не реже 2 раз в неделю» и «регулярно» более 85% обучающихся. При этом из числа тех, кто пользуется услугами нейросетей 40% используют, прежде всего, первую полученную информацию, без анализа другой информации, находящейся в информационном поле нейросети. Лишь около 10% опрошенных отметили, что при подготовке к занятиям с использованием искусственного интеллекта, необходимо не только указывать объем собственного участия, но и осуществлять собственную аналитическую работу по оценке полученной информации. Отсутствие данного участия обучающегося актуализируют проблему оценки самостоятельности как выполненной им работы, так и уровня сформированности обучающимся необходимых профессиональных компетенций как будущего специалиста. Данные наблюдения согласуются и с результатами социологических исследований других исследователей [16].

Цифровизация образования с одной стороны, минимизирует временные, интеллектуальные и эмоциональные затраты, с другой стороны, негативно сказывается на профессиональной подготовке студентов, ограничивая их эмоционально-личностные компоненты, которые являются частью их реализации в социально-гуманитарной сфере [19].

Таким образом, мы можем сформулировать несколько выводов.

1. Цифровизация образования формирует риски трансформации коммуникативных и социальных навыков, делает студентов более эмоционально ограниченными и не способными критически оценивать информацию.

2. Цифровизация усиливает потребительское отношение к информации и минимизирует возможности развития креативного и творческого подходов.

3. Цифровизация приводит к дегуманизации высшего образования.

4. Цифровизация образования снижает затраты, но негативно влияет на профессиональную подготовку студентов в гуманитарных областях, ухудшая их способности к самостоятельному анализу информации и применению гуманитарных знаний.

По нашему мнению, достоинства цифровизации в процессе обучения на социально-гуманитарных специальностях не должны обесцениваться ее рисками. В рамках социологического знания важно: во-первых, исследовать возможность и оправданность интеграции цифровизации в подготовку специалистов гуманитариев, определить разумные пределы её применения и риски, связанные с вытеснением традиционных методов обучения, во-вторых, провести всесторонний анализ влияния идеологии потребительского общества на цифровизацию образовательного процесса.

В целом же заметим, что внедрение цифровизации, развитие искусственного интеллекта и технологий больших данных открывает новые горизонты для анализа и прогнозирования социальных процессов в системе образования. Одной из наиболее актуальных и обсуждаемых сфер применения этих технологий становится превенция девиантного поведения в цифровой среде.

Полагаем, что актуальными для исследования процессов в рассматриваемой сфере являются: модели цифрового профилирования образовательного процесса; алгоритмы как развития цифрового контента в образовании, так и выявления возможных его деструктивных факторов и угроз на основе социологических исследований.

Литература

1. Антипов М.А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. 2022. № 11. С. 61–72.
2. Ардашев Р.Г., Адилев А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–12.
3. Ардашев Р.Г. Киберсталкинг: угроза общественной безопасности // Социология. 2025. № 11. С. 32–37.
4. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
5. Ветчинова М.Н., Максимова А.С. Новая парадигма образования в эпоху цифровизации // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. 2024. № 3. С. 174–180.
6. Воробьева И.В. Особенности профессиональной социализации студентов, получающих специальность «социальная работа»: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Московский гуманитарный университет, 2007. 19 с.
7. Григорьев И.В., Балкунов Г.А. Цифровая образовательная среда (ЦОС): вызовы и возможности // Научно-практический журнал «Вестник университета Российской академии образования». 2023. № 2. С. 64–72.
8. Галушко Т.Г. Человеко-ориентированное фиджитал-и диджитал-образование: цифровизация и гуманизация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 204. С. 25–34.
9. Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 59–75.
10. Григорьев И.В., Балкунов Г.А. Цифровая образовательная среда (ЦОС): вызовы и возможности // Научно-практический журнал «Вестник университета Российской академии образования». 2023. № 2. С. 64–72.
11. Дмитриева Т.В. Цифровизация как социокультурный феномен современного российского общества: дис...канд. филос. наук. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 170.
12. Капитанова Н.В. Образовательная культура России в условиях цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 60–63.
13. Кузнецова Е.А. Онлайн-активность и цифровая социализация молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 42–48.
14. Лях Ю.А. Социальные и философские основы цифровизации цифровой трансформации профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 3 (43). С. 86–90.
15. Маслодудова Н.В. Психологическое здоровье студенческой молодежи в вакууме информационных потоков // Социология. 2025. № 10. С. 20–26.
16. Маслодудова Н.В. Применение искусственного интеллекта в гуманитарном образовании: новые технологии и возможные риски: социально-философский анализ // Философия, социология, право: актуальные вопросы современных исследований обеспечения безопасности общества: материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Красноярск, 23 октября 2025 г.) / отв. ред. В.Е. Шинкевич. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. С. 15–19.
17. Маслодудова Н.В. Социальные взаимодействия молодежи в социальных сетях // Социология. 2025. № 11. С. 43–49.
18. Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная

- психология и общество. – 2024. Т. 15. № 2. С. 5–11.
19. Пашков М.В. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57.
 20. Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Вестник НИУ ВШЭ. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
 21. Соловьева О.В., Сулейманов А.Г. Совладающее поведение студентов вуза в период экзаменационной сессии в условиях цифровизации образования // Психология. Историкокритические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 2А. С. 227–234.
 22. Строков А.А. Цифровая культура и ценности российского образования: автореф... канд. филос. наук. Нижний-Новгород, 2021. 21 с.
 23. Ступина С.А., Долгушина Л.В., Девиантное поведение в цифровой эпохе: вызовы безопасности // Философия, социология, право: актуальные вопросы современных исследований обеспечения безопасности общества: материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Красноярск, 23 октября 2025 г.) / отв. ред. В.Е. Шинкевич. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. С. 12–15.
 24. Чახнашвили М.Л. Влияние цифровизации на здоровье детей и подростков / М.Л. Чახнашвили, Д.М. Иванов // Вестник новых медицинских технологий. 2022. № 3. С. 56–66.
 25. Шматко А.Д., Волкова А.А. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6. С. 139–147.
 26. Шинкевич В.Е. Цифровизация образовательной среды: диалектическое переплетение практической пользы, значения и новых проблем // Личность и деятельность преподавателя в условиях цифровой трансформации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации, г. Красноярск, 24 ноября 2023 г. / Составители: М.А. Макарова, Т.Н. Пасечкина, Ю.Г. Хлоповских, Н.В. Шкроб. Изд-во: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. С. 12–17.
 27. Sarra A., Pentucci M. & Nissi, E. Teachers' Beliefs on the use of Digital Technologies at School: Text Mining of Open-Ended Questions. Soc Indic Res, 23 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03652-4>.
 28. Schleicher A. Toward the Digital Transformation in Education. Front. Digit. Educ. 1, 4–25 (2024). <https://doi.org/10.1007/s44366-024-0018-7>.

TEACHING HUMANITIES IN THE DIGITAL AGE: CHALLENGES AND RISKS AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Shinkevich V.E., Kryutchenko A.D.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Federal University

Search processes for necessary information content during the implementation of various social practices. The article demonstrates the role and place of digitalization processes in social and humanitarian knowledge. The role of sociological tools in processing new knowledge in the digital space is considered. It has been demonstrated that digitalization will not only increase the quantity and quality of knowledge but also transform the processes of communication and self-identity of all those involved. This will impact both personal and professional knowledge. A sociological approach can provide a means for tracking these transformations. Sociological knowledge will be able to track, analyze, and model the integration of digitalization into social sciences and humanities, complementing existing traditional forms of education.

Keywords: digital environment, digital security, educational process, digitalization of education, education optimization, dehumanization of education, socialization.

References

1. Antipov M.A. Sociality and socialization in the conditions of digitalization of society // Philosophical thought. 2022. № 11. S. 61–72.
2. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security in non-linear development // Sociology. 2025. № 8. S. 6–12.
3. Ardashev R.G. Cyberstalking: a threat to public safety // Sociology. 2025. № 11. S. 32–37.
4. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space // Humanitarian vector. 2023. Т. 18. № 2. S. 77–85.
5. Vetchinova M.N., Maksimova A.S. A new paradigm of education in the era of digitalization // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2024. № 3. S. 174–180.
6. Vorobyova I.V. Features of professional socialization of students receiving the specialty "social work": author. dis... cand. social sciences. M.: Moscow University for the Humanities, 2007. 19 pp.
7. Grigoriev I.V., Balkunov G.A. Digital educational environment (DSP): challenges and opportunities // Scientific and practical journal "Bulletin of the University of the Russian Academy of Education." 2023. № 2. S. 64–72.
8. Galushko T.G. Human-oriented financial and digital education: digitalization and humanization // News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2022. № 204. S. 25–34.
9. Golovchin M.A. Institutional traps of digitalization of Russian higher education // Higher education in Russia. 2021. Т. 30. № 3. S. 59–75.
10. Grigoriev I.V., Balkunov G.A. Digital educational environment (DSP): challenges and opportunities // Scientific and practical journal "Bulletin of the University of the Russian Academy of Education." 2023. № 2. S. 64–72.
11. Dmitrieva T.V. Digitalization as a sociocultural phenomenon of modern Russian society: dis... cand. philos. sciences. M.: State University of Education, 2023. S. 170.
12. Kapitanova N.V. Educational culture of Russia in the context of digitalization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 3. S. 60–63.
13. Kuznetsova E.A. Online activity and digital socialization of youth // Sociology. 2025. № 8 S. 42–48.
14. Lyakh Yu.A. Social and philosophical foundations of digitalization of digital transformation of vocational education // Vocational education in Russia and abroad. 2021. № 3 (43). S. 86–90.
15. Maslodudova N.V. Psychological health of student youth in the vacuum of information flows // Sociology. 2025. № 10. S. 20–26.
16. Maslodudova N.V. The use of artificial intelligence in humanitarian education: new technologies and possible risks: socio-

- philosophical analysis // Philosophy, sociology, law: topical issues of modern research on ensuring the safety of society: materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation) (Krasnoyarsk, October 23, 2025) / resp. ed. V.E. Shinkevich. – Krasnoyarsk: SibYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. S. 15–19.
17. Maslodudova N.V. Social interactions of young people in social networks//Sociology. 2025. № 11. S. 43–49.
 18. Miklyaeva A.V. Digital society and digital socialization: prospects for socio-psychological research//Social psychology and society. 2024. T. 15. № 2. S. 5–11.
 19. Pashkov M.V. Problems and risks of digitalization of higher education//Higher education in Russia. 2022. VOL. 31. № 3. S. 40–57.
 20. Soldatova G.U. Social and cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche // Psychology. HSE Bulletin. 2021. T. 18. № 3. S. 431–450.
 21. Solovyova O.V., Suleymanov A.G. Controlling behavior of university students during the examination session in the context of digitalization of education//Psychology. Historicocritical reviews and contemporary studies. 2023. VOL. 12. № 2A. S. 227–234.
 22. Stokov A.A. Digital cultures of the values of Russian education: author... cand. philos. sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 21 c.
 23. Stupina S.A., Dolgushina L.V., Deviant behavior in the digital era: security challenges//Philosophy, sociology, law: topical issues of modern research on ensuring the safety of society: materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation) (Krasnoyarsk, October 23, 2025) / resp. ed. V.E. Shinkevich. Krasnoyarsk: SibYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. S. 12–15.
 24. Chakhnashvili M.L. The impact of digitalization on the health of children and sprouts/M.L. Chakhnashvili, D.M. Ivanov//Bulletin of New Medical Technologies. 2022. № 3. S. 56–66.
 25. Shmatko A.D., Volkova A.A. Tsifrovaya transformation of education: trends and development prospects // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. № 6. P. 139–147.
 26. Shinkevich V.E. Digitalization of the educational environment: dialectical interweaving of practical benefits, meanings and new problems//Personality and activities of the teacher in the context of digital transformation: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Year of the teacher and mentor in the Russian Federation, Krasnoyarsk, November 24, 2023 / Compiled by: M.A. Makarova, T.N. Pasechkina, Yu.G. Khlopovskikh, N.V. Shkrob. Publishing house: FSBEI HE Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, 2023. S. 12–17.
 27. Sarra A., Pentucci M. & Nissi, E. Teachers' Beliefs on the use of Digital Technologies at School: Text Mining of Open-Ended Questions. Soc Indic Res, 23 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03652-4>.
 28. Schleicher A. Toward the Digital Transformation in Education. Front. Digit. Educ. 1, 4–25 (2024). <https://doi.org/10.1007/s44366-024-0018-7>.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Формирование образа студенческой молодежи в медиапространстве в условиях рисков и вызовов трансформации профессиональной структуры

Рыбакова Марина Владимировна,

д.э.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, главный
научный сотрудник ФНИСЦ РАН
E-mail: rybakovamv@yandex.ru

Иванова Наталья Анатольевна,

к.с.н., научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na-an.ivanova@yandex.ru

Актуальность данной темы обусловлена стремительной цифровизацией общества, трансформацией коммуникационных практик и формированием новых форм социального взаимодействия в цифровой среде. В качестве эмпирической базы использованы результаты проведенного авторами исследования в одном из московских вузов в виде опроса ($n = 337$), а также в двух фокус-группах (1 группа – $n = 37$; 2 группа – $n = 43$). В статье рассмотрено, какие темы в медиапространстве волнуют молодежь, как представлен образ студенчества в медиа и стоит ли его трансформировать. Приводится анализ результатов фокус-групп (качественное исследование в двух профессиональных группах) и анкетного опроса (количественное исследование). Цель социологического исследования состояла в определении проблем при формировании образа студенческой молодежи в медиапространстве в условиях рисков и вызовов трансформации профессиональной структуры.

Ключевые слова: студенты, образ молодежи, трансформация, медиапространство.

Введение

Термин «медиапространство» широко используется в различных контекстных употреблениях, но его четкого определения и структуры не существует. Междисциплинарные исследования неоднозначного объекта для изучения социологами, политологами, культурологами, журналистами демонстрируют его сложность для понимания и широту использования данного термина.

Одни ученые рассматривают медиапространство в виде сформированного «глобального культурного потока», имеющего в своем основании следующие культурно-символические пространства-потоки: этнопространство, технопоространство, финансовое пространство, медиапространство, идеопоространство [5]. Но эти пространства подвижны и перетекают одно в другое, люди взаимодействуют в этих «текущих» пространствах и обмениваются символическими образами [1]. Подобная «текучесть» влияет на изменение национальной идентичности населения разных стран, формирует риски и вызовы для культуры общества, в связи с чем остро стоят вопросы сохранения национальной идентичности и недопущение ее размывания в медиапространстве.

В рамках методологического интегрализма можно рассматривать медиапространство с точки зрения учета амбивалентности знания, динамики социального смысла, соотношения разума и свободы, функциональности и дисфункциональности [7].

Среди российских исследователей существует точка зрения, что медиапространство представляет собой саморазвивающуюся систему, отражающую те же атрибуты, которые имеются у социума [3].

С точки зрения построения глобальной экономики и роли в ней международных финансовых рынков приводит к пониманию, что современное общество рассматривается как «информационное, глобальное и сетевое» [9]. И такая власть сильнее традиционной национальной государственной, а принадлежность к той или иной группе в сети обеспечивает доминирование.

В основе структуры медиапространства лежит культурная и социальная среда. С помощью медиасреды происходит внедрение ценностей и взглядов, мировоззрения и идеологии, что в свою очередь оказывает влияние на мысли и действия людей [6, с. 80].

Материалы и методы исследования

Для определения идеологических воздействий на те или иные социальные общности выявляются характерные признаки. Они могут быть объективными и субъективными в зависимости от целей и задач исследования. В социологическом исследовании определяется структура аудитории с ее социально-демографическими характеристиками. Существуют различные типы аудитории, имеющие свои потребности, интересы и нормы. Исследования аудитории необходимы для более полного использования понимания состава аудитории, интересов, потребностей и механизмов в целях донесения информации.

При анализе сложного многогранного объекта для изучения медиапространства с точки зрения структурно-функционального анализа необходим базовый элемент. Исследователи выделяют активный действующий элемент, который можно использовать в разных видах отношений: субъект-субъектный; субъект-объектный; объект-объектный контакт [2, с. 66–67].

Перед исследователями были поставлены следующие задачи:

- показать мнение студентов о медиапространстве;
- оценить образ студенческой молодежи в медиапространстве;
- провести сравнительный анализ влияния медиапространства на студенческую молодежь, на их ценностные установки;
- сформулировать основные средства для изменения образа молодежи с помощью медиапространства.

В рамках данного эмпирического исследования авторами были использованные данные опроса студентов, проведенного в ноябре-декабре 2025 г. на тему «Управление молодежным медиапространством». Первая часть исследования заключалась в фокус-групповом исследовании (1 профессиональная группа – $n = 37$; 2 профессиональная группа – $n = 43$). Вторая часть – в опросе студентов, общий объем выборки которого составил 337 человек. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся в бакалавриате в одном из московских вузов. Для оценки отношения студентов к такому понятию, как медиапространство, была взята целевая аудитория, будущая профессия которой прямо или косвенно связана с работой в области медиапространства. При этом студенты 1 группы ($n = 117$) обучаются на 4 курсе бакалавриата по направлению «Связи с общественностью», из них женщин – 65%, мужчин – 35%; Возрастной состав: 21 год – $n = 38$, 22 года – $n = 66$, 23 года – $n = 13$. Студенты 2 группы ($n = 120$) обучаются на 3 курсе бакалавриата по направлению «Государственное и муниципальное управление», из них женщин – 54%, мужчин – 46%; возрастной

состав: 20 лет – $n = 30$, 21 год – $n = 75$, 22 года – $n = 15,65\%$ всех опрошенных только учатся и 35% совмещают учебу с работой. Семейное положение респондентов: холосты (не замужем) – 89%, находятся в зарегистрированном браке или проживают в «гражданском браке» – 7, 4% – нет ответа. До поступления в вуз студенты проживали в Москве – 22%, Санкт-Петербурге – 3%, в другом городе – 75%.

Форма анкеты состояла из открытых вопросов в рамках проводимого исследования. Поставленные цели и задачи были достигнуты за счет проведения сплошного анкетирования и кластерной выборки.

Цель данного опроса – на основе научных источников и собственного понимания осмыслить, что представляет собой молодежное медиапространство, кто и как им управляет, какие темы и образы в нем доминируют и нужно ли менять существующие механизмы управления. В структуру анкеты были включены вопросы, отражающие цели и задачи исследования. Особый интерес вызывает исследование в профессиональных группах.

В рамках обработки результатов исследования применялся социокультурный подход, метод анкетирования, анализ научно-методических источников, сравнительный анализ, синтез, обобщение фактов.

Под молодежным медиапространством понимается совокупность цифровых платформ и практик, где молодые люди одновременно выступают и потребителями, и создателями контента. Это пространство обладает собственной культурой, языком, нормами и иерархиями. Важно, что для молодежи граница между «онлайн» и «офлайн» практически стирается: репутация в соцсетях, цифровая активность и медиаприсутствие напрямую влияют на реальные социальные отношения и возможности.

Медиапространство нельзя свести к набору отдельных каналов – оно многослойно и динамично. Молодые люди одновременно присутствуют в официальных медиа, блогосфере, нишевых сообществах и локальных чатах.

В основном студентами в медиапространстве поднимаются темы самореализации и поиска себя, учебы, работы, досуга, моды, спорта и межличностных отношений (таблица 1). Не такой сильный интерес у студентов вызывают темы про свободу слова, экологию, астрологию.

Таблица 1. Основные темы в медиапространстве для студенческой молодежи

Тема	Количество положительно ответивших (чел.)
Самореализация (поиск себя, карьера, рынок труда)	98

Окончание

Тема	Количество положительно ответивших (чел.)
Учеба	95
Культура (музыка, мода)	87
Досуг (развлечения, путешествия)	75
Спорт	68
Межличностные отношения	60
Политика	46
Юмор	40
Игры	40
Экология	35
Психология	28
Буллинг	11
Творчество	10
Еда	10
Внешность	9
Астрология	8
Социальные проблемы	6
Феминизм (равные права)	5
Свобода слова	5

Источник: опрос, первая группа, n = 117 чел., 2025 г.

Основные темы, которые особенно интересуют студенческую молодежь, можно разделить на несколько направлений:

- образование и возможности развития;
- карьера и рынок труда;
- наука и технологии;
- социальные проблемы;
- культура, искусство и развлечения.

Данные ВЦИОМ показывают, что чаще всего молодые люди смотрят в сети контент на тему юмора (56%), образования и науки (49%), международных и федеральных новостей (43–44%) [10].

Учитывая региональные и социальные особенности (медиаландшафт), медиaproстранство является неоднородным. Однако можно отметить, что преобладают темы образования, карьеры, саморазвития, развлечений, а также вопросы межличностных отношений. На последних позициях вопросы свободы слова, социальные проблемы, астрологии, феминизма и др. Среди тем в студенческой среде встречаются вопросы, затрагивающие искусственный интеллект, ментальное здоровье, онлайн идентичность, равенства, гендерные права, фейковые новости, политическая активность, креативность и самовыражение. Наряду с этим поднимаются и проблемы, с которыми сталкиваются студенты: нехватка опыта, финансовые трудности, стресс и неопределенность. Молодежь активно обсуждает вопросы личной свободы, самоидентичности и будущего, так-

же поднимаются вопросы психологии, борьбы со стрессом.

Темы для обсуждения очень динамичны. Если еще несколько лет назад основными темами были вопросы об идентичности, правах меньшинств и т.д., то сейчас эта повестка делит общественное мнение на разные социальные группы. Студенты замечают влияние трендов и приводят в качестве примера преобладание классического стиля одежды, отказ от использования гаджетов в пользу печатных книг, чтение классической литературы. Блогеры критикуют погоню за успехом, учебу не ради высоких оценок, а ради знаний.

Современная молодежь буквально существует в цифровой среде, поэтому ее медиaproстранство – это социальные сети, мессенджеры, стриминговые сервисы, видеохостинги, компьютерные игры и прочее. В ходе исследования студенты не раз подчеркивали, что на сегодняшний день «медиа является главной площадкой для выражения интересов молодежи» (жен., 1 группа, 23 года).

Достойна внимания и реакция целевой аудитории молодежи на цифровой медиаконтент (85% поставят лайк или другую реакцию, сделают репост, сохраняют себе или отправят близким то, что вызвало бурные эмоции [10]). Поведение современной молодежи в медиaproстранстве показывает, что та или иная информация может быть предназначена для развлечения, коммуникации, а также для формирования общих ценностей и интересов.

Молодые люди, в большинстве своем, используют медиа для самореализации и личностного роста. Поиск информации об образовании, освоении новых навыков и способах построения карьеры являются особенно актуальными. Однако, вопреки существующим стереотипам, молодежь активно вовлекается в вопросы глобальных и социальных систем, обсуждает цифровую безопасность. Молодые люди не просто потребляют новости, но и активно участвуют в дискуссиях, организуют флешмобы, активно демонстрируя свою гражданскую позицию, отражая темы и тревоги поколения.

Обилие информации имеет и обратную сторону – возникает проблема самоопределения [8]. Молодежь гонится за мнимыми образами и все больше пытается оправдать себя ожиданиями общества, семьи и своими собственными.

Образ студенческой молодежи в медиaproстранстве

Подчас именно студенты часто становятся «двигателем» новых форматов: что-то появляется в молодежной среде, а затем подхватывается широкой аудиторией.

Однако, несмотря на такую вовлеченность, образ студенческой молодежи в медиaproстранстве

остается весьма неоднозначным. С одной стороны, медиа стремятся показать студентов как активную, инновационную креативную массу, готовых создавать и побеждать, но в то же время в медиа активно закрепляется и негативные стереотипы.

Студенческая молодежь выступает «лакмусовой бумажкой» общества. Эта аудитория быстрее всех реагирует на тренды. Молодежь – активная социальная группа, но в то же время восприимчивая к изменениям в обществе. Образ студенческой молодежи достаточно гибкий.

По мнению респондентов, образ студенческой молодежи в медиапространстве ассоциируется с активными, умными, но иногда ленивыми и зависящими от гаджетов. Активные и креативные, но в то же время безответственные, аполитичные. Этот дисбаланс создает стереотипное мнение относительно молодежи, но вместе с тем отражает многообразие студенческой жизни и тех проблем, с которыми они сталкиваются в реальной жизни, а не в медиапространстве.

Многое зависит от того, кто трактует этот образ – средства массовой информации или сами студенты.

Образ студенческой молодежи – это смесь «активиста», «креативного экспериментатора» и «цифрового аборигена». В образе молодежи часто подчеркивается идеализм, желание перемен, справедливости; с одной стороны, свобода, креатив и независимость, а с другой стороны, среди черт встречаются такие, как «проблемы поколений», нестабильность, тревога, страх не соответствовать.

Данные ВЦИОМ подтверждают преимущественно позитивные ассоциации в образе студенческой молодежи. В 24% случаев речь идет о прекрасной, беззаботной поре. Почти столько же (23%) ассоциируют студенчество с возможностями, перспективами, будущим и движением вперед [11].

В образе студенческой молодежи можно найти как позитивные, так и негативные черты (табл. 2). Контент-анализ анкет позволил систематизировать представления студентов об образе студенческой молодежи в медиапространстве.

Таблица 2. Позитивные и негативные черты образа студенческой молодежи

Позитивные	Негативные
Активные, энергичные	Ленивые
Умные	Недалекие, глупые
Творческие, креативные	Зависящие от гаджетов
Стремящиеся реализовать свой потенциал, амбициозные	Увлекающиеся социальными сетями

Окончание

Позитивные	Негативные
Дисциплинированные	Безответственные
Креативные	Приспосабливающиеся
Свободные	Аполитичные
Самобытные	Постоянно развлекающиеся
Ответственные	Несерьезные
Смелые	Трусливые
Бескорыстные	Алчные
Помогающие людям	Высокомерные
Заинтересованные	Зависимые
Сентиментальные	Инфантильные

Источник: опрос, n = 337 чел., 2025 г.

Особое значение имеет образ молодежи, формируемый в медиапространстве. Студенты дают такую характеристику образу студенческой молодежи: «несерьезная, слегка агрессивная, доказывающая свои позиции и отстаивающая личные границы, но в то же время – ответственная, четко знающая свои цели» (жен., 2 группа, 21 год).

Образ студенческой молодежи колеблется между двумя крайностями. В одном случае молодежь представляется как «потерянное поколение»: инфантильное, зависимое от гаджетов, не готовое к ответственности. В другом как источник инноваций, креатива и социального обновления. Оба образа являются упрощенными и не отражают реального многообразия молодежных стратегий и жизненных траекторий. В результате молодежь часто оказывается объектом обсуждения, но не полноправным субъектом выработки смыслов. Один из студентов выражает мнение, что «ключевым трендом является само конструирование – отказ молодежи от навязанных образов в пользу самопрезентации» (жен., 1 группа, 22 года).

Студенты неоднократно подчеркивали, что образ студента в медиапространстве двойственен: «Молодежь более творчески мыслит, более креативна и легка на подъем, но в то же время считается менее стрессоустойчива в сравнении со старшим поколением» (жен., 1 группа, 22 года).

В студенческих медиа появляется образ человека, который одновременно учится, работает, пытается «успеть все» и не очень понимает, что его ждет впереди (жен., 1 группа, 22 года).

Можно сказать, что медиапространство отражает амбивалентность молодежной жизни: между надеждой и тревогой, амбициями и сомнениями.

Студенты подчас подчеркивают, что «часто выглядят как потерянное поколение: инфантильные,

зависимые от гаджетов эгоисты, не способные на серьезные поступки и ответственность» (муж., 1 группа, 21 год). С другой стороны, студенты обращают внимание на то, что «*внутри самого медиапространства, в нашей привычной среде, мы видим себя совершенно иначе. Здесь мы свободные, креативные и, главное, очень гибкие люди. Мы – поколение, которое умеет мгновенно обучаться, осваивая новые навыки по видеоурокам, и не боится превращать свои увлечения в работу*» (жен., 1 группа, 22 года).

Следует подчеркнуть, что некоторые студенты придерживаются точки зрения, что в медиапространстве слабо представлен образ «обычной» молодежи из регионов и непубличных социальных групп, что создает искаженные ожидания и чувство несоответствия.

Но все же большинство студентов поддерживают мнение, что позитивной характеристики студенческого сообщества больше, чем негативной. Такой точки зрения придерживаются более 80% опрошенных.

Медиаобразование и студенческие мультимедийные проекты помогают изменить этот образ, предоставляя молодежи возможность самим формировать свою повестку. Мультимедийные проекты становятся важным ресурсом развития критического мышления и цифровой грамотности студентов. Студенты, которые как-то связаны с медиа, начинают творить, тем самым развиваться, и у них нет ни деградации, ни стагнации [4].

Таким образом, образ студенческой молодежи двойственный – с одной стороны, это будущее общества, а с другой – это люди, которые сталкиваются с трудностями и переживаниями. Такой двойственный образ формирует неоднозначное восприятие студентов в обществе.

Студенты, делящиеся своим реальным опытом, могут стать катализатором изменений. Это не только преобразит восприятие молодежи, но и сделает медиа более правдивыми, способствуя позитивным изменениям в обществе.

Изменение образа студенческой молодежи – это сложная задача, требующая комплексного подхода, использования разнообразных средств и постоянного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами. В целях изменения негативных черт студенчества в медиапространстве необходимо сознательно корректировать медиаповествование. Можно воспользоваться такими средствами изменения образа, как социальные кампании, рекламные стратегии, PR-проекты в университетах, инфлюенс-маркетинг, сторителлинг. С помощью этих средств можно сместить образ с пассивного и инфантильного на активного, умного, амбициозного, творческого. Университеты, научные сообщества могут продвигать инициативы, в которых молодежь будет выступать в роли экспертов, создателей идей. Студенты под-

черкивают необходимость «участия в социальных и политических обсуждениях, высказывая собственную позицию» (жен., 1 группа, 22 года), тем самым будет меняться общественное восприятие молодежи. Другой студент считает, что «*если медиа будут фокусироваться не только на стереотипах, то образ молодежи будет многогранен, целостен и справедлив*» (муж., 1 группа, 21 год).

Образ молодежи можно менять не просто с помощью критики существующего представления, а формировать новые. Этому способствует создание собственного контента: студенческих медиа, блогов, подкастов, видеопроектов. Важную роль играет медиаграмотность – умение работать с информацией, строить публичный образ. Помогает и сотрудничество вузов с медиа, а также поддержка лидеров мнений.

Следовательно, образ студенческой молодежи можно изменить комплексным подходом: сочетать креативный медиаконтент, участие студентов и поддержку институциональных структур (университетов, СМИ).

Для того чтобы улучшить образ студенческой молодежи в медиапространстве, по мнению студентов, необходимо показывать успехи молодежи, достижения, инициативы студентов, участие в проектах, волонтерском движении, сократить вредную информацию или ограничить к ней доступ.

По мнению части молодежи, главным инструментом для изменения образа студенческой молодежи в медиапространстве выступают социальные сети. Именно они определяют тренды: какие профессии становятся модными, какой стиль жизни считается успешным, что изучать и к чему стремиться. Через визуальные образы медиапространство формирует ценности и привычки молодежи.

Изменение образа студента в медиа необходимо, чтобы преодолеть стереотипы и показать реальное многообразие молодежной среды. Это можно сделать через:

- поддержку студенческих медиа и блогов (70% опрошенных относятся положительно);
- включение молодежи в создание общественно значимого контента (88% опрошенных поддержали эту инициативу);
- развитие программ медиаобразования (60% считают, что это положительно повлияет на образ молодежи);
- привлечение студентов к участию в социальных и культурных инициативах (75% положительно относятся к данному направлению).

Несмотря на всю сложность и многогранность образа студенческой молодежи в медиапространстве, наши респонденты отмечают, что «*современная молодежь стала более активной и имеет свою гражданскую позицию. И не нужно менять этот образ и стиль*» (жен., 2 группа, 21 год). Один из ре-

спондентов придерживается такой же точки зрения, что *«кардинально не следует ничего менять, лишь еще больше рассказывать о достижениях студентов и то, как государство и крупные компании поддерживают молодых талантливых выпускников и предоставляют возможность добиваться успехов в своем деле»* (жен., 2 группа, 20 лет).

В качестве примера для изменения образа студенческой молодежи в медиапространстве приведем предложения одного из студентов: *«во-первых, создала бы позитивные информационные кампании, где студенты показываются как активные участники научных, культурных и социальных проектов; во-вторых, развила бы студенческие медиа-журналы, подкасты, блоги, где сама молодежь говорит о себе; в-третьих, использовала бы визуальные средства – фильмы, сериалы, документалистику, где студенты показаны не только как потребители развлечений, но и как инициаторы перемен»* (жен., 1 группа, 21 год).

Заключение

В современном мире в медиапространстве формируется особая среда, в которой студенческая молодежь получает знания о мире и взаимодействует с обществом. Это среда стала неотъемлемой частью нашего мира, влияющая на мышление, модели поведения и ценности, особенно у молодежи. В целях изменения образа студенческой молодежи следует опираться на реальную картину жизни студентов. Это означает показывать их как активных, социально вовлеченных и ответственных в той или иной области. Важно давать им возможность самим участвовать в создании масштабного контента, формировать самим, а не транслировать готовые схемы. Тогда медиапланирование станет более сильным инструментом реального воздействия.

Поскольку для молодежи сегодня именно социальные медиа становятся главной ареной самовыражения и взаимодействия, важно формировать медиаплатформы, где студенты будут показаны как ответственная и творческая часть общества, способная влиять на будущее страны.

Медиапространство можно рассматривать как сложный механизм циркуляции и трансформации смыслов, в котором образ студенческой молодежи играет важную роль. Именно от того, какие ценности и инициативы будут транслироваться, зависит общественное восприятие студентов и степень их участия в социальном пространстве.

Таким образом, медиапространство не только транслирует образ студенчества, но и формирует его. Возможность влиять на этот процесс зависит от активности государства, платформ, профессионального сообщества и прежде всего самих студентов. Осмысленное присутствие в медиапространстве позволяет разрушать стереотипы и создавать более точный и позитивный образ

молодежи. Расширение присутствия студенчества в сфере медиа через творчество, инициативы, образовательные и социальные проекты способно изменить устоявшиеся клише.

Таким образом, изменение медиапредставления о современном студенте зависит не только от СМИ или государства, но и от самой молодежи, которая обладает ресурсами, инструментами и голосом, позволяющим влиять на общественное восприятие. Чтобы изменить образ студенческой жизни у молодежи, важно смещать акценты.

Медиапространство на сегодняшний день играет ключевую роль в формировании взглядов и образа жизни молодежи. Оно открывает большие возможности для самореализации, обмена знаниями и идеями. Поэтому важно не только уметь пользоваться медиасредой, но и осознанно формировать в ней положительный образ студенчества. От того, как молодые люди будут представлены в медиа, как пассивные потребители контента или как активные создатели и лидеры будущего, зависит отношение общества к новому поколению и его роль в развитии страны. Медиа активно фиксируют интересы студентов и формируют общие символы поколения.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Бузин В.Н. Дегуманизация медиапространства: проблемы и решения. М: Когнито-Центр, 2021. 232 с.
3. Дзялошинский И.М. Медиаобразование в системе формирования коммуникативной компетентности // Медиаобразование: стратегии развития – 2021. Материалы XII международной научно-практической конференции памяти И.В. Жилавской / под общей редакцией Т.Н. Владимировой, И.А. Купцовой. М., 2022. С. 27–47.
4. Кузьмина Н.В., Федяева Е.А. Медиаобразование студентов: от потребления к творчеству // Медиаобразование. 2021. № 2. С. 34–41.
5. Макарова О.И. А. Аппадурай: культурное изменение глобализации // Вестник государственного областного университета. 2023. № 3. С. 33–37.
6. Маслодужева Н.В. Воздействие информационного пространства на медиасреду: оценки молодежи // Социология. 2025. № 4. С. 79–84.
7. Миллс Чарльз Райт. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко, под ред. Г.С. Батыгина. М.: ИД NOTA BENE, 2001. 264 с.
8. Осадчая И.В. Ценностное самоопределение студентов университета в современном медиапространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–1. С. 276–279.

9. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, p. 77.
10. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. 24.06.2025 г. Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 23.01.2026).
11. Российские студенты: вчера, сегодня... завтра? 23.01.2025. Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-studenty-vchera-segodnja-zavtra> (дата обращения: 23.01.2026).

SHAPING THE IMAGE OF STUDENT YOUTH IN THE MEDIA ENVIRONMENT IN THE FACE OF RISKS AND CHALLENGES OF PROFESSIONAL STRUCTURE TRANSFORMATION

Rybakova M.V., Ivanova N.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The relevance of this topic is determined by the rapid digitalization of society, the transformation of communication practices, and the emergence of new forms of social interaction in the digital environment. The empirical basis is based on the results of a survey conducted by the authors at a Moscow university (n=337) and two focus groups (Group 1 – n=37; Group 2 – n=43). This article examines the media topics that concern young people, how the image of students is represented in the media, and whether this image should be transformed. The article analyzes the results of the focus groups (a qualitative study in two professional groups) and a questionnaire (a quantitative study). The goal of this sociological study was to identify challenges in shaping the image of student youth in the media environment in the face of the risks and challenges of professional structure transformation.

Keywords: students, youth image, transformation, media environment.

References

1. Bauman Z. Globalization. Consequences for Man and Society. M.: The Whole World, 2004. 188 p.
2. Buzin V.N. Dehumanization of the Media Space: Problems and Solutions. Moscow: Cognito-Center, 2021. 232 p.
3. Dzyaloshinsky I.M. Media Education in the System of Forming Communicative Competence // Media Education: Development Strategies – 2021. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference in Memory of I.V. Zhilavskaya / General editors T.N. Vladimirova, I.A. Kuptsova. Moscow, 2022. Pp. 27–47.
4. Kuzmina N.V., Fedyaeva E.A. Media Education of Students: From Consumption to Creativity // Media Education. 2021. № 2. Pp. 34–41.
5. Makarova O.I. A. Appadurai. The Cultural Dimension of Globalization. Bulletin of the State Regional University. 2023. № 3. Pp. 33–37.
6. Maslodueva N.V. The Impact of the Information Space on the Media Environment: Young People's Assessments // Sociology. 2025. № 4. Pp. 79–84.
7. Mills Charles Wright. Sociological Imagination. Translated from English by O.A. Oberemko, edited by G.S. Batygin. Moscow: NOTA BENE Publishing House, 2001. 264 p.
8. Osadchaya, I.V. University Students' Value Self-Determination in the Modern Media Space // Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. № 78–1. Pp. 276–279.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, p. 77.
10. Living Online, or Media Consumption of Modern Youth. June 24, 2025. Official website of VTsIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (date of access: January 23, 2026).
11. Russian Students: Yesterday, Today... Tomorrow? January 23, 2025. Official website of VTsIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-studenty-vchera-segodnja-zavtra> (date of access: 23.01.2026).

Мотивация к военной службе в оценках военнослужащих России

Быченко Юрий Григорьевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: bychenkoug@gmail.com

Курманов Ренат Шавкятovich,

старший преподаватель, адъюнкт заочной формы обучения Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: kurmanovrenat92@gmail.com

В статье исследуется проблема мотивации военнослужащих в современных условиях. Дифференцированы военнослужащие относительно их мотивации к военной службе: 1) инструментальный тип мотивации – 37% военных акторов (для них военная служба – это прежде всего механизм расширенного воспроизводства личных потребностей, результат роста денежного довольствия, дохода, благосостояния); 2) профессиональный тип мотивации – 35% военных акторов (для них военная служба – это механизм профессиональной самореализации, карьерного подтверждения, повышения профессионального статуса); 3) новаторский тип мотивации – 19% военных акторов (для них военная служба – это прежде всего механизм творческой самоактуализации, возможности формирования и применения новых знаний, использование инновационных методов службы); 4) патриотический тип мотивации – 9% военных акторов (для них военная служба – это возможность служения Родине, механизм реализации социального влияния, ответственности, стремление к реализации управленческих функций, получению больших административных полномочий).

Ключевые слова: военнослужащий, воинский коллектив, мотивация, факторы мотивации, стимулирование, служебная деятельность.

Введение

Современное противостояние России и стран запада характеризуется масштабным использованием технологий информационно-идеологического воздействия. Россия в этой конфронтации рассматривается не просто как геополитический оппонент, но и как объект для глубокого ценностного перепрограммирования. Особое внимание в этой стратегии уделяется ключевому институту государственности – вооруженным силам. Целью является системная дестабилизация морального состояния российских военнослужащих. Через непрерывный поток нарративов, направленных на подрыв доверия, размывание традиционных устоев и внедрение чуждых ценностных моделей, противник стремится ослабить сплоченность и боевой дух воинских коллективов. Это создает эффект «идеологической неустойчивости» внутри военных организаций. Последствия таких действий носят каскадный характер. На макроуровне они усиливают расколы в общественном сознании, обостряя социальную поляризацию. На микроуровне, внутри воинских подразделений, это приводит к непредсказуемым мотивационным трансформациям. Кодекс чести, чувство долга и корпоративная солидарность, подвергаясь постоянному давлению, частично теряют свою устойчивость. В результате мотивационные ценности военнослужащих начинают развиваться по хаотичной траектории. Последнее, с одной стороны, создает фундаментальные риски управления мотивацией, с другой стороны, усиливает актуальность исследования мотивации военнослужащих. На современном этапе формируется насущная потребность в целостной научной концепции, которая позволила бы системно описать и усилить механизмы социокультурной мотивации военнослужащих в условиях именно российской действительности. Существующие теоретические модели и практические подходы зачастую фрагментарны или не в полной мере учитывают уникальное сочетание традиционных устоев, современных вызовов и специфики военной организации России. Преодоление этого концептуального пробела является критически важным для создания устойчивой и эффективной мотивационной системы ценностных ориентиров, способной противостоять внешнему идеологическому давлению и внутренним дезинтеграционным рискам в военных организациях.

Теоретические основы исследования

Имеющиеся научные разработки по мотивации к военной службе условно дифференцируем на две группы: 1) теоретическое обоснование проблем военной мотивации [1]; 2) анализ параметров эмпирической оценки факторов мотивации военнослужащих [2]. Первая группа исследователей обосновывает, что профессиональная мотивация военнослужащего – это не просто сумма внешних стимулов, а сложная внутренняя система предпочтений субъектов [3]. Её ядро составляют осознанные побуждения, которые трансформируют призвание и навыки в конкретную служебную деятельность [4]. Эта система работает на двух взаимосвязанных уровнях: инструментальном и экзистенциальном [5]. На первом уровне мотивация направлена на овладение военной профессией – комплексом специальных военных профессиональных знаний, тактико-технических компетенций и физической готовности, которые и делают актора военным профессионалом [6]. Однако истинная эффективность раскрывается на втором уровне, где ключевым становится смысл профессиональной деятельности военнослужащего. Здесь военная профессия перестаёт быть только работой и становится пространством для самореализации, где личные амбиции, чувство долга и потребность в признании заявляются субъектами как важнейшая ценность. Последняя интегрируется и сливается с ценностями воинского коллектива, а также общей военной миссией российского общества.

Таким образом, в рамках общетеоретического научного подхода исследователи рассматривают мотивацию к военной службе в контексте субъективной самооценки военнослужащих. Оценка мотивации предлагается осуществлять на уровне исследования провозглашаемых военнослужащими мотивированных ценностей, процессов возникновения предпочтений субъектов к реализации военной профессии, стыке формирования мастерства и понимания смысла поведенческой военной профессиональной деятельности. По сути, мотивация военнослужащих представляет собой целенаправленный процесс активизации их внутренних ресурсов для добросовестного выполнения служебного долга в интересах решения задач обороны и безопасности государства. Ключ к пониманию этого процесса лежит в разделении двух его источников: внутреннего (мотивов) и внешнего (стимулов). Мотивы – это субъективно декларируемые, сформированные личностью причины к службе, такие как получение материальной выгоды, чувство патриотического долга, стремление к профессиональной самореализации, потребность в принадлежности к коллективу или амбиции карьерного роста. Стимулы же – это инструменты внешней среды (денежное довольствие, социальные гарантии, знаки отличия, условия быта), которые система предлагает для регуляции поведения.

В рамках второй группы исследований уточняются социологические параметры эмпирической оценки мотивации военнослужащих. Предлагается двойственная система критериев оценки мотивации военнослужащих [7]. Данная система критериев представляет собой комплексный диагностический инструмент, рассматривающий мотивацию в двух взаимосвязанных плоскостях.

Первая плоскость социологической оценки: глубинный уровень диагностики ценностно-смыслового критерия [8]. Здесь важен анализ ответов военнослужащих на вопрос: «Во имя чего они осуществляют военную службу?». Важна самооценка профессиональной мотивации реализации военной службы через исследование внутренней системы ценностных приоритетов. По сути, в рамках первой плоскости социологической оценки речь должна идти о том, насколько цели и смыслы военной службы (защита Отечества, долг, честь, корпоративная солидарность, профессиональная гордость) интериоризированы [9], то есть приняты как личные, и являются ли они истинным внутренним двигателем, а не декларируемой формальностью. Это оценка устойчивости и «идеологического иммунитета» мотивации к военной службе.

Вторая плоскость социологической оценки: процессуальный уровень диагностики регулятивного мотивационного критерия [10]. Здесь важен анализ ответов военнослужащих на вопрос: «Как и чем стимулируется военная профессиональная деятельность акторов?». Ответы на данный вопрос дают возможность анализировать механизмы перевода внешних требований и стимулов (приказы, поощрения, карьерные перспективы, нормы устава) в конкретные военно-профессиональные действия [11].

По сути, в рамках второй плоскости социологической оценки речь должна идти о том, насколько эффективно внутреннее стимулирование и регулирование военной деятельности, а также сформирована потребность и способность военнослужащих воспринимать организационные цели, осуществлять генерацию трудовой потребности в творческой инициативе и самоуправлении в рамках поставленных задач.

Таким образом, в рамках военной социологии представляются теоретические подходы по обоснованию исследуемой проблемы. Мотивацию к военной службе предлагается рассматривать как систему осознанного побуждения, которая трансформирует призвание, трудовые потребности и навыки в конкретную служебную деятельность. Эта система работает на двух взаимосвязанных уровнях: инструментальном и экзистенциальном. Задача институтов военной организации – создавать среду, которая непрерывно поддерживает и развивает оба этих компонента, превращая формальное исполнение обязанностей

в осознанное служение. Поверхностная социологическая оценка мотивации к военной службе может осуществляться на основе анализа данных ответов на вопрос «Во имя чего они осуществляют военную службу?», а также «Как и чем стимулируется военная профессиональная деятельность акторов?». Диагностика мотивационных механизмов по данному направлению призвана определить не только на основе каких внутренних мотивов военнослужащие реализуют военную службу, но и во что она воплощается, как в итоге проявляется осуществление военной службы на практике. Здесь важно оценить практическую реализацию мотивации в непосредственной служебной деятельности военнослужащих, определить насколько важны не просто исполнительность, а проявление креативности, интеллектуальной и физической вовлеченности, готовность брать ответственность и выходить за рамки шаблонных инструкций для достижения поставленных результатов.

Эмпирическая база

Для верификации предложенных теоретических подходов необходимо обратиться к эмпирическим данным. Ключевым инструментом такой проверки и апробации выступает анализ результатов конкретного социологического опроса, проведенного в ряде воинских коллективов России. Исследование проведено Р.Ш. Курмановым в воинских частях Уральского, Приволжского и Центрального округов с военнослужащими контрактной службы в 2024–2025 гг., $n = 1204$. Среди опрошенных: офицеры – 105 человек (9%), прапорщики, сержанты, солдаты – 1099 человек (91%).

Результаты и их обсуждение

Данные социологического исследования демонстрируют сложную, многослойную структуру основных материальных и социокультурных мотивов военнослужащих. Здесь материальные факторы являются необходимой основой, но недостаточным условием для формирования эффективной мотивации к военной службе. Социокультурные факторы дополняют и усиливают материальные подсистемы.

Материальная мотивация военнослужащих – базовая форма мотивации, обеспечивающая возможности воспроизводства профессионального потенциала акторов. Сюда входят финансовые стимулы (денежное довольствие, разовые дополнительные выплаты, материальные льготы, поощрительные премии). Материальное стимулирование является основным фактором служебной мотивации для 37% военнослужащих. Без стабильного и справедливого удовлетворения базовых социально-экономических потребностей формирование высших форм мотивации военнослужащих невозможно.

Социокультурная мотивация военнослужащих – высшая форма мотивации, стимулирование профессионального развития и самореализации. Знания, военно-организационные ценности, принципы, правила, нормы, нормативные положения, традиции, профессиональная карьера, военная организационная культура являются основными факторами служебной мотивации для 63% военнослужащих. Военнослужащие явно демонстрируют потребность в: 1) профессиональном росте (возможность образовательного развития и быстрого карьерного роста отметили 31% респондентов); 2) самоактуализации (возможности формировать и применять новые знания, творческий потенциал отметили 19% респондентов); 3) патриотизме, реализации влияния и ответственности (стремление к реализации управленческих функций, получение больших полномочий, рост социальной ответственности отметили 9% респондентов).

Подчеркнем, что в результате проведения специальной военной операции большинство военнослужащих периодически командированы в зону боевых действий и имеют существенный рост денежного довольствия. Военнослужащие в целом положительно оценивают рост заработной платы. При этом отметим, что уровень удовлетворенности военнослужащих денежным довольствием сегодня представляет собой сложную картину, где позитивная оценка текущего положения дел соседствует с выраженными опасениями относительно будущего. В современных условиях 78% военнослужащих в полной мере одобряют решения Правительства о плановом повышении заработной платы военнослужащих. После реализации системного роста заработной платы участникам СВО, серии индексаций, а также реформ денежного довольствия данные процессы военнослужащими воспринимаются позитивно. Значительная часть личного состава, особенно младшего и среднего звена, отмечает, что их доход постепенно становится конкурентоспособным по сравнению со средней заработной платой в гражданском секторе в ряде регионов России. Это укрепляет статус военной службы как стабильной и финансово привлекательной, снижая уровень текучести кадров и повышая лояльность. Более половины респондентов (58%) высказывают сомнения в долгосрочной перспективе роста денежного довольствия.

По сути, за общим одобрением скрывается глубокая тревога о будущей материальной мотивации военнослужащих. Ключевой проблемой остается не столько абсолютный размер выплат сегодня, а неопределенность и непредсказуемость дальнейшей динамики. 32% военнослужащих беспокоят перспективы роста инфляции в российском обществе. Последнее обесценивает доходы военнослужащих в периоды между индексациями. Рост дохо-

дов в результате участия военнослужащих в специальной военной операции теряет привлекательность, если его реальная покупательная способность в перспективе снижается. 14% опрошенных беспокоятся о нестабильности и конъюнктурности роста заработной платы военных в современных условиях. Респонденты понимают, что значительный рост доходов в последние годы связан с осуществлением специальной военной операции и может не стать постоянной практикой. Это создает чувство экономической уязвимости. 8% респондентов заявляют о разрыве в мотивационных ожиданиях. Данные военнослужащие обращают внимание на наличие временного несовпадения между официально объявленными «средними» показателями роста заработной платы и реальными ощущениями военных, особенно в вопросах получения всех положенных надбавок и их своевременности.

Анализ данных социологического опроса показывает, что военнослужащие в целом дают низкую оценку социокультурным факторам мотивации военнослужащих. Только 23% респондентов удовлетворены, 26% частично удовлетворены, 31% не удовлетворены уровнем социокультурных факторов мотивации военнослужащих. Можно отметить, что социокультурные мотивы не являются доминирующими в комплексе мотивации военнослужащих.

По сути, ценности военной службы – это не изолированный свод правил для военнослужащих. Они представляют собой особую, кристаллизованную разновидность социальных ценностей, возникающую на стыке фундаментальных потребностей общества и специфики армейского института. Их сущность раскрывается в постоянной диалектике взаимодействия между армией и социумом, где каждая сторона является одновременно источником требований и оценочной инстанцией. Отметим, что мотивация военнослужащих не может сводиться только к реализации стремления получения дохода и карьерного роста акторов. Мотивационная система – это многослойная конструкция, где личное переплетается с надличностным, а прагматичное – с идеалистическим. Можно выделить несколько ключевых «смысловых опор», во имя которых несут службу военнослужащие. 1. Защита как высший долг – стержневая, сакральная причина, закреплённая в уставах и присяге. Речь идет о защите не абстрактного государства, а конкретного мира и образа жизни своего народа, семьи, дома. Это чувство – мощнейший внутренний мобилизатор, позволяющий преодолевать трудности и рисковать. 2) Служение и ответственность перед своим обществом. Воин в этой парадигме не наемник, а гарант безопасности, стоящий на страже суверенитета и территориальной целостности.

На уровне малого коллектива (отделения, роты, экипажа) военная служба обретает предельно

конкретный человеческий смысл. Солдат и офицер служат ради своих товарищей. Доверие, взаимовыручка, ответственность за жизнь подчиненных и выполнение задачи вместе – это мощнейшая интегрирующая сила. Здесь долг превращается из абстрактного понятия в ежедневную практику: не подвести, прикрыть, вынести с поля боя. Для многих военная служба – это призвание и карьера. Она дает: четкую цель и ясную систему ценностей в мире, где они часто размыты, возможность испытать себя, развить лидерские качества, волю, дисциплину, уважаемый социальный статус и чувство принадлежности к особой касте, чей кодекс чести и долга отличает ее от гражданского общества.

Заключение

В контексте анализа приоритетных стимулирующих факторов военнослужащие условно разбиваются на несколько групп. 37% – военнослужащие, у которых преобладает инструментальный тип мотивации (военная служба – это прежде всего механизм расширения воспроизводства личных потребностей в результате роста денежного довольствия, дохода, благосостояния). 35% – военнослужащие, у которых преобладает профессиональный тип мотивации (военная служба – это механизм профессиональной самореализации, карьерного подтверждения, повышения профессионального статуса). 19% – военнослужащие, у которых преобладает новаторский тип мотивации (военная служба – это прежде всего механизм творческой самоактуализации, возможности формировать и применять новые знания, использование инновационных методов службы). 9% – военнослужащие, у которых преобладает патриотический тип мотивации (военная служба – это механизм реализации социального влияния, ответственности, стремления к реализации управленческих функций, получению больших полномочий).

Таким образом, эффективная мотивационная политика должна быть двухконтурной: 1) первый контур (базовый) – обеспечение конкурентного и прозрачного материального стимулирования; 2) второй контур (стратегический) – создание гибкой, меритократической системы, которая прямо увязывает этот материальный базис с карьерными траекториями, возможностями для обучения, творческих задач и роста ответственности. Только эта связка порождает устойчивую профессиональную мотивацию, отвечающую как потребностям отдельных военнослужащих, так и задачам военной организации России в целом.

Материальное и социокультурное стимулирование представляет собой основной костяк мотивации военнослужащих. Материальное стимулирование реализуется в своей основе через начисление довольствия военнослужащим. В современных условиях удовлетворенность довольствием

носит условный и амбивалентный характер. Текущий уровень доходов одобряется военнослужащими, но этого недостаточно для формирования устойчивой мотивации военнослужащих. Главным дестабилизирующим фактором является недоверие к долгосрочной финансовой стратегии государства в отношении военнослужащих. Для перехода от текущего одобрения к глубокой мотивации и уверенности необходима не просто практика периодических повышений, но и четкая, прозрачная и законодательно закреплённая система индексации, привязанная к объективным социально-экономическим показателям. Только гарантированная защита от инфляции и понятные долгосрочные перспективы роста могут превратить денежное довольствие из источника сиюминутного удовлетворения в надёжный фундамент карьеры и жизни военнослужащего.

Основу социокультурного стимулирования необходимо связывать с развитием ценностей и ценностных приоритетов военнослужащих. Модернизация ценностей военной службы представляет собой процесс развития кодекса общественного договора гражданского общества. Она обновляет условия договорённости между социумом и теми, кто согласен взять на себя бремя военной защиты государства. Общество делегирует военной организации монополию на насилие и риск, наделяя её статусом и ресурсами. Военнослужащие, в обмен, обязуются руководствоваться гипертрофированными социальными ценностями (честь, долг, жертвенность), превращая их в профессиональную этику. Прочность данного социального договора зависит от устойчивости диалектической связи: насколько четко общество осознает и символически, и материально признает уникальность воинского труда, а военнослужащие – воспринимают свои ценности не как внутреннюю корпоративную норму, а как высшее проявление социально одобряемого воинского служения.

Литература

1. Ушакова В. Р., Ушакова В. Р. Особенности мотивационной сферы военнослужащих // Stud-Net. 2020. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsionnoy-sfery-voennosluzhaschih>.
2. Смирнов, А. Э. Военно-профессиональная мотивация [Текст] / / А. Э. Смирнов, А. Р. Пискунов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 30 (134). – С. 366–372.
3. Донец С. А. Формирование и развитие учебной мотивации у курсантов военных вузов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71–4. С. 112–115.
4. Быченко Ю. Г. Пути совершенствования профессиональной мотивации курсантов военного института / Быченко Ю. Г. / Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (14). С. 72–76.
5. Медведев, А. В. Специфика и стимулирование формирования мотивации к воинскому труду в современных условиях / А. В. Медведев, В. В. Медведева // Военно-экономический вестник. – 2021. – № 3.
6. Ламихов Юрий Борисович Система нематериальной мотивации на современных предприятиях // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4.
7. Зерниченко А. Н., Гончаров Н. В. К вопросу о классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора // Вестник Московского ун-та. – Серия 14. – Психология. – 1987. – № 4.
8. Баландина Т. М., Быченко Ю. Г. Факторы трудовой мотивации деятельности работников / Баландина Т. М., Быченко Ю. Г. / В сборнике: Актуальные вопросы развития российской военной науки (ко Дню российской науки). сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 35–40.
9. Савенко А. А. Мотивация трудовой активности как комплексное социологическое явление [Текст] / А. А. Савенко // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 4 (49). – С. 83–88.
10. Русецкая А. А. Взаимосвязь мотивации к успеху с готовностью к риску в воинском коллективе / А. А. Русецкая; науч. рук. И. Ю. Хацкевич // Инженерно-педагогическое образование в XXI веке: материалы III Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и студентов БНТУ (63-й студенческой научно-технической конференции БНТУ), 26–27 апреля 2007 г. / редкол.: С. А. Иващенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2007. – С. 249–252.
11. Савенко А. А. Мотивация трудовой активности как комплексное социологическое явление [Текст] / А. А. Савенко // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 4 (49). – С. 83–88.

MOTIVATION FOR MILITARY SERVICE IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN MILITARY PERSONNEL

Bychenko Yu.G., Kurmanov R.Sh.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

The article examines the problem of motivation of military personnel in modern conditions. The structure of military personnel regarding their type of service and labor motivation is revealed: 1) instrumental type of motivation – 37% of military actors (for them, military service is primarily a mechanism for the expanded reproduction of personal needs, the result of an increase in monetary allowances, income, and well – being); 2) professional type of motivation – 35% of military actors (for them, military service is primarily a mechanism of professional self-realization, career confirmation, professional status enhancement); 3) innovative type of motivation – 19% of military

actors (for them, military service is primarily a mechanism of creative self – actualization, the ability to form and apply new knowledge, the use of innovative methods of service); 4) patriotic type of motivation – 9% of military actors (for them, military service is primarily a mechanism realization of social influence, responsibility, striving for the realization of managerial functions, obtaining greater administrative powers).

Keywords: serviceman, military team, motivation, motivation factors, incentive, service activity.

References

1. Ushakova V. R., Ushakova V.R. Features of the motivational sphere of military personnel // StudNet. 2020. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsionnoy-sfery-voennosluzhaschih>.
2. Smirnov, A.E. Military-professional motivation [Text] / / A.E. Smirnov, A.R. Piskunov. – Text: direct // Young scientist. – 2016. – № 30 (134). – P. 366–372.
3. Donetsk S.A. Formation and development of educational motivation among cadets of military universities // Trends in the development of science and education. 2021. № 71–4. P. 112–115.
4. Bychenko Yu.G. Ways to improve the professional motivation of military institute cadets / Bychenko Yu.G. / Bulletin of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. 2024. № 1 (14). P. 72–76.
5. Medvedev, AV Specificity and stimulation of the formation of motivation for military labor in modern conditions / AV Medvedev, VV Medvedeva // Military-Economic Bulletin. – 2021. – № 3.
6. Lamikhov Yuri Borisovich The system of non-material motivation at modern enterprises // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2019. № 4.
7. Zernichenko A.N., Goncharov N.V. On the issue of the classification of motivational factors of work activity and professional choice // Bulletin of Moscow University. – Series 14. – Psychology. – 1987. – № 4.
8. Balandina T.M., Bychenko Yu.G. Factors of labor motivation of employees' activity / Balandina T.M., Bychenko Yu.G. / In the collection: Actual issues of development of Russian military science (for the Day of Russian Science). collection of scientific articles of the II All-Russian scientific and practical conference. Saratov, 2024. Pp. 35–40.
9. Savenko A.A. Motivation of labor activity as a complex sociological phenomenon [Text] / A.A. Savenko // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2015. – № 4 (49). – Pp. 83–88.
10. Rusetskaya A.A. Interrelation between motivation for success and readiness to take risks in a military team / A.A. Rusetskaya; scientific. hand. I. Yu. Khatskevich // Engineering and pedagogical education in the 21st century: Proceedings of the III Republican scientific and practical conference of young scientists and students of BNTU (63rd student scientific and technical conference of BNTU), April 26–27, 2007 / editorial board: S.A. Ivaschenko (editor-in-chief) [et al.]. – Minsk: BNTU, 2007. – Pp. 249–252.
11. Savenko A.A. Motivation of labor activity as a complex sociological phenomenon [Text] / A.A. Savenko // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2015. – № 4 (49). – Pp. 83–88.

Перспективные пути устойчивого развития системы обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике

Табасаранский Руфат Сергеевич,

докторант Бакинского государственного университета

E-mail: rufat.tabasaransky@gmail.com

В статье раскрываются сущностные характеристики продовольственной безопасности как составной части национальной безопасности, подчеркивается необходимость государственного регулирования, имеющего целью обеспечение качества потребляемого продовольствия как внутреннего, так и иностранного происхождения, а также гарантирование доступа всех слоев населения к продуктам питания. В статье далее отмечено, что с целью обеспечения устойчивого развития продовольственной безопасности принимается соответствующая нормативно-правовая база, на основании которой проводится государственное регулирование и координация работы различных правительственных и частных субъектов, направленные на стимулирование производства и поддержку фермерских хозяйств, осуществляется научно-обоснованная деятельность с целью минимизации последствий климатических изменений и стихийных бедствий, ведется контроль за качеством продуктов питания, их доступностью для населения, а также создаются альтернативные источники получения продовольствия, реализуются программы направленные на восстановление земельных ресурсов и противодействие деградации земель, опустынивания и эрозии почвы, внедряются цифровые технологии с целью применения искусственного интеллекта и анализа данных, укрепляются международная интеграция и кооперация. В статье также предлагается «Дорожная карта развития системы обеспечения продовольственной безопасности», включающая три этапа реализации. На первом, оперативном, предполагается совершенствование законодательства, создание продовольственных резервов и запуск программ государственной поддержки фермеров. На втором, тактическом этапе – цифровизация аграрного сектора, внедрение инновационных технологий, а также развитие экспорта аграрной продукции предприятиями и фермерскими хозяйствами. На стратегическом этапе предполагается реализация следующих целей: формирование устойчивой продовольственной системы, интеграция в глобальные рынки, переход к «зеленому» сельскому хозяйству. В статье предложен комплекс мероприятий, направленных на устойчивое развитие системы обеспечения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, устойчивое развитие, дорожная карта развития системы обеспечения продовольственной безопасности.

Введение

Продовольственная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности, отвечающей за предоставление качественных продуктов питания в целях обеспечения жизнедеятельности граждан. Безопасность граждан является одной из прерогатив государственной политики, в контексте которой решаются комплекс задач, предусмотренных в обеспечении поступательного и устойчивого развития продовольственной безопасности [1, с. 377–388]. Актуальным становится вопрос пищевой безопасности в контексте общей продовольственной безопасности, так как качество предоставляемых продуктов питания оказывает влияние на здоровье нации. Данный аспект относится не только к продуктам питания, производимым в стране, но и большого количества товаров иностранных производителей. Забота государства о здоровье нации не ограничивается лишь системой пищевой безопасности, но и затрагивает большое количество сфер прямо или косвенно относящихся к продовольственной безопасности. Государство, заботясь о гражданах страны, вмешивается в рыночную экономику посредством регулирования и определенными экономическими инструментами регулирует ценовую политику и стимулирует производство товаров и направляя в нее определенный инвестиционный капитал [2, с. 35–43].

Социальная значимость продовольственной безопасности выражается не только пассивной поддержкой общества, но включает в себя наиболее острые аспекты, связанные с адресной помощью наиболее уязвимым слоям населения и его просвещения в сфере продуктовой безопасности.

Другим важным аспектом становится экономический фактор, призванный к увеличению потребления населением продуктов питания и существенному уменьшению недостатков, связанных с потреблением и доступностью к их употреблению.

Остро стоит проблема климатических изменений в глобальном масштабе, так как это прямо воздействует на производство и потребление продуктов питания. Ежегодный дисбаланс связанный с изменением температуры воздуха, а также с уменьшением нормы выпадения осадков, различные климатические катаклизмы, наблюдаемые во всем мире, приводит правительства стран к координируемым и кооперационным действиям,

позволяющим к существенному уменьшению выбросов в атмосферу.

Таким образом, государствами принимаются различные нормативно-правовые акты, призванные к исполнению различных задач касающихся продовольственной безопасности и устойчивому развитию данной сферы [3, с. 245–247]. Принятые государством международные нормы и договора отображаются в большинстве случаев в государственных программах. Реализация государственной программы по обеспечению населения качественными продуктами питания затрагивает различные сферы жизнедеятельности населения.

Звенья системы обеспечения устойчивого развития продовольственной безопасности

Первым и значимым звеном в системе обеспечения устойчивого развития продовольственной безопасности является нормативно-правовая база. Нормативно-правовая база регулирует взаимоотношения между различными объектами и субъектами. Основными участниками правового регулирования относятся как государственные учреждения в компетенции и ответственность которых входят обеспечение населения качественными продуктами питания, а также регулирования взаимоотношений, но экономические субъекты, занимающиеся производством аграрной продукции. Экономическими субъектами выступают как государственные, так и частные предприятия. Наибольшее количество частных предпринимателей составляют бизнесмены представляющие малый бизнес или другими словами фермерские хозяйства. Еще одним участником взаимоотношений являются общественные организации и объединения. Пожалуй, самый важный участник правовых взаимоотношений – это потребитель. Правовые нормы регулируют взаимоотношения между производителем продуктов питания и потребителем, а государство выступает арбитражным участником. Несмотря на наличие различных нормативно-правовых актов все существуют очень много не разрешенных проблем, решение которых на законодательном уровне существенно повысит эффективность и конкурентоспособность предприятий аграрного сектора экономики и значительно укрепит национальную продовольственную безопасность. Следует отметить, что большинство принятых правовых актов сопряжено с международными нормативно-правовыми актами и стандартами регулирующие взаимоотношения между субъектами и объектами. Таким образом, совершенствование законодательно-правовой базы и юридических норм будет выявлять и пресекать правонарушения как внутри самого государства, так и во взаимоотношениях между странами не только на государственном уровне, но и в частном порядке.

Вторым звеном устойчивого развития продовольственной безопасности является госу-

дарственное регулирование и институциональная координация. В целях регулирования государственно-частных взаимоотношений следует создать единый координационный центр. Деятельность данного центра должна регулировать уровень стратегических запасов продуктов питания и регулировать ценовые дисбалансы на продуктовом рынке страны. Институциональная координация позволит государству предотвращать кризисы и сглаживать ценовые колебания. Государственные регуляторы будут периодически осуществлять мониторинг запасов и ценовых диапазонов в целях упреждения рисков и кризисных ситуаций. К сожалению такие ситуации в течении последних пяти лет возникают чаще всего. Последняя ситуация возникла в этом году, когда местные фермеры не смогли провести свои продовольственные товары в Россию и понесли значительные убытки.

Третьим звеном в системе будет выступать стимулирование производства и поддержка фермерских хозяйств. Поддержка фермерских хозяйств и агропромышленных предприятий основывается на том факторе, что экономическая выгода большинства компаний в данной сфере экономики является убыточным из-за особой чувствительности к рыночным колебаниям. Государство является основным субъектом способствующим данным предприятиям, позволяющим функционировать посредством сложных экономических механизмов, позволяющих стимулировать производства продуктов питания. Финансовые ассигнования, выделяемые государством, позволяют им наращивать производственные мощности таким образом формировать стратегические запасы пищи, а излишек продуктов питания поставлять на международные рынки сбыта. Так как определенные инструментари, используемые в сельском хозяйстве, обходятся дорого, а использование передовых инновационных технологий могут привести хозяйства к черте банкротства государства создает определенные благоприятные условия для устойчивого функционирования и развития сельского хозяйства. Государственные программы по поддержке и стимулированию предприятий аграрного сектора экономики нацелены на выполнение оперативных и тактических задач в реализации стратегических планов в рамках продовольственной безопасности. Таким образом государство возлагает на себя внедрение передовых технологий рационального землепользования и модернизацию сельской инфраструктуры. Государство предоставляет предприятиям аграрного сектора различные финансовые и экономические инструментари на основе различных льгот.

Четвертым звеном в системе являются вызовы, связанные с климатическими изменениями. Классический подход к введению сельского хозяйства сталкивается с определёнными проблемами,

не зависящими от самих предпринимателей. Необходимо отметить, что существенное влияние на урожайность продукции сельского хозяйства оказывают климатические изменения. Специфика и учет национальных климатических условий становится одним из важных и основополагающих факторов, предполагающих акцентирование внимания на производстве традиционных и востребованных продуктов питания. Уменьшение и недостаток водных ресурсов, температурный дисбаланс, эрозия почв трансформируют основной вектор культивации и возделывания традиционных аграрных культур. Научные исследования, связанные с климатическими изменениями призваны адаптировать наиболее устойчивые и стойкие виды аграрных культур пригодных для возделывания. Селекция сельскохозяйственных культур позволит сформировать и создать собственный стратегический селекционный банк с дальнейшей культивацией и его внедрением непосредственно местными производителями.

Пятым звеном будет выступать социальная и общественная вовлеченность. Постоянно повышение грамотности населения в поддержку программ здорового и рационального питания существенно изменит спрос и предложение на качественные продукты питания. Культивация биологически чистой продукции отвечает целям государственной политики в области продовольственной безопасности. Для реализации данных целей государство разработало комплекс мер, обеспечивающих стимулирование фермерами культивации биологически чистой продукции посредством внедрения стандартов сертификации, лабораторного мониторинга и государственного надзора над безопасными продуктами питания, а также публикацию отчетностей, доступных всем категориям общества. Другим направлением данного звена будет адресная социальная помощь малообеспеченным слоям населения продуктами питания или финансовой поддержкой.

Шестым звеном будет экономическая устойчивость и диверсификация продуктов питания. Экономические механизмы, призванные обеспечить устойчивое развития продовольственной безопасности, базируются на предоставлении льготного кредитования, страхования, лизинга, дотаций и субсидирования. Данные механизмы позволят фермерам существенно нарастить производственные мощности, что позволит им выходить с продукцией местного производства на международные рынки. Развитие аграрного сектора позволит увеличить экспортный потенциал продуктов питания и существенно уменьшит зависимость страны от импорта. Торговые взаимоотношения позволят увеличить ряды продуктов питания, находящиеся в дефиците, а переизбыток продукции экспортировать на другие рынки что естественно сбалансирует цены на данные товары. Насыщен-

ность рынка продуктами питания позволит потребителям увеличить удовлетворенность продуктовой корзины вследствие существенного снижения цен. Таким образом, экономическая диверсификация позволит уменьшить дорогостоящий ряд продуктов питания сбалансировав ценовую политику и создать условия благоприятные для деятельности фермерских хозяйств.

Седьмым звеном выступит ориентир на внедрение принципов «зеленой экономики» экологическая и ресурсная безопасность. Основное направление данного звена ориентировано на реакцию земельных ресурсов и противодействия деградации земель, опустынивания и эрозии. Для реализации данных целей необходима государственная программа, нацеленная на расширение органического земледелия и посадки лесов в проблемных экологических зонах.

Восьмым звеном должна стать создание и использование цифровых платформ. Современные тенденции в мире демонстрируют активное внедрение цифровых технологий в различные сферы экономики и жизнедеятельности человека. Цифровые технологии позволяют активно и эффективно использовать различные факторы, которые помогают фермерам вести учет планирования различных ресурсов в течение года. В частности, данные технологии позволяют фермерам определять объем производства до посевных и вовремя сбора урожая, мониторинг и контролинг всего производственного цикла, цен и запасов продуктов питания, прогнозирования спросов и планирования засева посевных площадей. Координация действий осуществляется также посредством спутникового наблюдения за изменением погодных условий, насыщенности почвы минералами. Параллельно внедрению цифровых технологий происходит внедрение искусственного интеллекта и дата анализов, что позволяет аграриям более эффективно управлять имеющимися ресурсами и вовремя их направлять в необходимом направлении. Созданные и функционирующие агропромышленные технологические парки должны стимулировать и разрабатывать различные цифровые проекты и стартапы в целях оптимизации производственного цикла продовольственных товаров.

Последним девятым звеном в системе будет выступать международная интеграция и кооперация. В данном контексте страна будет выступать не в качестве отдельно взятого элемента международной системы продовольственной безопасности, а интегрироваться в международную структуру посредством международных организаций в компетенции которых входит не только продовольственная безопасность, но кооперация между странами в целях уменьшения проблем голода и недостатка пищи. Постоянное сотрудничество на различных уровнях как регионального, так и глобального масштабов позволят не только сформировать имидж

Азербайджана в качестве надежного партнера на международном агропродовольственном рынке, но и позволят стандартизации качества с требуемыми сертификациями ФАО, ВТО и Евросоюза. Активное участие страны в международных проектах включает также вовлечение в транснациональные проекты и программы продовольственной помощи и интеграцию в глобальные продовольственные логистические цепочки.

Таким образом систематизируя вышеизложенное можно прийти к выводу, что перспективные пути устойчивого развития продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике на реализацию многоуровневой стратегии гарантирующую в долгосрочной перспективе продовольственную безопасность, конкурентоспособность национальных производителей продуктов питания, улучшение качества жизни населения.

Пути обеспечения устойчивого развития продовольственной безопасности необходимо представить в виде последовательных этапов исполняемых в пределах заранее определенных временных интервалов [4, р. 158–170] (рис. 1).

Рис. 1. Дорожная карта развития продовольственной безопасности

Условно можно разделить выполнение дорожной карты на три временных интервала: оперативный, тактический и стратегический. На оперативном уровне предполагается выполнение задач в течение трех лет, включающей в себя:

- совершенствование законодательства;
- создание продовольственных резервов;
- запуск программ государственной поддержки фермеров.

На уровне выполнения тактических задач в течение семилетнего периода включающей в себя:

- цифровизация аграрного сектора;
- внедрение инновационных технологий;
- развитие экспорта аграрной продукции предприятиями и фермерскими хозяйствами.

На стратегическом уровне задач в течение пятнадцати лет предполагается решение следующих целей:

- формирование устойчивой продовольственной системы;
- интеграция в глобальные рынки;
- переход к «зеленому» сельскому хозяйству.

В итоге решение каждого этапа задач приведет к реализации стратегических целей предусматри-

вающий устойчивое развитие продовольственной безопасности.

Заключение

Необходимо отметить, что международные организации, учреждения и группа экспертов в аграрном секторе экономики Азербайджана пришла к единому мнению о том, что самообеспечение стран продуктами питания на современном этапе приобретает особое значение из-за общих факторов нестабильности и неопределенности в мире. Угрозы и вызовы, определяющие данные тенденции, формируются несколькими факторами, особенности которых выражены в геополитической нестабильности в мире, климатическими изменениями и нехваткой пахотных земель. Геополитическая нестабильность определяется наличием вооруженных конфликтных ситуаций и экономической неопределенностью в мире. Частота вооруженных столкновений приводит к нарушению торговых взаимоотношений и логистической цепи поставок. Происходящие на данном этапе конфликтные ситуации уже привели не только к дефициту продуктов питания, но и в значительной степени их доступности. Введенные в отношении некоторых стран санкции по поставкам сельскохозяйственной продукции актуализировали рост голода в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Угроза атак на Ближнем Востоке привела к смене логистических маршрутов поставок, что естественным образом привела к удорожанию аграрной продукции. Таким образом, удорожание потребительской корзины в конечном итоге отобразилось на доступности населения к продуктам питания и их потребления в необходимом организму количестве.

Климатические изменения, происходящие в мире, тоже пагубно воздействуют на аграрный сектор экономик стран, так как пагубно сказываются на урожайности продукции, уменьшению территории пахотных земель и водных ресурсов которые становятся проблемными из-за их существенного уменьшения. Погодные катаклизмы уже вызывают значительное уменьшение количества произведенной сельскохозяйственной продукции.

В таком случае для уменьшения негативных тенденций в мире следует скоординированным образом совместными усилиями начать реализацию поэтапных планов по обмену продуктами питания в рамках установленных норм и стандартов, принятых международными организациями. Предлагаются следующие действия, способствующие устойчивому развитию системы обеспечения продовольственной безопасности.

- Совершенствование системы научно-исследовательского потенциала стран для формирования новых методов и технологий.
- Усиление международной интеграции в рамках торговых взаимоотношений.

- Увеличение покупательной способности населения в целях доступности продуктов питания.
- Бережливое отношение к экологическим системам и биологической среде.
- Внедрение новых технологий в аграрный сектор.
- Социальная ответственность и просвещение населения в рамках продовольственной безопасности.
- Формирование стратегических запасов пищи на кризисные случаи.
- Продовольственная помощь странам, нуждающимся в продуктах питания и испытывающие голод.
- Координация усилий по устойчивому развитию продовольственной безопасности в рамках международных организаций.

Литература

1. Курдюмов А.В. «Устойчивость системы продовольственной безопасности: теоретико-методологический аспект» Научные труды Вольного экономического общества России, Vol. 209, № 1, 2018, с. 377–388.
2. Маюрникова Л.А., Дриль А.А. «Обеспечение продовольственной безопасности как фактор устойчивого развития» Ползуновский вестник, № 4, 2024, с. 35–43.
3. Четаева К.Г., Липатова Л.Н. Устойчивое развитие системы продовольственной безопасности на государственном и региональном уровнях». Россия: тенденции и перспективы развития, № 16–1, 2021, с. 245–247.
4. Mattalitti M.I., Hos J., Moita S., Upe A. and Kariuki C.N. 2024. Sustainable Agriculture Development and Food Security: A Systematic Review. Indonesian Annual Conference Series. Proceedings of IACS-IHCRGESND, Nigeria (Jul. 2024), 158–170.

PROSPECTIVE PATHWAYS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE FOOD SECURITY SYSTEM IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Tabasarsansky R.S.

Baku State University

The article reveals the essential characteristics of food security as an integral part of national security, emphasizing the necessity of state regulation aimed at ensuring the quality of food consumed, both domestically produced and imported, as well as guaranteeing access to food for all segments of the population. It further notes that, in order to ensure the sustainable development of food security, a relevant regulatory and legal framework is adopted, which serves as the basis for state regulation and coordination of the activities of various governmental and private actors. These efforts are directed at stimulating production and supporting farms, conducting scientifically based activities to minimize the consequences of climate change and natural disasters, monitoring the quality and availability of food for the population, creating alternative sources of food supply, implementing programs to restore land resources and counter land degradation, desertification, and soil erosion. Additionally, digital technologies are being introduced with the aim of applying artificial intelligence and data analysis, while international integration and cooperation are being strengthened.

The article also proposes a "Food Security Development Roadmap," which includes three stages of implementation. At the first, operational stage, measures include improving legislation, creating food reserves, and launching government support programs for farmers. At the second, tactical stage, the focus is on the digitalization of the agricultural sector, the introduction of innovative technologies, and the development of agricultural exports by enterprises and farms. At the strategic stage, the following goals are to be achieved: the formation of a sustainable food system, integration into global markets, and the transition to "green" agriculture. The article presents a comprehensive set of measures aimed at the sustainable development of the food security system.

Keywords: food security, sustainable development, Food Security Development Roadmap.

References

1. Kurdyumov A.V. «Sustainability of the Food Security System: Theoretical and Methodological Aspects» Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, Vol. 209, № 1, 2018, Pp. 377–388.
2. Mayurnikova L.A., Dril A.A. «Ensuring Food Security as a Factor in Sustainable Development» Polzunovsky Vestnik, № 4, 2024, Pp. 35–43.
3. Chetaeva K.G., Lipatova L.N. Sustainable Development of the Food Security System at the National and Regional Levels. Russia: Development Trends and Prospects, № 16–1, 2021, Pp. 245–247.
4. Mattalitti M.I., Hos J., Moita S., Upe A., and Kariuki C.N. 2024. Sustainable Agriculture Development and Food Security: A Systematic Review. Indonesian Annual Conference Series. Proceedings of IACS-IHCRGESND, Nigeria (Jul. 2024), Pp. 158–170.

Историческое сознание послевоенного поколения северян (на материалах социологических исследований в Архангельской области)

Тамицкая Екатерина Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова

E-mail: e.tamickaya@narfu.ru

В статье представлен анализ исторического сознания поколения жителей Архангельской области, родившегося в послевоенный период (1947–1967 гг. рож.). В рамках исследования использована эмпирическая база данных массового опроса населения региона (N = 400) и глубинных интервью (N = 20). Исследование позволило определить, что историческое сознание послевоенного поколения характеризуется многослойной структурой, в которой семейные, локальные и национальные нарративы функционируют не как иерархия, а как интегрированное поле смыслов. Личные повествования неразрывно связаны с семейными историями и макроисторическими процессами. Послевоенное поколение опирается преимущественно на традиционные источники информации (образование, семейная память, телевидение), что отражает их слабую интеграцию в цифровые медиа. Локальная специфика Архангельской области выступает конституирующим элементом структуры их исторического сознания. Статус изучаемого поколения как посредника между старшими и младшими поколениями осложняется поляризованностью их восприятия советского периода (идеализация) и 1990-х годов («мрачный период»), что может служить источником конкуренции их нарративов с официальными историческими дискурсами образовательных и государственных институтов.

Ключевые слова: историческое сознание, послевоенное поколение, политика памяти, семейная память.

Тема восприятия исторического прошлого приобретает все большее значение в контексте внимания к реализации государственной политики памяти, обращения к историческому дискурсу в условиях общественного и научного обсуждения ключевых событий XX столетия. Историческое сознание разных поколений жителей страны и ее регионов становится не только объектом научного фокуса, но и ресурсом для легитимации политических и культурных проектов.

Послевоенное поколение, или родившиеся в 1947–1967 гг., т.н. поколение «застоя» имеет уникальную позицию в социальной структуре. Данное поколение, прожившее большую часть II пол. XX столетия составило «ядро» трудоспособного населения в позднесоветские десятилетия и оказалось свидетелем и участником переломных процессов конца 1980–1990х годов. Историческое сознание послевоенного поколения синтезирует опыт послевоенного восстановления и советской стабильности с опытом кризиса и неопределенности.

Региональная оптика придает изучаемой проблематике дополнительное аналитическое измерение. В Архангельской области переплетаются несколько пластов исторического времени. История тыловой и фронтовой жизни времен Великой Отечественной войны, лагерное и спецпоселенческое прошлое, традиции поморской культуры, советской индустриализации и последующего социально-экономического спада. Для жителей городских и сельских территорий пространство повседневности (памятники, военные объекты, храмы, места бывших лагерей и оборонительных сооружений, и др.) выступает фактором формирования исторического сознания.

Значительное число работ посвящено историческому сознанию и памяти в России, межпоколенческим различиям в восприятии советского и постсоветского периодов, а также отдельным региональным кейсам. В большинстве своем, внимание сосредотачивается на общероссийских опросах [3; 10] либо на исследованиях исторического сознания молодежи на национальном [4; 7] и региональном [5; 8] уровнях. Однако обобщающие работы на основе количественных и качественных исследований на материале конкретного северного региона и с фокусом именно на послевоенном поколении, остаются недостаточно представленными в научной литературе.

Настоящая статья направлена на восполнение данного исследовательского дефицита. Ее объектом выступает историческое сознание послевоенного поколения жителей Архангельской области, а предметом – структура и содержание исторического сознания. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе количественных и качественных социологических данных произвести реконструкцию иерархии прошлого в историческом сознании северян и ее источниковой базы, значение пространственной специфики в ее формировании, также образов советского и постсоветского периодов как полюсов восприятия исторического времени.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования выступает поколенческий подход в социологии. Данный подход позволяет рассматривать историческое сознание как специфический ресурс социальных общностей, которые маркируются по хронологическому принципу. В качестве теоретической опоры используется поколенческая концепция В.В. Радаева, выделяющего поколение «застоя», рожденное в 1947–1967 гг. [9]. В настоящем исследовании именно эта когорта интерпретируется как послевоенное поколение.

Исследование опирается на теоретические разработки феноменологического направления в социологии [2] в части элементов и процессов сознания, являющиеся предпосылкой формирования повседневного знания, формирования социальной реальности.

Историческое сознание рассматривается нами как конструкт исторического прошлого, выраженный во всей совокупности знаний, представлений, чувств и поведении, отражающих взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим в процессе развития социального субъекта.

Дизайн исследования включает качественный и количественный компоненты для интеграции индивидуальных нарративов и обобщенных установок и оценок. Качественное исследование представлено двумя сериями полуструктурированных интервью, организованных с участием автора настоящей статьи, на тему «Культурная память населения арктических районов Архангельской области» (9 информантов в возрасте от 57 до 71 лет в 2018 году) и «Ландшафт памяти северных территорий современной России» (11 информантов в возрасте от 52 до 67 лет в 2019 году). Выборка включала как мужчин, так и женщин, постоянно проживающих в регионе. Основным методом анализа данных являлось тематическое кодирование транскриптов.

Для контекстуализации результатов исследования в ноябре 2021 г. – январе 2022 г. под руководством автора настоящей статьи был проведен

анкетный опрос жителей Архангельской области в возрасте 54–74 лет на тему «Историческое сознание жителей Архангельской области» (N = 400; выборка квотная по полу, возрасту и району проживания; статистическая погрешность не превышает 5%). Анализ данных осуществлялся с применением программного статистического пакета IBM SPSS Statistics 22.

Общими тематическими социологическими исследованиями являлись следующие. Первое, биография и семейногенеалогический блок, включающий вопросы о жизненном пути опрашиваемого, миграционных траекториях, трудовой деятельности, а также о предках и связях семьи с историей страны и региона. Второе, определение иерархии важности разных уровней истории (семья, малая родина, страна), оценки исторических периодов, выявление ключевых событий и персоналий российской истории. Третье, значимые для информантов места памяти и артефакты, каналы получения информации об истории.

Результаты исследования

Результаты социологического исследования дают основание полагать о наличии многослойной структуры исторического сознания послевоенного поколения жителей Архангельской области, где, с одной стороны, сочетаются сильная семейная и локальная укорененность, с другой, – ориентация на общегосударственный исторический нарратив.

Результаты опроса и интервью фиксируют высокую значимость истории на разных уровнях (от семейной до общенациональной). По данным анкетного опроса, изучение истории своей страны считают важным абсолютное большинство опрошенных (95,5%); 3,75% отвечают, что это «не очень важно», и лишь 0,75% – совсем не важным. Сходные показатели демонстрируют отношение к истории родного края, малой родины, и к истории своей семьи: 93,75% считают важным их изучать, 1,5% отмечает это «совсем не важным». Тем самым на уровне деклараций формируется практически безусловная норма «важности истории» и в семейном, и локальном, и национальном измерениях. Интервью свидетельствуют, что эта норма не является абстрактной, интерес к прошлому укоренен в собственном жизненном опыте и опыте предков. Из интервью информанта из г. Онеги (58 лет): «Я считаю, что они [истории разных уровней; *прим.авт.*] играют самую значимую и огромную роль. Чтобы понять это, можно посмотреть на дела недавно минувшие, например, когда американцы вошли в драку, они первым делом уничтожали исторические памятники, первым делом. Уничтожение памятников, это уничтожение истории. Мы не знаем историю – значит, у нас нет будущего. Прямее связи просто нету».

Данные опроса указывают на подкрепление «важности» истории интересом к ней, особенно к семейной и локальной. История собственной семьи интересует 83,25% респондентов, 13,25% отмечают, что она «скорее интересует» их. История малой родины занимает чуть менее доминирующее значение: 76,5% обозначили свой интерес, 17,5% – «скорее интересует», для 4,5% опрошенных она мало интересна. К примеру, информантка из г. Архангельска (57 лет) отмечает: «Я интересовалась [историей; *примеч.авт.*], никто не обсуждал, просто было интересно».

В интервью достаточно много места занимают подробные рассказы об образе жизни родителей и предков, семейных традициях и трудовых биографиях, которые сращиваются с макроисторическими процессами – войнами, ликвидацией неграмотности, коллективизацией, становлением советской власти на Севере и т.д. К примеру, информант из г. Мезени (57 лет) описывает семью так: «В войну сейчас я вам скажу, дед мой вот этот... Увакин Иван участник Первой мировой, дед Егор у меня есть – это матери отец он в гражданскую и в Великую Отечественную, в гражданскую он воевал у Василия Ивановича Чапаева в 25ой дивизии. Потом в 41-ом году...». Или информантка из г. Архангельска (70 лет): «...мы знаем из рассказов, когда, вот, началась эта советская власть. Советская власть пришла, я знаю, что наши по линии мамы не допускались к голосованию на выборах впервые, когда первые выборы шли...».

Количественные данные опроса позволяют определить иерархию источников, которые формировали представление об историческом прошлом страны, а качественные – представить, как именно эти источники работают в повседневной жизни. Так, 72% респондентов указывают учебники по истории как значимый для себя канал получения информации, 66% – занятия по истории в учебных заведениях, 67,75% – исторические фильмы и передачи по телевидению, 53,25% – рассказы родственников, ветеранов и знакомых; 47,25% – экскурсии в музеи; 46,5% – исторические публикации в газетах и журналах. Существенно реже в качестве значимого источника выступают интернет и социальные сети (29%).

В интервью информанты зачастую вспоминают своих учителей истории. Из интервью: «Ой, у нас была в школе очень хорошая учительница по истории. Это, видимо, вот старейшие вот учителя, которым я вообще приклоняюсь, это не то, что сейчас, для меня это вообще дико, очень дико, потому что мы помним своих учителей полностью вот» (жен., 57 лет, г. Архангельск). Из другого интервью: «Он вот мне до сих пор вспоминается, что он у нас очень интересные уроки были, мы очень с интересом большим, очень много нам рассказывал. И он очень много дополнял того, что в учебнике, он, кроме этого, нам дополнял он еще и то, что

о жизни. Вот я его до сих пор у меня в глазах стоит, он такой был полноватый, указкой обопрется на первый. Вот так, вел нам уроки» (жен., 70 лет, г. Архангельск).

Интервью с информантами свидетельствуют о том, что семейные рассказы и реликвии играют для них фундаментальную роль в формировании образов прошлого. К примеру, в интервью жительница Архангельска (57 лет) подробно пересказывает сюжет более старшего поколения о бомбоубежище в годы войны: «было столько народу, все успевали... никто не падал, ни дети, ни старики, ни старухи», и даже когда люди спешили по крутой лестнице, «никто не кричит, потому что никто не падал». Из другого интервью: «Последнее письмо от дедушки с фронта пришло. Потом, вот, это я ксероксила, понятно, что письмо-то оно мне, потому что с 43 года, представляете, и, вот, держать-то уже в руках, мы побережем. Вот, видите, это последнее письмо, которое дедушка написал с фронта» (жен., 67 лет, Приморский район). Для самих информантов эти эпизоды стали частью личной картины войны, хотя они родились уже после ее окончания и узнали о происходившем из рассказов родственников.

Количественные и качественные данные позволяют закрепить особую роль пространства и малой родины, района или города и его объектов в структуре исторического сознания. Значимое внимание к истории малой родины подкрепляется подробными описаниями сел (например, Жердь, Дорогорское, Бычье, Лампожня, Кимжа, Шангалы и др.), деревень (Сафоновое, Мосеево, Езевец, Елкино, Любовское и др.) и районов Архангельской области, их отличий от других территорий, локальных пословиц, мифов и легенд, перечнями значимых коммеморативных пространств (памятники, музеи, семейные кладбища, старые церкви и прочее). К примеру, повествования о Кий-острове с Крестовоздвиженским собором (жен., 71 год, г. Онега), Свято-Троицком соборе в Онеге (муж., 58 лет, г. Онега), Одигитриевской церкви в Кимже (муж., 58 лет, Мезенский район), венгерское и польское кладбища времен войны (муж., 67 лет, г. Новодвинск), Нулевая верста в Мезени (муж., 55 лет, Мезенский район), бомбоубежище в Архангельске (жен., 57 лет, г. Архангельск) и др. вписываются в личную семейную биографию и масштабный исторический ландшафт страны, подчеркивая локальную специфику опыта.

Образы советского и постсоветского периодов развития страны информантами выглядят как антагонисты. Советское прошлое в воспоминаниях респондентов изображается как время социального равенства (из интервью: «Ни каких у нас ни богатых не было таких, ни бедных – все одинаково жили»; муж., 67 лет, Приморский район), строительства заводов, школ и клубов. По данным опроса послевоенное поколение испытывает

в большей степени гордость за советские достижения (Победой в Великой Отечественной войне – 88,3%, полетом Ю. Гагарина в 1961 году – 62,5%). Период истории страны при Н.С. Хрущеве оценивается большинством респондентов (66,5%) как «было и хорошее, и плохое»; Л.И. Брежнев – 37,8% обозначают как «лучшие годы», 53,8% – «было и хорошее, и плохое».

Постсоветский период воспринимается как период «разрухи» и обмана, задержки заработных плат (из интервью: «...когда десять месяцев не выдавали зарплату, и муж бюджетник, и сын учился как раз, очень тяжело было»; жен., 56 лет, Мезенский район), потеря трамвайных и троллейбусных линий (жен., 70 лет, г. Архангельск), закрытие крупных заводов («все ликвидировалось, все падало», жен., 67 лет, Мезенский район), «засилье магазинов» при отсутствии производств («У нас такое впечатление, что у нас город весь в магазинах, хорошего-то ничего нет», жен., 57 лет, г. Архангельск). Данные анкетного опроса свидетельствуют о негативной оценке истории страны при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине. Данные периоды большинством опрошенных (54,8% и 61,0%, соответственно) характеризуются как «мрачные». Последнее десятилетие уходящего века только для 1,0% значимо как «лучшие годы».

Обсуждения

Полученные результаты позволяют уточнить и дополнить существующие представления об историческом сознании регионального социума послевоенной генерации, демонстрируя его локальную и поколенческую конфигурацию.

Для северян послевоенного поколения история остается значимым символическим ресурсом, распределяемым между несколькими уровнями (семейным, локальным и национальным) не в виде классической иерархии, а как взаимопереплетенное поле смыслов. Статистически значимые показатели отмечаемой важности изучения истории семьи, малой родины и страны корреспондируют с повествованиями о своей жизни и судьбах предков. Так, семейные сюжеты почти неизбежно оказываются встроенными в более широкие исторические процессы. Таким образом, находит свое подтверждение то, что историческое сознание не только сумма знаний о фактах, но и система биографических нарративов. Как отмечает Р.Э. Бараш, «персонализация национального прошлого через судьбы родных и близких наделяет россиян более чуткой «исторической оптикой» [1, с. 151].

Выявленная архитектура источников исторических знаний демонстрирует не столько «медийный переворот», сколько устойчивость традиционных институциональных каналов (семья, образование, музеи, телевидение) передачи знаний.

Большое значение учебников, образования, телевизионных фильмов и передач, семейных рассказов и музейных экскурсий в интервью у послевоенного поколения свидетельствует, что в Архангельской области историческое сознание во многом формируется в рамках классической триады «семья – школа – медиа». Однако для послевоенного поколения цифровые источники формирования исторического сознания представлены значительно реже.

Полученные данные подтверждают не только тезис о ключевой роли семейной памяти в конструировании образа прошлого [13], но и демонстрируют его пространственную выраженность [12]. Рассказы о дедах-фронтовиках, участниках Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, преподавателях «ликбеза», строителях инфраструктуры и производств не только транслируют определенные ценности: жертва, стойкость, трудолюбие, скромность, но и фиксируют коммеморативные места (бомбоубежища, деревни, кладбища, святыни и т.д.) как узловые точки локального исторического ландшафта. В этом смысле послевоенное поколение выступает наследником не абстрактного «канона памяти», а конкретизированных локальных историй, имеющих пространственное выражение.

В совокупности же извлеченный нарратив исторического сознания послевоенного поколения жителей имеет уникальную позицию. Он соединяет в себе опыт «длинного» XX века, удерживая живую связь с войнами и советским проектом, но одновременно вынуждено переосмысливать этот опыт в условиях социально-политических изменений 90-х гг. Историческое сознание северян, укорененное в семейных и локальных нарративах и поддерживаемое институциональными каналами памяти, формирует ту символическую рамку, в пределах которой более молодые поколения могут интерпретировать историю своей семьи, родного края и своей страны, но при сохранении семейной коммуникации [11].

Результаты количественного и качественного исследования могут подчеркивать двойственную роль послевоенного поколения в межпоколенческой передаче знаний и оценок. Представители данной когорты выступают посредниками между поколением непосредственных участников трагедий первой половины XX столетия и поколением своих детей и внуков, передавая и героические, и травматические сюжеты истории. Их собственное чувство исторического времени оказывается разделенным между позитивно переживаемым советским прошлым и негативно оцениваемым постсоветским периодом 90-х гг. XX в. [6], что создает ситуацию множественных, порой конкурирующих нарративов. Образовательный и медийный дискурс, подчеркивает как достижения, так и трагедии XX века, при этом в семейных повествова-

ниях информантов советское прошлое и 1990-е годы предстают в однозначном ключе. В этом смысле послевоенное поколение конструирует специфическую рамку ее интерпретации, в которой прошлое служит одновременно ресурсом гордости и источником ностальгии.

Заключение

Проведенный анализ данных социологических исследований позволил реконструировать ключевые параметры исторического сознания послевоенного поколения жителей Архангельской области и показал, что оно имеет многослойный, укорененный в семейном и локальном опытах характер. Высокая нормативная значимость истории семьи, малой родины и страны, зафиксированная в массовом опросе, находит содержательное наполнение в биографических нарративах представителей послевоенной когорты, где судьбы предков и собственные жизненные траектории неразрывно связаны с «большой историей».

Данная когорта задает специфическую рамку интерпретации советского и постсоветского прошлого, в которой позднесоветский период во многом идеализируется как время предсказуемости и социальной защищенности, а 1990-е годы нередко описываются в категориях кризиса и утраты. Для молодых поколений региона такое преломление памяти создает сложное поле пересекающихся нарративов, в котором семейные, школьные и медийные версии истории могут как подкреплять, так и взаимно проблематизировать друг друга.

Литература

1. Бараш Р.Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов // *Полития*. 2023. № 4 (111). С. 141–162.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М., 1995. 323 с.
3. Горшков М. К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. Т. 23, № 4. С. 720–739.
4. Горшков М. К., Шереги Ф.Э. Историческое сознание молодежи // *Вестник Российской академии наук*. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203.
5. Демидова Т. Е., Чижевская И.Н., Чижевский А.Е. Формирование исторической памяти учащейся молодежи средствами сетевой проектной деятельности // *Управление образованием: теория и практика*. 2024. № 1–1 (74).
6. Мацкевич М.Г. Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян // *Полития*. 2023. № 4 (111). С. 113–140.
7. Мерзлякова И. Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В. Об историческом сознании современной студенческой молодежи // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 89–96.
8. Подоплекин А.О. Российская политика национал-реконструкции и историческая память городской молодежи Арктической зоны РФ (по данным соцопросов в Поморье) // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2024. № 2. С. 240–246.
9. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 15–33.
10. Фадеев П.В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12, № 2. С. 36–54.
11. Jancsák C. Family accounts, narratives, social values and history education // *Belvedere Meridionale*. 2019. Vol. 4, № 2.
12. Sumartojo S. Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2016. Vol. 41, № 4. P. 541–553.
13. Svob C., Brown N., Takšić V., Katulić K., Žauhar V. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croatians // *Memory & Cognition*. 2016. Vol. 44, № 6. P. 846–855.

THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE POST-WAR GENERATION OF NORTHERN RESIDENTS (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE ARKHANGELSK REGION)

Tamitskaya E.N.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The article presents an analysis of the historical consciousness of a generation of Arkhangelsk Region residents born in the post-war period (1947–1967). The study uses an empirical database from a mass survey of the region's population (N = 400) and in-depth interviews (N = 20). The study revealed that the historical consciousness of the post-war generation is characterized by a multi-layered structure in which family, local, and national narratives function not as a hierarchy but as an integrated field of meanings. Family narratives are inextricably linked to macro-historical processes. The post-war generation relies primarily on traditional sources of information (education, family memory, television), reflecting their weak integration into digital media. The local specificity of the Arkhangelsk Region serves as a constitutive element of the structure of their historical consciousness. The status of the studied generation as an intermediary between older and younger generations is complicated by the polarization of their perception of the Soviet period (idealization) and the 1990s («dark period»), which may serve as a source of competition between their narratives and the official historical discourses of educational and state institutions.

Keywords: historical consciousness, post-war generation, politics of memory, family memory.

References

1. Barash R.E. Family History and Family Memory in Russia in the 2020s // *Politeia*. 2023. № 4 (111). Pp. 141–162.

2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge / Trans. by E.D. Rutkevich. Moscow, 1995. 323 p.
3. Gorshkov M. K., Tyurina I.O. Consolidation of Russian Society in the Context of Modern Challenges: Historical-Sociological and Value-Worldview Contexts // RUDN Journal of Sociology. 2023. Vol. 23, № 4. Pp. 720–739.
4. Gorshkov M. K., Sheregi F.E. Historical Consciousness of Youth // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2010. Vol. 80, № 3. Pp. 195–203.
5. Demidova T. E., Chizhevskaya I.N., Chizhevsky A.E. Formation of Historical Memory of Student Youth through Network Project Activities // Education Management: Theory and Practice. 2024. № 1–1 (74).
6. Matskevich M.G. Times Choose Us: Images of the Desired Past through the Eyes of Russians // Politeia. 2023. № 4 (111). Pp. 113–140.
7. Merzlyakova I. L., Linchenko A.A., Ovchinnikova E.V. On the Historical Consciousness of Modern Student Youth // Sociological Studies. 2014. № 12. Pp. 89–96.
8. Podoplekin A.O. Russian Nation-Building Policy and Historical Memory of Urban Youth in the Arctic Zone of the Russian Federation (Based on Social Surveys in Pomorye) // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024. № 2. Pp. 240–246.
9. Radaev V.V. Millennials against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis // Sociological Studies. 2018. № 3. Pp. 15–33.
10. Fadeev P.V. Historical Memory of Russians in Sociological Surveys: Foundations, Reality, Problems // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12, № 2. Pp. 36–54.
11. Jancsák C. Family accounts, narratives, social values and history education // Belvedere Meridionale. 2019. Vol. 4, № 2.
12. Sumartojo S. Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity // Transactions of the Institute of British Geographers. 2016. Vol. 41, № 4. P. 541–553.
13. Svob C., Brown N., Takšić V., Katulić K., Žauhar V. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croatians // Memory & Cognition. 2016. Vol. 44, № 6. P. 846–855.

Социальные сети как инструмент противодействия экстремизму в молодежной среде

Шумейко Александр Александрович,

доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики профессионального образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: science17@list.ru

Статья посвящена проблеме сдерживания распространения экстремистских установок среди молодежи в цифровом пространстве. Показано, что социальные сети, несмотря на их активное использование в качестве канала радикализации, не являются детерминирующим фактором экстремизации сами по себе, а выступают социальным пространством, в котором экстремистские установки формируются и закрепляются под воздействием конкретных коммуникативных практик, символических нарративов и дефицита критического восприятия информации. Обосновано, что социальные сети могут выступать не только объектом регулирования, но и инструментом целенаправленного формирования альтернативных нормативных ориентиров, гражданских ценностей и просоциальных моделей поведения молодежи. Полученные выводы подтверждают, что переход от логики контроля к логике формирования цифровой устойчивости молодежи позволяет рассматривать социальные сети как эффективный инструмент снижения экстремистских настроений и укрепления социальной стабильности в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: социальные сети, молодежь, молодежное пространство, медиаграмотность, экстремистские установки, цифровое пространство, цифровая среда.

Введение

Проблема распространения экстремистских установок в молодежной среде в цифровом пространстве приобретает характер одной из наиболее значимых социальных угроз. Интернет (прежде всего, социальные сети) превратился в доминирующее пространство социализации молодых людей, в рамках которого формируются ценностные ориентации, модели поведения и формы коллективной идентичности. Цифровая среда обладает амбивалентным потенциалом, поскольку расширение пространства горизонтальной коммуникации и усиление интенсивности социальных взаимодействий одновременно создает условия, при которых упрощается тиражирование радикальных идей, закрепление деструктивных нарративов и распространение экстремистской риторики.

В отличие от традиционных интернет-ресурсов, таких как новостные сайты или отдельные веб-платформы, в отношении которых государство располагает относительно отработанными механизмами правового реагирования и ограничения доступа, социальные сети характеризуются высокой степенью децентрализации, пользовательской генерацией контента и быстрым распространением информации. Усиливающим фактором выступают возрастные и социокультурные особенности молодежи: незавершенность процесса формирования ценностной системы, состояние социальной и жизненной неопределенности, а также склонность к поиску смыслов и форм самоутверждения в условиях кризисов идентичности.

Экстремизм в данном контексте следует рассматривать не только как совокупность противоправных действий, но и как особый тип мировоззрения и идеологической конструкции, способной адаптироваться к различным социальным условиям. Его содержание далеко не всегда сводится к идеям превосходства по национальному, религиозному или иному признаку. Зачастую экстремистские установки проявляются через деструктивное отрицание существующих социальных норм, институтов и форм общественного порядка. Принципиально важным является то, что экстремистский характер приобретают не отдельные высказывания или символы сами по себе, а их включенность в более широкий дискурсивный и практический контекст, предполагающий массовое распространение, мобилизацию сторонников и ориентацию на социально опасные формы активности [1].

Особенности функционирования экстремистской идеологии в молодежной среде во многом обусловлены спецификой социальной среды, в которой она возникает и закрепляется. Наиболее восприимчивыми к радикальным нарративам оказываются маргинализированные группы молодых людей, испытывающие дефицит социальных опор и доверия к институтам, а также склонные к протестным формам самовыражения. В условиях обесценивания личности, размытости нравственных ориентиров и легитимации насилия как допустимого средства достижения целей экстремистские идеи начинают выполнять компенсаторную функцию, предлагая упрощенные объяснения социальной реальности, четкие бинарные схемы «свой – чужой» и иллюзию принадлежности к значимому сообществу [5]. Таким образом, анализ социальных сетей как пространства распространения и одновременно потенциального сдерживания экстремизма в молодежной среде представляет собой актуальную научную задачу.

Обзор литературы

Проблематика противодействия экстремизму в молодежной среде осознаётся на самом высоком уровне власти и закрепляется через нормативно-правовую базу. К числу нормативных источников, отражающих официальный подход к профилактике экстремизма, относятся: Конституция Российской Федерации [9], Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» [13], Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [12], Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 804 «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц» [6]. Указанные нормативные акты содержат юридическое определение экстремизма и экстремистской деятельности, а также определяют институциональные основания для координации деятельности государственных органов всех уровней в сфере предупреждения и пресечения экстремистских проявлений, включая работу в молодежной среде.

В практическом и академическом дискурсе реализация законодательных инициатив обсуждается целым рядом авторов, среди которых можно отметить научные труды Р.Г. Ардашева [1], В.М. Губанова, Л.В. Сметанкиной [5], Е. Долженковой,

А.Ю. Мохоровой, Н.А. Даньшиной, А.И. Клиниченко [6], Э.В. Коваленко, А.Б. Кодзова [8], М.А. Кутаса, К.В. Степанюгина [10], и др.

В работах, анализирующих социокультурные механизмы, практики профилактики описываются, прежде всего, через призму образовательных и социализирующих стратегий. К примеру, В.М. Губанов и Л.В. Сметанкина указывают на целесообразность организации образовательных курсов и программ, направленных на формирование правового сознания. Авторами также обоснована необходимость внедрения специальных дисциплин для педагогов и школьников с целью предупреждения экстремизации ценностных ориентаций и развития навыков критического мышления [5]. В этом контексте именно образовательная среда рассматривается как ключевой механизм социализации, через который можно влиять на установочные структуры молодёжного сознания и минимизировать факторы уязвимости перед радикальными идеологиями.

Практики противодействия экстремизму, как показывают работы Э.В. Коваленко, А.Б. Кодзова, М.А. Кутаса и К.В. Степанюгина, связаны с институциональной деятельностью образовательных организаций и профессиональных сообществ. Авторами описываются мероприятия по созданию методических объединений, конкурсов программ профилактики, информационных кампаний, а также включение родителей и представителей правоохранительных органов в образовательный процесс в качестве экспертов. Указанные меры предполагают, с одной стороны, расширение нормативно-правовой и информационной базы, а с другой – активное вовлечение социально значимых акторов в процессы формирования коллективных норм и ценностей, несовместимых с экстремизмом [8; 10].

В настоящее время противодействие экстремизму реализуется преимущественно через учебные программы высшего и дополнительного образования, повышение квалификации педагогических и управленческих кадров, проведение конференций, круглых столов и дискуссионных площадок. С социологической точки зрения трансляция нормативных представлений, формирование ценностных установок и повышение информированности молодёжи о рисках экстремистской идеологии – выступают механизмами институциональной социализации и воспроизводства социально одобряемых норм поведения.

Внимание в ряде научных статей уделяется совместной деятельности социальных институтов и общественных организаций, направленной на повышение гражданской идентичности и развитие просоциальной активности молодёжи. Волонтерские инициативы, патриотические проекты и мероприятия рассматриваются как социальные маркеры включённости в конструктивную обще-

ственную деятельность, снижая привлекательность радикальных групп за счёт создания позитивных альтернатив для самореализации молодых людей [3; 4; 7].

Наконец, практики противодействия экстремизму также включают элементы социального контроля и мониторинга информационной среды, в которой молодые люди активно функционируют. Например, в статье Е. Долженковой, А. Моховой, Н. Даньшиной и А. Клиниченко проблематика противодействия экстремизму и терроризму рассматривается государством как приоритетная задача обеспечения благоприятной общественно-политической обстановки, а молодёжь определяется как наиболее уязвимая социальная группа в условиях интенсивных информационных потоков и цифровизации коммуникаций [6].

Специфическое пространство социализации, в котором экстремистская идеология может внедряться в повседневные практики общения, маскируясь под религиозные, культурные или «правозащитные» дискурсы, создают социальные сети. Суть проблематики влияния социальных сетей на экстремистские настроения молодёжи заключается в том, что цифровая среда характеризуется колоссальным объёмом информации и высокой скоростью её распространения. Экстремистский контент, попадая в социальные сети, быстро тиражируется через репосты и алгоритмическое продвижение, формируя эффект «информационного насыщения», при котором радикальные идеи начинают восприниматься как социально допустимые или широко распространённые [2].

Экстремистские акторы активно используют особенности сетевой коммуникации (анонимность, фрагментарность идентичности и возможность завуалированной подачи смыслов). Радикальные нарративы редко транслируются в открыто агрессивной форме, напротив, они встраиваются в обсуждение актуальных социальных проблем, тем дискриминации, религиозной или этнокультурной идентичности, создавая благоприятные условия для манипуляции сознанием молодых пользователей, которые в силу возраста, несформированности мировоззрения и дефицита критического мышления оказываются особенно уязвимыми к подобному воздействию [2; 6].

Социальные сети усиливают риски радикализации, но они также обладают значительным профилактическим потенциалом. Механизмы, которые используются для вовлечения молодёжи в экстремистские сообщества, потенциально могут быть задействованы и в профилактических целях. В данном случае социальные сети могут рассматриваться как инструмент управляемой социализации, способный транслировать ценности гражданской ответственности, толерантности и правового сознания, а также снижать привлекательность радикальных нарративов за счёт фор-

мирования устойчивых альтернативных смыслов. Вместе с тем, как показывает анализ научных публикаций, профилактический потенциал социальных сетей пока остается недостаточно концептуализированным и эмпирически слабо изученным.

Социальные сети как инструмент противодействия экстремизму

Исследование потенциала социальных сетей как инструмента противодействия распространению экстремистской идеологии среди молодёжи проводится в докладе ЮНЕСКО «Youth and Violent Extremism on Social Media – Mapping the Research». Одним из ключевых положений доклада является признание, что сеть в своем техническом и символическом измерении одновременно выступает и частью проблемы, и частью потенциального решения.

Социальные сети, благодаря своим технологическим и социальным особенностям, создают благоприятную среду для распространения экстремистской идеологии. В отличие от традиционных медиа, они обеспечивают высокую скорость и объём циркуляции информации, преимущественно визуального характера, что усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию. Горизонтальность коммуникации, отсутствие централизованной модерации, а также возможность анонимного участия делают их удобным инструментом для обхода контроля и прямого воздействия на уязвимые группы.

Размещаемый в социальных медиа контент легко адаптируется к различным языковым и культурным контекстам, а глобальная доступность позволяет радикальным нарративам проникать в любые локальные сообщества. Особенно значимой становится способность соцсетей формировать эффект виртуального присутствия и принадлежности, где молодёжь нередко переживает эмоциональную вовлеченность и слияние с групповой идентичностью. В результате экстремистские взгляды могут быть восприняты как часть собственной самоидентификации, особенно среди молодых людей, находящихся в состоянии социальной изоляции [14].

Социальные сети сами по себе не являются причиной радикализации, но они входят в число факторов, которые в сочетании с социальными и психологическими условиями могут способствовать ее развитию. В этой связи авторами доклада рассматриваются два ключевых направления использования соцсетей в качестве инструмента противодействия экстремизму: распространение альтернативных и контр-нарративов, а также развитие медиаграмотности как долгосрочной стратегии снижения привлекательности радикальной идеологии.

Альтернативные нарративы ставят своей целью противопоставить экстремистской риторике

позитивные ценности и показать деструктивный характер радикальных идей. Примером альтернативного нарратива, распространяемого в социальных медиа, является сообщение: «Радикалы убивают мусульман, а не защищают их». Данный нарратив был размещён на платформе YouTube в видеоролике «The Truth Behind the Islamic State», а также ретранслировался через Facebook¹. Основная цель нарратива заключалась в разрушении привлекательного имиджа ИГИЛ как «защитника ислама», показе её как преступной группировки, убивающей мусульман, которых якобы призвана защищать [15].

Другой пример – это нарратив «Ты нужен обществу, а не боевикам», получивший распространение в рамках инициативы YouTube Creators for Change в 2017–2019 годах [19]. Сообщения нарратива строились вокруг идеи: «Ты можешь изменить мир, участвуя в жизни своего сообщества, помогая людям, реализуя себя, а не разрушая». Видеоролики публиковались в открытом доступе на YouTube. Целью таких нарративов было предложение позитивной альтернативы ложному ощущению миссии и принадлежности, которое предлагают экстремистские организации.

Однако, хотя некоторые инициативы, особенно на платформах вроде YouTube, направлены на перенаправление внимания уязвимой молодежи к гражданским историям и дебатам, вместо пропагандистского контента, их реальное влияние пока остается слабо изученным и нередко подвергается критике за возможную контрпродуктивность. Гораздо более структурированное направление связано с развитием медиаграмотности, которую ЮНЕСКО рассматривает как стратегию формирования у молодежи критического мышления, навыков распознавания пропаганды, фейков и манипуляций, а также способности к осознанному онлайн-участию.

Повышение медиаграмотности рассматривается как альтернатива цензуре: вместо запретов делается приоритетным становится повышение осведомленности и цифровой устойчивости. Потенциал медиаграмотности как инструмента противодействия распространению экстремистских нарративов подтверждён рядом эмпирических исследований и аналитических докладов [17]. Медиаграмотность способствует формированию у молодежи способности к критической интерпретации информации, распознаванию манипуляций, идеологической пропаганды и цифровой демагогии, что в свою очередь повышает цифровую устойчивость и снижает уязвимость к насильственным и радикальным идеологиям [18].

Данные выводы находят эмпирическое подтверждение в исследовании J. Kahne и B. Bowyer, опубликованном в American Educational Research

Journal. Авторы на основе исследования выборки из ≈2100 респондентов показали, что высокий уровень медиаграмотности (через образование, специальные программы и медийную практику) коррелирует с лучшей способностью отличать достоверную информацию от дезинформации. Среди респондентов с минимальным уровнем медиаграмотности около 60% приняли фейковую новость за правдивую, тогда как среди «высокообразованных» – только 48%. В то же время реальные проверяемые факты были признаны достоверными почти 80% участников с высоким уровнем медиаграмотности и менее 50% среди остальных [16]. Эмпирические данные позволяют судить о том, что медиаграмотность снижает доверие к фейковым и потенциально экстремистским сообщениям, формируя базу для рационального суждения и сопротивления идеологическим манипуляциям.

В сущности, обучение молодёжи критическому мышлению, навыкам распознавания пропаганды, фейков и идеологической манипуляции позволяет превратить социальные медиа из канала уязвимости в канал осознанного участия и просвещения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что социальные сети в молодежной среде обладают двойственной, но принципиально управляемой природой. С одной стороны, они действительно выступают каналом радикализации, ускоряя распространение экстремистских нарративов, нормализуя деструктивные установки и облегчая процессы идеологической мобилизации. С другой стороны, те же структурные и коммуникативные механизмы социальных сетей при целенаправленном использовании способны выполнять противоположную функцию, то есть снижать уровень экстремистских настроений и выступать инструментом профилактики.

Ключевым условием трансформации социальных сетей из фактора риска в ресурс противодействия экстремизму является смещение акцента с преимущественно репрессивных и ограничительных мер к стратегиям формирования устойчивости молодежи к радикальному воздействию. В этом контексте особое значение приобретает повышение медиаграмотности как социологически значимого механизма профилактики. Развитие навыков критического анализа информации, распознавания манипулятивных и пропагандистских техник, а также понимания логики цифровых алгоритмов позволяет снизить восприимчивость молодежи к экстремистским сообщениям и разрушить эффект их «естественной» легитимности в онлайн-среде.

Не менее важным направлением является распространение альтернативных нормативных и ценностных ориентиров в социальных сетях. Создание позитивных нарративов, основанных

¹ Деятельность организации Meta Platforms Inc. (Facebook) запрещена на территории РФ.

на идеях гражданской ответственности, социальной солидарности, ненасильственного разрешения конфликтов и включенности в общественную жизнь, создает символическую конкуренцию экстремистской идеологии. В отличие от прямого опровержения радикальных идей, такие нарративы предлагают молодежи иные модели идентичности и самореализации, снижая привлекательность экстремизма как источника смысла, принадлежности и признания.

Таким образом, социальные сети могут рассматриваться не только как пространство угроз, но и как социальный институт, через который возможно целенаправленное воздействие на процессы социализации молодежи. Их профилактический потенциал реализуется в той мере, в какой они включаются в комплексную стратегию противодействия экстремизму, сочетающую медиаграмотность, просоциальные коммуникации и институциональную поддержку.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Технологии противодействию экстремизму в молодежной среде // Социология. 2025. № 12. С. 6–10.
2. Арипшев А.М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 9. С. 44–48.
3. Бааль Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 106–115.
4. Батюкова В.Е. Молодежный экстремизм: проблемы и пути решения // Эпомен. 2021. № 59. С. 147–160.
5. Губанов В.М., Сметанкина Л.В. Технологии противодействия экстремизму в образовательной среде: специфика реализации // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 6–1 (83). С. 217–226.
6. Долженкова Е., Мохорова А.Ю., Даньшина Н.А., Клиниций А.И. Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде – эпоха цифровизации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 16 (3). С. 118–125.
7. Коваленко В. И., Соколова О.А., Неворов А.П. Меры противодействия идеологии экстремизма в студенческой среде // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 422–427.
8. Коваленко Э.В., Кодзов А.Б. Профилактические меры по противодействию радикализму и экстремизму в молодежной среде // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5(168). С. 427–428.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.12.2025).
10. Кутас М. А., Степанюгин К.В. Проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 3–1. С. 620–627.
11. Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 804 (ред. от 17.05.2025) «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184122/ (дата обращения: 18.12.2025).
12. Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37865/ (дата обращения: 19.12.2025).
13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 17.12.2025).
14. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and violent extremism on social media: mapping the research. France: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. 161 p.
15. Anti-Isis YouTube video aims to counter terror group's social media campaigns. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2015/aug/04/anti-isis-youtube-video-notanotherbrother> (дата обращения: 22.12.2025).
16. Kahne J., Bowyer B. Educating for Democracy in a Partisan Age: Confronting the Challenges of Motivated Reasoning and Misinformation: Confronting the Challenges of Motivated Reasoning and Misinformation // American Educational Research Journal. 2017. Vol. 54(1). P. 3–34.

17. Strengthening Media and Information Literacy in the Context of Preventing Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism. Vienna: Organization for Security and Co-operation in Europe, 2024. 45 p.
18. UNESCO MILID Yearbook on Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism. Paris: UNESCO, 2016. 314 p.
19. YouTube Creators for Change. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.undp.org/asia-pacific/youtube-creators-change> (дата обращения: 28.12.2025).

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR COUNTERING EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Shumeyko A.A.

Amur Humanitarian Pedagogical State University

The article is devoted to the problem of curbing the spread of extremist attitudes among young people in the digital space. It is shown that social networks, despite their active use as a channel of radicalization, are not a determinant factor of extremism in themselves, but act as a social space in which extremist attitudes are formed and consolidated under the influence of specific communicative practices, symbolic narratives and a lack of critical perception of information. It is proved that social networks can act not only as an object of regulation, but also as a tool for the purposeful formation of alternative normative guidelines, civic values and prosocial behaviors of young people. The findings confirm that the transition from the logic of control to the logic of the formation of digital stability of youth allows us to consider social networks as an effective tool for reducing extremist sentiments and strengthening social stability in the context of digital transformation of society.

Keywords: social networks, youth, youth space, media literacy, extremist attitudes, digital space, digital environment.

References

1. Ardashev R.G. Technologies for countering extremism in the youth environment // *Sociology*. 2025. № 12. pp. 6–10.
2. Aripshv A.M. Extremism and terrorism in social networks: problems of detection and counteraction // *Journal of Applied Research*. 2022. № 9. pp. 44–48.
3. Baal N.B. State youth policy as a tool for preventing political extremism among young people // *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. 2021. № 4 (58). pp. 106–115.
4. Batyukova V.E. Youth extremism: problems and solutions // *The epoch*. 2021. № 59. pp. 147–160.
5. Gubanov V.M., Smetankina L.V. Technologies for countering extremism in the educational environment: specifics of implementation // *Education management: theory and practice*. 2024. № 6–1 (83). pp. 217–226.
6. Dolzhenkova E., Mokhorova A.Yu., Danshina N.A., Klinitsky A.I. Countering extremism and terrorism among young people – the era of digitalization // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022. № 16 (3). pp. 118–125.
7. Kovalenko V. I., Sokolova O.A., Neverov A.P. Measures to counter the ideology of extremism among students // *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2021. № 4 (60). pp. 422–427.
8. Kovalenko E.V., Kodzov A.B. Preventive measures to counteract radicalism and extremism among young people // *Eurasian Law Journal*. 2022. № 5(168). pp. 427–428.
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // *SPS Consultant Plus*. [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of request: 15.12.2025).
10. Kutas M. A., Stepanyugin K.V. Problems of countering extremism among young people // *Issues of Russian and international law*. 2025. Vol. 15, № 3–1. pp. 620–627.
11. Decree of the Government of the Russian Federation № 804 dated 08/06/2015 (as amended on 05/17/2025) "On Approval of the Rules for Determining the List of Organizations and Individuals in Respect of which there is Information about Their Involvement in Extremist Activities or Terrorism, and bringing this List to the Attention of Organizations Engaged in Transactions with Funds or Other Property, other Legal Entities, as well as individuals" // *SPS Consultant Plus*. [electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184122/ (date of request: 18.12.2025).
12. Federal Law № 112-FZ of July 25, 2002 (as amended on December 29, 2012) "On Amendments and Additions to Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Countering Extremist Activities" // *SPS Consultant Plus*. [electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37865/ (date of request: 19.12.2025).
13. Federal Law № 114-ZZ of 07/25/2002 (as amended on 10/27/2025) "On State Activity" // *SPS Consultantpls*. [electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (date of request: 17.12.2025).
14. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and violent extremism on social media: mapping the research. France: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. 161 p.
15. Anti-Isis YouTube video aims to counter terror group's social media campaigns. [Electronic resource]. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2015/aug/04/anti-isis-youtube-video-notanotherbrother> (date of request: 22.12.2025).
16. Kahne J., Bowyer B. Educating for Democracy in a Partisan Age: Confronting the Challenges of Motivated Reasoning and Misinformation: Confronting the Challenges of Motivated Reasoning and Misinformation // *American Educational Research Journal*. 2017. Vol. 54(1). P. 3–34.
17. Strengthening Media and Information Literacy in the Context of Preventing Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism. Vienna: Organization for Security and Co-operation in Europe, 2024. 45 p.
18. UNESCO MILID Yearbook on Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism. Paris: UNESCO, 2016. 314 p.
19. YouTube Creators for Change. [Electronic resource]. – URL: <https://www.undp.org/asia-pacific/youtube-creators-change> (date of request: 28.12.2025).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мягкие политехнологии: эффективные модели и результаты применения

Селезнев Павел Сергеевич,

доктор политических наук, доцент, декан факультета
международных экономических отношений, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: pseleznev@fa.ru

Абдурагимов Заур Елшадович,

председатель, Федерация служебно-прикладной подготовки
силовых структур «К-9» и специалистов органов безопасности
«Кремль-9»
E-mail: abduragim.zaur@gmail.com

В современное время основным методом влияния на различные государства выступают механизмы использования мягких политических технологий, тогда как военные силы уходят на второй план. В практике многих больших современных государств можно заметить использование «мягкой силы», как одной из стратегии политических технологий. Ее основной целью является развитие и продвижение конкретного собирательного образа страны. Эта политическая концепция показала действенность и результативность источника по разработке имиджевой привлекательности государства, обуславливая увеличение его внешнего воздействия на мировой арене. Инструменты «мягкой силы» включают идеологическую убедительность, экономический успех, культурную привлекательность государства. Исследование перечня национальных моделей «мягкой силы» различных стран способствует нахождению уникальных средств воздействия на мировую систему для осуществления национальных интересов. При этом, отмечается проблема измерения воздействия операционализации «мягкой силы» при сравнительном анализе потенциала различных государств. В статье анализируется специфика реализации стратегии «мягкой силы» в политике современных государств. Особое внимание уделяется эффективным моделям мягких политических технологий и результатам их применения. В целом, работа освещает особенности реализации стратегии «мягкой силы» и ее роль в современной политической системе.

Ключевые слова: мягкая сила, государство, мягкие политические технологии, модель, политические технологии, власть.

Введение

В настоящее время, с наступлением глобализации, система международных отношений претерпела значительные изменения. На международную арену вышли новые акторы, обладающие способностью оказывать сильное влияние на развитие мировой истории. Перед ними возникли абсолютно новые задачи и вызовы, с которыми не сталкивались ранее. Кроме того, появились новые границы власти и источники силы в стремлении достичь мирового доминирования. Единственное, что не изменилось с годами – это нацеленность к достижению силы, власти, воздействия на мировой арене [5].

Вышеуказанные тенденции повлияли на использование традиционных властных механизмов государствами, снизив их частоту и сократив применение военной силы в пользу идеологической убедительности и культурной привлекательности стран. Одним из эффективных и действенных механизмов влияния власти стало использование мягких политических технологий [9].

Материалы и методы исследования

В связи с этим, рационально изучить основные модели мягких политических технологий и эффективность их использования в разных странах, выявить сущность «мягкой силы» через изучение материалов социологических и политических исследований. Для этого будут использованы теоретические методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение материалов литературы по проблеме исследования.

«Мягкая сила» как инструмент политических технологий

Политические технологии представляют собой различные методы влияния на массовое сознание граждан для управления их поведением в интересах определенных политических акторов. Функционирование политических технологий предполагает наличие нескольких признаков: процессуальный характер (политико-технологический процесс распределяется на хронологические этапы, содержит цель, стороны, механизмы реализации, определенные итоги) и особенности использования в зависимости от уровня применения – в сфере политического курса или достижения, реализации и удержания власти [10].

Технологии, используемые в политике, имеют прямую связь с феноменом политической власти,

а именно с ее объектами (электоральные группы, разные целевые аудитории, социальные слои), субъектами (лоббисты, политические лидеры, представители партий, политическая элита, разные группы воздействия), способами, формами достижения, удержания и воспроизводства власти. Они являются действиями, увеличивающими результативность деятельности политических организаций [8].

Одной из современных и актуальных концепций политических технологий выступает «мягкая сила». Данное понятие впервые ввел Дж. Най [14]. К «мягкой силе» он относит язык и культуру страны. Таким образом, продвижение государства своих культурных ценностей на международный уровень обеспечивает непосредственное и косвенное решение конфликтных ситуаций с иными странами [19].

«Мягкая сила» – это результативная форма политической власти, метод получения желаемых итогов в отношениях с другими государствами в меру привлекательности своей культуры, своих ценностей, а не силового принуждения или вложения финансовых ресурсов. Она включает следующие элементы: духовные ценности, внешняя политика, культура. Перечень этих элементов в настоящее время дополняется бизнесом, образованием, дипломатией, государственным управлением, инновациями [7]. Данная концепция политических технологий широко применяется такими странами, как: Кувейт, США, Швейцария, Великобритания, Япония, Индия, Сингапур, Германия, Канада, Россия, Китай, Малайзия [13].

Сущность «мягкой силы» как источника мягких политических технологий

Применение «мягкой силы» предусматривает анализ прошлых методов реализации политических технологий, использованных другими странами, выявление эффективных форм и структур для работы с международными гуманитарными инструментами, а также внедрение успешных практик для перехода от простого присутствия к оказанию реального влияния в странах-партнерах. Это ведет к формированию новых мягких политических технологий [16].

Структура «мягкой силы» охватывает такую деятельность, как: продвижение образовательных программ за рубежом, развитие культурных обменов, проведение выставочных мероприятий, поддержку и популяризацию национального языка. В рамках использования мягких политических технологий государство стремится демонстрировать свои культурные традиции, продвигать родной язык, сотрудничать в областях образования, науки и технологий, а также укреплять деловые связи и общественную дипломатию с целью международного развития [12]. Для повышения эффективности данной политики необходимо совершен-

ствовать нормативно-правовые основы и выделяемые ресурсы, в том числе оптимизировать визовые процедуры и механизмы взаимодействия. Важной задачей является налаживание обмена информацией и коммуникацией, укрепление связей с обществом и повышение результативности международных инициатив.

Согласно А. Торкунову, концепция «мягкой силы» стала основным новым трендом в международных отношениях, обуславливающим важный внешнеполитический инструмент, способный обеспечить мировое доминирование [18]. С помощью применения мягких политических технологий правительства стран интенсивно осуществляют коммуникативные стратегии во внешней политике: разрабатывают свой образ страны, добиваются доверия партнеров, устанавливают тесные связи с зарубежными аудиториями [11].

Модели мягких политических технологий

В настоящее время в современном зарубежном обществе создаются комплексные концептуальные модели мягких политических технологий с использованием концепции «мягкой силы»:

- культурная «мягкая сила». Подразумевает международное признание культурного наследия государства, туристическую привлекательность, расширение межкультурных коммуникаций, повышение интереса к национальному языку;
- экономическая «мягкая сила». Предполагает финансовую и инвестиционную привлекательность государства;
- политическая «мягкая сила». Включает формирование политических институтов демократии, защиту прав граждан;
- гуманитарная «мягкая сила». Характеризует привлекательность технологий, науки и образования;
- дипломатическая «мягкая сила». Содержит эффективность переговорного процесса, возможность предотвращения агрессии.

Вследствие результативного применения механизмов «мягкой силы» возможно добиться взаимопонимания и уважения на международной арене без использования жестких политических технологий.

Невзирая на общие черты моделей мягких политических технологий, в международной практике выделяют ее национальные модели. К примеру, эффективная американская модель мягкой политической технологии основывается на привлекательности американской культуры и образа жизнедеятельности. При этом потенциал данной модели наращивается в результате публичной дипломатии [9].

В соответствии с мнением О.Ф. Русаковой, при разработке мягких политических технологий вни-

мание ученых акцентируется в первую очередь на особенных достижениях государства. Наиболее показательным в таком обстоятельстве является пример использования мягкой политической технологии Южной Кореи. Так государство в современное время наделено особенно важным ресурсом «мягкой силы» – успешным опытом политической и экономической модернизации в различных регионах Восточной Азии. Итоги использования модели мягкой политической технологии Южной Кореи доказали свою эффективность и привели к следующим результатам:

- повышение туризма в стране;
- увеличение рынка торговли южнокорейскими товарами;
- совершенствование консультационной поддержки политическим деятелям и бизнесменам других государств по проблемам демократизации институтов [15].

Иным примером использования модели мягких политических технологий служит Китай. В стране с 2007 года их применение включено в программу страны. Сейчас во всем мире действует более чем 516 институтов Конфуция, а в 142 странах обнаруживается более чем 7 миллионов слушателей. Ученые и аналитики Китая интенсивно занимаются созданием диалектического подхода мягкой политической технологии, подразумевающего связь с инструментами жесткой силы.

Вышеуказанные положения обуславливают соединение политического и практического опыта, уникальный талант в нахождении баланса между ненасильственными и насильственными методами ведения власти, эффективность использования «мягкой силы» в политике [1].

Япония занимается продвижением использования «мягкой силы» в политических технологиях. Так в стране в 2022 году была утверждена концепция японской «мягкой силы» – Cool Japan («Крутая Япония»). Главными механизмами политической технологии в этом государстве является дипломатия анимации, поп-культура, художественные комиксы. Для авторов была разработана Японская премия «Манга» [15].

Для понимания особенностей применения мягких политических технологий за рубежом целесообразно рассмотреть их использование на примере наднационального субъекта – Европейского союза. Его «мягкая сила» базируется на принципах ответственности, общей идентичности и мультикультурализме. Для осуществления концепции «мягкой силы» Европейский союз применяет следующие механизмы: организационно-программные платформы (институты, фонды, культурный обмен), информационные платформы (телевизионные каналы, радио) [9].

На основе теоретических и практических разработок зарубежных стран отечественные ученые создали разные модели использования мягких

политических технологий России. Особое внимание данной проблеме уделили такие авторы, как: А. Смирнов, А. Цыганков, П. Паршин, М. Лебедева, Е. Панова, Ф. Лукьянов, А. Торкунов. В своей работе А. Цыганков делает акцент на российской школе теории международных отношений, которая может существенно повысить потенциал «мягкой силы» России. О. Церпицкая и Н. Маркушина исследуют значение параолимпийских и олимпийских игр в Сочи в деле укрепления российских мягких политических технологий [15].

Впервые Президент Российской Федерации затронул тему политики «мягкой силы» в ходе совещания российских дипломатов и послов, проведенного в 2012 году. В центре внимания при обсуждении «мягкой силы» была стратегия продвижения национальных интересов и идей России через убеждение и стимулирование интереса к стране [17].

По мнению А.П. Ворочкова, привлекательность модели российской мягкой политической технологии заключается в триаде: культура, привлекательность политики, ценности [6]. При этом субъектами осуществления мягкой политической технологии выступают негосударственные (научные организации, фонды, средства массовой информации, некоммерческие организации) и государственные (агентства, министерства) структуры. Вследствие их деятельности осуществляются программы публичной дипломатии различной направленности: информационные (информационная помощь внешней политики), аналитические (сбор сведений о взглядах зарубежных представителей при описании государства), культурные (выставки, обмены, религиозные организации), образовательные (обмен студентов) программы [3].

Реализация вышеуказанных направлений публичной дипломатии позволяет распространять модели мягких политических технологий России и решать основные проблемы государства:

- развитие общественного мнения целевой аудитории;
- рациональное проведение политики во взаимодействии объектов;
- влияние на государство через языковое и культурное пространство;
- воспроизведение лояльности элиты от граждан, какие получили образование на территории России [4].

Так, к основным инструментам моделей использования мягких политических технологий в России можно отнести: разработка сетей выпускников российских вузов и обмен образовательными программами; популяризация русского языка и культуры в других странах; взаимодействие с российскими соотечественниками, находящимися в других странах; продвижение российского образования за рубежом; разработка и фор-

мирование информационных каналов, предоставляющих международному сообществу российскую интерпретацию событий в мире; активизация деятельности экспертных площадок в области международных отношений; увеличение присутствия российской информации в глобальных социальных сетях [11].

Некоторые исследователи полагают, что применение мягких политических технологий может негативно сказываться на международных позициях России. В 2012 году еще не существовала единая концепция такого курса, однако в отдельных сферах удалось добиться определенных положительных результатов, например, на Олимпийских играх 2014 года, которые прошли с большим успехом для страны. В то же время использование «мягкой силы» в отношении Украины имело негативные последствия: активное применение таких методов со стороны других государств ускорило разрыв дипломатических связей, привело к введению санкций и, в конечном итоге, способствовало усилению изоляции России от западных стран [2].

Выводы

Сравнительный анализ моделей использования мягких политических технологий в России и других государствах показывает, что для современного развития политики необходимо постоянно расширять и совершенствовать концепцию «мягкой силы». Главная сложность в реализации мягких политических технологий заключается в их фрагментарном и зачастую спорадическом применении. Недостаточное финансирование неправительственных организаций, а также сложная международная обстановка препятствуют формированию положительного имиджа страны, к которому стремятся многие политики. В условиях сложной геополитической ситуации эффективность реализации мягких политических технологий осложняется, и это требует более целенаправленных и скоординированных усилий.

Заключение

Таким образом, применение мягких политических технологий способствует мобилизации внешних ресурсов, которые в текущих условиях глобализации могут показывать большую эффективность. Эти технологии должны включать широкий спектр мер и охватывать различные сферы жизни граждан как в России, так и за ее пределами. В большинстве моделей мягких политических технологий наблюдается недостаточная проработанность и отсутствие ясной управленческой концепции. Такой недостаток приводит к разбросанности и несогласованности действий, что существенно снижает эффективность реализуемых мероприятий.

Литература

1. 516 Институтов Конфуция созданы в 142 странах мира // Russian.news.cn. 30.09.2018. – URL: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm. (дата обращения: 22.09.2025).
2. Аганин А. «Мягкая сила» как важная составляющая российской концептуальной инициативы // Завтра: электронная газета. 2018. – URL: https://zavtra.ru/blogs/myagkaya_sila_kak_vazhnaya_sostavlyayushaya_rossijskoj_kontseptual_noj_initiatiivi (дата обращения: 22.09.25).
3. Боброва Ю.М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти: конспект лекции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 32 С.
4. Бурлинова Н.В., Божко Д.Е., Табак В.Н., Мельникова Е.С., Толоконина А.Э. Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.: доклад № 86. М.: НП РСМД, 2022. Т. 2. № 31. 80 С.
5. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Глобализация как определяющий фактор современных международных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. С. 53–59.
6. Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 80–96.
7. Гасилин Н.А. Понятие и сущность «мягкой силы» // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 399–402.
8. Гринберг Т.Э., Минтусов И.Е., Цветкова Д.А. Электоральные и неэлекторальные политические технологии: опыт классификации // Российская школа связей с общественностью. 2022. № 37. С. 43–68.
9. Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. 2018. Т. 20. № 3. С. 417–426.
10. Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность // Управление. 2020. № 2. С. 81–90.
11. Косякина А.С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63–75.
12. Ларюэль М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния // Russie. Nei. Visions. 2021. № 122. С. 1–34.
13. Михеева В.В., Швыдко В.Г. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 182 с.
14. Наумов А.О., Белоусова М.В. Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Ная: от рождения

идеи до наших дней // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 2. С. 3–22.

15. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей // Дискурс-Пи. 2019. Т. 2. № 2. С. 37–49.
16. Санжаревский И.И. Инструменты «мягкой силы» иностранных государств и противодействие стратегии, обеспечивающей переход от «присутствия» к «влиянию» // Политуправление: сетевое электронное издание. 2020. № 1(16). С. 4–11.
17. Тонких В.А. «Мягкая сила» США и «мягкая сила» России: основы и особенности // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 371–375.
18. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «Мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. Т. 16. № 3. С. 85–93.
19. Тун Д. Культура как основа «мягкой силы» в России // Молодой ученый. 2019. № 50 (288). С. 151–154.

SOFT POLITICAL TECHNOLOGY: EFFECTIVE MODELS AND RESULTS OF APPLICATION

Seleznev P.S., Abduragimov Z.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Federation of Service and Applied Training for Law Enforcement Agencies
«K-9» and Security Specialists «Kremlin-9»

In modern times, the primary method of influencing various states is the use of soft political technologies, while military force fades into the background. The use of «soft power» as a political strategy can be observed in the practices of many large modern states. Its main goal is the development and promotion of a specific collective image of the country. This political concept has demonstrated the effectiveness and efficiency of a source for developing the image attractiveness of a state, causing an increase in its external influence on the world stage. The tools of «soft power» include ideological persuasiveness, economic success, and cultural attractiveness of the state. A study of the list of national models of «soft power» of various countries contributes to the identification of unique means of influencing the global system to achieve national interests. At the same time, the problem of measuring the impact of the operationalization of «soft power» in a comparative analysis of the potential of various states is noted. The article analyzes the specifics of the implementation of the «soft power» strategy in the policies of modern states. Particular attention is paid to effective models of soft political technologies and the results of their application. Overall, the work highlights the features of the implementation of the «soft power» strategy and its role in the modern political system.

Keywords: soft power, state, soft political technologies, model, political technologies, power.

References

1. 516 Confucius Institutes have been established in 142 countries // Russian.news.cn. 30.09.2018. – URL: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm. (Accessed 22.09.2025)
2. Aganin A. «Soft power» as an important component of the Russian conceptual initiative // Tomorrow: electronic newspaper. 2018. – URL: https://zavtra.ru/blogs/myagkaya_sila_kak_vazhnaya_sostavlyayushaya_rossijskoj_kontseptual_noj_initiatiivi (accessed 22.09.25)
3. Bobrova Yu.M. State policy in the field of informatization and the use of information technologies in public authorities: lecture notes. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020. 32 p.
4. Burlinova N.V., Bozhko D.E., Tabak V.N., Melnikova E.S., Tolokonina A.E. Practices of public diplomacy in the regions of Russia 2017–2021: report № 86. Moscow: NP RIAC, 2022. Vol. 2. № 31. 80 p.
5. Burnasheva L.A., Gazgireeva L.H. Globalization as a determining factor of modern international relations // Bulletin of Zabaykalsky State University. 2016. pp. 53–59.
6. Vorochkov A.P. The institutional dimension of the policy of «soft power»: methodology of analysis and Russian experience // Management consulting. 2021. № 7. pp. 80–96.
7. Gasilin N.A. The concept and essence of «soft power» // Young Scientist. 2019. № 22 (260). pp. 399–402.
8. Grinberg T.E., Mintusov I.E., Tsvetkova D.A. Electoral and non-electoral political technologies: classification experience // The Russian School of Public Relations. 2022. № 37. pp. 43–68.
9. Efanova E.V. Instruments of «soft power» in the foreign policy of the state // Bulletin of the RUDN University. 2018. Vol. 20. № 3. pp. 417–426.
10. Zabuzov O.N. Political technologies: structural and functional indifference // Management. 2020. № 2. pp. 81–90.
11. Kosyakina A.S. The Russian approach to the concept of «soft power» // IMEMO RAS. 2022. № 2. pp. 63–75.
12. Laruel M. Soft power of Russia: sources, goals and channels of influence // Russie. Nei. Visions. 2021. № 122. pp. 1–34.
13. Mikheeva V.V., Shvydko V.G. National and international strategies in the Indo-Pacific region: analysis and forecast. Moscow: IMEMO RAS, 2020. 182 p.
14. Naumov A.O., Belousova M.V. The evolution of the concept of «soft power» by J. Naya: from the birth of the idea to the present day // Bulletin of the Moscow University. Episode 21. Management (state and society). 2022. № 2. pp. 3–22.
15. Rusakova O.F., Kovba D.M. Soft power research in Russian political science: an analysis of problem-themed fields // Discourse-Pi. 2019. Vol. 2. № 2. pp. 37–49.
16. Sanzharevsky I.I. Tools of «soft power» of foreign states and countering strategies that ensure the transition from «presence» to «influence» // Political Management: online electronic edition. 2020. № 1(16). pp. 4–11.
17. Tonkikh V.A. «Soft power» of the USA and «soft power» of Russia: fundamentals and features // Young Scientist. 2022. № 50 (445). pp. 371–375.
18. Torkunov, A.V. Education as a tool of «Soft power» in Russia's foreign policy // Bulletin of MGIOM University. 2012. Vol.16. № 3. pp. 85–93.
19. Tun D. Culture as the basis of «soft power» in Russia // Young Scientist. 2019. № 50 (288). pp. 151–154.

Дихотомия моделей управления в условиях удаленной занятости: сравнительный анализ требований на рынке труда 2026 года

Брагин Евгений Александрович,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления
E-mail: zhenjalong@gmail.com

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление и анализ современных требований к специалистам в условиях удаленной занятости.

Методом контент-анализа исследованы 100 вакансий из них 50 с платформы долгосрочного найма hh.ru, а остальная часть с биржи фриланса fl.ru за январь 2026 года. Результаты позволили идентифицировать и концептуализировать две доминирующие модели управления. Модель «внештатного удаленного сотрудника» и модель «автономного проектного исполнителя». Первая модель акцентирует контроль, интеграцию в корпоративные процессы и развитие «мягкие навыки», вторая – автономию, ориентацию на результат и владение узкоспециальными «жесткими навыками». Выявленная дихотомия объясняется через призму теории самодетерминации и моделей жизненного цикла виртуальных команд.

В заключении сформулированы практические рекомендации для менеджеров по дифференциации подходов к мотивации и управлению в гибридных командах, объединяющих разные типы удаленных работников. Полученные данные имеют прогностическую ценность для понимания эволюции рынка удаленного труда и разработки адаптивных систем управления.

Ключевые слова: удаленная занятость, фриланс, виртуальные команды, модели управления, мотивация.

Динамичная цифровизация экономики и трансформация рынка труда привели к устойчивому росту доли удаленной занятости и фриланса. Если ранее эти формы рассматривались как новая форма занятости, то к 2026 году они становятся общепринятым, формируя запрос на новые управленческие практики. Ключевой проблемой для управления является эффективная организация командной работы, мотивация и контроль сотрудников в виртуальной среде, где традиционные офисные инструменты утрачивают эффективность.

В России более 19 млн чел. фрилансеров по данным на 2025 года [10]. В 2024 году доля фрилансеров в мире составляет 46,4% общего числа занятых (1,57 млрд человек). При этом, по данным Всемирного Банка, доля фрилансеров снижается каждый год в среднем на 1,36%. Однако в отдельных странах мира, например США, которые являются лидером в данной области, число фрилансеров растет: в 2023 г. их доля в общей структуре занятых составила 38% по сравнению с 34% в 2014 г.

При этом международные эксперты прогнозируют рост рынка фриланс-платформ в 2025 г. до 7,5 млрд долл., а к 2033 г. – до 14 млрд долл. при совокупном годовом темпе роста (CAGR) 16,8% [7, с. 3]. Прогнозируется, что в период с 2024 по 2030 год рынок услуг фриланса будет расти темпами 15% [8, с. 632].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью эмпирического анализа реальных требований рынка, которые выступают индикатором ожиданий работодателей и формируют запрос на компетенции будущих специалистов. Существующие теоретические модели зачастую оторваны от быстро меняющейся практики, а исследования редко проводят четкое разграничение между долгосрочной удаленной работой и проектным фрилансом.

Цель исследования состоит на основе контент-анализа вакансий 2026 года выявить и сопоставить ключевые требования к компетенциям, организации процесса и мотивации удаленных специалистов на двух различных типах платформ: бирже проектного фриланса и портале долгосрочного трудоустройства hh.ru.

Научная новизна заключается в проведении сравнительного количественного анализа, позволяющего концептуализировать две принципиально разные модели управления удаленными специ-

алистами, а также в прогностической оценке трендов, актуальных для 2026 года.

Анализ специфики управления удаленными работниками целесообразно проводить в рамках нескольких взаимодополняющих теоретических направлений.

Тем самым рассмотрим теорию самодетерминации по Э. Деси и Р. Райна, утверждающую 3 базовые психологические потребности в автономии, компетентности и связанности. Для классического фрилансера ключевым мотиватором выступает автономия – свобода выбора проектов, графика и методов работы. Нарушение этой автономии чрезмерным контролем ведет к демотивации. В контексте долгосрочной удаленной занятости в компании на первый план могут выходить потребности в компетентности, например, в развитии или в карьерном росте. Связанность заключается в интеграции в команду и корпоративную культуру.

Следовательно, у человека есть чувство выбора и чувство свободы делать то, что человек решил сделать, и типы мотивации различаются на основе разных уровней самодетерминации. Теория основана на фундаментальном гуманистическом предположении о том, что люди естественным образом и активно ориентируются на рост и самоорганизацию¹.

Удаленный специалист так или иначе участвует в командной работе на основе внештатного сотрудника либо удаленным специалистом в проекте. Одним из главных исследователей групповой динамики в мире является Б. Такман, который еще в 1965 г. разработал модель фаз жизненного цикла команды, которая применяется до сих пор. Б. Такман выделили пять фаз жизненного цикла команды: формирование (Forming), становление (Storming), нормирование (Norming), исполнение работы (Performing), расставание (Adjourning) [2, с. 3].

Однако, под виртуальными командами обычно понимается группа людей, нацеленных на решение общей задачи проекта, от результатов совместной деятельности которых зависит результат проекта, при этом члены команды чаще всего территориально разделены и коммуницируют путем формального общения с использованием электронных средств [5, с. 3].

У виртуальных и классических команд есть общие и отличительные особенности. Общими чертами являются: наличие организационной структуры; наличие лидера; внешние или внутренние границы; распределение ролей и функций; формальные и неформальные отношения как внутри команды, так и за ее пределами; стандартные стадии формирования команды.

Отличительные особенности виртуальных команд определяются географическим и организационным рассредоточением и необходимостью поддерживать связь друг с другом с помощью современных информационных и телекоммуникационных технологий [1, с. 5].

Модели жизненного цикла виртуальных команд в адаптированном для удаленном виде подчеркивают критическую важность этапа «Norming» – установления норм, правил и процедур взаимодействия. Для внештатных удаленных сотрудников этот этап формализуется жестко, через фиксированный график, регламенты отчетности, обязательные планерки. Для фрилансеров, включающихся в команду на временный проект, «norming» часто сводится к принятию технического задания и дедлайнов, что требует от них повышенных навыков адаптивности и самоорганизации.

Модель Такмана раскрывает успешное функционирование команды, зависящие от четкой постановки целей, правильного распределения ролей и зон ответственности, постоянного обучения и эффективной мотивации участников. Эффективное лидерство и высокая сплоченность команды способствуют снижению конфликтов и повышению производительности. Регулярная оценка эффективности команды, основанная на различных моделях и метриках, помогает выявить проблемы и направления для улучшения, обеспечивая условия для постоянного развития и достижения высоких результатов².

Таким образом, теоретическая рамка позволяет предположить, что подходы к управлению, мотивации и требованию к навыкам будут принципиально различаться для работников, вовлеченных в разные форматы удаленной занятости.

Объектом исследования является анализ 100 текстов вакансий, релевантных теме удаленной занятости.

Предмет исследования является содержащиеся в текстах вакансий требования к профессиональным (hard skills) и надпрофессиональным (soft skills) компетенциям, организации рабочего процесса и элементы мотивации.

Выборка и методы для формирования репрезентативной выборки были использованы две крупнейшие российские онлайн-платформы, представляющие разные сегменты рынка.

1. FL.ru – крупнейшая русскоязычная биржа фриланса. Отбор вакансий производился последовательно из раздела «проекты», соответствующие критерию удаленной работы на январь 2026 года.
2. Nh.ru – крупнейший портал по поиску работы и персонала. Отбор производился через фильтр «удаленная работа» для позиций, свя-

¹ Камнева Елена Владимировна, Симонова Маргарита Михайловна Теория самодетерминации и управление персоналом // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1.

² Матвиенко Федор Николаевич Подходы к формированию и развитию высокоэффективных команд // Инновации и инвестиции. 2024. № 8.

занных с менеджментом, маркетингом и IT, для обеспечения сопоставимости сфер деятельности.

Основным методом выступил качественно-количественный контент-анализ. На основе пилотного изучения вакансий была разработана категориальная матрица, включающая четыре блока: hard skills, soft skills, требования к процессу, мотивационные элементы. Частотный анализ позволил выявить и сравнить значимость каждой категории на двух платформах.

Гипотеза исследования заключается в существовании статистически значимого различия в структуре требований к удаленным специалистам на платформах проектного фриланса (fl.ru) и долгосрочного найма (hh.ru), что отражает два различных управленческих подхода: парадигма контроля и интеграции и парадигма результата и автономии.

Результаты частотного анализа, сведенные в таблицу 1, наглядно демонстрируют подтверждению гипотезы.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых требований в вакансиях hh.ru и fl.ru

Категория анализа	Требование / Навык	HH.ru	FL.ru
Hard Skills	CRM- системы	24.4%	0%
	Программирование/разработка	Входит в «Другие»	54%
	Excel/ Таблицы	19.3%	0%
Soft Skills	Коммуникация	24.5%	14%
	Ответственность	12.5%	6%
	Клиентоориентированность	10.9%	0%
Процесс работы	Фиксированный график	20.2%	0%
	Гибкий график	4.4%	6%
	Быть на связи в часы	21.7%	0%
Мотивация	Обучение/ Развитие	15.2%	6%
	Карьерный рост	12.8%	-
	Свобода/Гибкость	8.6%	12%
	Интересные задачи	11.5%	12%

Полученные данные указывают на противоположные методы управления в условиях удаленной занятости. На удаленные hh.ru вакансии предлагают удаленную работу, и при этом сохраняют фиксированный график, чаще 5/2 с 9:00 до 18:00. Гибкий график упоминается только в 18% случаев. Это го-

ворит о том, что компании стремятся к контролю времени работы, даже при дистанционном формате.

Большинство в вакансиях прямо указаны требования к коммуникативным навыкам. При этом технические навыки часто сводятся к владению CRM и Excel. Как основной мотиватор указывается высокая оплата и бонусы, а в 74% случаев – обучение и развитие. Это говорит о том, что работодатели делают ставку на финансовую мотивацию и рост, а не на корпоративную культуру.

На фриланс вакансиях наиболее востребованы технические навыки и узконаправленные специалисты по 3D моделированию, анимации, IT и SEO оптимизация. Доминирует удаленный формат и при этом гибкий, что характерно для фриланса. Жесткие процессуальные требования, такие как отчеты, фиксированные часы практически не встречаются. Основными стимулами для фрилансеров в вакансиях являются финансовая составляющая, интересные проекты и свобода действий. Наиболее часто ожидаемым являются коммуникативные навыки, что связано с необходимостью взаимодействия с заказчиками и командой в удаленном формате.

Полученные данные позволяют сформулировать два идеальных типа управления удаленными специалистами.

Модель «Внештатного удаленного сотрудника» hh.ru. Данная модель представляет собой виртуальную копию офисной работы. Ее цель заключается минимизировать издержки и риски, связанные с удаленным форматом, через систему контроля. Это проявляется в высоких требованиях к использованию инструментов наблюдения и отчетности. При этом компании предлагают обучение, карьерный рост, командную атмосферу, что соответствует потребностям в компетентности и связанности. Требования к soft skills здесь направлены на внедрение внештатного сотрудника в бизнес-процессы и корпоративную культуру.

Модель «Автономного проектного исполнителя» fl.ru. Эта модель основана на принципе результата. Заказчика интересует не процесс, а конкретный итог, например, работающий код, готовый дизайн или текст. Поэтому доминируют требования к специализированным hard skills, а soft skills такие как самоорганизация, коммуникация по ТЗ, являются обеспечивающими, но не ключевыми. Полное отсутствие процессуального контроля является не недостатком управления, а его особенностью, направленной на максимизацию автономии исполнителя – его ключевого мотиватора согласно SDT. Мотивационное предложение прагматично: оплата и интересная задача. Обучение и «командная атмосфера» – редкие исключения, характерные для длинных проектов.

Следовательно, фриланс дает как преимущества так и недостатки для специалиста. Из преи-

мущества это свободный график, отсутствие отчётности, свобода выбора работодателей, партнёров, поставщиков, подрядчиков, коллег. Независимость в плане выбора места работы как в глобальных масштабах – работать можно из любой точки мира или в любом городе, так и в масштабах города – дома, в коворкинге, на территории работодателя по свободному графику или на объекте.

Фрилансер в идеале не принужден работать на того, кто ему не нравится – он может выбирать любого партнёра, и это преимущество значительно уменьшает негативное воздействие от неприятного сотрудничества [9, с. 187].

Однако, по данным компании Standish Group, лишь около 31% IT-проектов завершаются успешно, а 69% – это неуспешные проекты. процесс построения эффективных коммуникаций в данной сфере является непростой задачей, поскольку потенциальные участники команд – это специалисты с разным опытом и уровнем компетенций. Поэтому, по данным компании theStandishGroup, это становится частой причиной неуспешности проектов [3, с. 2].

Таким образом, дихотомия не является случайной. Она отражает различия в модели управления в условиях удаленной занятости: долгосрочные отношения и взаимные инвестиции против краткосрочного обмена результата на оплату.

Приведенное исследование подтвердило гипотезу о существовании двух конкурирующих моделей управления, которые сосуществуют на современном рынке труда 2026 года.

Эти модели – внештатный сотрудник и автономный исполнитель формируют различные наборы требований к компетенциям, процессу и мотивации. Следовательно, рассмотрим практические рекомендации для руководителей внештатных удаленных сотрудников и фриланс специалистов.

1. Дифференциация подходов. Необходимо отказаться от универсальной системы управления для всех удаленных работников. Для штатных удаленных сотрудников эффективна модель с четкими процессами, инвестициями в развитие и акцентом на коммуникацию. Для фрилансеров – модель с ясным ТЗ, оплатой за результат и максимальной автономией в процессе.
2. Разработка гибридных мотивационных наборов. При формировании команд, сочетающих внештатных специалистов и фрилансеров, важно создавать мотивационные предложения, релевантные для каждой группы. Внештатным сотрудникам предлагать карьерные треки и обучение, фрилансерам – интересные технологические задачи и конкурентную проектную оплату.
3. Адаптация систем контроля. Внедрять инструменты контроля только для тех ролей, где это критично с точки зрения процесса или безопасности. Для исполнителей, чей вклад легко

измерить по итоговому результату, такой контроль избыточен и демотивирующ.

Направления дальнейших исследований. Исследование эффективности различных мотивационных инструментов в рамках каждой из выявленных моделей.

Литература

1. Белова О. Л., Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Доверие как фактор эффективности виртуальной команды // Вестник ГУУ. 2020. № 2.
2. Бородин Гордей Вадимович. Разработка эвристической модели жизненного цикла эффективной виртуальной команды // ЭПП. 2025. № 4.
3. Зубова Анастасия Алексеевна, Ажмухамедов Искандар Маратович. Проблема формирования проектных команд в IT-сфере // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2024. № 2 (66).
4. Камнева Елена Владимировна, Симонова Маргарита Михайловна. Теория самодетерминации и управление персоналом // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1.
5. Каримов Марат Харисович. Менеджмент виртуальных команд: основные особенности // Достижения науки и образования. 2017. № 6 (19).
6. Матвиенко Федор Николаевич. Подходы к формированию и развитию высокоэффективных команд // Инновации и инвестиции. 2024. № 8.
7. Полякова Юлия Михайловна. Ключевые показатели развития фриланса как модели социально-трудовых отношений: межстрановое сравнение // энср. 2025. № 1.
8. Рязанцева, М.В. Тенденции в области гибкой занятости / М.В. Рязанцева // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 5. – С. 631–646.
9. Сироткин, А.В. Фриланс в фокусе философской рефлексии / А.В. Сироткин, Н.М. Мамедова // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: Коллективная монография по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием / Ответственный научный редактор Э.В. Баркова. – Москва: Русайнс, 2023. – С. 186–189.
10. Сколько фрилансеров в мире? (2025) Инклиент. – URL: <https://incli.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 14.01.2026).

THE DICHOTOMY OF MANAGEMENT MODELS IN REMOTE EMPLOYMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF 2026 LABOR MARKET REQUIREMENTS

Bragin E.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

This article presents the results of an empirical study aimed at identifying and analyzing modern requirements for specialists in a remote work environment.

Using content analysis, 100 job postings were analyzed, 50 of which were from the long-term recruitment platform hh.ru, and the remainder from the freelance exchange fl.ru, for January 2026. The results allowed us to identify and conceptualize two dominant management models: the «freelance remote worker» model and the «autonomous project performer» model.

The first model emphasizes control, integration into corporate processes, and the development of «soft skills» while the second emphasizes autonomy, results-oriented performance, and the mastery of highly specialized «hard skills» This dichotomy is explained through the lens of self-determination theory and virtual team life-cycle models.

The article concludes with practical recommendations for managers on differentiating approaches to motivation and management in hybrid teams that bring together different types of remote workers. The data obtained have predictive value for understanding the evolution of the remote labor market and developing adaptive management systems.

Keywords: remote work, freelancing, virtual teams, management models, motivation.

References

1. Belova O. L., Kozhevnikova L.V., Starovoytova I.E. Trust as a Factor in the Effectiveness of a Virtual Team // Bulletin of the State University of Management. 2020. № 2.
2. Borodin Gordey Vadimovich. Development of a Heuristic Model of the Life Cycle of an Effective Virtual Team // EPP. 2025. № 4.
3. Zubova Anastasia Alekseevna, Azhmukhamedov Iskandar Maratovich. The problem of forming project teams in the it sphere // Caspian Journal: Management and High Technologies. 2024. № 2 (66).
4. Kamneva Elena Vladimirovna, Simonova Margarita Mikhailovna. Self-Determination Theory and Personnel Management // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 1.
5. Karimov Marat Kharisovich. Virtual Team Management: Key Features // Achievements of Science and Education. 2017. № 6 (19).
6. Matvienko Fedor Nikolaevich. Approaches to the Formation and Development of Highly Effective Teams // Innovations and Investments. 2024. № 8.
7. Polyakova Yulia Mikhailovna. Key Indicators of the Development of Freelancing as a Model of Social and Labor Relations: A Cross-Country Comparison // encr. 2025. № 1.
8. Ryazantseva, M.V. Trends in Flexible Employment / M.V. Ryazantseva // Labor Economics. – 2024. – Vol. 11, № 5. – Pp. 631–646.
9. Sirotkin, A.V. Freelancing in the Focus of Philosophical Reflection / A.V. Sirotkin, N.M. Mamedova // Human Ecology in Modern Transformations of Historical Time: A Collective Monograph Based on the Results of the III All-Russian Scientific Conference with International Participation / Scientific Editor-in-Chief E.V. Barkova. – Moscow: Rusains, 2023. – Pp. 186–189.
10. How Many Freelancers Are There in the World? (2025) Inclient. – URL: <https://inclient.ru/freelance-stats/> (Accessed: 14.01.2026).

Предпринимательская деятельность китайских мигрантов в условиях региональной институциональной среды: неформальные практики и стратегии адаптации (на примере Томска)

Ван Цзюань,

магистрант, Томский государственный университет
E-mail: Juanwang2026@gmail.com

Статья посвящена анализу предпринимательской деятельности китайских мигрантов в условиях региональной институциональной среды России на примере города Томска. На основе комбинирования количественных регистрационных данных и качественных интервью с китайскими предпринимателями исследуются механизмы входа на локальный рынок, особенности институционального взаимодействия и стратегии адаптации в условиях высокой регуляторной неопределённости и ограниченного доверия. Показано, что при формальной открытости нормативно-правовой рамки ключевые трудности связаны с интерпретацией и практическим применением правил, языковыми барьерами и дефицитом институциональной предсказуемости. В этих условиях семейные и этнические сети выступают базовым механизмом снижения рисков и замещения доверия, однако одновременно ограничивают возможности выхода за пределы этнического сегмента и формирования «мостового» социального капитала.

Ключевые слова: предприятия миграции, малые и средние предприятия, китайский мигранты, институциональная среда, неформальные практики, региональный контекст.

Введение к вопросам

Статистические данные последних лет указывают на существенные изменения в характере российско-китайских экономических связей. В частности, в последнем квартале 2025 года общий объём двусторонней торговли продемонстрировал заметное снижение. При этом эксперты отмечают избирательный характер данной динамики: спад затрагивает прежде всего сырьевые отрасли и автомобильный сектор, тогда как сегмент потребительских товаров сохраняет относительную устойчивость. В этих условиях китайские компании, особенно малые и средние, всё активнее занимают рыночные ниши, освободившиеся после ухода западных предприятий. Аналогичные выводы представлены и в аналитике международных исследовательских центров, включая Carnegie Endowment for International Peace, где отмечается рост числа регионально ориентированных китайских МСП, менее вовлечённых в глобальные цепочки, подверженные санкционным рискам.

Несмотря на возрастание эмпирической значимости данного сегмента, исследования китайского бизнеса в России по-прежнему преимущественно сосредоточены на макроуровневых институциональных факторах¹. Региональная специфика, вариативность правоприменения и повседневные практики предпринимателей остаются недостаточно изученными, особенно за пределами столичных и ресурсных регионов². Малые и средние города Сибири, не обладающие особыми внешнеэкономическими преференциями, практически не представлены в существующих исследованиях, что ограничивает понимание функционирования китайских предприятий в «обычных» региональных институциональных контекстах.

В международной научной литературе предпринимательская активность мигрантов рассматривается в рамках парадигмы мигрантского предпринимательства, подчёркивающей ограниченность ресурсов, высокую гибкость и зависимость от со-

¹ Lu J. Attractiveness and Risks of Russian Market for Chinese Migrant Entrepreneurs[J]. Российские регионы в фокусе перемены: сборник докладов. – 2024. – Екатеринбург, 2025, 2025: 467–469.

² Николаев Алексей Максимович Инвестиционная привлекательность России для китайских предпринимателей: обзор китайских аналитических материалов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (83).

циальных сетей¹. При этом мигрантские предприятия трактуются как потенциальный ресурс локального развития². В российском контексте, однако, предпринимательство мигрантов остаётся недостаточно исследованным и нередко ассоциируется с неформальной экономикой, что требует более детального анализа институциональных условий и практик адаптации.

В этой связи особый интерес представляет предпринимательская деятельность китайских мигрантов в Томске – региональном центре Западной Сибири с относительно небольшим рынком и ограниченной транспортной связностью. Анализ данного кейса позволяет рассмотреть механизмы входа на рынок, особенности институционального взаимодействия и стратегии адаптации предпринимателей в локальной институциональной среде.

Настоящее исследование опирается на институциональный подход и сочетает количественный анализ регистрационных данных с качественным исследованием предпринимательских практик. В первой части анализируется структура и динамика китайских МСП в регионе, во второй – механизмы взаимодействия предпринимателей с институциональной средой, с особым вниманием к роли этнических и семейных сетей.

Теоретико-методологическая основа

В западной научной традиции исследования предпринимательской активности мигрантов опираются на несколько ключевых подходов. В американской академической литературе доминирует ресурсный подход, фокусирующийся на человеческом капитале и социальных сетях мигрантов при сравнительно слабом учёте институционального контекста принимающего общества³. Европейская исследовательская школа предложила более комплексную концепцию «смешанной встраиваемости» (mixed embeddedness), рассматривающую мигрантское предпринимательство как результат взаимодействия индивидуальных ресурсов, рыночных возможностей и институциональной структуры принимающего общества⁴.

В российской научной литературе анализ предпринимательства мигрантов по-прежнему во многом осуществляется в рамках парадигмы «этниче-

ского предпринимательства»⁵, что приводит к редукции данного феномена до замкнутого этнического сектора и смещению аналитического фокуса с институциональных условий функционирования бизнеса.

Между тем в российском контексте институциональная среда признаётся ключевым фактором развития малого и среднего предпринимательства⁶. Регуляторная неопределённость, вариативность правоприменения и низкий уровень институционального доверия⁷ формируют восприятие предпринимательства как деятельности с повышенными рисками и способствуют распространению неформальных практик.

В этой связи объяснение предпринимательской активности мигрантов исключительно через призму индивидуальных ресурсов или этничности представляется недостаточным. Настоящее исследование опирается на институциональную теорию, рассматривающую предпринимательские стратегии как результат взаимодействия акторов с формальными и неформальными правилами принимающего общества^{8,9}.

В аналитическом плане используется модель трёх институциональных опор У. Скотта¹⁰, включающая регулятивный, нормативный и культурно-когнитивный компоненты. Данный подход позволяет проанализировать, каким образом китайские предприниматели в Томске адаптируют свои практики к локальным требованиям и социальным ожиданиям и стремятся к институциональной легитимности в специфическом региональном контексте.

Методология и методы исследования

Статья основана на материалах авторского эмпирического исследования предпринимательской активности китайских мигрантов в региональном контексте России на примере города Томска. В анализ включены как действующие предприятия, так и предпринимательские практики лиц, ранее осуществлявших бизнес в регионе.

Выбор Томска обусловлен его статусом среднего сибирского города, не относящегося ни к столичным агломерациям, ни к приграничным или

¹ Kloosterman, R. C., & Rath, J. (2001). Immigrant entrepreneurs in advanced economies: Mixed embeddedness further explored. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(2), 189–201.

² Kerr, S. P., & Kerr, W. R. (2017). Immigrant entrepreneurship. In J. C. Haltiwanger, E. Hurst, J. Miranda, & A. Schoar (Eds.), *Measuring entrepreneurial businesses: Current knowledge and challenges*. National Bureau of Economic Research, 187–149.

³ Dabić, M., Vlačić, B., Paul, J., Dana, L. P., Sahasranamam, S., & Glinka, B. (2020). Immigrant entrepreneurship: A review and research agenda. *Journal of Business Research*, 113, 25–38.

⁴ Kloosterman, R. C. (2010). Matching opportunities with resources: A framework for analyzing (migrant) entrepreneurship from a mixed embeddedness perspective. *Entrepreneurship and Regional Development*, 22(1), 25–45.

⁵ Пешкова В. М. Предпринимательство мигрантов в России: структурные возможности [J]. *Власть*, 2018 (1): 107–115

⁶ Иванов И. Н., Лукьянова Т. В., Орлова Л. В. Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в России // *Вестник ГУУ*. 2020. № 2.

⁷ Berger R, Herstein R, Silbiger A, et al. Developing international business relationships in a Russian context [J]. *Management International Review*, 2017, 57(3): 441–471.

⁸ North, D., 1991. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5(1), pp. 97–112. Scott, W., 2008. Institutions and organizations: Ideas and interests. London: Sage.

⁹ Hodgson, G., 2007. Institutions and individuals: Interaction and evolution. *Organization Studies*, 28(1), pp. 95–116.

¹⁰ North, D., 1987. Institutions, transaction costs and economic growth. *Economic Inquiry*, 25(3), pp. 419–428.

ресурсным регионам, что позволяет рассматривать мигрантское предпринимательство в условиях «обычной» региональной институциональной среды. Дополнительным фактором выступает высокая международная мобильность города, связанная с концентрацией крупных университетов и значительной долей иностранных студентов.

В условиях ограниченности официальной статистики в исследовании применяется комбинированный методологический подход, сочетающий количественные и качественные методы. Количественный анализ основан на данных ЕГРЮЛ/ЕГРИП и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Идентификация китайских предпринимателей осуществлялась с использованием списка китайских фамилий «Байцзя син», что позволило сформировать базу данных из 36 действующих и 41 ликвидированного предприятия, зарегистрированных после 2014 года, и проанализировать их организационно-правовую и отраслевую структуру.

Качественная часть исследования включает полуструктурированные интервью с двумя китайскими мигрантами, имеющими опыт предпринимательской деятельности в Томске. Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома», средняя продолжительность интервью составляла около 1,5 часа. Анализ проводился методом тематического кодирования с отбором материалов по принципу аналитической релевантности.

Совмещение количественных и качественных данных позволяет рассмотреть предпринимательскую активность китайских мигрантов как результат взаимодействия индивидуальных ресурсов, социальных связей и региональной институциональной среды.

Результаты

Количественные характеристики китайских предприятий в Томске

Анализ предпринимательства мигрантов в России осложнён ограниченностью статистических данных: регистрационные базы фиксируют лишь гражданство на момент регистрации и не всегда отражают фактическую структуру собственности. Тем не менее на основе сформированной базы данных была проанализирована динамика китайских предприятий в Томской области за период после 2014 года с учётом дат регистрации и ликвидации (рис. 1).

Полученные данные показывают, что численность китайских малых и средних предприятий в регионе в 2014–2025 гг. проходила этапы сокращения, последующей стабилизации и медленного восстановления. Динамика новых регистраций и устойчиво действующих предприятий в целом совпадает, что указывает на относительную устойчивость сегмента при одновременном обновлении его состава.

Рис. 1. Динамика китайских МСП в Томской области 2014–20225 гг. (год/ количества компании)

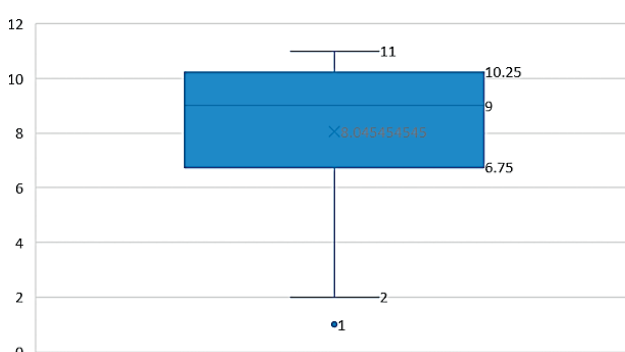

Рис. 2. Срок функционирования действующих предприятий китайских мигрантов в Томской области 2014–2025 гг.

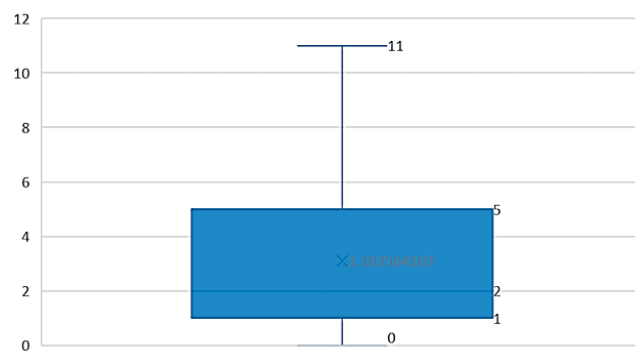

Рис. 3. Срок функционирования предприятий китайских мигрантов, прекративших деятельность в Томской области 2014–20015 гг.

Анализ сроков функционирования предприятий (рис. 2–3) дополняет данную картину. Большинство действующих предприятий работают более шести лет, тогда как значительная часть ликвидированных компаний прекращает деятельность в первые пять лет после регистрации. Это позволяет охарактеризовать рынок китайских предприятий в Томске как сочетание устойчивого ядра и ограниченного притока новых участников.

Организационно-правовая структура отличается высокой концентрацией: около 90% предприятий зарегистрированы в форме индивидуальных

предпринимателей. Такое распределение отражает ориентацию на формы бизнеса с низким порогом входа и упрощёнными требованиями к отчётности (рис. 4).

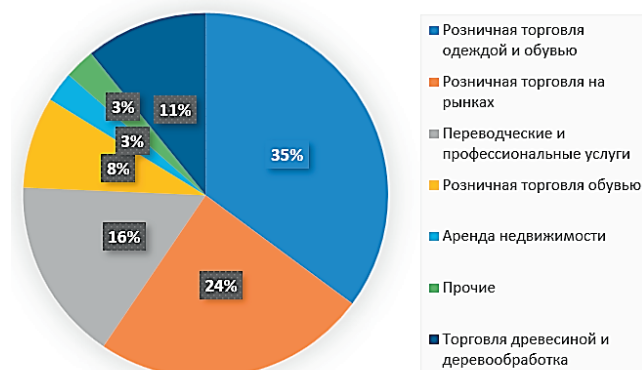

Рис. 4. Типы отраслевой регистрации китайских мигрантских предприятий в Томской области 2014–2025 гг.

Отраслевая структура также демонстрирует выраженную специализацию. Основная доля предприятий сосредоточена в сферах розничной торговли и услуг, характеризующихся высокой гибкостью и минимальными стартовыми издержками.

Регуляторные и административные барьеры

Для анализа механизмов институциональной легитимации предпринимательской деятельности китайских мигрантов необходимо обратиться к нормативно-правовым условиям её осуществления. Формально российское законодательство допускает участие иностранных граждан в предпринимательстве, и иностранные предприниматели обладают возможностью выбора различных организационно-правовых форм. Однако регулирование носит фрагментированный характер и распределено между миграционным, налоговым, трудовым и отраслевым правом, что существенно повышает когнитивные и транзакционные издержки.

Регуляторные и административные требования воспринимаются информантами прежде всего как барьеры входа и поддержания легального статуса деятельности. Для предпринимателей, совмещающих бизнес с обучением, взаимодействие с государственными структурами начинается задолго до начала предпринимательской активности – через миграционные и образовательные процедуры. Этот ранний опыт формирует устойчивое ощущение уязвимости и недоверия по отношению к бюрократической системе.

Ключевой проблемой выступает не столько наличие формальных требований, сколько неопределённость их практического исполнения: отсутствие прозрачных «пошаговых» процедур, необходимость многократных обращений в различные инстанции и зависимость результата от конкрет-

ных исполнителей. Ограниченное владение русским языком дополнительно усиливает данные трудности, затрудняя понимание нормативных формулировок и коммуникацию с представителями органов власти. В результате взаимодействие с административной системой описывается как источник значительных временных и эмоциональных издержек:

«Временные издержки очень высокие... процедуры сложные, а эффективность низкая». (инф. 1)

Даже при обращении к официальным нормативным положениям предприниматели не воспринимают их как гарантию предсказуемого результата, подчёркивая разрыв между «правилами на бумаге» и реальной административной практикой:

«В России «на бумаге» одно, а когда реально начинаешь общаться с органами – совсем другое». (инф. 2)

В этих условиях легализация предпринимательской деятельности осмысливается не как разовый формальный акт, а как процесс постоянной адаптации к меняющимся требованиям и практикам их применения.

Социально-культурные факторы

Анализ интервью показывает, что социально-культурные факторы проявляются не в форме прямой враждебности со стороны принимающего общества, а преимущественно в виде устойчивого ощущения недоверия и социальной дистанции. Оба информанта в целом положительно оценивают повседневное общение с россиянами, подчёркивая их доброжелательность. Однако при переходе от бытовых контактов к сфере предпринимательства фиксируется качественно иной опыт:

«Если вести бизнес в России, лучше иметь дело с людьми, которые хорошо понимают российскую систему. Отношение к иностранным предпринимателям нельзя назвать дружелюбным, существует много ограничений». (инф. 1)

Попытки информанта 1 установить прямые деловые контакты с локальными предпринимателями часто оказывались безуспешными: потенциальные партнёры отказывались от сотрудничества без объяснения причин.

Подобное дистанцирование может быть связано с устойчивыми социальными представлениями и стереотипами о китайских предпринимателях, влияющими на доступ к деловым сетям и выбор каналов экономического взаимодействия. Ограниченное владение русским языком усиливает данные представления: языковая неуверенность интерпретируется не как техническое ограничение, а как признак некомпетентности или потенциальной недобросовестности.

Интервью фиксируют двойственную природу недоверия в предпринимательском опыте мигрантов. С одной стороны, информанты испытывают трудности в формировании доверия к локальной

административной и регуляторной среде, характеризующейся высокой степенью неопределённости. С другой стороны, они ощущают дефицит доверия со стороны принимающего общества, проявляющийся в нежелании российских контрагентов вступать в прямые деловые отношения с иностранцами.

В данном контексте доверие понимается не как межличностная симпатия, а как ощущение предсказуемости и понятности социальной и институциональной среды. В деловых и институциональных взаимодействиях язык выступает не только инструментом коммуникации: решающим фактором становится способность предпринимателя интерпретировать и воспроизводить «правильные» правила игры – нормативные ожидания и привычные модели поведения. Ограниченность данной способности усиливает ощущение институциональной закрытости и формирует ориентацию на опосредованные и неформальные каналы экономического взаимодействия.

Роль семейных и этнических сетей

Эмпирические материалы однозначно указывают на центральную роль семейных и этнических сетей в предпринимательской деятельности китайских мигрантов в Томске. В условиях высокой регуляторной неопределённости и ограниченного институционального доверия именно социальные связи становятся ключевым каналом доступа к информации, ресурсам и возможностям.

Прежде всего, семейно-этнические сети играют решающую роль на этапе входа в предпринимательство:

«Без связей даже деньги не помогает». (инф. 1)

При этом опыт информантов демонстрирует различия в восприятии институциональной среды. Если первый информант сталкивается с постоянными ограничениями и неопределённостью, то для информанта 2, пришедшего в Томск по семейным каналам, наличие устойчивых связей существенно смягчает воздействие административных барьеров:

«... Документы оформляли через доверенных людей – нашли россиянина ... но самому можно всё оформить, если несколько раз сходить по инстанциям ... не кажется слишком сложным». (инф. 2)

Использование профессиональных посредников рассматривается как альтернативный, но менее предпочтительный вариант из-за высокой стоимости их услуг, особенно для предпринимателей, не располагающих разветвлёнными социальными связями.

На ранних этапах предпринимательской деятельности семейно-этнические сети выполняют важную адаптационную функцию, снижая риски и обеспечивая доступ к информации, первоначальному капиталу и эмоциональной поддержке. Од-

нако при ориентации на локальный рынок данные сети демонстрируют существенные ограничения. Они не способны заменить глубокое понимание местных институциональных и культурных норм и, напротив, могут препятствовать формированию «мостового» социального капитала. В результате предпринимательская деятельность закрепляется в рамках персонального доверия и знакомых связей, не переходя на уровень коллективного или институционального доверия, основанного на репутации, бренде и стабильности правил.

Это проявляется и в повседневной организации бизнеса. Подбор персонала и формирование клиентской базы осуществляются преимущественно через круг знакомых, чаще всего из числа китайских студентов:

«Мои клиенты – в основном китайские студенты, с россиянами я практически не взаимодействую ... сотрудников находят через знакомых, в основном это тоже студенты». (инф. 2)

Обсуждение результатов

Среди китайских студентов в России наблюдается относительно выраженная предпринимательская мотивация. Во многом она обусловлена контекстом страны происхождения: высокая конкуренция и высокий порог входа в предпринимательство в Китае делают открытие собственного бизнеса крайне затратным и рискованным. На этом фоне Россия воспринимается как пространство относительных возможностей, где предпринимательская деятельность ассоциируется с более низкими издержками и менее жёсткими барьерами входа.

Ключевой проблемой для потенциальных предпринимателей становится вхождение в российское экономическое пространство. Центральным ресурсом в этом процессе выступает язык, который выполняет не только коммуникативную функцию, но и функцию институциональной навигации. Недостаточный уровень владения русским языком затрудняет интерпретацию юридических формулировок, административных указаний и неформальных ожиданий, что ограничивает способность предпринимателей переводить абстрактные нормы в воспроизводимые практики и прогнозировать способы их практического применения.

Несмотря на формальную открытость нормативно-правовой рамки, институциональная неопределённость, а также дефицит языковой и институциональной компетентности подрывают доверие предпринимателей как к самим правилам, так и к участникам рынка. В этих условиях предприниматели склонны избегать прямых и углублённых взаимодействий с формальными институтами и ориентироваться на практики, воспринимаемые ими как более контролируемые и предсказуемые.

Зависимость от семейных и этнических сетей в данном контексте выступает не культурной особенностью, а адаптационной реакцией на специфические институциональные условия. Эти сети компенсируют дефицит доверия и предсказуемости, однако их усиление ведёт к замыканию предпринимательской деятельности в узком круге связей и препятствует формированию «мостового» социального капитала.

В более широком плане результаты исследования показывают, что в региональном контексте Томска основная функция институтов – формирование доверительной основы экономического взаимодействия – реализуется лишь частично. Формальная регулятивная открытость сочетается с фрагментированностью нормативных и культурно-когнитивных компонентов институциональной среды, что повышает транзакционные издержки, стимулирует опору на неформальные каналы и ограничивает развитие более инклюзивной и институционально укоренённой рыночной среды.

Заключение

Проведённое исследование показало, что предпринимательская деятельность китайских мигрантов в Томске формируется в условиях региональной институциональной неопределённости и ограниченного доверия. Количественный анализ выявил наличие устойчивого ядра предприятий при слабом притоке новых участников, а также преобладание индивидуальных предпринимателей и концентрацию бизнеса в сфере торговли и услуг, что указывает на ориентацию на гибкие формы с низким порогом входа.

Качественные данные демонстрируют, что, несмотря на формальную открытость правовой среды, реальные условия вхождения в рынок осложняются языковыми барьерами, вариативностью правоприменения и значимостью неформальных правил. В этих условиях предприниматели опираются на семейные и этнические сети, посредников и гибридные практики соблюдения норм, которые выполняют функцию компенсации дефицита институционального доверия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о фрагментированности региональной институциональной среды, что ограничивает формирование институционального доверия и способствует воспроизводству замкнутых сетевых форм мигрантского предпринимательства.

Литература

1. Berger R, Herstein R, Silbiger A, et al. Developing international business relationships in a Russian context[J]. *Management International Review*, 2017, 57(3): 441–471.

2. Dabić, M., Vlačić, B., Paul, J., Dana, L. P., Sahasranamam, S., & Glinka, B. (2020). Immigrant entrepreneurship: A review and research agenda. *Journal of Business Research*, 113, 25–38.
3. Hodgson, G., 2007. Institutions and individuals: Interaction and evolution. *Organization Studies*, 28(1), pp. 95–116.
4. Kerr, S. P., & Kerr, W. R. (2017). Immigrant entrepreneurship. In J.C. Haltiwanger, E. Hurst, J. Miranda, & A. Schoar (Eds.), *Measuring entrepreneurial businesses: Current knowledge and challenges*. National Bureau of Economic Research, 187–149.
5. Kloosterman, R. C. (2010). Matching opportunities with resources: A framework for analyzing (migrant) entrepreneurship from a mixed embeddedness perspective. *Entrepreneurship and Regional Development*, 22(1), 25–45.
6. Kloosterman, R. C., & Rath, J. (2001). Immigrant entrepreneurs in advanced economies: Mixed embeddedness further explored. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(2), 189–201.
7. Lu J. Attractiveness and Risks of Russian Market for Chinese Migrant Entrepreneurs[J]. *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов-2024*. – Екатеринбург, 2025, 2025: 467–469.
8. North, D., 1987. Institutions, transaction costs and economic growth. *Economic Inquiry*, 25(3), pp. 419–428.
9. North, D., 1991. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5(1), pp. 97–112. Scott, W., 2008. *Institutions and organizations: Ideas and interests*. London: Sage.
10. Иванов И. Н., Лукьянова Т.В., Орлова Л.В. Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в России // *Вестник ГУУ*. 2020. № 2.
11. Николаев Алексей Максимович Инвестиционная привлекательность России для китайских предпринимателей: обзор китайских аналитических материалов // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2018. № 2 (83).
12. Пешкова В М. Предпринимательство мигрантов в России: структурные возможности[J]. *Власть*, 2018 (1): 107–115.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF CHINESE MIGRANTS IN THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT: INFORMAL PRACTICES AND ADAPTATION STRATEGIES (THE CASE OF TOMSK)

Wang Juan

Tomsk State University

This article analyzes the entrepreneurial activity of Chinese migrants within the regional institutional environment of Russia, using the city of Tomsk as a case study. By combining quantitative business registration data with qualitative interviews with Chinese entrepreneurs, the study examines market entry mechanisms, patterns of institutional interaction, and adaptation strategies under conditions of high regulatory uncertainty and limited trust. The findings show that despite the formal openness of the legal and regulatory framework,

key challenges arise from the interpretation and practical implementation of rules, language barriers, and a lack of institutional predictability. Under these conditions, family and ethnic networks function as a core mechanism for risk reduction and trust substitution; however, at the same time, they constrain entrepreneurs' ability to move beyond the ethnic segment and to develop «bridging» social capital.

Keywords: migrant entrepreneurship; small and medium-sized enterprises; Chinese migrants; institutional environment; informal practices; regional context.

References

1. Berger R, Herstein R, Silbiger A, et al. Developing international business relationships in a Russian context [J]. *Management International Review*, 2017, 57(3): 441–471.
2. Dabić, M., Vlačić, B., Paul, J., Dana, L. P., Sahasranamam, S., & Glinka, B. (2020). Immigrant entrepreneurship: A review and research agenda. *Journal of Business Research*, 113, 25–38.
3. Hodgson, G., 2007. Institutions and individuals: Interaction and evolution. *Organization Studies*, 28(1), pp. 95–116.
4. Kerr, S. P., & Kerr, W. R. (2017). Immigrant entrepreneurship. In J.C. Haltiwanger, E. Hurst, J. Miranda, & A. Schoar (Eds.), *Measuring entrepreneurial businesses: Current knowledge and challenges*. National Bureau of Economic Research, 187–149.
5. Kloosterman, R. C. (2010). Matching opportunities with resources: A framework for analyzing (migrant) entrepreneurship from a mixed embeddedness perspective. *Entrepreneurship and Regional Development*, 22(1), 25–45.
6. Kloosterman, R. C., & Rath, J. (2001). Immigrant entrepreneurs in advanced economies: Mixed embeddedness further explored. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(2), 189–201.
7. Lu J. Attractiveness and Risks of Russian Market for Chinese Migrant Entrepreneurs[J]. *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов-2024*. – Екатеринбург, 2025, 2025: 467–469.
8. North, D., 1987. Institutions, transaction costs and economic growth. *Economic Inquiry*, 25(3), pp. 419–428.
9. North, D., 1991. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5(1), pp. 97–112. Scott, W., 2008. *Institutions and organizations: Ideas and interests*. London: Sage.
10. Ivanov, I. N., Lukyanova, T. V., & Orlova, L. V. (2020). Problems and prospects of small and medium-sized business in Russia. *Bulletin of the State University of Management*, № 2.
11. Nikolaev, A. M. (2018). Investment attractiveness of Russia for Chinese entrepreneurs: A review of Chinese analytical materials. *Customs Policy of Russia in the Far East*, № 2(83).
12. Peshkova, V. M. (2018). Migrant entrepreneurship in Russia: Structural opportunities. *Vlast' (Power)*, № 1, 107–115.

Ценностные основания российской гражданской идентичности: традиции и инновации

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена исследованию ценностных оснований российской гражданской идентичности через сопоставление традиционных смысловых опор и инновационных механизмов их актуализации в общественной жизни. Актуальность обусловлена ростом конкуренции интерпретаций общегражданского единства, усилением влияния цифровых коммуникаций на самоопределение граждан, расширением поля символической политики и практик гражданского участия. Научная новизна связана с аналитической реконструкцией связей между нормативно-правовыми дефинициями гражданского самосознания, социокультурными практиками воспроизводства традиций и современными инструментами измерения идентичности, применяемыми в политологии, социологии, психологии и педагогике. В рамках работы описаны подходы к определению гражданской идентичности и ее ценностной «начинки», изучены линии сопряжения духовно-нравственных ориентиров с гражданским единством и межкультурным диалогом, рассмотрены цифровые сервисы как инфраструктура гражданского воспитания. Особое внимание уделено эмпирически фиксируемым индикаторам идентичности и гражданской активности, экспертным методикам оценки, связям идентификации со страной с доверием институтам. Работа ставит перед собой цель – раскрыть, каким образом традиции и инновации совместно формируют устойчивый набор ценностных ориентиров гражданской общности. В заключении описываются выводы о механизмах согласования ценностей и практик. Статья будет полезна исследователям гражданской идентичности и разработчикам программ гражданского воспитания.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданское единство, ценности, традиции, духовно-нравственные ориентиры, институциональное доверие, гражданская активность, цифровые сервисы, молодежь, индикаторы идентичности.

Введение

Актуальность исследования задается сочетанием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, в публичной сфере сохраняется запрос на воспроизводство устойчивых ценностных ориентиров, поддерживающих солидарность граждан и приемлемость общих правил совместной жизни. С другой стороны, усиливается влияние новых медиасред, проектных форм участия и экспертных практик измерения общественных установок, из-за чего меняются каналы социализации, язык самоопределения гражданской общности и набор значимых символов. На этом фоне традиционные духовно-нравственные ориентиры, историческая память, ценности справедливости и взаимного признания получают новые способы предъявления – через цифровые платформы, образовательные сервисы, волонтерские и инициативные практики. Параллельно возрастает значение методологически корректной фиксации состояния гражданского самосознания: без надежных индикаторов и процедур измерения любые дискуссии о единстве превращаются в спор формулировок, а не в аргументированное обсуждение социальных механизмов.

Цель исследования – раскрыть ценностные основания российской гражданской идентичности через сопоставление традиционных ценностных опор и инновационных механизмов их трансляции и проверки в общественной практике.

Задачи исследования:

- 1) систематизировать трактовки гражданской идентичности и описать ее ценностное наполнение на стыке политологического, правового, социологического, психологического и педагогического знания;
- 2) показать, как традиционные духовно-нравственные ориентиры и практики межкультурного диалога соотносятся с гражданским единством и нормативным закреплением общегражданской идентичности;
- 3) проанализировать инновационные инструменты актуализации и измерения гражданской идентичности (цифровые сервисы, индикаторы гражданской активности, экспертные методики оценки, связи идентификации со страной с доверием институтам).

Научная новизна исследования определяется построением аналитической схемы, в которой традиционные ценностные ориентиры рассматри-

ваются не изолированно, а через их сопряжение с современными технологиями гражданского воспитания и с процедурами оценки гражданского самосознания, применяемыми в научных исследованиях и управленческих практиках.

Материалы и методы

Эмпирико-аналитическую базу составили научные публикации, раскрывающие ценностное строение гражданской идентичности, ее измерение и каналы воспроизводства: М.А. Гагарина, Е.Н. Викентьева, А.С. Горшкова исследовали связи идентификации со страной и институционального доверия с установками экономического сознания [1]; М.М. Мчедлова, О.Л. Саркисян раскрыли многозначность гражданской идентичности и ее связь с поиском солидарных оснований в постсоветской реальности [2]; А.Ю. Полунов рассмотрел концептуальные основания общероссийского гражданского самосознания и региональные трудности его укрепления [3]; О.В. Попова обобщила практики измерения гражданской идентичности молодежи и представила экспертные позиции по индикаторам и процедурам оценки [4]; О.Н. Прокофьева описала спектр цифровых сервисов, применимых в гражданском воспитании молодежи [5]; О.В. Путина проанализировала традиционные духовно-нравственные ориентиры как основу гражданской идентичности и межкультурного, межрелигиозного диалога [6]; В.В. Руденко исследовал общероссийскую гражданскую идентичность как конституционно-правовую категорию и проблему нормативного оформления ценностного содержания [7]; В.А. Сажина выявила особенности понимания термина «российская нация» молодежью Северного Кавказа и факторы формирования общегражданской идентичности [8]; Н.В. Сафин реконструировал ценностные основания педагогической концепции формирования гражданской идентичности подростков в общественных объединениях [9]; О.А. Зыкина представила данные о соотношении гражданской идентичности и гражданской активности студенческой молодежи в межрегиональном сопоставлении [10].

Методы. Применены теоретическое обобщение, сопоставительный метод, структурирование понятийных дефиниций, интерпретация результатов эмпирических исследований, тематическое группирование индикаторов идентичности и гражданской активности, аналитическая реконструкция механизмов трансляции ценностей в образовательных и цифровых средах.

Результаты

В ходе исследования выделена многоуровневая структура ценностных оснований российской гражданской идентичности, где традиционные ценностные опоры и инновационные механизмы их актуа-

лизации образуют взаимосвязанный комплекс, проверяемый через индикаторы гражданского самосознания и практики участия. Полученные результаты изложены по четырем направлениям: (1) понятийное оформление и нормативное закрепление ценностных ориентиров; (2) традиционные ценностные опоры и их социальные носители; (3) инновационные механизмы актуализации ценностей; (4) измерение идентичности через индикаторы и методики.

1. Понятийное оформление гражданской идентичности и нормативная фиксация ценностного содержания

Аналитическая линия правового и политологического знания задает рамку, в которой гражданская идентичность описывается как форма общегражданского самосознания, сопряженная с принадлежностью к государству и с признанием общих правил. В правовом исследовании В.В. Руденко общероссийская гражданская идентичность рассмотрена как конституционно-правовая категория, связанная с государственным суверенитетом и институтами основ конституционного строя; при этом подчеркивается проблема неполной нормативной формализации системы ценностей, лежащей в основании общероссийской идентичности, и незавершенность институционализации механизмов ее укрепления [7]. Данный вывод напрямую переводит обсуждение ценностей из сферы деклараций в плоскость процедур и инструментов: ценностное содержание требует не только перечисления, но и нормативно заданных способов поддержания и воспроизводства.

Политологическая перспектива дополняет правовую тем, что фиксирует неоднородность гражданского самосознания в региональном измерении. В работе А.Ю. Полунова, основанной на материале Северо-Кавказского федерального округа, показано сосуществование общероссийского и этнокультурного компонентов в региональной политике идентичности, а среди препятствий укрепления общегражданской идентичности названы дефициты содержательной проработки общероссийского самосознания и противоречия в интерпретации общего прошлого [3]. Смысловой результат такого анализа заключается в следующем: ценностные основания гражданской идентичности задаются не одним источником (нормой, традицией или практикой), а их совокупностью, причем согласование смыслов выступает самостоятельной социальной задачей.

Близкий вывод подтверждается исследованием М.М. Мчедловой и О.Л. Саркисян: гражданская идентичность описывается как многозначное понятие, требующее интерпретации в условиях постсоветского национального строительства; приоритетной линией авторов выступает поиск солидарных оснований, снимающих партикулярность и поддерживающих образ будущего [2]. Для темы статьи значим следующий результат: ценностные основания гражданской идентичности выступают

не как фиксированный перечень, а как поле согласования смыслов, в котором традиции обеспечивают преемственность, а инновации – новые формы артикуляции и вовлечения.

2. Традиционные ценностные опоры: духовно-нравственные ориентиры, историческая память, межкультурный диалог

Традиционные основания гражданской идентичности в отобранных источниках группируются вокруг духовно-нравственных ориентиров, идеи служения отечеству, исторической памяти, солидарности и справедливости как регуляторов отношений внутри гражданской общности. Педагогическое исследование Н.В. Сафина предлагает развернутую реконструкцию ценностных оснований концепции формирования гражданской идентичности подростков в детских общественных объединениях: в тексте фиксируются ценностно-смысловые ориентиры сопричастности культурному богатству российской цивилизации, признание единства и солидарности граждан, опора на перечень духовно-нравственных ценностей (жизнь, достоинство, права и свободы человека, служение отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России и др.) [9]. Практическая значимость данного результата состоит в том, что традиционные ориентиры переводятся в язык педагогического проектирования: ценности описываются через формы деятельности, нормы совместности, способы рефлексии и критерии сформированности гражданской позиции.

Похожие смысловые узлы встраиваются в политико-социологическую аргументацию О.В. Путиной, где традиционные духовно-нравственные ориентиры рассматриваются как основание гражданской идентичности народов России и как ресурс межкультурного и межрелигиозного диалога; автор связывает духовно-нравственные ориентиры с задачами укрепления гражданского единства и с обеспечением согласия в полиэтничном и поликонфессиональном обществе [6]. Для заявленной темы существенна логика, согласно которой традиционные ценности функционируют не как «музейная» консервация прошлого, а как регулятор взаимного признания в обществе с разнообразием культур и верований; в этом поле гражданская идентичность поддерживается через общие моральные ориентиры и через институциональные практики диалога.

Региональная перспектива, предложенная В.А. Сажинной, уточняет, что традиционные ценностные опоры не тождественны их повседневному пониманию. На материале опроса молодежи Северного Кавказа показаны расхождения в интерпретации понятия «российская нация» с доктринальными дефинициями и фиксируются факторы, которые молодежь связывает с формированием гражданской идентичности (образование,

государственная политика и действия властей, медиасреда) [8]. Данный результат переводит разговор о традициях в плоскость их интерпретации: устойчивость ценностных оснований зависит от того, насколько терминология гражданского единства понятна и приемлема для молодежных групп, а не только от того, насколько она закреплена в стратегических документах.

3. Инновационные механизмы актуализации ценностей: цифровые сервисы, новые формы участия, институциональное доверие

В инновационном измерении ценностные основания гражданской идентичности проявляются через инфраструктуру цифровых коммуникаций, через практики гражданской активности и через измеримые индикаторы доверия и идентификации. В прикладном педагогическом обзоре О.Н. Прокофьевой представлен набор цифровых сервисов, применимых для гражданского воспитания молодежи: выделены направления цифровых ресурсов, ориентированных на интерес к национальной культуре, историко-культурное просвещение, вовлечение в социально ориентированную деятельность и патриотическое воспитание [5]. Аналитический вывод из данного материала состоит в том, что инновационный канал трансляции ценностей формируется не только через «контент», но и через организацию активности: цифровая среда поддерживает сценарии участия, сетевые формы кооперации, проектную логику работы с историко-культурным материалом и волонтерские практики.

Тема институционального доверия как медиатора ценностных оснований раскрыта в социально-психологическом исследовании М.А. Гагариной, Е.Н. Викентьевой и А.С. Горшковой: идентификация со страной связана с доверием институтам, а доверие выступает промежуточным механизмом, через который формируются отдельные установки экономического сознания [1]. Для рассматриваемой проблематики значима сама конструкция: гражданская идентичность в ценностном измерении сопрягается не только с символическими и историческими основаниями, но и с отношением к институтам как к носителям правил распределения ресурсов и справедливости. Отсюда вытекает прикладной результат: укрепление гражданской идентичности в инновационной среде связано с качеством институциональных коммуникаций, прозрачностью и предсказуемостью правил, а не только с ценностной риторикой.

Связь гражданской идентичности с практиками участия подтверждается данными О.А. Зыкиной. В статье, основанной на массовых опросах студенческой молодежи Москвы, Кировской области и Северной Осетии – Алании, показано доминирование государственной самоидентификации среди территориальных идентичностей (уровни от двух третей до 80% по выборке), а гражданская

активность операционализирована через волонтерство в значимых государственных мероприятиях и участие в голосовании по поправкам в Конституцию 2020 года; отмечается межрегиональная вариативность активности [10]. Содержательный результат состоит в том, что ценностные основания гражданской идентичности обнаруживаются в связке «самоопределение – участие»: идентификация получает социальную плотность через практику вовлеченности, а не через декларативное согласие с ценностями.

4. Измерение гражданской идентичности: индикаторы, методики, экспертные процедуры

Для темы «традиции – инновации» принципиально значима процедура проверки заявляемых ценностных оснований через измеримые индикаторы. Наиболее развернутый материал по этой линии представлен в статье О.В. Поповой: на основе экспертного опроса политологов и анализа практик измерения гражданской идентичности в смежных дисциплинах выделяются когнитивные, оценочные и поведенческие компоненты, обсуждаются индикаторы (участие в общественной жизни, знание истории государства, образ будущего, сформированность «мы»-образа), фиксируется дискуссия о приоритетах количественных и качественных методов [4]. Для данного исследования значим не перечень методик сам по себе, а логика согласования индикаторов с ценностным содержанием: ценности должны получать операциональные признаки, иначе их невозможно корректно сопоставлять, отслеживать динамику, связывать с воспитательными и информационными практиками.

Правовая перспектива В.В. Руденко усиливает эту линию через постановку проблемы формализации ценностного ядра общероссийской идентичности в нормативном поле и через обсуждение механизмов ее укрепления [7]. В связке с материалом О.В. Поповой данный тезис дает следующий результат: измерение гражданской идентичности выступает мостом между нормативным определением и социальной практикой, позволяя сопоставлять декларации стратегических документов с реально наблюдаемыми установками и действиями граждан.

Наконец, политико-управленческая перспектива региональных исследований (А.Ю. Полунов, В.А. Сажина) позволяет уточнить, что индикаторы идентичности и единства требуют учета территориальной неоднородности, различий в смысловых интерпретациях и конкуренции идентичностей – общегражданской, этнической, региональной [3; 8]. Следовательно, корректная аналитика ценностных оснований гражданской идентичности предполагает многомерную модель измерения: единый набор индикаторов дополняется региональными «профилями» интерпретации терминов, каналов социализации и практик участия.

Обсуждение

Сопоставление традиционных и инновационных механизмов укрепления гражданской идентичности показывает, что устойчивость ценностных оснований определяется не «прочностью традиции» как таковой, а качеством ее переводимости в язык современных практик – образовательных, цифровых, общественно-инициативных. Традиционные духовно-нравственные ориентиры задают смысловую рамку солидарности, взаимного признания и исторической преемственности; без них гражданская идентичность рискует редуцироваться до административной принадлежности или до набора символов без нормативной силы. При этом традиции в современной социальной реальности работают через посредников: образовательные программы, публичные коммуникации институтов, практики диалога, волонтерские и проектные форматы.

Инновационные механизмы дают гражданской идентичности поведенческую и коммуникативную плотность. Цифровые сервисы и платформенная логика вовлечения переводят ценностные ориентиры в режим ежедневных практик: участие в проектах, совместное производство смыслов, публичное обсуждение историко-культурных сюжетов, формирование навыков гражданского взаимодействия. Здесь возникает методологическая проблема: цифровые каналы усиливают скорость циркуляции смыслов и расширяют аудитории, но параллельно повышают вариативность интерпретаций и вероятность подмены понятий. Отсюда следует необходимость опоры на четкие дефиниции, единый понятийный аппарат и прозрачные индикаторы измерения гражданского самосознания.

Отдельного внимания заслуживает связка «идентификация – доверие – участие». Институциональное доверие выступает психологическим механизмом, который связывает ценности гражданской общности с повседневными ожиданиями справедливости, предсказуемости правил и моральной приемлемости решений. При дефиците доверия ценностная риторика воспринимается как внешнее давление, а не как внутренне принятый ориентир. При высокой степени доверия ценности получают поддерживающую социальную инфраструктуру: гражданин видит основания для участия, признает эффективность коллективных действий и связывает собственные усилия с общими целями.

В региональном измерении проявляется, что одна и та же терминология гражданского единства не гарантирует одинакового понимания. Различия в трактовках базовых понятий, неодинаковая насыщенность образовательных и медиаканалов, исторический опыт регионов и структура местных социальных связей формируют различные профили гражданского самосознания. Следовательно, концепция ценностных оснований гражданской

идентичности требует настройки на адресата: единые смысловые ориентиры сочетаются с вариативными сценариями объяснения, практиками участия и педагогическими технологиями.

Заключение

1. Ценностные основания российской гражданской идентичности описываются как многоуровневый комплекс: нормативно-правовые дефиниции и институциональные механизмы; социокультурные традиции и историческая преемственность; социально-психологические регуляторы доверия и солидарности; практики гражданского участия, фиксируемые через индикаторы и методики оценки.
2. Традиционные духовно-нравственные ориентиры обеспечивают смысловую связность гражданской общности и задают регуляторы межкультурного и межрелигиозного согласия; их воспроизводство получает практическую форму через образовательные модели, общественные объединения и нормы совместной деятельности.
3. Инновационные механизмы (цифровые сервисы, проектные и волонтерские практики, платформенные форматы просвещения) усиливают прикладную реализуемость ценностей, переводя их в сценарии участия и совместного действия, но одновременно повышают риск смысловой рассогласованности терминов и интерпретаций.
4. Надежная фиксация состояния гражданской идентичности достигается через комбинирование качественных и количественных процедур, выделение когнитивных, оценочных и поведенческих компонентов, учет региональной вариативности и включение индикаторов доверия и вовлеченности в общественную жизнь.

Литература

1. Гагарина М.А., Викентьева Е.Н., Горшкова А.С. Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 3. С. 45–62. doi:10.17759/sps.2025160303.
2. Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658.
3. Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023.

№ 96. С. 124–133. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-124-133.

4. Попова О.В. Методики оценки гражданской идентичности российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 362–377. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-362-377>.
5. Прокофьева О.Н. Возможности использования цифровых сервисов в формировании гражданской идентичности молодежи // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 12 (101).
6. Путина О.В. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа гражданской идентичности и межкультурного и межрелигиозного диалога // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. Вып. 12(88). С. 4089–4102. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.004.
7. Руденко В.В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 1 (29). С. 173–188. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188.
8. Сажина В.А. Понятие «российская нация» и формирование гражданской идентичности в восприятии молодежи Северного Кавказа // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 56–69. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-56-69.
9. Сафин Н.В. Ценностные основания педагогической концепции формирования гражданской идентичности подростков в детских общественных объединениях // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 2(62). С. 59–65. DOI: 10.52772/25420291_2024_2_59.
10. Зыкина О.А. Общероссийская идентичность и гражданская активность студенческой молодежи на примере Москвы, Кировской области и Северной Осетии // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 74–88. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/74-88.

VALUE FOUNDATIONS OF RUSSIAN CIVIC IDENTITY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article examines the value foundations of Russian civic identity by comparing traditional semantic pillars and innovative mechanisms for their actualization in public life. This topic is relevant given the growing competition among interpretations of civic unity, the increasing influence of digital communications on citizen self-determination, and the expanding field of symbolic politics and civic participation practices. The scientific novelty lies in the analytical reconstruction of the connections between normative and legal definitions of civic consciousness, sociocultural practices of reproducing traditions, and modern identity measurement tools used in political science, sociology, psychology, and pedagogy. This article describes

approaches to defining civic identity and its value «filling» examines the intersections between spiritual and moral guidelines, civic unity, and intercultural dialogue, and examines digital services as an infrastructure for civic education. Particular attention is paid to empirically recorded indicators of identity and civic engagement, expert assessment methods, and the links between identification with a country and trust in institutions. The paper aims to uncover how traditions and innovations jointly shape a stable set of value orientations of the civic community. The conclusion outlines findings on the mechanisms for aligning values and practices. This article will be helpful for researchers of civic identity and developers of civic education programs.

Keywords: civic identity, civic unity, values, traditions, spiritual and moral orientations, institutional trust, civic engagement, digital services, youth, identity indicators.

References

1. Gagarina M.A., Vikentyeva E.N., Gorshkova A.S. Civic Identity and Institutional Trust as Factors of Economic Mentality // *Social Psychology and Society*. 2025. Vol. 16. № 3. pp. 45–62. doi:10.17759/sps.2025160303.
2. Mchedlova M.M., Sargsyan O.L. Civic Identity: Diversity of Meanings and Achieving Solidarity // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021. Vol. 23. № 4. pp. 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658.
3. Polunov A. Yu. All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation // *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2023. № 96. pp. 124–133. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-124-133.
4. Popova, O.V. Methods for Assessing the Civic Identity of Russian Youth // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2025. Vol. 27. № 2. pp. 362–377. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-362-377>.
5. Prokofieva, O.N. Possibilities of Using Digital Services in Shaping the Civic Identity of Young People // *The World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal*. 2024. № 12 (101).
6. Putina O.V. Traditional Spiritual and Moral Values as the Basis of Civic Identity and Intercultural and Interreligious Dialogue // *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. Issue 12 (88). Pp. 4089–4102. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.004.
7. Rudenko V.V. All-Russian Civic Identity as a Constitutional and Legal Category in Russia // *Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*. 2022. Vol. 8. № 1 (29). Pp. 173–188. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188.
8. Sazhina V.A. The Concept of the «Russian Nation» and the Formation of Civic Identity as Perceived by Young People in the North Caucasus // *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2023. № 97. pp. 56–69. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-56-69.
9. Safin N.V. Value Foundations of the Pedagogical Concept of Forming Civic Identity of Adolescents in Children's Public Associations // *Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2024. № 2(62). pp. 59–65. DOI: 10.52772/25420291_2024_2_59.
10. Zykina O.A. All-Russian Identity and Civic Activity of Student Youth: The Example of Moscow, Kirov Oblast, and North Ossetia // *Bulletin of Anthropology*. 2023. № 4. pp. 74–88. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/74-88.

Технологическое обеспечение формирования экологической культуры молодежи: управленческая модель, инструменты оценки и институциональные механизмы

Новиков Станислав Михайлович,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: St.novikov@mail.ru

Фомичева Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления, Российский государственный социальный университет
E-mail: fomitchevatv@mail.ru

Статья посвящена анализу и обоснованию технологического обеспечения формирования экологической культуры молодежи в условиях нарастающих экологических вызовов и трансформации социокультурной среды. В работе показано, что при наличии развитой нормативной базы и многообразия форм экологического просвещения в современной России сохраняется фрагментарность, методическая несогласованность и недостаточная практикоориентированность применяемых технологий. На основе результатов диссертационного исследования обоснован комплекс предложений по совершенствованию технологий формирования экологической культуры молодежи, ориентированный на усиление субъектности молодежи, развитие цифровых и креативных форматов, институционализацию сетевых партнерств и внедрение систем качественной оценки результатов. Представлена модель технологического цикла формирования экологической культуры молодежи, включающая этапы диагностики, проектирования, реализации, оценки и институционализации, а также методика оценки эффективности экологических программ, основанная на совмещении когнитивных, ценностных и поведенческих индикаторов. Полученные результаты позволяют перейти от формальных и разрозненных мероприятий к системным управленческим решениям, обеспечивающим устойчивые изменения экологических установок и практик молодежи.

Ключевые слова: экологическая культура молодежи; социальные технологии; экологическое воспитание; государственная молодежная политика; институционализация; цифровизация; социология управления; оценка эффективности; молодежь, экологическая культура, управленческая модель, инструменты оценки, институциональные механизмы.

Введение

Современные экологические вызовы, сопряженные с изменением климата, деградацией биосферы и нарастающим экологическим напряжением в урбанизированных средах, актуализируют необходимость пересмотра подходов к формированию экологической культуры подрастающего поколения. Очевидно, что решение экологических проблем не может быть сведено исключительно к усилению природоохранного законодательства или внедрению технологических инноваций. В равной степени оно требует глубинной трансформации культурной парадигмы, в рамках которой формируется экологически ответственное поведение молодежи.

В условиях цифровизации социальной среды, роста роли сетевых коммуникаций и изменения форм социальной активности молодежи традиционные подходы к экологическому воспитанию оказываются недостаточно эффективными. Это обуславливает необходимость разработки новых технологических и управленческих решений, основанных на междисциплинарном подходе, учете культурной и региональной специфики, а также приоритетов устойчивого развития.

Цель настоящей статьи заключается в обобщении и научном представлении результатов диссертационного исследования, направленных на обоснование технологического обеспечения формирования экологической культуры молодежи, включая разработку управленческой модели, инструментов оценки эффективности и механизмов институционализации экологических практик.

Методы

Методологическую основу исследования составил комплексный социологический подход, сочетающий анализ теоретических источников, нормативных документов и эмпирических данных [1–3, 5–7, 9, 10, 12].

В рамках исследования использовались методы анкетирования молодежи, экспертного опроса, контент-анализа программ и форумной активности, а также анализа региональных практик экологического воспитания.

Особое внимание уделялось выявлению факторов, определяющих эффективность применяемых технологий формирования экологической куль-

туры, включая содержание мероприятий, формы их организации, каналы коммуникации и степень практической направленности. Для оценки результативности экологических программ применялась многоуровневая система показателей, включающая когнитивные, ценностные и поведенческие индикаторы.

Методологическим принципом исследования стало включение оценки эффективности в сам технологический цикл формирования экологической культуры молодежи, что позволило рассматривать ее не как внешний контрольный инструмент, а как элемент адаптивного управления процессом экологического воспитания.

Результаты

Результаты исследования подтвердили необходимость преодоления тенденции к формализации существующих образовательных и воспитательных практик в сфере экологического просвещения. Экспертные оценки и данные эмпирического исследования свидетельствуют о том, что лекционные и информационные форматы уступают по эффективности практикоориентированным формам, предполагающим активное участие молодежи в природоохранной деятельности, проектировании инициатив и их реализации. Следовательно, необходимо усиление практикоориентированного подхода, предполагающего прямое участие молодежи в природоохранной деятельности, проектировании инициатив и их последующей реализации. Такой подход базируется на деятельностной парадигме, согласно которой формирование новых установок происходит в процессе активного социального взаимодействия с природной средой и сообществом.

Существенное значение в современных условиях приобретает развитие цифровых экотехнологий. Исследование зафиксировало устойчивый тренд перехода экологического просвещения в цифровую среду, включая использование блогов, мобильных приложений, цифровых симуляторов и интерактивных платформ. Наиболее эффективными признаны форматы, сочетающие визуальную насыщенность, интерактивность и возможность пользовательского участия. В этой связи обоснована целесообразность создания государственной онлайн-платформы экологического гражданства, интегрированной в существующие цифровые экосистемы.

Отдельным результатом исследования стало выявление проблемы слабой согласованности действий между различными субъектами экологического просвещения – школами, НКО, бизнесом, СМИ. Для преодоления фрагментации предложена институционализация сетевых моделей взаимодействия, включая создание региональных центров экологической компетенции молодежи и развитие межведомственных партнерств. Успешный

опыт может быть заимствован у проекта «Экопоколение» (г. Екатеринбург), в рамках которого налажено устойчивое взаимодействие вузов, экологических НКО и администраций районов на основе долгосрочных договоров [13].

Важным направлением повышения эффективности технологий является культурно-региональная адаптация экологического воспитания. Учет этнокультурных особенностей, традиций природопользования и локальных экологических проблем позволяет повысить идентификационный и эмоционально-смысловой потенциал применяемых технологий. Например, в Республике Алтай и Хакасия активно реализуются проекты, сочетающие элементы традиционного природопользования с современными технологиями в рамках обучения детей и подростков.

Государственные программы (например, ФЦП «Развитие образования») могут предусматривать финансирование на разработку подобных модулей [11]. Это позволит придать технологиям эмоционально-смысловую глубину и повысить их идентификационный потенциал.

На сегодняшний день преобладающая модель оценки эффективности экологических мероприятий базируется на количественных показателях: численность участников, число мероприятий, тираж брошюр и т.д. Подобный подход искажен, так как не отражает изменений в сознании и поведении молодежи.

Предлагается разработка системы качественных индикаторов, включающей:

- индекс экологической идентичности (опросники, основанные на методике С. Шварца и И. Кон);
- карту экологических умений (метод кейс-заданий);
- систему поведенческих индикаторов (участие в реальных проектах, устойчивые привычки).

Данные инструменты могут быть интегрированы в ВПР и ГИА по обществознанию и биологии, а также в мониторинг воспитательных программ ФГОС.

Формирование экологической культуры должно учитывать глобальный характер экологических вызовов и включать молодежь в международную повестку устойчивого развития. В настоящее время Россия принимает участие в таких инициативах, как международные молодежные конференции ООН по климату, проекты в рамках Программы ООН по окружающей среде (UNEP), а также двусторонние инициативы с государствами БРИКС.

Предлагается развитие экологической молодежной дипломатии как особого направления в сфере гражданской активности. В рамках этого направления необходимо:

- создание при Министерстве иностранных дел РФ и Росмолодежи Молодежного совета по вопросам устойчивого развития;

- внедрение программ академической мобильности в области экологии (по типу Erasmus+ Green или DAAD Sustainable Development) [14, 15];
- проведение международных форумов с участием школьников и студентов на базе сетевых университетов (например, Университет ШОС).

Подобный опыт уже демонстрирует устойчивые результаты: например, экологические школы «Русского географического общества» в Монголии и Армении, а также программа «Green Eurasia» в Казахстане способствуют обмену опытом и ценностными практиками между молодежью разных стран.

Особого внимания заслуживает анализ лучших практик субъектов Российской Федерации, успешно реализующих системные технологии экологического воспитания молодежи. Ниже приведены краткие описания нескольких ключевых кейсов.

1. Московская область.

Проект «Экошкола Подмосковья», реализуемый с 2017 года. Результаты: 45% участников проекта в последующем включаются в местные волонтерские и экопросветительские инициативы [4].

2. Вологодская область.

Программа «Зеленая педагогика», ориентированная на дошкольные и младшие школьные учреждения. Программа показала эффективность в формировании устойчивых установок экологической эмпатии у детей 6–10 лет [8].

3. Красноярский край.

Центр экологического просвещения при Сибирском федеральном университете стал базой для создания студенческой экосети Сибири, в которую входят более 300 участников из 9 регионов. Практики центра включают: круглогодичную деятельность, создание экологического медиа, а также сотрудничество с РЖД, Рослесхозом, нефтехимическими предприятиями.

Эти примеры демонстрируют, что при наличии методической базы, межведомственного взаимодействия и поддержки региональной власти можно реализовать устойчивые и масштабируемые технологии воспитания экологической культуры.

Одной из выявленных проблем, является низкая эмоциональная вовлеченность молодежи, формальное восприятие экологической тематики как внешне навязанной. Решением может стать включение этической рефлексии и медийных технологий как части системы формирования экологического сознания.

Предлагается разработка и внедрение курса этики устойчивого развития, включающего следующие модули:

- философия взаимосвязи человека и природы (на основе идей В.И. Вернадского, А. Швейцера);
- личный экологический след и экологическая ответственность;

- повседневная этика: еда, одежда, транспорт, цифровое поведение.

Также важна работа со средствами массовой информации. СМИ и соцсети должны стать не только ретрансляторами, но и соавторами экологических смыслов. Рекомендуется создание:

- федеральной программы «ЭкоМедиа» (гранты на создание блогов, подкастов, фильмов);
- молодежной редакции на платформе «Смотрим.РФ» или ВГТРК;
- системы экопросветительского fact-checking (проверка информации о «зеленых» товарах, брендах, услугах).

Обсуждение

Ключевым результатом диссертационного исследования является разработка модели технологического цикла формирования экологической культуры молодежи, включающей пять взаимосвязанных этапов: диагностику, проектирование, реализацию, оценку и институционализацию. Данная модель отражает системный и последовательный подход к управлению процессом экологического воспитания и ориентирована на достижение устойчивых результатов.

Подготовительно-аналитический этап обеспечивает выявление уровня экологической осведомленности, ценностных ориентаций и поведенческих моделей молодежи, а также анализ социокультурного и управленческого контекста. Для реализации задач подготовительно-аналитического этапа используются разнообразные инструменты, включающие онлайн-опросы, интервью, экспертные панели, контент-анализ программ, отчетов, региональных стратегий, а также SWOT-анализ территории и целевой аудитории.

Проектно-моделирующий этап направлен на разработку адаптивных программ с четко сформулированными целями и индикаторами эффективности.

1. Цели и ожидаемые результаты программы должны быть конкретными (Specific), измеримыми (Measurable), достижимыми (Achievable), релевантными (Relevant) и ограниченными по времени (Time-bound). Это позволяет обеспечить четкое понимание желаемого результата и создать объективные критерии для оценки эффективности программы.

2. Содержание программы должно быть адаптировано к возрасту, уровню образования и интересам целевой аудитории. Необходимо использовать разнообразные формы работы, такие как лекции, семинары, тренинги, мастер-классы, игры, дискуссии, проекты, акции и т.д. Важно также выбрать наиболее эффективные каналы коммуникации, такие как социальные сети, видеоблоги, паблики, школьные и студенческие СМИ.

3. Согласование образовательных и воспитательных компонентов: важно обеспечить тесную

взаимосвязь образовательных и воспитательных компонентов программы, создать условия для формирования у молодежи чувства ответственности за состояние окружающей среды, готовности к активным действиям по ее охране и улучшению.

4. Для оценки эффективности программы необходимо разработать систему индикаторов, позволяющих измерить прогресс в достижении поставленных целей. Индикаторы могут быть количественными (например, увеличение уровня экологической осведомленности, рост числа участников экологических акций) и качественными (например, изменение отношения к окружающей среде, формирование ответственного потребительского поведения).

Организационно-реализационный этап является этапом практической реализации разработанной программы формирования экологической культуры. На данном этапе осуществляется внедрение программно-методического комплекса и вовлечение молодежи в экоориентированную деятельность.

Основной целью данного этапа является создание условий для активного участия молодежи в экологической деятельности, формирование у нее практических навыков и компетенций в области охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Для эффективной коммуникации с молодежной аудиторией используются разнообразные каналы, такие как социальные сети, видеоблоги, экомарафоны, флешмобы, школьные и студенческие СМИ.

В процессе реализации программы используются современные образовательные технологии, такие как геймификация, интерактивные лекции, цифровые платформы (экоквизы, виртуальные экскурсии), стажировки и практики в природоохранных организациях.

Контрольно-оценочный этап. На данном этапе осуществляется мониторинг и рефлексия, направленные на оценку эффективности программы и ее адаптацию к изменяющимся условиям.

Основной целью данного этапа является получение объективной информации о достигнутых результатах, выявление сильных и слабых сторон программы, разработка мер по ее совершенствованию и повышению эффективности.

Для получения обратной связи от молодежной аудитории используются рефлексивные сессии, онлайн-дневники «экологических изменений», индивидуальные и групповые презентации опыта.

На основе результатов оценки и обратной связи вносятся корректировочные действия, включающие адаптацию методических материалов, изменение формата мероприятий, введение новых тем и медиаконтента.

Пятый этап технологического цикла, **институционализация и масштабирование**, является этапом закрепления результатов программы и расширения ее географии. На данном этапе осуществляется интеграция модели формирования

экологической культуры в устойчивые институты и ее продвижение на более широкую аудиторию.

Основной целью данного этапа является создание устойчивой системы формирования экологической культуры, способной эффективно функционировать в течение длительного времени и охватывать все большее число молодых людей.

Разработанная модель обеспечивает последовательное и целенаправленное формирование экологической культуры молодежи, начиная с этапа диагностики и заканчивая этапом институционализации и масштабирования. Каждый этап характеризуется четко определенными целями, задачами, инструментами и участниками, что обеспечивает ее практическую применимость и возможность адаптации к различным социокультурным и региональным контекстам.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что формирование экологической культуры молодежи требует перехода от фрагментарных и формальных мероприятий к системной модели социального управления, основанной на технологическом подходе, институционализации и цифровизации. Разработанная модель технологического цикла и методика оценки эффективности создают основу для устойчивого и воспроизводимого формирования экологически ответственного поведения молодежи.

Предложенные управленческие и технологические решения могут быть использованы органами государственной власти, образовательными организациями, некоммерческими объединениями и специалистами в сфере молодежной политики при разработке и реализации программ экологического воспитания. Их внедрение позволит обеспечить формирование экологической культуры не как декларативной ценности, а как практики повседневной жизни и элемента социальной идентичности молодого поколения.

Литература

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 2007. – 576 с.
2. Государственный стандарт РФ «Управление окружающей средой» (Постановление Госстандарта России от 22.02.1999 г., № 45).
3. Закон РФ «Об образовании» (1992 г.), Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (2002 г.).
4. Министерство экологии и природопользования Московской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://mep.mosreg.ru/>
5. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ; ред. от 31 дек. 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rulaws.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-10.01.2002-N-7-FZ/>.

6. Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития: утв. Указом Президента РФ от 4 февр. 1994 г.
7. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264/>.
8. Отчет о деятельности Северо-западного регионального научного центра РАО, созданного на базе РГПУ им. А.И. Герцена в 2023 году [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург, 2023. – URL: <https://www.herzen.spb.ru/upload/medialibrary/04f/riaq01ppjfk0gv8zxwuv71pi3zdtqb5m/SZRNTS-RAO-otchet-2023.pdf>.
9. Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 г. № 1208 «О мерах по улучшению экологического образования населения».
10. Постановление Правительства РФ от 26.01.1995 г. № 91 «Об утверждении Положения Межведомственной комиссии по экологическому образованию населения и ее персонального состава».
11. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/>
12. Экологическая культура в аспекте становления ценностей современного общества: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 20 с.
13. «Экопоколение», проект «Зеленый город начинается с тебя» на платформе DOBRO.RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://dobro.ru/project/10057948>
14. Greener Erasmus+ Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://project.greenerasmus.org/>.
15. Sustainability and the DAAD [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.daad.de/en/the-daad/intersecting-dimensions-topics/sustainability/sustainability-and-the-daad/>

TECHNOLOGICAL SUPPORT FOR DEVELOPING ENVIRONMENTAL CULTURE IN YOUNG PEOPLE: A MANAGEMENT MODEL, ASSESSMENT TOOLS, AND INSTITUTIONAL MECHANISMS

Novikov S.M., Fomicheva T.V.
Russian State Social University

This article analyzes and substantiates technological support for developing environmental culture in young people in the face of growing environmental challenges and the transformation of the sociocultural environment. This paper demonstrates that despite a well-developed regulatory framework and a variety of forms of environmental education in modern Russia, fragmentation, methodological inconsistency, and a lack of practical application persist. Based on the results of this dissertation, a set of proposals for improving technologies for fostering environmental awareness among young people is

substantiated. These proposals focus on strengthening youth agency, developing digital and creative formats, institutionalizing network partnerships, and implementing systems for qualitative assessment of results. A model of the technological cycle for fostering environmental awareness among young people is presented, including the stages of diagnosis, design, implementation, evaluation, and institutionalization. A methodology for assessing the effectiveness of environmental programs is also presented, based on a combination of cognitive, value, and behavioral indicators. The obtained results allow for a transition from formal and disparate measures to systemic management decisions that ensure sustainable changes in young people's environmental attitudes and practices.

Keywords: environmental culture of young people; social technologies; environmental education; state youth policy; institutionalization; digitalization; sociology of management; performance assessment; youth; environmental awareness; management model; assessment tools; institutional mechanisms.

References

1. Vernadsky V.I. Biosphere and Noosphere. Moscow, 2007, 576 p.
2. State Standard of the Russian Federation «Environmental Management» (Resolution of the State Standard of Russia dated February 22, 1999, № 45).
3. Law of the Russian Federation «On Education» (1992), Federal Law «On Environmental Protection» (2002).
4. Ministry of Ecology and Nature Management of the Moscow Region [Electronic resource]. – URL: <https://mep.mosreg.ru/>
5. On Environmental Protection: Federal Law of January 10, 2002 № 7-FZ: as amended on December 31, 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://rulings.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-10.01.2002-N-7-FZ/>.
6. Main Provisions of the State Strategy of the Russian Federation for Environmental Protection and Sustainable Development: approved. by the Decree of the President of the Russian Federation of February 4, 1994.
7. Fundamentals of State Policy in the Field of Environmental Development of Russia for the Period up to 2030: approved. by the President of the Russian Federation on April 30, 2012 [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264/>.
8. Report on the Activities of the North-West Regional Scientific Center of the Russian Academy of Education, Created on the Basis of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ. in 2023 [Electronic resource]. – Saint Petersburg, 2023. – URL: <https://www.herzen.spb.ru/upload/medialibrary/04f/riaq01ppjfk0gv8zxwuv71pi3zdtqb5m/SZRNTS-RAO-otchet-2023.pdf>.
9. RF Government Resolution of November 3, 1994, № 1208, «On Measures to Improve Environmental Education of the Population».
10. RF Government Resolution of January 26, 1995, № 91, «On Approval of the Regulations of the Interdepartmental Commission on Environmental Education of the Population and its Members».
11. Strategic Priorities in the Implementation of the State Program of the Russian Federation «Education Development» until 2030 (as amended by RF Government Resolution of 07.10.2021 № 1701) [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/>
12. Ecological Culture in the Aspect of the Formation of Values of Modern Society: Abstract of the Dissertation... Candidate of Cultural Studies: 24.00.01 / Moscow State Pedagogical University. – Moscow, 2004. – 20 p.
13. «Ecogeneration», the project «A Green City Starts with You» on the DOBRO.RU platform [Electronic resource]. – URL: <https://dobro.ru/project/10057948>
14. Greener Erasmus+ Project [Electronic resource]. – URL: <https://project.greenerasmus.org/>
15. Sustainability and the DAAD [Electronic resource]. – URL: <https://www.daad.de/en/the-daad/intersecting-dimensions-topics/sustainability/sustainability-and-the-daad/>

Ценностные ориентации бывших военнослужащих и членов их семей как условия успешной адаптации

Слугин Василий Андреевич,

аспирант, Московского финансово-промышленного
университета «Синергия»
E-mail: Vasilijj-slugin@mail.ru

В статье раскрывается проблема формирования новых ценностных ориентаций бывших военнослужащих и членов их семей как основа для успешной социальной адаптации указанных субъектов. Социальная адаптация бывших военнослужащих и членов их семей играет огромное значение, поскольку затрагивает не только социальные, но и психологические аспекты жизнедеятельности данных субъектов. Формирование новых жизненных стратегий позволяет легко интегрироваться в социум не связанный с военной деятельностью. В данной статье подчеркивается роль ценностных ориентиров как некоторых векторов новой жизни военнослужащих и членов их семей.

Ключевые слова: военнослужащие, бывшие военнослужащие, члены семей военнослужащих, ценностные ориентации, ценности, социальная адаптация, приспособление, адаптация к изменениям.

Введение

Актуальность и значимость обращения к проблеме ценностных ориентаций бывших военнослужащих и их семей как условия успешной адаптации обуславливается поиском эффективных моделей ценностных ориентаций, способных не только в теории, но и на практике обеспечить переход бывших военнослужащих в новые социальные условия гражданской жизни. Это в свою очередь связано не только со сложностями, с которыми сталкиваются бывшие военнослужащие и их семьи, но и наличием различного рода проблем, которые влияют на социальный статус, психологическое состояние и другие аспекты жизни не только военнослужащего, но и его семьи.

Методы

Методами, используемыми для проведения исследования, явились такие как: метод анализа, метод сравнения, метод оценки предметно-ценностной ориентации, структурно-функциональный метод.

Результаты

Необходимость формирования новых ценностных ориентаций у бывших военнослужащих связана с уходом с военной службы, что накладывает отпечаток не только на военнослужащих, но и на его семью. Уход с военной службы может быть связан с различными причинами, что влияет на процесс социальной адаптации данных субъектов. Это может быть связано как с выходом военнослужащего на пенсию, увольнения со службы, получения военной травмы, инвалидности.

В русле проводимой специальной военной операции (далее по тексту – СВО), актуальным является и вопрос о социальной адаптации участников СВО – военнослужащих, что на сегодняшний день указывается в стратегических документах [1]. Та или иная причина влияет не только на процесс социальной адаптации, но и на количество проблем, с которыми сталкивается бывший военнослужащий и члены его семьи. Так, например, социальная адаптация бывшего военнослужащего простого пенсионера не принимавшего участия в боевых действиях будет существенно отличаться от военнослужащего участвовавшего в военных действиях и, например получившего военную травму. Военнослужащие участвующие в боевых действиях как отмечают ученые, испытывают как

«первичный стресс (от войны), так и вторичный стресс (от возвращения домой)» [7, с. 24], что может осложнять процесс адаптации, формирования ценностных ориентаций в гражданской жизни. Но в любом случае, для каждого бывшего военнослужащего процесс социальной адаптации имеет важное значение, как и для членов его семьи.

Военная служба является строго регламентированной деятельностью, имеющей жесткую дисциплину, выполнения приказов и соблюдения режима. Уход с военной службы диктует необходимость привыкания к новым условиям гражданского социума. Ключевое значение имеет наличие изменений в жизнедеятельности бывших военнослужащих и членов их семей. Привычный ритм жизни видоизменяется. Военнослужащие, сталкиваются с вызовами социальной адаптации после перехода из военной среды в гражданскую жизнь. «Длительное нахождение человека, уволенного с военной службы, в состоянии стресса в связи коренным изменением привычной социальной среды, условий жизнедеятельности, возможными неудачами при поиске работы, материальными затруднениями, жилищными проблемами, семейными конфликтами, которые могут сопровождать его при переходе в новую для него «гражданскую» среду, несомненно, способны пагубно повлиять на его физическое и психофизиологическое состояние» [11, с. 101].

Таким образом, обретение статуса – бывшего военнослужащего, позволяет говорить о новой социальной реальности, в которой данному субъекту и членам его семьи необходимо адаптироваться, что требует переосмысления ценностных установок, перестройки жизнедеятельности.

Прежде чем затронуть, конкретные проблемы, связанные с ценностными ориентациями, необходимо определиться с понятийным аппаратом, а именно определением социальной адаптации, ценностных ориентаций и их взаимосвязи, существующими теориями ценностных ориентаций сложившимися в науке.

Понятие адаптации имеет междисциплинарное значение, оно используется в разных науках, в связи с чем, выделяется несколько подходов. Социальная адаптация в социологии понимается по-разному в рамках разных направлений. Если рассматривать концепцию Э. Дюркгейма, то, по его мнению «социальная адаптация – это реализация индивидом общих социальных норм, носящих двоякий, в сущности амбивалентный принудительно-добровольный характер» [4]. Однако одни и те же нормы по-разному могут интерпретироваться различными социальными группами. Данный подход вызывал определенное несогласие М. Вебера, который «не возражает против социально-нормативной детерминации адаптации индивида, но считает, что это не единственный и не всегда наилучший подход для конкретного человека. Если социальные нормы совпадают с ин-

тересами индивида, он следует им, если они не совпадают, он отвергает их» [2], [8, с. 317].

Ни один из этих подходов не связывает ценностные ориентации индивида с социальной адаптацией. Наиболее близким теоретическим направлением является структурно-функциональный подход в социологии к социальной адаптации (представители (Р. Мертон, Т. Парсонс и др.). Данный подход определяет социальную адаптацию в рамках определенного «равновесия между потребностями, интересами и ценностями индивида и окружающей его социальной среды» [10, с. 363].

Адаптация рассматривается и в психологии. «В когнитивной психологии адаптация есть раз- решение человеком цепи событий от конфликта, возникающей как следствие угрозы, и, в конечном счете, приспособления к текущим (актуальным) условиям среды» [12, с. 424]. Современные исследователи указывают, что «социальная адаптация – это процесс, в результате которого человек приспосабливается к новым условиям жизни и общественной среде» [5, с. 38].

Несмотря на то, что на процесс приспособления влияет большое количество факторов успех адаптации к социальной среде во многом зависит от «принципов, в соответствии с которыми строится поведение личности в различных жизненных ситуациях» [3, с. 118], то есть ценностных ориентациях.

Ценности можно рассматривать как социально желательные внешние стандарты, как желаемые цели и личные предпочтения, что позволяет побудить внутренние мотивы для перестройки жизнедеятельности в новых условиях. «Ценностные ориентации – сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, определяющий общий подход человека к миру, себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам» [3, с. 118]. В структуре понятия ценностных ориентаций лежит два термина «ценности» и «ориентации». Рассматривая понятие ценности, имеется ввиду личные ценности на основе приоритетных направлений (ориентиров), что позволяет тому или иному индивиду успешно адаптироваться в социальной среде.

Поскольку рассматриваются не все индивиды, а лишь конкретные субъекты – бывшие военнослужащие и членов их семей, стоит говорить об определенных особенностях ценностных ориентиров и их изменения при приспособлении к гражданской жизни. Социальная адаптация относится к функционированию человека в контексте занятости, досуга, семейной жизни и межличностных отношений.

Обсуждение

Ключевыми проблемами, с которыми сталкиваются бывшие военнослужащие, как отмечают исследова-

тели являются: «профессиональная переориентация (сложности с переквалификацией и освоением новых профессиональных навыков), трудоустройство (поиск подходящей работы, конкуренция с другими категориями граждан), социальная изоляция (трудности с налаживанием новых социальных связей и интеграцией в гражданское общество), психологические проблемы (адаптация к изменению статуса, стрессы, депрессия), финансовые трудности (снижение уровня доходов, необходимость поиска дополнительных источников средств к существованию)» [13, с. 80].

Не только понимание своих ценностей, но и формирование новых ценностных ориентиров, как у бывшего военнослужащего, так и членов его семьи позволяет осмыслить свой выбор в новых условиях гражданской жизни и принимаемые решения.

В теоретическом ключе на сегодняшний день существует большое количество моделей ценностных ориентаций, например можно назвать модели: М.С. Яницкого [14], М. Рокича [16], Ф. Стробека и Ф. Клакхона [15], Ш. Шварца [18]. Из всех моделей и в рамках применения данной модели к социальной адаптации бывших военнослужащих, интерес представляет модель ценностных ориентаций Ш. Шварца. В теории Ш. Шварца ценностные ориентации рассматриваются как ориентации координирующие поведение конкретного субъекта.

«В своем учении С. Шварц объясняет, что фундаментом любой ценностной ориентации служат желаемые внеситуативные цели, дифференцируемые по степени важности и мотивирующие человека к активности. Различия, которые заключаются в предпочтениях людьми той или иной ценностной ориентации, детерминированы неповторимым сочетанием потребностей, темперамента и социального опыта каждого отдельного индивида» [9, с. 254]. Ш. Шварц указал на взаимосвязь целей и мотивационного типа субъекта в зависимости от ценностных ориентаций.

Таким образом, для успешной адаптации бывших военнослужащих значение будет иметь взаимосвязь ценностных ориентиров и мотивации. Как отмечает В.Э. Щипаков, Э.Б. Осипенко «эффективная интеграция офицеров, уволенных в запас, во многом зависит от их мотивации и готовности принять новые ценностные ориентиры. Ключевую роль в этом процессе играет интериоризация социокультурных установок принимающего сообщества. Иными словами, глубокое усвоение и принятие на личностном уровне системы норм, традиций и мировоззренческих установок, доминирующих в гражданском социуме» [13, с. 81].

Необходимо определение мотивов, на основе которых бывший военнослужащий будет выбирать дальнейшие пути своего развития и своей семьи, которые в большей степени будут соответствовать конкретной личности.

Так, например, для пенсионера бывшего военнослужащего ценностным ориентиром может стать исключительно семья и забота о ней. Для ветерана боевых действий значение имеет в первую очередь, интеграция в невоенную социальную жизнь, преодоление психологических проблем, а уже затем выстраивание новых ценностных ориентиров. Кроме семьи ценностными ориентирами являются также «системы ценностей, связанные с трудовой этикой, гражданской ответственностью и активной жизненной позицией. Именно эти установки, будучи интериоризованы, запускают внутреннюю мотивацию к преодолению трудностей, саморазвитию и продуктивному взаимодействию с социальным окружением» [13, с. 81].

Ключевой проблемой является то, что бывшие военнослужащие не всегда могут не только понять свои ценностные ориентиры, но и сформировать новые, определить дальнейшие пути своего развития. Для эффективности социальной адаптации бывших военнослужащих и их семей значение имеют центры социальной адаптации. Однако проблема данных центров заключается в том, что они в большей степени решают конкретную проблему, например, трудоустройство, реабилитация и др. В рамках мер совершенствования необходимо в данных центрах применять комплексный подход, основанный на ценностных ориентациях как условие успешной социальной адаптации указанных субъектов.

Социальная адаптация бывших военнослужащих и членов их семей предполагает не просто процесс приспособления, а комплексный подход. Как отмечает В.Л. Калинин «социальная адаптация бывшего военнослужащего и членов его семьи может быть обеспечена решением комплекса задач и совокупной реализацией соответствующих им процессов» [6, с. 5].

Комплексный подход основан на психосоциальной адаптации, включающей как психологический, так и социальный уровни (например, общее состояние здоровья или качество жизни), психологическая адаптация, отражающая только психологический уровень (например, тревога или депрессия), социальная адаптация, отражающая только социальный уровень (например, социальное участие или интеграция в сообщество), и другие. Комплексный подход к социальной адаптации бывших военнослужащих и членов их семей должен охватывать общее состояние здоровья, качество жизни, благополучие, удовлетворенность жизнью, формирование новых ценностных установок, новой модели социальных навыков.

Вывод, результаты

Проведенное исследование позволило выстроить взаимосвязь между ценностными ориентациями бывших военнослужащих и членов их семей

и успешной социальной адаптации данных субъектов. Ценности – это личные убеждения и приоритеты, которые можно рассматривать как «руководящие принципы», служащие внутренним компасом для принятия жизненных решений. Комплексный подход к социальной адаптации бывших военнослужащих, позволяет учитывать выработку ценностных ориентаций не только в рамках конкретного уровня социальной адаптации, но и в зависимости от типа бывшего военнослужащего, статуса и проблем членов его семьи, взаимосвязи мотивов и ценностных ориентаций на основе опыта человека, особенностей проблем.

Литература

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. ст. 2584.
2. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990. – 808 с.
3. Гарновская А.А., Ценностные ориентации как основа социализации личности // Психологический вademecum: социализация личности в условиях неопределенности: региональный аспект. Сборник научных статей. – Витебск: ВГУ, 2021. С. 117–120.
4. Дюркгейм Э. с соавт. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 308 с.
5. Землянская И.А. Личность в структуре общества, социальных институтах и процессах: учебно-методическое пособие. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. – 79 с.
6. Калинин В.Л. Формирование комплексной модели социальной адаптации бывших военнослужащих и членов их семей к условиям гражданского социума: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Тамбов, 2003. – 21 с.
7. Мальцева А. П., Соболева А.П. Социальная и профессиональная реадаптация бывших участников боевых военных действий: монография / А.П. Мальцева, А.П. Соболева. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2025. – 160 с.
8. Миллер А.А. Теории социализации и социальной адаптации в психологии // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник научных трудов международных научно-практических конференций. Том 10. Отв. редакторы: В.П. Вершинин, А.Л. Третьяков. – М.: МПСУ, 2023. С. 314–319.
9. Омарова М.К. ценностные ориентации студенческой молодежи // Человеческий капитал. 2020. № 12 (144). С. 253–259.
10. Позднякова О.В. Социальная адаптация как стадия социализации личности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5–6. С. 362–366.
11. Тарент И.Г. Зарубежный опыт социальной адаптации военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей // Гуманитарный вестник военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2017. № 1 (5). С. 99–107.
12. Чеджемов Г.А., Богданова Ю.В. Проблема социальной адаптации // Юность и знания – гарантия успеха –2020. Сборник научных трудов 7-й Международной молодежной научной конференции: в 3 томах. Том 1. – Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 423–426.
13. Щипаков В.Э., Осипенко Э.Б. Оптимизация социальных технологий управления ресоциализацией офицеров, уволенных в запас // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 79–84.
14. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Монография. – Кемерово, 2000. – 204 с.
15. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, IL, USA: Row, Peterson, 1961.
16. Rokeach M. The nature of human values New York, NY, USA: Free Press, 1973. // URL: Пежим доступа: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke>
17. Rokeach M. The nature of human values New York, NY, USA: Free Press, 1973. // URL: Пежим доступа: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke>
18. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz value theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2 (1). P. 11.

VALUE ORIENTATIONS OF FORMER MILITARY PERSONNEL AND THEIR FAMILY MEMBERS AS CONDITIONS FOR SUCCESSFUL ADAPTATION

Slugin V.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

This article explores the problem of developing new value orientations in former military personnel and their family members as a foundation for their successful social adaptation. Social adaptation of former military personnel and their family members is of paramount importance, as it affects not only the social but also the psychological aspects of their lives. The development of new life strategies facilitates their easy integration into society outside of military service. This article emphasizes the role of value orientations as certain vectors for the new lives of military personnel and their family members.

Keywords: military personnel, former military personnel, family members of military personnel, value orientations, values, social adaptation, adjustment, adaptation to change.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, № 309, «On the National Development Goals of the Rus-

- sian Federation through 2030 and through 2036» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. № 20. Article 2584.
2. Weber, M. Selected Works. Translated from German. Moscow, 1990, 808 p.
3. Garnovskaya, A.A., Value Orientations as the Basis for Personality Socialization. Psychological Vademecum: Personality Socialization in Conditions of Uncertainty: A Regional Aspect. Collection of Scientific Articles. Vitebsk: VSU, 2021, pp. 117–120.
4. Durkheim, E., et al. Sociology: Its Subject, Method, and Purpose. Translated from French by A.B. Hoffmann. M.: Yurait Publishing House, 2019. – 308 p.
5. Zemlyanskaya I.A. Personality in the Structure of Society, Social Institutions and Processes: a teaching aid. – Samara: Samara University Publishing House, 2023. – 79 p.
6. Kalinichev V.L. Formation of a Comprehensive Model of Social Adaptation of Former Military Personnel and Their Family Members to the Conditions of Civil Society: abstract of a candidate of pedagogical sciences dissertation. – Tambov, 2003. – 21 p.
7. Maltseva A.P., Soboleva A.P. Social and Professional Readaptation of Former Participants in Combat Military Operations: monograph / A.P. Maltseva, A.P. Soboleva. – Ulyanovsk: FGBOU VO «UISPU named after I.N. Ulyanova, 2025. – 160 p.
8. Miller A.A. Theories of socialization and social adaptation in psychology // Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law. Collection of scientific papers of international scientific and practical conferences. Vol. 10. Editors: V.P. Vershinin, A.L. Tretyakov. – M.: MPSU, 2023, pp. 314–319.
9. Omarova M.K. Value orientations of student youth // Human capital. 2020. № 12 (144) pp. 253–259.
10. Pozdnyakova O.V. Social adaptation as a stage of personality socialization // Socio-economic phenomena and processes. 2011. № 5–6. pp. 362–366.
11. Tarent I.G. Foreign experience of social adaptation of military personnel, citizens discharged from military service, and their family members // Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces. 2017. № 1 (5). Pp. 99–107.
12. Chedzhemov G.A., Bogdanova Yu.V. The problem of social adaptation // Youth and knowledge – a guarantee of success – 2020. Collection of scientific papers of the 7th International Youth Scientific Conference: in 3 volumes. Vol. 1. – Kursk: South-West State University, 2020. Pp. 423–426.
13. Shchipakov V.E., Osipenko E.B. Optimization of social technologies for managing the resocialization of officers discharged to the reserve // Social and humanitarian knowledge. 2024. № 7. Pp. 79–84.
14. Yanitsky M.S. Value orientations of the individual as a dynamic system. Monograph. Kemerovo, 2000. 204 p.
15. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, IL, USA: Row, Peterson, 1961.
16. Rokeach M. The nature of human values. New York, NY, USA: Free Press, 1973. // URL: Access mode: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke>
17. Rokeach M. The nature of human values. New York, NY, USA: Free Press, 1973. // URL: Access mode: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke>
18. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz value theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2 (1). P. 11.

Социальные практики использования цифровых технологий в сфере здравоохранения студентами Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Юшкова Светлана Александровна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ysa67@mail.ru

Тимошенко Мария Анатольевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 194571@edu.fa.ru

В Указе Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» сказано о внедрении цифровых медицинских технологий в сферу здравоохранения для перехода российской медицины от реактивного к проактивному и персонализированному подходу, что способствует более быстрому и качественному оказанию медицинской помощи.

В настоящей научной работе рассмотрены типы социальных практик молодых людей, на примере студентов Финансового университета, в использовании цифровых медицинских технологий, их опыт и наличие знаний о медицинских девайсах. Полученные данные укажут на то, какие трудности существуют в полноценной реализации данного проекта, а также, какие методы необходимо использовать государственным органам в работе с каждым типом социальных практик студентов для их более уверенного и положительного опыта в сфере цифровой медицины.

Ключевые слова: социальные практики, цифровизация медицины, телемедицина, медицинские девайсы, здравоохранение, медицинские приложения.

В настоящее время современный мир не может представить свою жизнь без использования цифровых технологий. Они направлены на упрощение человеческой жизни и оптимизацию его работы. Сфера здравоохранения не является исключением. Сегодня российская медицина имеет множество проблем, начиная от низкого уровня материально-технической базы, заканчивая неудовлетворенностью качеством медицинской помощи и отсутствием современного оборудования.

Цифровизация здравоохранения является достаточно новым явлением, и как следствие, для него необходим отдельный план развития. В 2020 году Президент Российской Федерации издал указ, в котором определил вектор развития «Цифровой трансформации». Данный указ был издан от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Одна из главных задач была связана с «Достижением цифровой зрелости отраслей экономики и социальной сферы», а именно, переход российской медицины от реактивного к проактивному и персонализированному подходу лечения пациентов при помощи таких технологий как портативная диагностика, сенсоры, технологии дополненной реальности и так далее. Все это позволяет сделать пациента ключевым звеном медицинского обслуживания. В отдельных пунктах данного указа было выделено, что к 2030 году в сфере здравоохранения предусмотрена сверхамбициозная динамика: например, 50% граждан, которые находятся под диспансерным наблюдением, будут полностью обеспечены дистанционным мониторингом состояния здоровья, который будет осуществляться через портал ЕПГУ.

Несмотря на большое преимущество использования цифровых технологий в медицине на сегодняшний день мы видим существенную проблему, которая проявляется в следующем социальном противоречии между слабой осведомленностью молодых людей, а также их медленным освоением цифровых медицинских технологий с одной стороны, с другой стороны, с активным переходом российской медицины в цифровой формат [10, с. 53].

В данной статье будут представлены результаты авторского количественного исследования, проведенного в 2025 году авторами статьи, которые покажут, какие существуют типы социальных

практик молодых людей, в отношении цифровых медицинских технологий, и как государству, в лице медицинских работников, стоит популяризировать данные технологии и учить молодых людей ими пользоваться.

Социальные практики молодых людей делятся на следующие направления – активные и пассивные социальные практики, которые включаются в себя следующие группы: «рисковые», «успешные», «безопасные», «неуспешные».

Первое направление социальных практик называется – активные социальные практики. Характеризуется желанием пробовать новое, а также отсутствием страха перед неизвестным. Включает в себя рисковые и успешные социальные практики.

Второе направление имеет пассивные социальные практики. Люди данной подгруппы следуют своим привычным нормам поведения в лечении, они не стремятся пробовать новые технологии. Включает в себя такие практики как: безопасные и неуспешные социальные практики.

Стоит отметить, что деление студентов на группы является условным. В чистом виде не существует молодых людей, которые имели бы ту или иную модель поведения по отношению к цифровым медицинским технологиям.

В качестве количественного метода исследования данной темы был использован метод анкетного опроса, в котором приняли участие 320 респондентов. Для определения выборки использовалась формула простого случайного бесповторного отбора. Отбор респондентов происходил с помощью стратифицированного метода (в качестве страны выступали направления подготовки студентов).

Теперь перейдём к детальному анализу полученных типов социальных практик. Преобладающим типом является тип «безопасных» социальных практик (42%). Студенты, обладающие данным типом практик, обращают внимание на квалификацию врачей, а также на лицензию медицинских гаджетов. Активно поддерживают своё здоровье, а именно, регулярно приходят на очный приём к врачам, проходят диспансеризацию, правильно питаются и занимаются спортом. Предпочитают обращаться в частные клиники, так как считают, что там работают квалифицированные специалисты (18%), а также им предоставляется индивидуальный подход к лечению (20%), быстрая запись к узкому специалисту (18%).

Практически не используют технологии для самоконтроля за здоровьем (например, прибор для измерения кислорода в крови, часы, измеряющие давление, прибор для вызова врача, ЭКГ в домашних условиях, приложение определяющие процент жира и мышц в организме), а используют чаще всего запись к врачу (37%), приложения для спорта (15%), а также приложения для поиска мед. учреждений (10%). Реже используют приложения такие как калькулятор калорий (8%) (рис. 1).

Рис. 1. Какие мобильные приложения используете / хотели бы использовать для поддержания здоровья?

Источник: создано автором.

Касаемо телемедицинских технологий, большая часть респондентов не пользовались, так как не знакомы с ней и врачи им не рекомендовали ею пользоваться.

Делая вывод по данной группе, стоит сказать, что по мнению студентов медицинские девайсы не подходят для самоконтроля пациентам в силу слабой разработанности. Их следуют использовать медицинским специалистам, лишь при проведении лёгких процедур.

Следующая группа социальных практик характеризуется «успешным» опытом в области цифровой медицины. Она контролирует свое здоровье, как с помощью очного наблюдения у врачей, так и при помощи медицинских девайсов. Чаще обращаются в частные медицинские учреждения, так как там медицинские специалисты используют инновационное оборудование (18%), а также работает более квалифицированный персонал (21%).

Самостоятельно используют те технологии, которые позволяют в домашних условиях фиксировать показатели и отправлять их лечащему врачу. В топ-3 мед. технологиями, которыми активно пользуются: трекер активности (20%); часы, измеряющие кислород в крови (15%); часы, измеряющие давление (14%) (рис. 2).

Активно используют технологии телемедицины для экстренной связи с врачом (27%), а также для первичной консультации (34%) и последующим наблюдением за здоровьем (21%). Телемедицинские технологии позволяют быстро связаться со специалистом и получить необходимую первичную помощь.

Молодые люди также выделяют и минусы, например риск неправильной постановки диагноза (28%) или сбои в самих гаджетах (23%), но, несмотря на это подавляющее большинство студентов готовы продолжать пользоваться данной технологией (72%).

Рис. 2. Какие мобильные приложения используете / хотели бы использовать для поддержания здоровья?

Источник: создано автором.

В заключение данной группы можно сказать, что респонденты положительно относятся к внедрению цифровых технологий на все уровни медицины.

Следующая группа «рисковые» социальные практики. Предпочитает самостоятельно использовать цифровые медицинские девайсы и приложения, не имеющие медицинской лицензии, так как убеждены в том, что при негативных последствиях врачи им смогут помочь.

Отдают предпочтение государственным поликлиникам из-за бесплатной медицины (36%), нахождения рядом с домом (30%), а также потому, что просто привыкли ходить в данные центры (21%).

В повседневной жизни используют различные медицинские девайсы, как более простые, например, мобильные медицинские справочники, так и более сложные-медицинские девайсы, предназначенные для самоконтроля. В топ-3 мед. технологиями, которыми активно пользуются: трекер активности (31%); часы, измеряющие давление (17%); умные весы (16%) (рис. 3).

Рис. 3. Какие мобильные приложения используете / хотели бы использовать для поддержания здоровья?

Источник: создано автором.

Подавляющее большинство знакомо и пользовались телемедицинскими технологиями (81%) преимущественно для первичной консультации (51%). Осталось положительное впечатление и 77% респондентов готовы повторно ею воспользоваться. И в целом, данная группа студентов положительно относится к использованию цифровых медицинских технологиях на всех уровнях медицины.

И завершающую группу составляют студенты с не успешными социальными практиками. Столкнувшись с негативным опытом, они понимают, что платная медицина не гарантирует качественного лечения, поэтому, предпочитают обращаться как в частные, так и в государственные учреждения. Частные центры выбирают из-за опыта родных и близких (34%), а также быстрой записи к узкому специалисту (25%), а государственные-бесплатная медицина (31%), доверие к врачам (21%), работают знакомые (19%).

Для самоконтроля используют, как приложения, так и гаджеты, направленные на контроль за весом, давлением, и треки активности (количество пройденных шагов, качество питания) (рис. 4).

Рис. 4. Какие мобильные приложения используете / хотели бы использовать для поддержания здоровья?

Источник: создано автором.

Имеется опыт использования телемедицинских технологий, который преимущественно является негативным, и как следствие, нежелание пользоваться дальше данными технологиями (81%).

В целом, молодые люди отмечают большое количество минусов от использования цифровых мед технологий, но при этом они доверяют врачам и считают, что под их контролем на очном приеме цифровые технологии можно использовать.

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие проблемы:

1) скептицизм ряда врачей по отношению к цифровым мед технологиям, негативно сказывается на восприятии у студентов, так как врачи являются важным фактором, который оказывает существенное влияние на отношение студентов к цифровым мед технологиям;

2) большая часть студентов на сегодняшний день, слабо осведомлены о цифровых технологиях из-за слабой популяризации данных технологий со стороны государства.

Также были разработаны следующие рекомендации для работы с каждым выделенным типом.

«Безопасные» социальные практики: следует размещать больше данных на официальных государственных сайтах о цифровых медицинских технологиях, проводить больше тестов и размещать реальные отзывы людей.

«Успешные» социальные практики: организовывать медицинские центры или же отделы в медицинских центрах, для обучения пациентов новым технологиям.

«Рисковые» социальные практики: государству необходимо проводить фестивали и иные мероприятия, где студентам будут рассказывать о мобильных приложениях и девайсах.

«Неуспешные» социальные практики: на сайте Госуслуг следует размещать видео врачей на которых они могут рассказывать о безопасных цифровых девайсах.

Литература

1. Аджиенко В.Л., Косинова Н.Н. Стратегический анализ института государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения // Фармация и фармакология. 2017. Т. 5, № 4. С. 380–400.
2. Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Хараз А.Д. Цифровизация здравоохранения: мировой опыт // Московская медицина. 2021. № 2 (42). С. 6–25.
3. Бурдые, П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
4. Богдан И.В., Чистякова Д.П. Социология, здоровье и уроки пандемии // Миссия конфессий. 2021. Т. 9. Ч. 8. № 57. С. 873–879.
5. Богомякова Е.С., Дупак А.А. Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 155–174.
6. Владзимирский А.В. Телемедицина. Донецк: Цифровая типография. 2011. 437 с.
7. Гидденс, Э. Устройство общества: (Очерки теории структуризации). М.: Акад. Проект, 2003. 523 с.
8. Наливаева А.В. Информационные технологии в медицине: доказанные факты и нерешенные проблемы. Бюлл. мед. Интернет-конференций. 2012; 2 (11): 894–897.
9. Пальцев М.А., Белушкина Н.Н., Чабан Е.А. 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации // Вестник ВШО-УЗ. 2015. № 2. С. 48–54.
10. Панова Т.В. Информационные технологии в Российской медицине: перспективы и возможности // Экономические науки. – 2017. – № 150. – С. 53–56.

SOCIAL PRACTICES OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF HEALTHCARE BY STUDENTS OF THE FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yushkova S.A., Timoshenko M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Presidential Decree № 474 of July 21, 2020 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030" says about the introduction of digital medical technologies in the healthcare sector for the transition of Russian medicine from a reactive to a proactive and personalized approach, which will contribute to faster and better medical care.

In this scientific work, the types of social practices of young people, using the example of students of a Financial University, in the use of digital medical technologies, their experience and knowledge about medical devices are considered. The data obtained will indicate what difficulties exist in the full implementation of this project, as well as what methods should be used by government agencies in working with each type of social practices of students for their more confident and positive experience in the field of digital medicine.

Keywords: social practices, digitalization of medicine, telemedicine, medical devices, healthcare, medical applications.

References

1. Adzhienko V.L., Kosinova N.N. Strategic analysis of the Institute of public-private partnership in the field of healthcare // Pharmacy and Pharmacology. 2017. Vol. 5, № 4. Pp. 380–400.
2. Aksenova E.I., Kamynina N.N., Kharaz A.D. Digitalization of healthcare: world experience // Moscow medicine. 2021. № 2 (42). Pp. 6–25.
3. Bourdieu, P. Practical sense. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 562 p.
4. Bogdan I.V., Chistyakova D.P. Sociology, health and lessons of the pandemic // The mission of the confessions. 2021. Vol. 9. Ch. 8. № 57. Pp. 873–879.
5. Bogomyagkova E.S., Dupak A.A. Digital self-tracking of health in the discourse of social sciences // Sociology of Science and Technology. 2021. Vol. 12. № 2. Pp. 155–174.
6. Vladzimirsky A.V. Telemedicine. Donetsk: Digital printing house. 2011. 437 p.
7. Giddens, E. The organization of society: (An essay on the theory of structuration). M.: Akad. Project, 2003. 523 p.
8. Nalivaeva A.V. Information technologies in medicine: proven facts and unresolved problems. Byll. med. Internet conferences. 2012; 2 (11): 894–897.
9. Fingers M.A., Belushkina N.N., Chaban E.A. 4P-medicine as a new model of healthcare in the Russian Federation // Bulletin of the Higher School of Economics. 2015. № 2. Pp. 48–54.
10. Panova T.V. Information technologies in Russian medicine: prospects and opportunities // Economic sciences. – 2017. – № 150. – Pp. 53–56.

Социокультурные факторы и их влияние на использование языка

Ежикова Елена Геннадьевна,

кандидат филологических наук, кафедра английского языка
номер 1, старший руководитель онлайн курсов МГИМО
университет

В статье рассматриваются вопросы трансформации современной лингвистики. Подчеркивается, что все языки мира постоянно меняются – чаще всего большинство носителей языка ничего не замечают, и, как правило, мало кто проявляет особый интерес к этому переходу. Внимание сосредоточено на том, что гораздо большее число процессов языковых изменений происходит небольшими шагами, намного ниже порога восприятия, то есть бессознательно и, следовательно, неконтролируемо. Это особенно верно для грамматики, но также и для аспектов значения. В современном языке это часто приводит к так называемым языковым сомнениям, когда два или более варианта считаются подходящими для стандартного языка.

Ключевые слова: язык, культурная среда, языковые нормы, трансформация, социокультурные факторы, цифровизация, эволюция языка.

Introduction. Humanity has language consciousness; through language, man grasps the world in the entirety of its designation, reflection, communication, and action aspects. The language is a sort of gateway to the realms not intentionally created for a man, neither based on his individual experience. He rather gains access to knowledge from other times and spaces or to the worlds of thought of his counterparts, transmitted through language, whether orally, or in writing. Language also enables people to plan, develop new ideas, and imagine the future. Language is the fundamental for mutual understanding between people. It enables successful communication and interaction with others, starting relationships, and expressing feelings and experiences. Language is of great importance for social environment affiliation [4, pp. 189–1215].

Everyone possess linguistic capacity, but individual physical and mental capabilities depend on, firstly, the intensity of their workout, and secondly, in particular, on social and cultural environment they dwell in. It is this environment that makes the most diverse languages undergo varying degrees of standardization, not least due to their internal sign systems that enable written social discourse, and with the help of which the people in the digital age develop algorithms that allow machines to imitate human communication (or even to simulate man-to-man communication, which sometimes becomes unmanageable to humans). Language is somewhat extraordinary in human life. It gives us an opportunity to communicate with each other, exchange ideas and experiences, convey feelings and express our individuality through words; in fact, language is the most human thing in life we have [10, pp. 40–52].

Main part. I. Language transformations. It's a generally known fact that language is in the state of continuous changing; we had such an experience even in our school years. Striking examples include lexical innovations in language use by young people, which are annually and widely covered in the media. However, grammatical changes in language are sometimes observed over long periods of time, for instance, new constructions emerge and old ones melt away, the rules assimilate and the exceptions eliminated, some words transform into functional parts, often under the influence of external factors (social upheaval or contacts), all this leads to the diachronic evolution of linguistic structures. It is particularly remarkable that once known such innovations become categorically rejected by language users [6, pp. 82–9722].

We are all engaged with language transformations, whether consciously or not. Naturally, they oc-

cur gradually, evolving over time, supported by new conditions, demands, needs, and inventions. Did we use the term «mobile phone» 20 years ago? Everyone has a mobile phone now. It is actually a smartphone today. And what about the Internet? Everyone uses the Internet now, yet not long ago, it didn't even exist. Language changes at different levels: some words alter their meaning or even vanish entirely, while others are re-created.

Basically, language change takes place on two levels: the first one concerns specific forms; in particular, while X was once common, today Y is almost always used. Such processes of change, in which one form is replaced by another while its communicative function remains substantially the same, typically occur over relatively long periods of time. Take the example of socks, stockings, and boots. A school textbook strictly states: genitive of «boots» («sapog») and «stockings» («chulok») is the same, while «socks» («noskov») is different. Academic dictionaries recommend the genitive plural form «nosok», while «noskov» is listed alongside it as an option that has become obsolete (since the 1980s). Second, alterations affect the norms governing the public use of a particular form. These are significantly more rapid processes of change, which are perceived by non-linguists. Specifically, in our country, almost no one used the form X before, but today more and more people do so [5, pp. 22–48].

II. *Language norms.* Technically, norms have different applicability requirements, meaning they are associated with different levels of enforcement potential. With the exception of spelling rules, language norms are relatively lenient. Individuals violating them may be considered stubborn, illiterate, or attention-craving, but they would unlikely be reproached in any way. Thus, from a linguistic perspective, language norms are primarily simple usage norms describing something «common» what people «usually» do. Usage norms thus tend to become orientation norms. From the speakers' viewpoint, they provide useful cues about how appropriate (linguistic) behavior occurs in a given group [8, pp. 130–139].

The heart of the matter is how linguistic norms emerge, and who is involved in establishing them and, when necessary, changing them? Clearly, there is no such legislation, no matter how legitimate, that can declare that one should say «булка» (bulka) rather than «хлеб» (khleb), or that one should write «носков» (noskov) instead of «носок» (nosok). More like, linguistic norms emerge through a complex negotiation process involving a number of participants and which, moreover, in most cases occurs outside the conscious control. The forces that establish linguistic norms and have the greatest influence on language change are first of all, authorities in the field of language standards; and secondly, language expert. Third, here belong exemplary native speakers (speakers, writers); and fourth, the majority of people who speak the same language [7, pp. 94–109].

From a systematic perspective, standardization bodies are the centerpiece. This includes the individuals and institutions that determine which linguistic forms are to be considered normative, as well as the individuals who then apply these norms wherever applicable, for example, experts writing textbooks or teachers in schools who exert significant influence on students; their authority in the field of standards is unquestionable [2, pp. 44–59].

A group of exemplary speakers and writers plays a particularly important role in the dissemination of linguistic norms. These people, by virtue of their prominent positions, utilize a broad communicative reach, taking for example, media professionals. Their linguistic conduct is perceived by many as iconic, and even if this is not the case, the forms they use are at least widely accepted, which can lead to social habituation. However, the most important role belongs to the community of native speakers which implies, that structures accepted by the language community over the long term and regularly designed are solely capable of sustainable development and may lead to language change.

The group of people whose language skills ensure the greatest reach are media workers, like journalists writing for major newspapers or TV and radio newscaster. These people have no officially ascribed authority and cannot claim of possessing any special expertise. Nevertheless, they function as a potential factor, as an internal presence.

Speaking about linguistic change (norms), it should be noted that public media have a significant mediating function: on the one hand, they might serve as a pillar of existing trend, thus offering identification to those who are reticent to embrace innovation. On the other hand, they can enable speakers to develop an exemplary character for the new linguistic expression, which, through the everyday use of new forms, may be practiced and assimilated by listeners and readers [1, p. 9–34].

While imparting knowledge and skills, educational institutions should take lead in assessing students based on their progress toward achieving relevant learning objectives. These include, in particular, the ability to demonstrate linguistic behavior in a generally appropriate manner and formulate various types of text appropriately. Therefore, in a university environment, students often receive handouts with guidelines that can clarify what is considered stylistically appropriate within the relevant professional community.

Since schools and universities act as the center of socialization for new generations of language speakers, they are especially important in raising awareness on any issue. Language transformation does not occur until a linguistic innovation has become widespread within the language community. Conversely, if a sufficiently large portion of the language community considers conventional forms unacceptable or discriminatory, irreversible changes in the characteristics

and use of the language take place over time. The varying extent and nature of the discrepancy between linguistic and ethnic identity in complex socio-cultural conditions link linguistic problems with issues of individual, social, and ethnic psychology and culture [3, pp. 9–16].

While all the aforementioned actors contribute to stabilizing or changing linguistic norms, the real decision to implement linguistic change rests with all native speakers of their native language. Ultimately, a linguistic innovation may not be considered viable unless people use it in their everyday communication. This depends primarily on the normative framework: written language utilizes clear spelling rules and spelling rules only.

As far as spoken language goes, each person is, in any case, free to decide how to speak. However, coming to another aspect of assessment, each person likely has to consider the social impact of his own speech acts, meaning, regardless of how successfully individual communicates in social life, one of the questions is how his communication partners may perceive his wordings. This serves as an example of how sociolinguistic changes may shape and adapt language. Thus, language becomes a means of denoting individual's political and cultural position; it acquires a social indexical load [7, pp. 94–109].

Conclusion. In general, it can be said that language is in a state of constant change, which has shaped it and led to what we nowadays call our native language. Each era and each generation exerts influence through its people, resulting in a beautiful diversity in the development of language history. It reflects the individuality, feelings, and culture of people.

Our modern society stepped into an era of globalization and digitalization, which also influence our linguistic behavior. There's no doubt that new generations of native speakers are significantly affected by the intensive use of modern media. However, whether this increased use of language will lead to adverse changes depends entirely on the individual. A person having a well-developed sense of language, capable to discern which words to use in which situations, may not be negatively affected by an increased media use [9, pp. 86–95].

However, native speakers with poor language proficiency may need to pay a little more attention to their consumption of modern digital content to ensure their language use remain intact. Numerous immediate linguistic changes are observed, many of which are subject to debate as to whether they are positive or negative for native language. But overall, it can be said that language has undergone numerous changes throughout its history, and these changes make it incredibly vibrant and interesting. Undoubtedly, language will continue to evolve, change, and benefit in the years and decades to come. Language change is, rather, a positive phenomenon.

Finally, it bears emphasis that language is the foundation of human communication and its diversity makes it an essential component of a community's historical identity. Caring for and preserving languages affirms the culture of our origins and reveals a viewshed of how diverse our society is. Promoting intercultural education in conjunction with native languages will contribute to the consolidation of more inclusive education and the creation of opportunities that provide equitable social progress and upward social mobility for all, while protecting collective and diverse identities.

Литература

1. Bitkeeva A.N. On the concept, methodology and prospects of sociolinguistic forecasting // Moscow: RUDN University, 2023. № 4. pp. 9–34.
2. Bogdanova M.A., Abrosimova L.S. «Idols of the square» and their influence on mutual contacts of language and society // Language and Culture. 2023. № 63. pp. 44–59.
3. Valentinova O.I. Linguistic contacts and transcultural practices: from an idiot to a hypothesis / O.I. Valentinova, O.V. Nikitin. – Text: state // Pedagogical class. –2023. – Vol. 28, № 1. – pp. 9–16.
4. Egorov V.G. the Russian language in the global linguistic and cultural space //Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2021. Vol. 12. № 4. pp. 189–1215.
5. Pushkin T.Y. Variantology as a direction in the study of languages, cultures and regions //Vestn. Moscow time. Uni. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2015. № 3. pp. 22–48.
6. Golovkina T.Y. the problem of plurality in language and culture or the «linguistic node» of modern discourse // Bulletin of the Moscow University. Episode 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. № 2. pp. 82–97.
7. Chernysh M.F. the language issue and language policy in modern society // Mir Rossii. Sociology. Ethnology. 2024. Vol. 33. № 4. pp. 94–109.
8. Zagryazkina T. Yu. Variantology as a Direction in the Study of Languages, Cultures, and Regions // Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2015. № 3. pp. 22–48.
9. Zagryazkina T. Yu. The problem of plurality in language and culture, or the «linguistic knot» of modern discourse // Vestnik of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. № 2. pp. 82–97.
10. Chernysh M.F. Language question and language policy in modern society // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2024. Vol. 33. № 4. P. 94–109.

11. Shultz V.L., Lyubimova T.M. Russian society and issues of linguistics //Sociological research. 2021. № 2. pp. 130–139.
12. Aurora S. Natural language as a technological tool //Technology and language. 2021. Vol. 2. № 2 (3). pp. 86–95.
13. Kornienko M.A. The problem of language acquisition and its changes in the context of classical discourse //Language and culture. 2021. № 53. pp. 40–52.

SOCIO-CULTURAL FACTORS AND HOW THEY AFFECT THE USE OF LANGUAGE

Ezhikova G.E.

MGIMO University

The article discusses the issues of transformation of modern linguistics. It is emphasized that all the world's languages are constantly changing – most often, most users of the language do not notice anything, and, as a rule, few people show special interest in this transition. Attention is focused on the fact that a much larger number of language change processes occur in small steps, much lower than the threshold of perception that is, unconsciously and, therefore, proceed uncontrollably. This is especially true for grammar, but also for aspects of meaning. In modern language, this often leads to so-called linguistic doubts, when two or more variants are considered suitable for the standard language.

The study analyzes that language is the main means by which people form and define social roles in the social world, and when it comes to language management in multilingual societies, language choice and its distribution in various fields can greatly influence how people form their identity and how they are positioned by other members of society. Language, as it were, gives an individual an assessment of how society sees the world.

Keywords: language, cultural environment, linguistic norms, transformation, socio-cultural factors, digitalization, language evolution.

References

1. Bitkeeva A.N. On the concept, methodology and prospects of sociolinguistic forecasting // Moscow: RUDN University, 2023. № 4. pp. 9–34.
2. Bogdanova M.A., Abrosimova L.S. «Idols of the square» and their influence on mutual contacts of language and society // Language and Culture. 2023. № 63. pp. 44–59.
3. Valentinova O.I. Linguistic contacts and transcultural practices: from an idiot to a hypothesis / O.I. Valentinova, O.V. Nikitin. – Text: state // Pedagogical class. –2023. – Vol. 28, № 1. – pp. 9–16.
4. Egorov V.G. the Russian language in the global linguistic and cultural space //Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2021. Vol. 12. № 4. pp. 189–1215.
5. Pushkin T.Y. Variantology as a direction in the study of languages, cultures and regions //Vestn. Moscow time. Uni. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2015. № 3. pp. 22–48.
6. Golovkina T.Y. the problem of plurality in language and culture or the «linguistic node» of modern discourse // Bulletin of the Moscow University. Episode 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. № 2. pp. 82–97.
7. Chernysh M.F. the language issue and language policy in modern society // Mir Rossii. Sociology. Ethnology. 2024. Vol. 33. № 4. pp. 94–109.
8. Zagryazkina T. Yu. Variantology as a Direction in the Study of Languages, Cultures, and Regions // Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2015. № 3. pp. 22–48.
9. Zagryazkina T. Yu. The problem of plurality in language and culture, or the «linguistic knot» of modern discourse // Vestnik of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. № 2. pp. 82–97.
10. Chernysh M.F. Language question and language policy in modern society // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2024. Vol. 33. № 4. P. 94–109.
11. Shultz V.L., Lyubimova T.M. Russian society and issues of linguistics //Sociological research. 2021. № 2. pp. 130–139.
12. Aurora S. Natural language as a technological tool //Technology and language. 2021. Vol. 2. № 2 (3). pp. 86–95.
13. Kornienko M.A. The problem of language acquisition and its changes in the context of classical discourse //Language and culture. 2021. № 53. pp. 40–52.

Искусственный интеллект в контексте проблемы социального манипулирования: социологический анализ

Клевенский Михаил Сергеевич,

аспирант второго года обучения МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: klewensky@yandex.ru

Данная статья представляет собой аналитическую компиляцию общей истории происхождения и развития технологий ИИ – от древних мифов до современных нейронных сетей и генеративных моделей – и возможностей, которые они могут предоставлять в процессе социального манипулирования: от таргетированного распространения дезинформации до формирования общественного мнения через алгоритмы рекомендаций, встроенных в стриминговые сервисы. Также в данной статье уделяется особое внимание проблеме «ненужного человека» в условиях массового замещения человеческого труда автоматизированными системами, что потенциально может привести не только к росту социальной маргинализации, но и к усилению механизмов манипуляции уязвимыми социальными группами.

Ключевые слова: социальное манипулирование, искусственный интеллект, перцептрон, нейронная сеть, прекариат.

Несложно заметить, что в современном обществе различные технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) становятся его неотъемлемой частью, оказывая условно «значительное» влияние на повседневную жизнь человека. Однако данное утверждение является обобщающим и оттого не отражающим целиком проблематики взаимодействия ИИ и повседневности. Именно по этой причине мы и употребили вначале слово «условное», вместе с тем ограничив степень влияния кавычками, чтобы наиболее явно подчеркнуть проблемность подобного суждения. Естественно, в рамках лишь одной статьи невозможно целиком охватить указанную проблемность в силу ее чрезвычайной теоретической объемности. Тем не менее, сузив ее до обозначенной в названии статьи темы, мы в силах рассмотреть то, как ведущие достижения в области ИИ могут быть практически применены совместно с технологиями социального манипулирования.

Начать этот анализ стоит с рассмотрения происхождения феномена ИИ и его дальнейшего развития. Собственно, история ИИ берет свое начало из донаучных, культурных попыток человека представить нечто, что могло бы быть им создано из неживой материи и при этом быть подобным ему, в плане интеллектуальных качеств. Так различного рода легенды иллюстрировали стремления людей воплотить это нечто и одновременно их опасения в связи с тем, как оно себя впоследствии проявит в состоянии своей «осознанности». Более поздние, научные попытки реализации прототипа ИИ, как правило, связывают с деятельностью первопроходцев в области логики, с такими учеными, как: Дж. Буль, Ч. Пирс, П.-С. Лаплас и др. Именно их стараниями были сформированы базовые логические правила, ставшие основой для современной теории алгоритмов, на принципах которой работают существующие языки программирования. Другой важной вехой в разработке прототипа ИИ стало создание первой аналитической машины Ч. Бэббиджем совместно с А. Лавлейс, разработавшей описание программы для ее функционирования [20]. Таким образом, можно сказать, что еще до начала XX-го столетия уже были заложены следующие предпосылки для возникновения современных технологий ИИ: были созданы 1) основные правила, по которым ИИ в дальнейшем будет «думать» и 2) техническое оснащение, на основе которого ИИ будет работать.

При рассмотрении истории развития ИИ, исследователи также нередко обращаются к личности А. Тьюринга, с фамилией которого связан известный тест, позволяющий судить о способности машины, компьютера «думать», как человек. Несмотря на то, что сам А. Тьюринг не давал прямого ответа на вопрос «могут ли машины думать [26]?», он предлагал своеобразное его решение: если машина способна имитировать человеческое поведение, значит, она может быть подобна ему, как минимум, в совершении взвешенных действий. С одной стороны, такая точка зрения может показаться оптимальной, т.к. позволяет избежать сложных философских проблем, связанных с пониманием глагола «думать», но с другой – если бы исследователи придерживались лишь ее, то тогда бы и речи не было бы ни о машинном, ни, тем более, о глубоком обучении, на основе которых работают нейросети вроде ChatGPT, Deepseek, Grok и т.п. И, соответственно, позиция А. Тьюринга исключила бы не только возможность самостоятельного обучения нейросетей, но и способность их генерировать контент.

Создание первой искусственной нейронной сети в середине XX-го столетия – перцептрона, стало важной вехой в истории развития ИИ, т.к. именно благодаря перцептрону Розенблатта была выработана технологическая основа для дальнейших исследований в области ИИ. Важно упомянуть, что перцептрон Ф. Розенблатта не является в полном смысле его «оригинальной» идеей; еще в 1943 г. американские нейрофизиологи У. Маккалок и У. Питтс выработали теоретическую основу для упомянутой нами технологической: исследовали принцип работы нейронов и предложили свою математическую модель, объясняющую, как сигналы нейронов передаются между клетками мозга [37]. Ф. Розенблатт же впоследствии при финансировании Военно-морских сил США успешно адаптировал ее, создав алгоритм классификации. Интересно то, что само название модели «перцептрон» полностью отражает его суть: *perceptron* происходит от английского «*perception*», восприятие. Математически перцептрон представлял собой алгоритм классификации, который принимал на входе данные, перерабатывал их, чтобы в результате выдать классификацию объекта по заданным нейросети классам. С программно-аппаратной стороны перцептрон представлял собой специальное устройство, способное к обучению и решению задачи линейной классификации: к примеру, перцептрон Розенблатта успешно выполнял задания вроде определения простой геометрической формы.

При всех своих передовых (для середины 20-го в.) возможностях, перцептрон Розенблатта имел и явные недостатки, которые впоследствии привели научные исследования в области ИИ к так называемой «зиме ИИ». Одним из таких недостатков

было то, что однослойный перцептрон мог решать только линейно разделимые задачи, что исключало возможность решения им более сложных, нелинейных задач. М. Мински и С. Паперт, наиболее известные критики Ф. Розенблатта, подчеркивали невозможность решения перцептроном с однослойной архитектурой задачи «исключающего ИЛИ» (она же сокращенно XOR [38]). Другими словами, перцептрон не был способен адекватно решать задачи, которые требовали различения объектов с чередующимся набором характеристик.

Необходимо обратить внимание и на то, что описанное ограничение однослойного перцептрона стало своеобразным «катализатором» для научных разработок по его улучшению. Так критика подтолкнула ученых к реализации многослойного перцептрона из гипотезы, что усложнение его архитектуры позволит избежать ограничения, свойственного однослойному перцептрону, а значит, наиболее эффективно адаптировать его к жизненным реалиям. В свою очередь, это, как и временное охлаждение интереса научного сообщества к подобным исследованиям, привело к более глубокому изучению моделей обучения, лежащих в основе нейросетей. Именно поэтому после создания перцептрона следующей «вехой» в истории развития ИИ была разработка метода обратного распространения ошибки. Одним из первых, кто подробно описал суть данного метода, был американский ученый Д. Румельхарт. Этот метод позволял, простыми словами, «пропускать» ошибочный результат на выходе по новой, по всем слоям нейросети, до тех пор, пока его параметры не будут обновлены, чтобы считать итоговый результат верным [42]. Тем самым, этим методом он заложил фундамент для современной теории машинного обучения, благодаря которой стало возможно глубокое обучение нейросетей.

Это была краткая история развития ИИ в техническом аспекте. Однако не требует особых доказательств и то, что ИИ – не простая совокупность соответствующих технологий, но и предмет для социологического анализа как текущего и потенциального фактора социальных изменений. Знакомая с социологической литературой, посвященной технологиям ИИ, как итог, можно выделить следующие вопросы, которые наиболее часто затрагиваются исследователями в данной области: 1) кому будет принадлежать авторское право: генеративной нейросети или пользователю, создавшему для нее промпт [5]?; 2) кто понесет ответственность, если действия ИИ приведут к чьей-то гибели [15]?; 3) что делать людям из профессий, деятельность которых заменит ИИ, и как избежать массовой безработицы [8]?; 4) является ли *brainrot*, сгенерированный ИИ, «смертью» человеческой культуры или это просто тренд-китч [4]?; 5) как изменится образование при массовом распространении текстовых нейросетей вроде ChatGPT

[21]?; 6) возможно ли создание Общего ИИ (AGI) и если да, то какие будут последствия его внедрения [24]?; 7) могут ли новые технологии в области ИИ воспроизводить и усиливать различные формы социального неравенства (гендерного, классового, цифрового и т.п.) [23]? Перечисленные вопросы хотя и являются лишь срезом того массива, с которым современному научному сообществу уже приходится (или придется в ближайшей перспективе) иметь дело, тем не менее, они вполне четко отражают те области социальной жизни и деятельности человека, в которых вероятно наиболее ощутимо будут проявляться те или иные последствия применения ИИ.

В частности, эти вопросы также хорошо отражают, что феномен «ИИ» может изучаться в социологии с самых различных его аспектов. Например, социолог вроде С. Вулгара может представить вниманию научного сообщества исследование, в котором будет аргументированно призывать современных ученых перенести аналитический фокус с исключительно человеческих акторов на машины и связанные с ними артефакты, рассматривая их не как нейтральные инструменты, а как элементы социотехнических сетей [43]. Следуя конструктивистской традиции, С. Вулгар признает двойственную природу ИИ; с одной стороны, действительно неправомерно считать ИИ некой «самоданной» сущностью, т.к. он возник в результате конкретных практик проектирования, тестирования, демонстраций, настроек задач и метрик; но, с другой, ученый отмечает, что в условиях социального формирования «успешного» (т.е. безошибочного) результата ИИ, машина также проектирует, «настраивает» роли, ожидания и действия самих пользователей. В свою очередь, это нередко возникает при беседе пользователей с нейросетями типа ChatGPT, т.к. в программу подобных нейросетей заложена их адаптивность к стилю запросов пользователя, чтобы его опыт взаимодействия с языковыми моделями был наиболее дружелюбным. Однако подобное желание разработчиков: создать наиболее комфортный опыт для своей аудитории – уже нередко приводил к ситуациям, когда человек из-за общения с нейросетью мог «сходить с ума». Конечно, не в буквальном смысле этого выражения, но в близком к нему: ChatGPT в своей беседе с таким пользователем мог поддерживать и развивать его бредовые идеи, со временем все сильнее их раскручивая. Другими словами, ChatGPT не способен свести человека с ума, но вполне может кристаллизовать его ментальные проблемы, тем самым, нанеся ему вред [16].

Изучая историю развития ИИ не только в техническом аспекте, но и, прежде всего, в социальном, важно обратить внимание на то, что еще в 20-м в. социологи исследовали его в контексте постиндустриального, сетевого и цифрового обществ. Ко-

нечно, например, Д. Белл, несмотря на то что термин «искусственный интеллект» уже существовал к моменту первой публикации его монографии, напрямую к нему не обращался, заменяя данный термин более общими словами вроде: «компьютер», «интеллектуальные технологии», «информационная обработка» и т.п. – однако даже с учетом этого факта, имеет смысл признать, что формальное отсутствие в его работе указанного термина не лишило ее предиктивного характера: Д. Белл аргументированно заметил, что распространение так называемых «новых» технологий, включающих весь спектр текущих и потенциальных достижений в разработке ИИ, приведет к ощутимым изменениям в области производства и труда [2]. Кроме того, он достаточно подробно рассмотрел не только возможные изменения в разных сферах современного общества: производстве, политике, здравоохранении и т.д. – но и «грядущие» трансформации в области ценностных систем, что может подтверждаться следующими наблюдениями: 1) в условиях широкого распространения продуктов языковых моделей ценным становится не сам текст (или информация сама по себе, представленная в нем), а способность его автора, т.е. пользователя, сформулировавшего промпт, презентовать итоговый текст своим читателям, как и 2) со стороны читателя, ценным становится его способность к критическому осмыслению прочитанного.

Таким образом, в этой части статьи мы проиллюстрировали (в общем виде) путь развития ИИ от мифа до современной технологии, рассмотрели его значение в современной социологии и продемонстрировали многообразие сфер, охватываемых им в качестве социального феномена. Имея общее понимание возможностей, которыми располагает ИИ, мы можем обратиться к вопросу о том, как именно он может быть использован в процессе социального манипулирования.

Очевидно, что проблема социального манипулирования в социологии всегда остается актуальной в силу того, что, как и деньги, брак или власть, данный феномен представляет собой социальный факт, способный оказывать на индивида внешнее принуждение и распространенный на всем протяжении общества [10]. Конечно, было бы неправомерно считать, что рассматриваемое нами явление не подвержено изменениям: об этом можно судить в срезе анализа инструментов социального манипулирования, фокусируясь на технологиях и методах, применяемых манипуляторами. По этой причине, и не углубляясь сильно в дискуссию о значении искусственного интеллекта для современного мира, о том, является ли его изобретение такой же вехой, как и появление пороха, или, по мнению скептиков, остается лишь закономерным технологическим ноу-хау, неспособным оказывать значительное влияние на роль человека в си-

стеме социальных отношений [31], мы предполагаем, что ИИ несет в себе ощутимый потенциал в области управления человеческим поведением.

Анализ взаимосвязи технологий социально-го манипулирования и ИИ следует начинать с того, что его можно осуществлять на двух уровнях. С одной стороны, мы можем оценивать вероятные последствия их синтеза через призму промышленных революций, но с другой – это возможно осуществлять и в срезе когнитивных революций – имплицитных спутников промышленных, отражающих процесс изменения «картины мира» общества, большинства его членов. Одним из «показателей» когнитивной революции является состояние медиа: изменения в области его «ядра», того, что является ответом на вопросы из коммуникативной модели Г. Лассуэла «что?», «кто?», «кому?», «по чему?» и «с каким эффектом?» [36]. Однако в современных реалиях данная модель может быть заведомо уменьшена до двух основополагающих вопросов: 1) «кто производит контент?» – профессиональные журналисты, публицисты, выражающие прогосударственное или оппозиционное мнение; блогеры без высшего журналистского образования, работа которых требует лишь наличия смартфона и «хайпового» контента или ИИ-агенты, успешно прошедшие тест Тьюринга и фабрикующие короткие ролики для тик-тока, например, про милого кенгуру, которого не пустили в самолет, и 2) «как этот продукт распространяется?» – через формальную, организованную структуру или через неструктурированную сеть без какого-либо явного ядра, что уже имеет место быть в условиях Web 3.0 [34].

Перечисленные вопросы ставят социолога перед двумя значимыми проблемами: 1) медиаконтент уже не производится лишь лицами, занятыми этим профессионально; журналисты утратили свое исключительное монопольное право на «оглашение» общественного мнения, что в условиях социальных потрясений и кризисов может приводить к распространению фейк-ньюс и 2) контент уже производится не только людьми, но и чат-ботами, что стало основой для поп-научной теории «Мертвого Интернета [22]», согласно которой, подавляющее большинство пользователей Интернета не является «живыми» людьми, из-за чего возникает парадокс вроде «Интернет создавался для взаимодействия людей, а по факту – ботов».

И если первый пункт касается сферы новостей в контексте проблемы социального манипулирования, то второй очевидно напрямую связан с темой данной статьи. И здесь адекватно поставить вопрос: какие потенциальные последствия могут быть в описанной ситуации?

Первое, наиболее явное последствие связано с усилением деятельности разведывательных служб различных государств: если в середине

прошлого столетия ЦРУ нужно было содержать внушительный штат специальных сотрудников для слежки за теми или иными социальными группами, то в наше время подобная слежка более чем легко осуществляется посредством машинной обработки поисковых запросов интересующих пользователей: классический контент-анализ достаточно точно отражает наиболее популярные Интернет-запросы, а тепловая карта подробно указывает на места частых пользовательских кликов.

Второе существенное последствие, схожее по своей логике с первым, имеет место быть в онлайн-кинотеатрах и стриминговых сервисах. Подборка фильмов, предлагаемая ИИ зрителям, с одной стороны, является удобным решением для тех, кто не хочет утруждать себя поиском фильма на вечер, но, с другой, может стать своеобразным «плацдармом» – т.е. основанием – для распространения тех или иных экранных образов в манипулятивных целях [41]. Существующие алгоритмические системы уже способны на основе различных факторов, включая историю взаимодействия зрителя с сервисом, его жанровые предпочтения, демографические данные и т.п., с наименьшей долей ошибки предсказывать, какой контент будет для него привлекательным [7]. Конечно, рассматривая подобное, не следует безосновательно «очернять» такие технологии: алгоритмы Netflix и YouTube эффективно обеспечивают зрителей материалом, наиболее релевантным их предпочтениям, что, в свою очередь, делает их опыт использования сервиса приятнее. Однако, в то же время, нельзя не обратить внимание и на то, что, по сути, такая мера формирует медийные границы, очерченные персонализированным контентом, из-за чего высока вероятность сокрытия или минимизации информации, которая могла бы изменить или расширить кругозор пользователя, что явно нарушает статью 29 Конституции РФ.

Таким образом, ИИ эффективен для составления психологического портрета ЦА; ИИ также не менее эффективен для манипуляций контентом в стриминговых сервисах. Однако здесь важно отметить и третье последствие: сбор биометрических данных пользователей и управление ими. Как и в случае с алгоритмами подбора контента, социологу не к лицу (в профессиональном смысле) впадать здесь в технофобию. Явные преимущества биометрических технологий состоят, как минимум, в том, что благодаря им можно увеличить уровень защиты персональных данных пользователей и добавить в их жизнь удобства вроде оплаты по лицу, взглядом, что становится распространенной практикой. Тем не менее, в случае недобросовестного сбора таких данных: от внешнего вида и голоса пользователя до его поисковых привычек и манеры общения – социолог может столкнуться с проблемой симулякров людей уже не в идейном, философском поле, а в ее буквальном выраже-

нии [11]. Уже не новым является тот факт, что нейросети способны производить не только игровые аватары, но и качественные дипфейки: детальные цифровые и оттого «бессмертные» копии людей. Это может привести исследователей к вопросам, как: что насчет того, что машина, создав подобные копии «живых» людей, вытеснит их из социально значимых сфер, например, государственных выборов [3]? Или что произойдет с человеком, если на его основе мошенники создадут цифровой «дoppelgänger», который беспрепятственно сможет взять вместо него займ, кредит [29] или совершить компрометирующее его действие, который тот на самом деле и не совершал?

Суммируя написанное выше, можно аргументированно отметить, что ИИ успешно справляется с задачами, связанными со сбором и хранением данных, генерацией текстов, изображений или комбинированного медиаконтента. Все это позволяет как упростить процесс социального манипулирования (в плане ресурсных и временных затрат), так и сделать его наиболее эффективным в силу устранения естественных барьеров между манипулятором и объектом его воздействия [40]. И как уже ранее было замечено, перечисление и анализ преимуществ технологий ИИ в контексте манипуляций общественным мнением и поведением людей представляет собой, в сущности, технологический аспект пятой промышленной революции [9]. Поэтому было бы некорректно обойти вниманием возможные более обширные, социальные последствия внедрения ИИ, отчасти заложенные в самой его природе.

Уже банальным прозвучит утверждение, что, как и распространение ткацкого станка в 16-ом веке, внедрение ИИ вероятно спровоцирует скачок технической безработицы: часть профессий и компетенций внутри них будут заменены машинами с простой целью бизнеса максимизации экономической выгоды и минимизации потерь. В подобных условиях, даже если человек как сотрудник компании все же выдержит такую конкуренцию с ИИ, то нет стопроцентной гарантии того, что он не столкнется с отчуждением от самого труда – в результате его естественной (в исторической логике), но оттого не менее насильственной (для личности) алгоритмизации. Будучи помещенным в трудовую сферу лишь в качестве наблюдателя за результатами, выдаваемыми ИИ, такой человек утратит творческую составляющую своей деятельности, что вероятнее всего будет способствовать его фрустрации. Таким образом, на микросоциальном уровне может сформироваться человек, лишенный творческого смысла в своем труде, а на макросоциальном – возникнуть социальная нестабильность, включая моральную панику на фоне протестов машинистов электропоездов, водителей автобусов, сценаристов, художников, программистов и других, пострадавших от вне-

дрения ИИ, в силу чего их критическое мышление под давлением сильных негативных эмоций будет сведено до минимума. И подобное положение дел может оказаться выгодным для социальных сил, заинтересованных в управлении данной ситуацией. Иными словами, процесс социального манипулирования вполне может осуществляться не только посредством ИИ как эффективной технологии сбора данных, генерации медиаконтента, но и посредством ИИ как образа, наподобие тому, как нередко фундаментальные понятия «Бог», «Родина», «Нация» могут использоваться политическими лидерами для манипуляции общественным мнением. И кроме того, почвой для мистификации ИИ могут служить и вполне объективные причины вроде, например, того факта, что даже сами разработчики ИИ не всегда могут ясно объяснить принципы его работы, помещая такие вопросы в условный «черный ящик [30]».

Возвращаясь к проблеме отчуждения в условиях широкомасштабного внедрения ИИ, важно отметить, что ее обострение в современном обществе также связано с трансформацией классической литературной проблемы «маленького» человека (в частности, описанной Н.В. Гоголем в повести «Шинель [6]») в предельно антигуманистическую проблему «ненужного» человека. Если в индустриальную эпоху, заводские станки и доменные печи требовали значительного числа относительно здоровых и физически крепких людей, то в условиях возможной гегемонии ИИ может всплыть на поверхность вопрос о целесообразности содержания внушительного штата «ненужных» людей, подверженных стрессу, выгоранию и другим болезням современного общества.

Параллельно с этим, стоит поднять вопрос и о том, как в новом обществе возможного будущего будет происходить распределение благ, созданных ИИ. Уже существует кейс того, как алгоритм быстрее штата профессиональных ученых способен изобретать лекарство [13]. В «идеальном», утопичном обществе Т. Мора [18], Т. Кампанеллы [19], А. Нэсса [39], М. Букчина [32] или в социальной организации типа команды «Энтерпрайза» это означало бы своевременное спасение множества пациентов, болезни которых считались неизлечимыми. Однако, учитывая перманентный дискуссионный характер социально-философской проблемы в области природы и сущности человека, нельзя не предполагать того, что обладание подобными высокими технологиями станет привилегией меньшей, наиболее состоятельной части общества: что насчет того, что условная мировая элита, вдохновленная идеями трансгуманизма, в частности, концепцией Р. Курцвейла о буквальной бессмертии [35], станет подобные инновации «придерживать» лишь для себя? В свою очередь, это может не только усилить существующее экономическое неравенство между богатыми и бед-

ными, но и стать причиной возникновения принципиально новой, «неестественной» формы социального неравенства – биологического. И если ранее попытки внедрения «биологического» в поле «социального» в подавляющем большинстве были провальными, т.к. в их основании нередко лежали паранаучные или откровенно антинаучные расистские воззрения, то в контексте описанной ситуации различие между богатыми и бедными в перспективе может начать измеряться не только в денежном эквиваленте, но и в плоскости продолжительности жизни, качества здоровья, физиологических возможностей и т.п.

Возвращаясь к проблеме «ненужного» человека, частично описанной Г. Стэндингом термином «прекариат», посредством исследования социальной группы, члены которой живут в условиях нестабильности и неопределенности, особенно в отношении трудовой занятости и социальной защиты [25], имеет смысл подробнее рассмотреть одни из возможных сценариев того, как будут распределяться человеческие ресурсы; того, какое место займет обыватель в условиях гегемонии ИИ.

Согласно первому сценарию, люди, вошедшие в подобную категорию, могут быть помещены в виртуальную или гибридную реальность. Их времяпровождение, как и у членов общества, описанного О. Хаксли [27], будет наполнено видеоиграми и общением в VR чатах. Это будет относительно спокойный, в силу своей предсказуемости, сценарий, т.к. при нем не будет явной социальной напряженности: одни в таком случае получают блага в лице комфортного существования, другие – лояльность первых к их власти.

Очевидным недостатком приведенного сценария является то, что в нем не затрагиваются вопросы, касающиеся обслуживания будущего ИИ. Даже если в будущем появится Общий ИИ (AGI), интеллект которого сравняется с человеческим, вряд ли он станет полностью автономным, независимым от человека: как минимум, и такому ИИ необходима будет энергия для своего функционирования (например, электричество или другой энергоноситель, пока не открытый наукой) и техническое обслуживание своего аппаратного тела. Поэтому даже при погружении «ненужного» человека в «дивный» мир виртуальной реальности, это не исключит того, что часть из них будет так или иначе привлечена к добыче энергоресурсов или, как уже было замечено, к техническому обслуживанию ИИ. В рамках данного сценария, как дополнения к первому, может возникнуть ситуация, при которой одна часть членов такого общества будет жить, потребляя блага, произведенные ИИ, в то время как другая – жить для ИИ, по сути, обеспечивая своей работой его существование, что также может привести к эксплуатации одной части общества другим, т.е. стать причиной новых социальных конфликтов.

Третий гипотетический сценарий, определяющий роль обывателя и его место в социальной системе нового общества возможного будущего, можно назвать худшим: критическим результатом перехода большей части населения Земли в категорию «ненужного» человека, как уже не раз было замечено, станет массовая техническая безработица. С одной стороны, ее можно будет воспринимать как беспрецедентную нагрузку на центры занятости, призванные обеспечить граждан работой; но с другой стороны – подобный стремительный рост безработных людей позволит заинтересованным лицам, состоящим в управлении государством или крупными корпорациями, власть которых сравнима с государственной, нанять их фактически бесплатно. И вряд ли это будет происходить с целью строительства автодорог, как во времена Великой депрессии [12]. Учитывая график военных расходов стран НАТО за период с 2014-го по 2024-ый г. [33], можно предположить, что «армия» «ненужных» людей скорее всего пополнит ряды ВС различных государств с целью расширения их военных возможностей, что в действительности может привести к очередной милитаризации Европы и стать одной из причин крупной войны. Возможной вариацией данного сценария может также стать своеобразное повторение опыта Второй Мировой: прямую или косвенную (через опасные для здоровья человека генетически модифицированные добавки в продуктах питания [28], пандемии лабораторного происхождения [17] и т.п.) ликвидацию «ненужных» людей.

Конечно, важно указать, что рассмотренные в статье сценарии являются не более, чем гипотезами (на данный момент). Их описание происходило с единственной целью представить, что будет с будущим обществом, если непродуманное, в плане потенциальных негативных последствий, внедрение технологий ИИ приведет к рассмотренной нами проблеме «ненужного» человека. С таким же успехом мы могли бы предположить и привести весомые аргументы в пользу того, что данный процесс будет иметь ровно те же последствия, что и появление первых фотографий в искусстве: несмотря на то, что в конце XIX-го столетия многие художники опасались за свое профессиональное будущее, полагая, что фотокарточки полностью вытеснят картины, тем не менее, История показала, что подобные изобретения также способны вдохнуть жизнь в новые направления изобразительного искусства вроде импрессионизма, поставившего на первый план чувства и переживания художника [14]. По этой причине мы также имеем основание судить, что ИИ не более чем переориентирует человеческий труд, в итоге, став очередным этапом в развитии производительных сил, и описанные выше сценарии пополняют книжные полки в разделе «фантастика».

В то же время позитивный взгляд на будущее современного общества не должен означать отхода или, тем более, отказа социологии от прогностической функции. В заключение стоит заметить, что рассмотренная нами проблема социального манипулирования в контексте ИИ (и его образа) также ставит перед современной социологией особые вызовы, к числу которых мы можем отнести: 1) возвращение гуманистического идеала, чтобы исключить сам вопрос о «нужности» человека, 2) сохранение и укрепление роли социолога не только как наблюдателя, но и активного участника социальных процессов и 3) в силу второго пункта современной социологии также следует обратиться к достижениям своего прошлого, когда ведущие социологи-теоретики не опасались предлагать научному сообществу модели лучшего, наиболее справедливого общества. Эффективное сочетание социологической традиции и ее комплексного опыта позволит как избежать ошибок «просветителей», чей идеал сгорел в печах Освенцима [1], так и подготовить видимый образ будущего, в котором технологии ИИ будут не замещать, а дополнять человека, выступая перед ним в роли его объективного помощника.

Литература

- Бауман З. Актуальность холокоста / Социология после холокоста. – М.: Издательство «Европа», 2010. С. 16–21.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. С. 163–223.
- Беньямин фон Виль. «Цифровые аватары-двойники»: идея для демократии в Швейцарии и не только // SWI swissinfo.ch. Цифровая демократия [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3PiRDv> (дата обращения: 09.05.2025).
- Бортников В. Брейнрот: диалектика абсурда // spichka.media [Электронный ресурс]. URL: <https://spichka.media/zametki/italyanskij-brejnrot/> – (дата обращения: 03.09.2025).
- Вашеняк Н.Е. Искусственный интеллект и авторские права: международный опыт, этические дилеммы и путь регулирования в России // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» № 3 (72) Том 3. МАРТ 2024 г. С. 171–172.
- Гоголь Н.В. Шинель. СПб.: Речь, 2023. – 80 с.
- Горина Л.Н. Стриминговые видеоплатформы как феномен современных экранных искусств // Вестник Казгуки № 3/2022. С. 80.
- Давыденко С.В. Влияние искусственного интеллекта на занятость населения // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 122–123.
- Дьякова А. Что такое Индустрия 5.0 и когда наступит ее эпоха // РБК Тренды [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/665833cf9a79470e99b00d87> (дата обращения: 09.05.2025).
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – Москва: 1990. С. 421.
- Жук А. Симуляция жизни: каким будет мир через несколько лет при развитии цифровых двойников // Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/521909-simulacia-zizni-kakim-budet-mir-cerez-neskol-ko-let-pri-razvitii-cifrovyyh-dvojn timers> (дата обращения: 09.05.2025).
- Жуков П. Эпоха Великой депрессии // Дилетант [Электронный ресурс]. – URL: <https://dilettant.media/articles/45357063/> (дата обращения: 03.09.2025).
- Киссинджер Г., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества; Пер. с англ. – М.: Альпина ПРО, 2022. С. 11–13.
- Кокорина Е.Г., Грошева В.А. Фотография и импрессионизм: анализ взаимовлияний в контексте визуальной культуры. Часть первая. Столкновение // МедиаВектор, 2023. С. 43–47.
- Коновалов А. Кто в ответе за «искусственный интеллект»? // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kto-v-otvete-za-iskusstvennyy-intellekt/> (дата обращения: 03.09.2025).
- Коржова М. Шизонейросеть. Как чат GPT сводит пользователей с ума [Электронный ресурс]. – URL: <https://takiedela.ru/notes/shizoney-roset/> (дата обращения: 03.09.2025).
- Лакота Я. Военно-биологические лаборатории США в государствах бывшего СССР // Вестник войск РХБ защиты. 2022; 6(1). С. 28–43.
- Мор Т. Утопия. М.: Эксмо-Пресс, 2019. – 160 с.
- Мор Т., Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. Изд-во: Родина, 2024. С. 165–230.
- Полунов Ю. Возникновение программирования // Виртуальный Компьютерный Музей [Электронный ресурс]. – URL: https://www.computer-museum.ru/precomp/pol_ada.htm (дата обращения: 03.09.2025).
- Раицкая Л.К., Ламбовска М.Р. Перспективы применения ChatGPT для высшего образования: обзор международных исследований // интеграция образования. Т. 28, № 1. 2024. С. 12–13.
- Рожков Р. Сетевые дементоры: что такое теория «мертвого интернета» и вытеснит ли ИИ живых людей // Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/524723-setevye-dementory-cto-takoe-teoria-mertvogo-interneta-i-vytesnit-li-ii-zivyyh-ludej> (дата обращения: 09.05.2025).

23. Рыбин А. И., Чашухин Е.О. Искусственный интеллект и социальное неравенство: философско-правовой аспект // Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. С. 59–60.
24. Сильный искусственный интеллект: На подступах к сверх-разуму / Александр Ведяхин [и др.]. – М.: Интеллектуальная Литература, 2021. С. 182–187, 212–214.
25. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Предисловие. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 6–7.
26. Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? / VII. Обучающиеся машины [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/tyuring_alan/mogut_li_mashini_mislit.html#122880 (дата обращения: 03.09.2025).
27. Хаксли О. О дивный новый мир / Предисловие. М.: Азбука, 2005. С. 3–7.
28. Цымбал М.В., Кузнецова С.Л., Чигвинцева М.К. Содержание опасных пищевых добавок в некоторых продуктах // Известия высших учебных заведения. Пищевая технология, 2010. С. 107–109.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF SOCIAL MANIPULATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Klewensky M.S.

Lomonosov Moscow State University

This article presents an analytical compilation of the general history of the origins and development of AI technologies – from ancient myths to modern neural networks and generative models – and the opportunities they can offer in the process of social manipulation: from the targeted dissemination of disinformation to the formation of public opinion through recommendation algorithms embedded in streaming services. This article also pays special attention to the problem of «unnecessary people» in the context of the mass substitution of human labor by automated systems, which can potentially lead not only to increased social marginalization but also to the strengthening of mechanisms for manipulating vulnerable social groups.

Keywords: social manipulation, artificial intelligence, perceptron, neural network, precariat.

References

1. Bauman Z. The Relevance of the Holocaust / Sociology after the Holocaust. – Moscow: Izdatelstvo «Europa», 2010. pp. 16–21.
2. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. An Experience of Social Forecasting / Translation from English. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Academia, 2004. pp. 163–223.
3. Benjamin von Wiel. «Digital Avatars-Doubles»: An Idea for Democracy in Switzerland and Beyond // SWI swissinfo.ch. Digital Democracy [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/3PiRDv> (Accessed: 09.05.2025).
4. Bortnikov V. Breinrot: The Dialectics of the Absurd // spichka.media [Electronic resource]. – URL: <https://spichka.media/zam-etki/italyanskij-breinrot/> (Accessed: 03.09.2025).
5. Vashenyak N.E. Artificial Intelligence and Copyright: International Experience, Ethical Dilemmas, and the Path of Regulation in Russia // International Scientific Journal «VESTNIK SNAUKI» № 3 (72), Vol. 3. MARCH 2024. pp. 171–172.
6. Gogol N.V. The Overcoat. St. Petersburg: Rech, 2023. – 80 p.
7. Gorina L.N. Streaming Video Platforms as a Phenomenon of Contemporary Screen Arts // Kazguki Bulletin № 3, 2022. p. 80.
8. Davydenko S.V. The Impact of Artificial Intelligence on Employment // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2024. № 1 (97). P. 122–123.
9. Dyakova, A. «What is Industry 5.0 and When Will Its Era Come?» RBC Trends [Electronic resource]. – Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/665833cf9a79470e99b00d87> (Accessed: 09.05.2025).
10. Durkheim, E. «On the Division of Social Labor: The Method of Sociology». Moscow: 1990. P. 421.
11. Zhuk, A. «Life Simulation: What the World Will Be Like in a Few Years with the Development of Digital Twins.» Forbes [Electronic resource]. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/521909-simulacia-zizni-kakim-budet-mir-cerez-neskol-ko-let-pri-razvitii-cifrovyyh-dvoynikov> (Accessed: 09.05.2025).
12. Zhukov P. The Era of the Great Depression // Dilettante [Electronic resource]. – URL: <https://dilettant.media/articles/45357063/> (Accessed: 03.09.2025).
13. Kissinger G., Huttenlocker D. Artificial Intelligence and the New Era of Humanity; Trans. from English. – Moscow: Alpina PRO, 2022. pp. 11–13.
14. Kokorina E.G., Grosheva V.A. Photography and Impressionism: An Analysis of Interactions in the Context of Visual Culture. Part One. Clash // MediaVector, 2023. pp. 43–47.
15. Konovalov A. Who is Responsible for «Artificial Intelligence»? // Advocate Newspaper [Electronic resource]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kto-v-otvete-za-iskusstvennyy-intellekt/> (Accessed: 09/03/2025).
16. Korzhova M. Schizoneyroset. How GPT Chat Drives Users Crazy [Electronic resource]. – URL: <https://takiedela.ru/notes/shizoneyroset/> (Accessed: 09/03/2025).
17. Lakota Ya. US Military Biological Laboratories in the Former USSR States // Bulletin of the RCB Defense Troops. 2022; 6(1). P. 28–43.
18. Mor T. Utopia. Moscow: Eksmo-Press, 2019. – 160 p.
19. Mor T., Campanella T. Utopia. City of the Sun. Publisher: Rodina, 2024. P. 165–230.
20. Polunov Yu. The Emergence of Programming // Virtual Computer Museum [Electronic resource]. – URL: https://www.computer-museum.ru/precomp/pol_ada.htm (Accessed: 09/03/2025).
21. Raitskaya L.K., Lambovska M.R. Prospects for the Application of ChatGPT for Higher Education: A Review of International Research // INTEGRATION OF EDUCATION. Vol. 28, № 1. 2024. Pp. 12–13.
22. Rozhkov R. Network Dementors: What is the «Dead Internet» Theory and Will AI Displace Living People // Forbes [Electronic resource]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/524723-setevye-dementory-cto-takoe-teoria-mertvogo-interneta-i-vytesnit-li-ii-zivyyh-ludej> (Accessed: 09.05.2025).
23. Rybin A. I., Chashchukhin E.O. Artificial Intelligence and Social Inequality: Philosophical and Legal Aspect // Theoretical and Applied Jurisprudence, 2024. Pp. 59–60.
24. Strong Artificial Intelligence: Towards Superintelligence / Alexander Vedyakhin [et al.]. – Moscow: Intellectual Literature, 2021. Pp. 182–187, 212–214.
25. Standing G. The Precariat: A New Dangerous Class / Preface. – Moscow: Ad Marginem Press, 2014. Pp. 6–7.
26. Turing A. Can Machines Think? / VII. Learning Machines [Electronic resource]. – URL: https://royallib.com/read/tyuring_alan/mogut_li_mashini_mislit.html#122880 (Accessed: 09/03/2025).
27. Huxley O. Brave New World / Preface. Moscow: Azbuka, 2005. Pp. 3–7.
28. Tsybmal M.V., Kuznetsova S.L., Chigvintseva M.K. Content of hazardous food additives in some products // News of higher educational institutions. Food technology, 2010. P. 107–109.

Образы российских гонщиков чемпионата «Формула-1» как элементы социальной коммуникации в спортивном медиадискурсе

Федоренко Алексей Алексеевич,

аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации, Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: fedorenkoalexei234@gmail.com

Статья посвящена исследованию российского спортивного медиадискурса и его связи с социокультурными процессами в обществе. На примере отечественных спортсменов – участников чемпионата мира «Формула-1» показано, что их образы, транслируемые масс-медиа, занимают ключевое положение в сетевой коммуникации, с одной стороны, отвечая ценностям и потребностям социума, а с другой – определяя коммуникативное поведение массовой аудитории – от героизации и поддержки «своих» атлетов до негативных установок по отношению к соперникам и спортсменам с неудовлетворительными результатами или качествами. Характеристики образов и отношение к ним пользователей выявляются с помощью методов нарративного и контент-анализа публикаций СМИ, блогов и комментариев. Кроме того, проведено сравнение российского и зарубежного медиадискурсов с целью выявления отличительных черт, присущих первому из них. Сделан вывод об ограниченной детерминированности мнения аудитории средствами массовой информации, а также о наличии распространенных установок по отношению к спортсменам, признаваемым «своими» и «чужими». Подчеркивается значение фактора национальной принадлежности спортсменов в сетевой коммуникации.

Ключевые слова: спортивный медиадискурс, сетевая коммуникация, коммуникативное поведение, спортивный герой, ку-мир, антигерой, оппозиция свой–чужой.

Введение

Спорт занимает значимое место в жизни современного российского общества: согласно данным ВЦИОМ, регулярной физической активностью занимается каждый третий россиянин, а 75% прибегают к ней хотя бы время от времени. Популярностью пользуется и профессиональный спорт, находящийся в центре внимания средств массовой информации. При этом влияние спортивных практик выходит за рамки соревнований и здорового образа жизни: спорт прочно встроен в социокультурный контекст и связан с экономическими, социальными, политическими и культурными процессами [12].

Особое значение имеет социально-политическое измерение спорта, затрагивающее вопросы национальной идентичности, общественной сплочённости, международного престижа, а также идеологического противостояния и поляризации общества [26]. В условиях медиатизации спорт становится инструментом геополитического влияния, используемым как в созидательных, так и в деструктивных целях [18]. Ключевая роль в этом процессе принадлежит медиа, формирующим образы и установки массовой аудитории. Осмысление данных процессов в контексте устойчивого развития и социального благополучия общества определяет актуальность настоящего исследования.

Объектом исследования стал медиадискурс чемпионата «Формула-1», имеющего длительную историю присутствия в российском медиaprостранстве, включая проведение Гран-при России в Сочи в 2014–2021 гг. За это время в стране сформировалось устойчивое сообщество болельщиков, поддерживаемое выступлениями российских гонщиков и активностью в цифровых медиа. Несмотря на отмену национального этапа и ограничения трансляций, интерес к чемпионату сохраняется, что подтверждается высокой активностью в социальных сетях и спортивных интернет-СМИ. Исключение России из чемпионата усилило акцент медиатекстов и пользовательских обсуждений на поддержке «своих» спортсменов, критике оппонентов и противопоставлении «мы» – «они», что делает данный медиадискурс показательным для анализа.

Предметом исследования являются образы российских гонщиков «Формулы-1» в отечественном спортивном медиадискурсе и отношение

к ним со стороны аудитории, выраженное в комментариях пользователей. Дополнительно был проведён сравнительный анализ российских и англоязычных источников, позволивший выявить особенности восприятия «своих» и «чужих» спортсменов и специфику символического противостояния в спортивной сфере.

Цель работы заключается в выявлении ключевых характеристик образов российских спортсменов в медиадискурсе и определении их значения для процессов социального взаимодействия в российском обществе.

Литературный обзор

М.Н. Данилова отмечает, что ключевую роль в популяризации спорта сыграли новые формы коммуникации XIX–XX вв. [6]. Радио и телевидение сделали спорт общедоступным, превратив его в значимую часть массовой культуры. Уже в XX веке стало очевидно, что спортивные практики не являются автономными и подвержены влиянию коммерческих, государственных и иных интересов. Показателем пример, приведённый П. Бурдые, описывающий перенос олимпийских соревнований в интересах телевизионной аудитории [1, с. 141–148]. В этом контексте И.М. Быховская рассматривает спорт как микромодель социокультурного пространства, отражающую тенденции общества, что обуславливает необходимость анализа спортивных практик в связи с другими социальными сферами, прежде всего на уровне символической репрезентации [2].

С возрождением Олимпийских игр в 1896 году спорт приобретает ярко выраженное национальное измерение: значимым становится не только спортсмен, но и страна, которую он представляет. А.В. Полонский и Я.К. Боева рассматривают спорт высших достижений как ресурс политики и инструмент идеологического влияния [18]. Ф.И. Шарков и С.А. Гуслистый выделяют как позитивные эффекты политизации спорта (консолидация общества, формирование общих ценностей), так и негативные (поляризация, межнациональные конфликты) [26]. Гуслистый также указывает на ключевые тематические блоки современного спортивного медиадискурса: политика, кризисы, дискриминация и национальная идентичность [5]. Тем самым спорт используется как для формирования позитивного образа страны, так и для идеологического противостояния на международной арене [18].

Решающую роль в этом процессе играют масс-медиа, формирующие логику общественного восприятия спорта. Явление медиатизации Т.В. Шмелева определяет как качественное изменение социальных коммуникаций под влиянием медиа, перешедших от отражения событий к их интерпретации и конструированию смыслов [27]. Одной из первых эта трансформация затронула

спорт, где медиатексты формируют образы соревнований и спортсменов [19]. Е.А. Войтик подчёркивает, что среди задач спортивных медиа – формирование общественного мнения, моделирование поведения аудитории и конструирование образов спортсменов-героев [4, с. 5].

Спортивная журналистика, обладающая коммерческой и идеологической составляющей, ориентирована преимущественно на профессиональный спорт как наиболее зрелищный [25]. Её функции включают эстетическую, гедонистическую и функцию формирования общественного мнения [24]. В медийной репрезентации спортсмены становятся центральными фигурами соревнований, приобретают статус знаменитостей и национальных героев. В.Ю. Костиков рассматривает спортсмена как носителя гуманистических ценностей и воспитательный пример для молодёжи [14], способный способствовать общественной консолидации [13]. По мнению Е.В. Позднышева, привлекательность спортивных кумиров обусловлена архетипом героя, вызывающим стремление к идентификации [17], который в современных условиях может использоваться в рамках целенаправленно формируемой социальной мифологии [10].

В российском контексте образ спортивного героя связан с представлениями о подвиге, соборности и духовных ценностях [22]. Эмпирические исследования показывают, что ключевыми качествами героя в российской культуре выступают самопожертвование, мужество и приоритет общественных интересов над личными [16]. Вместе с тем важнейшей ценностью остаётся успех: в спорте он выражается прежде всего в победе. И.М. Быховская описывает типичный нарратив героя как «воплощение американской мечты», основанный на преодолении и триумфе [2]. Однако культ успеха формирует завышенные ожидания, и в случае поражения спортсмен может превратиться в антигероя, что сопровождается общественной агрессией [12, с. 206–211]. Данную дихотомию, по мнению А.Ю. Бородкина, активно поддерживают СМИ, усиливая как престиж страны в случае побед, так и социальные конфликты при неудачах [12, с. 156–166].

Противоречие между различными моделями героизма приводит к формированию образов квази- и лжегероев [21], которые, несмотря на неоднозначность, продолжают вызывать массовое восхищение и становятся объектами подражания, включая молодёжь [7, с. 370–375].

Таким образом, спорт в современном медиaprостранстве предстаёт как «поединок на территории политических смыслов» [18]. Его социальные и политические эффекты зависят от способов конструирования образов спортсменов и целей, которые при этом преследуются. Анализ медиадискурса позволяет выявить функции спортивных героев в обществе и оценить возможные социаль-

ные последствия культурных тенденций, транслируемых через сферу спорта.

Материалы и методы

Материалом исследования являлись медиатексты, понимаемые в широком смысле как собственно журналистские тексты, публикации в блогах и комментарии к ним [27]. При этом в качестве источников были выбраны четыре крупнейших российских спортивных СМИ, имеющие отдельные рубрики, посвященные чемпионату «Формула-1»: «Спорт-Экспресс», «Чемпионат.com», «Советский спорт» и «Спортс» (ранее Sports.ru). Последний уникален тем, что в рамках ресурса свои материалы могут выкладывать не только профессиональные авторы, но и блогеры-любители – так называемая «гражданская журналистика». Это позволяет анализировать не только позицию и деятельность СМИ, но и отношение наиболее активной части аудитории к тем или иным событиям и фигурам. Мнение аудитории в исследовании выражали комментарии, которые пользователи оставляли под публикациями всех перечисленных медиа, кроме «Советского спорта». Наконец, для сравнения с российским медиадискурсом были выбраны тексты крупных зарубежных спортивных медиа: «Autosport», «Racingnews365», «Sky Sports», «ESPN». Большую ценность, на взгляд автора, имели англоязычные комментарии болельщиков на популярном форуме «Reddit».

Результаты

Чемпионат мира «Формула-1» присутствует в России с 1992 года в формате телевизионных трансляций, сформировавших устойчивую аудиторию поклонников. Первый российский гонщик дебютировал лишь в 2010 году; всего в Гран-при участвовали четыре отечественных пилота: Виталий Петров, Даниил Квят, Сергей Сироткин и Никита Мазепин. Перед анализом их медиаобразов необходимо кратко обозначить биографический контекст, сформированный средствами массовой информации.

Первым россиянином в «Формуле-1» стал Виталий Петров, чей путь отличался отсутствием картингового опыта и серьезной финансовой поддержки, что регулярно подчеркивалось медиа (Первый русский в первой «Формуле» – Спорт-Экспресс, 1.02.2010). Несмотря на это, он дебютировал в команде «Рено» (Петров в Формуле-1: борьба только начинается – Чемпионат.com, 1.02.2010), провёл нестабильный первый сезон (Кульминация «глупого сезона» – Спорт-Экспресс, 13.12.2010), но затем впервые поднялся на подиум. Последующие неудачи связывались с проблемами команды (Замах на рубль – удар на копейку – Чемпионат.com, 23.12.2011). После увольнения из «Рено» Петров выступал за «Катерхэм», где показал сильный сезон 2012 года (Итоги года

в «Формуле-1». «ХРТ», «Маруся», «Катерхэм» – Спортс, 4.12.2012), однако вновь лишился места из-за финансовых причин.

Даниил Квят, воспитанник программы «Ред Булл», сделал стремительную карьеру (Квят дошел до «Формулы-1» правильной дорогой – Спорт-Экспресс, 22.10.2013). После успешного дебюта в «Торо Россо» он перешел в основную команду, где добился подиума и опередил напарника (Итоги-2015. Квят крут... – Советский спорт, 3.01.2016). Однако в 2016 году был понижен после аварии в Сочи, а затем потерял место в чемпионате (Квята больше не будет в «Формуле-1». Финиш – Спортс, 26.10.2017). Возвращение в 2019 году сопровождалось подиумом в Германии, но по итогам 2020 года он вновь был уволен (Квята официально уволили из «Альфа Таури» – Спорт-Экспресс, 16.12.2020).

Анализ отечественного медиадискурса выявил устойчивый образ российского гонщика как национального героя. Дебют Петрова назывался «историческим событием», а Сироткин – «надеждой страны» (Первый русский в первой «Формуле» – Спорт-Экспресс, 1.02.2010; Кто они – русские... – Спорт-Экспресс, 15.06.2013). Успехи российских пилотов интерпретируются как достижения всей страны (Петров проходит Шумахера! – Спорт-Экспресс, 19.04.2010; Новая высота Даниила Квята и всей России – Чемпионат.com, 26.07.2015). В описании побед доминирует лексика триумфа и исключительности, а сами спортсмены наделяются качествами таланта, мужества и боевитости (Виталий Петров – третий в «первой»! – Спорт-Экспресс, 28.03.2011; Вечером дочка, днем подиум! – Чемпионат.com, 28.07.2019).

Важным компонентом образа является моральное превосходство: честность, самообладание и ответственность за других (Уик-энд разочарований Даниила Квята – Чемпионат.com, 20.07.2014; Без очков и травм – Чемпионат.com, 30.05.2011). Российские гонщики описываются как скромные и принципиальные, не идущие на компромисс с убеждениями (Российского гонщика «Формулы-1» невозможно вывести из себя – Спортс, 17.11.2018; Грязноватый маневр соперника... – Чемпионат.com, 5.07.2020).

При этом успех способен нивелировать негативные черты образа, как в случае Никиты Мазепина, которого часть медиа представляла как «нового героя», несмотря на критику и скандалы (Девушка главного гоночного мажора России – Спортс, 2.04.2020; Год назад над русским гонщиком смеялись... – Спортс, 3.08.2020). Национальная принадлежность способствует его защите в медиадискурсе и резкому противопоставлению «своих» и «чужих» (Мазепин добился снятия санкций... – Спорт-Экспресс, 3.03.2023; Мазепин начал карьеру в «Формуле-1»... – Спорт-Экспресс, 9.12.2020).

Противопоставление усиливается в сюжетах, связанных с политическими и культурными конфликтами, включая акцию «Black lives matter», вызвавшую поляризацию оценок Даниила Квяты («В этом нет никакой политики» – Спорт-Экспресс, 6.07.2020; Что случилось бы в России... – Чемпионат.com, 6.07.2020), а также в обсуждениях личной жизни спортсменов («Кому ты будешь нужна с прицепом?» – Чемпионат.com, 7.01.2020).

Соревновательная борьба в медиатекстах часто описывается метафорами боя и сражения, где российские гонщики выступают в роли «наших» героев (Бельгия: ... киллер Квят – Чемпионат.com, 25.08.2015; Петров пережил атаку камикадзе – Спорт-Экспресс, 12.05.2010). Однако при ухудшении результатов медиа способны трансформировать образ героя в антигероя, как это произошло с Квяттом (Бан для Квяты... – Советский спорт, 26.09.2017; Провал Квяты... – Спортс , 2.05.2016) и частично с Петровым (Феттелю снова везет! – Спорт-Экспресс, 15.10.2012).

Наиболее устойчивым антигероем медиадискурса стал Никита Мазепин, чьи неудачи и скандалы закреплялись ироничной и негативной лексикой (Мазепин разбил болид-триколор... – Спортс", 29.03.2021), хотя отдельные успехи временно смягчали оценки (Мазепин еще не дебютировал... – Спортс", 11.12.2020).

Все перечисленные ресурсы, кроме «Советского спорта» имеют техническую возможность комментирования публикаций, которая активно используется пользователями. Под многими статьями разворачиваются оживленные дискуссии, споры и даже конфликты. Оценка выступлений российских гонщиков – один из главных поводов для агрессии, иронии, но и активного «боления».

Как и значительная часть самих публикаций, многие комментарии выражают одобрение и поддержку гонщикам: «Виталий, ты лучший!», «Спасибо Даниилу – Верим в тебя и переживаем», «Видно, что Сироткин хороший парень и трудяга и наверное он неплохой гонщик» (авторская орфография и пунктуация сохранены). Достаточно часто указывается национальность пилотов и тот положительный факт, что они представляют свою страну: «Никите успехов! В любом случае приятно болеть за российского пилота!», «Отличное начало, Виталий! прославляй наш город и нашу страну!», «Я горжусь тем что он мой земляк. Удачи Квяту». Россияне также противопоставляются команде, которая собирается их уволить («Сольют Виталика басурманы»), недовольным соперникам («А то что его прижимают и травят – обычная русофобия»), движению «Black lives matter» («С какого рожна русский парень должен протирать колени? Так что идут лесом, все правильно делает») и недоброжелательно настроенным иностранным фанатам («Это общество больно на всю голову»).

С другой стороны, если журналисты (и отчасти блогеры «Спортс ») стремились защищать отечественных спортсменов от чрезмерной критики и искать причины неудач в работе машины, команды или судей, высказывания пользователей куда более категоричны, даже несмотря на статус «своего» пилота. Первые же неудачи породили реплики по типу: «Петров просто клоун, да еще на команду все валит...» (второй Гран-при в карьере), «Было двое и обоих выкинули, теперь третий, такой же» (еще до первой гонки Сергея Сироткина). В дальнейшем подобные оценки множатся, причем в отношении всех пилотов: «Конечно провал», «Это череда постоянных неудач», «Ну что же, скажем Виталику спасибо за клоунаду, и вежливо прощаемся с ним». Появляется иронический тон, почти не используемый журналистами: «Тест пилот на заводе Лада – потолок этого паренька», «Его даже на захудалом тракторе опасно садить», «Но, папа не может купить сыну талант и мозги».

Особый интерес представляет образ антигероя. После злополучного Гран-при России 2016 года и понижения таким стал Даниил Квят: «Квят – антигерой гонки в Сочи», «Квят стал вести себя как гопник»; некоторые болельщики даже начали ставить под сомнение его национальность, превращая тем самым в «чужого»: «Русский гонщик, он уже родной язык забыл, говорит на русском через пень колоду».

Антигероем еще до дебюта в «Формуле-1» стал Никита Мазепин. Хотя находились и те, кто его поддерживал, большинство было уверено, что его карьера построена исключительно на деньгах, а сам он запомнился только скандальным поведением: «Следующий «гонщик» нарисовался за денежку», «Типичный представитель золотой молодежи не уважающий никого», «Не то у мажорчика воспитание». Помимо этого, важной претензией стало то, что гонщик выступал под российским флагом: «Уберите этого клоуна. Зачем позорите Россию», «Денежки с матушки России вытягивают на свои игрушки», «Каждый сын олигарха имеет право позорить свою страну в любого рода стартах и соревнованиях».

Еще более наглядно для понимания особенностей репрезентации российских спортсменов в отечественном медиадискурсе его сравнение с англоязычными источниками. Так, в случае Виталия Петрова пользователи форума «Reddit» открыто признают, что гонщик был «абсолютно уничтожен» напарником Кубицей и годился для выступлений «в середине пелотона» (How good was Vitaly Petrov? Could an all Russian team of Sergey Sirotkin & Vitaly Petrov at Sauber occur? Without considering about Nico, what do you think about those two? – Reddit, 2013). В российском медиадискурсе, напротив, считается, что Петров показал себя достойно на фоне поляка; можно вспомнить и высо-

кие оценки от авторов, уверенных, что россиянину было бы по силам бороться с лидерами.

Интернет-издание «Racingnews365» перечисляет успехи Даниила Квята, однако напоминает, что его дебютный сезон был «посредственным», а уход из «Ред Булл» в 2016 году был предопределен «серией инцидентов на старте сезона», а не продвижением юного вундеркинда Макса Ферстаппена, в чем сходятся российские авторы (Daniil Kvyat. The latest Formula 1 news about Daniil Kvyat – Racingnews365). Далее, «Racefans» утверждает, что столкновение Квята с соперником за титул в финальной гонке «Формулы-Рено» было «противоречивым» – этот эпизод не упоминается ни в одном из русскоязычных ресурсов (Daniil Kvyat biography – Racefans). «GP Blog» отдает предпочтение испанцу Карлосу Сайнсу в борьбе с Квятom за место в «Формуле-1» в 2014 году и оценивает прогресс Даниила как медленный – отечественные медиа называют стремительными успехи гонщика в молодежных сериях и в первые два года в «Формуле» (Daniil Kvyat – GP Blog). Наконец, пользователи все того же «Reddit» отмечают скорость, но и аварийность Квята, а также дискутируют о том, что он изменял своей девушке, из-за чего они расстались – в комментариях под публикациями «Чемпионат.com» высказывалось противоположное мнение (Daniil Kvyat on 'swap' with Max Verstappen: 'It hasn't been easy for me' – Reddit, 2024).

Выступления Сергея Сироткина оценивались скромно: не было ни громких похвал (за исключением технической подготовленности), ни критики за низкие результаты (Sergey Sirotkin to Williams: How the Russian got his F1 2018 break – Sky Sport, 16.01.2018; Was Sergey Sirotkin underrated? – Reddit, 2023). Зато активное обсуждение шло вокруг Никиты Мазепина: как и в России, многочисленные пользователи указывали на финансовую подоплеку его дебюта, грубую и опасную езду, эгоизм (Nikita Mazepin and his problematic behaviour, a summary – Reddit, 2020). Приводились новые «факты», неизвестные в российском медиадискурсе и касающиеся его скандального поведения. Официальные СМИ были более умеренными в своем отношении к российскому гонщику: так, «ESPN» подчеркивал большое количество аварий и сомневался, что спортсмен попал в «Формулу-1» только благодаря таланту (Inside Haas: How F1's American team cut ties with Nikita Mazepin and his oligarch father – ESPN, 6.04.2022).

Обсуждение

В результате исследования охвачен широкий спектр репрезентаций образов российских гонщиков с позиций профессиональных журналистов, авторов-любителей и пользователей как русскоязычных, так и англоязычных ресурсов. Разнообразие оце-

нок внутри и между медиадискурсами – ключевой вывод работы. Смыслы передаются через точку зрения автора, нарратив с сюжетом и персонажами или цитаты комментариев, отражающих общественное мнение.

Важнейшее значение имеет героическое начало, приписываемое четырём российским гонщикам как национальным героям. Это подтверждается семантикой и смыслом образов, где лексика типа «герой», «подвиг», «чудо» связана с классическим героизмом – сверхъестественным усилием во благо нации.

Спортивные практики и медиа тесно включены в социокультурный контекст: соревнования – инструмент экономического, политического и культурного влияния (престиж страны, продвижение идеологий, победы над соперниками). Медиадискурс формирует нужные смыслы и ценности, одновременно стремясь к высоким рейтингам. Образ героя и борьбы устойчив в культуре и массовом сознании, удерживая внимание аудитории.

Однако актуальность героя в спортивном медиадискурсе не гарантирует только положительный эффект. Российские гонщики в СМИ – символы с высокими нравственными качествами, объединяющие общество, их победы способствуют социальной интеграции и гордости. Успешные пилоты, как Виталий Петров, служат примером упорства и труда, вызывая сопереживание [2].

С другой стороны, успехи (например, Никиты Мазепина) могут затмевать личные недостатки, делая результат важнее пути и личности. В отечественной аудитории повышенные требования порождают агрессию к проигравшим – спортсменов часто причисляют к неудачникам или антигероям. Например, Виталий Петров вызывает мало интереса, а Даниил Квят критикуется, его национальность ставится под сомнение, хотя ранее он поддерживался как соотечественник.

Заключение

«Формула-1» – довольно привилегированный спорт, недоступный большинству населения, в связи с чем основной интерес к нему в России и в мире вызван телевизионными трансляциями Гран-при, выстроенными по принципу зрелищного шоу. Сильная коммерческая составляющая определяет, почему гоночный спорт менее подвержен социально-политической конъюнктуре, однако отнюдь не исключает его из общего социокультурного контекста. Центральным связующим звеном становятся медиа; на примере четырех из них было показано, как конструировались и эволюционировали образы российских гонщиков, какую роль они играли в сетевой коммуникации, как влияли на установки аудитории и изменялись сами в многочисленных дискуссиях пользователей. Результаты исследования подтвердили тезисы, высказанные в научной

литературе, а также обнаружили специфические черты, характерные для отечественного спортивно-медиадискурса и социального взаимодействия, разворачивающегося в его рамках – от героизации гонимых и идентификации со «своими» спортсменами до агрессивных нападок в адрес неудачников и противопоставления «чужим». Продолжением этой работы может стать анализ репрезентации образов зарубежных гонимых в спортивных СМИ, а также включение материалов социальных медиа, влияющих на мнение массовой аудитории (о чем упомянуто выше).

Литература

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
2. Быховская И.М. Спорт: социокультурная экспансия в современном мире / И.М. Быховская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 11. – С. 51–58.
3. Быховская И.М. Спорт в медиатизированном мире как фактор социализации / И.М. Быховская, И.Ю. Люлевич, Д.В. Дзигуа // Экранные искусства в контексте современных культурных и образовательных процессов: Материалы II Международной научно-практической конференции и научно-практического круглого стола, Москва, 09 июня – 07 2022 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова», 2024. – С. 58–71.
4. Войтик Е.А. Спортивная медиакommunikация в России в начале XXI в / Е.А. Войтик. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. – 240 с.
5. Гуслистый С.А. Политизация контента спортивных СМИ: специфика российской и американской повестки / С.А. Гуслистый // Коммунология: электронный научный журнал. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 112–128.
6. Данилова М.Н. Спорт как медиакommunikационный феномен / М.Н. Данилова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 519–538. – DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(3).519–538.
7. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов: Монография / И.М. Дзялошинский. – М.: Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2013. – 479 с.
8. Дорошук Е.С. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле / Е.С. Дорошук, И.И. Рамазанов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9–3(111). – С. 132–135.
9. Егоров В.К. Еще раз об оппозиции «свой-чужой» / В.К. Егоров // Коммунология. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 138–154. – DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154.
10. Иванов А.Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Иванов Андрей Геннадиевич. – Воронеж, 2018. – 46 с.
11. Ильинская Е.А. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в культурологическом дискурсе / Е.А. Ильинская, Г.М. Бирженюк, Н.Р. Ремениук // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4(108). – С. 169–174. – DOI 10.24158/fik.2023.4.25.
12. Коммуникативное пространство современного спорта: социокультурное измерение: Монография / И.М. Быховская, И.Ю. Люлевич, Д.В. Дзигуа [и др.]. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2023. – 232 с.
13. Костиков В.Ю. Спорт как феномен культуры в информационном обществе / В.Ю. Костиков // Информационное общество. – 2017. – № 1. – С. 55–61. – DOI 10.17922/2071-3665-2016-15-1-54-63.
14. Костиков В.Ю. Герои спорта в отражении СМИ: подходы к проблеме / В.Ю. Костиков // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сборник материалов 60-го Международного научного форума. В 2 т., Санкт-Петербург, 30 июня – 02 2021 года. Том 1. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапайп», 2021. – С. 39–40.
15. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Малышева Елена Григорьевна. – Омск, 2011. – 46 с.
16. Подлесная М.А. Фактор фронтальности в формировании образа героя в российском обществе / М.А. Подлесная, О.К. Шевченко // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 42–60. – DOI 10.19181/nko.2024.30.3.3.
17. Позднышев Е.В. Роль архетипов в формировании имиджа самых популярных видов спорта / Е.В. Позднышев // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 1(80). – С. 86–91.

18. Полонский А.В. Спорт, политика и СМИ в контексте современных геополитических процессов / А.В. Полонский, Я.К. Боева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43, № 1. – С. 15–24. – DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-1-15-24.
19. Прохоров А.В. Направления медиатизации в спорте / А.В. Прохоров, С.А. Попов // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2024. – № 3(54). – С. 382–388.
20. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Снятков Константин Владимирович. – Вологда, 2008. – 18 с.
21. Субботина М. Амбивалентность героя в контексте изучения социального благополучия, или Поиски героического в новой социально-медийной реальности / М. Субботина // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 450–465.
22. Трофимова А.В. Подвиг как явление русской культуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Трофимова Алена Викторовна. – Нижний Новгород, 2008. – 35 с.
23. Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Фельде Виктория Геннадьевна. – Омск, 2015. – 22 с.
24. Шарков Ф.И. Генезис коммуникативной функции спортивной журналистики (на примере России и Великобритании) / Ф.И. Шарков // Коммуникология. – 2018. – Т. 6, № 5. – С. 24–36. – DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-5-24-36.
25. Шарков Ф.И. Спортивная журналистика в системе современной медиакommunikации / Ф.И. Шарков, В.В. Силкин, Р.А. Лайшев // Коммуникология. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 60–75.
26. Шарков Ф.И. Спорт как средство политических манипуляций: попытки дискредитации российского спорта / Ф.И. Шарков, С.А. Гуслистый // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 88–100.
27. Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т.В. Шмелева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 7(90). – С. 145–148.
28. Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры / А.К. Якимович // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 48–60.

IMAGES OF RUSSIAN FORMULA 1 CHAMPIONSHIP RACING DRIVERS AS ELEMENTS OF SOCIAL COMMUNICATION IN SPORTS MEDIA DISCOURSE

Fedorenko A.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the Russian sports media discourse and its connection with socio-cultural processes in society. Using the example of Russian athletes participating in the Formula 1 World Championship, it is shown that their images in mass media occupy a key position in online communication, on the one hand, responding to the values and needs of society, and on the other hand, determining the communicative behavior of the mass audience – from glorification and support of «own» athletes to negative attitudes towards competitors and athletes with unsatisfactory results or qualities. The characteristics of images and the attitude of internet users towards them are revealed using methods of narrative and content analysis of media publications, blogs and comments. In addition, a comparison of Russian and foreign media discourses was conducted in order to identify the distinctive features of the first one. The conclusion is made about the limited determinism of the audience's opinion by the media, as well as the presence of widespread attitudes towards athletes who are recognized as «own» and «alien». The importance of the athletes' nationality factor in online communication is emphasized.

Keywords: sports media discourse, online communication, communicative behavior, sports hero, idol, antihero, own–alien opposition.

References

1. Bourdieu P. On Television and Journalism / Translated from French by T. Anisimova, Yu. Markova; Ed., Preface by N. Shmatko. – Moscow: Scientific Research Foundation «Pragmatics of Culture», Institute of Experimental Sociology, 2002. – 160 p.
2. Bykhovskaya I.M. Sport: Sociocultural Expansion in the Modern World / I.M. Bykhovskaya // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. – 2014. – № 11. – P. 51–58.
3. Bykhovskaya I.M. Sport in a Mediatized World as a Factor of Socialization / I.M. Bykhovskaya, I. Yu. Lyulevich, D.V. Dzigua // Screen Arts in the Context of Modern Cultural and Educational Processes: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference and Scientific and Practical Round Table, Moscow, June 9 – July 2022. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimov», 2024. – Pp. 58–71.
4. Voitik E.A. Sports Media Communication in Russia at the Beginning of the 21st Century / E.A. Voitik. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2013. – 240 p.
5. Guslisty S.A. Politicization of Sports Media Content: Specifics of the Russian and American Agenda / S.A. Guslisty // Communicology: Electronic Scientific Journal. – 2023. – Vol. 8, № 1. – Pp. 112–128.
6. Danilova M.N. Sport as a Media Communication Phenomenon / M.N. Danilova // Issues of Theory and Practice of Journalism. – 2018. – Vol. 7, № 3. – Pp. 519–538. – DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(3).519-538.
7. Dzyaloshinsky I.M. Media Space of Russia: Communication Strategies of Social Institutions: Monograph / I.M. Dzyaloshinsky. – M.: Publishing House of the Academy for Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers, 2013. – 479 p.
8. Doroshchuk E.S. Digital technologies of sports media in the modern information field / E.S. Doroshchuk, I.I. Ramazanov // International research journal. – 2021. – № 9–3 (111). – Pp. 132–135.
9. Egorov V.K. Once again about the opposition «friend or foe» / V.K. Egorov // Communicology. – 2020. – Vol. 8, № 1. – Pp. 138–154. – DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154.
10. Ivanov A.G. Social mythology and its role in the development of society: specialty 09.00.11 «Social philosophy»: abstract of

- a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / Ivanov Andrey Gennadievich. – Voronezh, 2018. – 46 p.
11. Ilyinskaya E.A. Binary opposition «friend – foe» in cultural discourse / E.A. Ilyinskaya, G.M. Birzhenyuk, N.R. Remenyuk // *Society: philosophy, history, culture*. – 2023. – № 4 (108). – P. 169–174. – DOI 10.24158/fik.2023.4.25.
 12. Communicative space of modern sports: socio-cultural dimension: Monograph / I.M. Bykhovskaya, I. Yu. Lyulevich, D.V. Dzi-gua [et al.]. – Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2023. – 232 p.
 13. Kostikov V. Yu. Sport as a cultural phenomenon in the information society / V. Yu. Kostikov // *Information society*. – 2017. – № 1. – Pp. 55–61. – DOI 10.17922/2071–3665–2016–15–1–54–63.
 14. Kostikov V. Yu. Sports heroes as reflected by the media: approaches to the problem / V. Yu. Kostikov // *Media in the modern world. 60th St. Petersburg Readings: collection of materials from the 60th International Scientific Forum*. In 2 volumes, St. Petersburg, June 30 – February 2, 2021. Volume 1. – St. Petersburg: OOO Mediapapir, 2021. – Pp. 39–40.
 15. Malysheva E.G. Russian sports discourse: theory and methodology of linguacognitive research: specialty 10.02.01 «Russian language»: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences / Malysheva Elena Grigoryevna. – Omsk, 2011. – 46 p.
 16. Podlesnaya M.A. The frontier factor in the formation of the image of a hero in Russian society / M.A. Podlesnaya, O.K. Shevchenko // *Science. Culture. Society*. – 2024. – Vol. 30, № 3. – Pp. 42–60. – DOI 10.19181/nko.2024.30.3.3.
 17. Pozdnyshv E.V. The Role of Archetypes in Shaping the Image of the Most Popular Sports / E.V. Pozdnyshv // *Almanac of Modern Science and Education*. – 2014. – № 1(80). – Pp. 86–91.
 18. Polonsky A.V. Sports, Politics, and Media in the Context of Modern Geopolitical Processes / A.V. Polonsky, Ya.K. Boeva // *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*. – 2024. – Vol. 43, № 1. – Pp. 15–24. – DOI 10.52575/2712–7451–2024–43–1–15–24.
 19. Prokhorov A.V. Directions of Mediatization in Sports / A.V. Prokhorov, S.A. Popov // *Scientific Notes of Novgorod State University*. – 2024. – № 3 (54). – P. 382–388.
 20. Snyatkov K.V. Communicative and Pragmatic Characteristics of Television Sports Discourse: specialty 10.02.01 «Russian Language»: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Snyatkov Konstantin Vladimirovich. – Vologda, 2008. – 18 p.
 21. Subbotina M. Ambivalence of the Hero in the Context of the Study of Social Well-Being, or the Search for the Heroic in the New Social and Media Reality / M. Subbotina // *Sociological Review*. – 2020. – Vol. 19, № 3. – P. 450–465.
 22. Trofimova A.V. Feat as a Phenomenon of Russian Cultures: specialty 24.00.01 «Theory and History of Culture»: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Trofimova Alena Viktorovna. – Nizhny Novgorod, 2008. – 35 p.
 23. Felde V.G. The Opposition «Friend – Foe» in Culture: specialty 09.00.13 «Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture»: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Felde Victoria Gennadyevna. – Omsk, 2015. – 22 p.
 24. Sharkov F.I. Genesis of the Communicative Function of Sports Journalism (using Russia and Great Britain as an example) / F.I. Sharkov // *Communicology*. – 2018. – Vol. 6, № 5. – Pp. 24–36. – DOI 10.21453/2311–3065–2018–6–5–24–36.
 25. Sharkov F.I. Sports journalism in the system of modern media communications / F.I. Sharkov, V.V. Silkin, R.A. Laishev // *Communicology*. – 2018. – Vol. 6, № 4. – Pp. 60–75.
 26. Sharkov F.I. Sport as a means of political manipulation: attempts to discredit Russian sports / F.I. Sharkov, S.A. Guslisty // *Communicology: electronic scientific journal*. – 2023. – Vol. 8, № 2. – Pp. 88–100.
 27. Shmeleva T.V. Mediatization as a phenomenon of modern culture and an object of research / T.V. Shmeleva // *Bulletin of the Novgorod State University*. – 2015. – № 7(90). – pp. 145–148.
 28. Yakimovich A.K. «Friend or foe» in cultural systems / A.K. Yakimovich // *Questions of Philosophy*. – 2003. – № 4. – P. 48–60.

Соседские отношения и проблема приватности в большом городе

Чеснокова Леся Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра
международных отношений, социологии и политологии,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: L.Tchesnokova

Целью статьи является рассмотрение проблемы приватности, связанной с соседскими отношениями в крупных городах. Соседские отношения представляют собой константу человеческого существования. Несмотря на трансформацию их формы, человек всегда проживал бок о бок с другими людьми. Сегодня, в связи с тем, что, с одной стороны, происходит уплотнение жилищной застройки в крупных городах, а с другой стороны, продолжается социокультурный процесс индивидуализации, проблема сохранения приватности в соседских отношениях приобретает особую актуальность. В основе современного соседства лежит диалектика общности и индивидуализма, анонимности и доверительных отношений, близости и дистанцированности, публичности и приватности. В результате тесной пространственной близости в крупном городе, соседи, так или иначе, вступают в социальные взаимодействия, но, в то же время, они хотят сохранить свою приватность – защиту своего жилища от непрошеного вторжения – подглядывания, подслушивания, нарушения личных границ. В данной работе мы будем говорить о типе проживания в многоквартирных домах, характерном для современных крупных городов.

Ключевые слова: соседство, соседские взаимодействия, локальная приватность, границы приватности, нарушения приватности.

Введение

Во все эпохи и во всех обществах соседство представляет собой неизбежную форму человеческого сосуществования, порожденную пространственной близостью. Несмотря на трансформацию жилищных условий, человек всегда проживал бок о бок с другими людьми. Поэтому соседские отношения представляют собой интерес для множества социогуманитарных наук, таких как философия, антропология, культурология, урбанистика и т.д. Социология культуры изучает соседство как повседневную сферу человеческих взаимоотношений в современном обществе. С ее точки зрения соседство – это совокупность социокультурных ситуаций и структурно-пространственной среды, в которой реализуются социальные отношения людей. Соседство представляет собой пространственный феномен, поскольку отношения соседей обусловлены пространственной близостью. Однако последняя не гарантирует ни социальной близости, ни бесконфликтных отношений.

Соседство может создавать различного качества социальные связи, такие как любовь и ненависть, зависимость и автономия, близость и дистанцированность. «Соседство, как и родство, и дружба, имеет потенциал, с одной стороны, порождать разногласия и конфликты, а с другой – создавать сильную близость друг с другом» [17, с. 8]. Будучи формой организации социальной жизни, соседские отношения нашли свое отражение в литературных произведениях, социальной и культурной истории. В эпоху глобализации, цифровизации, роста индивидуализма соседские отношения вызывают особый интерес.

В различных словарях определение соседства предполагает расположение бок о бок в пространстве, структурное разграничение территории: «СОСЕДСТВО, -а, ср. Смежность, близость с кем-ч. н. по месту жительства или по месту расположения. Жить по соседству (рядом)» [9]. Соседями могут быть школьники, делящие одну парту, жители соседних государств, пассажиры общественного транспорта, жильцы дома. Границей, разделяющей публичное и приватное пространства, могут быть дверь квартиры, калитка на даче, оконная штора и т.п.

Соседство представляет собой форму социально-пространственной близости. «Соседство – один из основных элементов городской жизни. Оно присуще любому поселению людей или даже группе поселений, территориально удаленных друг от друга, в местах низкой плотности»

[10, с. 99]. Соседи могут объединяться для решения таких вопросов как защита территории от чужаков, благоустройство мест общего пользования, организация досуга и т.п. «Соседство существует во всех жилых средах независимо от их расположения и размера» [6, с. 8].

В городах с высокой плотностью населения сообщества включают в себя вынужденные социально-пространственные сообщества, образующиеся в результате проживания на одном этаже, в одном подъезде или в одном доме. Люди, проживающие в одном доме, могут принадлежать к разным социальным слоям, поколениям, этносам, иметь различающиеся стили жизни и временные ритмы, однако, вследствие совместного проживания на одной территории, они вынуждены, так или иначе, приспособливаться друг к другу. Зачастую соседство предполагает вынужденную коммуникацию: «когда делишь с соседями стены и трубы, то вынужден с ним коммуницировать, так как не можешь выбирать, с кем общаться, а кого хотелось бы избегать» [2, с. 124–125].

Трансформация соседских практик в исторической перспективе

Соседство трансформируется вслед за структурными трансформациями общества, в которые оно встроено. В истории можно наблюдать изменение соседских отношений: переход от тесных социальных связей к отчуждению, атомизированности, анонимности, свойственных проживанию в современной многоэтажной застройке. Как отмечает О.Е. Бредникова, «интенсивное соседство, характерное для традиционного общества с распространенными практиками взаимопомощи, ранее было экономической необходимостью», [3, с. 102]. Вследствие неразвитости социальных институтов приходилось полагаться на соседскую взаимопомощь и взаимовыручку. Основу социальных связей составляли родственные либо соседские сообщества, находящиеся в тесных отношениях друг с другом. Вследствие процессов модернизации, а также таких социокультурных процессов как урбанизация и индивидуализация сознания, соседские взаимоотношения не играют такой роли, как в традиционном обществе.

В современном городе территориальная общность распадается. У горожанина появляется множество других, не только пространственных, контактов. Многие социальные связи образуются по профессиональным принципам. Люди общаются на работе, которая зачастую находится на значительном пространственном удалении от жилья. Дружеские встречи переносятся в кафе, рестораны и другие публичные пространства. Современный горожанин предпочитает полагаться на поддержку социальных институтов, а не на соседскую взаимовыручку. Вследствие стрессов городской

жизни он старается дистанцироваться от соседей и ценит уединение и приватность своей собственной квартиры. «Социально-экономические изменения модерна, связанные с индустриализацией и урбанизацией привели к возникновению дома как пространства, закрытого от тревог и стрессов внешнего мира, на превращение *house* в *home*» [13, с. 95]. Встречи с соседями и друзьями теперь либо переносятся в публичное пространство (клубы, кофейни и т.п.), либо регламентируются (выделяются особые часы для визитов, не принято приходить гости без приглашения).

Как отмечает Г.В. Горнова, городскую среду «можно схематически обозначить в виде ряда концентрических окружностей, в центре которых находится горожанин, «Я». Ближайшие круги составляют «значимые другие»: его семья, друзья. Затем следует круг его коллег из трудового, учебного или иного коллектива, и лишь потом – соседи» [4, с. 9]. Вследствие появления в современном урбанизированном обществе множества социальных институтов соседские отношения утрачивают свою значимость.

Общение с другими людьми в городской среде характеризуется дистанцированностью и анонимностью. Отчужденность и опасение по отношению к посторонним сочетаются с необходимостью поддержания социальных связей с коллегами, друзьями или родственниками. Однако «соседские связи не попадают ни и в один из кругов, поэтому попросту выпадают и переходят в разряд «чужих»» [15, с. 197]. Более того, соседи вследствие наличия у них больших возможностей вторжения в жилое пространство в силу их территориальной близости, вызывают опасение. Поэтому в городских условиях люди зачастую осознанно стремятся ограничить контакты с потенциальными нарушителями приватности. Порой присутствует подчеркнутое стремление обособиться от соседей. Зачастую современные горожане общаются с коллегами и друзьями, проживающими на значительном удалении от них, и дистанцируются от соседей, проживающих поблизости.

Кроме того, многие коммуникативные практики, в том числе и соседские, сегодня переносятся в онлайн-среду. Вместо непосредственного общения, люди взаимодействуют в социальных сетях и домовых чатах. В результате «доброжелательные отношения сменяются обезличенными контактами и формальными разговорами. Трудно наладить доброжелательные отношения с теми, кто в них не нуждается» [11, с. 92].

Теснота городской застройки потенциально способствует увеличению социальных связей, однако в действительности «пространственная близость в многоквартирных домах сочетается с психологической дистанцированностью и закрытостью людей, что создает противоречивость в создании соседских общностей» [6, с. 11].

Еще Зиммель указывал на то обстоятельство, что житель крупного города в связи с условиями высокой плотности населения испытывает «когнитивные перегрузки»: «большой город создает именно такие психологические условия своей уличной сутолокой, быстрым темпом и многообразием хозяйственной, профессиональной и общественной жизни» [7, с. 2]. Средством снизить психологическое напряжение от избыточности контактов является наличие неприкосновенного приватного жилого пространства. Территория города разделена на публичные пространства: улицы, площади, парки, скверы, открытые для всех, и приватные жилые пространства, предназначенные для проживания индивида или семьи, куда их собственники могут регулировать доступ.

Приватное пространство как право регулировать доступ на свою территорию

В словаре В. Даля приватный определяется как «частный, особенный, личный, домашний; пртвпл. общий, общественный; гласный, народный; казенный, служебный» [5]. Основной характеристикой приватности является ее географическая локализуемость, а также ее закрытость и сепарация от публичного (наличие своих четырех стен, маркирующих физические границы между приватным и публичным пространствами). «При этом такие аспекты как защищенность и уверенность, теплота и уютомность, возможность уединения связываются с приватностью и противопоставляются публичности» [16, с. 5].

Б. Реслер понимает под приватностью право на контроль доступа в свое приватное помещение, т.е. возможность уединения. Это необходимое условие для возможности автономной жизни человека. Символика приватного пространства тесно связана с его отграничением от публичной сферы, а также такими свойствами как контроль доступа в жилое пространство индивида или семьи, возможность уединения, защита от стрессов публичной жизни и т.п. Приватность зачастую локализуется внутри собственных четырех стен, которые недоступны чужим, что возможно только в случае контроля доступа к ним со стороны их собственников, и является отличительным признаком таких помещений от публичного пространства. «Когда мы говорим: «это моя комната», то тем самым мы имеем в виду не только возможность определять, кто и когда может заходить ко мне, но также подразумеваем, что здесь мы можем делать то, что сами хотим, без наблюдения, без помех. И тем самым мы подразумеваем, что эта комната, как она есть, существует для меня, моих привычек, моей истории, моих предпочтений и моих интересов» [19, с. 261]. Следовательно, свое жилище представляет собой центр приватной жизни, давая возможность уединения или проведения време-

ни с близкими людьми. Оно защищает семейную жизнь от посторонних.

Приватность и публичность представляют собой социально-пространственные категории, трансформирующиеся в ходе социально-исторического процесса. При этом границы между публичностью и приватностью могут носить ситуативный характер: приватная сфера «зависит от воли человека; она может быть установлена, т.е. не является чем-то заданным от природы; предполагает активная позицию социальных акторов в установлении приватной сферы; можно установить желаемую степень приватности» [16, с. 41]. Пространственные отношения не возникают сами по себе, а являются результатом социальных процессов и социальных практик. В основе пространственных процессов лежит нормативная регуляция, т.е. связанные с поведением в том или ином обществе нормы, законы и ценности, регулирующие желательное или запрещенное поведение субъекта в определенной ситуации. Приватность и публичность выступают как динамичные социальные конструкты, «устанавливаемые в результате признания границ, которое происходит благодаря договоренностям, принятым социальными акторами» [14, с. 206].

Высокая плотность городского населения вызывает усталость и потребность в уединении. Горожанин дорожит своим приватным пространством и неохотно пускает туда посторонних. Горожане стремятся на всякий случай поддерживать хорошие отношения с соседями, однако, избегают пускать их внутри границ приватного пространства – в собственную квартиру.

Лиминальные пространства для соседского общения

Однако между публичными пространствами (улицами, площадями, парками) и приватным пространством квартиры существуют и лиминальные – пограничные – области, где происходит большинство контактов с соседями. В качестве «нейтральной территории» выступают подъезд, лестничная площадка, лифт и т.п. Именно здесь разворачивается большинство соседских коммуникаций: обмен приветствиями, короткое общение, обмен информацией. Соседи предпочитают взаимодействовать на этой ничейной территории, не пуская чужих в интимное пространство собственной квартиры. Разговоры происходят «при закрытых или чуть открытых дверях. В лучшем случае сосед будет приглашен в прихожую, не далее. Такое взаимодействие «в дверях» будет краткосрочным и невовлеченным» [2, с. 126]. Это короткое общение, часто ограничивающееся лишь приветствием, причем зачастую соседи знают друг друга только в лицо и не испытывают желания познакомиться поближе. Темы для разговоров в общих пространствах также ограничены обсуждением проблем инфраструктуры дома,

шумных или проблемных соседей или же предполагают короткий small-talk, касающийся погоды или выгуливаемых домашних питомцев. Откровенных разговоров по душам избегают, предпочитая сдержанную и нейтральную коммуникацию, не нарушающую чужую приватность.

Связано это тем обстоятельством, что социально активное население имеет контакты вне места проживания, у себя же дома предпочитают отдыхать в одиночестве или в кругу семьи. Люди могут жить в одном подъезде, но почти не соприкасаться друг с другом в своих повседневных отношениях. Однако стремление к уединению проявляется неодинаково: зачастую трудоспособные люди реализуют свою потребность в коммуникации за пределами собственного дома, формируя социальные группы вне привязки к месту проживания, но такая возможность отсутствует у маломобильных людей. Поддержание хороших отношений с соседями более важно для пожилых людей, инвалидов, одиноких матерей с детьми и других, в большей или меньшей степени, социально изолированных лиц. Связано данное обстоятельство с тем, что указанные категории имеют «недостаточно социальной поддержки и иных ресурсов либо они более чувствительны к особенностям жилой среды. Они испытывают зависимость от социальных контактов внутри жилой среды, в то время как остальная часть человечества развивает социальные сети, менее локализованные в пространстве» [6, с. 9]. Особенно для одиноких пожилых людей и инвалидов соседские контакты в непосредственной среде обитания имеют большое значение, т.к. им может понадобиться помощь соседей. У молодых и активных такая потребность ниже, поскольку они обладают физическими, социальными и финансовыми ресурсами.

Границы приватности в соседских коммуникациях

Пространственная теснота, свойственная жизни в большом городе, вызывает желание дистанции и соблюдения границ приватности. Эти границы могут быть как материальными (стены, заборы, шторы), так и нематериальными (социальные нормы, законы, мораль). Так, к числу нематериальных границ приватности можно отнести осознанный отказ от вмешательства в чужие дела и стремления откровенничать с соседями. В качестве способов охранения приватности можно назвать выстраивание стратегий дистанцирования, «когда соседи поддерживают доброжелательные отношения, могут обмениваться новостями, оказывать друг другу мелкие услуги и прочее, однако само общение скользкое, неглубокое» [2, с. 129]. Люди демонстрируют доброжелательное и вежливое отношение к соседям, но не переводят его в формат дружбы или приятельства, стремясь сохранить социальную

дистанцию. В качестве способа взаимодействия конструируется «дискурс «гражданского невнимания» как основной этикетной формы соседских взаимоотношений» [8, с. 250].

Кроме того, соседство предполагает наличие и материальных границ. Соседи отделены друг от друга материальными границами, фрагментирующими пространство. Границы разделяют внешнее и внутреннее пространство, своих и чужих, общую и частную собственность, опасное и безопасное, прозрачное, открытое для всех пространство, и закрытое, предназначенное только для индивида и семьи. Границы приватности – контроль на въезде в жилой комплекс, дверь подъезда, оснащенная домофоном и видеокамерой, железная дверь квартиры – призваны защитить приватное пространство от вторжения чужаков. Процесс отгораживания своего приватного пространства особенно усилился в последние десятилетия вместе с новыми социально-экономическими и социально-культурными отношениями, в том числе и с индивидуализацией и атомизацией городской среды. «Укрепление двери квартиры в российских городах в 1990-х – начале 2000-х годов олицетворяло не только способность домохозяйства защитить себя, но и растущее отчуждение соседей» [1, с. 142].

Приватное пространство ограждено как материальными преградами: дверями, заборами, шторами, так и социальными нормами, запрещающими без особой нужды нарушать чужую территорию. «Современное соседство – это во многом про создание и поддержание границ. Такие границы создаются для сохранения собственной приватности при близком сосуществовании с соседями – чужими, в общем-то, людьми» [3, с. 119].

Хороший сосед – тот, кто уважает чужую приватность

В современном городе хорошим соседом считается тот, кто не вмешивается в чужие дела, соблюдает дистанцию, не доставляет проблем, не создает конфликтных ситуаций, «тихий и спокойный», что подразумевает соблюдение материальных и нематериальных границ приватности. Это «тихий, вежливый, незаметный, культурный человек, не имеющий детей, собак и машин, не предполагающий вступать в коммуникативный контакт с другими людьми и не навязывающий им свою помощь, в его квартире не слышны звуки и отсутствуют запахи» [11, с. 135].

Как отмечает А.Ю. Казакова, в объявлениях о продаже недвижимости хорошее соседство выступает значимым преимуществом. И, напротив, социально неблагополучные жильцы, устраивающие шумные вечеринки, нарушающие покой соседей, снижают вероятность продажи квартиры. «Эксплуатация страха перед соседями-люмпенами, просто слишком активными соседями

ми» [8, с. 245] – распространенный рекламный прием при продаже недвижимости. При этом в объявлениях говорится о спокойствии, порядочности соседей, возможности комфорта и уединения, но никогда – о дружбе, что свидетельствует о желании отгородиться от чужих людей в приватном пространстве собственной квартиры.

В богатых кварталах, согласно объявлениям о продаже жилья, ценится наличие охраны, гарантирующей отсутствие чужих, и социальная и экономическая однородность среды, состоящей из обеспеченных респектабельных людей. Но и в жилье, предназначенном для менее обеспеченных слоев населения: общежитиях, малосемейках, коммунальном жилье, также стремятся максимально обособиться, устраивая кухню и душевую в жилой комнате и указывая на порядочность соседей по общей квартире «Выраженная модель избегания меняет привычные критерии оценки жилищ: выгодны пятый этаж пятиэтажки, так как «для общежития чем выше, тем лучше: меньше шума, грязи и т.д.» [8, с. 245]. Угловое расположение квартиры также рассматривается как преимущество, поскольку оно уменьшает количество соседей.

В связи с вынужденной территориальной близостью в современном городе соседи могут быть источником как поддержки, так и проблем. Сегодня в крупных городах могут существовать как гомогенные, так и гетерогенные жилищные сообщества. Соседи могут общаться, создавать «соседский надзор», оказывать друг другу помощь в повседневных ситуациях, но и формировать не пересекающиеся общности, физически расположенные рядом в пространстве, но почти не соприкасающиеся друг с другом в своих социальных контактах и повседневных отношениях. В одном и том же доме могут проживать трудоспособные граждане, пенсионеры, семьи с детьми, квартиранты, снимающие жилье, маргиналы и т.п.

Однако считается, что социальная однородность жителей и близкое материальное положение, обеспечивающие сходные социокультурные нормы, являются преимуществом. Добрососедство предполагает совпадение ценностей, важнейшей из которых в соседских отношениях выступает уважение к приватности других. «Пространственная близость обычно также означает социальную близость и, следовательно, общие интересы, соответствующие нормы поведения и схожий образ жизни, так что человек сталкивается с одинаковыми обстоятельствами, трудностями и ограничениями» [17, с. 24].

Добрососедство может зависеть от схожего образа жизни, менталитета, временных ритмов, норм поведения, поэтому во многих случаях при выборе жилья люди стремятся найти соседей со схожими ценностями, чтобы избежать конфликтов. Однако в случае несовпадения стилей жизни принудительная территориальная близость мо-

жет порождать конфликты. Чаще всего конфликты возникают из-за нарушения границ приватного пространства.

В качестве видов нарушения приватности жилья в ситуации вынужденной пространственной близости можно выделить следующие факторы: громкие звуки, нарушающие соседский покой (громкая музыка, шум от ремонта, собачий лай, топот над головой, звуки семейного скандала, плач ребенка); запахи (запах сигаретного дыма, краски от ремонта, готовящейся пищи); вмешательство в чужую жизнь (навязчивое любопытство, непрошенные советы и комментарии, распространение сплетен). Кроме того, в современном городе приход в гости без приглашения расценивается как раздражающее нарушение личных границ. В качестве нарушения границы приватности можно также рассматривать попытки приватизации общего пространства подъезда для личных нужд: хранения предметов мебели, лыж, санок, детских колясок и т.п., если это делается без согласия соседей.

Как указывает О.Е. Бредникова в своем исследовании, подобные действия зачастую вызывают конфликты: «соседство оказывается потенциально конфликтной средой в связи с близким сосуществованием чужих друг другу людей и общей материальностью – стенами, потолками/полами, трубами и прочим» [3, с. 118]. Тем не менее, конфликтогенность, связанная с вынужденной пространственной близостью, свидетельствует о росте индивидуализма и значимости защищенного, неприкосновенного и закрытого для чужих людей приватного жилого пространства для жителя современного крупного города.

Выводы

Таким образом, соседство как пространственные социальные отношения продолжает оставаться универсальным способом жизнедеятельности. В деревне или мегаполисе, в коммуналке или элитном жилом комплексе человек граничит с другими людьми. В крупном городе невозможно избежать тесного взаимодействия, в том числе и в жилом пространстве. Соседские отношения представляют собой баланс между социальной близостью и дистанцированием, солидарностью и стремлением к независимости, соседским контролем и желанием оградить свою приватную жизнь от чужого вмешательства. С одной стороны, в результате тесной пространственной близости в крупном городе соседи, так или иначе, вступают в социальные взаимодействия, а, с другой стороны, они хотят сохранить свою приватность – защиту своего жилища от непрошеного вторжения – подглядывания, подслушивания, нарушения личных границ. Соседство может быть более или менее удачным. Один из важнейших признаков удачного соседства – уважение к чужой приватности.

Литература

- Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. Как понимать и как исследовать соседство? // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2021. № 13(2). С. 139–171.
- Бредникова О.Е. Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26. № 1. С. 118–142.
- Бредникова О. «Я с соседями совсем не общаюсь...»: соседствование как рутинное взаимодействие // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2021. № 13(2). С. 101–123.
- Горнова Г.В. Философия города. М.: Форум: Инфра-М, 2014. 344 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П-Р. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 576 с.
- Ефимова Г. З., Коробова Ю.А. Дружья, незнакомцы или враги? Соседские взаимоотношения жильцов многоквартирных домов // *Социология города*. 2023. № 2. С. 5–29.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3–4. С. 1–12.
- Казакова А.Ю. Торгуя соседством: сосед как «конкурентное преимущество» недвижимости // *Жилищные стратегии*. 2021. Т. 8. № 3. С. 237–256.
- Ожегов С.И. Толковый словарь. – URL: <https://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=29920> (дата обращения: 05.01.2025).
- Руденко Л.Д. Особенности соседства как социального института // *Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 3 (25). С. 99–102.
- Рягузова Е.В. Репутация соседа, или Кто живет рядом с нами? // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2017. Т. 6. Вып. 2 (22). С. 134–139.
- Рягузова Е.В. Социокультурные коды и психологические границы соседства // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 89–94.
- Чеснокова Л.В. Дом как пространство приватности // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2019. № 2(32). С. 91–97.
- Чеснокова Л.В. Приватность и публичность как социально-пространственные категории // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. Вып. 2. С. 202–211.
- Шматко Е.О. Активизация соседских практик в условиях урбанизации / *Социология*. 2017. № 3. С. 196–201.
- Beyvers E., Helm P., Hennig M., Keckeis C., Kreklin J. Einleitung // *Räume und Kulturen des Privaten* (hrsg. von E. Beyvers, P. Helm, M. Hennig, C. Keckeis). P. 1–17.
- Evans S., Schahadat S. (Hg.) Einleitung: Nachbarschaft in Theorie und Praxis // *Nachbarschaft, Räume, Emotionen: Interdisziplinäre Beiträge zu einer sozialen Lebensform*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. P. 7–28.
- Kurtenbach S. Soziologie der Nachbarschaft: Befunde zu einer komplexen Selbstverständlichkeit. Frankfurt: Campus Verlag. 2024. 308 P.
- Rössler B. Der Wert des Privaten. Fr.a. M.: Suhrkamp, 2001. 379 P.

NEIGHBORHOOD RELATIONS AND THE PROBLEM OF PRIVACY IN A BIG CITY

Chesnokova L.V.

Dostoyevsky Omsk State University

The purpose of the article is to consider the problems of privacy related to neighborhood relations in large cities. Neighborhood relations are a constant of human existence. Despite the transformation of their form, man has always lived side by side with other people. Today, due to the fact that, on the one hand, there is a consolidation of housing developments in large cities, and, on the other hand, the process of individualization continues, the problem of maintaining privacy in neighborhood relations is becoming particularly relevant. Modern neighborhood is based on the dialectic of community and individualism, anonymity and trusting relationships, proximity and distance, publicity and privacy. As a result of close spatial proximity in a large city, neighbors, one way or another, engage in social interactions, but at the same time, they want to preserve their privacy – protecting their homes from uninvited intrusion – peeping, eavesdropping, violation of personal boundaries. In this paper, we will talk about the type of living in apartment buildings typical of modern large cities.

Keywords: neighborhood, neighborhood interactions, local privacy, privacy boundaries, privacy violations.

References

- Bogdanova, E., Brednikova, O., Zaporozhets, O. How Can Neighborhood Be Understood and Studied? *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2021, № 12(2), pp. 139–171. (in Russian).
- Brednikova, O.E. Neighborhood in the Russian big city: the time and place of neighborhood communications. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 2023, № 26(1), pp. 118–142 (in Russian).
- Brednikova, O. E. I Don't Communicate with My Neighbors At All»: Neighboring as a Routine Interaction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2021, № 12(2), pp. 11–123. (in Russian).
- Gornova, G.V. Philosophy of the City. Moscow, Forum, Infra-M publ, 2014, 344 p. (in Russian).
- Dahl, V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol. Vol. 3: P-R. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. 576 p.
- Efimova G. Z., Korobova Yu.A. Friends, strangers or enemies? Neighborhood relations practices tenants of apartment buildings. *Sotsiologiya Goroda [Urban Sociology]*, 2023, № 2, pp. 5–29. (in Russian).
- Simmel, G. The Metropolis and Mental Life. *Logos*, 2002, № 3–4, pp. 1–12. (in Russian).
- Kazakova, A.Y. Trading neighborhood: neighbor as a «competitive advantage» of realities. *Russian Journal of Housing Research*, 2021, № 8(3), pp. 237–256. (in Russian).
- Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary. – URL: <https://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=29920> (date accessed: 05.01.2025).

10. Rudenko, L.D. Features of the Neighborhood as a Social Institution. Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities, 2013, № 3 (25). pp. 99–102. (in Russian).
11. Ryaguzova, E.V. Reputation of a Neighbor, or Who Lives Near Us? Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Akmeology. Developmental Psychology, 2017, vol. 6, iss. 2 (22), pp. 134–139. (in Russian).
12. Ryaguzova, E.V. Sociocultural codes and psychological boundaries of neighborhood. Izv. Sarath. un-ta. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2017, № 17(1). pp. 89–94. (in Russian).
13. Chesnokova, L.V. The House as a Space of Privacy. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. 2019, № 2(32), pp. 91–97. (in Russian). (in Russian).
14. Chesnokova, L.V. Privacy and publicity as socio-spatial categories. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology, 2021, № 2, pp. 202–211 (in Russian).
15. Shmatko, E.O. Activation of neighborhood practices in conditions of urbanization. Sociology, 2017, № 3, pp. 196–201. (in Russian).
16. Beyvers, E., Helm, P., Hennig, M., Keckeis, C., Kreklin, J. Einleitung: Räume und Kulturen des Privaten (hrsg. von E. Beyvers, P. Helm, M. Hennig, C. Keckeis), P. 1–17.
17. Evans, S., Schahadat, S. (Hg.) Einleitung: Nachbarschaft in Theorie und Praxis. Nachbarschaft, Räume, Emotionen: Interdisziplinäre Beiträge zu einer sozialen Lebensform. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. P. 7–28.
18. Kurtenbach S. Soziologie der Nachbarschaft: Befunde zu einer komplexen Selbstverständlichkeit. Frankfurt: CampusVerlag. 2024. 308 P.
19. Rössler B. Der Wert des Privaten. Fr.a. M.: Suhrkamp, 2001. 379 P.

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Религия и идеология и их влияние на этику

Печерина Екатерина Андреевна,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления

E-mail: pecerinakata4@gmail.com

Целью работы является выявление структурного сходства и принципиальных различий между религиозными и идеологическими механизмами обоснования этики на материале российского интеллектуального опыта XIX–XX столетий. Методология исследования основана на сравнительном анализе религиозно-философских и идеологических систем с применением методов исторической реконструкции и концептуального анализа, что позволяет проследить трансформацию способов легитимации нравственного императива при переходе от православной этики к советской марксистской морали. Результаты исследования демонстрируют, что религия и идеология функционируют как структурно изоморфные системы тотального обоснования этики, различающиеся не механизмами воздействия на нравственное сознание, а источником легитимации: религиозная этика апеллирует к трансцендентному откровению и соборному опыту, тогда как идеологическая мораль отсылает к объективным законам истории, познанным рациональным путем. Установлено, что советская этика, декларируя научность и разрыв с религиозной традицией, воспроизводила квазирелигиозные механизмы внушения через создание собственной эсхатологии, агиографии и ритуальной практики, что свидетельствует о функциональном замещении религии идеологией при сохранении глубинных структур сакрализации социальной реальности.

Ключевые слова: религиозная этика, идеология и мораль, славянофильство и западничество, советская этика, марксизм-ленинизм, православная традиция, соборность, политическая религия.

Введение

За последние годы в России произошли значительные социальные, экономические, технологические изменения, которые нашли свое выражение в общественном и индивидуальном сознании, в изменении ценностей в том числе и в нравственной ориентации людей. Процессы этих изменений очень сложны и многообразны. Они затрагивают различные аспекты жизни, в связи с чем на сегодняшний день невозможно дать им полную и однозначную оценку. Тем не менее автор в настоящей статье делает акцент на сравнении двух систем взглядов, которые оказывают влияние в своих основных положениях на формирование массового сознания в обществе. В данной статье автор говорит о некоторых ярко выраженных тенденциях современного развития и понимания этики в идейных конструкциях религии и идеологии. Таким образом, в настоящей статье речь пойдет о взаимоотношении религии и идеологии в разрезе моральных норм, которые отвечают на вопросы о критериях добра и зла, смысле жизни, свободы воли и морального долга.

Проблема соотношения религиозных и идеологических оснований этики обнаруживает особую остроту при обращении к российскому интеллектуальному опыту XIX–XX столетий. Переход от религиозно обоснованной морали к идеологически санкционированной этической системе не представляет собой простую смену парадигм. Напротив, здесь фиксируется трансформация самих механизмов легитимации нравственного императива. Г.И. Лукьянов и М.И. Шамраева указывают на устойчивость религиозных парадигм в отличие от научных, что обусловлено апелляцией религии к чувственному восприятию, тогда как наука обращается к разуму [5]. Данное различие становится критическим при анализе того, каким образом в советском проекте рациональная идеологическая конструкция вынуждена была использовать механизмы, структурно тождественные религиозным. Е.А. Пушкарев демонстрирует, что ортодоксальный марксизм постоянно уповал на научность своих установок, однако в практике внедрения широко использовал аргументацию «от веры», включая грехопадение, искупительные деяния и великий кульминационный пункт [7].

Исследование опирается на сравнительный анализ религиозно-философских и идеологических систем с привлечением методов исторической реконструкции и концептуального анализа. Л.Г. Зимовец и О.С. Походенко отмечают высо-

кую степень влияния секулярной идеи общественного прогресса на позиции религиозных философов, что проявляется в синтезе догматического богословия с соответствующими политико-идеологическими концепциями [4]. Такое проникновение светских идеологов в религиозную рефлексию позволяет поставить вопрос о структурной изоморфности религиозного и идеологического дискурсов в обосновании этики.

Спор славянофилов и западников развертывался не столько вокруг политических моделей, сколько вокруг источника морального закона. Р.Ю. Аторин указывает, что в западноевропейской традиции от Платона религиозная картина мира дает однозначный ответ на происхождение морали: развитая морально-этическая система ценностей является частью божественного откровения [1]. Славянофилы настаивали на органическом характере нравственности, укорененной в православной традиции соборности, где этический императив не навязывается извне, но произрастает из церковного опыта общины [2]. Западники же апеллировали к рационально обоснованным принципам, полагая возможным построение морали на основаниях разума без обязательного обращения к трансцендентному источнику. Однако В.Н. Жуков, анализируя позицию Э. Фромма, демонстрирует, что ни одна культура не может обойтись без религии, поскольку та формирует относительно надежные ценностные ориентиры, причем концепция Бога зависит от того, что человек считает самым желанным благом [3].

Переход к советскому периоду маркирован радикальным разрывом с религиозным обоснованием этики, но при этом структура обоснования сохраняет квазирелигиозные черты. И.А. Новиков квалифицирует социализм не как атеизм, а как специфическую форму антихристианства – «бунт против Бога», который не отрицает существование Бога, но отрицает религию как связь между Богом и человеком [6]. Социалистическая этика претендовала на научность, однако в действительности воспроизводила механизмы религиозного внушения. А.А. Трунов фиксирует, что в процессе секуляризации традиционные функции религии – мировоззренческая, смыслообразующая, компенсаторная, регулятивная, легитимирующая, интеграционно-дизинтеграционная – постепенно переходили к идеологиям [8]. Марксизм-ленинизм создавал собственную эсхатологию с обещанием коммунистического рая, собственную агиографию с культом революционных мучеников, собственную литургию с обрядами партийных собраний и демонстраций.

Сравнительный анализ обнаруживает, что как религиозная этика славянофилов, так и советская марксистская мораль претендовали на тотальность, однако источник этой тотальности различался принципиально. Л.А. Шаяхметова отмечает,

что религия дает нравственный стержень и ориентиры для всех членов общества, выполняет регулятивную функцию в сфере духовно-нравственных отношений там, где другие варианты регулирования исключены [10]. Славянофильская модель полагала источник этического императива в божественной заповеди, опосредованной церковным преданием и соборным опытом. Советская модель локализовала источник морали в объективных законах исторического развития, познанных партией и транслируемых через партийную дисциплину. И.А. Новиков указывает, что сутью социалистической «религии» является разочарование в человеке, отрицание права человека на свободу и утверждение необходимости тотального контроля со стороны общества и государства [6].

Проблема свободы и авторитета в морали раскрывается через противопоставление органицистской и проектной моделей. Органицистская модель славянофилов предполагала, что нравственность не конструируется, а возрастает из традиции, из живого церковного опыта, где авторитет божественной заповеди не противоречит свободе, поскольку заповедь усваивается соборно, в процессе духовного делания общины. Проектная модель советской этики исходила из возможности рационального конструирования морали на основании научно познанных закономерностей общественного развития. А.А. Трунов и Е.В. Рындин демонстрируют, что идеологические системы обнаруживают убежденность акторов в собственной идеальной абсолютной рациональности, но не подтверждают это на практике [9]. Партийная дисциплина становилась суррогатом соборности, коллективное решение партийных органов замещало церковное предание, однако механизм принуждения оставался внешним по отношению к личности, что и обусловило хрупкость советской этической системы.

Сравнительный анализ исторических моделей

Общее в механизмах влияния православия и марксизма-ленинизма на этику состоит в претензии на тотальность и абсолютность этического императива. Г.И. Лукьянов и М.И. Шамраева обосновывают, что религиозные и научные парадигмы объединяют сторонников и формируют соответствующие сообщества – церковь и научное сообщество. Аналогично марксизм-ленинизм конституировал партию как квазичерковное сообщество носителей абсолютной истины [5]. Различие же обнаруживается в источнике легитимации: православная этика апеллировала к божественному откровению, опосредованному церковным преданием, тогда как марксистская мораль отсылала к объективным законам истории, познанным наукой. Л.Г. Зимовец и О.С. Походенко указывают, что феномен секуляризации представляет собой проекцию теологических понятий в политическую сферу, что и позволяет

объяснить структурное сходство двух систем при радикальном различии в содержании [4].

Этика славянофилов противостоит советской этике как органицистская модель проектной. Славянофилы настаивали на том, что нравственность не может быть сконструирована рациональным проектом, но должна произрастать из живой традиции народной жизни, укорененной в православии. Р.Ю. Аторин отмечает, что по Ницше падение морали связано с «убийством Бога» – если моральный закон лишается божественного основания, то с очевидностью оскудения морали «умирает Бог». Советский проект исходил из обратной посылки: освобождение от религиозного основания морали открывает путь к рациональному конструированию этики, адекватной задачам построения коммунистического общества [1]. И.А. Новиков демонстрирует, что социализм претендует создать свой суррогат религии, заместив собой христианскую веру, причем сутью социалистической «религии» является разочарование в человеке [6].

Проблема свободы и авторитета разворачивается в оппозиции божественной заповеди и партийной дисциплины. В.Н. Жуков указывает на различие авторитарной и гуманистической религий: в авторитарной главная добродетель – послушание, преобладающее настроение – печаль и чувство вины, тогда как гуманистическая религия направлена на свободное развитие человека [3]. Православная этика славянофилов претендовала на гуманистический характер, поскольку божественная заповедь воспринималась не как внешнее принуждение, но как внутренний закон, усвоенный соборно. Советская партийная дисциплина функционировала как механизм внешнего принуждения, что сближало марксистскую мораль с авторитарной моделью религии. Е.А. Пушкарев фиксирует, что современными социальными убеждениями реализуется через институт политической веры – политической религии, государственной идеологии [7].

Вопрос о преемственности и разрыве между религиозной и советской этикой не допускает однозначного решения. А.А. Трунов демонстрирует функциональное замещение: в процессе секуляризации традиционные функции религии постепенно переходили к идеологиям [9]. В советской этике сохранились элементы традиционной религиозной морали, трансформированные в секулярную форму. Понятие жертвенности, центральное для православной этики, было переосмыслено как самопожертвование ради дела революции и построения коммунизма. Аскетизм, практиковавшийся в монашестве, обрел новое воплощение в требованиях к коммунисту отказаться от личных интересов во имя общественных. Коллективизм, укорененный в православной соборности, был секуляризован в форме коллективной собственности и коллективного труда. Л.А. Шаяхметова указывает, что традиционные ценности включают

жизнь, достоинство, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость [10]. Однако И.А. Новиков подчеркивает принципиальное различие: в отличие от христианской любви социалистическое перераспределение основано на ненависти – без неё это перераспределение происходить не сможет, тогда как любовь может и отсутствовать [6].

Заключение

Обобщение результатов исследования позволяет констатировать, что религия и идеология выступают как конкурирующие, но структурно схожие системы тотального обоснования этики. Политические религии выполняют в секулярном обществе функции, аналогичные традиционным религиям – обеспечение смысловой целостности, легитимации власти, социальной интеграции. Как традиционные религии, так и политические религии создают институциональные формы для поддержания и воспроизводства сакрального измерения социальной реальности. Различие обнаруживается не в механизмах воздействия на этическое сознание, но в источнике легитимации: религия отсылает к трансцендентному откровению, идеология – к имманентным законам истории, познанным разумом.

Основные выводы исследования фиксируют, что в российском контексте произошел переход от доминирования религиозной этики, обоснованной православной традицией и соборным опытом, к идеологически санкционированной морали марксизма-ленинизма, претендовавшей на научность, но функционировавшей по механизмам квазирелигиозной системы. Глубокий кризис секулярных идеологий и крах идеи атеистического строя, основанного на вытеснении религии из жизни человека, ознаменовали «религиозное возрождение». Исторический опыт показывает, что процесс замещения религии идеологией не является необратимым – возможно попятное движение, в ходе которого религия начинает отвоёвывать утраченные социальные позиции.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что понимание данных механизмов необходимо для анализа современных поисков национальной идеи и этических оснований в постсекулярном обществе. В российском обществе за три десятилетия роль религии возросла – доля считающих религию очень важной выросла с 6% (1993) до 15% (2023). Современные российские идеологи о традиционных ценностях получили правовое закрепление в 2020 году в конституционных положениях, что маркирует попытку синтеза религиозных и идеологических оснований этики в новых исторических условиях.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом постсоветского периода – вза-

имodelствием религиозного ренессанса и новых идеологий в формировании современной российской этики. Постсекулярный поворот стремится к радикальному переосмыслению религиозного опыта, что создает методологические предпосылки для изучения гибридных форм религиозно-идеологического обоснования морали. Исследование механизмов взаимодействия традиционных религиозных ценностей с новыми идеологическими конструктами в условиях глобализации и информационного общества представляет актуальную задачу для современной этической науки.

Литература

- Аторин, Р.Ю. Обоснование объективно-идеалистической природы морали в западно-европейской философской теологии классического периода / Р.Ю. Аторин // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 146–148. – EDN GCYNBB.
- Егоров, Д.Г. Религия и социализм / Д.Г. Егоров // Философия хозяйства. – 2024. – № 3(153). – С. 144–160. – EDN QGYCTM.
- Жуков, В. Н.Э. Фромм: религия как механизм власти / В.Н. Жуков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 8–12. – DOI 10.47643/1815–1337_2024_5_8. – EDN IPQDFC.
- Зимовец, Л.Г. Проблема поиска общественного идеала в отечественной и западной религиозно-философской мысли / Л.Г. Зимовец, О.С. Походенко // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 9. – С. 126–132. – EDN RMGRNL.
- Лукьянов, Г.И. Социально-философский анализ развития науки и религии в общественной системе / Г.И. Лукьянов, М.И. Шамраева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2023. – № 2. – С. 100–103. – EDN ADAJGS.
- Новиков, И.А. Социализм vs христианство: идеологические причины противостояния / И.А. Новиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 394–398. – DOI 10.18500/1819–7671–2023–23–4–394–398. – EDN GJTZYX.
- Пушкарев, Е.А. Идеолого-религиозное состояние современного общества и его правовое отражение / Е.А. Пушкарев // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. – С. 620–623. – EDN NQWCKH.
- Трунов, А.А. Идеологии и политические религии в обществе модерна / А.А. Трунов, Е.В. Рындин // Kant. – 2021. – № 3(40). – С. 173–177. – DOI 10.24923/2222–243X.2021–40.32. – EDN ZBKKE.
- Трунов, А.А. Идеология и религия в обществе Модерна / А.А. Трунов // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2020. – Т. 9. – С. 200–205. – EDN NATUPN.
- Шаяхметова, Л.А. Место религии в структуре духовно-нравственных ценностей светского государства / Л.А. Шаяхметова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 19–25. – DOI 10.24412/2308–7196–2025–1–19–25. – EDN LIEEWW.

RELIGION AND IDEOLOGY AND THEIR INFLUENCE ON ETHICS

Pecherina E.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The aim of this paper is to identify the structural similarities and fundamental differences between religious and ideological mechanisms for justifying ethics, based on the Russian intellectual experience of the 19th and 20th centuries. The research methodology is based on a comparative analysis of religious, philosophical, and ideological systems using historical reconstruction and conceptual analysis, which allows us to trace the transformation of the methods of legitimizing the moral imperative during the transition from Orthodox ethics to Soviet Marxist morality. The study's results demonstrate that religion and ideology function as structurally isomorphic systems of total ethical justification, differing not in their mechanisms of influence on moral consciousness, but in their source of legitimation: religious ethics appeals to transcendental revelation and conciliar experience, while ideological morality refers to the objective laws of history, cognized rationally. It has been established that Soviet ethics, while declaring its scientific nature and break with religious tradition, reproduced quasi-religious mechanisms of indoctrination through the creation of its own eschatology, hagiography, and ritual practice. This attests to the functional substitution of religion by ideology while preserving the deep structures of the sacralization of social reality.

Keywords: religious ethics, ideology and morality, Slavophilism and Westernism, Soviet ethics, Marxism-Leninism, Orthodox tradition, conciliarity, political religion.

References

- Atorin, R. Yu. Justification of the Objective-Idealistic Nature of Morality in Western European Philosophical Theology of the Classical Period / R. Yu. Atorin // Social and Humanitarian Knowledge. – 2024. – № 5. – Pp. 146–148. – EDN GCYNBB.
- Egorov, D.G. Religion and Socialism / D.G. Egorov // Philosophy of Economy. – 2024. – № 3 (153). – Pp. 144–160. – EDN QGYCTM.
- Zhukov, V. N.E. Fromm: Religion as a Mechanism of Power / V.N. Zhukov // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – № 5 (233). – Pp. 8–12. – DOI 10.47643/1815–1337_2024_5_8. – EDN IPQDFC.
- Zimovets, L.G. The Problem of Searching for a Social Ideal in Domestic and Western Religious and Philosophical Thought / L.G. Zimovets, O.S. Pokhodenko // Social and Humanitarian Knowledge. – 2024. – № 9. – Pp. 126–132. – EDN RMGRNL.
- Lukyanov, G.I. Social and Philosophical Analysis of the Development of Science and Religion in the Social System / G.I. Luk-

- yanov, M.I. Shamraeva // *Economic and Humanitarian Studies of Regions*. – 2023. – № 2. – Pp. 100–103. – EDN ADAJGS.
6. Novikov, I.A. Socialism vs. Christianity: Ideological Causes of the Confrontation / I.A. Novikov // *Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. – 2023. – Vol. 23, № 4. – Pp. 394–398. – DOI 10.18500/1819-7671-2023-23-4-394-398. – EDN GJTZYX.
 7. Pushkarev, E.A. Ideological and Religious State of Modern Society and Its Legal Reflection / E.A. Pushkarev // *Legal Culture in Modern Society: Collection of Scientific Articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Mogilev, May 19, 2023*. – Mogilev: Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2023. – Pp. 620–623. – EDN NQWCKH.
 8. Trunov, A.A. Ideologies and Political Religions in Modern Society / A.A. Trunov, E.V. Ryndin // *Kant*. – 2021. – № 3(40). – Pp. 173–177. – DOI 10.24923/2222-243X.2021-40.32. – EDN ZBKKUE.
 9. Trunov, A.A. Ideology and Religion in Modern Society / A.A. Trunov // *Sociology of Religion in Late Modern Society*. – 2020. – Vol. 9. – Pp. 200–205. – EDN HATUPN.
 10. Shayakhmetova, L.A. The Place of Religion in the Structure of Spiritual and Moral Values of a Secular State / L.A. Shayakhmetova // *Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series № 3. Humanities and Social Sciences*. – 2025. – № 1. – P. 19–25. – DOI 10.24412/2308-7196-2025-1-19-25. – EDN LIEEWW.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Апофатическое мышление как принцип неклассической философии
(на примере философских концепций А.Ф. Лосева и Ж. Деррида)**Мельникова Галина Владиславовна,**аспирант кафедры философии и права, Пермский
национальный исследовательский политехнический
университет

E-mail: MelnikovaGalina999@gmail.com

В исследовании рассматривается апофатизм в истории философской и религиозной мысли с целью изучения его особых характеристик и выделения его как одной из стратегий неклассического мышления. Сопоставляются фрагменты концепций русского философа А.Ф. Лосева и французского философа-постструктуралиста Ж. Деррида. Они обращаются к апофатическому мышлению, с одной стороны, как историко-философскому феномену, отсылающему к неоплатонизму и негативной теологии, с другой – сами являются творцами апофатических конструкций, опираясь на них для познания Единого. Но, если А.Ф. Лосев продолжает и развивает традицию неоплатонизма, обогащенную святоотеческой традицией в контексте имяславия, то Ж. Деррида использует апофатизм как часть своего проекта по деконструкции философии, критике метафизики и логоцентризма. Выявляются универсальные характеристики апофатического метода: парадоксальность, экспликация путем отрицания свойств, сочетание рационального и иррационального, экстазизм, процессуальность, событийность; колебание между двумя родами колебаний: двойным исключением (ни/ни) и участием (сразу и то, и это).

Ключевые слова: ἀποφάσις, апофатическая теология, апофатика, Лосев, Деррида, неклассическая философия, постмодернизм.

Современные мыслители творят в ситуации, когда история философской мысли стала похожа на палимпсест – бесконечные наслоения категорий и идей, перекрывающие первоопыт обращения к вопросу о бытии. Для того, чтобы пройти сквозь культурно-философскую традицию к самому ее бытийному истоку, чтобы прояснить первознание, данное прафилософии самим бытийным истоком, современные философы прибегают к апофатическому методу мышления, чтобы освободить путь к знанию о бытии.

В самом распространенном значении, апофатизм – это основное понятие апофатического богословия в христианстве (в греческой патристике ἀποφατικός – «отрицательный») или негативная теология, определяемое в противовес катафатическому богословию (от катаφατικός, «утверждающий»). Поэтому в обращении к апофатизму в философии, мы, так или иначе, имеем дело либо с религиозным дискурсом, либо, наоборот, с желанием обратить на саму религию всю мощь апофатического отрицания.

Однако есть более широкий подход к пониманию апофатизма, который заключается в том, что понимание истока любой философской концепции всегда лежит в осознании своего незнания и вопрошании¹ [1, с. 48–49]. Кризис репрезентативного мышления и осознание недостаточности иерархически-диалектического понимания мира обнажили необходимость провести ревизию философских первовопросов и возродили к жизни апофатическое познание и в западной философии рубежа XIX–XX вв., и в русской философии «серебряного века». На место утвержденных истин, функционирующих в условиях круговой поруки самопричинности и гипостазированных понятий, встает ценность отрицания как начала любого вопрошания и поиска. Герои нашего исследования – Ж. Деррида и А.Ф. Лосев – в своем творчестве как раз соединяют несколько регистров понимания апофатического: во-первых, обращаются к неоплатоникам и негативной теологии как образцу апофатизма в истории мысли и, в то же время, сами, ставят вопросы о смысловом становлении абсолюта и выстраивают свои концепции,

¹ Например, этот подход обозначает А.В. Ахутин, основываясь на сократовском вопрошании и «ученом незнании» Н. Кузанского. Плотин, Ник. Кузанский, И. Кант, М. Хайдеггер, С. Франк – вот некоторые философы, по мнению Ахутина, в разные эпохи философии яснее других выявившие это апофатическое начало философии.

используя непосредственно апофатизм как метод. Например, в трактате «Самое само» Лосев заостряет принцип апофатичности всякого познания: если стремиться к самому существу вещи, то оно невыразимо и недостижимо, а если стремиться к выразимому и достижимому, то это не есть существо вещи, не есть ее «самое само». Идею различия Ж. Деррида (*differAnce* – от франц. *différer*, означающего в то же время и различать, и откладывать), как отступление в пространстве и отступление во времени, так же, как и «след» (*la trace*) можно назвать апофатическими феноменами, которые характеризуют неклассический способ философствования, поскольку «они по своей природе противятся желанию логоцентризма все расставить на свои места и всему дать определение» [18, с. 100].

В связи с этим, целью нашего исследования является рассмотрение апофатического метода и его значимости в парадигме постнеклассической рациональности, что, в конечном итоге, неизбежно влияет на формирование траекторий современной культуры в целом. Для достижения этой цели мы рассмотрим фрагменты теорий русского философа А.Ф. Лосева (1893–1988) и французского философа-постструктуралиста Ж. Деррида (1930–2004). Компаративный метод, включающий объекты из столь различных философских традиций, позволит нам, с одной стороны, концептуализировать апофатизм как универсальный культурный феномен и выявить его сущностные характеристики, а с другой – наиболее рельефно обозначить те глубинные различия между русской и западной философской мыслью, которые зиждуются, в частности, на расхождениях Восточного и Западного течения христианской Церкви.

Различие философского и религиозного апофатизма

Определить первородство относительно апофатики достаточно непросто. Она развивалась, когда в западной мысли происходило оформление Христианства из античной философии в отдельное религиозное учение, поэтому были неизбежны пересечения и взаимные влияния.

Раннее христианство развивалось в греческой среде и избирательно использовало и перерабатывало идеи Сократа, Платона, Аристотеля и стоиков, поэтому возможны сходства лексических и методологических приемов. Например, термин «логос» (греч. *λόγος*), появившийся у Гераклита и означающий «разум» или «мысль», в христианском контексте приобретает более глубокое значение и становится именем второго лица Троицы.

В.Н. Лосский, сравнивая описания Единого у Дионисия с описанием Плотина, признает их поразительное сходство, однако отмечает, что оно ограничивается внешними лексическими приема-

ми, но различно в сущностном подходе [15]. Чтобы приблизиться к Единому, нужно, по Плотину, «самому отрешиться от чувственных предметов, которые являются последними из всех, и прийти обратно к предметам первичным; нужно быть свободным от всех пороков, ибо мы стремимся к Благугу; нужно вернуться к своему внутреннему началу, и вместо того, чтобы быть множественным, стать единым существом, если мы хотим созерцать начало и Единое». Также находим у Плотина отрицательные определения, напоминающие определения «Мистического богословия» Дионисия: «Это не вещь; она не имеет ни качества, ни количества; это не ум и не душа; она не находится ни в движении и ни в покое, она не пребывает ни в пространстве и ни во времени. Она есть сама по себе сущность, отделенная от других или, вернее, она лишена сущности, ибо она существует прежде всякой сущности, прежде движения и прежде покоя; ибо эти свойства заключаются в бытии и делают его множественным» [там же, с. 40].

Сходными моментами, таким образом, описывающим апофатизм философский и раннехристианский являются парадоксальность, использование отрицательных определений и *важность экстатического пути* в познании Единого. «Однако, для философа платонической традиции, даже когда он говорит об экстатическом соединении как о единственном пути богодостижения, сама Божественная природа все же является неким объектом, чем-то положительно определяемым – Единым, непознаваемость которого зиждется, главным образом, на фактической немощи нашего рассудка, скованного множественностью. Это экстатическое соединение является, скорее, сведением к простоте, нежели, как у святого Дионисия, выходом из сферы тварного бытия» [там же, с. 44]. У Дионисия Бог не сводится к Единому и в принципе не познаваем.

В эссе «*Différance*» Деррида устанавливает, что отрицательное богословие «имеет дело с анализом некоторой сверхсущностной реальности, выходящей за пределы категорий сущности и существования. Постоянным рефреном негативной теологии является напоминание о том, что, даже если предикат Бога и отрицается, его непременно следует признавать как высшую, невоспринимаемую и непознаваемую форму бытия». Отклоняя возможное сближение деконструкции с негативной теологией, Деррида усматривает в последней «стремление высвободить сверхсущность из-под конечных категорий сущности и существования, чтобы обеспечить Богу наивысший и потому непостижимый образ бытия». Иными словами, как бы далеко ни заходила негативная теология в своем отрицании, в конечном счете она все равно полагается на последнее и окончательное утверждение, что Бог существует, хотя и по ту сторону существования и сущности, тем самым упраздняя

всю предшествующую череду отрицаний. Подобный ход, по мысли Деррида, характерен для онто-теологической позиции, от которой он стремится дистанцироваться [7, с. 129, 131].

Апофатизм, понимаемый как способ мышления, можно сравнить с методом экспликации – раскрытия (разъяснения или объяснения) внутреннего содержания ранее неизвестного (неясного, неточного, непривычного) понятия (термина) через внешние по отношению к нему предметы (явления) с уже известными свойствами. Однако в апофатической диалектике поиск определения категории происходит через отрицание свойств, через то, чем она не является путем движения мысли из некой отрицательной самоочевидности. Например, при описании Бога отрицается возможность приписывания каких-либо постижимых атрибутов при помощи поочередного раскрытия неадекватности не только чувственных образов, но и самых возвышенных понятий, таких как «благость», «любовь», «мудрость» для познания божественной сущности. В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев последовательно, через цепь отрицательных определений отказывается от характеристик «вне самого мифа»: «миф не есть выдумка», «миф не есть метафизическое построение», «миф не есть поэтическое произведение» и т.д. [14]. «След» у Ж. Деррида описывается как то, что не наличествует и не отсутствует; и наличествует, и отсутствует; столь же наличествует, сколь и отсутствует [8]. Важно отметить, что апофатизм не сводится к чистой негации: отрицается не объект (как в нигилизме, атеизме, агностицизме), а именно *способ* утвердительных определений в познании. Формулируя символическую концепцию сущности, А.Ф. Лосев подчеркивает единственность апофатического познания Единого и проводит демаркацию с неподходящими, на его взгляд, теориями познания: «Символизм резко расходится со всякой метафизикой, для которой существует или только один апофатизм и явления ничего не проявляют (типичный образец – Кант с его теорией непознаваемых «вещей-в-себе» и субъективно обусловленных «явлений»), или только одни явления, не содержащие никакой апофатической глубины (материализм и позитивизм). Символизм есть и апофатизм и катафатизм одновременно» [21, с. 649–650]. «...Не агностицизм и не рационализм должны быть нашей путеводной нитью, а символизм, явление в твердых очертаниях апофатической сущности, – так, что в каждый данный момент данное выражение явления и не есть вся сущность, ибо последняя неизмеримее и глубже своего явления, и вся сущность целиком в нем присутствует [21]. Таким образом, можно сказать, отрицание в апофатике несет гносеологический и онтологический смысл.

Источником и образцом всей апофатической теологии, первой в истории философии и по сей день образцовой попыткой изучения трансценден-

ции, или абсолюта является исследование понятия Единого в диалоге Платона «Парменид». «Если единое едино», – приводит к заключениям, что единое не имеет частей и, следовательно, не есть целое; не будучи целым, оно не имеет ни начала, ни середины, ни конца и, следовательно, беспрельдно; оно не находится ни в другом, ни в себе самом – нигде не находится; оно не движется и не покоится; оно не может быть тождественно ни другому, ни самому себе, ибо тождество предполагает соотношение; наконец, парадокс: если единое едино, то оно не существует, ибо бытие и единое – не одно и то же. Оно непознаваемо и невыразимо: «Нет ни имени, ни слова для него, ни знания о нем, ни чувственного его восприятия, ни мнения» (142a). Первая гипотеза «Парменида» – источник и образец всей апофатической теологии, от Прокла и Псевдо-Дионисия Ареопагита до немецких мистиков. Всякое слово об абсолюте как таковом может быть только отрицанием. То, что по ту сторону мира, не является ничем из этого мира, есть с точки зрения мира ничто [16].

В приведенных выше логических построениях мы видим важную характеристику апофатического метода: это колебание между двумя родами колебаний: двойным исключением (ни/ни) и участием (сразу и то, и это), что не дает свести апофатику к чистому отрицанию, а напряженно удерживает полярные значения через диалог с бесконечной вариативностью. В конечном итоге, отрицание и парадоксальность апофатизма зачастую имеет целью освобождение от каких-либо навязанных определений и пробиться, если не к истине, то хотя бы к нейтральности¹.

В постмодернизме очевидна связанность деконструктивистской философии с восточным интуитивизмом, с парадоксом – формой мышления, в которой предельно сжато реализуется один из основных принципов дзен-буддизма: не отдавать предпочтения ни одной из крайностей, всегда допуская обе противоположности сразу. Катахреза (от греческого слова *katachresis*, злоупотребление) – это соединение противоречивых, несовместимых понятий, что-то вроде намеренной ошибки.

Символ, по Лосеву, также глубоко парадоксален – он «есть тождество выраженности и невыраженности адекватно воспроизведенного первообраза, данное как энергийно-смысловое излучение его самоутвержденности» [12, с. 99]. Тем самым, принцип апофатизма – в данном случае, как несводимость невыразимого к выраженности – является и парадоксальным онтологическим основанием символа как такового: «...символ и есть неисчерпаемое богатство апофатических возможностей смысла. Символ только и мыслим при условии апофатизма, при условии бесконечного ухода оформленных, познаваемых сторон эйдоса в не-

¹ Например, см. Делез Ж. Логика смысла.

исчерпаемость, в невыразимость первоисточника всего в нем оформленного и осмысленного» [21, с. 699–700].

Апофатизм как историко-философский метод. Изучение Единого

В обращении к апофатизму у обоих авторов прослеживается взаимосвязь с определенной философской традицией. Например, учение об абсолютной диалектике Лосева – синтез переосмысленной им многовековой традиции античной и средневековой мысли (христианское апофатическое богословие Дионисия Ареопагита, Григория Паламы, Николая Кузанского), методологии новоевропейской философии (немецкий классический идеализм, неокантианство, феноменология Э. Гуссерля) и проблематики русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков от Вл. Соловьева (идея всеединства) до П.А. Флоренского. Однако особое место в творчестве рассматриваемых нами философов занимает именно обращение к Платону и неоплатонизму, и именно в том, как различно проявляется их отношение к данной философской традиции и ее включение в собственные философские концепции, рельефно проступают особенные черты западной и русской философии. А.Ф. Лосев путем обращения к апофатизму продолжает и развивает традицию неоплатонизма, обогащенную святоотеческой традицией в контексте имяславия, тогда как Ж. Деррида использует апофатизм как часть своего проекта по деконструкции философии, критики метафизики и логоцентризма. А.Ф. Лосев возвращаясь к неоплатоническому прочтению Единого, реконструирует его, дополняя феноменологической диалектикой, Жак Деррида, обосновывая идею различия, к проблеме Единого и Многого подходит иначе – как к обоснованию метафизической логики, которую нужно переосмыслить в пользу многого или радикального различия.

Антиковедческая работа Лосева – это не просто герменевтика, это, вызов на диалог разных типов дискурсов и культур, вместе с тем, своеобразный научный вызов агностицизму и классической метафизике: Алексей Федорович в своей философии подчеркивает особенный характер античной эстетики вне ее тесной связи с трактовками кантианства (как дуализма идеи и вещи) и гегельянства (как абстрактной панлогической идеалистической схемы) [5, с. 97].

Используя апофатику, Деррида следует двойному намерению: сохранить в качестве инструмента то, истинность чего он критикует, сохраняя старые концепции, но при этом обнажая их ограниченность, рассматривая их как инструменты, которые все еще могут быть полезны. Деконструкция осуществляется изнутри уже существующих структур, она, по словам Деррида, заимствует у прежней структуры все стратегические и эконо-

мические средства ниспровержения и увлекается своей работой до самозабвения: «Письмо и есть это забвение себя, экстерииоризация, противоположность интериоризирующей памяти, воспоминание (Erinnerung), которое раскрывает историю духа. Именно это говорилось и в Федре: письмо есть одновременно и способ запоминания, и сила забвения» [6, с. 141]. Апофатика у Деррида, таким образом, становится частью проекта деконструкции, которая являет собой двойной жест: сочетание разрушительного «де» и созидательного «кон», *polemos* и *philia*. Подобно тому, как Хайдеггер, критикуя техницизм современной цивилизации, говорит, что атомная бомба начала взрываться уже в «Пармениде» Платона, Деррида также обращает взор на цель своей деконструкции – платоническую традицию, которая и дает импульс формирования того типа рациональности, который развивается в западной традиции на протяжении последующих двух тысяч лет. Чтобы вернуть мышлению подлинную глубину, нужно вновь различить в истине не только свет, но и тень и вернуться к доплатоническому пониманию истины как нескрывтости.

Постмодернизм выступая, как проект антимодернизма, пытается выявить те отрицательные проявления рациональности, которые обозначила эпоха модерна: универсализм, научный догматизм, утопизм, умозрительность, лабораторное отношение к человеку, исключение моральных ценностей из траекторий мышления. Слишком радикальное противопоставление разума и веры, ценностного и когнитивного моментов в познании, привело к разрыву единства бытия и блага в европейской мысли эпохи Модерна [4]. Вследствие этого, важной проблемой классической философии явилось то, что понимание темы Единого было утрачено ментальностью Нового времени при внешнем сохранении ее в топике философского и научного мышления. Заданная в предельно острой и радикальной форме в мысли Платона, тема Единого транслировалась через Аристотеля, неоплатоников и христианскую метафизику вплоть до Ренессанса, то есть до момента, когда возникло натуралистическое представление о Едином, ставшее альтернативой классическому; а если говорить о бессознательных культурных установках, то не столько альтернативой, сколько незаметной подменой классического представления [9, с. 6]. В «Пармениде» Платона, который представляет собой первую в истории философии попытку изучения абсолюта и дает образец апофатического метода исследования, показывается, что многообразие приобретает свою сущность лишь при сопоставлении с Единым: «Если единое не существует, то ничто из иного не может мыслиться ни как одно, ни как многое, потому что без единого мыслить многое невозможно... Если единое не существует, то и иное не существует и его

нельзя мыслить ни как единое, ни как многое». Развивая платоновскую идею, А.Ф. Лосев разрабатывает теоретико-познавательный принцип, снимающий традиционный декартовский дуализм субъекта и объекта путем наделения феноменов сознания бытийственными характеристиками. «Классический» идеал рациональности с его отделением явлений от сущности, фактов от принципов, объекта от субъекта противопоставляется, таким образом, пониманию мира как единого, собранного в целое, мира в слитности, мира в становлении.

Если у А.Ф. Лосева ключевым моментом рецепции платонизма является развитие диалектической мысли о взаимосвязи единичного и многого, общего и отдельного, то постмодернизм, отказываясь от универсалистских притязаний модерна, признает многообразие как сумму единичных, единственных и метод плюрализма, тем самым, доводит до абсолюта.

Различие между западной и русской философской традицией

Апофатизм, являющийся глубинной характерностью всего богословского предания Восточной Церкви, восходящего к ранней патристике (Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник) повлиял, в дальнейшем, на русскую религиозную философскую мысль – православных философов С. Франка, Н. Бердяева, С. Булгакова, А. Лосева. Во многом именно на рассуждения автора Ареопагитского корпуса опирается А.Ф. Лосев в своем стремлении построить «абсолютную мифологию» – философско-диалектическое обоснование имяславия: «Здесь мы находим в такой мере интенсивное ощущение трансцендентности абсолюта, что, можно сказать, Ареопагитики являются в этом отношении непревзойденным документом человеческой мысли вообще. Никакая буддийская литература, никакой греческий неоплатонизм, никакая западная мистика, средневековая или новая, не может и сравниться с этим по интенсивности трансцендентных ощущений» [13, с. 363]. Кроме того, центральной становится для всех имяславцев проблема богопознания, богообщения, возможности энергийного обожения (через таинственную силу Имени Божия). В этом отношении благодатной почвой для размышлений становится учение о катафатическом и апофатическом богословии Дионисия Ареопагита, обосновавшего глубокий символизм богословского языка: то, что нельзя назвать прямо, обычными человеческими словами, может быть богословски выражено в слове-символе, в знаковой природе которого присутствует живая реальность невыразимого, «самое самó» [19, с. 61].

Вместе с тем, возросшее внимание западной философии второй половины XX в. к негативной теологии не всегда носит только религиозный характер: апофазис интересует филосо-

фов как концепт, как путь преодоления метафизики или путь борьбы с «идолами» метафизики. В частности, «Вклады в философию (о Событии)» М. Хайдеггера, «Негативная диалектика» Т. Адорно, определение смысла Ж. Делеза как ирреального вне-бытия (*extra-être*), след и деконструкция Ж. Деррида – можно сказать, очертили горизонты современной западной философии, для которой различие, пустота, молчание, отсутствие и другие апофатические феномены перестали быть просто умозрительным фоном, определяющим границы рациональности, но стали непосредственным «участником» концептуального творчества. Есть еще целый пласт исследований, где мы имеем дело с неким «следом» божественного бытия, попыткой концептуализировать пустоту в ситуации «без бога». «Теологический поворот» во французской феноменологии (Ж.-Л. Марион), «слабые теологии» (Дж. Ваттимо, Р. Керни, Дж. Капуто), «божественное несуществование» К. Мейясса, *das Heilige* М. Хайдеггера дают основание говорить о реактуализации определения роли священного в западной философской мысли, даже, когда это выглядит, как яростное отвержение понятия о божественном существовании.

В своем эссе «Как избежать разговора: денегации» Деррида обращается к текстам Дионисия для прояснения своей позиции в отношении негативной теологии и возможностей ее сопоставления с основными положениями деконструкции. В сочинениях Дионисия Деррида обнаруживает подразумеваемое присутствие по ту сторону отсутствия и, как следствие, недостаточную апофатичность Ареопагитик. Собственные же конструкции, такие как *di érance*, «след» и им подобные, Деррида полагает избавленными от указанного недостатка, поскольку, по его мысли, «прежде понятия, имени, слова, “чего бы то ни было” не может быть ничего – ничего такого, что произрастало бы не только из Бытия, присутствия или присутствия настоящего, но даже и от отсутствия, и еще менее того – из сверхсущности». Деконструктивистский апофазис Деррида стремится представить более полным и последовательным, чем это имеет место в отрицательном богословии [17, с. 77].

Апофатика как преодоление универсализма

Посредством апофатизма оба мыслителя в той, или иной мере обращают свою критику в сторону абстрактных и гипостазированных понятий классической рациональности. В произведении «Самое самó» А.Ф. Лосев пишет: «Игнорирование повседневности и текучего материала никак не может считаться для нас чем-то положительным. Для нас не может быть и речи о презрении к этому малому, слабому, временному. И едва ли для нас может быть обосновано самое самó, если его не видно будет на простейших, обыденнейших и всем оди-

наково известных вещах» [13, с. 385–386]. Внимание к маргиналиям, выявление пограничных явлений, которые и выдают сущность определяемого явления, смещение фокуса с явного содержания на сокрытое, с общего на единичное позволяет под иным углом взглянуть на философию в целом. Важным манифестом неклассической философии стало не только явление ее «что», но и обнажение ее «ничто». Поле философии – это то, в пределах чего лежит сама философия, и то, что лежит за ее пределами и откуда она открывается как таковая. Например, программа «тимпанизации» Ж. Деррида связана с выявлением этого несказанного и утаенного классической философией [11, с. 67]. Деррида исходит из гегелевского снятия: «Предел есть, но имеет смысл только как снятый (*aufhebene*) предел; переход констатирует предел как таковой, как границу и, тем самым, его отменяет [там же, с. 68]. Однако все прежние операции, использовавшиеся традицией (негация, снятие, анализ, синтез, критика, диалектическое движение...) признаются деконструкцией нелегитимными, так как ведут к определенному насильственному полаганию пределов, натянутому обобщению, ложному единству. Деконструкция видит во всем вышеперечисленном определенный спекулятивный жест, служащий внутренним потребностям традиции, не проясняющий, но скорее затуманивающий захваченный им феномен [18, с. 97].

А.Ф. Лосев, поднимая в своем научном творчестве гносеологический потенциал апофатики на новый уровень, отмечал, что сказать о целом может только наблюдатель, находящийся на границе. Находясь внутри, о целом ничего нельзя сказать, и, находясь снаружи, выделить целое тоже невозможно. Для нахождения в пограничном состоянии нужны точки опоры, каковыми являются у Лосева эйдос, миф, символ, личность и имя [10, с. 337]. О том же пишет Е.В. Бакеева: «Мысль рождается и существует на границе, то есть – в том странном пространстве «между...», которое разделяет и соединяет все существующее событийным образом. Мысль, рождающаяся на границе мира, именно поэтому обращена к миру в целом (или к целому мира)» [3, с. 36–37].

В связи с данной логикой представляет интерес концепция *понимания* Е.В. Бакеевой. Основываясь на трактате «Об ученом незнании» Н. Кузанского, исследователь обосновывает важную роль апофатической рефлексии, которая выступает «не как усвоение содержания знания, но, напротив, как процесс реконструкции некоего целого, в котором содержится само знание». Признание неизбежной обусловленности и частичности любого знания не просто восстанавливает связь «сказанного» и «несказанного», но предполагает необходимость ее постоянного восстановления каждым, кто так или иначе оперирует знанием. В этом содержится ключевой ход для «неклассическо-

го» мышления – опровержение предзаданности, априорности, «внечеловечности» разума. «Научение незнанию» осуществляется не посредством утверждения неких истин, но путем обозначения основных моментов того пути, который «научающийся» должен пройти самостоятельно. В этом заключается практический (в противоположность теоретическому) характер апофатического метода Кузанского [2, с. 42]. Из этих рассуждений выводим важные свойства апофатического метода – *процессуальность, событийность* – необходимость действия для порождения знания, присутствие при этом рождении, соучастие в его творении. Можно сказать, что, проходя через апофатическое последовательное отрицание предикатов, мы совершаем, своего рода, «прелиминальную» интерпретацию, процесс отделения явления от сопредельных ему понятий, являющих на наших глазах его переход из круга одних феноменов в иное качество – самостоятельный, осознаваемый феномен.

Такой опыт, целостный и неповторимый, не сведенный к системе категорий, сближает философию неконцептуализируемого с эстетическим актом.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что апофатизм присутствует там, где нужно, с одной стороны, обозначить сверхчувственное, надрациональное, а с другой – констатировать невозможность описания этого доступными средствами. «Никакая философская идея, вообще говоря, не умирает, – пишет А.Ф. Лосев в трактате „Самое самое“, – и никакую философскую идею, вообще говоря, невозможно опровергнуть». «Брама-Атман и Нирвана индусов, Единое неоплатоников, Самое Ничто Дионисия Ареопажита, Первооснова Мейстера Экгарта, Неинное Николая Кузанского, Не-ничто средневековых кабалистов, Я и Абсолютное Фихте, Тожество и Абсолютное Шеллинга – и все это есть образы вечной истины, каждый из которых имеет в ней свое нерушимое обоснование» [13, с. 384–385]. Апофатическое мышление присутствует и в светской, и в религиозной традиции, отвечая на их общий запрос в познании Абсолюта. Также апофатический метод, предполагающий соединение рационального и иррационального подхода, в определенной степени, воскрешает утраченный Модерном синкретизм разума, морали, религии и искусства и адекватен установке постнеклассической философии на человекосоразмерность и включение в мышление аксиологических компонентов. Возрождение древней интуиции Первоединого в русской религиозной философии «серебряного века», а также поворот неклассической философии в сторону ревизии абсолюта в постмодернистской и феноменологической философской традиции, обращение к периферийному, проблеме Единого и множественного,

определению Иного, определению Смысла – заново раскрыли потенциал апофатической рефлексии в современной философской мысли. Апофатизм может рассматриваться если не как отдельный метод, то как определенная стратегия, руководящее начало ряда методов неклассической философии – деструкции, деконструкции, негативной диалектики, нигилизма, парадоксальной диалектики, феноменологии.

Различное обращение к апофатизму у А.Ф. Loseva и Ж. Деррида позволяет выявить как сходные интуиции, так и разрыв между русской и западной традициями мышления. В частности, в отличие от западной традиции, которая для описания действительности «без Бога» конструирует некий концепт сакрального, русская традиция, напротив, строит философию, основываясь на идее присутствия Бога, возможности единения с ним.

Литература

1. Ахутин А.В. Поворотные времена. Статьи и наброски. 1975–2003. – СПб.: Наука, 2005. – 743 с.
2. Бакеева Е.В. Апофатическое мышление как метод понимания // Известия УрГ У. 2004. № 29. С. 37–43.
3. Бакеева Е.В. Философ между публичностью и приватностью // Новые идеи в философии. № 12 (33). 2023. С. 33–39.
4. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
5. Гравина И.В. Образ антично-платонической генологии в трудах А.Ф. Loseva // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 97–103.
6. Гравина И.В. Деконструкция Единого: русский и европейский опыт // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 80–97. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-80-97>.
7. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Différance*. – Томск: Изд. “Водолей”, 1999. – 160 с.
8. Деррида Ж. О грамматиологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
9. Доброхотов А.Л. «Волны смысла», или Генология А.Ф. Loseva в трактате «Самое Само» / А.Л. Доброхотов // А.Ф. Losev. Вещь и имя. Самое Само, 2008. С. 5–24.
10. Ключкина Л.А. Концепция символа А.Ф. Loseva как альтернатива классической рациональности. Сер. 6. 2009. Вып. 2. Вестник Санкт-Петербургского университета. С. 335–340.
11. Комаров С.В. Программа философии. Комментарий к одному тексту Ж. Деррида // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1(66). С. 61–77.
12. Losev A.F. Диалектика художественной формы // Форма. Стиль. Выражение. – М., 1995. – С. 5–296.
13. Losev A.F. Миф – Число – Сущность/ Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
14. Losev A.F. Философия имени // Losev A.F. Бытие имя космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – С. 627–801.
15. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалины (В.А. Рещиковой). СТСЛ, 2012. 586 с.
16. Парменид, Новая философская энциклопедия ИФРАН. – URL: <https://iphras.ru/elib/2272.html> (дата обращения: 02.01.2026).
17. Петрова Л.А. Апофатическое богословие в философской мысли Жака Деррида: опыт чистой молитвы и анагогический язык гимна // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 97. С. 73–88. DOI: 10.15382/sturl202197.73-88.
18. Политов А.В. Феномен следа в философии Жака Деррида и его онтологическое истолкование // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 93–102.
19. Шкуро С.В. К вопросу о рецепции раннехристианских доктрин в трудах русских философов (А.Ф. Losev о Дионисии Ареопагите и В.И. Несмелов о Григории Нисском) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 37. С. 56–64. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-37-56-64.

АПОФАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПРИНЦИП НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПТОВ А.Ф. LOSEV И Ж. DERRIDA)

Melnikova G.V.

Perm National Research Polytechnic University

The study examines apophatism in the history of philosophical and religious thought in order to study its specific characteristics and identify it as one of the strategies of non-classical thinking. The study compares fragments of the concepts of the Russian philosopher A.F. Losev and the French poststructuralist philosopher J. Derrida. They refer to apophatic thinking, on the one hand, as a historical and philosophical phenomenon that refers to Neoplatonism and negative theology, and on the other hand, they are the creators of apophatic constructs, relying on them to understand the One. But, if A.F. Losev continues and develops the tradition of Neoplatonism, enriched by the patristic tradition in the context of the name-worship, then J. Derrida uses apophatism as part of his project to deconstruct philosophy, to criticize metaphysics and logocentrism. The universal characteristics of the apophatic method are revealed: paradoxicality, explication by negation of properties, combination of rational and irrational, ecstasy, processuality, eventuality; oscillation between two kinds of oscillation: double exclusion (neither/nor) and participation (both at once).

Keywords: ἀποφάσις, apophatic theology, apophatics, Losev, Derrida, non-classical philosophy, postmodernism.

References

1. Akhutin A.V. Turning times. Articles and sketches. 1975–2003. – St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. – 743 p.
2. Bakeeva E.V. Apophatic thinking as a method of understanding // *Izvestiya USU*. 2004. № 29. Pp. 37–43.
3. Bakeeva E.V. The philosopher between publicity and privacy // *New ideas in Philosophy*. № 12 (33). 2023. Pp. 33–39.
4. Gaydenko P.P. Scientific Rationality and Philosophical Reason. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 528 p.
5. Gravina I.V. The Image of Ancient and Platonic Genology in the Works of A.F. Losev // *Vestnik VGU. Series: Philosophy*. 2017. № 1. Pp. 97–103.
6. Gravina, I. V. 'Deconstruction of the One: Russian and European Experience', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*. 2022. Vol. 5, № 2, Pp. 80–97. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-80-97>.
7. Gurko, E. *Texts of Deconstruction. Derrida J. Différance*. Tomsk: Vodoley, 1999. 160 p.
8. Derrida, J. *Of grammatology*. Moscow: Ad Marginem. 2000. 512 p.
9. Dobrokhoto A.L. "Waves of Meaning", or A.F. Losev's Genology in the Treatise "The Most Self" / A.L. Dobrokhoto // A.F. Losev. *The Thing and the Name. The Most Self*, 2008. Pp. 5–24.
10. Klyukina L.A. A.F. Losev's Concept of the Symbol as an Alternative to Classical Rationality. Ser. 6. 2009. Issue 2. *Bulletin of St. Petersburg University*. Pp. 335–340.
11. Komarov S.V. Program of philosophy. Commentary on one text by J. Derrida // *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Right*. 2014. № 1(66). Pp. 61–77.
12. Losev, A.F. *Dialectics of Artistic Form // Form. Style. Expression*. Moscow, 1995. Pp. 5–296.
13. Losev, A.F. *Myth – Number – Essence / Comp. by A.A. Takho-Godi; General ed. by A.A. Takho-Godi and I.I. Makhan'kov*. Moscow: Mysl, 1994. 919 p.
14. Losev, A.F. *Philosophy of the Name // Losev, A.F. Being and Cosmos / Compiled and edited by A.A. Takho-Godi*. Moscow: Mysl, 1993. Pp. 627–801.
15. Lossky, V.N. *An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology / Translated from French by Mon. Magdalina (V.A. Reshchikova)*. STSL, 2012. 586 p.
16. Parmenides, *New Philosophical Encyclopedia of IFRAN*. – URL: <https://iphras.ru/elib/2272.html> (accessed on 2.01.2026).
17. Petrova, L.A. *Apophatic Theology in Jacques Derrida's Philosophical Thought: The Experience of Pure Prayer and the Anagogical Language of the Hymn // Vestnik PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2021. Issue 97. Pp. 73–88. DOI: 10.15382/sturl202197.73-88.
18. Politov A.V. The Phenomenon of the Trace in Jacques Derrida's Philosophy and Its Ontological Interpretation. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2016. № 4. Pp. 93–102.
19. Shkuro S.V. On the Reception of Early Christian Doctrines in the Works of Russian Philosophers (A.F. Losev on Dionysius the Areopagite and V.I. Nesmelov on Gregory of Nyssa) // *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2022. № 37. Pp. 56–64. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-37-56-64.

Акустический портрет жилого района (на примере района Вторчермет г. Екатеринбурга)

Михайлова Ольга Андреевна,

аспирант, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: krolishna@gmail.com

Статья посвящена исследованию звукового своеобразия жилого района Вторчермет (Екатеринбург). В качестве аналитической рамки применяется понятие «звуковой хронотоп», представляющее собой теоретическую модель конституирования звуком времени и пространства, где звук выступает механизмом сохранения памяти о культурно-историческом ландшафте места. Цель статьи – составление акустического портрета жилого района, представляемого как феноменологическая реконструкция его звукового окружения в диахроническом и синхроническом срезе. Акустический портрет жилого района интерпретируется как нарратив, фиксирующий динамику взаимодействия звуков со временем, пространством, социальной памятью. На основе анализа материалов уральской прессы XX века и данных полевых наблюдений 2025 г. реконструируется и описывается динамика звукового окружения Вторчермета от индустриального периода до настоящего времени. Выделяются ключевые звуковые модальности (индустриальная, социальная и институциональная, маргинальная и мифологическая) и прослеживается их трансформация. Показано, как звуки формируют акустическую идентичность района, выступая маркерами памяти и социальных и урбанистических изменений.

Ключевые слова: sound studies; звуковой хронотоп; звуковое окружение; жилой район; акустический портрет; Вторчермет.

Акустическое своеобразие территории не сводится к каталогизации ее звуков. Составить представление о звучании места можно, поместив звуки в контекст восприятия времени и пространства, социальных практик и коллективной памяти. Такой синтез реализуется в звуковом хронотопе. Опираясь на концепции хронотопа М.М. Бахтина и звукового ландшафта Р.М. Шейфера [1], мы определяем его как конфигурацию времени и пространства, воспринимаемую слушателем посредством звуков и характеризующуюся коллективным звуковым восприятием места.

В отличие от звукового ландшафта, который подвержен постоянному разрушению уже «в процессе создания» [2, с. 254], звуковой хронотоп благодаря механизмам памяти позволяет звуку сохраняться во времени.

Звуковой хронотоп представляет собой теоретическую модель того, как звук конституирует время и пространство. Практическим результатом его исследования становится акустический портрет места – феноменологическая реконструкция звукового своеобразия, фиксирующая временные, пространственные и социальные аспекты в восприятии места. Это понятие позволяет акцентировать внимание на динамике акустической среды, подчеркивая связь временных ритмов и пространственной организации.

Звук, «однажды услышанный, будет всегда повторяться», что делает его проводником памяти, актуализирующим прошлое в настоящем [3, с. 48]. В звуке «отчетливо обнаруживаются следы принадлежности к культурно-историческому ландшафту конкретной территории» [4]. Знаки таких территорий можно фиксировать и интерпретировать через «рассказывание», или нарратив [5, с. 13]. В этом смысле акустический портрет можно рассматривать как высказывание о месте, отслеживающее динамику его звуковых изменений.

Объектом для создания акустического портрета выступает жилой район, поскольку эта единица градостроительного проектирования отличается сложностью внутренней организации и звуковым разнообразием, характеризуется таким звуковым ландшафтом, в который «вложены» другие акустические пространства (дворов, пешеходных улиц, скверов, парков, магазинов и пр.) [6]. С другой стороны, жилой район остается соразмерным восприятию, что делает его релевантным для анализа.

Согласно градостроительным нормативам, жилой район представляет собой комплекс жилых зданий, культурно-бытовых учреждений и предприятий. Его границы определяются естественными или искусственными рубежами, он включает магистральные улицы и дороги общегородского значения, а численность населения достигает 80 000 человек. В нормативных документах города Екатеринбурга жилой район выделяется как одна из основных единиц планировочной структуры наряду с микрорайоном и кварталом [7].

В таком статусе выступает Вторчермет в Чкаловском районе Екатеринбурга. Его границы проходят по магистральным улицам Титова и Сельковская, а также по железной дороге, на которой организовано движение Екатеринбургского городского электропоезда и пригородных поездов.

Вторчермет расположен в южной части Екатеринбурга. Его формирование началось в конце 1930-х годов со строительства Свердловского мясокомбината, а в период военной эвакуации дополнилось предприятиями «Каучук», «Красный треугольник», «Красный резинчик». Позже здесь открылись Свердловский завод резиновых технических изделий и давший району название завод «Вторчермет» (1942), а к концу 1940-х годов – жировой и камвольный комбинаты [8]. К 1960-м годам в районе началась активная жилая застройка и развитие инфраструктуры. Сегодня это крупный жилой район, постепенно трансформирующийся из индустриальной территории в рекреационную зону.

Акустический портрет Вторчермета как высказывание о его звуковом хронотопе формируется на основе диахронического среза звукового окружения жилого района по материалам уральской прессы XX в. и синхронического анализа в ходе полевого исследования.

Этот подход позволяет рассматривать звук как «место памяти» (по П. Нора), как точку, в которой звуковая среда становится носителем коллективного опыта и фиксирует прошлое в настоящем [9].

Важными звуками этого жилого района стали лязг и грохот, сопровождавшие приём, резку и брикетирование металлолома. В военные и послевоенные годы эти звуки были центральным элементом производственного гула и частью агитационного дискурса (о чем свидетельствуют такие газетные заголовки, как «Металлического лома много, быстрее дать его мартенам!»¹). Они же порождали иную звуковую модальность – публичные упреки работников завода «Вторчермет», неоднократно срывавших сроки по выгрузке лома и задерживавших тем самым работу². Долгое время эти звуки были маркерами акустической идентичности Вторчермета. Сегодня здесь, в пунктах

приёма лома, еще можно услышать нечто подобное, но звуки превратились в ускользающий акустический след индустриальной эпохи.

Еще один штрих акустического портрета района был внесен в 1950-е годы, когда по инициативе работников завода «Вторчермет» был построен клуб, ставший центром социокультурной и просветительской активности: здесь городское лекционное бюро начало проводить лекторий для молодежи³. Индустриальный гул дополнился публичными выступлениями и дискуссиями, а социальная жизнь района зазвучала в ритме спортивных соревнований и выступлений самодеятельности⁴. Вторчермет постепенно обретал конкретное, социальное звучание.

К концу 1950-х годов, по мере роста и благоустройства района, его акустический портрет пополнился шумом стройки. Одновременно с этим в местной прессе звучала острая критика насущных проблем: недостатка школ и неразвитости транспорта. Несмотря на то, что запуск первого трамвая произошел еще в 1944 г., линия оставалась однопутной и короткой, что затрудняло связь с остальным городом. Такая изоляция нашла отражение в карикатурах и стихах: «Попробуйте найти удобнее пути – как ни крути, с рельс не сойти!»⁵.

Строительство домов велось рекордными темпами, поскольку считалось, что микрорайоны, объединявшие жилой фонд с необходимой инфраструктурой, должны стать будущим города⁶. В тот период был построен 21 квартал, дома которого до сих пор формируют архитектурный облик Вторчермета.

Если в 1960 году планы по строительству широкоэкранный кинотеатра в районе были лишь проектом, то к 1963 году звуки кинопроектора и диалоги киногероев стали частью повседневной реальности его жителей. Как отмечала пресса, «кино прочно вошло в нашу духовную жизнь. Посмотреть новый фильм стало такой же потребностью, как прочитать новую книгу, послушать радио»⁷. Так, в акустический портрет района добавился новый, медийный слой, связанный с массовым культурным досугом.

Несмотря на плановое развитие инфраструктуры – закладку парков, работу клуба, кинопоказы, – в районе ощущался дефицит организованного досуга взрослых и детей. Как отмечалось в одной из жалоб, на детской площадке, где собиралось до 250 детей «сидят великовозрастные дяди <...> и целыми днями забивают козла с соответствующими словесными комментариями»⁸. Акустический портрет дворов Вторчермета в 1960-е

³ На смену! 1955. № 108 (9 сентября).

⁴ На смену! 1954. № 097 (13 августа).

⁵ На смену! 1958. № 072 (12 апреля). С. 2.

⁶ Вечерний Свердловск. 1962. № 179 (31 июля).

⁷ Вечерний Свердловск. 1963. № 132 (6 июня). С. 3.

⁸ Вечерний Свердловск. 1966. № 102 (3 мая). С. 3.

¹ Уральский рабочий. 1942. № 077. С. 2.

² Путевка. 1943. № 030; Путевка. 1945. № 087; Уральский рабочий. 1945. № 155; Уральский рабочий. 1945. № 158.

годы сочетал, таким образом, шум детских голосов и игр с грубыми мужскими криками и ударами костяшек домино.

До конца 1970-х годов положение с дефицитом организованного досуга мало менялось, что отражалось и на звуковом окружении района. Как сообщала газетная заметка 1979 г. с характерным названием «Досуг в подъезде», в подъездах «не раз приходилось видеть, как люди пьют пиво и вино <...> А ведь наверняка все, кто оккупирует лестничные клетки, предпочли бы провести свое свободное время <...> в каком-нибудь более приличном месте»¹. Звуки, сопровождавшие такое неформальное общение (гул голосов, звон бутылок), придали акустическому портрету Вторчермета маргинальный оттенок.

Одновременно на удаленной от строек лесной территории базы «Вторчермет» можно было услышать совсем иные звуки. Так, в заметке «Лесной лекарь», входившей в рубрику «Этюды о природе», в пасторальных тонах описывались биоакустические шумы, в том числе разнообразные звуки дятла: «Каждый сук у дятла своеобразный музыкальный инструмент. И звуки разные»².

Вместе с тем в жилой части района кипела социальная и образовательная жизнь. Здесь работали профессионально-технические училища, ежегодно принимавшие большое количество студентов, которые в дальнейшем работали на предприятиях Вторчермета. При школах создавались агитпункты, где проводились различные мероприятия: после того как затихала «шумная ребячья жизнь»³, начиналась иная, но не менее оживлённая. Знаковым событием стало открытие в 1977 году Дворца культуры имени 60-летия Октября (ДК РТИ). Он стал новым центром культурной жизни, добавив в акустический портрет района новый, институциональный слой.

На магистральных улицах Вторчермета открывались новые магазины, рестораны, почта и пр., формируя оживлённый районный центр. На улице Титова, 26 работал ЗАГС, и шум свадебных церемоний, сопровождаемых звоном бокалов, музыкой, поздравлениями, стал частью уличной акустики. В 1981 году в этом же здании открылся ресторан «Тбилиси», особая акустика которого сразу была отмечена: «крышей этого стилизованного аула служит не небо, а потолок ресторана, отделанный пробковыми плитами, поглощающими звук»⁴.

В 1990-е годы акустический портрет Вторчермета приобрел новые, тревожные тона. Начала формироваться районная мифология, согласно которой жужжание назойливых мух над прудом в парке Камвольного комбината объяснялось

не только загрязнением и свалками, но и слухами о том, что в пруду топят трупы. Этот мрачный фольклор, заставлявший местных жителей содрогаться и одновременно испытывать болезненное любопытство, резко контрастировал с воспоминаниями о пруде как чистом и пригодном для купания месте. Его новое название – «Муха» – стало своего рода акустическим символом.

Конец 1990-х для Вторчермета был ознаменован присуждением местному молодому поэту Борису Рыжему альтернативной литературной премии «Антибукер»⁵. Район постепенно приобретал поэтическое звучание, которое сегодня уже устойчиво ассоциируется с фигурой Б. Рыжего.

Заккрытие некоторых предприятий, экономический спад, удалённость от центра и обилие мигрантов способствовали стигматизации Вторчермета как криминогенного района. Его народное название – «Вторчик» – своим пренебрежительным звучанием закрепляло негативные коннотации. Однако в последнее время ситуация начала меняться, во многом благодаря пешеходным экскурсиям по местам, связанным с творчеством Бориса Рыжего, которые переосмысливают образ района.

Таким образом, акустический портрет Вторчермета к началу XXI в. сложился в результате наложения нескольких звуковых модальностей. Его основу составили индустриальные звуки, на которые накладывались звуки социального взаимодействия, в том числе в рамках культурных институций. Параллельно существовали акустические контрасты: пасторальные звуки лесной базы, приглушенная атмосфера ресторана. 1990-е годы трансформировали звуковое окружение района, добавив ему тревожный мифологический слой и стигматизирующий дискурс, которые сегодня переосмысливаются благодаря тому художественно осмысленному образу Вторчермета, который был представлен на страницах стихов Б. Рыжего. Эта сложная полифония выявляется в ходе диахронического среза акустического портрета жилого района. Ее компоненты становятся объектом полевых наблюдений в синхроническом анализе звукового окружения Вторчермета.

Полевые наблюдения были проведены в форме прогулки по Вторчермету в июле 2025 года в рамках проекта «Лаборатория включенного слушателя»⁶. Маршрут, выстроенный интуитивно, охватил ключевые точки жилого района. В ходе прогулки участники практиковали осознанное слушание, обсуждали впечатления и фиксировали параметры звукового окружения, включая уровень гром-

⁵ На смену! 1999. № 145 (30 декабря). С. 7.

⁶ Проект организован летом 2025 г. при поддержке БЦ «Екатеринбург», куратором выступила О.А. Михайлова. Целью проекта стало выявление акустического своеобразия жилых районов города Екатеринбурга и составление «маршрутов тишины».

¹ Вечерний Свердловск. 1979. № 266 (20 ноября). С. 3.

² На смену! 1979. № 066 (4 апреля). С. 4.

³ Вечерний Свердловск. 1974. № 113 (16 мая). С. 1.

⁴ Вечерний Свердловск. 1981. № 061 (14 марта). С. 3.

кости. Целью было выявить специфику современного звукового окружения района и проверить, как выявленные в диахроническом анализе звуковые модальности прошлого резонируют в сегодняшнем акустическом пространстве Вторчермета.

Первое, что удалось отметить при синхронном срезе, – выраженная зональность звукового ландшафта. Вдоль магистральных улиц (Титова, Селькоровская) формируется плотный шумовой фон (65–69 дБ) транспорта и магазинов. Во дворах домов становится значительно тише, что объясняется развитыми буферными зонами, которые заложены грамотным советским строительством и озеленением. Акустическая атмосфера этих дворов, построенных много лет назад, воспринимается как камерная, спасительная, рекреационная.

Более того, такой архитектурный каркас, в отличие от «бесформенного пространства современного мегаполиса, состоящего из недолговечных зданий» [10, с. 191], продолжает структурировать социальную память общества, тогда как звук в этой системе нередко является одним из компонентов перформативного ритуала по воспроизводству этой памяти.

Вторчермет, укрытый зеленью аллей и парков, становится местом акустических контрастов. Здание ЗАГСа на улице Титова, 26, работающее здесь с советских времен, продолжает свою деятельность. Характерные звуки свадебных церемоний сохраняются, но сегодня они звучат на фоне значительно возросшей интенсивности уличного движения. Гул магистральной улицы, голоса из многочисленных кафе, разговоры уличных торговцев создают плотный шумовой фон (66 дБ), в который встроены церемониальные звуки ЗАГСа.

Общеобразовательная школа № 106 на улице Титова, 28А, построенная в 1958 году, расположена в тихом дворе, скрытом от шума магистрали. В учебное время отсюда из окон и со школьного двора доносятся детские голоса. Несмотря на это, на огороженной территории школы сохраняется сравнительное тихое звуковое окружение благодаря шумопоглощающему дорожному покрытию и озеленению, тогда как вокруг школы фиксируется шум 65,5 дБ. После масштабной реконструкции, выполненной меценатом, школа позиционируется как центр воспитания любознательности, трудолюбия и таланта. Ее необычный, даже несколько вычурный визуальный образ на фоне устаревшей типовой застройки неизменно привлекает внимание прохожих, вызывая широкий спектр эмоций и удивленные возгласы.

У дома певца Вторчермета, Бориса Рыжего на улице Титова, 44 установлена мемориальная доска, указывающая, где прошло детство уральского поэта. Дом Рыжего выходит на главную улицу жилого района, отделен от нее аллеей. Здесь в кронах деревьев свили гнезда птицы, чей ще-

бет и гомон дополняет звуковое окружение места. Благодаря деревьям и птицам шум с магистрали частично поглощается, становясь фоном. Примечательно, что в момент прогулки была отмечена почти ритуальная тишина у мемориальной доски (54,5 дБ), актуализирующая культурный пласт памяти.

При этом сам Б. Рыжий в качестве акустического маркера родного района выбирал звон трамвая, который порой становится не просто элементом художественной действительности, но и действующим лицом его стихов, отражая «блуждания лирического субъекта в лабиринтах биографического и исторического времени» [11].

Биоакустическими шумами отличается пруд Муха в парке Камвольного комбината: сохранив название, отсылающее к мрачной городской мифологии, пруд, несмотря на загрязненность, стал местом обитания уток, довольное кряканье и шум крыльев которых формируют циклическое, мерное звуковое окружение (59 дБ). Умиротворяющее звучание пруда существует в контрасте с названием, демонстрируя разрыв между нарративом прошлого и чувственным опытом настоящего.

Наиболее высокий уровень шума был зафиксирован у стихийного рынка у ТЦ «Южный» (69,2 дБ), который в 1960–80-е функционировал как кинотеатр. Если раньше люди приходили сюда с целью духовного обогащения, и их слуху были привычны треск кинопроектора, разговоры киногероев, то сейчас это пространство заполнено исключительно потребительским, коммерческим гулом: голосами рыночных торговцев, шипением шашлыков, шумом толпы, рекламой магазинов. Кинематографические звуки, вероятнее всего, могут вспомнить только старожилы района, видевшие его преобразование.

Отсутствие этих звуков в палитре демонстрирует смену культурных кодов. Но, несмотря на коммерциализацию, само оживление пространства, его «шумная» социальная жизнь соответствует идее о том, что городская среда должна сохранять сложность и многообразие, будучи местом встречи и взаимодействия [12, с. 39].

Ритмической доминантой всего района является трамвайное кольцо (69 дБ) с его метрономическим стуком колёс и резкими звонками – устойчивым акустическим маркером, отражающим время и пространство Вторчермета вот уже более 80 лет.

Резюмируя, отметим, что синхронический анализ акустического портрета Вторчермета подтверждает тезис о его многослойности. Выделенные в диахроническом срезе звуковые модальности не исчезли, но претерпели трансформации. Так, индустриальный гул уступил место шуму транспортных магистралей. Звуки действующих производств, если и сохранились, то теряются в общем шуме или, напротив, заглушены современными нормами о соблюдении тишины.

Социальные и институциональные звуки сохраняют свое существование, интегрируясь в более шумный контекст. Мифологический нарратив продолжает существовать в сфере культурной памяти и поэтического слова, оставаясь мощным смысловым фильтром для восприятия места. При этом природные и искусственные буферные зоны оказываются ключевым элементом, обеспечивающим камерность звукового окружения района вопреки его шумовому фону.

Гул трамвая Вторчермета – это не просто шум, а маркер временной непрерывности, который связывает индустриальное прошлое с современным городским ландшафтом. Он проходит через все эпохи развития жилого района и маркирует его акустическую идентичность.

Итак, оперирование понятием «звуковой хронотоп» позволяет преодолеть ограничения традиционного описания звукового ландшафта, избегая его статичной каталогизации, и сосредоточиться на динамичных процессах взаимодействия звуков с временными, пространственными, социальными структурами места.

В рамках этого подхода акустический портрет выступает как инструмент феноменологической реконструкции, выявляющий, как через звук конституируются, сохраняются и трансформируются коллективная память, идентичность и опыт жилого района. Это открывает перспективу для сравнительного изучения акустических портретов различных городских территорий, где звук рассматривается как полноправный компонент их культурно-исторического ландшафта.

Литература

1. Schafer, R. M. (1994). *The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world*. New York: Knopf. 305 p.
2. Лоренс, К. (2023). *Гул мира: Философия слушания*. Пер. с англ. Москва: Ад Маргинем Пресс. 272 с.
3. Шион, М. (2023). *Звук: слушать, слышать, наблюдать*. Пер. с франц. И. Кушнareвой. 2-е изд. Москва. Новое литературное обозрение. 312 с.
4. Новикова, В. С. (2025). Звуковые практики коммеморации в публичном пространстве: социально-философский анализ аудиальных форм поминовения. *Философия и культура*. № 12. С. 49–67. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77280 EDN: QFUCXM. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77280.
5. Сабанчеев, Р. Ю. (2019). Культурная память как нарративный феномен (герменевтические аспекты). *Вопросы философии*. № 12. С. 10–14.
6. Вяземский, Ф. (2021). *Внимание, звук в городе*. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mn.ru/long/vnimanie-zvukv-gorode>.
7. Решение Екатеринбургской городской Думы от 22 декабря 2015 г. № 61/44 «Об утверждении нормативов градостроительного проектирования городского округа – муниципального образования «Город Екатеринбург» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/411722924>.
8. Думчиков, А. Микрорайон Вторчермет: исторический лонгрид [Электронный ресурс]. – URL: <https://ekb7.ru/vtorchermet>.
9. Сабанчеев, Р. Ю. (2018). Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 1 (43). С. 33–38.
10. Наумов, Д. И. (2023). Социальная амнезия как предмет философского исследования Пола Коннертона // *Философско-гуманитарные науки: сб. науч. статей*. Минск. РИВШ. С. 186–194.
11. Ничипоров, И. Б. (2025). «Барахлит городок»: Борис Рыжий как поэт-урбанист. *Профессорский журнал*. Серия: Русский язык и литература. 2025. № 3 (23). С. 27–33.
12. Рыбчинский, В. (2014). *Городской конструктор. Идеи и города*. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». 127 с.

ACOUSTIC PORTRAIT OF A RESIDENTIAL DISTRICT (ILLUSTRATED BY THE VTORCHERMET DISTRICT OF YEKATERINBURG)

Mikhailova O.A.

UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to the study of the sonic originality of the Vtorchermet residential area (Yekaterinburg). The concept of «sound chronotope» is used as an analytical framework, which is a theoretical model of the constitution of time and space by sound, where sound acts as a mechanism for preserving the memory of the cultural and historical landscape of a place. The purpose of the article is to compile an acoustic portrait of a residential area, presented as a phenomenological reconstruction of its sound environment in diachronic and synchronic sections. The acoustic portrait of a residential area is interpreted as a narrative that captures the dynamics of the interaction of sounds with time, space, and social memory. Based on the analysis of materials from the Ural press of the 20th century and field observation data from 2025, the dynamics of the Vtorchermet sound environment from the industrial period to the present is reconstructed and described. The key sound modalities (industrial, social and institutional, marginal and mythological) are highlighted and their transformation is traced. It shows how sounds form the acoustic identity of a neighborhood, acting as markers of memory and social and urban changes.

Keywords: sound studies; sound chronotope; sound environment; residential district; acoustic portrait; Vtorchermet.

References

1. Schafer, R. M. (1994). *The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world*. New York: Knopf. 305 p.
2. Lawrence, K. (2023). *The Hum of the World: A Philosophy of Listening*. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press. 272 p.

3. Chion, M. (2023). *Sound: Listening, Hearing, Observing*. Translated from French by I. Kushnareva. 2nd ed. Moscow: New Literary Observer. 312 p.
4. Novikova, V. S. (2025). Sound Practices of Commemoration in Public Space: A Social and Philosophical Analysis of Auditory Forms of Remembrance. *Philosophy and Culture*. № 12. pp. 49–67. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77280 EDN: QFUCXM. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77280.
5. Sabancheev, R. Yu. (2019). Cultural Memory as a Narrative Phenomenon (Hermeneutic Aspects). *Questions of Philosophy*. № 12. pp. 10–14.
6. Vyazemsky, F. (2021). Attention, Sound in the City. [Electronic resource]. – URL: <https://www.mn.ru/long/vnimanie-zvukv-gorode>.
7. Resolution of the Yekaterinburg City Duma of December 22, 2015 № 61/44 “On Approval of Urban Development Standards for the Urban District – Municipal Formation “City of Yekaterinburg” [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/411722924>.
8. Dumchikov, A. Vtorchermet Microdistrict: Historical Longread [Electronic resource]. – URL: <https://ekb7.ru/vtorchermet>.
9. Sabancheev, R. Yu. (2018). Pierre Nora’s Concept of “Places of Memory” as a Method of Historical Reconstruction. *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*. № 1 (43). pp. 33–38.
10. Naumov, D. I. (2023). Social Amnesia as a Subject of Philosophical Research by Paul Connerton // *Philosophical and Humanitarian Sciences: Collection of Scientific Articles*. Minsk. RIVSH. Pp. 186–194.
11. Nichiporov, I. B. (2025). “The Town is Failing”: Boris Ryzhy as an Urban Poet. *Professor’s Journal. Series: Russian Language and Literature*. 2025. № 3 (23). Pp. 27–33.
12. Rybchinsky, V. (2014). *Urban Designer. Ideas and Cities*. Moscow: Strelka Institute for Media, Architecture, and Design. 127 p.

Специфика представления научного знания в Античной традиции

Солодова Виктория Александровна,

соискатель на степень кандидата наук, ведущий специалист
ЦДОП ГИ, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
E-mail: solodova_va@spbstu.ru

В статье рассматривается процесс зарождения культуры репрезентации научного знания в эпоху Античности. Описывается влияние эволюции форм познания на естественное развитие новых способов представления знания: на смену хаотичным публичным дебатам приходят глубокомысленные философские трактаты. На основе анализа философских учений того периода отмечается влияние преемственности философских взглядов (Сократ-Платон-Аристотель) на становление научного знания и научной коммуникации. В работе выделяются ключевые особенности репрезентации научного знания в Античности, сохраняющие свою актуальность в современных условиях цифрового общества.

Ключевые слова: репрезентация научного знания, античная философия, эволюция познания, формы представления знания, сократический метод, философский диалог Платона, категории Аристотеля.

Современная практика репрезентации научного знания является результатом многолетнего развития и трансформации идей человека, которые берут свое начало еще в Античной традиции. В своей работе «Философия как фактор развития науки» Н.В. Хорев акцентирует внимание на том, что такая особая теоретическая форма знания как наука не могла возникнуть в условиях первобытного общества, для которого было характерно мышление, ориентированное на решение повседневных бытовых задач [8]. При этом практические навыки были неразделимы со знанием человека о мире, то есть не было места знанию теоретическому, предполагающему независимость элементов знания от субъекта. Мировоззрение, во главе которого стояло субъективное восприятие мира, препятствовало формированию объективного восприятия реальности. Религия в свою очередь также подпитывала практикоориентированные установки первобытного обывателя. Согласно религиозным писаниям, боги защищают, спасают, наставляют человека, который верит, кается, соблюдает пост и т.д. – их взаимоотношения практичны, лишены чисто теоретического осмысления. Однако, данное мышление обыденно и примитивно, эволюция человеческой мысли неизбежно должна была привести к его переходу на новый уровень. Воплощение данного перехода на уровень теоретического знания не могло обойтись без разрушения старого типа мышления.

Перемена взглядов и убеждений – длительный процесс в обществе, который, несомненно, занял не одно тысячелетие истории и нашел свое воплощение в трудах античных философов. Здесь стоит отметить, что мы рассматриваем философский трактат в качестве важного канала по формированию и представлению научного знания того периода. Авторы философских трактатов античности осмысливали идеи своих предшественников и современников, структурировали информацию, добавляя свое видение и транслировали через труды важные явления, понятия и методы, обеспечивая тем самым эффективную научную коммуникацию.

Идея нового сознания, отдельного от практического мышления и приближающего человечество к формированию чистого научного знания, обретает свою осязаемую форму в философии Аристотеля, который разделил знание на «умозрительное» или теоретическое (целью которого является истина) и «знание, касающееся деятельности» [3, с. 47], другими словами, практическое (целью

которого является дело). Умозрительное знание по Аристотелю – это теоретическое знание, которое осуществляется при помощи ума и освобождено от практической ориентации. Аристотель видит науку как особую форму знания: «наука единственно свободная, ибо она существует ради самой себя» [3, с. 9], то есть знание ради знания, в чем и заключается высшая цель эволюции человечества. В своих трудах Аристотель рассматривает опыт в качестве низшей ступени на пути познания; при этом отмечает, что ценны даже поверхностные труды исследователей истины, так как в общей массе они совершенствуют общечеловеческую способность к познанию. На основании этого мы можем выделить важную особенность представления научного знания: оно должно быть эклектичным и учитывать, а порой вбирать в себя, опыт предыдущих исследователей.

Если рассматривать труды Аристотеля в хронологическом порядке, уже в сборнике философских сочинений «Органон», посвященных логике, мы найдем базовые понятия и идеи важные для представления научного знания сегодня, особенно для систематизирования знаний. По нашему наблюдению, при упоминании категорий Аристотеля исследователями (в том числе в теле научных текстов) больше принято ссылаться на трактат «Категории» Аристотеля 1939 года издания в переводе А.В. Кубицкого под редакцией Г.Ф. Александрова в силу четкой формулировки категорий. В данном тексте перечисляется 10 основных категорий Аристотеля в следующем изложении: «из слов, высказанных без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание» [2, с. 6]. В современных изданиях используется более абстрактный (возможно, дословный) перевод данного фрагмента: «из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать» [1, с. 9]. На наш взгляд, современный перевод позволяет лучше понять текст оригинала, например, «претерпевать» лучше отражает суть (быть нагреваемым и ли охлаждаемым), нежели прежняя формулировка «страдать». Таким образом, мы можем наглядно проиллюстрировать еще одну особенность репрезентации научного знания: оно должно быть соответствующим времени, использовать терминологию, методы и каналы транслирования присущие современности.

В своем более позднем труде «Метафизика» Аристотель продолжает тему категорий, придавая им уже более глубокий смысл, используя их в рассуждениях о бытии и способе его охарактеризовать. Аристотель описывает ряд таких катего-

рий, как: истинное и ложное, начало, причина, элемент, природа или естество, единое, сущее, тождественное и противоположное, предшествующее и последующее, способность и возможность, количество и качество, соотношенное, законченное, предел, расположение, свойство, состояние, лишённость, часть и целое, нецельное, род, приводящее (случайное). Если проводить параллель с категориями трактата «Категории», то там они несут иную функцию: помогают логично классифицировать те или иные высказывания и суждения. Следующая особенность репрезентации научного знания, которую мы выделим, основываясь на вышесказанном – это структурированность, без которой невозможно представить себе существование научного знания в целом, не говоря уже о его репрезентации.

Изучив понятийный аппарат Аристотеля следует рассмотреть и методы, которые присущи его философии. Как справедливо отмечает наш современник профессор С.А. Лебедев «античными философами были выдвинуты и обоснованы три основных концепции: индуктивизм (Демокрит, Сократ, Архимед, Эпикур); дедуктивизм (Парменид, Платон) и концепция методологического многообразия и синтеза (Аристотель)» (цит. Лебедев). Индукция – метод познания, в основе которого лежит принцип мышления от частного к общему, дедукция, напротив, предполагает логические выводы из ряда факторов. Аристотель в свою очередь мыслил масштабнее и полагал, что оба метода познания нужны и применимы в разных ситуациях. Так в «Метафизике» он рассуждает: опытным путем вполне можно определить, что данное лекарство помогло во время болезни одному человеку, второму, многим, но «появляется же искусство (зачатки научного знания) тогда, когда на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы» [3, с. 4], то есть прийти к умозаключению, что данное лекарство помогает людям с одинаковыми симптомами – это уже более высокое знание. Мы видим, что движение от частного к общему в процессе чувственного познания сменяется движением от общего к частному на теоретическом уровне познания.

Говоря о методологии в античной философии необходимо учитывать общую тенденцию той эпохи к созерцанию в качестве основного канала познания. «Вера античных философов в то, что разум имеет «очи», что существует видение умом, аналогичное видению глазами, явилась не только одной из причин умозрительности античной науки, но и сама послужила своеобразным оправданием этой умозрительности» [4]. Философия Аристотеля (особенно трактат «Метафизика») в таком контексте становится эталонной в плане обоснования и практического применения данного метода.

Еще одним значимым вкладом Аристотеля в развития научного знания и его репрезента-

ции являются заложенные в сборнике «Органон» фундаментальные принципы логики и аргументации, которые актуальны и сейчас. Уже в трактате «Об истолковании» закладывается ряд понятий (высказывание, утверждение, отрицание, противоречие), без которых немислим конструктивный научный диалог; а также формулируются некоторые постулаты логического мышления, такие как «противоположные высказывания не могут быть вместе истинными» и «одному утверждению противостоит по противоречию одно отрицание» [1, с. 63]. Далее в трактате «Первая аналитика» вводятся понятия: посылка (утверждающее или отрицающее высказывание касательно чего-то) и силлогизм (по сути, умозаключение, которое состоит из двух посылок и заключения). Примечательно, что Аристотель по праву считается родоначальником логики, хотя сам термин не употребляет – он войдет в обиход немного позже. Изучая трактаты античного периода, становится очевидным, что «при всей своей абстрактности логика – самая что ни на есть эмпирическая наука... Логика – это обобщение опыта эффективной аргументации» [7, с. 43], потребность в которой возникла в виду наличия у людей интересов, которые они хотят отстаивать. В трактате «Вторая аналитика» исследует проблематику доказательного знания. Под доказательством подразумевается научный силлогизм (научное знание), исходящее из «истинных, первых, непосредственных, более известных и предшествующих посылок» [1, с. 268]. Далее в трактате исследуется структура доказательного знания, а также условия и процесс его формирования, с целью получения достоверного научного знания. Таким образом мы подошли к еще одной особенности репрезентации научного знания: его достоверность (хотя бы на момент представления информации).

Качественная аргументация сегодня – залог успешного представления научного исследования и принятия новых идей в научной среде, но в античный период форма представления знания имела некоторые особенности. Помимо письменных форм репрезентации, таких как трактат или философский диалог (присущий учениям Платона) практиковались устные формы представления знания – публичные выступления. Для усиления эффекта своего выступления оратор мог использовать яркие цвета в одеянии, ссылаться на мнения авторитетов и апеллировать к общепризнанным ценностям. Стоит отметить высокую степень манипулирования сознанием толпы через эти уловки. Касательно такой широко распространенной в то время устроной формы представления знания как публичные споры, можно отметить чрезмерную нацеленность оппонентов на победу, и, хотя подобные споры предполагали наличие свода правил для участников, «правила не гарантировали обязательной истинности высказывае-

мых утверждений, ибо использовались в основном для посрамления противника» [7, с. 44]. Переломили данную ситуацию философские учения Сократа, Платона и Аристотеля, сформировавших базовую систему логического мышления. Последнему из них нами было уделено достаточно времени, поэтому сейчас остановимся на первых двух философах: Сократе и Платоне, который являлся его учеником, а позднее стал наставником для Аристотеля.

Вернувшись в ленте исторического развития на расстояние чуть менее двух с половиной тысяч лет назад, мы окажемся в эпицентре зарождения принципиально нового философского метода – «майевтика», он же «сократический метод». Сократический метод предполагает диалог, в ходе которого философ задает наводящие вопросы и помогает собеседнику самому «дойти» до истинного знания, которым владеет собеседник, то есть осознать информацию, которой он обладает на бессознательном уровне. Наглядно данный метод представлен диалоге Сократа с Теэтетом в одноименном труде Платона «Теэтет». Функция философа (учителя), которое Сократ называет повивальным искусством заключается в умении «распознавать, что рождается в разуме молодого человека: призрак и ложь или нечто реальное и истинное», притом собеседники не получают знание напрямую от учителя, а «сами в себе находят и хранят много прекрасного» [6, с. 28]. Философия Сократа дошла до нашего времени в форме записей его учеников, в том числе Платона. Платон же, активно используя метод философского диалога, транслирует свой взгляд на процесс формирования научного знания через познание мира идей, к чему есть способность у философов: «у каждого в душе есть такая способность (к просвещению); есть у души и орудие, чтобы этому обучиться... нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это... и есть благо» [5, с. 309]. На смену идеям Платона приходят суждения Аристотеля. В поздний античный период представление научного знания носит преемственный характер, воплощая идеи аристотелевской философии и экспериментируя с синтезом методов познания.

Подводя итог исследованию представления научного знания в Античной традиции, стоит отметить, что упор был сделан на базовых учениях того периода. Конечно, неоспорим вклад в развитие научного знания философов раннего и позднего античного периода, но нам важно было проиллюстрировать расцвет философского мировоззрения того времени. Философские учения античного периода озаменовались стремлением отделить чисто научное знание от философского мировоззрения. В ходе исследования было рассмотрено разнообразие форм и способов представления

знания в античной традиции. Также были выделены такие важные особенности репрезентации научного знания как эклектичность, современность, структурированность и достоверность. Подводя итог, можно сделать вывод, что учения того времени еще не в полной мере освободились от мифологического мышления, но заложили базу для дальнейшего развития науки и его представления.

Литература

1. Аристотель. Аналитики / пер: А. Кубицкий, Э. Радлов, Б. Фохта. – СПб: Азбука-Аттикус, 2024. – 384 с.
2. Аристотель. Категории / пер. А.В. Кубицкий. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. – 128 с.
3. Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкий. – М.: Изд-во АСТ, 2024. – 448 с.
4. Лебедев С.А. Проблема научного метода в античной философии // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5, № 2. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/1680/view> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Платон. Государство / пер. с др.-греч. А. Егунова. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. – 480 с.
6. Платон. Тезтет / пер. с греч. – Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 192 с.
7. Тульчинский, Г.Л. Логика и теория аргументации: учебник для академического бакалавриата / Г.Л. Тульчинский, С.В. Герасимов, С.С. Гусев; под ред. Г.Л. Тульчинского. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 233 с.
8. Хорев Н.В. Философия как фактор развития науки / Н.В. Хорев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 264 с.

THE SPECIFICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE ANTIQUE TRADITION

Solodova V.A.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article describes the emergence of a culture of scientific knowledge representation in Antiquity. It dwells upon the influence of the evolution of forms of cognition on the natural development of new ways of presenting knowledge: chaotic public debates were replaced by profound philosophical treatises. Based on the analysis of the philosophical system of that period, the influence of the continuity of philosophical views (Socrates, Plato, and Aristotle) on the development of scientific knowledge and scientific communication is noted. The work highlights key features of scientific knowledge representation in Antiquity that remain relevant in today's digital society.

Keywords: scientific knowledge representation, ancient philosophy, evolution of cognition, forms of knowledge representation, Socratic method, Platonic philosophical dialogue, Aristotle's categories.

References

1. Aristotle. Analytics / translated by A. Kubitsky, E. Radlov, B. Focht. – St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2024. – 384 p.
2. Aristotle. Categories / translated by A.V. Kubitsky. – Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1939. – 128 p.
3. Aristotle. Metaphysics / translated by A.V. Kubitsky. – Moscow: AST Publishing House, 2024. – 448 p.
4. Lebedev, S.A. The Problem of the Scientific Method in Ancient Philosophy // Journal of Philosophical Research. 2019. Vol. 5, № 2. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/1680/view> (accessed: 17.09.2025).
5. Plato. The Republic / translated from Ancient Greek by A. Egunova. – St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2024. – 480 p.
6. Plato. Theaetetus / translated from Greek. – Leningrad: State Socio-Economic Publishing House, 1936. – 192 p.
7. Tulchinsky, G.L. Logic and Theory of Argumentation: textbook for academic bachelor's degree / G.L. Tulchinsky, S.V. Gerasimov, S.S. Gusev; edited by G.L. Tulchinsky. – Moscow: Yurayt Publishing, 2016. – 233 p.
8. Khorev, N.V. Philosophy as a Factor in the Development of Science / N.V. Khorev. – Moscow: Moscow University Publishing House, 1979. – 264 p.

Религиозно-философский ренессанс и трансформация русской интеллигенции: Анализ идейного сдвига начала XX века (на материале сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины») и концептуализация понятия «интеллигенция» в XXI веке

Абдулова Людмила Михайловна,

канд. философ. наук, доцент кафедры философии имени академика Ф.Т. Михайлова, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
E-mail: l.m.abdulova@mail.ru

Беляева Анастасия Михайловна,

канд. философ. наук, доцент кафедры медицинского права, этики и антропологии, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
E-mail: beliaeva-am@rsmu.ru

В статье анализируется идейный сдвиг начала XX века (на материале сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины»), что позволяет рассмотреть, как представители русской интеллигенции на разных этапах проходили духовный и философский путь: от критики позитивизма и защиты идеализма («Проблемы идеализма») – через критику позитивизма и радикализма и защиту метафизики и духовных основ общества («Вехи») – к критике революции и большевизма и защите религиозных начал общественности и культуры («Из глубины», а так же как идеи, выраженные в сборниках, влияют на современное осмысление феномена интеллигенции.

Ключевые слова: религиозно-философский ренессанс, «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины», интеллигенция, духовный контекст, эпоха перемен, кризис рационализма, социальная миссия, идеализм, религиозная переоценка ценностей, интеллигент, цифровая эпоха.

Введение

Кризис рационализма и поиски новой парадигмы: духовный контекст эпохи перемен

Вопрос о судьбе интеллигенции остается открытым до сих пор, порождая новые мифы, споры и дискуссии. Так как уж очень непростая судьба была у тех, кого история безоговорочно включила в эту небольшую, но существенную группу людей.

Начало XX века в России стало переломным моментом в интеллектуальной истории России, ознаменованный глубочайшими социальными потрясениями и духовными исканиями русской интеллигенции на рубеже XIX и XX столетий, получившим название *религиозно-философского поворота*. Этот поворот стал прямым следствием истощенности ресурсов господствовавшего во второй половине XIX века *нигилистического рационализма* и позитивистской веры в самодостаточность материального познания. Разочарование в народничестве, в утопических социальных проектах и в самой способности науки дать ответы на экзистенциальные вопросы (о смысле жизни, о Боге, о предназначении человека) создало некий культурный вакуум. Н.П. Полторацкий описывая эту ситуацию отмечал «В конце XIX в. народничество и марксизм почти безраздельно завладели умами наиболее в общественно-политическом плане активной части русского образованного класса. В философском отношении господствующим направлением был позитивизм, во многих случаях – материализм; в религиозном – атеизм, в лучшем случае – безразличие к вопросам веры; в этическом и эстетическом – утилитаризм» [6, с. 3].

Кризис проявился не только в литературе (например, символизм как реакция на реализм), но и в академической среде. Интеллигенция, традиционно ориентированная на социальное служение («служение народу»), столкнулась с необходимостью переосмысления самой основы своей миссии. Если предшествующее поколение – например, Чернышевский, Писарев – видели спасение в этическом активизме и научном просвещении, то новые мыслители (В.И. Иванов, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве и др.) пришли к выводу о первичности метафизического, а не социально-политического измерения бытия. Этот переход был зафиксирован в знаковых коллективных трудах.

Сборник **«Проблемы идеализма» (1902)** стал первым манифестом этого нового направления. Сборник выражал поворот от идеологизированного мышления к реальной философии, в традициях русского умозрения соединяющей философскую и нравственную проблематику – о смысле жизни, о нравственном и духовном идеале. Авторы открыто заявляли о необходимости возвращения философии к трансцендентному. Например, Струве поднимая проблемы, связанные с критикой учений Маркса и Канта, выступал за идеализм как противовес материализму и позитивизму [7, с. 92–12]. Поиск новой парадигмы был, по сути, поиском *новой метафизики*, способной интегрировать этическое измерение с религиозным опытом. Этот контекст позволил сборнику **«Вехи» (1909)** нанести сокрушительный удар по традиционному самосознанию интеллигенции, требуя от нее отказа от «объективистского» служения обществу в пользу индивидуального духовного самосовершенствования, что прямо отражало усталость от революционной суеты и духовное голодание. Сборник **«Из глубины» (1918)** был теснейшим образом связан с предыдущим сборником, «Вехи». Но если в «Вехах» проблема русской интеллигенции разбиралась на основе уроков русской революции 1905–1907 гг., то здесь – в свете уроков революции 1917 г., «до предела обнажившей все противоречия и изъяны интеллигентского, народного, государственного, религиозного, философского, культурного, правового и всякого иного бытия России» [6, с. 13]. По словам Струве, морально-политическая катастрофа породила веру в грядущее возрождение России, связанное, прежде всего, с возвратом к религиозным началам жизни «убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление» [8, с. 19].

Основная часть

Сборник «Проблемы идеализма»: неокантианство, рациональность и философские трансформации

Сборник «Проблемы идеализма», изданный в 1902 году, представляет собой критическую точку перехода для многих будущих религиозных мыслителей. Он являлся коллективным ответом на доминирование материалистических и социологических подходов в русской мысли. Ядром этого сборника стало переосмысление наследия И. Канта и развитие *неокантианства*, но уже с явным уклоном в сторону натурфилософии и мистики.

Центральной идеей, заявленной в предисловии, стала необходимость очищения философии от чрезмерного увлечения «социально-этическим заданием» П.Б. Струве, анализируя положение философии, подчеркивал, что русская мысль застряла в «утилитарном русле». Однако, в отличие

от более позднего религиозного поворота, «Проблемы идеализма» еще сохраняли строгую *рационалистическую форму*. Мыслители стремились доказать идеалистические основания бытия через строгий философский анализ, а не через прямое обращение к вере, как это будет в «Вехах».

Например, работы Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова в этом сборнике демонстрируют попытку синтезировать русскую этическую традицию с *онтологическим идеализмом*. Хотя сборник еще не был чисто религиозным манифестом, он заложил методологические основы для будущей религиозной философии, утвердив приоритет *метафизического познания* над эмпирическим и социальным. «Позитивизм еще раз делает сверхсметное познание у метафизики, что опять доказывает невозможность разрешения самых основных вопросов жизни и духа в границах опытного знания» [3, с. 42] заключает Булгаков, показывая его ограниченность в объяснении духовных явлений. Это было начало отказа от догмы «Полезности» в пользу познания «Истины» в её абсолютном, а не утилитарном смысле. Сборник стал важным интеллектуальным мостом между марксизмом и новоевропейской философией.

Сборник «Вехи» (1909) явил собой апофеоз религиозно-философского поворота и стал, возможно, самым скандальным и влиятельным текстом той эпохи. Его название метафорически указывало на прохождение некоей критической точки в истории русской интеллигенции. Авторы – М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве и С.Л. Франк – ранее достаточно тесно связанные с марксизмом и революционной демократией, но окончательно разочаровавшиеся в идеях и практике социализма, коллективно выступили с острой критикой *идеологического радикализма*, который, по их мнению, захватил интеллигенцию после революции 1905 года.

Основная идея сборника заключалась в определении интеллигенции как маргинальной группы, антагонистической как государству, так и народу. Авторы «Вех» критиковали вмешательство интеллигентов в политику, участие в сходах и собраниях общественности, пристрастие к «экономическому материализму» и ложное человеколюбие по отношению к крестьянству и пролетариату. Авторами сборника подчеркивалось особое значение человеческой личности, от нравственного и идейного здоровья которой зависит прочность и всех общественных форм. Струве в статье «Интеллигенция и революция» обвинил интеллигенцию в утрате духовных ценностей на фоне тотального увлечения идеями социальных преобразований, что, по его мнению, привело страну к кровавым событиям 1905 года, Франк в статье «Этика нигилизма» показал, как отказ от метафизики приводит неизбежно к оправданию любых,

даже самых жестоких, средств ради достижения утопической цели. Франк указывает на специфический утилитаризм русской интеллигентской морали, которая «искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции» [10, с. 229]. Бердяев в «Вехах» писал об «интеллигентской правде», субъективной и предвзятой, без «философской истины», а Кистяковский – об ущербности правосознания интеллигенции.

Ключевой, и наиболее спорной идеей авторов сборника, была *религиозная переоценка*. Если в «Проблемах идеализма» ставился философский вопрос, то в «Вехах» звучал проповеднический призыв: спасение России лежит не в политических реформах, а в индивидуальном религиозном опыте и служении Христу, а не абстрактному «народу». Как писал Булгаков «В своем отношении к народу, служение которому своею задачею ставит интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма» [2, с. 96]. Эта позиция вызвала яростную реакцию у социалистов всех мастей, которые сочли этот сборник «изменой» идеалам просвещения. Тем не менее, «Вехи» зафиксировали окончательный уход значительной части интеллектуальной элиты в сферу *религиозного персонализма* как альтернативы политическому догматизму.

Самопознание в экзистенциальном кризисе: трагизм и надежда в текстах «Из глубины»

Сборник «Из глубины. Сборник статей о русской революции» (1918), изданный уже после Октябрьского переворота, ознаменовал собой трагическое завершение эпохи религиозно-философского поиска и одновременно его глубокое осмысление. Если «Вехи» были призывом к духовному пути до катастрофы, то «Из глубины» стал рефлексией *над* уже свершившейся национальной катастрофой.

Авторы сборника (Струве, Булгаков, Бердяев, Франк и другие, многие из которых были высланы из страны большевиками в 1922 году на знаменитом «Философском пароходе») рассматривали революцию не просто как политический кризис, а как *бogoоставленность*, результат духовной незрелости интеллигенции и народа. Экзистенциальный кризис достиг своего пика: надежда на буржуазную либерализацию сменилась ужасом перед тоталитарным хаосом.

Бердяев, в своих статьях этого периода развивал тему *трагизма свободы*. Революция была воспринята как результат нереализованной, извращенной свободы, которая, будучи оторванной от религиозно-нравственных основ, обернулась принуждением. Булгаков, переходя к более открыто выраженной теософской позиции, анализировал революцию как проявление мессианской

ошибки, где политический утопизм стал суррогатом религиозной веры. В отличие от публицистичности «Вех», тексты «Из глубины» носят более *трагический и исповедальный характер*, фокусируясь на необходимости глубокого, почти мистического, самопознания как единственного пути сохранения личности перед лицом безличностной государственной машины. Это был не просто философский диспут, а пророчество о грядущем духовном противостоянии.

Заключение

От религиозного возрождения к цифровой эпохе: эволюция концепта «интеллигенция» в XXI веке

Анализ религиозно-философского поворота начала XX века (зафиксированного в сборниках «Проблемах идеализма», «Вехах» и «Из глубины») позволяет критически осмыслить современное понятие *интеллигенции*. Если в дореволюционной России интеллигенция определялась через оппозицию к власти, высокую степень саморефлексии и *сверхнормативное этическое бремя* (ответственность за «непросвещенный народ»), то в XXI веке этот конструкт претерпел радикальную трансформацию [1, с. 46–53].

Современная российская интеллигенция, особенно в условиях глобализации и цифровизации, утратила ту монолитность и ту сакральную (религиозно-философскую) основу, которую пытались воссоздать мыслители Серебряного века. Сегодня понятие «интеллигенция» часто заменяется терминами «креативный класс», «экспертное сообщество» или «цифровые гуманитарии» [9, с. 240–248]. Кризис, который переживали Бердяев и Булгаков и другие авторы сборников, был кризисом *идеологической истины*; современный кризис – это кризис *компетентности и доверия*.

Вместо глубокого метафизического поиска, современный дискурс доминируется запросом на прагматизм и технологическую эффективность. Однако, параллельно с этим, сохраняется определенная интеллигентская черта – *критическая позиция* по отношению к государственной политике и корпоративной культуре. Но, если Бердяев призывал к служению обществу, т.е. осознанию интеллигенцией не только своей независимости и свободы, но и выполнению ею социальной миссии – призванию служить делу справедливости путём своей мысли и творчества», то XXI век требует от интеллектуала способности к «*цифровой этике*» и медиа-грамотности [11, с. 301–309]. Влияние наследия «Вех» прослеживается в настоящем отношении к любой форме догматического коллективизма, будь то партийная идеология или агрессивный сетевой активизм. Концепт интеллигенции трансформировался из хранителя духовных истин в оператора сложной социальной информации, но потребность в *осознании смысла*

и поиске экзистенциальных ориентиров, заложенная религиозным ренессансом, остается фундаментальным культурным запросом.

Литература

1. Андрееenkova A.B. Интеллигенция в сравнительных межстрановых исследованиях – теоретические и методологические аспекты изучения. // В кн.: Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни. Сборник научных статей под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 46–53.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Сост. и авт. предисл. М.О. Гершензон; Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк / М.: Грифон, 2007. С. 57–108.
3. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса. Проблемы идеализма [1902] / Второе критическое издание, исправленное, под редакцией М.А. Колерова. Подготовка текста Н.В. Самовер. М.: Модест Колеров, 2018. 656 с. (Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 20.). С. 12–64.
4. Булгаков С.Н. На пиру богов. Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. С. 90–144.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции. Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. С. 55–89.
6. Полторацкий. Н.П. Сборник «Из глубины и его значение». Манифесты русского идеализма / [сост. и коммент. В.В. Сапова]. – Москва: Астрель, 2009. – 1069 с. С. 3–16.
7. П.Г. [П.С. Струве]. К характеристике нашего философского развития. Проблемы идеализма [1902] / Второе критическое издание, исправленное, под редакцией М.А. Колерова. Подготовка текста Н.В. Самовер. М.: Модест Колеров, 2018. (Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 20.). С. 92–112.
8. Струве П.С. Предисловие издателя. Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. С. 19.
9. Темнова Н.К., Масюк Н.Н., Птицына Н.А., Маркова Е.К. Обеспечение профессиональной адаптации в вузовской подготовке молодого поколения интеллигенции // Сборник научных статей. Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 240–248.
10. Франк С.Л. Этика нигилизма. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Сост. и авт. предисл. М.О. Гершензон; Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк / М.: Грифон, 2007. С. 225–266.
11. Ушакова В.Г. Вузовская интеллигенция перед вызовами цифрового (информационного) общества // Сборник научных статей. Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 301–309.

THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL RENAISSANCE AND THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA: AN ANALYSIS OF THE IDEOLOGICAL SHIFT AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON THE COLLECTIONS “PROBLEMS OF IDEALISM,” “VEKHI,” AND “FROM THE DEPTHS”) AND THE CONCEPTUALIZATION OF THE TERM “INTELLIGENTSIA” IN THE 21ST CENTURY

Abdulova L.M., Beliaeva A.M.

Pirogov Russian National Research Medical University

The article analyzes the ideological shift of the early 20th century (based on the collections “Problems of Idealism”, “Vekhi”, “From the Depths”), which allows us to consider how representatives of the Russian intelligentsia traversed a spiritual and philosophical path at different stages: from criticizing positivism and defending idealism (“Problems of Idealism”), through criticizing positivism and radicalism and defending metaphysics and the spiritual foundations of society (“Vekhi”), to criticizing the revolution and Bolshevism and defending the religious principles of public life and culture (“From the Depths”). It also explores how the ideas expressed in these collections influence the contemporary understanding of the phenomenon of the intelligentsia.

Keywords: religious and philosophical renaissance, “Problems of Idealism”, “Vekhi”, “From the Depths”, intelligentsia, spiritual context, era of change, crisis of rationalism, social mission, idealism, religious revaluation of values, intellectual, digital age.

References

1. Andreenkova A.V. Intelligentsia in comparative cross-country studies: Theoretical and methodological aspects of study. In: The intelligentsia: Diversity of images and styles of life / Edited by Zh.T. Toshchenko, M.S. Tsapko, E.V. Zverev; Moscow: RGGU, 2020. Pp. 46–53.
2. Bulgakov, S.N. Heroism and Missionary. In: Vekhi: A Collection of articles on Russian Intelligentsia. N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, A.S. Izgoev, B.A. Kistyakovsky, P.B. Struve, S.L. Frank. Ed. by M.O. Gershenzon / M.: Gryphon, 2007. Pp. 57–108.
3. Bulgakov S.N. The Main Problems of the Theory of Progress. In: Problems of Idealism [1902] / 2nd edition, revised, edited by M.A. Kolerov, N.V. Samover. Moscow: Modest Kolerov, 2018, 656 p. (Series “Studies in the History of Russian Thought”. Vol. 20.). Pp. 12–64.
4. Bulgakov S.N. At the feast of gods. In: From the depths: A collection of articles on the Russian Revolution / S.A. Askoldov, N.A. Berdyaev, S.A. Bulgakov, et als. Moscow: Moscow University Press, 1990. pp. 90–144.
5. Berdyaev N.A. Spirits of the Russian Revolution. In: From the depths: A collection of articles on the Russian Revolution / S.A. Askoldov, N.A. Berdyaev, S.A. Bulgakov, et als. Moscow: Moscow University Press, 1990. pp. 55–89.
6. Poltoratsky, N. P. “From the depths” and its meaning. In: Manifestos of Russian idealism / Edited by V.V. Sapov]. – Moscow: Astrel, 2009. – 1069 p. Pp. 3–16.

7. P.G. [P.B. Struve]. To the Characterization of Our Philosophical Development. In: Problems of Idealism [1902] / 2nd edition, revised, edited by M.A. Kolerov. N.V. Samover. Moscow: Modest Kolerov, 2018. (Series "Studies in the History of Russian Thought". Vol. 20.). Pp. 92–112.
8. Struve P.S. Publisher's Preface. In: From the Depths: A Collection of Articles on the Russian Revolution / S.A. Askoldov, N.A. Berdyaev, S.A. Bulgakov, et al. – Moscow: Moscow University Press. 1990. P. 19.
9. Temnova N.K., Masyuk N.N., Ptitsina N.A., Markova E.K. Providing Professional Adaptation in University Education for the Young Generation of the Intelligentsia. In: The Intelligentsia: Diversity of Images and Lifestyles / A Collection of Scientific Articles. Edited by Zh.T. Toshchenko, M.S. Tsapko, E.V. Zverev; Moscow: RGGU, 2020. Pp. 240–248.
10. Frank S.L. Ethics of Nihilism. In: Vekhi: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia. N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, A.S. Izgoev, B.A. Kistyakovsky, P.B. Struve, and S.L. Frank. Edited by M.O. Gershenzon. Moscow: Gryphon, 2007, pp. 225–266.
11. Ushakova V.G. University Intelligentsia Facing the Challenges of the Digital (Information) Society. In: Intelligentsia: Diversity of Images and Lifestyles / A Collection of Scientific Articles. Edited by Zh.T. Toshchenko, M.S. Tsapko, E.V. Zverev; Moscow: RGGU, 2020. Pp. 301–309.

К вопросу о соотношении понятий «жесткая», «мягкая» и «умная сила»

Архипов Александр Петрович,

адъюнкт кафедры (философии и религиоведения) ФГКВОО
ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Arkhipovap82@list.ru

В статье исследуется проблема соотношения и взаимодействия ключевых категорий – «жесткой» (hard power) и «мягкой» (soft power) силы. Исследуются основные этапы развития идей «мягкой силы», начиная с идей Сунь-Цзы, Н. Макиавелли и А. Грамши, через классическую либеральную трактовку Дж. Ная, к ее современной трансформации в стратегический инструмент информационно-психологического противоборства. Особое внимание уделяется критическому переосмыслению исходного дуализма «жесткой/мягкой» силы и появлению синтетических концепций, таких как «умная сила» (smart power). Делается вывод о фундаментальной взаимодополняемости двух типов силы в реальной практике, где «мягкая сила» в ее современном понимании утратила нейтральный характер и стала высокотехнологичным оружием не прямых действий, направленными на подрыв ценностно-смыслового суверенитета государства-мишени.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, умная сила, гибридная война, информационное противоборство, Джозеф Най, культурная гегемония, национальная безопасность, манипуляция сознанием.

В условиях становления многополярного мира и перехода международных конфликтов в гибридную форму, классические дихотомии силового воздействия подвергаются глубокому переосмыслению. Особую актуальность приобретает анализ воздействия и трансформации двух фундаментальных категорий – «жесткой» и «мягкой» силы. Изначально предложенные как взаимодополняющие элементы национального могущества, в реальности последних десятилетий они претерпели значительную эволюцию, стершую четкие границы между ними. Современные практики геополитической конкуренции демонстрируют, что «мягкая сила», понимаемая изначально как способность добиваться желаемого через привлекательность культуры, ценностей и политики [5], в последующем была инструментализирована и интегрирована в арсенал не прямых действий, что потребовало ее критического переосмысления в парадигме национальной безопасности и информационного противоборства.

Концептуальные основы явления, позднее названного «мягкой силой», уходят корнями в глубокую древность, демонстрируя вневременной характер технологий власти, выходящей за рамки прямого принуждения. Одним из древнейших источников является китайская политическая мысль. В «Книге правителя области Шан» содержится тезис о том, что совершенный правитель, управляя людьми, «должен непременно овладеть их умом и сердцами, и тогда он может использовать их силу» [1, с. 195]. Этот принцип управления через формирование лояльности и мировоззрения является прообразом современного понимания стратегического воздействия на сознание.

Более системное обоснование стратегии не прямых действий представлено в трактате Сунь-Цзы «Искусство войны». Его центральная идея «победить без сражения» подразумевает доминирование психологического воздействия в контексте завоевания его преимущества над грубой силой [2]. Высшее искусство, по Сунь-Цзы, заключается в том, чтобы «сломить волю противника к сопротивлению», что достигается через комплекс мер, сегодня относимых к инструментарию «мягкой силы»: разведку, дезинформацию, подрыв морального духа и демонстрацию добродетели правителя, заставляющей соседей добровольно подчиняться.

Значительный вклад в понимание власти, основанной не на страхе, а на согласии, внес Никколо Макиавелли. Анализируя устойчивость госу-

дарства, он проводил различие между режимом, держащимся исключительно на силе оружия, и режимом, пользующимся поддержкой граждан, основанной на уважении к его добродетелям и мудрости законов [3]. Тем самым Макиавелли обожествлял важность внутренней легитимности и привлекательности как ключевого источника силы, что можно рассматривать как раннее понимание внутреннего ресурса «мягкой силы».

Качественный скачок в теоретическом осмыслении механизмов идеологического доминирования совершил Антонио Грамши своей концепцией культурной гегемонии [4]. Он пришел к выводу, что господство правящего класса обеспечивается не столько аппаратом насилия, сколько его способностью навязать подчиненным группам свою систему ценностей, норм и мировоззренческих установок, представив их как «естественные» и «справедливые». Грамшианская «гегемония» является прямым философским предшественником современной трактовки «мягкой силы», так как вскрывает механизм, посредством которого привлекательность идей становится главным инструментом консолидации власти, делая прямое насилие излишним.

Формирование концепта «мягкой силы» в его современном терминологическом оформлении неразрывно связано с именем американского политолога Джозефа Ная. Его теория, сформулированная на рубеже 1980–1990-х годов, была призвана объяснить источники сохранения американского лидерства в постбиполярном мире. Най определял «мягкую силу» как способность добиваться желаемых результатов на международной арене через убеждение и привлекательность, заставляя других хотеть того же, чего хотите вы [5].

Согласно исходной трактовке Ная, «мягкая сила» опирается на три ключевых ресурса: культуру (в привлекательных для других аспектах), политические ценности (когда они жизнеспособны внутри страны и за рубежом) и внешнюю политику (когда она воспринимается как моральная и легитимная) [5]. Механизмом ее воздействия является добровольный выбор, создающий у объекта иллюзию самостоятельности, тогда как его предпочтения целенаправленно формируются. Инструментами выступают научные и культурные обмены, влияние на систему образования и общественные науки, что позволяет формировать определенное мировоззрение среди элит и широкой публики.

Важно подчеркнуть два фундаментальных аспекта первоначальной концепции Ная. Во-первых, ненамеренность (неинструментальность): Най рассматривал «мягкую силу» скорее как атрибутивное свойство, побочный продукт внутреннего устройства общества, а не результат целенаправленной компании [10]. Во-вторых, *зависимость от «жесткой силы»*: Най никогда не противопоставлял их, а рассматривал как взаимо-

дополняющие и взаимно усиливающие понятия [5]. К «жесткой силе» он относил инструменты военно-политического и экономического принуждения, заставляющие другие страны действовать против своей воли.

Однако последующие события – война в Ираке и Афганистане, «цветные революции» – показали, что теория Ная была изначально идеализированной. «Мягкая сила» была быстро инструментализована и превращена в стратегическое оружие гибридной войны, что потребовало ее критического переосмысления. Как отмечают исследователи, в условиях геополитической конкуренции она стала инструментом жесткого внедрения западных ценностей и подрыва иных ценностных оснований [8].

«Жесткая сила» (hard power) традиционно понимается как способность принуждать к желаемому поведению с помощью угроз или применения военной и экономической мощи. По классификации Дж. Ная и его последователей, к инструментам «жесткой силы» относятся прямое военное вмешательство, экономические санкции, дипломатическое давление и иные формы открытого принуждения [5, 10].

На первый взгляд, «мягкая сила» выглядит как более гуманная и экономическая альтернатива. Как отмечает И.Н. Панарин, ее применение требует значительно меньших прямых затрат, чем содержание армии, однако эффект может быть стратегически более значимым, поскольку она подрывает основы национального суверенитета через внутреннюю трансформацию идентичности общества [6]. Однако эта дихотомия обманчива. В реальности оба типа силы находятся в диалектическом единстве.

Их взаимодействие носит синергетический характер. «Жесткая сила» может оказывать позитивное влияние на международный авторитет государства и укреплять его «мягкую силу», например, в случае использования экономического потенциала для гуманитарной помощи или военного – для миротворческих операций. И наоборот, нелегитимные действия на международной арене (например, агрессивные военные компании) могут катастрофически подорвать доверие и, следовательно, ресурсы «мягкой силы» [5].

Яркой иллюстрацией сложного переплетения двух типов силы является события в Крыму в 2014 году, которые анализируются в контексте разных подходов. С точки зрения Запада, возвращение Крыма в состав России с участием военных – это акт «жесткой силы», оккупация и аннексия. Для сторонников этого шага ключевым является добровольный характер решения крымчан, что указывает на привлекательность России и работу «мягкой силы». «Умной силой» в этой ситуации можно назвать продуманную, неэскалационную форму участия вооруженных сил, позволяю-

щую провести референдум без масштабного насилия [15].

Таким образом, на практике «жесткая» и «мягкая» сила редко существуют в чистом виде. Их применение и восприятие глубоко контекстуальны и зависят от ценностных установок и политической позиции тех или иных акторов.

Осознание ограниченности как чисто принудительных, так и исключительно привлекательных стратегий привело к формированию синтетической концепции – «умной силы» (*smart power*). Сам Дж. Най, развивая свою теорию, определил «умную силу» как стратегическое сочетание «жесткой силы» для принуждения и «мягкой силы» для убеждения и притяжения; как способность соединять эти ресурсы в эффективную стратегию [5].

Однако трактовки «умной силы» варьируются. С. Носсель, например, делала ставку преимущественно на дипломатию, международные организации и союзы, не относя «жесткую силу» к обязательным компонентам этой стратегии [14]. С такой интерпретацией сложно согласится, учитывая реалии современного геополитического противостояния.

Более комплексный подход предлагают отечественные исследователи О.Ф. Русакова и Д.М. Ковалева, выделяющие методологические принципы «умной силы»:

- принцип диалектического соединения и комбинирования ресурсов «жесткой» и «мягкой» силы;
- принцип гибкого контекстуализма, требующей менять акценты в зависимости от ситуации;
- принцип баланса сил, отказ от крайностей;
- принцип синергии, когда элементы жесткого и мягкого влияния взаимно усиливают друг друга [7].

Специфика «умной силы» проявляется в ее ситуативной гибкости – способности адаптировать соотношение принуждения и убеждения. Это позволяет нивелировать ограниченность каждого подхода в отдельности: компенсировать снижение эффективности «жесткой силы» в долгосрочной перспективе и преодолевать ситуативную ограниченность «мягкой силы» в условиях острых кризисов [15]. Таким образом, если «жесткая» и «умная» сила представляют собой альтернативные парадигмы, то «умная сила» является мета-стратегией, определяющей их оптимальное соотношение в конкретных условиях.

Американский политолог У.Р. Мид развил классификацию, подразделив «мягкую силу» на притягательную силу (культуру и ценности) и силу гегемонии (по Грамши), а «жесткую» – на острую (военную) и липкую (экономическую, «затягивающую» в свою систему) [11, с. 25]. Хотя такая детализация может быть полезна для анализа, она не отменяет базового принципа взаимосвязи всех этих форм.

В начале XXI века, в условиях обострения геополитической конкуренции, классическая трактовка «мягкой силы» претерпела радикальную трансформацию. Из средства достижения консенсуса и формирования позитивного имиджа она эволюционировала в изощренный инструмент не прямых действий. Ее сущностной характеристикой стала стратегическая манипуляция [8].

Как верно отмечают современные российские исследователи, западные геополитические конкуренты, декларируя приверженность исходным принципам, на практике превратили «мягкую силу» в стратегический компонент гибридных войн, высокотехнологичный арсенал для ведения не прямых действий [8]. Культура, образование и правозащитная риторика были трансформированы в оружие, целью которого является разрушение духовного суверенитета и культурного кода общества-мишени. В западной аналитике этот феномен получил определение «острой силы» (*sharp power*) – использование инструментов привлекательности для подрывной деятельности и манипуляции [12].

Манипулятивная природа этого воздействия, по С.Г. Кара-Мурзе, состоит в двойном послы: наряду с открытым сообщением передается скрытый сигнал, пробуждающий в сознании нужные манипулятору образы, что позволяет направлять воображение по нужному руслу незаметно для объекта [9]. Таким образом, «мягкая сила» стала технологией скрытого управления, сохраняющей иллюзию добровольности выбора.

В российском научном и политическом дискурсе концепция «мягкой силы» вошла относительно недавно и изначально воспринималась скорее как угроза, исходящая от Запада, чем как собственный инструментарий [8]. В концепции внешней политике Российской Федерации (2013) «мягкая сила» определяется как комплексный инструмент с опорой на возможности гражданского общества и гуманитарные технологии, но одновременно указывается на опасность ее деструктивного использования для дестабилизации и манипулировании общественным сознанием [13]. Таким образом, документ фиксирует двойственное отношение: провозглашается необходимость овладеть этими механизмами, но основной акцент делается на защиту суверенитета.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров предлагает понимать «мягкую силу» как «способность воздействовать... с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательности своей страны, готовность... продвигать позитивную, объединительную повестку» [13]. Этот подход акцентирует ценностно-содержательную, а не манипулятивную составляющую.

Для России, как для государства, отстаивающего цивилизационный суверенитет, эффектив-

ное сочетание ресурсов силы является стратегической необходимостью. С одной стороны, требуется развитие собственной «мягкой силы», основанной на историко-культурном наследии, русском языке, достижениях науки и последовательной внешней политике, опирающейся на международное право [5, 10]. Инструментальную основу для этого формируют Россотрудничество, фонды «Русский мир» и Горчакова, международные СМИ [13].

С другой стороны, учитывая агрессивную инструментализацию «мягкой силы» конкурентами, Россия вынуждена разрабатывать адекватные механизмы защиты информационно-психологического суверенитета. Это предполагает не отказ от «мягкой силы» как таковой, а ее переосмысление в парадигме культурно-ценностного противоборства и активное использование «умной силы» – гибкого сочетания дипломатического, информационного, экономического и, при необходимости, военно-политического инструментария для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно соотношения понятий «жесткой» и «мягкой» силы.

Во-первых, данные концепции имеют глубокие историко-философские корни. Идея непрямого воздействия на волю и сознание для достижения стратегических целей присутствует в трудах Сунь-Цзы, Макиавелли и, особенно, Грамши, чья теория культурной гегемонии является прямым предшественником современных трактовок [1–4].

Во-вторых, классическая дихотомия, предложенная Дж. Наем, изначально носила дуалистический и взаимодополняющий характер. Най рассматривал «жесткую» и «мягкую» силу не как взаимоисключающие, а как синергетические элементы национального могущества, где привлекательность усиливает легитимность принуждения, а реальная мощь подкрепляет убеждение [5].

В-третьих, в условиях становления многополярного мира и гибридизации конфликтов произошла фундаментальная трансформация «мягкой силы». Из атрибутивного свойства и инструмента публичной дипломатии она была сознательно инструментализована и милитаризована, превратившись в ключевой компонент стратегии не прямых действий. Ее современная функция в гибридной войне заключается не в привлечении, а в разрушении духовного суверенитета через кооптацию элит, мобилизацию протеста и манипуляцию ценностными ориентирами [8, 12].

В-четвертых, ответом на усложнении природы влияния стала концепция «умной силы» (smart power), представляющая собой мета-стратегию ситуативно-оптимального сочетания ресурсов принуждения и убеждения. Ее эффективность определяется не максимальным наращиванием одного типа силы, а гибким, контекстуально обу-

словленным их комбинированием для достижения стратегических целей с минимальными издержками [5, 7].

Таким образом, соотношение «жесткой», «мягкой» и «умной» силы не является статичной оппозицией, а представляет собой динамический диалектический процесс. В современной геополитической реальности «мягкая сила» в ее инструментализованном виде сама стала формой «жесткого» воздействия на глубинное сознание общества. Для любого государства, включая Россию, стратегической задачей является не выбор между этими типами силы, а разработка и реализация сбалансированной стратегии «умной силы», способной защитить цивилизационную идентичность и обеспечить национальные интересы в условиях острого информационно-ценностного противоборства.

Литература

1. Книга правителя области Шан. – М.: Ладомир, 1993. – 352 с.
2. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с кит. Н.И. Конрад. – М.: Эксмо, 2022. – 304 с.
3. Макиавелли Н. Государь: Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. с итал. – СПб.: Азбука, 2000. – 270 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради. Избранное сочинения в 3 т. Т. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 350 с.
5. Най Дж.Мл. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.
6. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. – М.: Городец, 2018. – 284 с.
7. Русакова О.Ф., Ковалева Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3(41). С. 17–25.
8. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. – М.: МИФИ, 2018. – 338 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2017. – 432 с.
10. Най Дж.С. Мл. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006. – 320 с.
11. Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 288 с.
12. Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World // The International Forum for Democratic Studies. 2018. – 28 p.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт МИД России. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDB-

F7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 17.03.2025).

14. Nossel S. «Smart power». Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. № 2. P. 131–142.
15. Харитонов Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: монография. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 139 с.

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «HARD», «SOFT» AND «SMART» POWER»

Arkhipov A.P.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article explores the problem of the correlation and interaction of key categories – “hard power” and “soft power”. The main stages of the development of the ideas of “soft power” are studies, starting with the ideas of Sun Tzu, N. Machiavelli and A. Gramsci, through the classical liberal interpretation by J. Nye, to its modern transformation into a strategic instrument of information and psychological warfare. Special attention is paid to the critical rethinking of the original dualism of “hard/soft” power and the emergence of synthetic concepts such as “smart power”. The conclusion is drawn about the fundamental complementarity of the two types of force in real practice, where “soft power” in its modern understanding has lost its neutral character and has become a high-tech weapon of indirect actions aimed at undermining the value-semantic sovereignty of the target state.

Keywords: soft power, hard power, smart power, hybrid warfare, information warfare, Joseph Nye, cultural hegemony, national security, mind manipulation.

References

1. The Book of the Ruler of the Shan Region. – Moscow: Ladomir, 1993. – 352 p.
2. Sun Tzu. The Art of War / Translated from the Chinese by N.I. Konrad. – Moscow: Eksmo, 2022. – 304 p.
3. Machiavelli, N. The Sovereign: Reflections on the First Decade of Titus Livy / Translated from Italian. – St. Petersburg: ABC, 2000. – 270 p.
4. Gramsci A. Prison Notebooks. Selected Works in 3 volumes, Vol. 1. – Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1959. – 350 p.
5. Nye J.S. Jr. The Future of Power / translated from English by V.N. Verchenko. – Moscow: AST, 2014. – 448 p.
6. Panarin I.N. Information Warfare and Diplomacy. – Moscow: Gorodets, 2018. – 284 p.
7. Rusakova O.F., Kovaleva D.M. “Soft Power” and “smart power”: a conceptual analysis // Society and power. 2013. No. 3(41). Pp. 17–25.
8. Manoilo A.V. State information policy in special conditions: a monograph. – Moscow: MEPhI, 2018. – 338 p.
9. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. – Moscow: Algorithm, 2017. – 432 p.
10. Nye J.S. Jr. Flexible power. How to Succeed in World Politics. – Moscow: Trend, 2006. – 320 p.
11. Meade, U.R. Power, Terror, Peace and War. America’s Big Strategy in the Risk Society. – Moscow: Progress–Tradition, 2006. – 288 p.
12. Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World // The International Forum for Democratic Studies. 2018. – 28 p.
13. The concept of the foreign policy of the Russian Federation: approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013.
14. Nossel S. «Smart power». Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. № 2. P. 131–142.
15. Kharitonova E.M. “Soft Power” of Great Britain: a monograph. – Moscow: IMEMO RAS, 2018. – 139 p.

«Экономика впечатлений» и межкультурная коммуникация в современном мире

Бекова Милана Абукаровна,

аспирант Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: milanabekova0@gmail.com

Цель статьи заключается в том, чтобы определить, как «экономика впечатлений» влияет на межкультурную коммуникацию в современном мире. Рассматриваются основные черты и структурные элементы «экономики впечатлений», ее проявления в социальной практике, включая и межкультурную коммуникацию. Новизна исследования определяется тем, что впервые проанализирована роль тенденций и процессов, получивших название «экономики впечатлений», в развитии современного межкультурного диалога, выявлены и показаны конкретные примеры их воздействия на контакты между культурами и цивилизациями. Главным результатом исследования стало признание огромной роли «экономики впечатлений» в межкультурной коммуникации. Наиболее сильные впечатления, за которые готов платить потребитель, связано с чем-то новым и неизвестным ему, а основным источником этого нового и неизвестного является иная культурная традиция. Основные отрасли «экономики впечатлений» (ресторанный бизнес, индустрия развлечений, туризм) активно используют образы, связанные с иными культурами и тем самым способствуют погружению в них потребителя и его диалогу с ними.

Ключевые слова: «экономика впечатлений», межкультурная коммуникация, ресторанный бизнес, индустрия развлечений, международный туризм.

Введение

Постановка проблемы и ее научная актуальность

Проблемой настоящего исследования является влияние тенденций современного экономического развития, получивших название «экономики впечатлений», на характер, масштаб и интенсивность межкультурных связей.

Современная эпоха стала временем резкой интенсификации контактов между различными культурами и цивилизациями. Процессы глобализации вывели межкультурный диалог на совершенно новый уровень. Теперь это уже контакты не внутри отдельных регионов или континентов, но в масштабе всей глобальной социокультурной среды. Подавляющему большинству современных людей становится доступной вся современная культура. Глобальные экономические связи, современные средства транспорта и коммуникации делают возможным взаимодействие почти со всем обитаемым миром. Диалог различных культур и цивилизаций стал одним из важнейших феноменов современности, фактором, оказывающим воздействие на все стороны общественного процесса. По этой причине он заслуживает особенно глубокого и пристального анализа. Изучению должны подвергнуться все его составляющие и все факторы, благодаря которым он стал возможен [6].

Большое место в их ряду занимают процессы, происходящие сейчас в области экономики. Экономическое развитие современного мира, формирование глобальной среды торгового и инвестиционного сотрудничества сближают между собой различные части мира, повышают их взаимную проницаемость и тем самым закладывают основу для культурных контактов [7]. Чем интенсивнее экономические связи, тем больше общего становится между государствами и целыми регионами, в том числе и в области культуры. Бренды одежды и бытовой техники неразрывно ассоциируются с страной их происхождения и могут на уровне образов сообщить о ней больше, чем рационально воспринимаемая информация.

Вместе с тем во внимание должны быть приняты и некоторые новые тенденции в мировом экономическом развитии, обобщенно названные Дж. Пайном и Дж. Гилмором «экономикой впечатлений». По их словам, именно впечатления становятся сейчас главным результатом труда и источником прибыли, каковыми когда-то являлись то-

вары, а затем услуги. Это заставляет рассмотреть основные характеристики «экономики впечатлений», установить степень, масштаб и особенности ее влияния на межкультурный диалог [10].

Задачи:

- определить основные черты феномена «экономики впечатлений»;
- выявить характер и направленность его влияния на современный межкультурный диалог;
- определить наиболее значимые проявления «экономики впечатлений» в сфере межкультурных контактов.

Методы

В исследовании используются следующие методы:

- структурный: для определения основных структурных элементов феномена «экономики впечатлений»;
- функциональный: для выявления основных функций «экономики впечатлений», включая ее воздействие на межкультурный диалог;
- метод кейсового анализа: для характеристики конкретных примеров воздействия «экономики впечатлений» на межкультурный диалог.

Теоретическая база

Теоретическую базу исследования составляют, во-первых, исследования «экономики впечатлений» и близких к ней феноменов. Это монография Дж. Пайна и Дж. Гилмора «The Experience Economy» (Pine, Gilmore, 1999), переведенная на русский язык как «Экономика впечатлений: Работа как театр и каждый бизнес – сцена» [11], и работы, в которых осмысляются и развиваются основные положения изложенной в ней концепции. К их числу относятся монография А. Босвика и Т. Тиссена [17], коллективная монография по урбанистическим аспектам «экономики впечатлений» [19], статьи зарубежных и отечественных. Во-вторых, это концептуально близкие работы, в которых рассматриваются схожие с «экономикой впечатлений» тенденции и явления. Наконец, это исследования, посвященные диалогу культур, культурному обмену, в том числе в условиях глобализации. Большое теоретическое значение для настоящей статьи имеют работы В.С. Библера [3]. Кроме того, важны работы И.В. Наместниковой о межкультурной коммуникации [8]. Проблемы взаимодействия культур в условиях глобализации также освещались в работах крупных зарубежных теоретиков современного глобального социума. Также рассматриваются исследования отдельных примеров межкультурного обмена, глобального воздействия феноменов отдельных культур.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты, в частности определе-

ние «экономики впечатлений» как мощного стимула современного межкультурного диалога и выявление случаев культурного обмена, в которых обнаружило себя ее влияние, могут использоваться в лекционных курсах и семинарских занятиях по социальной философии, культурологии, мировой экономике. Кроме того, они могут использоваться как практические рекомендации в сфере международного маркетинга и бренд-менеджмента.

Обсуждение и результаты

Формирование «экономики впечатлений» стимулируется несколькими процессами, происходящими в народнохозяйственной сфере. Во-первых, это постоянный рост производства, ведущий к избытку товаров и услуг и ужесточению конкуренции за каждого покупателя или клиента, к необходимости прикладывать значительные усилия к тому, чтобы реализовать продукцию и получить прибыль. Во-вторых, это рост доходов и уровня жизни, результатом чего, во всяком случае в развитых странах, становится ситуация, когда не только базовые (жилье, пища, одежда), но и многие вторичные потребности (комфорт, безопасность, отдых и развлечения), покрываемые товарами и услугами, оказываются удовлетворены. Человеку надо уже не просто купить товар или получить услугу, ему надо нечто большее, то, что Дж. Пайн и Дж. Гилмор называют получением «впечатления» от товара или услуги [14]. Из предлагаемого ассортимента он выберет «производящее впечатление», а тот, кто сможет предложить ему такой продукт, гарантированно получит прибыль. Ни высокое качество товара или услуги, ни приемлемая цена уже недостаточны, чтобы обратить на себя внимание покупателя. «Чтобы прорваться через плотную и темную, «дерегулированную» чащу глобальной конкуренции и выбраться на свет общественного внимания, товары, услуги и информация должны возбуждать желание» – пишет З. Бауман [1]. «<...> Хороший потребитель – всегда искатель приключений и любитель удовольствий. <...> Потребители – это в первую очередь коллекционеры ощущений; они собирают вещи лишь во вторую очередь, как следствие» [1].

Новым требованиям к предоставлению услуг отвечает, например, многоярусная парковка рядом с аэропортом О'Хара в Чикаго, на каждом уровне которой играет музыка, а стены украшены эмблемами местных спортивных команд. То же можно сказать о продуктовом магазине «Bristol Farms Gourmet Speciality Foods Market», который скорее напоминает театр: музыка, развлекательные программы, экзотическая обстановка, бесплатные прохладительные напитки и кинозал-амфибия оставляют незабываемые впечатления после каждого визита. Распространяется сейчас этот подход и на многие другие отрасли, даже, казалось бы, такую прозаическую, как ремонт компьютеров. Одна из фирм одела своих мастеров в белые рубаш-

ки с черными галстуками, а для поездок к клиентам использует исключительно ретроавтомобили [11]. В этот же ряд можно поместить и автосалон, сотрудники которого сопровождают каждую новую покупку автомобиля аплодисментами, играя тем самым на самолюбии покупателя [11]. Можно упомянуть и магазины, устраивающие экскурсии на производство товаров или продуктов, которыми они торгуют, и Cabela's, в котором установлена гора высотой 35 футов для проверки продаваемого им альпинистского снаряжения [15].

Особенно широкий простор для продажи «впечатлений» может предоставить индустрия развлечений. Ярким примером проникновения «экономики впечатлений» в эту отрасль являются тематические парки. Нидерландская компания Ogden, ранее специализировавшаяся на бытовых услугах, теперь воссоздает флору и фауну различных уголков Америки (наряду с открытием ресторанов, клубов, торговых центров и пр.). Это не просто частные зоопарки и ботанические сады, как может показаться на первый взгляд. «Гости <...> могут увидеть этот мир глазами различных животных, например пробежать, как горный лев, или поужжжать, как оса. Затем посетители смотрят на живых животных и разговаривают о природе с одетыми в соответствующие костюмы лесничими и егерями» [11]. Ключевое значение здесь имеет элемент интерактивности, возможности непосредственного участия, погружения клиентов в среду и поглощения их ею. Это же касается заведений общепита. Точно так же, как тематические парки, появляются и тематические рестораны, в которые посетители идут более охотно, будучи привлечены интерьером, музыкой, разнообразными шоу и перформансами, в которых они могут принять участие. Вслед за «тематическими» какую-то специфику в том, что касается интерьера или особенностей обслуживания, стараются придать и остальные рестораны и даже небольшие кафе, и с коммерческой точки зрения этот ход оказывается совершенно беспримысленным [16].

Из фактов, приведенных Пайном и Гилмором в подтверждение своей концепции, можно сделать вывод, что в числе источников наиболее сильных впечатлений одно из центральных мест занимают встречи с чем-то новым, экзотическим, созданным и существующим в рамках другой, далекой от покупателя культуры. Действительно, чашка кофе в венецианском Café Florian на площади Святого Марка стоит 15 долларов, и тем не менее тысячи туристов готовы отдать такую сумму за то, чтобы не просто выпить кофе, но и погрузиться в уникальную атмосферу города. При этом реальная рыночная стоимость зерен, из которых сварен этот кофе, не должна превышать нескольких центов (или 10–20 центов, по которым они реализуются конечному потребителю в магазине) [11]. Другой, еще более яркий пример – это успех, которым пользуется у мировой публики Диснейленд.

Этот тематический парк, открытый в 1955 г. в Калифорнии, является не просто одной из крупнейших и наиболее процветающих «фабрик впечатлений», погружающей посетителя в мир творчества У. Диснея [11]. Это еще и встреча с миром американской мультипликации, американской массовой культуры в целом, а значит и ситуация, в которой осуществляется межкультурный диалог – контакты с американской культурой представителей других культурных общностей. Не случайно Диснейленды теперь открываются в Париже и многих других городах мира. Знакомство с новым для себя и в то же время вполне определенно ассоциируемым с американской культурой миром способствует распространению ее распространению по миру, вовлечению во взаимодействие с ней [18].

Другой пример – упоминаемые Пайном и Гилмором тематические рестораны. Чаще всего их «тематичность» связана с какой-нибудь другой культурой. «Этногеографическая» специализация в ресторанном бизнесе развита очень сильно. Итальянские, китайские, вьетнамские, корейские и многие другие рестораны и кафе с «этнокультурным уклоном» являются сейчас неотъемлемой частью городской повседневности. Показателен в этом смысле пример китайских ресторанов. Первоначально они стали открываться в Европе и на других континентах вместе с возникновением и быстрым расширением китайской диаспоры (хуацяо), а также потоком китайских туристов. Там они могли найти привычную для себя еду, а также круг общения, в целом находясь в среде, являющейся для них близкой и родной. Однако вскоре большой интерес к китайским ресторанам начали проявлять и коренные жители государств, в которых они стали открываться. Согласно исследованию, проведенному в Москве, популярность китайских ресторанов неуклонно растет, что «связано главным образом с романтизацией и мифологизацией восточной кухни, попытками приобщения к аутентичной закрытой культуре» [5]. Российских посетителей в китайские рестораны привлекает не только высокое качество еды, но и возможность приобщения к китайской культуре, интерьер с национальным колоритом, непосредственные контакты с китайцами как носителями иной культурной традиции (там же).

Предприятия общепита с этнокультурной спецификой полностью соответствуют основным характеристикам, присущим «экономике впечатлений». Блюда национальных кухонь, например, китайские супы, японские суши, итальянские пицца и паста пользуются такой популярностью не только и не столько потому, что это вкусно, но и потому, что это позволяет погрузиться в атмосферу других стран. Важен не только вкус, но и внешний вид, особенности сервировки и правила поедания. Главное же, все это обычно сочетается с выполненным в национальных традициях интерье-

ром, этнической музыкой, а иногда и костюмами, в которые одеты официанты или формами приветствия. Все это может произвести неизгладимо впечатление на клиента и в то же время продвигает определенную культурную традицию в новой, изначально чуждой среде, способствует межкультурному диалогу.

Впрочем, гастрономия не единственная отрасль международной «экономики впечатлений». Не меньшее, а возможно и большее значение имеет индустрия культуры во всем ее разнообразии – кинематограф, изобразительное искусство, музыка. Особенно характерен пример мультипликации, как продукции уже упомянутой студии У. Диснея, так, например, и японского аниме. Вместе с кинолентами экспортируются американские традиции, ценности, представления о жизни. Микки Маус давно уже стал одним из символов американской культуры [12]. То же касается японских аниме и манги (комиксов, как правило, составляющих основу для мультипликации), давно уже ставших «своими» далеко за пределами японского архипелага. Аниме сочетают в себе интернациональные и традиционные японские сюжеты и образы и поэтому могут быть так интересны для глобальной зрительской аудитории [4]. Не менее яркий пример – турецкие сериалы. Они погружают зрителя в особую атмосферу Востока, в мир эмоций, чувств, страсти, роскошной жизни (раньше в точно такой же мир погружали зрителя латиноамериканские сериалы). Такие названия, как «Великолепный век» или «Зимородок», хорошо известны большинству наших сограждан, даже не имеющих особой склонности к просмотру «мыльных опер». Доказано, что страны, в которых турецкие сериалы пользуются повышенной популярностью, имеют больший, чем остальные, товарооборот с Турцией, а также больший туристический поток [2].

Однако не только ресторанный бизнес или киноиндустрия способствуют сейчас интенсификации межкультурных контактов. Прямое погружение в инокультурную среду может обеспечить туризм. Именно она представляет собой один из наиболее мощных факторов межкультурной коммуникации и в то же время в полной мере отвечает основным требованиям, предъявляемым к отраслям «экономики впечатлений». Оказываясь в другой стране, турист так или иначе начинает контактировать с носителями других культур. Эти контакты могут быть менее, могут быть более интенсивными, что зависит от целого ряда факторов и обстоятельств [13], однако сам факт их невозможно отрицать. С другой стороны, туристы едут в другие страны и на другие континенты именно за впечатлениями, которые они могут получить от непосредственного знакомства с новыми для себя традициями, контактов с представителями иных цивилизационных общностей. Впечатления – основная цель большинства туристических

поездок (не считая медицинского, религиозного и некоторых других видов туризма, доля которых в общем объеме потока сравнительно невелика). Конечно, тяга к путешествиям всегда была свойственна людям, и первые шаги туристическая отрасль сделала задолго до того, как стала формироваться «экономика впечатлений», однако за последние десятилетия мировой туристический поток вырос в десятки раз. Если в 1950 г. в зарубежные туристические поездки отправились 25 млн человек, то в 2019 уже 1,5 млрд [9]. Соответственно увеличивались и доходы. Постоянно возрастающий уровень благосостояния позволял все большему числу людей тратить деньги на путешествия и впечатления от них, а именно это и является одним из основных драйверов «экономики впечатлений». Таким образом, почти целиком основанная на «торговле» впечатлениями, туристическая отрасль вносит особенно значимый вклад в межкультурную коммуникацию.

Заключение

Феномен «экономики впечатлений», описанный Дж. Пайном и Дж. Гилмором, входит в число наиболее значимых факторов современного межкультурного диалога. Чем сильнее впечатление, тем большие деньги готов заплатить за него покупатель [20]. Наиболее же сильные впечатления может оставить встреча с чем-то совершенно новым, незнакомым, чуждым человеку. Источником такой новизны может выступать прежде всего другая культура, поэтому взаимодействие с ней широко используется в формирующейся сейчас «экономике впечатлений» как источник прибыли. Рестораны, отели, тематические парки, индустрия развлечений и туризм – все это ведущие отрасли «экономики впечатлений» и в то же время ключевые площадки, на которых разворачивается межкультурный диалог. Новый тип экономики способствует значительному углублению и расширению межкультурных контактов.

Предпринятое исследование касается новой и во многом еще не изученной темы. Само осмысление современной системы хозяйствования как «экономики впечатлений» делает пока только самые первые шаги. По этой причине существуют широкие возможности дальнейшего развития затронутых сюжетов и проблем. Это может быть как более глубокое исследование отдельных отраслей (например, киноиндустрии или туризма) в плане их влияния на межкультурный диалог, так и выработка практических рекомендаций для бизнеса, общественных организаций и государственных структур.

Литература

1. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. М.Л. Коробочкиной. – М.: Весь мир, 2004.

2. Белостоцкая, И.П. Турецкий сериал как инструмент мягкой силы во внешней политике Турции / И.П. Белостоцкая // Всероссийские научные чтения – 2022: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 392–396.
3. Библер, В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
4. Гаджиева, Е.А. Страна восходящего Солнца. История и культура Японии / Е.А. Гаджиева. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
5. Иванова, А.Я. Роль китайской еды и китайских ресторанов в межкультурном взаимодействии России и Китая / А.Я. Иванова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 10. – С. 71–75.
6. Муртазина, Г.Ф. Экономика впечатлений – новая социально-экономическая ступень общества в мировой теории и практике / Г.Ф. Муртазина, А.В. Коба, Ю.М. Харитонов // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. – С. 169–173.
7. Наместникова, И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: дис. ... д-ра филос. наук / И.В. Наместникова. – М., 2003.
8. Наместникова, И.В. Проблема культурного многообразия в условиях глобализации / И.В. Наместникова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, № S1–2 (19–20). – С. 518–522.
9. Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. – М.: Аспект Пресс, 2023.
10. Комиссаров, И.И. Специфические черты цивилизационной модели в политической философии С. Хантингтона / И.И. Комиссаров // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 55–63.
11. Пайн, Б. Дж. Экономика впечатлений: Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / Б. Дж. Пайн, Дж.Х. Гилмор; пер. с англ. Н.А. Ливинской. – М.: Сбербанк, 2011.
12. Романова, Т.А. Микки Маус как прецедентный феномен в англоязычной культуре / Т.А. Романова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 64–71.
13. Соколова, М.В. Роль туризма в кросс-культурной коммуникации и факторы, его определяющие / М.В. Соколова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 4. – С. 42–48.
14. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
15. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003.
16. Andersson, T.D. The Tourist in the Experience Economy / T.D. Andersson // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. – 2007. – Vol. 7, № 1. – P. 46–58.
17. Boswijk, A. The Experience Economy: A New Perspective / A. Boswijk, Th. Thijssen. – Amsterdam: Pearson Prentice Hall, 2007.
18. Jensen, R. Dream Society / R. Jensen. – N. Y.: McGrawHill, 1999.
19. Lorentzen, A. The City in the Experience Economy / A. Lorentzen, J.H. Hantzen. – L.: Routledge, 2012.
20. Pieterse, J.N. Globalization and Culture: Global Mélange / J.N. Pieterse. – Lanham: Rowman&Littlefield, 2009.

THE «EXPERIENCE ECONOMY» AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN CONTEMPORARY WORLD

Bekova M.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article aims to define the influence of the «experience economy» on the intercultural communication in contemporary world. The author considers the basic features and structural elements of the «experience economy», its manifestations in social practice, including the intercultural communication. The newness of the study is conditioned by the fact that the author is the first to analyze the role of the trends and processes called «the experience economy» in the development of the contemporary intercultural dialogue, revealed and demonstrated the cases of the contacts between the cultures and civilizations. The main result of the study is the acknowledgement of a great role played by the «experience economy» in the intercultural communication. The strongest experience, for which the consumer is ready to pay, is connected with something new and unknown to him, and the main source of the new and unknown is the other cultural tradition. The key branches of the «experience economy» (restaurant business, leisure industry, tourism) actively exploit the images connected with other cultures and in that way foster the immersion of the consumer in them and his dialogue with them.

Keywords: experience economy, intercultural communication, restaurant business, leisure industry, tourism.

References

1. Bauman, Z. Globalization: consequences for man and society / Z. Bauman; lane from English M.L. Korobochkina. – M.: Ves mir, 2004.
2. Belostotskaya, I.P. Turkish series as an instrument of soft power in Turkish foreign policy / I.P. Belostotskaya // All-Russian scientific readings – 2022: collection. Art. All-Russian scientific-practical conf. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science» (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. – P. 392–396.
3. Bibler, V.S. Culture. Dialogue of cultures (experience of definition) / V.S. Bibler // Questions of Philosophy. – 1989. – № 6. – P. 31–42.
4. Gadzhieva, E.A. Land of the Rising Sun. History and culture of Japan / E.A. Gadzhieva. – Rostov n/a: Phoenix, 2006.
5. Ivanova, A. Ya. The role of Chinese food and Chinese restaurants in intercultural interaction between Russia and China /

- A. Ya. Ivanova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2019. – № 10. – P. 71–75.
6. Murtazina, G.F. The economy of impressions is a new socio-economic stage of society in world theory and practice / G.F. Murtazina, A.V. Koba, Yu.M. Kharitonova // New impulses of development: issues of scientific research: collection. Art. international scientific-practical conf. – Saratov: NOO «Digital Science», 2020. – P. 169–173.
 7. Namestnikova, I.V. Intercultural communication as a social phenomenon: dis. ... Doctor of Philosophy Sciences / I.V. Namestnikova. – M., 2003.
 8. Namestnikova, I.V. The problem of cultural diversity in the context of globalization / I.V. Namestnikova // Personality. Culture. Society. – 2003. – T. 5, № S1–2 (19–20). – pp. 518–522.
 9. New trends in economic globalization / ed. A.S. Bulatova, N.V. Galishcheva, M.A. Maksakova. – M.: Aspect Press, 2023.
 10. Komissarov, I.I. Specific features of the civilizational model in the political philosophy of S. Huntington / I.I. Komissarov // Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. – 2017. – № 1. – P. 55–63.
 11. Pine, B.J. The Experience Economy: Work is theater, and every business is a stage / B.J. Pine, J.H. Gilmore; lane from English N.A. Livinskaya. – M.: Sberbank, 2011.
 12. Romanova, T.A. Mickey Mouse as a precedent phenomenon in English-speaking culture / T.A. Romanova // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. – 2019. – № 4. – P. 64–71.
 13. Sokolova, M.V. The role of tourism in cross-cultural communication and the factors that determine it / M.V. Sokolova // Modern problems of service and tourism. – 2008. – № 4. – P. 42–48.
 14. Fukuyama, F. The end of history? / F. Fukuyama // Questions of philosophy. – 1990. – № 3. – P. 134–148.
 15. Huntington, S. The Clash of Civilizations and the Transformation of the World Order / S. Huntington; lane from English T. Velimeeva, Y. Novikova. – M.: AST, 2003.
 16. Andersson, T.D. The Tourist in the Experience Economy / T.D. Andersson // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. – 2007. – Vol. 7, № 1. – P. 46–58.
 17. Boswijk, A. The Experience Economy: A New Perspective / A. Boswijk, Th. Thijssen. – Amsterdam: Pearson Prentice Hall, 2007.
 18. Jensen, R. Dream Society / R. Jensen. – N. Y.: McGrawHill, 1999.
 19. Lorentzen, A. The City in the Experience Economy / A. Lorentzen, J.H. Hantzen. – L.: Routledge, 2012.
 20. Pieterse, J.N. Globalization and Culture: Global Mélange / J.N. Pieterse. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2009.

Цифровой авторитаризм: социально-философские аспекты контроля и свободы в онлайн-пространстве

Бовелиева Яна Вячеславовна,
независимый исследователь
E-mail: bovelieva@gmail.com

В статье обсуждается возможность социально-философской интерпретации концепта «цифровой авторитаризм». Понятие цифрового авторитаризма сравнительно новое, оно употребляется в основном в политологии для описания и анализа перспектив демократии в цифровом обществе. Автор пытается сформулировать комплексное определение понятия «цифровой авторитаризм». Суть цифрового авторитаризма он видит в том, что он представляет собой концептуальную модель глобальной альтернативы электронной демократии. В содержательном плане такая концептуальная схема дает возможность для понимания современных практик манипулирования сознанием, контроля действий личности с помощью ограничения свободы слова, нарушение прав и свобод человека в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: цифровой авторитаризм, электронная демократия, интернет, права человека, свобода слова.

Введение

Актуальность темы данной статьи заключается в необходимости решения задач уменьшения многообразных рисков, которые стали неизбежными в информационном обществе, которое также получило названия «общество риска», «цифровое общество» и т.д. Риски пронизывают все сферы жизни общества, а также сферу приватности, область личной жизни людей. В политической сфере основным риском стала угроза использования государством современных информационно-коммуникативных технологий. Политическая власть изменяется в современном обществе, и эти изменения отслеживают политологи, но данная проблема, а интересна и для философов, поскольку она связана с бытием и сознанием людей. Демократия – это не просто форма государства, но и важнейшая ценность, феномен автономности сознания, такая форма духовности, которую необходимо защищать от гетерономных факторов всепроникающей и обезличивающей информации, от злоупотребления ею корпорациями и государственной властью.

В качестве цели этой статьи мы ставим выявление социально-философского содержания проблемы цифрового авторитаризма, связанное с возрастающим контролем сознания огромных масс людей в цифровом обществе. Ввиду недостаточной разработанности темы будет дан обзор основных моментов темы и намечена только определённая концептуальная схема исследования, позволяющая двигаться к теоретической модели, описывающей феномен цифрового авторитаризма. Прежде всего, для этого требуется уточнить дефиницию основного понятия – цифрового авторитаризма, наметить пути учреждения термина, который эксплицируется из латентного содержания данного концепта. Кроме того, надо очертить круг методологических и теоретических подходов к исследуемой проблеме.

Что касается теории М. Фуко, то интерес представляют его концепции дисциплинарной власти, биовласти, «паноптикума». Еще Ф. Бэкон выдвинул свой тезис о том, что знание – это сила, власть. М. Фуко обосновал, что власть в секулярном обществе использует науку, технику, информацию для «мягкого», но верного принуждения человека к подчинению. Паноптикум означает, что твой дом – это не твоя крепость с закрытыми окнами и дверями, а своего рода «стеклянная банка», в которой видны

все движения живых существ. Такая логика власти особенно выявляется в институтах тюрьмы, школы, больницы, армии. Власть расширяет свои границы, включает в себя контроль жизни, контролирует жизнь населения (здоровье, рождаемость, сексуальность, продолжительностью жизни и т.д.). Особенно актуальное звучание приобретает концепция «паноптикума», в которой М. Фуко предугадал цифровую реальность: власть воздействует мягким, но универсальным, всеобщим контролем, в том числе и самоконтролем [6, с. 49–57; 4, с. 72–81].

Не только сохраняет свою значимость, но и приобретает повышенную методологическую ценность исследование тоталитаризма у Х. Арендт. Тоталитаризм использует общественное сознание для манипулирования массами. Конечной целью при этом становится максимальное подчинение сознания индивида [1; с. 12, 68–72]. Дж. Агамбен разработал концепцию чрезвычайного положения и «голой жизни» и дал описание либеральных демократий в качестве примера авторитарного государства. Он использовал исследования Карла Шмитта и показывал, что либеральные демократии представляют собой шмиттовское авторитарное суверенное государство.

В области философии для исследования цифрового авторитаризма значимы исследования свободы слова у Джона Стюарта Милля, Юргена Хабермаса, Роланда Дворкина. Их работы имеют значимость для исследования цифрового авторитаризма через анализ концепций свободы, границ свободы и ограничений, связанных со свободой слова [2, с. 16–20]. Особый интерес представляет концепция Ю. Хабермаса [7, с. 117–148], основанная на этике дискурса. Ю. Хабермас так сформулировал свой принцип дискурса: подлинными являются только такие нормы действия, которые дают возможность заинтересованным лицам принимать участие в рациональном дискурсе. Его этика дискурса очень сходна с категорическим императивом И. Канта. Ю. Хабермас, учитывая специфику этики дискурса, обозначает ее как интерессубъективное истолкование категорического императива [11, с. 125–136]. Очевидно, что такую специфику кантовскому категорическому императиву придает информационное общество и цифровизация.

Авторитаризм вообще, а цифровой авторитаризм в особенности, означает вторжение государства и системных факторов общества в сферу приватности. В философии приватности можно отметить работы таких ученых как Фердинанд Шелл и Хелен Ниссенбаум, отмечающих угрозы для приватности в цифровом обществе. Например, Хелен Ниссенбаум в своем труде «Конфиденциальность в контексте: технологии, политика и целостность социальной жизни» изучала в интересующем нас аспекте проблемы приватности в современном цифровом обществе [14]. Ее заслугой является введение концепта контекстной целостности, по-

зволяющего оценивать обмен информацией в ходе социокультурного взаимодействия в разных социальных сферах. Х. Ниссенбаум обосновала, что приватность не монолитное право, а динамика социальных норм и правил, технологических возможностей и политических регулирований [13].

Проблему цифрового авторитаризма в области философии технологий рассматривали Ник Бостром, Юваль Ной Харари, Шерри Теркл. Юваль Ной Харари в своей книге «21 урок для XXI века» рассматривал риски, обусловленные развитием ИИ (искусственного интеллекта) и современных систем наблюдения [9], в особенности видеокамер и системы распознавания лиц. По мнению Ю. Харари, это ведет к диктатуре и концентрации власти у небольшого класса лиц. При этом люди теряют свою ценность, как на рынке труда, так и в сфере политической власти, превращаются в объект наблюдения, слежки и контроля. Шерри Теркл исследует пересечение современных цифровых технологий и человеческих отношений [15]. Действительно, технические устройства замещают людей и дают возможность избегать одиночества, но лишают саморефлексии и фактически делают их по-своему одиночками («alone together», – «одиночество вместе со всеми») [8, с. 34–38]. Теркл полагает, что человек обесценивается, так как собеседников очень много, и они меняются.

В области политической философии методологической релевантностью обладают труды таких мыслителей как Джон Локк, Джон Ролз, Роберт Нозик. Нельзя однозначно утверждать, что взгляды Д. Локка, Д. Ролза и Р. Нозика выступают непосредственно выступают предпосылками цифрового авторитаризма. В то же время идеи данных философов имеют свои особенности, которые могут быть рассмотрены как предпосылки выявления сущности авторитаризма в целом.

У Д. Локка значима концепция естественного права и общественного договора. Он утверждал, что человеку принадлежат права на жизнь, свободу и собственность. Защищал принцип правления большинства, разделения законодательной и исполнительной властей и некоторые другие демократические идеи. Например, он, как и затем Ж.Ж. Руссо, защищал идею право людей на революцию, если государство нарушает их права и свободы. Теория справедливости у Д. Ролза известна как нравственная концепция честности. Заслуживает внимания его идея, что личностные права и свободы составляют неотъемлемую часть справедливого общества. Роберт Нозик утверждал, что минимальное государство оправданно, когда не нарушает прав людей.

Основные полученные результаты

Концепт «цифровой авторитаризм» имеет целый ряд значений, и это означает, что он еще не утвер-

дился в научном статусе однозначного термина. Об это говорит, в частности, то, что это словосочетание часто берется в кавычки. Сформулировать обобщенное определение понятия «цифровой авторитаризм» в философском плане нелегко. Такое обобщенное определение гипотетически можно представить следующим образом: цифровой авторитаризм – это концептуальная модель (или схема), обозначающая современную альтернативу электронной демократии, которая связана с использованием государствами цифровых информационных технологий для установления политического контроля, осуществления репрессий, слежки и укрепления власти. Цель цифрового авторитаризма – сохранить и расширить власть, одновременно обеспечивая безопасность режима за счет ограничения прав и свобод человека.

На наш взгляд, теории цифрового авторитаризма пока не существует. Теория получает свое обоснование в результате определения границ применимости.

Понятие цифровой авторитаризм страдает многозначностью неопределенностью. Например, акцент переносится с авторитаризма на цифровизации. Тем самым авторитаризм оправдывается как неизбежность при переходе к цифровому обществу. Соответственно тем самым уменьшается значимость электронной демократии. Любой современный политический режим использует цифровые технологии и СМИ, чтобы адаптироваться к социальным изменениям, происходящим в информационном обществе [3, с. 6]. Адаптироваться – это не одно и то же, что «укрепиться» и «трансформироваться» по своей природе и сущности [5]. Отсутствие границы теоретической модели цифрового авторитаризма делает ее гипотетической. Исследователи отмечают, что формы, условия существования и методы цифрового авторитаризма до сих пор остаются в большей степени теоретическим концептом [3, с. 6]. Трудно установить некоторые дистинкции. Скажем, разделение стран по признаку их демократичности может не соответствовать степени регулирования интернета. Государства демократические могут существенно ограничивать или блокировать сообщения в сети, а недемократические – использовать возможности сети. На наш взгляд, авторитаризм не меняет свою политическую сущность в цифровом обществе. С социальными изменениями он использует новые механизмы и условия. С таким же успехом можно, например, вести речь об «экономическом авторитаризме», «сакрализованном авторитаризме», «культурном авторитаризме» и прочих видах авторитаризма, в том случае, когда они используют экономические рычаги, механизмы массовой культуры, способы ресакрализации власти.

В практическом плане неясными остаются последствия цифрового общества для прав человека. Повсеместный мониторинг подрывает способ-

ность общественности свободно общаться и подрывает демократические нормы. В то же время последствия цифровизации в разных странах во многом зависят от культуры людей, их политического и правового сознания, демократических традиций и нравственных норм. Авторитаризм может быть востребован массами при неразвитости политической культуры, как компенсация такой неразвитости. Когда такой процесс протекает в условиях цифровизации общества, можно социокультурное взаимодействие различных групп под влиянием тех или иных факторов воспринимать односторонне, путая «причины» и «следствия».

В практическом плане следует отметить двусмысленное положение полиции и правоохранительных органов, которые сталкиваются с цифровым авторитаризмом [10, с. 188–190]. «Сущностное содержание цифрового авторитаризма на государственном уровне, – отмечает С.Ю. Чимаров, сводится к интегрированию в «ткань» его конструкции 6 компонентов (наблюдение/слежка, цензура, дезинформация, кибератаки и взлом, отключение «Интернета», целенаправленное преследование пользователей сети «Интернет»)» [10, с. 189].

С одной стороны, полиция должна следовать Конституции и охранять права и свободы человека, поддерживать социальный порядок. С другой же стороны, автократы вынуждают полицию заводить уголовные дела на активистов под предлогом угроз экстремизма. Как парадокс следует отметить то, что широкое распространение политической оппозицией или свободными СМИ информации об одном таком преследовании дает «эффект бумеранга», т.е. вызывает страх преследования у тысяч и даже миллионов людей.

Продолжая эту мысль, отметим проблемы, которые возникают с правовой базой власти. Многие режимы принимают недостаточно определенные законы, которые ограничивают онлайн-активность граждан под угрозами невиданных ранее кар, уголовных преследований, пользуясь предлогом национальной безопасности, «фейковых новостей» либо общественного порядка. Однако часто такие меры основаны на политической софистике, которая подменяет понятие безопасность человека безопасностью государственной. В итоге повышение государственной безопасности уменьшает безопасность граждан, что означает нарушение их прав со стороны политических режимов. На практике вводимые правила политических игр часто выступают инструментами для ареста и запугивания общественных деятелей, активистов, независимых журналистов и критиков решений режима вообще в обход правовой процедуры и правосудия. В итоге появляется угроза возвести в норму так называемые «цифровые репрессии». Ввиду того, что авторитарные режимы отправляют на экспорт технологии контроля и на-

блюдения, сотрудничают с частными компаниями за рубежом, такая практика представляет собой угрозу превратить в норму цифровые репрессии во всемирном масштабе.

Научная новизна

Предлагаемый подход состоит в том, цифровой авторитаризм – это концептуальная модель, обозначающая современную альтернативу электронной демократии, которая связана с использованием государствами цифровых информационных технологий для установления политического контроля, осуществления репрессий, слежки и укрепления власти. «Цифра» не создает авторитарный режим. Более того она может ослабить его. Исследователи обращают внимание только на одну тенденцию – укрепление авторитаризма с помощью цифровизации общества и культуры.

Предлагается комплексный подход к анализу методов и механизмов цифрового авторитаризма, суть его сводится к концентрации внимания на манипулировании сознанием и инкорпорированию в сознание угроз для граждан, связанных со страхом потери комфорта или даже причинения душевно и физической боли, бессмысленного страдания. Анализ больших данных корпорациями дает возможность государствам пользоваться этими данными для наблюдения над людьми. Виртуальная личность человека дает возможность определять, безопасен ли он для государства. Это как раз снижает безопасность для человека, делая его уязвимым, снижая уровень его прав и свобод, прежде всего, лишая права на свободу слова.

Новым является подчеркивание амбивалентности цифровизации, т.е. философское обоснование необходимости защиты свободы слова и цифровой приватности средствами электронной демократии, использование цифровизации в качестве ключевого элемента демократического общества в эпоху современных технологий. Цифровизация – это инструмент, который служит одновременно государственной власти и власти народа.

Заключение

Цифровизация противоречива. Ее философское содержание может быть рассмотрено именно в плане социальной диалектики, которая рассматривает противоречия как источник развития. Традиционная диалектика страдала объективизмом. Современная диалектика обращается в диалектику сознания. К своевременному разрешению духовных противоречий. Амбивалентность цифровизации связана с тем, что она дает возможность развивать новые формы демократии, электронной демократии, опираясь на рост образования, знания, культуры личности. Пробуждаются надежды на новые формы свободы совести и свободы слова благодаря

социальным сетям. Люди при общении через интернет стремятся избежать одиночества. Одновременно с благами цифровизация порождает новые формы отчуждения. Все это вызывает новые тревоги. У политических режимов возникает соблазн манипулирования общественным сознанием масс и использования ресурса информационной власти. Манипулирование сознанием проигрывает по силе воздействия в сравнении с прямым физическим насилием и принуждением к действию, но выигрывает по широте охвата масс и своей скрытности. Это вызывает обоснованные тревоги и понимание возникновения новых социокультурных рисков в информационном обществе.

Литература

1. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Борисов, С.В. Новая субъектность свободы слова в цифровом пространстве: основные проблемы / С.В. Борисов // Цифровизация как вызов современности: между гуманизацией и дегуманизацией: сборник материалов и докладов XXV российской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12–13 апреля 2023 года. – Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2023. – С. 16–20.
3. Власова, О.Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы / О.Ю. Власова // Studia Humanitatis. – 2020. – № 3. – С. 6.
4. Глинский, А.В. Проблема власти в работах Мишеля Фуко / А.В. Глинский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 2. – С. 72–81.
5. Джефф Безос: «Технологии помогут укрепиться авторитарному режиму». – <https://high-tech.plus/2018/10/16/dzheff-bezos-tehnologii-pomogut-ukrepitsya-avtoritarnomu-rezhimu> (дата обращения: 09.01.2026).
6. Низовцев, Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко / Д.Б. Низовцев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 49–57.
7. Пархоменко, Р.Н. Дискурсивная концепция свободы Хабермаса // Философская мысль. – 2013. – № 4. – С. 117–148.
8. Умарова, З.Я. Развитие технологий как угроза человеку / З.Я. Умарова, А.Р. Даулеткериев // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2025. – № 2. – С. 34–38.
9. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века: Двадцать один урок для XXI века / Юваль Ной Харари. – Москва: Синдбад, 2022. – 414 с.

10. Чимаров, С.Ю. Сущностные аспекты практического проявления феномена «цифрового авторитаризма» в контексте формирования профессионального мировоззрения сотрудников полиции / С.Ю. Чимаров // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98–4. – С. 188–190.
11. Шавеко, Н.А. Этика дискурса Юргена Хабермаса: критический анализ / Н.А. Шавеко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 125–136.
12. Юрлова, М.Д. Политическая власть и проблема суждения в философии Ханны Арендт // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 68–72.
13. Digital Privacy: Lessons from 'Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life' by Helen Nissenbaum. – URL: <https://diversedaily.com> (дата обращения 07.01.2026).
14. Nissenbaum, H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life / Helen Nissenbaum. – Stanford: Stanford University Press. 2009. – 304 p.
15. Turkle, Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / Sherry Turkle. – New York: Basic Books, 2011. – 384 p.

DIGITAL AUTHORITARIANISM: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF CONTROL AND FREEDOM IN THE ONLINE SPACE

Bovelieva Ya.V.

Independent researcher

This article discusses the possibility of a socio-philosophical concept of «digital authoritarianism». This new proposal for moderate authoritarianism in European countries is primarily used in political science to describe and analyze the prospects for democracy in a digital society. The author attempts to formulate a comprehensive definition of the concept of «digital authoritarianism». He sees the existence of state authoritarianism as a conceptual model for a global alternative to e-democracy. Substantively, this conceptual framework allows for understanding the contemporary practice of mind manipulation, control over individual actions through restrictions on freedom of speech, and violations of human rights and freedoms in the online space.

Keywords: digitalization, digital authoritarianism, e-democracy, internet, human rights, freedom of speech.

References

1. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Moscow, CentrCom, 1996. 672 p.
2. Borisov S.V. New Subjectivity of Freedom of Speech in the Digital Space: Main Problems. Digitalization as a Challenge of Modernity, Between Humanization and Dehumanization, Collection of Materials and Reports of the XXV Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Yekaterinburg, April 12–13, 2023. Yekaterinburg, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Humanitarian University", 2023. pp. 16–20.
3. Vlasova O. Yu. Digital Authoritarianism and Electronic Democracy, Content and Boundaries. *Studia Humanitatis*, 2020, № 3, p. 6.
4. Glinsky A.V. The Problem of Power in the Works of Michel Foucault. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2017, № 2. pp. 72–81.
5. Jeff Bezos: "Technology will help strengthen the authoritarian regime." <https://hightech.plus/2018/10/16/djeff-bezos-tehnologii-pomogut-ukrepitsya-avtoritarnomu-rezhimu> (date of access 09.01.2026).
6. Nizovtsev D.B. The Problem of Power in the Works of Michel Foucault. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2015, № 4, pp. 49–57.
7. Parkhomenko R.N. Habermas's Discursive Concept of Freedom. *Philosophical Thought*, 2013, № 4, pp. 117–148.
8. Umarova Z. Ya., Dauletkeriyev A.R. Technological Development as a Threat to Man. *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2025, № 2, pp. 34–38.
9. Harari Yu. N. 21 Lessons for the 21st Century: Twenty-One Lessons for the 21st Century. Moscow, Sindbad, 2022. 414 p.
10. Chimarov S. Yu. Essential Aspects of the Practical Manifestation of the Phenomenon of "Digital Authoritarianism" in the Context of the Formation of the Professional Worldview of Police Officers. *Trends in the Development of Science and Education*. 2023, № 98–4, pp. 188–190.
11. Shaveko N.A. Ethics of Jurgen Habermas's Discourse: A Critical Analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, № 60, pp. 125–136.
12. Yurlova M.D. Political Power and the Problem of Judgment in the Philosophy of Hannah Arendt. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2013, № 2, pp. 68–72.
13. Digital Privacy: Lessons from 'Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life' by Helen Nissenbaum. – URL: <https://diversedaily.com> (accessed 01/07/2026).
14. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. Stanford, Stanford University Press. 2009. 304 p.
15. Turkle Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York, Basic Books, 2011. 384 p.

К этике инфрачеловеческого состояния

Бугаев Максим Константинович,

аспирант, Институт гуманитарных и прикладных наук,
кафедра философских наук, Московский государственный
лингвистический университет
E-mail: max7090@mail.ru

Работа преследует цель определить и раскрыть суть инфрачеловеческого состояния на примере современной социальной действительности, свидетельствующей о духовно-ценностном вырождении человека нашего времени.

Прежде всего, феноменологически демонстрируется очевидный характер рассматриваемых в ходе рассуждения частных случаев вырождения. Последние анализируются через призму метаистории: данный метод позволяет усмотреть движение чистого духа по пути инволюции, что позволяет показать ценностную несостоятельность таких систем представлений о человеке, как классический расизм и эволюционизм.

Инфрачеловеческое как определяется, так и моделируется посредством естественных каст – архетипических моделей человека, отражающих тот или иной уровень духовности (Ф. Шуон, Р. Генон). В качестве таковых выступают *шудра* (раб) и *пария* (изгой). Репрезентативность взятых моделей иллюстрируется на социальных примерах.

Кроме того, рассматриваются возможности духовного преодоления инфрачеловеческого состояния через преданность (*Бхакти*) человека как индивидуального духа по отношению к собственному трансцендентному измерению.

Ключевые слова: дух, инфрачеловеческое, метаистория, инволюция, касты.

Введение. Кризис и очевидность

В плане структуры и аргументации настоящая статья будет носить скорее характер заметок, нежели серьезного академического исследования, полностью отвечающего требованиям т.н. «научного метода», какой бы смысл не был заложен в последнем. В ней мы преследуем цель, противоположную научному *выявлению* фактов и закономерностей, присущих аксиологически неполноценному человеку нашего времени; а именно – их *проявление* – систематизацию инфрачеловеческих аспектов, взятых из непосредственно данной и переживаемой, хотя зачастую и умалчиваемой социальной действительности, что в конечном счете будет иметь в виду демонстрацию критического положения современной духовности.

Не стоит упускать из виду, что философская методология принципиально отличается от научной тем, что являет собой не набор эмпирических и дедуктивных средств, а, в первую очередь, призм видения и оценки природы вещей (в нашем случае – человека). Следовательно, любая проникающая этика феноменологична, т.е. скептическая в отношении устоявшихся представлений, шаблонов, выводов, систем, классификаций, порой – вплоть до здравого смысла и данных чувственной интуиции. Это означает, что в ее основании лежит очевидность, причем данное суждение кажется верным как на теоретическом, так и на жизненном уровнях, ибо именно в чистом созерцании этика приобретает витальное измерение, а непосредственно переживаемая ценность теряет как научно-объективный, так и относительно-субъективный характер, и становится *всеобъемлющей*, тем самым узаконивая право морального философа экстраполировать глубину своей ценностной очевидности на человечество в целом.

С одной стороны, классик феноменологии Э. Гуссерль утверждает: «Никакая мыслимая теория не может заставить нас усомниться в принципе всех принципов: любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания» [6, с. 80]. С другой стороны, его дополняет И.А. Ильин, говоря о следующем: «Очевидность воодушевляет человека и просветляет душу. Она даёт ему опору, позицию, характер. И вот он, здоровый и целостный. Любит то, чем живёт, живёт тем, что любит» [7].

Свойственное современности расщепление морали на объективную и субъективную составляющие, где первая отдается на откуп лидерам об-

щественного мнения, а вторая заключается в рамках догмы «все индивидуально и относительно», видится нам симптомом если не полностью заблокированной, то по крайней мере существенно ослабленной очевидности, что, без сомнения, мешает современному человеку осознать полный потенциал своих ценностей и духа в целом, не говоря уже о том, чтобы «вжиться» в него. Иными словами, сегодня человек способен осмыслить себя лишь в отношении с другим и с нечеловеческим – избитая антропологическая триада «человек – природа, человек – общество, человек – человек».

Равноценная поврежденной способности к очевидности, осознанная относительность, которая также берется на вооружение неоантропологами, претендующими на «научность» (А. Гелен, Х. Плеснер, Ф. Гиренок и др.), скрывает от сознания человека его дух, который вследствие этого у большинства наших современников пребывает в пассивно-инертном состоянии, схожим с беспмятством и лунатизмом, не будучи способным направить ни свой созерцательный интеллект на объятие своего абсолютного и трансцендентного измерения, ни свою волю на его утверждение и подчинение психики, сознания, рассудка и тела.

Вероятно, если современный человек порой и слышит о собственном ценностном кризисе и даже находит мужество всерьез о нем задуматься, он все же использует категории *кризиса* и *критичности* в относительном ключе, воображая своего рода пожар, который необходимо потушить подручными средствами в скором времени, хотя этимологически оба слова восходят к древнегреческому корню *крит-* (*κρισ-*), в широком смысле отсылающему к суду (ср. «Страшный суд»), принятию судьбоносного решения или осуществлению важного различения [3, с. 9]. В нашем случае интеллектуальное осознание бездуховности, равно как и принятие волевого *решения* ее преодоления, связано с *различением* между абсолютным и относительным – причем таким, которое имеет *судьбоносное* значение для самой жизни духа, поскольку, как справедливо предостерегает Р. Генон, любая критическая фаза «непосредственно предваряет завершение всего процесса, независимо от того, приведет ли это к негативным или к позитивным последствиям» [3, с. 9].

С точки зрения духа кризис ценностей имеет абсолютный характер, поскольку сама история духа, в отличие от истории позитивной, не имеет границ, не исчисляется в годах и по сути есть *метаистория*, которая, как убедительно показал Г. Гегель, в конечном счете выходит за пределы субъект-объектных отношений [2]. Для представления о ценностях в их полноте необходимо представление о метаисторическом движении духа, так как именно оно способно предоставить интеллекту умопостигаемые мерила максимально и минимально возможной духовной реализации, ко-

торые, выражаясь антропологически, можно соответственно обозначить как *сверхчеловеческое* и *инфрачеловеческое* состояния, равноудаленные от середины – собственно «человеческого», или умеренной, оптимальной духовности. И поскольку сила очевидности являет перед нашими глазами указанный кризис, далее нами будет предпринята попытка раскрыть метаисторическую суть именно низшего антропного порога и проиллюстрировать ее наиболее показательными и вызывающими мало сомнений социальными данностями.

Инволюция и звероподобие

Префикс *инфра-* означает «ниже» – примерно то же, что и *под-*, *суб-* и *недо-* (ср. англ. *subhuman*; исп. *infrahumano*; нем. *Untermensch*). Впервые в таком ключе о «недочеловеке» (*under-man*) заговорил теоретик Ку-клукс-клана Л. Стоддарт, отсылая к якобы неполноценным расам, захватившим Европу [16]. Именно в таком смысле данное понятие позднее апроприировала Нацистская Германия, сохранив как семантику, так и морфологию слова (*Untermensch*), и можно с уверенностью сказать, что ассоциации с нацизмом и белым расизмом, которыми оно успело обрасти, прочно закрепились в общественном сознании. Вероятно, этим объясняется его непопулярность и негласная табуированность в академической среде.

Действительно, рассматривать инфрачеловеческое с позиций классического расизма по меньшей мере однобоко, причем отнюдь не из гуманистических соображений, как многим может показаться. На самом деле, область охвата эмпирической расологии попросту не может выходить за биологические рамки, а попытка объяснить всю природу человека через генетику следует считать разновидностью физикализма – сведения высшего (духовное) и среднего (психическое, когнитивное) антропных уровней к низшему (телесное). Такое объяснение, хоть и концептуально возможно, тем не менее, представляет собой продукт позитивистского упрощения и отсутствия интеллектуальной проницательности, которое часто свойственно теоретической мысли последних веков. Неслучайно у Ю. Эвола мы находим подтверждение тому, что расизм является порождением современности и оттого перенимает ее упадочность: «Кровь и этническая чистота имели свою ценность и в традиционных цивилизациях; но она никогда не оправдывала применение к людям тех же критериев «чистой крови», которые главным образом характеризуют качество собак или лошадей – как в случае некоторых современных расистских идеологий» [15, с. 92]. В результате классически-расистского рассмотрения человек предстает как сложное животное, лишь количественно отличающееся от млекопитающих более низкого ранга, в связи с чем положение о том, что выведение

генетически совершенной породы человека или «очищение» какой-либо из имеющихся полностью снимет все духовно-ценностные проблемы, вред ли может быть оправдано.

В идеале их решение лишь упростится *par excellence*. Верно, что улучшение материала, как, впрочем, и облагораживание души, имеет гармонизирующее влияние на дух: если хорошая наследственность, выраженная в развитых нейронных связях, сильном иммунитете, быстром метаболизме и правильном гормональном фоне, множится на воспитание культурно пригодного характера и совершенствование когнитивных способностей, это увеличивает шансы духовной реализации. Однако отсюда не следует, что низший и средний уровни должны предопределять высший. На деле ситуация обстоит совсем наоборот, ибо не контролируемые высшей инстанцией и предоставленные друг другу тело и душа попросту друг друга уничтожают, что наглядно показывает Т. Буркхардт: «Обычно возникает порочный круг: психический дисбаланс порождает физическую интоксикацию, которая, в свою очередь, еще больше увеличивает психический дисбаланс» [1, с. 26].

Общепризнанная несостоятельность классического расизма, принимающего формы генетического детерминизма и социал-дарвинизма, однако, не означает ориентированность академической среды на дух. В действительности натурализм и дарвинизм одного порядка, заклеименный «опасным» и «псевдонаучным», заменяется на другой, более «безопасный» и «научный», именуемый теорией эволюции подход, на котором выстроено все здание современного естествознания. В ценностном плане данный подход можно по праву считать еще более примитивным, поскольку в нем внимание акцентируется даже не на внутривидовой человеческой наследственности, а непосредственно на мозге, мясе и костях – всем том, что подлежит сугубо эмпирическому рассмотрению. По крайней мере, такова его личина, ведь обыватель уже не представляет биолога без макета скелета и микроскопа. Что касается генетики, то ее современный естествоиспытатель использует, опять же, в целях биологического редуционизма, стремясь сущностно свести человеческое к животному.

Тождество человека и животного и вправду обнаруживается, если рассматривать исключительно количественную сторону вопроса. Таким образом выявляется и подлинный смысл понятия эволюции (от лат. *ex-volere* – «развертываться»): человек всего лишь более «развернут», т.е. сложнее устроен функционально. Конечно, сегодня мало кто, находясь в рамках естественнонаучного дискурса, выступит против того, что наша ДНК почти на 99% дублирует ДНК шимпанзе, однако немного найдется и тех, кто из неудовлетворенности различием в сложности попытается установить раз-

личие в качестве, тем самым раз и навсегда разведя себя и зверя по разным логическим – как онтологическим, так и аксиологическим – полюсам.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что на подобное количественное различие зачастую претендуют сторонники идеи социального прогресса, которые утверждают, что человеческая цивилизация идет по технократическому и гуманистическому пути, очевидным результатом чего является увеличение комфорта и уменьшение боли. Против подобной утилитарной морали можно возразить следующее: лев, которого держат в клетке, точно так же живет без страданий охоты и получает более чем достойное питание. Очевидно, данный пример говорит не о том, что лев возвысился над своей природой, а как раз о противоположном – что он вынужденно отрекся от нее и опустился на «недолговечный» уровень.

В данном случае лев – это аллегория, под которой следует понимать современного человека, изнеженного технократией и естественным правом и находящегося в клетке собственной духовной немощи – постоянном воспроизводстве социальной энтропии, где его тело служит диссипативной системой, которая пропускает через себя вещество, энергию и информацию и приводится в действие лишь базовыми материальными потребностями или, в лучшем случае, психическими понуждениями, исходящими из неуправляемой души. Такую систему никак нельзя считать интегральной сущностью, принадлежащей самой себе и уравновешенной в духе. Неслучайно Ф. Шюон для обозначения метафизической уравновешенности использует меткое выражение «обладать центром» (как принято говорить, «внутренним стержнем»), поясняя: «Душе с разнородными наклонностями сложно осуществить стремление к Абсолюту, для которого мы созданы. Такой душе недостает центра, и поэтому она противоположна самой причине своего существования» [12, с. 63]. Таким образом, в метаисторической перспективе в пору говорить об *инволюции* (от лат. *in-volere* – «свертываться») – своего рода обратном процессе, «свертывании» человека в звериное состояние.

Мы хотим сказать, что краеугольный камень современного кризиса ценностей заключается не в естественнонаучном натурализме – это скорее симптом, и даже не в том, что на человека давят условия дегенеративного века – в этом нет ничьей вины, а, главным образом, в его нежелании постичь свою высшую и полноценную природу, чтобы реализовать себя в том качестве, в котором он абсолютно может и должен быть; а также, что еще страшнее, в удовлетворенности своей inferнальной и ограниченной псевдоприродой. Проще говоря, главная проблема состоит даже не в том, что сегодня человек в духовном измерении находится ближе к обезьяне, чем когда-либо в своей

метаистории, а в том, что он пытается всячески это оправдать.

Иронизируя, Ю. Эвола пишет: «Миф эволюционизма – это не что иное, как вероисповедание выскочки». Он продолжает: «Если в последние времена Запад верит не в происхождение свыше, а в происхождение снизу, не в благородство первоначал, а в то, что цивилизация происходит из варварства, религия – из суеверия, человек – из животного (Дарвин), мысль – из материи, всякая духовная форма – ...из инстинкта, либидо, комплексов «коллективного подсознательного» (Фрейд, Юнг), и так далее – во всем этом виден не столько результат отклонившихся поисков, а скорее, и прежде всего, *алиби*» [15, с. 431] (курсив здесь и далее – наш).

Действительно, хоть сколько-нибудь развитой проницательности достаточно, чтобы понимать: все светское образование ввиду своей эгалитарной сути построено на принципе животной дрессировки и целиком завязано на системе условных рефлексов, где от учащих требуется реакция определенной формы на определенный набор стимулов. Положительные оценки, следование формальным требованиям вызывает похвалу: в конечном счете это хорошо, потому что приятно, а не больно, как происходит в противных случаях. И апофеозом здесь выступает та ситуация, когда условный ученик на уроке биологии под угрозой недопуска к следующему классу обучения и ostrакизма в целом вынужден отвечать: «Мы произошли от обезьяны», – в чем имплицитно содержится: «Я обезьяна, но сложная, и это вполне нормально». Далее вступает в силу небезызвестный психосоматический принцип, который гласит, что, чем больше человек сознательно лжет, недоговаривает или просто говорит неискренне, тем больше он начинает верить в сказанное.

Пари и шудры. Новое рабство

Итак, подытоживая изложенные рассуждения, мы утверждаем: *инфрачеловек* – это антропоморфная сущность, чьим последним измерением является психика и чье бытие имеет сугубо количественный, материальный характер и принципиально базируется на телесности.

История идей знает множество классификаций, куда можно было бы отнести инфрачеловека, заключив его в ту или иную антропологическую модель. К примеру, в гностицизме существует категория *гиликов*, «чья природа – нисхождение» [13, с. 124], т.е. чье отличие от психиков и пневматиков состоит в скованности демиургическим миром форм и вещей и невозможности преодолеть собственное звероподобие, тем самым воссоединившись с Абсолютом. У Ф. Ницше мы встречаем обозначение «*последний человек*» (*der letzte Mensch*), которое отсылает к декадентному суще-

ству, преобладающему в западном мире на конечной стадии упадка, окончательно уставшему от жизни и воздвигнувшему на месте Бога идола безопасности, комфорта и конформизма [10, с. 13]. Наконец, представляется возможной еще одна классификация, основанная на *естественных кастах* – моделях, заимствованных Ф. Шюном и другими традиционалистами [5; 13; 14; 15] из культуры индуизма и «основанных на подлинной природе человека» [13, с. 114] – репрезентирующих не столько функциональное положение человека в социальной иерархии, сколько сопряженную с ним форму духовности.

Вполне естественно, что инфрачеловеку соответствует *низшая кастовая духовность, граничащая с субкастовостью*. В последнем случае он представляет собой в строгом смысле *парию*, или *чандалу* (здесь различие видится лишь косметическим) – абсолютно неуравновешенный тип, «субкасту», представители которой лишены собственной природы и, как верно указывает Р. Генон, «выполняют функции агентов разложения, распада, уничтожения. Это, – поясняет автор, – слепые силы, разлагающие и разложенные» [5, с. 13]. Вряд ли стоит удивляться тому, что современное человечество, переживающее практически полный крах всякой иерархичности, представлено в основном субкастовыми элементами, особенно если обратиться к традиционной циклической хронологии. Если цикл метаистории (Манвантару) представить в виде циферблата, где полуторный оборот часовой стрелки будет равноценен движению духа от абсолютного присутствия в мире (6:00, утро) до полного исчезновения (0:00, полночь), то наша эпоха представляет собой самый конец последнего отрезка (Кали-Юги), то есть самый поздний вечер (23:45), когда солнце (высшая духовность) уже давно скрылось за горизонтом, а дух доживает свои последние века, приближаясь к своего рода «тепловой смерти», в чем солидарны основные исследователи Традиции [3; 15].

Возникает вопрос, может ли рассматриваемый тип человека представлять низшую касту, иными словами, быть *шудрой* – обладать духовностью слуги, рабочего, крестьянина, ремесленника? На этот вопрос нельзя ответить однозначно, поскольку шудра метаисторически неоднороден. С одной стороны, верно, что данная каста также имеет свою основу в материальности [14, с. 34], а ее духовный центр лежит вне субъекта [12, с. 65]: шудра следует исключительно кармическому пути, имеющему в виду ручную или рассудочную деятельность, направленную на удовлетворение собственных и общественных потребностей, а свою природу (*дхарму*) он обретает в ремесле. В индийской кастовой системе шудры не считаются *дваждырожденными* (*двиджа*), как брахманы, кшатрии и вайшьи, из чего можно заключить, что их духовная реализация принципиально ограни-

чена их практической деятельностью, так как их духовный центр, по сути представляя собой общественное благо, находится вне их самих.

В этом, тем не менее, не следует усматривать нечто постыдное, ибо шудра, даже будучи рабом, находится на своем месте в иерархии и, следуя своей природе, выполняет важные функции: если представить общество органически, то эти функции сопоставимы с действием конечностей для передвижения и добывания ресурсов, без чего о полноценности организма не может идти речи. Более того, существуют сведения о неких ритуалах в древнем кораблестроении и кузнечном деле, схожих с инициатическими, которые лишь подчеркивают верность шудры своему ремеслу [9, с. 28–30]: А. Кумарасвами пишет: «Традиционные искусства и ремесла являются на самом деле «мистериями», которые обладают своими «тайнствами». Это не просто «секреты ремесла», имеющие чисто экономическую ценность... Подмастерье не просто учится ремеслу, он «посвящается» в него» [9, с. 29–30].

Именно преданность укорененному в традиции ремеслу отличает традиционного шудру от современного, где правильнее было бы использовать кавычки, поскольку последний гораздо больше походит на парию, который вместо того, чтобы принимать труд как должное и необходимое, придает ему статус секты (или псевдорелигии). Новейшая история России служит тому подтверждением: надо ли говорить о том, что до прихода к власти большевиков верующий русский крестьянин имел представление о достатке и, что бы ни утверждали марксистские историографы, работал гораздо меньше, чем любой советский и постсоветский обыватель. Высказанный тезис нуждается в некотором пояснении.

В отличие от социализма, православие не обожествляет труд. Однако шудра, деградировавший до состояния человека толпы, переворачивает это представление, в результате чего религия в его глазах обесценивается как нечто, так сказать, ниже «достоинства». Для него это всего лишь суеверие, поскольку служение Богу не подразумевает контракта, по которому он бы получал жалование за то, что простоял и прослушал проповедь. Ф. Шуон по этому поводу верно отмечает: «Когда промышленный рабочий говорит, что у него нет времени на молитвы, он не так уж и неправ, ибо так он просто выражает то, что является нечеловеческим, или, можно сказать, недочеловеческим (*sub – human*) в его состоянии» [14, с. 42]. Именно поэтому ничто не мешает ему, проникнувшись прогрессивной идеологией, взять винтовку и выстрелить в того, у кого он совсем недавно крестил своих детей. В этом отношении крайне необоснованный вид принимает утверждение о том, что русская церковь якобы всегда носила социалистический характер [11, с. 8].

Антииндустриальный характер церкви становится еще яснее, если учитывать хотя бы обилие церковных праздников и регулярный характер Причастия, а также иных ритуалов, ввиду чего еще не так давно русский проводил в церкви по крайней мере сопоставимое количество времени по сравнению с работой в поле. Сегодня же с наибольшим желанием отмечается Новый год – праздник, обладающий лишь поверхностным профаническим символизмом, во время которого наши соотечественники получают от государства некоторую передышку, разрешение потребить огромное количество алкоголя и жирных блюд. Это длится несколько дней, после чего возобновляется ритм такого существования, где конечной причиной работы с точки зрения субъекта является еда, жилье и интернет; конечной же причиной еды, жилья и интернета с точки зрения всей постиндустриальной системы является работа (причем очень часто согласно диплому, а не склонностям), на которой под угрозой голодной смерти необходимо проводить две трети сознательной жизни.

Хотя шудр и освободили от «угнетения» высшими кастами, по большей части уничтожив последних (которые, справедливости ради, во многом выродились сами) и предварительно проведя над первыми идеологическую работу, эта свобода не возвысила их до состояния вайшьев, а напротив – опустила на субкастовый уровень. В первую очередь, это связано с тем, что свобода без традиции – это всего лишь чистая потенциальность, «тюрьма без стен» (Сартр), где ничего из себя не представляющий инфрачеловек оказывается в положении, где он неспособен направить свою творческую волю на духовное развитие и вынужден, подобно многим другим, подчинить ее профанической инстанции (государству или корпорации) в обмен на все те же комфорт и безопасность, которые сегодня принято объединять в понятие «стабильность». Наш современник, русский философ Вадим Климов высказывает схожую точку зрения: «Маленький человек, добровольно упрятавший себя в тюрьму независимости, в полном недоумении – что еще сделать, чтобы почувствовать себя. Даже не свободным, а хотя бы существующим» [8, с. 75].

Таким образом, рабство, в котором пребывает современный человек, носит гораздо более тяжелый характер, чем прежде, что усугубляется еще и контрастом с необоснованными притязаниями на роль центра мироздания, хозяина Вселенной, покорителя космоса и т.д., хотя его труд, по сути и по форме являющийся рабским в худшем смысле слова, действительно ощущается многими как таковой, однако не у многих есть внутренний стержень, чтобы по крайней мере это признать. Этим, видимо, и объясняется его сектантское прославление, суть которого передает следующий пас-

саж Р. Генона: «Никакой труд, выполняемый неважно кем, исключительно из-за удовольствия от действия или из-за необходимости «заработать на жизнь», никоим образом не достоин превознесения. Он может даже считаться аномальной вещью, противопоставленной тому порядку, который должен был определять человеческие институты, до того момента, когда в условиях нашей эпохи он слишком часто стал принимать характер, который можно было бы... назвать «инфрачеловеческим»... Труд на самом деле ценен только в том случае, если он соответствует природе существа, которое его совершает, если он вытекает из нее в некотором роде спонтанно и необходимо – так, что он является лишь средством полной ее реализации» [4, с. 79].

Заключение. Бхакти

Безусловно, в нынешнем состоянии мира, достигшего предела регрессии каст и, соответственно, низших порогов духовности, человек оказывается заключен как в личном, так и в социальном состоянии, отвечающем шопенгауэрианским критериям «худшего из возможных миров». Однако аналогично тому, как перед любым сегодня стоит задача избавления от наивного оптимизма и конформистского «реализма», точно так же не следует впадать в излишний пессимизм, доходящий до жизнеотрицания. Важно понимать, что ни один из наших современников не обречен на инфрачеловеческое состояние, будучи способным направить свободную волю на открытие и удержание своей высшей природы через проявление духовной верности по отношению к надличностному Я, или Самости: того, что превосходит тождество эмпирической субъективности с самой собой [9, с. 37–40]. Выражаясь лексиконом антропологии традиции, все еще остается возможность открытия измерения трансцендентности (*Атман*) и его утверждения посредством высшей преданности (*Бхакти*).

Именно воля и любовь к высшему, в том числе к высшим аспектам собственной природы, является метафизическим свойством, потенциально объединяющим людей всех качеств: «Бхакти практически игнорирует касты и может позволить посвящение даже изгоев: именно потому что Бхакти видит в человеке в первую очередь волю и любовь, а не интеллект и разум» [14, с. 54]. Данное соображение получает некоторое прояснение, если задуматься о характере взаимосвязи *Традиции* и *Духа*, взятых как абсолютные принципы – то, что существует в себе и не имеет проявления.

Традиция есть чистая позитивность, равнозначная абсолютному присутствию духовности в мире. Однако данный принцип обречен на вырождение, поскольку духовность в метаистории приобретает статус относительности. Мировая духовность (*Брахман*) с необходимостью деградирует, одна-

ко, как продемонстрировал Г. Гегель, индивидуальный дух – то, что мы обозначили как *Атман* – напротив, являет собой чистую негативность [2, с. 24–39], обреченную на развитие через Иное. Следовательно, данные силы направлены друг к другу, и при определенном напряжении *Бхакти* обязаны сойтись. Продуктом их схождения будет реализация оптимальной, «человеческой» духовности с возможностью ее преодоления и выхода на сверхчеловеческий, чисто духовный уровень существования.

Литература

1. Буркхардт Т. Современная психология // Шуон Ф., Кумарасвами А., Буркхардт Т. Очерки интегральной антропологии. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. – С. 19–54.
2. Гегель Г. Феноменология духа. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. – 704 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира // Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 5–140.
4. Генон Р. Инициация и духовная реализация. – М.: Тотенбург, 2020. – 248 с.
5. Генон Р. Индийская кастовая доктрина // Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. Касты и расы. – Тамбов: 2010. – С. 11–13.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
7. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/ya-vglyadyvayus-v-zhizn-kniga-razdumij-ilin/>
8. Климов В.В. Обособленный субъект. – М.: Опустошитель, 2022. – 200 с.
9. Кумарасвами А. Проблема демократии, свободы и равенства // Кумарасвами А., Шуон Ф., Итон Г. Внезапный удар. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. – С. 4–55.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего. – М.: Мартин, 2022. – 448 с.
11. Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000. – 429 с.
12. Шуон Ф. Обладать центром // Шуон Ф., Кумарасвами А., Буркхардт Т. Очерки интегральной антропологии. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. – С. 63–109.
13. Шуон Ф. Очерк интегральной антропологии // Шуон Ф., Кумарасвами А., Буркхардт Т. Очерки интегральной антропологии. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. – С. 110–127.
14. Шуон Ф. Смысл каст // Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. Касты и расы. – Тамбов: 2010. – С. 28–57.

15. Эвола Ю. Восстание против современного мира. – М.: Прометей, 2016. – 476 с.
16. Stoddard, L. The Revolt Against Civilization: the Menace of the Under Man. – New York: Charles Scribner's Sons, 1922. – 271 p.

THE ETHICS OF SUBHUMAN CONDITION

Bugaev M.K.

Moscow State Linguistic University

The paper intends to identify and reveal the essence of the subhuman condition using the example of modern social reality, which testifies to the spiritual and axiological degeneration of the modern man.

First of all, the study reveals the phenomenological nature of the particular cases of degeneracy considered in the course of the argument. The latter are analyzed through the prism of meta-history: this method allows us to see the movement of the pure spirit along the path of involution, which allows us to see the value inconsistency of such systems of ideas about man as classical racism and evolutionism.

The subhuman state is both defined and modeled by means of natural castes, archetypal models of a person reflecting a particular level of spirituality, as suggested by F. Schuon and R. Guenon. These are the Shudra (slave) and the Pariah (outcast). The representativeness of the models taken is illustrated by social examples.

In addition, the work considers the possibilities of spiritual overcoming of the subhuman condition through devotion (Bhakti) of an individual spirit towards man's transcendent dimension.

Keywords: spirit, subhuman, meta-history, involution, slavery, castes.

References

1. Burkhardt, T. (2021), Modern Psychology, Essays on Integral Anthropology, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 19–54 (In Russ.).
2. Coomaraswamy, A. (2021), The Bugbear of Democracy, Freedom and Equality, The Sudden Stroke, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 4–55 (In Russ.).
3. Evola, J. (2016), Revolt Against the Modern World, Prometej, Moscow, Russia (In Russ.).
4. Guénon, R. (2008), The Crisis of the Modern World, The Crisis of the Modern World, Eksmo, Moscow, Russia, 5–140 (In Russ.).
5. Guénon, R. (2020), Initiation and Spiritual Realization, Totenburg, Moscow, Russia (In Russ.).
6. Guénon, R. (2010), Indian Caste Doctrine, Castes and Races, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 11–13 (In Russ.).
7. Hegel, G. W. F. (2021), The Phenomenology of Spirit, Azbuka, Saint Petersburg, Russia (In Russ.).
8. Husserl, E. (2009), Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy, Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (In Russ.).
9. Ilyin, I. A., I Am Looking into Life. The Book of Meditations, URL: <https://azbyka.ru/fiction/ya-vglyadyvayus-v-zhizn-kniga-razdumij-ilin/>
10. Klimov, V. V. (2022), The Separated Subject, Opustoshitel', Moscow, Russia (In Russ.).
11. Nietzsche, F. (2022), Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None. Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future, Martin, Moscow, Russia (In Russ.).
12. Rozanov, V. V. (2000), Collected Works. The Apocalypse of Our Time, Respublika, Moscow, Russia (In Russ.).
13. Schuon, F. (2021), To Have a Center, Essays on Integral Anthropology, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 63–109 (In Russ.).
14. Schuon, F. (2021), Survey of Integral Anthropology, Essays on Integral Anthropology, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 110–127 (In Russ.).
15. Schuon, F. (2010), The Meaning of Castes, Castes and Races, Ex Nord Lux, Tambov, Russia, 28–57 (In Russ.).
16. Stoddard, L. (1929), The Revolt Against Civilization: the Menace of the Under Man, Charles Scribner's Sons, New York, USA.

Диалектика свободы и ответственности в инклюзивном обществе: от патернализма к этике солидарности

Гилёва Злата Владимировна,

соискатель кафедры онтологии, теории познания
и социальной философии, Томского государственного
университета
E-mail: zлата.gil98@mail.ru

Целью данного исследования является преодоление фундаментального противоречия в социальной практике инклюзии людей с инвалидностью: разрыва между декларируемыми правами на свободу и автономию и устойчивым воспроизводством патерналистских моделей, которые, маскируясь заботой, фактически ограничивают субъектность и создают отношения зависимости. Для достижения этой цели автором применён метод социально-философской критики и диалектического синтеза ключевых концепций, раскрывающих природу исследуемых категорий. Методологическая основа работы включает анализ теорий позитивной и негативной свободы (И. Берлин), этики асимметричной ответственности (Э. Левинас), дистрибутивной справедливости (Дж. Ролз), а также современных моделей признания (А. Хоннет), заботы (Дж. Тронто) и развития возможностей (А. Сен, М. Нуссбаум).

В результате проведённого анализа выявлены три репрессивных механизма патернализма (инфантилизация, символическая экономика обмена, «причинение добра») и обоснована необходимость перехода к пониманию свободы как «обеспеченной автономии». Разрешение дилеммы между безусловным этическим императивом Левинаса и формальными принципами справедливости Ролза найдено в их синтезе через категории признания, заботы и возможностей, что легло в основу предлагаемой модели «этики солидарности». Основным выводом исследования заключается в том, что подлинная инклюзия требует трансформации коллективной ответственности из опеки в деятельность по созданию условий для реализации свободы каждого, что достигается в рамках диалогической модели совместного бытия, основанной на взаимном признании достоинства.

Ключевые слова: инклюзия, свобода, ответственность, патернализм, этика солидарности, автономия, социальная философия.

Введение

Попытки построения инклюзивного общества сегодня зачастую оборачиваются парадоксальным разрывом между декларируемой риторикой прав и свобод и реальной социальной практикой, где по-прежнему доминируют отношения опеки и попечительства. Этот разрыв – не просто технический просчёт в реализации программ, но симптом фундаментального философского противоречия, затрагивающего само наше понимание человеческого достоинства и справедливости. Казалось бы, формальное признание равенства должно утверждать субъектность каждого, однако на практике оно нередко воспроизводит патерналистскую модель, в которой человек с инвалидностью оказывается вечным объектом заботы, а его благодарность становится негласной валютой, поддерживающей символическую иерархию. В результате свобода, обещанная правовыми нормами, остаётся иллюзорной, уступая место отношениям зависимости, где право на выбор подменяется навязанным «благом».

Чтобы осмыслить этот тупик, необходимо выйти за рамки прикладных решений и обратиться к социальной философии, поскольку проблема укоренена не столько в недостатке пандусов или специалистов, сколько в самих культурных и философских конструктах, определяющих наше взаимодействие с инаковостью. Несмотря на обилие исследований в области disability studies и социальной политики, философская рефлексия сути инклюзии часто остаётся на периферии, сводясь к обсуждению методик и законов. Между тем, именно инклюзия, понимаемая как активное включение на основе равных прав, становится своеобразной «лакмусовой бумажкой» для проверки состоятельности ключевых категорий нашего общежития – свободы, ответственности, справедливости и достоинства. Она ставит перед нами принципиальные вопросы: что есть подлинно справедливое общество, как в нём возможно сосуществование радикально разного и где проходит грань между необходимой поддержкой и порабощающей опекой?

Актуальность этих вопросов обостряется в условиях нарастающего конфликта между архаичной, но цепкой патерналистской парадигмой, видящей в человеке с инвалидностью объект милосердия, и современной этикой, требующей уважения к его автономии. С одной стороны, историче-

ская модель «благой опеки» сегодня раскрывает свою репрессивную природу, систематически отрицая право на самоопределение под маской заботы. С другой – простой отказ от патернализма, сводимый порой к лозунгам формального равенства, рискует обернуться не менее опасной крайностью – неолиберальным мифом о самодостаточном индивиде, который, будучи «освобождён» от попечения, оказывается брошенным на произвол структурного неравенства и рыночной конкуренции. Таким образом, задача состоит не в том, чтобы отвергнуть саму идею заботы, а в том, чтобы найти принципиально иную социально-философскую модель, способную соединить уважение к личной свободе с признанием нашей общей уязвимости и взаимозависимости. Эта задача особенно сложна в контекстах с сильными патерналистскими традициями, где правовое заимствование западных моделей социальной инклюзии требует не копирования, а глубокой философской адаптации.

Цель данной статьи – критически проанализировать патерналистскую модель взаимодействия и обосновать переход к этике солидарности через диалектическое переосмысление взаимосвязи свободы и коллективной ответственности. Для этого последовательно решаются три задачи: во-первых, раскрыть репрессивные механизмы патернализма; во-вторых, проанализировать трансформацию понятий свободы и ответственности в философском дискурсе применительно к опыту инвалидности; в-третьих, на основе синтеза классических и современных подходов предложить контуры этики солидарности как основы подлинно инклюзивного общества.

Литературный обзор

В рамках обсуждения инклюзии и патернализма современная исследовательская мысль предлагает несколько ключевых теоретических линий, которые позволяют осмыслить указанные противоречия. Во-первых, значительный пласт работ, особенно в рамках *disability studies*, фокусируется на критике медицинской модели инвалидности и обосновании социальной модели (М. Оливер, К. Барнс), согласно которой ограничения возникают не из-за особенностей человека, а вследствие некорректно организованной среды и дискриминационных социальных установок. Эта модель заложила основу для понимания инклюзии как устранения барьеров, но сама по себе не дала ответа на этические дилеммы взаимодействия, оставляя открытым вопрос о природе заботы и взаимных обязательств [7].

Во-вторых, социально-философский дискурс предлагает богатый инструментарий для анализа свободы и ответственности. Классическая дихотомия И. Берлина о негативной и позитивной свободе задала рамки для обсуждения условий

подлинной автономии. И. Кант [1] и Ж.-П. Сартр в своих этических системах закрепили автономию и «обречённость на свободу» как неотъемлемые атрибуты человеческого достоинства, что является краеугольным камнем для критики патернализма [3].

В-третьих, для обоснования ответственности современная философия предлагает два полюса. С одной стороны, это асимметричная этика Другого Э. Левинаса, выводящая обязательство из довербальной встречи с уязвимостью «лица» и ставящая его выше любых договорённостей [5]. С другой – рациональная, симметричная теория справедливости Дж. Ролза, которая определяет долг общества через принципы честного распределения благ [8]. Напряжение между этими подходами составляет сердцевину современной дискуссии о социальной справедливости. В-четвёртых, значимым направлением, претендующим на преодоление указанного разрыва, стали теории, уделяющие внимание аффективной и практической стороне взаимодействия. Теория признания А. Хоннета [2; 13], этика заботы Дж. Тронто и Е. Киттай [4; 12], а также подход возможностей А. Сена и М. Нуссбаум [6; 10] предлагают концепты, призванные опосредовать этический императив и институциональное устройство, смещая фокус с распределения ресурсов на обеспечение реальных возможностей, уважение и взаимную поддержку.

Несмотря на обилие работ в каждой из этих областей, попытка их системного синтеза для построения целостной социально-философской модели инклюзии, преодолевающей патернализм, остаётся актуальной исследовательской задачей, которой и посвящена данная статья.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил корпус ключевых философских текстов и концепций, составляющих основу дискуссии о свободе, ответственности и социальной справедливости в контексте инвалидности. В качестве эмпирического материала использовались также научные публикации и исследования, освещающие практические проявления патернализма и инклюзивные стратегии. Методологической основой работы выступил диалектический подход, позволяющий рассматривать противоречия между свободой и ответственностью, патернализмом и автономией, этическим императивом и социальной справедливостью не как непреодолимые антиномии, а как взаимосвязанные моменты, требующие синтеза. Основными методами, использованными для реализации исследовательских задач, являются следующие.

1. Метод критического социально-философского анализа, направленный на выявление репрессивных оснований и скрытых смыслов в патерна-

листских практиках и риторике. Он позволил деконструировать идеологию патернализма, раскрывая её инфантилизирующие и исключаящие эффекты.

2. Метод сравнительного анализа философских концепций, применённый для сопоставления подходов И. Берлина, И. Канта, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, Дж. Ролза, А. Хоннета, Дж. Тронто, Е. Киттай, А. Сена и М. Нуссбаум. Сравнение позволило выявить сильные и слабые стороны каждого подхода применительно к проблеме инклюзии и сформулировать дилемму между асимметричной ответственностью и дистрибутивной справедливостью.

3. Метод теоретического синтеза, с помощью которого были выстроены логические связи и опосредования между противоречащими, на первый взгляд, концепциями. Этот метод был ключевым для интеграции интуиций Левинаса и Ролза через посредство концепций признания, заботы и возможностей, что привело к формулировке модели этики солидарности.

4. Нормативно-конструктивный метод, использованный на заключительном этапе для разработки принципов и контуров этики солидарности как позитивной социально-философской основы для инклюзивного общества.

Таким образом, исследование носит теоретико-философский характер, сочетая критический анализ существующих практик и концепций с конструктивным предложением новой модели.

Результаты

Проведённый анализ позволил сформулировать ряд взаимосвязанных выводов, последовательно раскрывающих логику преодоления патернализма через переосмысление ключевых социально-философских категорий. Исследование показало, что патернализм в сфере инвалидности представляет собой не избыток заботы, а сложную репрессивную систему, воспроизводящуюся через три устойчивых эффекта. Наиболее очевидным из них выступает инфантилизация, которая проявляется в систематическом отрицании за человеком способности к рациональному выбору, что ведёт к формированию «выученной беспомощности» и стиранию грани между необходимой поддержкой и ограничивающей опекой [7, с. 56–60]. Этот эффект неразрывно связан со вторым – скрытой экономикой символического обмена, где помощь оказывается не как реализация права, а как личный акт благотворительности, создающий у «дающего» моральный капитал, а у «принимающего» – перманентный долг признательности, тем самым подменяя правовые отношения эмоциональной зависимостью [13, с. 154–160]. Наконец, возникает парадоксальный феномен «причинения добра» – навязывание не востребованной помощи, исходящее из собствен-

ного психологического дискомфорта «помощника» и превращающее взаимодействие в ритуал с предписанной ролью «объекта заботы» [11, с. 135–140]. В совокупности эти эффекты доказывают, что патерналистская модель, прикрываясь ответственностью, систематически отрицает свободу и субъектность человека.

Такая критика закономерно потребовала пересмотра самого понимания свободы в контексте инвалидности. Исследование подтвердило, что классическая концепция негативной свободы как отсутствия внешних препятствий оказывается здесь явно недостаточной, поскольку формальное право теряет смысл перед лицом непреодолимых барьеров [1]. Это определило необходимость смещения акцента в сторону позитивной свободы – свободы «для», то есть реальной способности осуществлять значимые жизненные цели. Данная идея получила своё операциональное развитие в подходе возможностей, который предлагает измерять свободу не объёмом предоставленных ресурсов, а расширением реального спектра возможностей жить достойной жизнью по собственному выбору [6, с. 18–20; 10, с. 231–237]. Таким образом, для человека на коляске свобода передвижения – это конкретная, обеспеченная средой возможность добраться до нужного места. Ключевым концептуальным результатом здесь стало оформление идеи обеспеченной автономии, которая позволяет преодолеть ложную дилемму «свобода или опека», переводя вопрос в плоскость поиска форм поддержки, не подменяющих, а обеспечивающих и расширяющих саму возможность свободного выбора.

Этот переход от идеи свободы-от к идее свободы-для логично подвёл к необходимости столь же радикального пересмотра категории ответственности. Сравнительный анализ двух фундаментальных философских подходов выявил центральную дилемму. С одной стороны, асимметричная этика Э. Левинаса даёт безусловное обоснование долга перед уязвимым Другим, выводя его из досоциальной встречи с «лицом» [5, с. 187–210]. Однако этот императив сталкивается с серьёзными апориями: угрозой морального выгорания из-за безграничной ответственности, неоперациональностью на уровне политического института и сложностью интерпретации «призыва» в случаях невербальной коммуникации. С другой стороны, теория справедливости Дж. Ролза предлагает рациональный механизм дистрибутивной справедливости через принцип различия [8, с. 136–142], но, сводя человека к категории «наименее преуспевающего», рискует упустить экзистенциальное измерение встречи с инаковостью, что грозит бюрократизацией заботы.

Преодоление этого кажущегося тупика было найдено не в выборе одной из позиций, а в диалектическом синтезе, осуществляемом через

три опосредующие концепции. Теория признания А. Хоннета смещает фокус с распределения благ на необходимость взаимного уважения как условия формирования неповреждённой идентичности, отвечая тем самым на левиновский призыв увидеть в Другом «лицо» [2, с. 154–160; 13]. Этика заботы Дж. Тронто и Е. Киттай, наследуя феноменологическую чуткость к уязвимости, вводит критически важные вопросы компетентности, сетей поддержки и, главное, справедливого распределения обязанностей по заботе, напрямую связывая этический императив с проблематикой социального устройства [4, с. 146–150; 12, с. 103–105]. Наконец, подход возможностей требует от социальных институтов учитывать не абстрактные ресурсы, а конкретное многообразие человеческих способов функционирования, обеспечивая гибкий и чуткий отклик на индивидуальные особенности [6; 10]. Таким образом, именно эти три направления – признание, забота и возможности – выступают конкретными формами синтеза, переводя философскую дискуссию в плоскость практических ориентиров и формируя концептуальный фундамент для предлагаемой модели этики солидарности.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют перейти от критического анализа к конструктивному обсуждению контуров новой модели социального взаимодействия. Выявленные репрессивные эффекты патернализма и сформулированная дилемма между этикой Другого и справедливостью обозначают структурное противоречие, требующее не технической коррекции, а философского преодоления. Предложенный синтез через категории признания, заботы и возможностей указывает на то, что подлинная инклюзия возможна лишь при условии радикальной трансформации самих принципов, на которых строится коллективная ответственность.

Этот синтез позволяет по-новому интерпретировать диалектику свободы и ответственности. В рамках этики солидарности, формирующейся на основе данного синтеза, ответственность теряет характер одностороннего попечения и переопределяется как совместная деятельность по созданию условий для реализации свободы. Свобода же перестаёт пониматься как абстрактная независимость и становится обеспеченной возможностью, достижимой только в среде взаимного признания и поддержки. Таким образом, две категории не просто сосуществуют или балансируют, но взаимно опосредуют и усиливают друг друга: подлинная свобода возможна лишь там, где существует разделённая ответственность за уязвимость, а ответственность обретает смысл только как практика раскрытия и защиты свободы другого человека.

Важным аспектом для обсуждения является практическая реализуемость предложенной модели. Этика солидарности предполагает не только изменение индивидуальных установок, но и трансформацию социальных институтов. Это означает перестройку образовательных, социальных и трудовых практик на основе трёх вытекающих из анализа принципов.

- Принцип признания равного достоинства и автономии, требующий искоренения инфантилизации и уважения права на самоопределение.
- Принцип коллективной ответственности как справедливости, обязывающий общество через институты активно устранять барьеры, компенсируя неравенство возможностей [8].
- Принцип солидарности и взаимной заботы, предполагающий, что поддержка теряет характер благотворительности и становится актом взаимопомощи внутри сообщества, признающего уязвимость универсальным условием человеческого существования [4; 12].

Обсуждая границы и потенциал данного подхода, важно отметить, что этика солидарности не предлагает утопической модели идеальной гармонии. Напротив, она признаёт неизбежность напряжений, конфликтов интересов и трудностей в распределении ресурсов. Однако её сила заключается в том, что она предоставляет нормативную рамку и философский язык для обсуждения этих конфликтов, смещая его из плоскости морального долга или утилитарного расчёта в плоскость совместного поиска справедливых решений, основанных на взаимном признании человеческого достоинства во всём его разнообразии.

Заключение

Итогом проведённого исследования и предложенного диалектического синтеза становится модель этики солидарности как альтернативная социально-философская основа для подлинно инклюзивного общества. Её ключевая новизна – в последовательном отказе от изжившей себя бинарной логики «опекаемый–опекун», которая загоняла в ложный выбор между удушающей гиперопекой и социальным забвением. Вместо этого выстраивается диалогическая модель совместного бытия, где коллективная ответственность радикально переопределяется: это уже не бремя одностороннего попечения, а обязанность всех членов сообщества совместно создавать условия (реальные возможности), при которых каждый может реализовать свою уникальную свободу. Свобода же, в рамках этой модели, понимается не как призрачная независимость, но как реальная, обеспеченная социальной средой возможность осуществлять жизненно важные выборы.

Таким образом, вековая диалектика свободы и ответственности находит своё практическое решение в их взаимном опосредовании и усиле-

нии: подлинная свобода становится достижимой лишь там, где существует разделённая, солидарная ответственность за уязвимость Другого. И наоборот, ответственность обретает свой истинный гуманистический смысл только как деятельность по раскрытию, защите и обеспечению свободы другого человека. Практическим воплощением этой диалектики становятся три принципа: признания равного достоинства, коллективной ответственности как справедливости и солидарности взаимной заботы.

Следовательно, подлинно инклюзивное общество – это не утопия тотальной заботы, но достижимый идеал общества реализованных возможностей и разделённой ответственности. Это общество, в котором человеческое разнообразие, включающее в себя и различные формы инвалидности, перестаёт восприниматься как проблема, требующая управления или коррекции, и начинает пониматься как ресурс для обогащения коллективной жизни. Свобода и ответственность в такой модели окончательно снимают своё кажущееся противоречие, становясь взаимно обуславливающими условиями для возникновения подлинного, плюралистического «Мы», в котором находится не только формальное место, но и обеспеченная возможность полноценного существования для каждого.

Литература

- Берлин И. Две концепции свободы // *Философия свободы. Европа*. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 129–188.
- Honneth A. *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – 270 p.
- Кант И. *Основы метафизики нравственности* // *Соч.: в 8 т. Т. 4*. – М.: Чоро, 1994. – С. 153–246.
- Kittay E.F. *Love's Labor: Essays on Women, Equality and Dependency*. – New York: Routledge, 1999. – 250 p.
- Levinas E. *Totalité et Infini: essai sur l'extériorité*. – La Haye: Martinus Nijhoff, 1961. – 348 p.
- Nussbaum M.C. *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. – 237 p.
- Oliver M. *The Politics of Disablement*. – London: Macmillan Education, 1990. – 158 p.
- Rawls J. *A Theory of Justice*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 607 p.
- Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* / Пер. с фр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
- Sen A. *The Idea of Justice*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – 468 p.
- Shakespeare T. *Disability Rights and Wrongs Revisited*. 2nd ed. – London: Routledge, 2014. – 294 p.
- Tronto J.C. *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. – New York: Routledge, 1993. – 242 p.
- Хоннет А. *Борьба за признание: Моральная грамматика социальных конфликтов* / Пер. с нем. – М.: Канон+, 2020. – 256 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. *Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.

THE DIALECTICS OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN AN INCLUSIVE SOCIETY: FROM PATERNALISM TO AN ETHICS OF SOLIDARITY

Gileva Z.V.

Tomsk State University

The aim of this study is to overcome a fundamental contradiction in the social practice of including people with disabilities: the gap between proclaimed rights to freedom and autonomy and the persistent reproduction of paternalistic models that, masked as care, actually limit agency and create relations of dependency. To achieve this goal, the author employs the method of socio-philosophical critique and dialectical synthesis of key concepts that reveal the nature of the categories under study. The methodological basis of the work includes an analysis of theories of positive and negative freedom (I. Berlin), the ethics of asymmetrical responsibility (E. Levinas), distributive justice (J. Rawls), as well as contemporary models of recognition (A. Honneth), care (J. Tronto) and the capabilities approach (A. Sen, M. Nussbaum).

As a result of the analysis, three repressive mechanisms of paternalism have been identified (infantilization, a symbolic economy of exchange, «the imposition of good») and the necessity of transitioning to an understanding of freedom as «supported autonomy» has been substantiated. The resolution of the dilemma between Levinas's unconditional ethical imperative and Rawls's formal principles of justice is found in their synthesis through the categories of recognition, care, and capabilities, which formed the basis for the proposed model of an «ethics of solidarity». The main conclusion of the study is that genuine inclusion requires a transformation of collective responsibility from guardianship into activity aimed at creating conditions for the realization of each individual's freedom, which is achieved within the framework of a dialogical model of co-existence based on mutual recognition of dignity.

Keywords: inclusion, freedom, responsibility, paternalism, ethics of solidarity, autonomy, social philosophy.

References

- Berlin, I. (2014). Two Concepts of Liberty. In *Philosophy of Freedom. Europe* (pp. 129–188). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Honneth, A. (1992). *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte* [The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Kant, I. (1994). *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In *Works: In 8 vols. (Vol. 4, pp. 153–246)*. Moscow: Choro. (In Russian).
- Kittay, E. F. (1999). *Love's Labor: Essays on Women, Equality and Dependency*. New York: Routledge.
- Levinas, E. (1961). *Totalité et Infini: essai sur l'extériorité* [Totality and Infinity: An Essay on Exteriority]. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Nussbaum, M. C. (2011). *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Oliver, M. (1990). *The Politics of Disablement*. London: Macmillan Education.

8. Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
9. Sartre, J.-P. (2000). *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (Trans. from French). Moscow: Respublika. (In Russian).
10. Sen, A. (2009). *The Idea of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Shakespeare, T. (2014). *Disability Rights and Wrongs Revisited* (2nd ed.). London: Routledge.
12. Tronto, J. C. (1993). *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge.
13. Honneth, A. (2020). *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* (Trans. from German). Moscow: Kanon+. (In Russian).
14. Yarskaya-Smirnova, E. R., & Romanov, P. V. (2006). *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [Disability Politics: Social Citizenship of Disabled People in Contemporary Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russian).

Контркультура как семиотическое сопротивление: социально-философский анализ пространства деконструкции

Глебов Андрей Павлович,

канд. истор. наук, доцент кафедры политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
E-mail: apg65@mail.ru

В статье исследуется роль контркультуры как инструмента знакового сопротивления в условиях современного общества симулякров. Автор рассматривает контркультурный стиль не как эстетическое отклонение, а как осознанную практику перекодировки символов доминирующей культуры, создающую альтернативные смыслы. Основное внимание уделяется диалектике сопротивления и коммодификации: любая контркультурная форма, становясь читаемой, рискует быть ассимилированной системой и превратиться в «пустую форму» протеста. Вместе с тем подчёркивается, что именно эта нестабильность значений открывает возможность для повторного политического пробуждения и контекстуальной реполитизации символов. Анализ охватывает как исторические примеры (панк, контркультура 1960-х), так и современные цифровые практики, включая алгоритмически фрагментированные идентичности и корпоративные микроконтркультуры. Особое значение придаётся роли молодёжи как активного агента трансформации и потенциалу контркультуры как «процесса», а не готовой доктрины – способности подрывать бинарные оппозиции, разрушать иллюзию естественности норм и создавать условия для иного, не подчинённого логике технократии бытия. Статья показывает, что подлинная сила контркультуры – не в отрицании, а в предложении альтернативных форм жизни и мышления.

Ключевые слова: контркультура, семиотическое сопротивление, стиль, коммодификация, симулякр, перекодирование, молодёжь, деконструкция, цифровая идентичность.

Контркультура выступает как инструмент знакового сопротивления, переосмысливающий нормы и создающий альтернативные смыслы. В условиях общества симуляций она становится частью игры между деконструкцией и коммодификацией. Стиль – ключевой элемент семиотического сопротивления контркультуры, позволяющий маргинализированным группам говорить на языке, неподвластном власти. По Д. Хебдиджу, «напряжения между доминирующими и подчинёнными группами находят отражение на поверхностях субкультуры – в её стиле» [19, с. 2]. Это осознанная попытка перекодировать символы доминирующей культуры. Такой подход раскрывает одну из значимых функций контркультурного стиля – его семиотическую автономию. Будучи системой, власть стремится кодифицировать и контролировать все формы выражения, превращая их в элементы управляемой социальной связи. Но группы, лишённые доступа к официальным каналам влияния, используют стиль как подпольный язык, в котором старые символы получают новое скрытое значение. Контркультурный стиль – это не просто эстетический бунт, а практика семиотического саботажа. Хебдидж показывает, что, например, разорванные джинсы или пирсинг не несут в себе априори протестного смысла, они становятся таковыми только в контексте их переосмысления и стратегического использования в противовес нормам. Это делает стиль не хаотичным жестом отчаяния, а ритуалом сопротивления, в котором каждый элемент становится «зашифрованным посланием» для своих и «вызовом» для чужих.

В условиях системного кризиса, когда господствующая культура перестаёт предлагать убедительные смыслы, контркультурный стиль становится способом восстановить целостность личности и коллектива через перекодировку мира. По словам Ж. Бодрийяра, «символы лишаются исторического контекста, превращаясь в пустые формы протеста» [4, с. 102], т.е. контркультурные практики могут быть деактуализированы и усвоены преобладающей культурой. Это подтверждается и в недавних исследованиях. Современные авторы отмечают, что, заметным явлением общественной жизни стала «контркультура», являющаяся тем не менее явлением культуры» [3, с. 14]. Чем радикальнее жест, тем быстрее он становится товаром. Контркультура, рождённая как реакция на стандартизацию, потребление и культур-

ную гегемонию, сама превращается в инструмент их воспроизводства. Однако, из этого не следует, что сопротивление тщетно. Напротив, оно требует другой стратегии: не поиска «незапятнанного» жеста, а осознанного манипулирования кодами и ухода от устойчивых идентичностей к временным непредсказуемым формам разрушающего выражения. Такое сопротивление работает внутри языка власти, но сбивает его с толку. Именно в этом и может сохраняться критическая сила контркультуры в эпоху тотальной симуляции.

Проходя этапы перекодировки, симуляции и, возможно, повторного политического пробуждения, контркультурные символы подменяют господствующую логику на альтернативную, становясь одновременно оружием и товаром. В условиях общественной семиотики любой знак с ниспровергающим потенциалом становится ценным ресурсом. Система не уничтожает эти символы, она переписывает их контекст. Это и есть симуляция по Бодрийяру: знак живёт, но его связь с реальным действием разорвана.

Однако, остаётся возможность «повторного политического пробуждения»: значения знаков нестабильны и могут переосмысливаться. Дик Хебдидж пишет: «Перемещая и изменяя контекст товаров, подвергая их традиционное использование сомнению и изобретая новые способы их использования, стилист субкультуры опровергает то, что Алтюссер называл «ложной очевидностью повседневной практики»... и открывает мир объектов новым, завуалированно оппозиционным интерпретациям» [19, с. 102].

Символы и элементы мейнстрима переосмысливаются и используются для выражения сопротивления господствующей культуре и попыток выйти за рамки преобладающего дискурса. Как отмечает Д. Хебдидж, такие новые культурные коды явно сфабрикованы. «Они демонстрируют собственные коды (например, разорванная футболка панка) или, по крайней мере, показывают, что коды существуют для того, чтобы их использовать и злоупотреблять ими (например, они были осмыслены, а не просто приняты как должное)» [19, с. 101].

Контркультурные стили – это не просто спонтанные проявления, а осознанно созданные формы выражения. Искусственный характер контркультурного стиля разрушает романтизированный образ контркультуры как «естественного», «истинного» или «инстинктивного» протеста. Контркультурный стиль – это не побочный продукт социального недовольства, а намеренно созданное искусство, каждая деталь которого выверена, заряжена смыслом и направлена на спор с господствующей культурой. В этом и заключается его сила: контркультуры сознательно имитируют, карикатурируют, пародируют привычные нормы, показывая их условность. Контркультурный стиль утверждает, что культура – это не данность, а поле битвы зна-

чений, где каждый может стать дизайнером собственного смысла. Как отмечает Деррида, «один знак ведёт к другому, и так до бесконечности» [18, с. XVII], что объясняет лёгкость коммодификации контркультурных символов.

Контркультурный стиль не существует вне времени или контекста, а строится через отношения к другим знакам, которые постоянно меняются, и сам является результатом этой исторической игры. Любой контркультурный жест – не изолированный акт, а узел в динамической сети значений. Он всегда историчен: панковский жест в Лондоне 1977 года и его повторение в 2026 году – это разные знаки, функционирующие в разных семиотических полях. То, что вчера было вызовом, сегодня может быть ностальгией, а завтра – рекламной кампанией. Но эта нестабильность – не слабость, а условие его разрушительной силы. Именно потому, что стиль не закреплён в вечной форме, он остаётся подвижным, неуловимым для системы, способным каждый раз заново переписывать правила игры. Таким образом, контркультурный стиль – это не «вещь», а процесс: постоянное перечитывание, цитирование, инверсия и подражание.

Итак, знак контркультуры не имеет постоянного смысла, а непрерывно переосмысливается. Именно это непостоянство делает его мощным инструментом сопротивления. Но в таком случае семиотический протест может столкнуться с отрывом знака от исторического контекста и превращением в «пустую» форму, которой можно будет манипулировать. Чем ярче и выразительнее знак протеста, тем быстрее он теряет привязку к конкретной истории или идеологии, которые его породили. Ценность знака определяется не его правдой, а его обмениваемостью. Как только протест становится читаемым для мейнстрима, он становится товаром. А товару не нужна история, а узнаваемость. По этой причине бренды легко эксплуатируют эстетику революции, а лозунги освобождения превращаются в слоганы для продажи кроссовок.

Однако, в этом «опустошении» знака есть и скрытый потенциал. Становясь «пустой формой», знак он открывается для нового наполнения и новой возможности, и в истории культуры мы наблюдаем постоянные циклы реполитизации: символ, долгое время служивший рекламе, вдруг возвращается в протест (как, например, изображение Че Гевары). Риск «опустошения» не означает краха сопротивления, а указывает на необходимость постоянной работы с контекстом. Контркультуре недостаточно просто произвести знак, ей необходимо бороться за его историческую память, интерпретацию и за его связь с действием. В противном случае протест рискует стать не актом свободы, а эстетикой бессилия.

С другой стороны, любая форма сопротивления, представленная в СМИ в виде знаков, может превратиться в товар (коммодифицироваться).

Как указывает Ж. Бодрийяр, «медиа несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать» [4, с. 117]. Эта особенность природы медиа в эпоху гиперреальности разрушает иллюзию СМИ как нейтрального канала передачи информации и раскрывает их как машину хаотической семиотической продукции, где смысл и контрсмысл сосуществуют и взаимно уничтожаются, порождая не ясность, а информационный шум. Этот процесс неконтролируем ни властью, ни сопротивлением. Медиа становятся автономной системой, которая сама производит реальность, размножая знаки, оторванные от их первоначального значения. В этом контексте даже самые радикальные контркультурные жесты – протесты, мемы, хэштеги – быстро встраиваются в симулякр, теряя критическое острие и превращаясь в пригодное для потребления медийное событие. Таким образом, СМИ по Бодрийяру, – это не «четвёртая власть», а пятая стихия, в которой тонут и доминирующая идеология, и её оппозиция. Они не манипулируют не намеренно, а по определению, поскольку их логика – это обмен знаками, а не логика истины или справедливости. Это делает любую попытку «чистого» медиапротеста изначально обречённой: как только жест становится заметным, он уже включён в игру симуляции, где победа заменяется вирусностью, а правда – узнаваемостью. И всё же в этом парадоксе скрывается и скрытый ресурс: если медиа манипулируют во всех направлениях сразу, то они одновременно и ослабляют гегемонию, делая её неустойчивой и раздробленной, благодаря чему возникает пространство для новых форм сопротивления не через «правильный» контент, а через нарушение логики самой медиасистемы. Современные СМИ не просто отражают действительность и передают информацию, но и создают реальность, становясь внутренним элементом системы симуляции – «симуляции, которая разрушает систему» [4, с. 117]. Эта бесконтрольность формирует общественное сознание независимо от содержания сообщений.

Благодаря механизмам перекодирования, контркультурные движения разрушают диалектические противопоставления (война-мир, порядок-хаос), на которых строится культурное господство. Этим контркультурные движения подрывают устоявшиеся структуры власти, но не через прямое противостояние, а через семиотическое переосмысление. Благодаря механизмам перекодирования, контркультура «переписывает» доминирующие нарративы изнутри. Она не отвергает хаос, а показывает, что он может быть формой порядка, а установленный порядок – маскированным хаосом. Тем самым разрушается иллюзия объективности культурных иерархий.

О разрушении контркультурными мифами диалектической двойственности и об упрощении ими

человеческих поступков писал Р. Барт [2, с. 269]. Но даже если контркультурный жест теряет свою изначальную функцию, он продолжает существовать как потенциальный элемент нового сопротивления. Символ остаётся в культурном архиве как готовая форма, которую можно заново наполнить смыслом в другую эпоху и при других обстоятельствах. Однако, как предостерегает А. Грамши, подлинная сила и устойчивость контргегемонии возможны лишь при органичной связи с массами, избегая риска маргинализации или коммодификации. Без этой связи контркультурный жест становится неубедительным и быстро поглощается системой. «Речь идёт поэтому о разработке философии, ...которая стала бы обновлённым обыденным сознанием, отличающимся последовательностью и убедительностью индивидуальных философий; однако невозможно сделать это, если хоть на мгновение будет забыта необходимость культурного контакта с «простыми людьми»... Отсюда вытекает важность «культурного момента» и в практической (коллективной) деятельности: любой исторический акт может быть совершён лишь «коллективным человеком»» [6, с. 8–9, 27].

В эпоху цифровых технологий контркультура получила новые инструменты для выражения сопротивления. Согласно исследованию А.В. Сарapultцевой, «в электронной среде меняются принципы и характер обоснования мышления и знания («машинное мышление»), результатом чего является технизация мышления, системы знания, социальной памяти» [12, с. 125]. Эти процессы открывают новые возможности для создания альтернативных онтологий, но одновременно порождают риски усиления контроля и информационного насилия. Когда обоснование знания всё чаще передаётся алгоритмам, происходит не просто смена инструментов, а изменение самой эпистемологической основы: от дискурсивного, рефлексивного мышления к процедурному, паттерн-ориентированному «машинному рассуждению». Знание начинает формироваться не столько через аргументацию и критическое сомнение, сколько через логику данных, предсказуемости и оптимизации. Социальная память всё больше хранится не в коллективных нарративах, а в базах данных и цифровых архивах, доступ к которым определяется не культурными, а техническими и коммерческими протоколами. С одной стороны, происходит ослабление традиционных онтологий, с другой – алгоритмическая логика легко становится инструментом поведенческого манипулирования, стирания «неконформных» данных и пр. Машинное мышление становится не просто новой технологией, а онтологическим событием, требующим активного участия в проектировании альтернатив, чтобы цифровая среда оставалась местом освобождения знания, а не его нового заточения.

Как отмечают современные исследования, цифровые технологии могут быть использованы в качестве инструментов контркультурного сопротивления, но их эффективность ставится под сомнение из-за риска перехвата их деятельности и отсутствия гарантий избежать коммодификации и ассимиляции – проблемы, присущей и прежним инструментам контркультурного дискурса. Цифровая контркультура уже не столько бунтует против мейнстрима, сколько конструирует узкие, алгоритмически поддерживаемые идентичности, что ставит под вопрос её способность к трансформации общества в целом: «Фрагментация Интернета [...] привела к появлению сообществ вкусов [...] люди всё чаще оказываются загнанными в нишевые пузыри, адаптированные к их конкретным мнениям, установкам и интересам, сознательным или бессознательным» [17, с. 8]. В отличие от прошлых контркультур, сегодняшняя цифровая часто дробится на микросообщества, поддерживаемые алгоритмами. Такая «алгоритмически поддерживаемая идентичность» создаёт иллюзию сопротивления: человек чувствует себя частью некоего движения, но на деле остаётся внутри замкнутой экосистемы, где инакомыслие уже предварительно отфильтровано, а разнообразие уже направлено. В связи с этим задача сегодняшней цифровой контркультуры – осознанно выйти за пределы алгоритмического комфорта и преодолеть логику разделения. Только тогда она сможет вернуть свою подлинную сущность – быть не нишей, а вызовом. Ч. Гир в своей работе подчёркивает: «Главным достижением контркультуры следует считать создание контекста, в котором интерактивные технологии... избавились от их милитаристской технократической ауры и преобразились через очищение кибернетическим идеализмом... В результате их смысл и цели стали более дружественными и понятными для нового поколения. И хотя интерактивные мультимедиа-технологии родились в лабораториях «холодной войны», способность воспринимать их как мирные и прогрессивные силы выношена в лоне контркультуры и авангардного мировоззрения с его идеями интермедиа, мультимедиа и перформанса» [5, с. 58].

Как указывают О.А. Губарева и В.В. Зотов, именно молодёжь обладает способностью «присваивать социальную субъектность», выступая не как пассивный объект, а как активный агент трансформации [7, с. 14]. В этом контексте молодёжь предстаёт не как «будущее», ожидающее своего часа, а как современный деятельный субъект, уже сейчас создающий новые формы идентичности и сопротивления. Речь о сознательном, часто коллективном отвоёвывании права быть услышанным и значимым в условиях, где социальные институты (образование, политика, медиа) склонны воспринимать молодых как пассивных получателей норм, ценностей и решений. Особенно ярко

это проявляется в цифровой среде, где алгоритмы хоть и ограничивают, но и предоставляют инструменты для быстрой мобилизации и самопрезентации. Молодые люди не просто «используют» технологии, они встраиваются в них как соавторы новой социальной действительности. Эта агентность позволяет контркультуре быть не просто формой отрицания, но и конструктивным основанием новой эпохи [7, с. 19]. В противном случае мы вновь рискуем низвести роль молодёжи до привычного нарратива: «подрастёт – поймёт», «ещё не созрела», «надо направить» и т.д.

Исторически контркультура была не просто эстетическим феноменом, но и идеологическим вызовом. Как отмечает А.В. Цветков, ««новые левые» максимально сблизили марксизм с контркультурой и экзистенциальной философией» [14, с. 288]. Подлинная сила контркультуры не в её стиле, одежде или музыке, а в способности переформулировать политическое через личное, бытийное, экзистенциальное. В середине XX века контркультура превратилась в сложную идеологическую платформу, где критика капитализма переплеталась с поиском подлинного существования, свободы, телесности и субъективности. Марксизм, традиционно ориентированный на коллективные формы борьбы, «Новыми левыми» был радикально переосмыслен: он стал языком освобождения индивида, а не только пролетариата. Теперь революция не откладывается на завтрашний день, а происходит в повседневности, в языке, в отказе от «ложных потребностей» и пр. Так контркультура становится не побочным продуктом идеологии, а её практикой, не разделяющей форму и содержание, стиль и смысл. Сегодня возвращение к этой исторической глубине – это напоминание о том, что настоящий вызов системе возможен лишь когда контркультура становится местом критики и лабораторией нового бытия.

Иногда контркультуру изображают либо наивным бунтом под гитару, либо эстетической игрой без последствий. На самом деле контркультура переносила политическое из залов парламентов и заводских цехов в ткань повседневной жизни. Она экспериментировала с иными отношениями между людьми, с иным пониманием тела, желания и общности. Именно в этом была суть контркультурного проекта 1960–1970-х годов: не просто сказать «нет» системе, а показать, как можно жить по-другому уже сейчас. Настоящая угроза системе не в том, что её осуждают, а в том, что показывают, как можно жить иначе. Поэтому сегодня возвращение к идее контркультуры как не только критики, но практики трансформации бытия может стать путём выхода из логики «сопротивления без альтернативы».

Философская сущность контркультуры – в преодолении ограниченности официоза и самой себя, подрыве логики бинарных оппозиций. Лю-

бой официоз строится на жёсткой непримиримости: порядок-хаос, норма-отклонение, разум-иррациональность, полезное-бесполезное. Будучи реакцией на этот нарратив, контркультура изначально тоже переворачивает эти противопоставления: «мы – хаос против их порядка», «мы – свобода против их нормы». Но на этом этапе она рискует воспроизвести ту же структуру власти, просто поменяв знаки. Подлинный прорыв происходит, когда контркультура перестаёт быть зеркалом официоза и начинает работать с языком, логикой и онтологией противопоставлений. Это пространство, где «хаос» уже не противоположен «порядку», а порождает свои формы упорядоченности; где «ненормальность» не отрицает норму, а ставит под вопрос саму возможность универсальной нормы; где субъект больше не борется с системой, а пробует другие способы существования, не укладывающиеся в прежние категории. Контркультура не предлагает новую доктрину, а создаёт условия для возможного мышления. Именно поэтому она остаётся живой не как стиль или миф, а как метод разрушения и изменения границ мыслимого.

Ю. Хабермас отмечает, что «проблема нищеты сделалась трещиной в «системе»» [16, с. 66], ставшей основой для контркультурных движений. Речь идёт не столько о материальной нищете, сколько о нищете смыслов, возможностей, признания и достоинства, которую чувствовали люди, жившие в условиях так называемого «постиндустриального изобилия». «Трещина» – кризис легитимности системы, неспособной отвечать на экзистенциальные вопросы: «кто я?», «зачем я живу?», «имею ли право на другую жизнь?» – стала питательной средой для контркультурных движений, объединённых не программой, а общим ощущением неправильно устроенного мира, который можно переделать. Таким образом, контркультура выступает как «порождение и свидетельство социокультурного кризиса» [10, с. 193], а её эстетика, по В.И. Крутоусу, связана с дионисийским началом как выбором жизни против упорядоченности системы [9, с. 561]. Психоделика, импровизация, телесные практики, хаотическая музыка, коллапс жанров, – всё это не «декор» бунта, а методология раскрытия иного опыта бытия, в котором человек снова ощущает себя частью неразделённого целого. Дионисийский экстаз разрушителен и опасен, но в этом и сила контркультуры: она не предлагает готового выхода, а заставляет честно посмотреть в лицо неупорядоченному, неудобному, но живому. Она предлагает прожить кризис не как катастрофу, а как возможность переосмыслить, что значит быть человеком в мире, который больше не хочет вмещать жизнь во все свои рамки.

Контркультурные практики проникают даже в бюрократические структуры [11, с. 53], семиотическое сопротивление становится повсеместным: маргинализированные сотрудники создают свои

коды, ритуалы и нормы, противостоящие официальной корпоративной идеологии. Повседневная микрополитическая практика сопротивления укореняется даже в самых рутинных и дисциплинированных пространствах – корпорациях и офисах. В любой рабочей среде неизбежно возникает тень-культура, где сотрудники, особенно лишённые формального влияния, вырабатывают собственные способы сохранения достоинства, автономии и солидарности. Такая внутренняя контркультура может проявляться в скрытом жаргоне, в ироничных мемах о руководстве, в неформальных ритуалах «после отчётов», в саботаже KPI через медлительность и т.д. Это семиотическое оружие позволяет сохранить субъективность в условиях её систематического подавления. Как отмечал Мишель де Серто, говоря о пешеходах в «Практике повседневной жизни», такие тактики – не революция, но «искусство слабых». Пешеход не разрушает правила, но перепрограммирует их через практику: «Пользователь города выбирает отдельные фрагменты утверждения, чтобы втайне актуализовать их» [8, с. 157]. Субъекты, лишённые формальной власти, в обычной жизни разрабатывают скрытые тактики, чтобы утверждать своё присутствие, подрывать систему и присваивать чужие пространства и правила. Важно, что здесь контркультура, чтобы существовать, не требует выхода за пределы системы: она работает изнутри, используя её же ресурсы – язык, технологии, ритмы, но вкладывая в них другой смысл. Это делает сопротивление повсеместным и трудноуловимым для официального контроля. Такой взгляд кардинально расширяет понимание контркультуры: она перестаёт быть исключительно молодёжным, радикальным или эстетическим феноменом и становится структурной чертой любой социальной системы, в которой есть неравенство, нормативность и давление. А значит, даже в самых, казалось бы, беспротестных местах – в офисах – человек не сдаётся полностью, а продолжает тихо, упрямо и изобретательно создавать свою контркультуру.

Т. Роззак, введший сам термин «контркультура», отмечает: «Основной проект нашей контркультуры состоит в том, чтобы провозгласить новые небеса и новую землю, такие обширные и удивительные, что чрезмерные требования о технической компетентности неизбежно должны отойти на второй план и занять маргинальное положение в жизни людей» [20, с. 240]. Роззак рассматривал контркультуру как реакцию на технократию и поиск многомерности бытия через мистику, искусство, экологическое сознание, восточную философию, психоделический опыт и коллективную заботу. Это был вызов не столько власти как таковой, сколько способу мышления, который сводит мир к измеримому, управляемому и полезному. По этой причине Роззак подчёркивал: контркуль-

тура – это не альтернативный стиль жизни, а альтернативная эпистемология. Она утверждает, что есть другие пути познания реальности – не через расчёт и контроль, а через чувственность, интуицию, диалог с природой, внутреннее преобразование. В этом смысле контркультура у Роззак – не маргинальное отклонение, а попытка целительного возвращения к целостности, разорванной технократической логикой.

Роззак «противопоставляет поэтов-романтиков экспертам, технократам военно-промышленного комплекса с их одномернопрагматическим взглядом на жизнь» [13, с. 65], рассматривая контркультуру как попытку выхода за пределы упрощённого социума, основанного на рационалистических и технократических принципах.

Сегодня, когда «рационализм» обрёл форму искусственного интеллекта и big data, контркультура по-прежнему нужна не как ностальгия, а как напоминание о том, что человек – это не функция системы, а источник смысла. А. Грамши подчёркивает, что даже будучи частично поглощённой, контркультура сохраняет силу для возрождения. В зависимости от контекста она может вновь обрести критический заряд и стать инструментом социального изменения: «Философия практики не нуждается в чужеродных подпорках, она сама настолько сильна и богата новыми истинами, что старый мир обращается к ней для того, чтобы пополнить свой арсенал более современным и эффективным оружием» [6, с. 171–172]. Прогрессивные идеи могут быть усвоены доминирующей системой, но при этом сохраняют внутреннюю силу, которую можно актуализировать заново в условиях кризиса. Это важный фактор против пессимизма, часто сопровождающего наблюдения о коммерциализации или институционализации контркультурных идей. В самом деле, растворение радикальных идей системой – не их смерть, а особая форма выживания. Ассимиляция – это не конец, а испытание на прочность. Она показывает, насколько глубоко идея укоренилась в общественном сознании. Если она способна возрождаться в кризис, значит, она не была просто модой, а отвечала на настоящую потребность. Поэтому краха контркультуры нет, а есть цикличность её присутствия: от явного бунта – к скрытому сопротивлению и к новому прорыву.

Новые технологии, особенно в руках корпораций и государств, усиливают механизмы наблюдения, управления и мягкой манипуляции. Таким образом, цифровая контркультура оказывается перед новым вызовом: не просто использовать технологии, а переосмысливать их онтологию. Речь идёт не о бегстве от ИИ, а о борьбе за его другую архитектуру – открытую, этичную и коллективно управляемую. Контркультура XXI века формируется в напряжении между эмансипацией и контролем.

Ранние контркультурные движения ставили под сомнение нормы и открывали пространство для альтернативных способов быть. Их сила была в приглашении, а не в осуждении. Сегодня же некоторые формы активизма рискуют превратиться в новый вид нормативности, где «правильная» позиция становится обязательной, а отклонение – поводом для исключения. Это и есть рекуперация в её коварной форме: не когда система ассимилирует бунт, а когда сам бунт начинает воспроизводить логику системы – в данном случае, логику морального контроля, бинарного суждения и иерархии добродетели. Подлинное освобождение не может быть навязано, оно возможно только в условиях свободы ошибаться, пересматривать и сомневаться. Как заметил Мишель Фуко в одном из своих поздних интервью, «свобода есть конкретная практика... свобода людей никогда не обеспечивалась ни институтами, ни законами... «свобода» есть то, что надо осуществить на деле» [15, с. 222–223], но для этого «...требуется полновесная работа себя над собой» [15, с. 249], требующая усилий и постоянного осмысления. Контркультура должна не навязывать ответы, а создавать условия для вопросов – даже тех, что неудобны самой контркультуре.

Эволюция понятия контркультуры также заслуживает внимания. Как пишет Д. Айк, «эта песня стала гимном контркультуры 1960-х годов... Сегодняшняя контркультура вокерства бессердечна в навязывании своих установок обществу» [1, с. 10]. (*Woke (англ.)* – пробуждённый, осознанный. «*Woke culture*» – «культура прогрессивной бдительности» – А.Г.). Этот сдвиг от освобождения к моральному императиву показывает, как сама логика сопротивления преобразуется в новую форму власти, что ещё раз подтверждает тезис о рекуперации и перекодировке. Открытым остаётся вопрос о возможности создания «неассимилируемого семиотического поля» в условиях новых технологий.

Литература

1. Айк, Д. Сон: невероятное откровение о человеческой природе и реальности вокруг: [16+: перевод с англ.] / Дэвид Айк. – Москва: Концептуал, 2025. – 324 с.: ил. – ISBN 978-5-907972-86-5.
2. Барт, Р. Мифологии / Ролан Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с. – ISBN 5-8242-0048-3. – URL: <https://clck.ru/3PSyFm> (дата обращения: 09.11.2025).
3. Биополитика: теоретические, институциональные и коммуникативные измерения: коллективная монография / В.В. Анисимов, С.С. Баскаков, Д.А. Белашенко [и др.]; отв. ред. С.А. Маленко, А.Г. Некита; Минобрнауки Рос-

- сии, Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. – 244 с.: ил., табл. – ISBN 978-5-89896-905-9.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – URL: <https://clck.ru/3Mckv4> (дата обращения: 18.04.2025).
 5. Гир, Ч. Цифровая контркультура / Чарли Гир; пер. с англ. Д.В. Галкина. – URL: <https://clck.ru/3McibY> (дата обращения: 08.06.2025).
 6. Грамши, А. Избранные произведения. Тюремные тетради / Антонио Грамши; пер. с итал. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetrad.pdf (дата обращения: 18.04.2025).
 7. Губарева, О.А. Молодежная культура и информационно-коммуникативной среде современного общества / О.А. Губарева, В.В. Зотов. – Москва: Компания Спутник+, 2007. – 137 с.: ил., табл. – ISBN 978-5-364-00479-6.
 8. Де Серто, М. Практика повседневной жизни: [фрагмент] / Мишель де Серто; пер. с фр. Н. Эдельмана // Город. – Москва, [б.и.], [б.г.]. – С. 152–184. – URL: <https://clck.ru/3RALVt> (дата обращения: 05.01.2026).
 9. Крутоус, В.П. Эстетика и время: книга взаимотражений / В.П. Крутоус; МГУ, Филос. фак. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – 668 с.: ил., портр. – (Историческая книга). – ISBN 978-5-91419-645-2.
 10. Кузнецов, В. Взаимосвязь единства мира и единства культуры / Василий Кузнецов. – Москва: Ин-т общегуманитарных исслед., 2013. – 239, [2] с.
 11. Нежелченко, Е.В. Корпоративная культура на предприятиях сферы услуг: практикум / Е.В. Нежелченко, Т.Б. Климова; Минобрнауки России, Белгородский гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород: Издат. дом БелГУ, 2024. – 76 с.: ил. – ISBN 978-5-9571-3733-7.
 12. Сарапульцева, А.В. Актуальные аспекты анализа феномена цифровой культуры // Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург, 2022. – № 121. – С. 12–15. – DOI: 10.22449/10.12345.123456. – URL: <https://clck.ru/3MciCo> (дата обращения: 08.06.2025).
 13. Султанова, М.А. Философия Роззака: (очерк филос. публицистики) / М.А. Султанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва: ИФРАН, 2009. – 175 с. – ISBN 978-5-9540-0155-6.
 14. Цветков, А.В. Что такое марксизм? / Алексей Вячеславович Цветков. – Москва: Дело, 2023. – 326, [1] с. – ISBN 978-5-85006-483-9.
 15. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко; пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. – Москва: Праксис, 2006. – 320 с. – (Новая наука политики). – ISBN 5-901574-53-2. – URL: <https://clck.ru/3R9Q8E> (дата обращения: 05.01.2026).
 16. Хабермас, Ю. Политические работы / Юрген Хабермас; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – Москва: Праксис, 2005. – 361, [1] с. – (Новая наука политики). – ISBN 5-901574-43-5.
 17. Ajmal, Sh. Charting Youth Subcultures, Identity Formation, and Niche Aesthetics in the Age of Social Media / Sh. Ajmal // Journal of English Literature and Cultural Studies. – 2024. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 22–29. – URL: <https://clck.ru/3RAHfo> (дата обращения: 27.12.2025).
 18. Derrida, J. Of Grammatology / J. Derrida; translated by Gayatri Chakravorty Spivak. – Corrected ed. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1997. – 382 p. – ISBN 0-8018-5830-5. – URL: <https://clck.ru/3RBeCp> (дата обращения: 07.01.2026).
 19. Hebdige, D. Subculture: The Meaning of Style / D. Hebdige. – London: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 195 p. – ISBN 0-415-03949-5. – URL: <https://clck.ru/3McXLr> (дата обращения: 15.05.2025).
 20. Roszak, T. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition / Theodore Roszak. – Garden City, NY: Doubleday & Company, 1969. – 305 p. – URL: <https://clck.ru/3PSsp4> (дата обращения: 28.09.2025).

COUNTERCULTURE AS A SEMIOTIC RESISTANCE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE DECONSTRUCTION SPACE

Glebov A.P.

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

The article explores the role of counterculture as an instrument of symbolic resistance in a modern society of simulacra. The author considers the countercultural style not as an aesthetic deviation, but as a conscious practice of recoding symbols of the dominant culture, creating alternative meanings. The main focus is on the dialectic of resistance and commodification: any countercultural form, becoming readable, risks being assimilated by the system and turning into an «empty form» of protest. At the same time, it is emphasized that it is precisely this instability of meanings that opens up the possibility for a re-political awakening and contextual repoliticization of symbols. The analysis covers both historical examples (punk, counterculture of the 1960s) and modern digital practices, including algorithmically fragmented identities and corporate micro-cultures. Particular importance is attached to the role of youth as an active agent of transformation and the potential of counterculture as a «process» rather than a ready-made doctrine – the ability to undermine binary oppositions, destroy the illusion of naturalness of norms and create conditions for a different existence, not subordinated to the logic of technocracy. The article shows that the real power of counterculture is not in denial, but in offering alternative forms of life and thinking.

Keywords: counterculture, semiotic resistance, style, commodification, simulacrum, recoding, youth, deconstruction, digital identity.

References

1. Aike, D. The Dream: An Incredible Revelation About Human Nature and the Reality Around Us [in Russian]. Translated

- from English. Moscow: Konseptual, 2025. 324 p. ISBN 978-5-907972-86-5.
2. Barthes, R. *Mythologies* [in Russian]. Translated from French, with introduction and commentary by S.N. Zenkin. Moscow: Sashnikovy Publishers, 1996. 312 p. ISBN 5-8242-0048-3. URL: <https://clck.ru/3PSyFm> (accessed: 09.11.2025).
 3. *Biopolitika: Teoreticheskie, institutsional'nye i kommunikativnye izmereniya* [Biopolitics: Theoretical, Institutional, and Communicative Dimensions] [in Russian]. Collective monograph / V.V. Anisimov, S.S. Baskakov, D.A. Belashchenko et al.; edited by S.A. Malenko, A.G. Nekita. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2024. 244 p. ISBN 978-5-89896-905-9.
 4. Baudrillard, J. *Simulacra and Simulations* [in Russian]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: Postum Publishing House, 2015. 240 p. – URL: <https://clck.ru/3Mckv4> (accessed: 18.04.2025).
 5. Gir, C. *Digital Counterculture* [in Russian]. Translated from English by D.V. Galkin. – URL: <https://clck.ru/3McibY> (accessed: 08.06.2025).
 6. Gramsci, A. *Selected Works: Prison Notebooks* [in Russian]. Translated from Italian. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetradi.pdf (accessed: 18.04.2025).
 7. Gubareva, O.A., Zorov, V.V. *Youth Culture in the Information and Communication Environment of Contemporary Society* [in Russian]. Moscow: Sputnik+ Publishing, 2007. 137 p. ISBN 978-5-364-00479-6.
 8. de Certeau, M. *The Practice of Everyday Life* [in Russian; excerpt]. Translated from French by N. Edel'man // *Gorod*. Moscow, [n.d.]. P. 152–184. – URL: <https://clck.ru/3RALVt> (accessed: 05.01.2026).
 9. Krutous, V.P. *Aesthetics and Time: A Book of Mutual Reflections* [in Russian]. Moscow State University, Faculty of Philosophy. St. Petersburg: Aletaya, 2013. 668 p. (Historical Book series). ISBN 978-5-91419-645-2.
 10. Kuznetsov, V. *The Interconnection of the Unity of the World and the Unity of Culture* [in Russian]. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies, 2013. 239, [2] p.
 11. Nezhel'chenko, E.V., Klimova, T.B. *Corporate Culture in Service-Sector Enterprises: A Practical Guide* [in Russian]. Belgorod State National Research University. Belgorod: BelGU Publishing House, 2024. 76 p. ISBN 978-5-9571-3733-7.
 12. Sarapul'tseva, A.V. *Current Aspects of Analyzing the Phenomenon of Digital Culture* [in Russian] // *Ural State University of Economics Bulletin*. Ekaterinburg, 2022. № 121. P. 12–15. DOI: 10.22449/10.12345.123456. – URL: <https://clck.ru/3MciCo> (accessed: 08.06.2025).
 13. Sultanova, M.A. *Roszak's Philosophy: An Essay in Philosophical Journalism* [in Russian]. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow: IFRAN, 2009. 175 p. ISBN 978-5-9540-0155-6.
 14. Tsvetkov, A.V. *What Is Marxism?* [in Russian]. Moscow: Delo Publishing, 2023. 326, [1] p. ISBN 978-5-85006-483-9.
 15. Foucault, M. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* [in Russian]. Translated from French by B.M. Skuratov; edited by V.P. Bol'shakov. Moscow: Praxis, 2006. 320 p. (New Political Science series). ISBN 5-901574-53-2. – URL: <https://clck.ru/3R9Q8E> (accessed: 05.01.2026).
 16. Habermas, J. *Political Writings* [in Russian]. Translated from German by B.M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2005. 361, [1] p. (New Political Science series). ISBN 5-901574-43-5.
 17. Ajmal, S. *Charting Youth Subcultures, Identity Formation, and Niche Aesthetics in the Age of Social Media* // *Journal of English Literature and Cultural Studies*. 2024. Vol. 5, Iss. 1. P. 22–29. – URL: <https://clck.ru/3RAHfo> (accessed: 27.12.2025).
 18. Derrida, J. *Of Grammatology* / J. Derrida; translated by Gayatri Chakravorty Spivak. – Corrected ed. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1997. – 382 p. – ISBN 0-8018-5830-5. – URL: <https://clck.ru/3RBeCp> (дата обращения: 07.01.2026).
 19. Hebdige, D. *Subculture: The Meaning of Style*. London: Taylor & Francis e-Library, 2002. 195 p. ISBN 0-415-03949-5. – URL: <https://clck.ru/3McXLr> (accessed: 15.05.2025).
 20. Roszak, T. *The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition*. Garden City, NY: Doubleday & Company, 1969. 305 p. – URL: <https://clck.ru/3PSsp4> (accessed: 28.09.2025).

Оценка значимости взаимосвязи социума и профессиональных спортсменов в России

Каргин Николай Николаевич,

д.ф.н., к.пед.н. профессор, кафедра теории и методики физического воспитания и спорта, Государственный университет просвещения

Коротенко Илья Алексеевич,

аспирант, Государственный университет просвещения

Исследование показывает роль взаимодействия спорта и социума в современной России и рассматривает механизмы, через которые спортивная культура влияет на идентичность, воспитание молодежи, экономику регионов и медиа образ спорта, а также как общество, политики и инфраструктура формируют спортивную практику. В работе ставится задача проанализировать теоретические подходы к спорту как социальному институту, изучить эмпирические данные о влиянии спорта на социальную мобильность, гражданскую активность, развитие и формирование общественных норм. Статья демонстрирует, что спорт выступает не только как сфера достижений, но и как мощный фактор социализации, формирования культурной идентичности и региональной лояльности, а также рассматривает причины, приводящие к недооценке социокультурной функции спортсменов.

Ключевые слова: спорт и общество, социум, взаимодействие влияния СМИ, поведение, социальные институты.

Введение

В настоящее время никто не отрицает, что спорт является важным социальным институтом, но опускаются моменты непосредственно прямого влияния влияния на людей, на их жизни и взгляды. Стагнация спортивных событий не позволяет реализовываться профессиональным атлетам в полной степени. Так же отрицательные тенденции работают и в обратную сторону, когда общество не получает положительный пример своих чемпионов. В условиях изоляции российских спортсменов на международной арене, необходимы социальные аспекты позволяющие дальнейшее развитие спортивной среды. Консолидация общества и формирование национальной идентичности зависит от выступлений сборной России на международных соревнованиях: Чемпионаты Мира по футболу, хоккею, Олимпийские игры. Они служат мощным консолидирующим фактором. Успехи спортсменов вызывают волну общенационального патриотизма. Победы в хоккее или фигуристов на Олимпиадах становятся поводом для коллективной гордости, временно стирая социальные и политические различия. Безусловно, нужно учитывать геополитические приоритеты страны и условия в которых она находится, но не забывать о внутренних возможностях. Согласно исследованиям в области социологии спорта, во время крупных спортивных событий, таких как Чемпионат мира по футболу 2018 в России, индекс социального оптимизма и национальной гордости в стране значительно возрастал [2].

Влияние спортсменов и общества – это улица с двусторонним движением. Звезды спорта становятся политическими агентами, культурными героями и филантропами, в то время как общество, государство и рынок оказывают на них обратное давление, формируя их поведение, карьеры и имидж в соответствии с актуальными социальными, политическими и коммерческими запросами.

Не стоит забывать и об отрицательном взаимодействии в ряде случаев. Агрессивное поведение спортсменов, особенно публичное, оказывает значительное многогранное влияние на общество. Это влияние выходит далеко за рамки спортивной арены и становится предметом общественного обсуждения, формируя определенные тенденции и реакции.

Основная часть

Экономическое влияние и развитие инфраструктуры в условиях рыночной экономики как правило представляют приоритет. Крупные спортивные события напрямую влияют на экономику и облик городов. Проведение ЧМ-2018 по футболу привело к масштабной модернизации транспортной инфраструктуры (вокзалы, аэропорты), строительству и реконструкции стадионов в 11 городах-организаторах. Эти объекты продолжают использоваться и после турнира, становясь центрами притяжения. По оценкам Аналитического центра при Правительстве РФ, совокупный вклад ЧМ-2018 в ВВП России за период 2013–2018 гг. составил около 1 трлн рублей (около 0,2% ВВП за 2018 год), было создано около 220 тысяч новых рабочих мест. Также если говорить о футболе, как об одном из самых популярных видов спорта, начиная с сезонов 2000/2001 до сезона 2020/2021 чемпионата России по футболу общая посещаемость не опускалась ниже 2млн человек, в некоторых сезонах превышала 4 млн человек. Начиная с сезона 2021, посещаемость резко снизилась до настоящего времени, такая тенденция наблюдается и в некоторых других видах спорта.

Социальная мобильность и «социальные лифты»

Профессиональный спорт является одним из самых эффективных каналов вертикальной мобильности. Талантливые дети из регионов, попадая в такие спортивные академии как: «Краснодар», «Зенит», хоккейная школа ЦСКА, получают шанс на всероссийскую и мировую известность и высокие заработки. Успешные спортсмены, закончившие карьеру, часто становятся публичными фигурами, тренерами, чиновниками, бизнесменами, продолжая влиять на социальные процессы.

Влияние на медиа сферу и общественную дискуссию. Крупные спортивные мероприятия и скандалы становятся главными темами для СМИ и социальных сетей, формируя общественную повестку. Обсуждение допингового скандала, недопуска российских спортсменов на Олимпиады или трансфер того или иного игрока, собирают миллионы просмотров и комментариев, конкурируя по вниманию с политическими новостями.

Обратное влияние социума на профессиональный спорт нередко остается без внимания, многие СМИ не задумываются о последствиях выпущенной ими не до конца проверенной информации. Социум не пассивно потребляет спортивные события, а активно формирует саму спортивную индустрию.

Государственная политика и национальный престиж

Успехи в спорте давно стали вопросом государственного престижа. Это приводит к прямому финансированию спортивных федераций, программ олимпийской подготовки, строительству специа-

лизированных центров например, «Сириус», «Новогорск». Государство через механизмы госзаказа и регулирования определяет приоритетные виды спорта для поддержки. Значительная часть финансирования российского спорта высших достижений идет из государственного бюджета и государственных компаний например, «Газпром», «Роснефть», которые спонсируют ведущие клубы и федерации.

Коммерциализация и потребительский спрос

Интерес общества к спорту напрямую определяет его финансовую состоятельность. Телевизионные права, продажа билетов, мерчандайзинг, спонсорские контракты – все это зависит от популярности вида спорта и зрительского внимания. Высокий интерес к футболу и хоккею делает их самыми финансируемыми видами спорта. Рынок спортивного спонсорства в России оценивается в сотни миллионов долларов, причем крупнейшие сделки «Газпрома» с УЕФА или «ВТБ» с КХЛ обусловлены в том числе и огромной аудиторией этих событий. Из этого вытекает запрос общества на общественную этику и прозрачность. Давление общества и международного сообщества вынуждает спортивные организации меняться. Скандалы с коррупцией в ФИФА и МОК, допинговые дела приводят к ужесточению антидопингового законодательства на государственном уровне и созданию новых надзорных органов например, РУСАДА.

Социум диктует моду на спорт

Рост популярности и зрелищности смешанных единоборств (ММА) привел к взрывному росту этого направления в России, появлению таких организаций, как ACA, и мировых звезд как, Хабиб Нурмагомедов, чей образ и ценности оказали огромное влияние на молодежь. В какой-то степени он предстал в формирование образа «нового русского» и укрепление межнационального согласия. Нурмагомедов, став абсолютным чемпионом UFC, превратился в глобальную медийную личность. Его образ – глубоко религиозного, принципиального, семейного человека, патриота России и своего дагестанского народа – оказал огромное влияние на общество. Он сломал многие стереотипы, вызвав социальный эффект, показав успешную интеграцию кавказской культуры в общероссийский и мировой контекст. Его отказ праздновать победу после скандального боя и его заявления о семейных ценностях и уважении к родителям стали предметом массового обсуждения и повлияли на систему ориентиров для молодёжи. Его фраза «Так положено» и фирменная папаха стали элементами массовой культуры и успешным бизнес-проектом.

Но существует и обратное давление, влияющее в каких-то моментах позитивно, а где-то принося отрицательный эффект для спортсмена. Евгений Малкин (хоккеист). В 2020 году Малкин попал в жернова общественного осуждения после того,

как в соцсетях появилось видео, где он без маски ходит по отелю в США во время пандемии, нарушая правила.

Волна жёсткой критики как в зарубежных, так и в российских СМИ и социальных сетях заставила Малкина публично извиниться перед клубом (Питтсбург Пингвинз) и болельщиками. Это яркий пример того, как общество через механизмы «публичного суда» напрямую влияет на поведение и репутацию звезды, вынуждая её подчиниться общепринятым нормам.

Государственная политика может кардинально повлиять на карьерные решения. Сборная России по фигурному катанию. После начала СВО и последующих санкций перед многими спортсменами, тренерами и целыми федерациями встал жёсткий выбор, диктуемый внешнеполитическим контекстом, оставить мечты об Олимпийских играх и годы тренировок или попробовать выступить под другим флагом. Общество и государство сформировали запрос на «патриотическую позицию». Спортсмены, которые решили остаться и тренироваться в России как, Этери Тутберидзе и её группа, получали мощную медийную и административную поддержку. Те, кто уехал, сталкивались с критикой. Это показывает, как крупные политические события и общественные настроения напрямую диктуют условия профессиональной деятельности спортсменов, влияя на их карьерные траектории [4].

Таким образом, профессиональный спорт и социум в России находятся в постоянной диалектической связи: спорт влияет на консолидацию, экономику и идентичность, а общество – через государство, финансы и культурные запросы – формирует саму спортивную индустрию, определяя ее приоритеты и развитие.

Нормализация насилия и дурной пример для молодежи или общественная норма? Важный вопрос, который остается без должного внимания. Драки во время хоккейных матчей, например, знаменитые потасовки в КХЛ или на футболе, публичные оскорбления в сфере смешанных единоборств. Хотя в хоккее драки частично регламентированы, для массового зрителя, особенно детей, это выглядит как разрешение решать конфликты силой. На данный момент социальный эффект недооценивается. Когда молодые фанаты видят, как их кумир участвует в массовой потасовке, это может закреплять в их сознании модель поведения, где агрессия – допустимый и даже поощряемый способ доказать свою правоту. Это подрывает воспитательные установки о недопустимости насилия. Легитимные проявления агрессии в рамках правил – силовые приёмы в хоккее, жёсткие единоборства в футболе, бокс или ММА не останутся без внимания молодежи. Согласно теории катарсиса, зрители, наблюдая за легализованной агрессией на арене, могут высвобождать собственные

негативные эмоции и напряжение. В этом случае спорт служит своего рода «социальным клапаном», снижая уровень реального насилия в обществе [1].

Иногда агрессивное поведение выходит за рамки спортивных арен. Скандалы с российскими футболистами, которые в состоянии алкогольного опьянения устраивали дебоши в общественных местах или за рулем, инциденты с Александром Кокориным и Павлом Мамаевым вызвали широкий общественный резонанс. Такое поведение вызывает волну возмущения в обществе. Спортсмены, получающие высокие зарплаты, воспринимаются как «избалованная элита», пренебрегающая нормами закона и морали. Это бросает тень на весь спорт, клубы, которые они представляют, и их спонсоров, вызывая вопросы о системе ценностей в профессиональном спорте.

Формирование культуры «контролируемой агрессии» как один из способов показа положительного примера на общество

К таковым можно отнести бойца смешанных единоборств Фёдора Емельяненко. Здесь агрессия не отрицается, а направляется в конструктивное русло. Акцент делается на дисциплине, уважении к противнику и использовании силы только в рамках строгих правил или для самозащиты. Такой подход может оказывать положительное воспитательное влияние, особенно на молодёжь, обучая контролировать свои эмоции.

Общество через СМИ и социальные сети мгновенно реагирует на скандалы. Спортсмены-нарушители сталкиваются с волной критики, потерей репутации и контрактов (например, с брендами, которые разрывают отношения из-за компрометирующих поступков). Здесь же бывают институциональные наказания: спортивные федерации и клубы вынуждены применять санкции – дисквалификацию, штрафы, отстранение от тренировок. Влияет так же давление конкуренции и ожиданий. Тому причиной являются высокие ставки в профессиональном спорте (контракты, слава, престиж клуба или страны), они создают колоссальное давление на спортсменов. Это психологическое напряжение может выливаться в вспышки гнева и неспортивное поведение, особенно в моменты неудач или провокаций. Часть общества формирует запрос на спорт, свободный от агрессии и скандалов. Это повышает интерес к таким видам, как фигурное катание, теннис, плавание, где акцент делается на эстетике и мастерстве, а не на силовом противостоянии. Но существует и обратный запрос на «спортивную злость». Зачастую тренеры и болельщики сознательно поощряют агрессивность, считая ее необходимым качеством для победы. Требование проявлять «характер», «жесткость» и «напор» создает среду, где грань между конструктивной и деструктивной

агрессией может стираться. Агрессия и поведение в целом, по своей сути являются реакциями на взаимодействие общества и спортсменов. Не-

обходимо, чтобы эти реакции не выходили за рамки приемлемых норм поведения, а следовательно контролировались (табл. 1).

Таблица 1. Исследования уровней и видов агрессии у некоторых спортсменов

№	Источник / Исследование	Суть и методология	Способ	Ключевые количественные данные
1	УралГУФК	Исследование уровня и видов агрессии у студентов 1–2 курсов спортивного вуза с помощью методики «Виды агрессии» Л.Г. Почебут	Методика «Виды агрессии» Л.Г. Почебут	Высокий уровень общей агрессии: 7% (2% юношей, 5% девушек); – Средний уровень общей агрессивности: 73%; – Низкий уровень физической агрессии: у более половины опрошенных; – Доминирующая форма у девушек: самоагрессия, затем вербальная агрессия; – Доминирующая форма у юношей: физическая и вербальная агрессия [6]
2	Сафонов В.К.	Сравнительное исследование проявлений агрессии у спортсменов и неспортсменов с использованием экспресс-методики С. Спилбергера «Шкала агрессии-агрессивности»	Шкала агрессии-агрессивности Спилбергера	Спортсмены: конструктивные механизмы проявления агрессии (используют её как инструмент для достижения цели); – Неспортсмены: значительно большая выраженность импульсивных проявлений агрессии (враждебная, неконтролируемая агрессия) [3]
3	Скибицкий И.Г., Ускова С.М.	Исследование связи между агрессивным поведением спортсменов (футбол, регби) и стилем воспитания в семье. Использованы опросы и метод экспертных оценок	Опросы; метод экспертных оценок (тренеры и товарищи по команде)	Классификация спортсменов по типам агрессивного поведения: «Агрессоры» (неконтролируемая агрессия) – 10 чел.; «Плохо контролирующая агрессию» – 21 чел.; «Разумная агрессия» – 10 чел.; «Контролирующая агрессию» – 6 чел.
4	Саврасова К.А., Костенко П.И.	Гендерные особенности агрессивности у подростков 11–13 лет, занимающихся баскетболом и лёгкой атлетикой; использование теста Басса-Дарки	Тест Басса-Дарки	Командные виды спорта (баскетбол) более агрессивны, чем индивидуальные (легкая атлетика); – Гендерные различия: мальчики более агрессивны, чем девочки [7]

На основе этих данных можно говорить о том, что спортсмены не агрессивнее неспортсменов, но учатся управлять агрессией. Ключевое различие не в уровне агрессии, а в умении направить ее в конструктивное русло. Модель поведения, усвоенная в семье, переносится на спортивную площадку и проявление агрессии влияет комплекс факторов. Поэтому это важно учитывать при взаимодействии социума со спортсменами.

Агрессивное поведение спортсменов оказывает на социум преимущественно негативное влияние, нормализуя насилие и подрывая образовательную и воспитательную функцию спорта. Однако в регламентированных формах оно может служить и социальным целям. Ключевую роль в минимизации вреда играет ответная реакция общества, которая через механизмы публичного осуждения, правового и дисциплинарного воздействия пытается ограничить и маргинализировать подобные проявления.

Заключение

Социум и спортсмены это очень тонкое и значимое взаимодействие, которое нельзя рассматривать через призму отдельных факторов – личности или

условий тренировки. Общество формирует мотивации, нормы поведения, стили воспитания и культурные ожидания, влияя на то, как в спорте проявляются агрессия, командная динамика и мотивационные установки. В свою очередь спортсмены становятся носителями и трансляторами культурных моделей, влияя на формирование ценностей подрастающего поколения и на общественный образ спорта как института. Поэтому для понимания этой области необходим междисциплинарный подход: сочетание психологии, социологии, педагогики, этики и спортивной медицины; грамотный учет контекста вида спорта, пола, возраста и региональных особенностей; а также продуманная этическая рамка и длительные, многоперспективные исследования. Только такого рода глубокий анализ позволяет разрабатывать превентивные стратегии, направленные на снижение агрессии, формирование конструктивной мотивации и гармоничное сочетание социальных функций спорта и общества.

Литература

1. Ашкинази А. С., Марищук В.Л. Сравнительная характеристика агрессии и агрессивности у единоборцев, спортсменов других специали-

- заций и спортсменов // Материалы 8-го Международного конгресса «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». Т. 1. Алматы: Мин. обр. и науки Республики Казахстан, казахская академия спорта и туризма, 2004. С. 160–162.
2. Данилова Мария Николаевна Спорт как медиакommunikationный феномен // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 3.
 3. Краев Юрий Валериевич, Мерзликин Алексей Александрович Проявление агрессии в спорте // Московский экономический журнал. 2018. № 4.
 4. Ольховский Роман Михайлович Социальные проблемы спортивного воспитания молодежи в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7.
 5. Петренко Р.А. Многоаспектность понятий «Агрессия» и «Агрессивность» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5.
 6. Тимохина Татьяна Васильевна, Гончарова Елена Викторовна Исследование уровня агрессии у студентов-первокурсников // Проблемы современного образования. 2024. № 2.
 7. Саврасова К. А., Костенок П.И. Исследование гендерных особенностей проявления агрессивности у подростков 11–13 лет, занимающихся различными видами спорта [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsjuralgufk.ru/index.php/articles/66>

ASSESSMENT OF THE SIGNIFICANCE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIETY AND PROFESSIONAL ATHLETES IN RUSSIA

Kargin N.N., Korotenko I.A.
State University of Education

The study highlights the role of the interaction between sport and society in contemporary Russia and examines the mechanisms by which sports culture influences identity, youth upbringing, the economies of regions, and the media image of sport, as well as how society, politics, and infrastructure shape sporting practice. The work aims to analyze theoretical approaches to sport as a social institution, examine empirical data on the influence of sport on social mobility, civic engagement, development, and the formation of social norms. The article demonstrates that sport functions not only as a realm of achievement but also as a powerful factor of socialization, the formation of cultural identity and regional loyalty, and it considers the reasons leading to the underestimation of the socio-cultural function of athletes.

Keywords: sport and society, socioculture, interaction of media influence, behavior, social institutions.

References

1. Ashkinazi A. S., Marishchuk V.L. Comparative characteristics of aggression and aggressiveness in martial artists, athletes of other specializations and non-athletes // Proceedings of the 8th International Congress «Modern Olympic Sport and Sport for All». Vol. 1. Almaty: Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Kazakh Academy of Sports and Tourism, 2004. Pp. 160–162.
2. Danilova Maria Nikolaevna Sport as a media communication phenomenon // Issues of the theory and practice of journalism. 2018. № 3.
3. Kraev Yuri Valerievich, Merzlikin Aleksey Aleksandrovich Manifestation of aggression in sports // Moscow Economic Journal. 2018. № 4.
4. Olkhovsky Roman Mikhailovich Social problems of modern education of evolution in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. 2017. № 7.
5. Petrenko, R. A., «The Multidimensionality of the Concepts of 'Aggression' and 'Aggressiveness',» in Humanities and Social Sciences. 2010. № 5.
6. Timokhina, Tatyana Vasilyevna, Goncharova, Elena Viktorovna, «A Study of the Level of Aggression in First-Year Students,» in Problems of Contemporary Education. 2024. № 2.
7. Savrasova, K. A., Kostenok, P. I., «A Study of Genetic Manifestations of Aggression in Adolescents Aged 11–13, Accessible under Various Sports Schedules,» in [Electronic resource]. – URL: <https://nsjuralgufk.ru/index.php/articles/66>

Детерминанты игровой реальности, обладающие практической значимостью при формировании гражданской идентичности

Салимгареев Денис Игоревич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Уфимского университета науки и технологий

Кротова Елена Юрьевна,

магистрант кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий

В статье осмысливается возможность применения игровой деятельности для формирования гражданской идентичности. Игра определяется как формат работы с человеческой вариабельностью в преломлении виртуального пространства. Определены факторы игровой самодостаточности, на основе пользовательского опыта. Обозначены эстетические и культурные траектории игры, поддерживающие связь субъектов социальных отношений.

Ключевые слова: виртуальная реальность, геймификация, гражданская идентичность, игра, культура, пользовательский опыт, социальные практики.

В современном мире игры являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Игра – возможность оставаться собой, но проявлять качества, которые не раскрываются в процессе жизнедеятельности или сознательно сдерживаются субъектом. Игровой потенциал заложен в социальные взаимоотношения, позволяя геймификации высвободить взаимодействия от несовершенных субъектами интенций в силу слаборазвитой субъектности.

Нативное восприятие игровой деятельности обращено к сфере развлечений, отдыха, спортивного состязания. Однако активное использование игротехник при конструировании бытия актуализирует потребность междисциплинарного осмысления элементов игровой реальности. Как известно, Й. Хёйзинг рассматривает игру как феномен, обладающий онтологическим статусом и выступающим первоосновой культуры. Игры – начало становления артефактов культуры: и поэзия, и музыка, и танец, и право вышли из игровых форм, подвергаясь множеству модификаций, чтобы стать частью нашей повседневной реальности. Игра повсеместна, и культура без игры, вероятно, не могла бы развиваться в системе общественных отношений, поскольку распространение самой культуры имеет деятельностный аспект. В широком смысле игровая деятельность – самостоятельная социальная практика, в качестве методологии которой выступает функциональное поле культуры. В связи с этим, дуалистическая природа игровой деятельности реализуется и в сфере досуга, и как формат накопления и передачи описательных характеристик о жизни.

В современной коннотации об игре мы знаем, что она обладает своим порядком, показывает, как автономно она может существовать благодаря упорядоченной системе, в которую входят определенные требования. Обладая витальной категорией, в игре представлен конструкт свободы действий, своя интерпретация времени и пространства, правила. Игра носит добровольный характер, обладая свободой выбора. Принуждение к игре уже перестает быть игрой, выступает детерминантой стигматизации общества за счет своего негативного эквивалента. Добровольность участия подразумевает и желания субъекта через игру проявить свои качества или ощутить свое психологическое поле. Игры похожи друг на друга внешне в своей сопернической сути, а внутри –

определенными ритуалами, которые повторяются в игровой сессии. «Отличие игры от ритуала (магии, культа) в том, что в игре есть не только ограничения, передача культурного традиционного опыта и пассивное усвоение этого опыта представителями нового поколения, как это происходит в ритуале, но свобода в выборе тактики поведения, согласно выбранной (или назначенной) роли и в рамках правил, а также – гедонистический (радостный, мажорный) настрой игры (который есть далеко не во всех ритуалах, а во многих вместо радости преобладает страх, чувство вины, печаль потери и т.д.)... Риск рождает азарт, экстремальную сторону игрового взаимодействия. Это заставляет «включаться» эмоциональную сферу человека играющего, поэтому победа в игре надолго запоминается, по эмоциональному переживанию победы в игре часто бывают сильнее окрашены, нежели реальные жизненные достижения, которые были получены без риска, в ситуации стабильного движения человека к намеченной цели. Таким образом, игра и ритуал регулируют поведение человека, но делают это по-разному, поскольку игра не только соотносится с ритуалом, но и существенно отличается от него – степенью свободы человека в игровом пространстве, риском, азартом эмоциональных проявлений, что существенно влияет на мотивацию игры, делает её интересной и привлекательной» [3, с. 290].

Игровая модальность, вероятно, может стать наиболее точным определением изменчивости личности в условиях игрового пространства, хоть и лишенным на данный момент терминологического единообразия. Мы исходим из того, что если игровая индустрия как инструмент не только присутствует в нашей жизни, но и влияет на достижение некоторого рода удовлетворенности от взаимодействия с аналоговым миром, то феномен нуждается в более глубоком осмыслении. В том числе, актуализируя возможности игрового потенциала для формирования гражданской идентичности. «Гражданская идентичность определяется, во-первых, как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющей для индивида значимый смысл; и во-вторых, как феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий эту общность как коллективный субъект» [8, с. 183]. В рамках феномена надындивидуального сознания нас интересует продукт устойчивого развития надындивидуальной памяти – организация человеческого опыта. Человеческий опыт же, аккумулируя закономерности развития в дне сегодняшнем, оберегает от поступков, лишенных прочности логической и последовательной связей, противоречащих нравственному развитию общества. Исследовательская позиция относительно факторов, играющих весомую роль при формировании гражданской идентичности, разнопланова. По на-

шему мнению, первоочередным фактором является самодостаточность. Активное участие субъекта в жизни и развитии государства начинается с осознания принадлежности к общности. В пример можно привести, как известно, автаркию полиса по Аристотелю, в которой самодостаточность государства обеспечивается рядом условий духовного и материального. Общей мыслью, говоря об автаркии личности, является самостоятельное поддержание внутреннего равновесия, что, вполне логично, требует знаний и навыков. На современном этапе игровая индустрия предоставляет возможность достижения коллективного результата (выигрыш команды) благодаря сформированной игровой автаркии. В ней нам видятся точки корреляции между навыками персонажа и игрока. «Раскрывая понятие «компьютерный игрок», некоторые исследователи отмечают его многомерный характер, фиксирующий социально значимые черты человека, которые, в свою очередь, характеризуют его включенность в общественную реальность и в реальность искусственных технологий» [13, с. 114]. Гражданская идентичность фундирует развитие общества, которое обеспечивается социальными практиками, приближенными к самому человеку, к его мировоззрению и повседневности. Ценностная ориентация подкрепляется деятельностью, что требует от социальной практики либо формирования индивидуальных отраслевых компетенций, либо встраивание имеющихся личностных компетенций в конкретную сферу. В данном контексте, игровая индустрия, в определенном ракурсе общественного сознания, выступает платформой, ведущей к осознанному пониманию общности, знакомит с нормами и содействует конструированию готовности участия в созидательной деятельности во благо общества и государства на основе «Я-концепции». Раскрытие игрового потенциала во многом сопряжено с личностным развитием. Метамодерн содержит чувственный аспект и готовность личности к участию в командных проектах, что, в свою очередь, можно представить как инструмент преобразования виртуального пространства с целью или создания, или развития квазиреальности. В таком случае самодостаточность (игровая автаркия) может содержать в себе следующие факторы:

а) управление психоэмоциональной лабильностью: реакции на события требуют оценки соразмерности, а с учетом быстроизменяющейся сюжетной линии игры – большого навыка саморегуляции. Порождение когнитивных искажений есть сфера должного, но требуется, чтобы сюжетное явление игроком как минимум было осознаваемым. Исследовательский интерес представляет пропорциональное смещение адекватности реакций на раздражители сюжетной линии (виртуальное пространство) и хаотично меняющиеся элементы окружающей действительности (реальное

пространство). Подразумевается, что с помощью игровой индустрии можно сформировать персональный новый «набор реакций» на раздражители или корректировать уже имеющийся;

б) умение адаптироваться: благодаря геймификации процессов игровая компетенция нарабатывается краткосрочно, но после осмысления может перейти в резистентную стадию. Вдобавок, корреляция между использованием игровых компетенций в реальном мире нуждается в конкретизации;

в) метамотивация «прайм-состояния»: поддержание игровой активности отчасти зависит от навыков самомотивации. Преодоление сюжетной линии и выполнение заданий подразумевают отход от однотипности игровых решений и отказ от алгоритмов, приносящих наименьшую конверсию. Ориентация на достижение результата порой в кратчайшие сроки (например, «спидран») требует (при этом, игроком такие требования не оспариваются) ответственность за наличие навыков, готовность к работе и т.п.;

г) сплит-подход к достижению цели: прохождение сюжетного задания сопряжено с ресурсной готовностью, что подразумевает последовательный переход от уровня к уровню для накопления и извлечения игрового опыта («гринд»). В таком случае реакции на «ачивки» позволяют поделить достижение конечной цели на части, улучшив их качественным прохождением общую игровую стратегию. Игровая сессия завершается принятием сплит-стратегии достижения желаемого и в аналоговом мире (оценка, деление и достижение каждой части);

д) способность к командообразованию: игровая сессия предполагает возможность действовать в едином интересе всем членам команды, подобранным случайным образом (представители культур). Ответственность за результат актуализирует потребность в наличии персональных способностей в интересах команды, обеспечения атмосферы согласия, поддержки и соучастия на этапах прохождения сюжетной линии.

Как известно, для «эффекта наблюдателя» характерно воздействие, что можно истолковать как неизбежность формирования игровой модальности. Вспоминая выражение Ж.-П. Сартра «Играть или быть ничем!», можно интерпретировать его как возможность приложить свою волю к конструированию игровой модальности, основанной, прежде всего, на доминировании разума. Открытым для экспертного сообщества остается вопрос, относительно каких феноменов и кем будет она сконструирована. «...развитость аспектов, наполненность параметров сетевой идентичности тем более, чем больше человек погружен в интернет-пространство, в ущерб реальному. Это наводит на мысли о правомерности и целесообразности разумного и критичного использования интернет-технологий и Интернета в целом, для полноцен-

ного развития личности молодых людей. Ведь несмотря на то, что испытуемые изначально осознают искусственную природу виртуального мира, тем не менее, они отождествляют ее с действительностью. Мы предполагаем, что подобная подмена может сопровождаться изменениями в сознании и самосознании современного человека, ведь последствия деятельности в Сети отражаются не на виртуальной личности, а имеют прямое отношение к реальной» [12, с. 79]. Феномен двойничества позволяет через бинарность эстетической позиции моделировать отношение субъекта к внешнему миру и другим субъектам. «Человек, выходящий, но не вышедший из безличной мифологической структуры, остающийся еще внутри мифологического сознания, не в состоянии найти свою определенность, устойчивость своего бытия. На этой неустойчивости и паразитирует двойник. Двойник прорывается к сути человека, пытается подменить ее, а порой и подменяет. Он существует, строго говоря, в волнах мифологического бытия. Именно такое балансирование на грани мифа и рациональности вводит в личностную культуру нового времени тему двойника, актуализирует ее» [5, с. 110]. Наделяя исключительностью своего двойника, которым является персонаж игры, субъект по средствам игровой телесности, внешних сходств и иных параметров закрепляет себя в виртуальности, укрепляет связь с приятным для него мифом. Виртуальность с позиции С.С. Хоружего является не до конца воплощенное существование [4, с. 72]. Вероятно, порождение игрового двойника наполняет виртуальность большим существованием, а игрока – опытом познавательной деятельности. Исследовательская практика пополняется рядом подходов в поддержку игр, как механизма, объясняющего существование и окружающую реальность: «литературно-ролевая игра обеспечивает синтез художественного и научного познания сущности понятия «человек», что даёт ребёнку исходную ориентацию в окружающем мире, в системе идеалов и ценностей, становится основой его практического отношения к людям, обществу, коллективу, труду, к самому себе, моральной мотивации» [11, с. 87] или «игровые технологии при их верном и комплексном использовании в образовательном процессе могут проявить свой воспитательно-развивающий потенциал, который, в свою очередь, может стать значимым элементом формирования принципиально новой педагогической технологии и педагогического принципа взаимодействия с обучающимися на различных образовательно-воспитательных и организационно-управленческих уровнях» [1, с. 23].

Современные тренды конструируют подходы, в которых может прослеживаться мысль: «Не важно, кто ты, важно то, как ты играешь». Игровой опыт, интернет-культура и ряд других парамет-

ров замыкаются, образуя конечный продукт «Я-бренд». «Ранее виртуальная идентичность предполагала создание новых личин прежде всего в гедонистических целях (удовольствие от проживания доселе недоступных альтернативных жизней), теперь же господствует императивный принцип: социальные сети предполагают совершенно иную структуру, которая основана на том, что современное общество являет собой общество презентаций или, точнее, общество конкурирующих презентаций. Презентации становятся главным принципом отбора во всех сферах: от публичных (в том числе политических) до частных. Презентациями являются как резюме и портфолио, которые используют при конкурсном отборе на работу, так и выверенные имиджи кандидатов на выборах в органы власти» [7, с. 157]. Такой порядок вещей может осложнять интеграцию субъекта в общность, по сути, ввиду несовпадения ценностей. При использовании игрового потенциала в формировании гражданской идентичности стоит купировать потенциальный риск расхождения ценностей медиаконтента и реальности. Добиться ощутимых результатов в этой работе возможно благодаря полноценному участию во всех вопросах игровой индустрии. В частности, создание условий для индивидуальной работы над конструированием сетевой идентичности, включая расширение социального опыта и технологии социального взаимодействия. Автаркия отчасти имеет замкнутость, но все же не изоляцию, подразумевает совмещение, что в связи с гражданской идентичностью можно рассматривать как диалектическое единство. Самоактуализация с помощью игры, через эстезис (как совокупность эстетического опыта), приводит к образу общественного целого, результата, основанного не только на логике, но и солидарной ответственности. Ответственность для сетевой субличности есть качество, олицетворяющее понимание виртуальных процессов, готовность встраиваться в групповую работу (в т.ч. через персонализированные задачи), маркер цифровой гигиены и интернет-культуры, а значит, не чужеродное или иррациональное. Однако ошибка в презентации может привести к эскапизму. Игровой мир может выступить конфликтогенным между «как есть» и «как должно быть». Эскапизм, проявляемый в игнорировании реальности, если он не связан с замещением негативных эмоций (игра как арт-терапия), может вести также к игровому опыту. Так, игровые практики как траектория эскапизма могут быть выбраны субъектом: для получения результата на основе понятного и имеющегося игрового опыта; для наработки и апробации нового игрового опыта с целью последующего применения в аналоговом мире. В таком случае игры тренируют: «Компьютерная игра расширяет игровые контексты, тем самым позволяя играющему осваивать нетипичные для

его культуры навыки, или осваивать навыки своей культуры без лишних временных или финансовых затрат» [9, с. 201]. Игровой контент подобен субституту, относительно недостижимого образа жизни в аналоговом мире. Недостижимость объясняется временными ограничениями, нехваткой компетенций и т.п. «Компьютерные игры предоставляют альтернативные пути для получения необходимых знаний и навыков, которые позволяют пользователю отказываться от недостижимой для него на данный момент цели, переключаясь на другие игровые задачи, чтобы в дальнейшем прийти к эффективному решению, наиболее удобному для игрока в зависимости от присущих ему личностных характеристик» [6, с. 81]. Нужно понимать мотивацию личности по поводу эскапизма, является ли он побегом от реальности, что требует оценки и помощи компетентных специалистов или является попыткой наработки опыта, сокращением дистанции между «иметь» и «быть». Идентичность может стать превентивной мерой от эскапизма ввиду снижения градуса социальной напряженности, развития индивидуального опыта и ряда других факторов. Ключевая мысль – содействовать через социальные практики созданию опыта преобразовательной деятельности, сокращая дистанцию между виртуальным и аналоговым мирами.

Персональная игровая модальность, на наш взгляд, является частью социально-культурного воспроизводства благодаря надындивидуальной памяти, которая скрепляется и культурным контекстом (сюжет), и пополняемым опытом (игровые действия). По данным социологического исследования, «опыт видеоигр имеют 77% опрошенных, в том числе 44% играют сейчас, а 33% играли в прошлом» [10]. Формируется феномен «игрового потенциала общества». Становится возможным «играть для общества»: выступать на соревнованиях (киберспорт) или быть частью достойных людей (игровое комьюнити). Если игровые практики отражают правила, нормы и ценности, установленные в конкретном сообществе людей, то мы говорим о социализации, которая обеспечивается в т.ч. социальной ролью «человека играющего». «Если роль рождается «внутри», если человек входит в роль – как в одну из частей себя самого (в обычной жизни – приравливаясь к изменившимся реальным обстоятельствам, в театре – осваиваясь в предлагаемых обстоятельствах сценического действия), то маска всегда приходит извне. Маска – это не органичная часть человеческого «я», не проявление его естественной жизни среди людей, но некое «чужое Я», в которое облачается, за которым скрывается – ненароком или преднамеренно – «я» истинное» [2, с. 101].

Игровой геймплей способен отражать ряд компонентов структуры гражданской идентичности: когнитивный компонент обеспечивается знаниями

о государстве, обществе, истории; эмоциональный компонент конструируется через ответственность за судьбу страны; поведенческий компонент выражается в готовности действовать в интересах общества. Игровая деятельность может усиливать подходы к формированию гражданской идентичности. «Государственная символика должна присутствовать в окружающем индивидов социокультурном пространстве, в оформлении городов, улиц, одежды и не только поощряться властями, а всегда быть модным направлением в жизни страны, в массовой культуре, а также в индивидуальной культуре [15, с. 28]». Так, психологический подход сосредоточен на эмоциональной связи субъекта и государства, устанавливается через художественный контекст игрового сценария. Социологический подход предполагает фиксацию на социальных ролях и учет прав и обязанностей в действиях субъекта, что является своеобразным нарративом персонажа. Культурологический подход предполагает передачу ценностей и норм, характерных для общества, что возможно представить в качестве сюжетных заданий. Игра представляется и естественной биологической потребностью, которая является способом расслабиться и удовлетворить потребность в психоэмоциональной разрядке. Прежде всего, за счет эстетического порядка: объект эстетического наслаждения вызывает катарсис, а в нем можно углядеть и гармонию, и ритм. Духовно-эстетическое измерение игры через гармонию и ритм представляет собой выражение творческой силы наравне с рациональным освоением мира. Игра здесь – способ творческого самовыражения субъекта, через нее проходят символические структуры культуры. Культура в данном случае – результат духовной деятельности, ориентиром которой являются метафизические ценности. В этическом плане метафизические ценности, проявляющиеся нравственностью поступков, являются частью социального запроса и приводят общество к развитию. «Основной целью и задачей культурных игр является формирование культурных моделей поведения, а также моделирование и развитие новых форм культурного поведения, которые содержат в себе элементы биологических и социальных игр, но резко от них отличаются [14, с. 99]».

Таким образом, виртуальная реальность оказывает влияние на личностную адаптацию в аналоговом мире. В качестве выводов данной статьи можно выделить следующие тезисы:

а) игровые практики имеют потенциал при конструировании бытия, прежде всего за особую упорядоченность системы, в которую входят требования. Основываясь на репрезентативных системах, нарабатывается опыт, дополняя представления субъекта о себе и своих возможностях. Соотношение общественного запроса (в рамках игры – командный результат) с собственными навыками

формирует понимание самодостаточности (на основе игровой модальности). Порождение игрового двойника – это ожидание от виртуальной реальности отклика в виде опыта познавательной деятельности;

б) потенциал раскрывается через осознанное решение личности принять активное участие в преобразовательной деятельности. Процесс социально-культурного воспроизводства с задействованием игровой индустрии приводит к раскрытию «игрового потенциала общества» и, через постановку ожиданий людей, к формированию социальной роли «человек играющий»;

в) осознание принадлежности к сообществу обеспечивается значимым смыслом для субъекта. Игровые практики, укрепляя эмоциональную связь субъекта и государства, приводят к еще большей осознанности в решениях, направленных на созидательную деятельность (в т.ч. совместную) во благо общества и государства на основе «Я-концепции».

Интернет-культура всего лишь преобразовывает компоненты аналогового мира, а не замещает их. Следовательно, направления мысли, изложенные в данной статье, не конечны, являются вектором осмысления возможностей игровой индустрии для обеспечения взаимоуважения, развития творческого потенциала личности и общества.

Литература

1. Аметова Э.К. Воспитательно-развивающий потенциал игровых технологий обучения в образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70–1. – С. 21–23.
2. Волкова Н.В. Маска, роль, двойник. К проблеме двойничества в русской литературе // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 14. – С. 101–106.
3. Гекман Н.А. Историко-культурные константы игры как основа разработки операционального понятия «Игровой ритуал» // МНКО. – 2013. – № 6 (43). – С. 288–291.
4. Егоров Н.С. Категория виртуальности в истории философии от XIX века до современности // Colloquium-journal. – 2019. – № 2–3 (26). – С. 71–74.
5. Кантор В.К. Любовь к двойнику. Двойничество – миф и реальность русской культуры // Философский журнал. – 2013. – № 2 (11). – С. 107–125.
6. Маркин И.Д. Образовательный потенциал компьютерных игр // Проблемы науки. – 2023. – № 3 (77). – С. 81–84.
7. Мартыанов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // ПОЛИТЭКС. – 2014. – № 4. – С. 142–160.

8. Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 1. – С. 181–188.
9. Резвушкина С.А. Видеоигры как цифровая попытка прикоснуться к мифологическому // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 1. – С. 196–216.
10. Российская игровая консоль: игра стоит свеч!. – Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-igrovaja-konsol-igra-stoit-svech> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Сергеичева Г.Г., Желтова Т.А. Педагогический потенциал игры как способа развития личности дошкольника // Вестник БГУ. – 2014. – № 1. – С. 84–88.
12. Фленина Т.А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – № 178. – С. 76–79.
13. Чуева Е.Н., Москоленко Д.В. Особенности идентификации личности с игровыми персонажами онлайн-игр // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 2 (113). – С. 112–120.
14. Шинкаренко В.Д. Структура и функция игры // Философия и общество. – 2006. – № 1 (42). – С. 96–116.
15. Шинкаренко В.Д. Знаково-смысловые структуры в формировании нации // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2015. – № 1. – С. 18–29.

DETERMINANTS OF GAME REALITY WITH PRACTICAL SIGNIFICANCE IN THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY

Salimgareev D.I., Krotova E.Yu.

Ufa University of Science and Technology

This article explores the potential of using game-based activities to form civic identity. Game is defined as a format for working with human variability as reflected in virtual space. Factors of game self-sufficiency are identified based on user experience. Aesthetic and cultural trajectories of gameplay that support connections between actors in social relations are outlined.

Keywords: virtual reality, gamification, civic identity, game, culture, user experience, social practices.

References

1. Ametova E.K. Educational and developmental potential of game-based learning technologies in education // Problems of modern pedagogical education. – 2021. – № 70–1. – Pp. 21–23.
2. Volkova N.V. Mask, role, double. On the problem of duality in Russian literature // Language and Culture (Novosibirsk). – 2014. – № 14. – Pp. 101–106.
3. Gekman N.A. Historical and cultural constants of the game as a basis for developing the operational concept of «Game ritual» // MNKO. – 2013. – № 6 (43). – Pp. 288–291.
4. Egorov N.S. The category of virtuality in the history of philosophy from the 19th century to the present day // Colloquium-journal. – 2019. – № 2–3 (26). – P. 71–74.
5. Kantor V.K. Love for a Double. Duplicity – Myth and Reality of Russian Culture // Philosophical Journal. – 2013. – № 2 (11). – P. 107–125.
6. Markin I.D. Educational Potential of Computer Games // Problems of Science. – 2023. – № 3 (77). – P. 81–84.
7. Martyanov D.S. Network Identity: Transformation of the Phenomenon and Approaches to Study // POLITEX. – 2014. – № 4. – P. 142–160.
8. Monastyrsky D.V. Civic Identity: Theoretical Approaches to Research and Factors Shaping It // Humanitarian of the South of Russia. – 2017. – № 1. – P. 181–188.
9. Rezvushkina S.A. Video games as a digital attempt to touch the mythological // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 1. – Pp. 196–216.
10. Russian game console: the game is worth the candle! – Text: electronic // VTsIOM: [website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-igrovaja-konsol-igra-stoit-svech> (date of access: 01.12.2025).
11. Sergeicheva G.G., Zheltova T.A. Pedagogical potential of the game as a way of developing the personality of a preschooler // Bulletin of BSU. – 2014. – № 1. – Pp. 84–88.
12. Flenina T.A. Network Identity in the Self-Consciousness of Russian Youth // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. – 2015. – № 178. – Pp. 76–79.
13. Chueva E.N., Moskolenko D.V. Features of Personal Identification with Game Characters in Online Games // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2020. – № 2 (113). – Pp. 112–120.
14. Shinkarenko V.D. Structure and Function of the Game // Philosophy and Society. – 2006. – № 1 (42). – Pp. 96–116.
15. Shinkarenko V.D. Sign-Semantic Structures in Nation Formation // Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. – 2015. – № 1. – Pp. 18–29.

Исторические формы городского пространства: от сакральной топографии к индустриальной рационализации

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье рассматривается эволюция городского пространства как исторически изменяющейся формы социально-философского мышления: от античного полиса, где планировка и распределение функций выступают пространственным воплощением космического и морального порядка, к христианской «священной топографии» средневекового города и далее, к ренессансно-просветительской модели рационального, геометрически организованного урбанизма. Показано, как в индустриальную эпоху город превращается в функциональную инфраструктуру производства, сегрегации и контроля, а философские интерпретации Маркса, Энгельса, Вебера и Зиммеля фиксируют становление капиталистической и бюрократической логики пространства. Отдельное внимание уделяется повороту философии XX века к пониманию пространства как социально производимого и конфликтного: концепциям А. Лефевра (производство пространства и «право на город»), М. Фуко (дисциплинарная архитектура), В. Беньямина (город как текст и опыт фланёра), Д. Харви (политическая экономия урбанизма), а также российским подходам (Мамардашвили, Щедровицкий, Библер) и феноменологии/постструктурализму (Мерло-Понти, Де Серто, Бодрийяр, Бауман). В заключение обосновывается актуальность парадигмы платформенно-цифрового урбанизма, где город мыслится как алгоритмически управляемая среда, формируемая платформами, данными и инфраструктурами наблюдательного капитализма. В итоге город определяется как медиум смыслов, власти и субъектности, а не нейтральный фон человеческого существования.

Ключевые слова: городское пространство; философия города; сакральная топография; полис; *civitas dei*.

Античные города-государства формировались не только как центры власти и торговли, но как пространственные воплощения космического и морального порядка. Концепция «полиса» у Платона и Аристотеля соединяет философию бытия и практику градостроительства [10, с. 33]. В «Государстве» Платон моделирует каллиполис – идеальный город, отражающий справедливое устройство души [12, с. 13]. Пространственное распределение классов (философы, воины, ремесленники) не случайно: оно символизирует гармонию и иерархию мироздания. У Аристотеля в «Политике» город предстает как «естественная форма совместной жизни», целью которой является не выживание, а «хорошая жизнь» (εὖζῆν) [2, с. 25]. Таким образом, уже в античности пространство города мыслится как структура ценностей, а не только практическая форма расселения.

Античная урбанистика включала в себя сакральный центр (акрополь, храм), рыночную площадь (агора) и театральные/политические пространства (эκκλησία, буле) [14, с. 379]. Их размещение подчинялось не столько экономической логике, сколько религиозно-политической символике. Город представлял собой микрокосм: порядок улиц, ориентация зданий, высота храмов отражали структуру мира и социальной иерархии. Эта пространственная символика служила не только эстетике, но и формированию гражданской идентичности.

Архитектурные трактаты Витрувия и практики градостроительства древнего Рима также демонстрируют сплав утилитарного и сакрального [4, с. 61]. Например, *cardo* и *decumanus* – главные оси города, формировали крестообразную структуру, напоминающую космическую ось мира¹. Римский форум являлся одновременно центром власти, права, жертвоприношения и торговли [13, с. 108]. Таким образом, пространственная логика античного города воплощала в себе представление о согласии между миром богов, законом и жизнью граждан. Пример Афин, где на Пниксе собиралась *экклесия*, показывает, как физическое пространство служит реализации идеала *изономии* – ра-

¹ Примечание: *Cardo* и *Decumanus* – это ключевые понятия античной римской градостроительной системы, обозначающие две главные улицы, пересекающиеся под прямым углом: перекресток *Cardo* и *Decumanus* создавал осевую структуру города, определяющую квартальную застройку. Такая планировка символизировала упорядоченность мира, соединяя утилитарное, административное и сакральное.

венства граждан в доступе к высказыванию [20, с. 235]. Город в античности не просто место обитания: он – сцена проявления гражданской добродетели, поле действия духа полиса.

С переходом к христианству пространственная структура города подвергается радикальной трансформации. Город становится местом не светского порядка, а телесным воплощением *Civitas Dei* – «града Божьего» [16, с. 56]. У А. Августина в одноимённом трактате земной город противопоставляется небесному: первый – город грешной любви к себе, второй – любви к Богу. Однако и земной город должен стремиться к идеалу Небесного Иерусалима [3, с. 24].

Средневековые города формировались вокруг кафедральных соборов, монастырей и епископских резиденций. Центральная вертикаль (шпиль собора) указывала на трансцендентную направленность [9, с. 33]. Пространство сегментировалось по сословному признаку: замок, рынок, епископский двор, ремесленные кварталы. Сакральное начало диктовало урбанистику: крестовые планы, размещение храмов по оси восток–запад, почитание реликвий в пространстве [15, с. 55]. Христианская символика определяла восприятие места и движения: путь паломника, лестница добродетелей, пространство искупления.

Монастырские города (например, Клуни, Сен-Галлен) представляли собой идеальные модели теократического порядка [1, с. 176]. Город становится не ареной свободы, как у греков, а местом покорности, смирения, подготовки к вечности. Тем не менее, именно в средневековых городах Европы зарождается идея автономии: городские коммуны (в особенности в Италии и Священной Римской империи) добиваются привилегий, самоуправления, независимых судов. Возникает двойственность: с одной стороны, город – это локус сакрального порядка; с другой – пространство новой юридической и политической субъектности.

Константинополь, Киев, Новгород и другие крупные центры демонстрируют слияние сакрального и административного: здесь собор – не просто храм, но место утверждения власти (митрополита, князя) [18, с. 56]. Пространство святого, доминирующее и повседневное, вплетены в логику «священной топографии», которую анализировал М. Элиаде в рамках мифопоэтики пространства: любое место «по-настоящему» становится центром мира, если в нём проявляется сакральное [17, с. 27].

С наступлением Ренессанса в западной культуре происходит возвращение к античным формам, но уже в свете христианской и гуманистической антропологии. Возникает образ идеального города как гармоничного пространства, в котором выражается разумное устройство мира. Архитекторы и философы эпохи Возрождения (А. Филарете, Л. Альберти, Л. да Винчи) [19, с. 112] проектируют

города как симметричную, геометрически выверенную структуру, где сакральный центр вытесняется эстетикой и функциональностью. Здесь особенно показателен проект Л. да Винчи «идеального города» – многоуровневая система движения пешеходов, транспорта, воды и воздуха, пронизанная логикой рационального порядка [8, с. 254].

На философском уровне эти идеи развиваются в трудах Т. Мора и Т. Кампанеллы. В «Утопии» Т. Мора город предстает пространством равенства и порядка: одинаковые дома, упорядоченные улицы, централизация труда [11, с. 56]. Т. Кампанелла в «Городе Солнца» строит город как метафизическую модель космоса: кольцевая структура, отражающая уровни знания и добродетели [7, с. 42]. В обоих случаях пространство становится инструментом педагогики: оно не просто выражает порядок, но формирует его в обитателях.

Декартовская концепция мышления как порядка распространяется и на пространство. В «Рассуждении о методе» Р. Декарт пишет о построении нового города, сравнивая его с реформой знания: лучше начать заново, по заранее заданному плану [5, с. 19]. Эта идея находит отражение в практике урбанистики XVII–XVIII вв.: Париж, Берлин, Санкт-Петербург строятся по прямолинейной системе осей, подчиненной идее симметрии, транспарентности, надзора [6, с. 81]. Пространство становится «рассудочным»: каждый элемент должен быть видим, доступен, управляем.

Анализ философских подходов к городскому пространству показывает, что его осмысление никогда не было нейтральным или исключительно утилитарным. От сакральной топографии до симулякра, от города-утопии до гетеротопии – каждый исторический этап раскрывает разные онтологии города, задаёт свои эпистемологии, предлагает уникальные политические и антропологические конфигурации.

Город Средневековья строился как знак Бога, город Возрождения как геометрическая проекция порядка, индустриальный город как капиталистическая машина. Модерн верил в управляемость пространства, а постмодерн признал его множественность и неустойчивость. Пространство перестало быть только декорацией и стало активным субъектом философии, оно не только производит смыслы, но и структурирует мышление, аффекты, тело, идентичность.

Социальная философия города демонстрирует, что пространство – это всегда результат конфликта, напряжения между телом и властью, между капиталом и повседневностью, между нормативностью и инаковостью. А. Лефевр, М. Фуко, В. Беньямин, Д. Харви, М. Мамардашвили, В. Библер, М. Мерло-Понти, М. де Серто, все они подчеркивают, что город – это способ организации опыта, а не просто архитектурный феномен. Важно также отметить, что философия города требует междис-

циплинарного подхода: она не может существовать вне диалога с социологией, архитектурой, антропологией, культурологией.

Обобщая проведенный анализ, можно утверждать, что исторические формы городского пространства представляют собой не просто череду архитектурных или инженерных решений, а выражение кардинальных изменений в философии человеческого существования, общества и власти. Каждая эпоха не столько строила города, сколько встраивала в них собственную онтологию и антропологию, превращая пространство в медиум смыслов, норм, конфликтов и утопий. От сакральной геометрии античного полиса, воплощавшей космический и моральный порядок, через средневековый град как образ иерархии спасения и подчинения, к рационализированному городу Нового времени и дисциплинарной решётке индустриальной эпохи – в каждом случае город становился материальным отражением представлений о добре, власти, времени, справедливости и человеческом предназначении.

Литература

1. Анисимова А.А. Участие монастыря в религиозной жизни своих горожан (на примере английских монастырских городов) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2022. № 32. С. 176–178.
2. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. А.Д. Глаголева. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Блаженный Августин. О граде Божьем: в 2 т. / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. С.А. Аверинцева. М.: Наука, 1998. Т. 1. 650 с.
4. Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. с лат., вступ. ст. и примеч. Ф.Ф. Соколова. М.: Наука, 1993. 320 с.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. с франц. В.С. Сергеич. М.: Мысль, 1994. 180 с.
6. Исаченко Т.Е., Исаченко Г.А. Городской ландшафт: функция и идея // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 81–100.
7. Кампанелла Т. Город Солнца / пер. с итал. Я.И. Амуса, вступ. статья и коммент. Л.М. Брагиной. М.: Наука, 1983. 128 с.
8. Леонардо да Винчи. Книга о живописи. Архитектурные и инженерные записки / пер. с ит. и коммент. А.А. Губера. М.: Искусство, 1978. 254 с.
9. Лисина Е.А. Города западноевропейского Средневековья: готика как метафора монотеизма // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2018. № 4–2. С. 33–38.
10. Мищенко И.А. Философские основания античного полиса у Платона и Аристотеля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Конфликтология. Культурология. Политология. 2015. Вып. 3. С. 33–37.
11. Мор Т. Утопия / пер. с лат., вступ. статья и коммент. Н.Д. Тамарченко. М.: Мысль, 1990. 336 с.
12. Платон. Государство / пер. с древнегреч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1994. 592 с.
13. Сабитова А.И. К понятию «общественные пространства города» // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2023. № 2 (2). С. 108–116.
14. Сильнов А.В. Архитектурно-пространственные элементы античного полиса // Инженерный вестник Дона. 2025. № 1 (121). С. 379–391.
15. Соколова С.В. Город в Средние века: упадок и возрождение // Муниципальная академия. 2019. № 3. С. 55–61.
16. Храмешин С.Н. Генезис философско-политической мысли Блаженного Августина и формирование политического августинизма в контексте учения о «двух градах»: дис. ... канд. филос. наук / Российский университет дружбы народов. М., 2022. 175 с.
17. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. А.Б. Есина. М.: Наука, 1994. 27 с.
18. Этингер О.Е. Контакты домонгольской Руси с художественными центрами византийского мира (конец XI – начало XIII века). М., 2023. 300 с.
19. Ямпольский М.Б. Философия архитектуры Ренессанса: от Филарете до да Винчи // Проблемы эстетики и теории искусства. М.: Наука, 2015. 112 с.
20. Nikolsky B.M. Dikaiopolis in Despair (Aristophanes' Acharnians 30–31) // Philologia Classica. 2022. Т. 17, № 2. Р. 235.

HISTORICAL FORMS OF URBAN SPACE: FROM SACRED TOPOGRAPHY TO INDUSTRIAL RATIONALIZATION

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article examines the evolution of urban space as a historically changing form of socio-philosophical thinking: from the ancient polis, where the layout and distribution of functions are the spatial embodiment of cosmic and moral order, to the Christian «sacred topography» of the medieval city and further to the Renaissance – enlightenment model of rational, geometrically organized urbanism. It shows how, in the industrial era, the city turns into a functional infrastructure of production, segregation and control, and the philosophical interpretations of Marx, Engels, Weber and Simmel record the formation of capitalist and bureaucratic logics of space. Special attention is paid to the turn of twentieth-century philosophy towards understanding space as socially productive and conflictual: the concepts of A. Lefebvre (the production of space and the «right to the city»), M. Foucault (disciplinary architecture), V. Benjamin (the city as a text and Flaneur's experience), D. Harvey (the political economy of urbanism), as well as Russian approaches (Mamardashvili, Shchedrovitsky, Bibler) and phenomenology/poststructuralism (Merleau-Ponty, De Certeau, Baudrillard, Bauman). In conclusion, the relevance of the paradigm of platform-digital urbanism is substantiated, where the city is thought of as an algorithmically controlled environment formed by platforms, data and infrastructures of observational capitalism. As a result, the city is defined as a medi-

um of meanings, power and subjectivity, rather than a neutral background of human existence.

Keywords: urban space; philosophy of the city; sacred topography; polis; civitas dei.

References

1. Anisimova A.A. Participation of the monastery in the religious life of its citizens (on the example of English monastic towns) // Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. 2022. № 32. pp. 176–178.
2. Aristotle. Politics / translated from ancient Greek by A.D. Glagolev. Moscow: Mysl, 1983. 830 p.
3. Campanella T. The City of the Sun / translated from Italian by Ya.I. Amusa, intro. article and comment by L.M. Bragina. Moscow: Nauka, 1983. 128 p.
4. Descartes, R. Reasoning about the method / translated from French by V.S. Sergeich. Moscow: Mysl, 1994. 180 p.
5. Eliade M. The Sacred and the mundane / translated from French by A.B. Yesin. Moscow: Nauka, 1994. 27 p.
6. Etingoff O.E. Contacts of pre-Mongol Russia with the artistic centers of the Byzantine world (late XI – early XIII century). Moscow, 2023. 300 p.
7. Isachenko T.E., Isachenko G.A. Urban landscape: function and idea // Geographical environment and living systems. 2023. № 2. pp. 81–100.
8. Khrameshin S.N. The genesis of the philosophical and political thought of St. Augustine and the formation of political Augustinism in the context of the doctrine of the «two degrees»: dis. ... PhD in Philology. Sciences / Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 2022. 175 p.
9. Leonardo da Vinci. A book about painting. Architectural and engineering notes / translated from it. and commentary by A.A. Guber. Moscow: Iskusstvo, 1978. 254 p.
10. Lisina E.A. Cities of the Western European Middle Ages: Gothic as a metaphor for Monotheism // Decorative art and the object-spatial environment. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after S.G. Stroganov. 2018. № 4–2. pp. 33–38.
11. Mishchenko I.A. Philosophical foundations of the ancient polis in Plato and Aristotle // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 6: Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Political science. 2015. Issue 3. pp. 33–37.
12. Mor T. Utopia / translated from Latin, intro. article and comment by N.D. Tamarchenko. Moscow: Mysl, 1990. 336 p.
13. Nikolsky B.M. Dikaiopolis in Despair (Aristophanes' Acharnians 30–31) // Philologia Classica. 2022. Vol. 17, № 2. p. 235.
14. Plato. The State / translated from ancient Greek by V.S. Nersesyants. Moscow: Mysl, 1994. 592 p.
15. Sabitova A.I. On the concept of «public spaces of the city» // Architecture. Restoration. Design. Urbanistics. 2023. № 2 (2). pp. 108–116.
16. Silnov A.V. Architectural and spatial elements of the ancient polis // Engineering Bulletin of the Don. 2025. № 1 (121). pp. 379–391.
17. Sokolova S.V. The city in the Middle Ages: decline and rebirth // Municipal Academy. 2019. № 3. pp. 55–61.
18. St. Augustine. About the city of God: in 2 volumes / translated from Latin, introductory article and commentary by S.A. Averintsev. Moscow: Nauka, 1998. Vol. 1. 650 p.
19. Vitruvius. Ten books about architecture / translated from Latin, intro. and notes by F.F. Sokolov. Moscow: Nauka, 1993. 320 p.
20. Yampolsky M.B. Philosophy of Renaissance architecture: from Filaret to da Vinci // Problems of aesthetics and theory of art. Moscow: Nauka, 2015. 112 p.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этническая идентичность и потребность в изучении хакасского языка у подростков хакасского этноса: по материалам исследования

Канзычакова Надежда Германовна,

научный сотрудник ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»
E-mail: kanzychakova.nadia@yandex.ru

Данная статья посвящена рассмотрению этнической идентичности и потребности в изучении родного языка на примере подростков хакасской национальности. Работа основана на данных опроса, проведенного в 2025 г. в городе Абакане и районах республики. В исследовании приняли участие подростки хакасы в возрасте от 13 лет до 17 лет ($n = 755$). Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19. По результатам исследования установлено, что большинство подростков считают хакасский язык родным (68,9%), фактически свободно владеют им лишь больше половины опрошенных (46,2%). Большинство подростков предпочитают повседневное общение на русском языке.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, хакасский язык, подростки хакасского этноса.

Введение

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования, связанные с изучением этнической идентичности. Этническая идентичность является важной составляющей любой культуры, играющая значительную роль в формировании сознания, мировоззрения и самооощущения человека. Одной из центральных функций этнической идентичности является передача культурных ценностей и традиций последующим поколениям, что непосредственно связано с владением родным языком. Однако в современных условиях языковая среда быстро изменяется, языки подвергаются ассимиляции и воздействию глобализации, что создает риски утраты родных языков и культурных традиций. Изучение роли родного языка в структуре идентичности становится значимым направлением в современной научной парадигме.

Актуальность исследования заключается в том, что под воздействием доминирующего (русского) языка уменьшается количество свободно говорящих, читающих и пишущих на родном (хакасском) языке, уменьшается потребность в изучении языка и т.п. Также осложняет тем, что увеличиваются межэтнические браки и высокий рост миграционных процессов, и все эти перечисленные факторы могут привести к исчезновению хакасского языка [2].

На основании последних данных, этническая принадлежность перестает быть единственным фактором при выборе родного языка детьми [6]. В регионах с полиэтническим составом населения, где доминирующая этническая группа находится в меньшинстве, наблюдается тенденция к ограничению сферы применения родного языка в общественной жизни. Это скорее всего обусловлено тем, что языки коренных народов в основном утрачивают свою актуальность в современном обществе, сохраняясь преимущественно как носители народного творчества и культурного наследия [5].

На основании социологических исследований, среди коренных народов преобладает прагматический подход к вопросу изучения родного языка. Основной причиной, по которой представители этой группы отказываются от его освоения, является отсутствие реальной потребности в его изучении [4].

Язык является одним из маркеров этнической идентичности и выполняет сразу несколько функ-

ций: когнитивную (позволяет познавать мир), коммуникативную (служит инструментом общения) и идентифицирующую (формирует чувство принадлежности к этнической группе). Поэтому изучение родного языка становится необходимым элементом воспроизводства этнической идентичности, сохранения традиций и самобытности народа [1].

Исследование, проведенное автором статьи и сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 2018 г., показало, что главным характерным признаком этноса является родной язык. Отвечая на вопрос, «что роднит Вас с людьми Вашей национальности?», респонденты отметили (по убывающей): язык; культура, традиции, обряды; родная земля, природа; территория; историческое прошлое; внешний облик; черты характера, психология; религия; общность экономической жизни. Респонденты называли язык, хотя и не уточняли о чем идет речь, о знании языка или об использовании языка при общении. Вместе с тем по итогам опроса 2024 г., проведенного среди людей, рожденных в национально-смешанных браках, язык не стал главным признаком. Например, для метисов на первом месте по значимости оказалась «родная земля, природа» (53,9%), «культура и традиции» (43,3%) и лишь потом «язык» (35,8%).

Существуют различные подтверждения о том, что между языком и этнической идентичностью есть тесная взаимосвязь. Язык часто оказывает огромное влияние на формирование этнической идентичности. И в связи с этим нами проведено исследование с целью выявления взаимосвязи этнической идентичности обучающихся хакасской национальности и потребности в изучении родного (хакасского) языка.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса подростков хакасского этноса, которые проживают в республике. Выборка квотная: по полу, возрасту ($n = 755$). Метод опроса – формализованное интервью по месту жительства респондента. Респонденты – подростки хакасы в возрасте от 13 лет до 17 лет, проживающие в г. Абакане и в сельских поселениях республики. Исследование было проведено в 2025 г. Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19.

Результаты и обсуждение

Место рождения и проживания напрямую связано с уровнем владения родным языком. В моноэтнической и монологичной среде владение родным языком, как правило, достигает высокого уровня. Это

обусловлено тем, что язык является важным инструментом в повседневной деятельности и без свободного владения им будет весьма затруднительно. Если рассматривать республику, то среди городов Хакасии в Абакане большего всего проживает хакасов, но от общей численности населения составляют незначительную часть. В сельских районах Хакасии удельный вес хакасов преимущественно в Аскизском районе, в Таштыпском районе, в Бейском районе, а в остальных районах доля хакасов меньше (Ширинский, Орджоникидзевский, Алтайский, Усть-Абаканский и Богградский) [3].

По результатам исследования мы получили следующие результаты: (68,9%) подростков указали, что родной язык для них хакасский, (23,6%) респондентов считают родным языком русский, (7,5%) затруднились с ответом. Если смотреть по районам республики и городу Абакан, то родным языком хакасский считают (74, 6%) из Аскизского района, (64%) из Таштыпского района, (62%) из Абакана. Респонденты из Алтайского района (43%) считают, что для них родным языком является русский. Хотя большинство подростков идентифицируют хакасский язык как родной, но фактический уровень владения им остается относительно низким уровне, составляя (46,2%). Почти четверть опрошенных (26,2%) не владеют языком, тогда как еще около четверти (27,5%) затруднились объективно оценить свою компетентность в нем. Опрошенные Таштыпского района (59%), Аскизского района (51%), Абакана (35%) указали, что знают хакасский язык и владеют им, а (49%) Алтайского района не владеют хакасским языком. В связи с тем, что в этих районах проживает меньше хакасов, то используют язык в меньшей степени и уровень владения языком меньшей степени.

При выборе наиболее подходящего суждения (65,6%) отметили, что им важнее владеть в совершенстве и русским, хакасским языками. Лучше владеть в совершенстве хакасским языком, чем русским (8,1%), подчеркивая значимость хакасского языка. Но вместе с тем, значимая доля (19,2%) хакасских подростков высказала предпочтение лучше знать русский язык, нежели хакасский, что отражает влияние доминирующего русского языка.

По результатам исследования среди тех, кто хоть немного знаком с хакасским языком, большинство используют его лишь в бытовых условиях (21,2%). Небольшая часть респондентов владеет языком на достаточном уровне, а именно свободно им пользоваться как в устной, так и в письменной форме (17%). Значительная хакасских подростков (38%) в основном понимают хакасскую речь, но не проявляют активной разговорной практики. Затруднились с ответом на этот вопрос (9%) опрошенных подростков хакасского этноса. Например, в Аскизском районе и Таштыпском (26% и 19% соответственно) могут изъясняться на бытовом

уровне, свободно общаются на хакасском языке (19%) респондентов Аскизского района и (27%) Таштыпского. Не понимают и не говорят на хакасском языке (39%) подростков из Бейского района.

Если говорить об языке общения внутри семьи выяснилось, что большая часть хакасских подростков (52,7%) предпочитают русский язык для общения с близкими. (30,9%) семей используется двуязычие, когда с одними родственниками говорят по-хакасски, а с другими по-русски (4,4%). Небольшая часть подростков общаются в семье исключительно на хакасском языке (10,5%), (1,6%) затруднились с ответом на каком языке они разговаривают дома.

Использование хакасского языка в школе, общественных местах или в общении с друзьями, также ограничено. (60,1%) опрошенных не используют хакасский язык в этих ситуациях, и только (28,2%) активно пользуются хакасским языком в школе, с друзьями, в общественных местах. К сожалению, такая тенденция приводит к сокращению владения хакасским языком среди подрастающего поколения и укреплению русского языка в их жизни.

В рамках нашего исследования мы выявили причины, по которым подростки не владеют хакасским языком. Оказалось, что основным фактором является языковая среда внутри семьи и ближайшего окружения, а именно (27,3%) сообщили, что, несмотря на знание хакасского языка родителями, в семье принято было общаться на русском языке, так как так удобнее. (19,9%) указали, что хакасский язык знает только один из родителей и в связи с этим он не используется в семейном общении, (9,4%) выросли в преимущественно русскоязычной среде. Таким образом, особую важность в сохранении родного языка играет семья, которая предопределяет языковую картину для молодого поколения и является главным механизмом передачи языка является внутрисемейное общение [6].

(20,8%) опрошенных подростков желают выучить хакасский язык, (31,5%) указали, что уже учат хакасский язык и (9,4%) не желают учить.

Вместе с тем, что хакасский язык используется в повседневной жизни подростками-хакасами ограничено, многие (68,7%) убеждены в необходимости владения хакасским языком. Также мы спросили респондентов «С какой стороны Ваш этнос отличается от других этнических общностей?» (69%) подростков считают, что не лучше и не хуже, (28,7%) отметили с лучшей, чем у других. Это может свидетельствовать о сохранившемся интересе и уважении к языку своего хакасского народа и этнической культуре.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что существует связь места проживания респондента с уровнем

владения хакасским языком. Наиболее высокое владение хакасским языком зафиксировано в местах компактного проживания хакасов (Аскизский, Таштыпские района). Несмотря на этническую самоидентификацию большинства подростков и признания хакасского языка родным большинством подростков, уровень его практического владения остается низким. Речь в основном понимается, но редко используется активно. Хакасский язык практически не звучит в семьях, и даже в двуязычных семьях преобладает русский язык. Важнейшую роль в поддержании хакасского языка играют семья и они закладывают основу для формирования. Но вместе с тем, среди значительной доли подростков есть заинтересованность в изучении родного (хакасского) языка, что свидетельствует о наличии позитивного отношения к своей этнической идентичности и важности сохранения языка. Однако существующая ограниченность ежедневного использования хакасского языка и преобладание русского языка указывают на необходимость поддержки семейного воспитания и стимулирования интереса подростков к изучению и активному применению хакасского языка в повседневном общении.

Литература

1. Бокаев Б.Н. Язык как фактор этнической идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5. 2011. С. 95–100.
2. Канзычакова Н.Г. Этническая идентичность учащихся хакасской национальности и потребность в освоении родного языка // Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве: познание и преподавание: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 30–31 октября 2025 г.) / науч. и отв. ред. И.П. Амзаракова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2025. С. 15–16.
3. Лушников О.Л., Трошкина И.Н. Оценка этноязыковой ситуации в Хакасии (по материалам социологического исследования 2020 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2021. 82 с.
4. Лушников О.Л. Языковое поведение современных хакасов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 119–126.
5. Пивнева Е.А. Пути и возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. 2014. С. 58–65.
6. Ткачук Н.В. Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1 (15). С. 138–149.

ETHNIC IDENTITY AND THE NEED TO STUDY THE KHAKASS LANGUAGE AMONG TEENAGERS OF THE KHAKASS ETHNIC GROUP: BASED ON RESEARCH MATERIALS

Kanzychakova N.G.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

This article is devoted to the consideration of ethnic identity and the need to learn their native language using the example of teenagers of Khakass nationality. The work is based on data from a survey conducted in 2025 in the city of Abakan and the regions of the republic. The study involved Khakass adolescents aged 13 to 17 years (n=755). The data was processed using the IBM SPSS Statistics 19 statistical data processing application package. According to the results of the study, most teenagers consider the Khakass language to be their native language (68.9%), but in fact, only more than half of the respondents (46.2%) are fluent in it. Most teenagers prefer to communicate in Russian on a daily basis.

Keywords: identity, ethnic identity, Khakass language, and teenagers of the Khakass ethnic group.

References

1. Bokaev B.N. Language as a factor of ethnic identity // Current issues in humanities and natural sciences. № 5. 2011. Pp. 95–100.
2. Kanzchakova N.G. Ethnic identity of Khakas schoolchildren and the need to master their native language // Ethnic group, language, culture in the communicative space: cognition and teaching: proceedings of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation (Abakan, October 30–31, 2025) / scientific and responsible editor I.P. Amzarakova. – Abakan: Publishing House of FSBEI HE «Khakas State University named after N.F. Katanov», 2025. Pp. 15–16.
3. Lushnikova O. L., Troshkina, I.N. Assessment of the ethno-linguistic situation in Khakassia (based on the materials of a sociological survey of 2020). – Abakan: Khakas Book Publishing House named after V.M. Torosov, 2021. 82 p.
4. Lushnikova O.L. Language behavior of modern Khakas // Proceedings of Tula State University. Humanities sciences. 2021. № 2. Pp. 119–126.
5. Pivneva E.A. Ways and possibilities of preserving Ob-Ugric languages and cultures in the context of globalization: the experience of Yugra // Proceedings of the Karelian Scientific Center of the RAS. № 3. 2014. Pp. 58–65.
6. Tkachuk N.V. The role of the family in preserving the native languages of small peoples: a sociological survey of schoolchildren in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra // Social competence. 2020. Vol. 5. № 1 (15). Pp. 138–149.

«Обучение служением» как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета: социологический анализ

Зайцева Ирина Александровна,

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук ЕГУ им. И.А. Бунина
E-mail: zaitsevairin@mail.ru

В статье анализируется технология «Обучение служением» как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета. Методология исследования включает системный анализ научной литературы по проблематике «третьей миссии» и социально-ориентированного образования, а также обобщение эмпирических данных, полученных в ходе анкетирования. Результаты исследования демонстрируют, что интеграция образовательных задач с социально-полезной деятельностью способствует достижению целей «третьей миссии» за счет укрепления связей университета с местными сообществами и решения актуальных социальных проблем силами студентов и преподавателей; обеспечивает синергетический образовательно-воспитательный эффект (с одной стороны, студенты развивают ключевые профессиональные компетенции (применение теории на практике, проектная работа), с другой – у них формируются социально-гражданские качества: эмпатия, чувство личной и гражданской ответственности, готовность к волонтерской деятельности. Технология «Обучение служением» воспринимается самими студентами как наиболее эффективный формат формирования гражданской активности, что подтверждает высокую субъективную значимость данного опыта. Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы могут быть использованы для проектирования и корректировки образовательных программ, нацеленных на усиление социально-воспитательной функции университетов. Материалы статьи обосновывают необходимость перехода от разовых волонтерских акций к системной интеграции «служения» в учебный процесс для достижения устойчивых образовательных и социальных результатов.

Ключевые слова: обучение служением, третья миссия университета, гражданское образование, практико-ориентированное обучение, образовательные технологии, вовлеченность студентов.

Современный социальный заказ, адресованный российской системе образования, заключается в формировании у студенческой молодежи устойчивых этических принципов и активной гражданской позиции. Общество испытывает потребность в педагогах-наставниках нового типа, чья роль выходит за рамки трансляции знаний и включает в себя воспитание социальной ответственности, эмпатии и способности к критической рефлексии. В выступлении на Государственном Совете по молодежной политике (декабрь 2022 г.) Президент РФ Владимир Путин отметил, что «Нужно создавать условия, при которых студенты колледжей и вузов могли бы проходить учебу и практику в волонтерских центрах, благотворительных фондах, социально ориентированных НКО. Приобретать опыт гражданской ответственности и солидарности» [10]. В январе 2023 года Президент РФ Владимир Путин поручил к 1 сентября 2023 г. разработать и включить в образовательные программы высшего образования курс (модуль) «Обучение служением» [7]. Формирование открытого образовательного пространства является ключевым трендом, стимулирующим активное взаимодействие университетов с институтами гражданского общества – некоммерческими и общественными организациями. Целью этого партнерства выступает совместное создание среды, способствующей целостному развитию личности: ее профессиональному росту и духовно-нравственному становлению. Социальное служение выступает ключевым фактором в становлении системы нравственных ценностей личности, включая приверженность семье, честность, справедливость и гуманизм. Данный воспитательный эффект достигается за счет развития у молодежи критического мышления, которое направляет ее на проектирование персонального «образа будущего», осознанно связанного с контекстом развития страны.

Суть подхода заключается в синтезе образовательных задач и решения реальных общественных проблем через проекты, инициируемые внешними партнерами (органами власти, НКО, коммерческими организациями). В отличие от волонтерства или стажировки, «Обучение служением» занимает промежуточное положение между добровольным служением и профессиональной практикой,

сочетая развитие критического мышления и гражданской ответственности [5].

Исследование технологии «обучение служением» в контексте «третьей миссии» университета базируется на двух взаимосвязанных концептуальных пластах. Взгляды J. Dewey [14], D. Kolb [13] об опытном обучении (experiential learning) и демократическом образовании легли в основу методологии технологии «обучение служением». В работах B. Jongbloed [15], G. Trencher «третья миссия» трактуется как комплексная деятельность по трансферу знаний и технологий, социальному и культурному развитию региона, выходящая за рамки традиционных функций образования и исследований. В российском контексте (А.Ю. Волков [11], В.А. Садовничий [12]) эта концепция получила развитие в связи с задачами национальной политики, где акцент смещается на социально-воспитательную и гражданско-патриотическую функцию вуза. Обучение служением рассматривается как прямой операциональный инструмент ее реализации, обеспечивающий «социальный лифт» и укрепляющий связь вуза с территорией. Современные исследования (Буякова К.И. [1], Горлова Н.И. [3], Никольский В.С. [5], Полевая Н.М. [9] и др.) обосновывают, что обучение служением выступает ключевым механизмом институционализации «третьей миссии», переводя ее из декларативного в практико-ориентированный план. Это создает поле для социологического анализа взаимодействия акторов (вуз, студенты, сообщество, государство) в рамках новой образовательной парадигмы.

Социальное служение представляет собой широкое понятие, которое, включая добровольчество, выходит за его рамки. В его структуре выделяются четыре основных вектора: благотворительная деятельность (для молодежи наиболее доступна не финансовая, а организационная составляющая: сбор средств, информационная и рекламная поддержка проектов); добровольческая (волонтерская) деятельность (наиболее массовая форма, предполагающая личное участие в решении социальных проблем на безвозмездной основе); миротворческая деятельность (направлена на смягчение конфликтов через гуманитарную поддержку, просвещение (например, ликвидация безграмотности) и профилактику деструктивных явлений); правозащитная деятельность (неполитическая активность, связанная с защитой прав и законных интересов людей, включающая участие в судебных процессах, кампаниях и гражданских акциях). Системная реализация этих направлений позволяет достичь как образовательных, так и значимых общественных результатов.

Теоретическим основанием исследования выступили мнения студентов о влиянии участия в проектах «Обучение служением» на формирование у них профессиональных и личных качеств. Методологическая база исследования основывается на приме-

нении системного, комплексного подхода к исследованию перспектив внедрения технологии «Обучение служением» в Липецкой области. Выводы, представленные в статье, основываются на данных исследования, проведенного на кафедре философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Его основу составлял социологический опрос в форме анкетирования, в котором приняли участие 358 человек ($N = 358$) в возрасте от 18 и старше, которые участвовали в каком-либо форме в проекте, курсе или инициативе формата «Обучение служением» (когда учебные цели сочетались с социально полезной работой).

Вопросы анкеты условно разбиты на два блока. Первый содержит вопросы, позволяющие выявить отношение респондентов к технологии «Обучение служением». Второй – проблемы и перспективы внедрения технологии «Обучение служением» в условиях малого города на современном этапе. Теоретический базис исследования составили современные представления о развитии социальной активности молодежи в современном обществе. Обработка и анализ эмпирических данных производились с использованием программно-аналитического комплекса SPSS версии 22.

Распределение ответов (табл. 1) показывает, что технология «Обучение служением» является эффективным инструментом для формирования у молодежи практико-ориентированной модели гражданственности, основанной на самоэффективности, личной ответственности и готовности к конкретным действиям.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Опыт участия в проекте «Обучение служением» повлиял на Ваши установки и готовность к действиям?» (несколько вариантов ответа, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Я лучше осознал(а), что могу лично влиять на решение социальных проблем в своем городе/селе.	20,67
У меня возросло чувство личной ответственности за то, что происходит вокруг меня.	16,2
Я стал(а) чаще задумываться о социальной справедливости и правах человека.	5,03
Я получил(а) практический опыт взаимодействия с местным сообществом, НКО или госструктурами.	22,63
У меня повысилась готовность участвовать в волонтерских акциях и социальных проектах в будущем.	31,28
Я стал(а) более критично осмысливать социальные процессы и искать информацию об их причинах.	2,79
Я почувствовал(а), что мои действия могут принести реальную пользу конкретным людям или группам.	30,17

Окончание

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Я стал(а) больше интересоваться местным самоуправлением и гражданскими инициативами.	8,1
Ничего не изменилось	2,23
Затрудняюсь ответить	7,26

Анализ ответов респондентов позволяет выявить четкую двухуровневую структуру влияния опыта «Обучения служением» на формирование профессиональных качеств (табл. 2). Первый уровень (доминирующий) – развитие проектно-организационных и базовых профессиональных компетенций. Подавляющее большинство участников (от 82,96% до 89,66%) отмечают значительное влияние в двух ключевых областях: «проектная работа и управление задачами» (89,66%). Этот показатель свидетельствует о том, что студенты воспринимают «Обучение служением» прежде всего как интенсивную проектную деятельность. Данный формат наиболее эффективно формирует навыки планирования, организации процессов, управления временем и ресурсами. Проекты служат мощным инструментом преодоления разрыва между теорией и практикой, что является базовой целью любой практико-ориентированной образовательной методики («применение теоретических знаний на практике» – 82,96%). Второй уровень – развитие социальных и командных навыков. Значительная часть респондентов (свыше 56%) выделила развитие «командной работы и коллаборации» (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Развитию у Вас каких профессиональных навыков и качеств способствовал опыт «Обучения служением»?» (несколько вариантов ответа, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Применение теоретических знаний на практике	82,96
Решение реальных, нестандартных задач	14,25
Проектная работа и управление задачами	89,66
Командная работа и коллаборация	56,98
Взаимодействие с клиентами/бенефициарами/партнерами	10,89
Навыки коммуникации (устные и письменные)	16,48
Критическое мышление и анализ	10,89
Принятие ответственных решений	12,29
Адаптивность и гибкость в меняющихся условиях	7,82
Понимание профессиональной этики и социальной ответственности	13,13
Затрудняюсь ответить	7,26

Для 67,32% респондентов опыт в «Обучении служением» укрепил их выбор профессии (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как этот опыт повлиял на Ваше понимание будущей профессии?» (один ответ, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Укрепил мой выбор профессии	67,32
Заставил усомниться в выборе	0,56
Показал новые, неожиданные области применения моей специальности	28,49
Помог установить полезные профессиональные контакты (нетворкинг)	3,07
Не повлиял на понимание профессии	0,56

Анализ показывает, что опыт «Обучения служением» оказал влияние на личностное развитие студентов (табл. 4). Наиболее заметный эффект (отмечаемый примерно каждым третьим студентом) наблюдается в кластере качеств, связанных с социализацией и гражданской идентичностью: эмпатия и понимание проблем других людей (32,12%), чувство гражданской ответственности (30,17%), чувство уверенности в себе (28,21%). Эти три пункта формируют взаимоукрепляющую триаду. Проект позволил студентам: выйти из привычного круга общения (эмпатия), осознать свою роль в обществе (ответственность), убедиться в собственной способности приносить пользу (уверенность). Это свидетельствует, что методика успешно выполняет свою ключевую социально-воспитательную функцию, формируя у молодежи основы социальной зрелости и гражданской позиции. Примерно каждый пятый студент (по 19,27%) отметил развитие: умения работать с разными социальными группами, мотивации к общественно полезной деятельности в будущем. Это указывает на то, что для значительной части участников опыт стал не просто разовым событием, а практикой, сформировавшей конкретные социальные навыки и установку на продолжение подобной деятельности. Проект сработал как «социальный лифт» или точка входа в мир гражданской активности (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Развитию у Вас каких личностных качеств способствовал опыт «Обучения служением»?» (несколько вариантов ответа, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Чувство уверенности в себе	28,21
Эмпатия и понимание проблем других людей	32,12
Чувство гражданской ответственности	30,17

Окончание

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Толерантность	12,01
Умение работать с людьми из разных социальных групп	19,27
Лидерские качества	14,25
Мотивация к общественно полезной деятельности в будущем	19,27
Затрудняюсь ответить	7,26

Результаты демонстрируют ярко выраженную поляризацию интересов студентов после участия в «Обучении служением» (табл. 5). Воздействие опыта носит неравномерный, но стратегически важный характер. Наблюдается фокус на непосредственную помощь и прямые действия (подавляющее большинство студентов (83,24%) указывают на возросший интерес к «волонтерству в социальной сфере»), что доказывает, что методика успешно выполняет функцию «точки входа» в мир социальной активности. Проект сформировал у студентов установку, что быть активным гражданином – это, в первую очередь, оказывать прямую, адресную помощь уязвимым группам (детям, пожилым, бездомным). Также выявлено существенное влияние на интерес к практическим организационным формам (вторая по популярности форма активности – «благотворительные акции и фандрайзинг» (44,97%). В сочетании с интересом к «Просветительским проектам» (33,24%) это указывает на то, что опыт научил студентов ценить не только личный труд, но и инфраструктурные, ресурсные и коммуникационные аспекты социальной деятельности. Примечателен уровень интереса к «взаимодействию с органами местной власти» (31,01%), что позволяет сделать вывод, что проект, возможно, показал студентам практическую необходимость и потенциальную эффективность работы «с системой» для реализации изменений, что является важным шагом в гражданском взрослении (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных форм гражданской активности вам стали более интересны или доступны после участия в проекте?» (несколько вариантов ответа, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Волонтерство в социальной сфере (помощь детям, пожилым, бездомным и т.п.)	83,24
Экологический активизм (субботники, экомероприятия)	22,07
Просветительские проекты (организация лекций, мастер-классов)	33,24

Окончание

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Участие в работе студенческих советов, объединений	22,07
Взаимодействие с органами местной власти для решения проблем	31,01
Благотворительные акции и фандрайзинг	44,97
Правозащитная деятельность	27,65
Никакие, интерес не изменился.	0,56
Затрудняюсь ответить	7,26

Технология «Обучение служением» оказала глубокое личностное воздействие, трансформировав абстрактные понятия в личный опыт (более 90% ответов носят позитивно-преобразующий характер). (табл. 6). Для каждого четвертого участника ключевым итогом стала интеграция гражданской позиции с профессиональной идентичностью. Почти столько же респондентов перевели понятия из абстрактной («слова из учебников») в личную плоскость. Это свидетельствует об успехе методики в преодолении отчуждения молодежи от общественных проблем (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как проект повлиял на ваше понимание терминов «социальная ответственность» и «активный гражданин»?» (один вариант ответа, %)

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Раньше это были просто слова из учебников. Теперь я понимаю, что социальная ответственность – это не что-то далекое, а мои конкретные действия	23,46
Я осознал(а), что социальная ответственность – это не разовая акция. Это системная работа и готовность доводить начатое до конца	19,27
Проект дал мне уверенность, что я могу что-то изменить. Активный гражданин – это не супергерой, а обычный человек, который верит, что его голос и действия имеют значение.	15,08
Я понял(а), что быть гражданином – это не просто иметь паспорт. Это ощущать себя частью большого целого и чувствовать, что благополучие этого целого зависит, в том числе, и от тебя.	8,1
Для меня социальная ответственность теперь неразрывно связана с моей будущей профессией (врача/инженера/педагога). Я осознал(а), что моя квалификация – это не только способ заработка, но и инструмент для служения обществу, для решения его насущных проблем».	26,93
Скорее, вызвал скепсис. Я увидел(а), что реальные проблемы слишком сложны, а наши усилия – капля в море.	7,26

Для 89,66% респондентов считают, что «Обучение служением» – это эффективная методика для воспитания социально ответственных граждан (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы, что «Обучение служением» – это эффективная методика для воспитания социально ответственных граждан?»

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Да, безусловно, она сочетает теорию, практику и личный опыт.	89,66
Скорее да, но нужна очень качественная организация.	2,52
Затрудняюсь ответить.	7,26
Скорее нет, есть более эффективные способы.	0,28
Нет, это профанация или «обязаловка».	0,28

Результаты опроса демонстрируют четкую ориентацию студентов и их выраженное предпочтение практико-ориентированных подходов над теоретическими (табл. 8). Большинство студентов (суммарно 70,95%) отдают предпочтение форматам, основанным на непосредственном опыте и деятельности («Обучение служением» (интегрированная в дисциплины) – 36,03% и «развитие волонтерского движения при вузе» – 34,92%).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Какой из форматов, на ваш взгляд, наиболее эффективен для этого?»

Варианты ответов	Среди всех опрошенных, %
Специальные курсы/модули по гражданскому образованию	5,87
Методика «Обучение служением» (интегрированная в учебные дисциплины)	36,03
Развитие волонтерского движения при вузе	34,92
Деловые игры и моделирование	9,5
Публичные лекции и дискуссии с экспертами	6,42
Затрудняюсь ответить	7,26

В программу «Обучение служением» с самого старта пилота в 2023 учебном году участвовали 100 пилотных вузов, а заканчивали учебный год 135 университетов-участников. Почти 65 тысяч студентов обучались по программе. В 2024/2025 учебном году в «Обучении служением» приняли участие 415 университетов, четыре колледжа и 120 школ [8]. Итогом обучения по программе стали курсовые проекты, прохождение практики, выпускные квалификационные работы. Замминистра науки и высшего образования Российской Федерации Ольга Петрова подчеркнула, что в университетах создано «пространство возможностей

для добрых дел» – разработана программа «Обучение служением», действуют штабы по ее реализации. «Из объектов государственного управления университеты все больше превращаются в субъектов, которые реализуют государственную политику в соответствии с вызовами и задачами, поставленными президентом России», – подчеркнула она. огромную роль в разработке и реализации федеральной программы «Обучение служением» играет НИУ ВШЭ.[4]

В целом к преимуществам технологии «Обучение служением» для студента можно отнести: (интеграция обучения и развития личности): глубокое усвоение знаний (теория подкрепляется практикой, что приводит к лучшему пониманию и долгосрочному запоминанию материала), развитие профессиональных компетенций (Hard Skills) (применение специальных знаний в реальных, а не учебных условиях; отработка профильных навыков); формирование универсальных компетенций (Soft Skills) (критическое мышление и решение проблем, анализ сложной социальной ситуации и поиск эффективных решений); командная работа и коммуникация (взаимодействие с клиентами, коллегами, представителями организаций); проектный менеджмент (планирование, организация, тайм-менеджмент, ответственность за результат); адаптивность и гибкость (работа в условиях неопределенности и с открытыми задачами); воспитание гражданской позиции и ценностей (формирование социальной ответственности, эмпатии, равнодушия; осознание своей роли в обществе и возможности влиять на его развитие; развитие гражданской идентичности и патриотизма через конкретные дела для своей страны, города, района); карьерное самоопределение (возможность «примерить» профессию, понять ее реальное содержание, построить профессиональные сети и усилить мотивацию к учебе). Преимуществом технологии «Обучение служением» для вуза и системы образования стало: повышение качества и привлекательности образования (практико-ориентированность делает обучение более современным, релевантным и конкурентоспособным); реализация «третьей миссии университета» (прямое и системное служение обществу, укрепление связи с местным сообществом и регионом); эффективное достижение целей ФГОС (прямой инструмент для формирования универсальных (УК-5, УК-7) и общепрофессиональных компетенций); воспитательная функция (конкретный механизм для системной работы по духовно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию молодежи); развитие партнерской сети (установление прочных связей с НКО, бизнесом, государственными и муниципальными учреждениями). Преимуществом технологии «Обучение служением» для общества и местного сообщества является: конкретная, адресная помощь (решение

актуальных социальных, экологических, культурных проблем силами мотивированных студентов под руководством экспертов); приток новых идей и нестандартных решений («свежий взгляд» студенческой молодежи на проблемы в обществе); укрепление социального капитала (налаживание диалога и доверия между различными институтами и группами общества); формирование будущего кадрового резерва (воспитание социально-ответственных специалистов, уже знакомых с проблемами региона).

Таким образом, технология «Обучение служением» одновременно достигает трех ключевых целей: образовательной (глубокое обучение), воспитательной (формирование ценностей), социальной (реальная польза обществу). Это отличает ее от волонтерства или чисто академических практик. Ключевое преимущество «Обучения служением» – в создании осмысленной, рефлексивной и преобразующей образовательной среды, где студент из пассивного потребителя знаний превращается в активного агента позитивных изменений в своей профессиональной сфере и в обществе.

Литература

1. Буюкова К.И. Волонтерство как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета / К.И. Буюкова, И.Ю. Малкова // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 8–9. – С. 69–79. – DOI 10.31992/0869–3617–2021–30–8–9–69–79
2. Гаеце Сепулведа М.А. Обучение служением и социальная миссия университета. Внедрение практики и работа с социальными партнерами: метод. руководство для преподавателей / М.А. Гаеце Сепулведа, О.Я. Дымарская. – 2-е изд., расшир. и уточн. – М.: Грифон, 2025. – 288 с.
3. Горлова Н. И. «обучение служением (действием)» как эффективная методика организации учебного процесса через социально-полезную деятельность в современном образовательном учреждении / Н.И. Горлова, Л.И. Старовойтова // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 2(36). – С. 226–235. – DOI 10.15350/2409–7616.2023.2.19.
4. Методические принципы программы «Обучение служением» доказали свою эффективность [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/12/05/metodicheskie-printsipi-programmi-obuchenie-sluzheniem-dokazali-svoyu-effektivnost (дата обращения: 26.01.2026)
5. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля / В.С. Никольский // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 12. – С. 9–28. – DOI 10.31992/0869–3617–2023–32–12–9–28.
6. Обучение служением: Методическое пособие / Под редакцией О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. – М.: АБЦ, 2020. – 216 с. ISBN 978-5-6044577-2-6
7. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. Пр-173ГС, п. 8 [Электронный ресурс] // Сайт «Президент России». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 26.01.2026)
8. Подведены итоги реализации проектов «Обучения служением» [Электронный ресурс]. URL: https://nark.ru/news/news_nark/podvedeny-itogi-realizatsii-proektov-obucheniya-sl/ (дата обращения: 26.01.2026)
9. Полевая Н. М. «Обучение служением» как форма повышения социальной активности и ответственности студентов / Н.М. Полевая, В.В. Ситникова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 104. – С. 52–54.
10. Путин считает, что необходимо выстроить систему поддержки молодежи по всей стране [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16665449> (дата обращения: 26.01.2026)
11. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Международной научно-практической конференции «Модернизация экономики и глобализация» / А. Волков, И.М. Реморенко, Б.Л. Рудник [и др.]. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2008. – 39 с.
12. Садовничий В.А. Университеты, общество и будущее человечества / В.А. Садовничий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 2. – С. 5–14.
13. Kolb David F. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development, 1984
14. Dewey John Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education // Courier Corporation – 1916 г. – 384s.
15. Jongbloed, B., Enders, J. & Salerno, C. (2008). Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda. Higher Education, 56: 303–324.

MINISTRY TRAINING» AS A FORM OF EDUCATIONAL ACTIVITY ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF THE UNIVERSITY'S «THIRD MISSION»: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Zaitseva I.A.

Bunin Yelets State University

The article analyzes the technology of «Teaching by service» as a form of organization of educational activities in the context of the «third mission» of the university. The research methodology includes a systematic analysis of the scientific literature on the issues of the «third mission» and socially oriented education, as well as a generalization of empirical data obtained during the survey. The

results of the study demonstrate that the integration of educational tasks with socially useful activities contributes to the achievement of the goals of the «third mission» by strengthening the university's ties with local communities and solving urgent social problems by students and teachers.; It provides a synergistic educational effect (on the one hand, students develop key professional competencies (application of theory in practice, project work), on the other – they develop social and civic qualities: empathy, a sense of personal and civic responsibility, willingness to volunteer. The technology of «Learning by service» is perceived by the students themselves as the most effective format for the formation of civic engagement, which confirms the high subjective significance of this experience. The practical significance of the research lies in the fact that the conclusions can be used to design and adjust educational programs aimed at strengthening the socio-educational function of universities. The materials of the article substantiate the need to move from one-time volunteer actions to the systematic integration of «service» into the educational process in order to achieve sustainable educational and social results.

Keywords: ministry training, the university's third mission, civic education, practice-oriented learning, educational technologies, student engagement.

References

1. Buyakova K.I. Volonterstvo kak forma organizatsii obrazovatel'noj deyatel'nosti v kontekste «tret'ej missii» universiteta / K.I. Buyakova, I. Yu. Malkova // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. – 2021. – T. 30, № 8–9. – S. 69–79. – DOI 10.31992/0869–3617–2021–30–8–9–69–79
2. Gaete Sepulveda M.A. Obuchenie sluzheniem i social'naya missiya universiteta. Vnedrenie praktiki i rabota s social'ny'mi partnerami: metod. rukovodstvo dlya prepodavatelej / M.A. Gaete Sepulveda, O. Ya. Dy'marskaya. – 2-e izd., rasshir. i utochn. – M.: Grifon, 2025. – 288 s.
3. Gorlova N. I. «obuchenie sluzheniem (deystviem)» kak e'fektivnaya metodika organizatsii uchebnogo processa cherez social'no-poleznuyu deyatel'nost' v sovremennom obrazovatel'nom uchrezhdenii / N.I. Gorlova, L.I. Starovojtova // CIT-ISE. – 2023. – № 2(36). – S. 226–235. – DOI 10.15350/2409–7616.2023.2.19.
4. Metodicheskie principy` programmy` «Obuchenie sluzheniem» dokazali svoyu e'fektivnost` [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/12/05/metodicheskie-principy-programmi-obuchenie-sluzheniem-dokazali-svoyu-effektivnost (data obrashheniya: 26.01.2026)
5. Nikol'skij V.S. Obuchenie sluzheniem v Rossii: stanovlenie predmetnogo polya / V.S. Nikol'skij // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. – 2023. – T. 32, № 12. – S. 9–28. – DOI 10.31992/0869–3617–2023–32–12–9–28.
6. Obuchenie sluzheniem: Metodicheskoe posobie / Pod redakciej O.V. Reshetnikova, S.V. Teterskogo. – M.: AVCz, 2020. – 216 s. ISBN 978-5-6044577-2-6
7. Perechen` poruchenij po itogam zasedaniya Gossoveta ot 29 yanvarya 2023 g. Pr-173GS, p. 8 [E'lektronny`j resurs] // Sajt «Prezident Rossii». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (data obrashheniya: 26.01.2026)
8. Podvedeny` itogi realizatsii proektov «Obucheniya sluzheniem» [E'lektronny`j resurs]. URL: https://nark.ru/news/news_nark/podvedeny-itogi-realizatsii-proektov-obucheniya-sl/ (data obrashheniya: 26.01.2026)
9. Polevaya N. M. «Obuchenie sluzheniem» kak forma povy'sheniya social'noj aktivnosti i otvetstvennosti studentov / N.M. Polevaya, V.V. Sitnikova // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. – 2024. – № 104. – S. 52–54.
10. Putin schitaet, chto neobходимо vy'stroit` sistemu podderzhki molodezhi po vsej strane [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16665449> (data obrashheniya: 26.01.2026)
11. Rossijskoe obrazovanie – 2020: model' obrazovaniya dlya e'konomiki, osnovannoj na znaniyax: k IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Modernizatsiya e'konomiki i globalizatsiya» / A. Volkov, I.M. Remorenko, B.L. Rudnik [i dr.]. – Moskva: Nacional'ny`j issledovatel'skij universitet Vy'sshaya shkola e'konomiki, 2008. – 39 s.
12. Sadovnichij V.A. Universitety`, obshchestvo i budushhee chelovechestva / V.A. Sadovnichij // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy` vy'sshego obrazovaniya. – 2019. – № 2. – S. 5–14.
13. Kolb David F. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development, 1984
14. Dewey John Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education // Courier Corporation – 1916 g. – 384s.
15. Jongbloed, B., Enders, J. & Salerno, C. (2008). Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda. Higher Education, 56: 303–324.

Студенческий отряд как иммунитет нации: формула отрядного эффекта

Туркменов Искандер Олегович,

аспирант кафедры электроснабжения, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: i.turkmenov@samgups.ru

Усов Владимир Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: usov@samgups.ru

Гнатюк Максим Александрович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры «Общеобразовательные дисциплины» ОриПС, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

В статье представлена концептуальная модель отрядного эффекта (ОЕ) как интегрального социального феномена, возникающего в деятельности студенческих отрядов. Теоретико-методологическая база исследования опирается на труды З. Баумана, М. Кастельса, Н. Лумана, У. Бека, П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнэма. ОЕ раскрывается через пять ключевых компонентов: иммунную функцию (IMM), прирост капиталов (ДТК), социальные экстерналии (SE), стадийную модель взросления (P) и символическую интеграцию (S(t)). Показано, что отряды выполняют роль социального иммунитета молодежи в условиях институциональной фрагментации, способствуют накоплению социального, культурного и человеческого капитала, формируют позитивные внешние эффекты и обеспечивают преемственность ценностей. Авторская модель ОЕ имеет как теоретическое значение для философии и социологии молодежи, так и прикладной потенциал для оценки эффективности молодежной политики и воспитательных практик.

Ключевые слова: отрядный эффект; студенческие отряды; молодежь; социальный капитал; социальный иммунитет; социализация; идентичность; символическая интеграция.

Введение

Современное российское общество находится в стадии структурной трансформации институтов социализации. Традиционные механизмы нормативной передачи – семья и институты просвещения утрачивают свою устойчивость и интегративную силу. Молодежь всё чаще сталкивается с необходимостью индивидуального конструирования идентичности, находясь в условиях высокой информационной перегрузки и фрагментации социальных сценариев.

Ситуация, в которой оказывается личность в XXI веке, находит отражение в социологической концепции «жидкой современности» З. Баумана, где исчезает стабильность социальных ролей, норм и связей [1]. Испанский социолог М. Кастельс, в свою очередь, описывает сетевое общество как эпоху, в которой молодежь существует одновременно во множестве онлайн- и офлайн-пространств, лишённых жёсткой нормативной координатности [2]. В трудах социолога Д.В. Кротова показано, что в условиях институциональной нестабильности молодежь ориентируется преимущественно не на включённость в формальные государственные структуры, а на формирование устойчивых микросоциальных сетей и неформальных связей [3]. Это свидетельствует о смещении центра социализации с макроуровня на микроуровень, где преобладают неформальные нормы, основанные на логике «успеха» и «своих».

При этом ключевая функция классических институтов – воспроизводство стабильного социального порядка через норму, статус и ролевое поведение – более не выполняется в полном объёме. Молодой человек вступает во взрослую жизнь, не обладая устойчивыми точками принадлежности и доверия, а выбор траектории осуществляется в пространстве многообразия, но не обязательности.

Однако, стремление к объединению как антропологическая и культурная константа не исчезает. Человек объединялся в группы на всех этапах развития человечества: от поисков пищи и защиты до совместного труда, воспитания, ведения хозяйства. Первопричиной таких объединений была необходимость преодоления трудностей через общее действие. В этих условиях коллектив не просто обеспечивал выживание, но и создавал символическую опору для идентичности.

В современности причины объединения трансформировались. С развитием инфраструктуры

(электричество, отопление, водоснабжение), цифровых платформ, доставки и маркетплейсов, бытовые основания для совместной жизни ослабли, а на первый план вышли запросы на эмоциональное насыщение, признание, ощущение сопричастности. Современный человек, особенно молодой, живет в условиях потоков цифрового контента, постоянного выбора, сравнения и поиска «лучшего» – и при этом в условиях дефицита устойчивой групповой идентичности.

Этот парадокс подмечается в современных российских исследованиях: с одной стороны, молодежь уходит от формальных институтов (партий, клубов, традиционных объединений), с другой – ищет новые формы сопричастности через волонтерские практики, онлайн-сообщества, временные коллективы, а также через феномен «проживания совместной жизни» с блогерами и медийными персонами [4–5]. Постоянно находясь в цифровом пространстве условного кумира, наблюдая за его успехами и неудачами, переживая их как собственные, молодые люди нередко подменяют личный эмоциональный опыт опосредованным, медиатизированным участием. Таким образом, социальная энергия принадлежности не исчезает, а переориентируется. Молодежная идентичность становится гибридной и неустойчивой, труд теряет ценность как экзистенциальная категория. В этих условиях студенческий отряд становится альтернативной формой воспитания через труд, символ и принадлежность, а также через «широкий эффект» событий и активностей: от онлайн-отрядной жизни и медиакоммуникации до творческой самореализации и последующего перехода к трудовым практикам, закрепляющим чувство ответственности и профессиональной субъектности [6]. Отождествление индивидуальных действий с единым результатом труда формирует объединяющий фактор, закреплённый не только общими интересами и разделяемым видением, но и личным эмоциональным переживанием и физическим напряжением, вложенными в достижение общей цели. В то же время именно опыт студенческого отряда нередко становится первым осознанным трудовым опытом, который оставляет устойчивое позитивное впечатление: труд воспринимается не как вынужденная обязанность, а как значимое совместное действие, усиленное поддержкой группы, символикой принадлежности и эмоциональным фоном общих событий.

В этих условиях студенческий отряд может рассматриваться как форма переходного института, который компенсирует фрагментацию через нормативную, деятельностьную и символическую структуру. Он выполняет функции социализации не через «возврат к прошлому», а через совмещение ритуала, труда и признания в рамках современной молодежной логики.

Иммунитет как функция отрядов: теория и модель

Современная молодёжь пребывает в пространстве высокой фрагментации, где легальные формы занятости, зачастую несущие бремя формальных институтов с установленными границами и правилами, вытесняются неформальными, зачастую, криминальными или паразитическими стратегиями. В таких условиях студенческий отряд выполняет иммунную функцию – он нормализует опыт социализации и превращает безформенную энергию молодёжи в труд, ответственность и коллективную идентичность.

Для описания механизма действия можно предложить следующую аналитическую структуру:

$$IMM = f(D, A, R, I, N, S),$$

где:

IMM – иммунная функция как совокупный результат нормирования;

D – дисциплина (временная и поведенческая регуляция);

A – активность (включенность в отрядную деятельность);

R – ответственность (принятие ролей и выполнение задач);

I – идентификационная устойчивость (приверженность ценностям отряда и их интериоризация);

N – нравственная ориентация (внутренняя этика труда);

S – структурная инкорпорация (включённость в институт).

Здесь иммунитет понимается не как защита от «внешнего врага», а как возможность преодоления моральной и социальной дезориентации через упорядочивание жизненной траектории (табл. 1).

Таблица 1. Функции иммунного механизма отряда

Направление риска	Преодоление через отрядную структуру
Девياции, криминализация	Подчинение норме, коллективный контроль
Инфантилизация	Ролевая ответственность, автономное задание цели
Социальное одиночество	Включение в малую группу, ритуалы принадлежности
Символическая разобщённость	Общие знаки, слоганы, песни, парадная форма

Согласно Зубащенко, в студенческих отрядах активно формируется новый этический кодекс труда (своеобразная «молодежная планета морали» [8].

Именно поэтому дисциплина, возникающая в отряде, воспринимается не как давление, а как осмысленная необходимость быть частью общего действия.

Современные социологические исследования подчёркивают, что участие в структурированной молодежной деятельности способствует снижению рисков поведенческой девиации, тревожности и социальной изоляции, особенно в постковидный период [9].

Реинституционализация социализации через отряд

В условиях размывания границ классических воспитательных институтов возникает необходимость создания новых форм нормативного воспроизводства, совместимых с культурной логикой XXI века. Одной из таких форм является студенческий отряд, который может быть рассмотрен как механизм реинституционализации социализации молодежи.

Под реинституционализацией понимается восстановление функций передачи норм, ценностей и моделей поведения, не в старых формах, но через адаптированные практики, основанные на деятельности, символике и признании. В отличие от директивных форм социалистического воспитания, отряд работает через проектное включение и добровольное участие, что соответствует структуре интересов современной молодежи.

Попытки школы применять трудовое воспитание советского образца в новых условиях вызвали ироничную реакцию учащихся. Сопротивление родительского сообщества, воспринимающего институт образования как сервисную модель, нежели воспитательную отрасль усугубляет кризис внедрения трудового воспитания. Однако стремление к интеллектуальному труду без соответствующих условий лишь усугубляет дефицит навыков. Отряд возвращает утраченный канал воспитания – но через форму, совместимую с эпохой [10].

С точки зрения новой институциональной теории Д. Норт и Э. Остром, институт – это устойчивая совокупность правил и норм, регулирующих поведение и снижающих неопределённость [11, 12]. Важно, что институты не обязаны быть формальными: даже малые группы и сообщества, если они производят устойчивые правила взаимодействия, могут выполнять институциональные функции.

В этом контексте студенческий отряд выполняет сразу несколько таких функций (табл. 2).

Таблица 2. Институциональные компоненты студенческого отряда и их социальные функции

Компонент института	Форма реализации в отряде	Социальная функция
Нормативный кодекс	Устав, положения, корпоративный кодекс	Регуляция поведения, предсказуемость
Ролевая структура	Командир, комиссар, мастер, штаб	Ответственность, иерархия, мобилизация

Окончание

Компонент института	Форма реализации в отряде	Социальная функция
Ритуальная система	Посвящения, слёты, отрядная символика	Принадлежность, идентичность
Система признания	Почетные знаки, грамоты, знамена, должности в отрядах	Символический капитал, мотивация
Память и преемственность	Истории, ветераны, трудовые отряды подростков	Легитимация, межпоколенческая связь
Эффект причастности	Объём выполненных работ, осязаемый результат, командный продукт	Социальная значимость, переживание нужности, гражданская включённость

Такая структура позволяет отряду быть не только формой занятости, но и средой культурной и социальной адаптации, альтернативой фрагментарному индивидуализму.

Отряд как генератор капиталов: модель ДТК

Одной из ключевых функций студенческого отряда как института является способность накапливать и трансформировать индивидуальные и коллективные ресурсы, которые в социологической теории обозначаются как капиталы. В отличие от экономического понимания, социологическая наука П. Бурдье, Дж. Коулман, Р. Патнэм рассматривает капитал как любую совокупность ресурсов, дающую преимущество в социальном взаимодействии, саморазвитии и профессиональной адаптации [13, 14].

В отряде эта капитализация осуществляется через участие в коллективном труде, ролевое поведение, коммуникацию и символическую идентификацию. Индивидуальное участие постепенно перерастает в устойчивые навыки, связи и формы признания, конвертируемые в других социальных пространствах – на рынке труда, в системе высшего образования, в карьере и гражданской активности.

Формализованная модель капиталовоспроизводства:

$$\Delta TK = \frac{d}{dt}(SC + HC + CC),$$

где:

ΔTK – прирост совокупного капитала в отряде;

SC – social capital: доверие, связи, горизонтальное взаимодействие;

HC – human capital: трудовые, управленческие и коммуникативные навыки;

CC – cultural capital: знание норм, символов, традиций, слэнг, статус.

Отряд позволяет молодому человеку накопить ресурсы, не сводящиеся к зарплате или записи в резюме (табл. 3). Это опыт, который продолжает

работать после выхода из отряда – в форме связей, привычек, символов и лидерского потенциала. SC в нашей модели не только локальный (внутри конкретного отряда), но и сетевой (доверие и ресурсы, основанные на принадлежности к РСО в целом, независимо от региональной принадлежности). Сам факт принадлежности к движению, к «отрядовскому коду» – со своими знаками, нормами и ритуалами – открывает возможности горизонтальной коммуникации между незнакомыми участниками из разных регионов, создавая эффект масштабируемого социального капитала. Это доверие «по признаку общей символики» позволяет члену быть признанным и поддержанным вне зависимости от территориальной, образовательной или социальной принадлежности. Члены доверяют друг другу на основании общей принадлежности к движению.

Таблица 3. Механизмы формирования капитала в отряде

Вид капитала	Механизм накопления	Примеры / маркеры
Социальный (SC)	Совместный труд, пребывание в малой группе	Доверие, связи, команда, взаимопомощь
Человеческий (HC)	Работа, планирование, лидерские задачи	Навыки коммуникации, ответственности, тайм-менеджмент
Культурный (CC)	Символика, ритуалы, нарратив отряда	Должности, песни, традиции, идентификация с историей

Участие в студенческих объединениях повышает индекс горизонтального доверия: soft skills, сформированные в отрядной среде, признаются работодателями одним из ключевых факторов трудоустройства; отряд создает репутационный след в профессиональной и общественной биографии; отряд формирует закрытые связи взаимоподдержки и взаимопомощи далеко за пределами срока непосредственной работы в отряде.

Положительные экстерналии отрядного участия

Помимо прямых эффектов для самих участников, студенческие отряды производят социально значимые внешние эффекты, распространяющиеся на локальные сообщества, образовательные учреждения, рынок труда и государственные структуры. В социологии подобные эффекты обозначаются как положительные экстерналии – побочные, но устойчивые результаты деятельности, создающие общественное благо вне рамок первоначального целеполагания.

Студенческие отряды не только формируют у молодых людей навыки и идентичность, но и создают инфраструктуру доверия, участвуют в облагораживании территорий, выполняют функции во-

лонтёрской, патриотической и коммуникативной мобилизации. Всё это делает их не только средством воспитания, но и инструментом устойчивого развития региона (табл. 4).

Формула социальных экстерналий:

$$SE = f(B_p, T_i, R_s),$$

где:

SE – совокупные социальные экстерналии;

B_p – создаваемое общественное благо (объекты, услуги, помощь);

T_i – степень интеграции в территориальное сообщество;

R_s – репутационный след (имидж, признание, символическое присутствие).

Таблица 4. Категории экстерналий отрядной деятельности

Категория экстерналии	Проявление в отряде	Социальное значение
Инфраструктурная	Благоустройство, строительство, помощь населению	Повышение качества среды
Репутационная	Участие в мероприятиях, освещение в СМИ	Повышение имиджа молодежи и ВУЗа
Ценностная / мотивационная	Демонстрация трудовой этики, солидарности	Формирование ориентира для сверстников
Коммуникативная	Связь поколений, диалог с работодателями и государством	Устойчивость каналов горизонтального доверия

Участие бойцов отрядов в благоустройстве и патриотических проектах создает атмосферу сопричастности и доверия. Эффекты не ограничиваются участниками, а передаются их окружению и усиливают социальную ткань региона.

Личностная модель взросления: стадийный подход

Формирование зрелой личности в современном обществе требует не только передачи знаний и навыков, но и постепенного введения в нормы, роли и модели поведения, придающих биографии социальную направленность и смысл. Студенческий отряд в этом контексте представляет собой структурированную среду поэтапного взросления, в которой участник проходит путь от внешнего включения к внутренней идентичности, от подражания к субъектности.

Такая стадийность согласуется с идеями А.С. Макаренко, считавшего, что только коллектив и совместный труд способны воспитывать характер, дисциплину и внутреннее чувство долга [15]. Л.С. Выготский, в свою очередь, подчёркивал, что

развитие личности происходит в «зоне ближайшего развития» – пространстве, где субъект сначала действует по образцу, а затем самостоятельно воспроизводит поведение в новых условиях [16].

Отряд обеспечивает управляемый и безболезненный переход от инфантильной рефлексии к взрослой субъектности. Он предлагает безопасную среду для принятия роли, выполнения обязательств и первичного лидерства (табл. 5).

Модель стадийной социализации:

$$P = \sum_{i=1}^4 E_i = E_1 + E_2 + E_3 + E_4,$$

где:

P – совокупный эффект личностного взросления;

E_1 – инициация;

E_2 – интеграция;

E_3 – идентификация;

E_4 – проекция.

Таблица 5. Содержание стадий в структуре отряда

Стадия	Содержание	Практика в отряде
Инициация	Первичное включение, принятие внешней нормы	Вступление, адаптация
Интеграция	Освоение ролей, включение в коллектив	Совместный труд, участие в планировании
Идентификация	Присвоение ценностей, формирование гордости	Символика, лидерство, участие в ритуалах
Проекция	Перенос отрядного опыта в другие сферы жизни	Наставничество, карьера

В отличие от индивидуализированных форм социализации (например, интернет-обучения), отряд предлагает коллективный путь роста, в котором личность развивается в контексте общего дела и сопричастности.

Символическая интеграция и межпоколенческая преемственность

Наряду с нормативной, деятельностной и ролевой функциями, важнейшим механизмом устойчивости студенческого отряда является его символическая структура. В условиях ускоренной ротации ценностей, цифровой фрагментации и утраты культурных ориентиров символическая интеграция играет ключевую роль в формировании чувства принадлежности, легитимации нормы и передаче межпоколенческого опыта.

Символическая интеграция понимается здесь как система ритуалов, знаков, нарративов, которые придают коллективной практике устойчивость и смысловую глубину.

Символизм студенческих отрядов – это форма памяти, овеянная в знаке, слове, действии.

Он выполняет не декоративную, а воспитательную функцию, соединяя индивидуальную биографию с коллективной историей.

Пьер Бурдьё вводит понятие символического капитала как ресурса, основанного на признании: человек или группа обладает статусом не потому, что обладают им по факту, а потому что владеют символами, которые признаются другими [17]. Отряд создает именно такие символы, легитимирующие принадлежность и вклад.

Эрик Хобсбаум и Теренс Рейнджер, анализируя «изобретённые традиции», показывают, что символическая стабильность особенно важна в условиях социальных изменений – именно она позволяет создать ощущение продолжения и сопричастности [18]. Жан Делюм трактует ритуал как способ «присвоения мира» – через участие в ритуалах человек утверждает не только свою принадлежность, но и внутреннюю идентичность [19].

Модель символической интеграции:

$$S(t) = \int_0^T (R(t) + Z(t) + M(t)) dt,$$

где:

$S(t)$ – уровень символической интеграции во времени;

$R(t)$ – участие в ритуалах (посвящения, чествование, собрания);

$Z(t)$ – знаковые элементы (нашивки, звания, визуальная репрезентация);

$M(t)$ – нарративная память (истории ветеранов, мифология отряда).

Символика – это не атрибут, а средство воспроизводства идентичности, обеспечивающее межпоколенческую преемственность (табл. 6).

Таблица 6. Структура символических элементов в отряде

Элемент	Конкретная форма	Функция
Знак	Эмблема, форма, флаг	Идентификация, статус, принадлежность
Ритуал	Посвящение, слёт, собрание, награждение	Легитимация роли, признание, переход между стадиями
Миф / нарратив	Истории ветеранов, легенды, традиции	Удержание истории, укрепление морали
Символическое действие	Приветствие, слоганы, песни	Повседневная коммуникация ценностей

Объединяющая формула ОЕ: философия структуры и итоговая модель

Кротов Д.В. в своей диссертации предлагает ресурсно-институциональный подход: молодёжь не восстанавливает социальный капитал автоматич-

чески, а делает это «в пространстве практической необходимости» – только в тех институтах, где есть символическое признание, социальный результат и горизонтальная лояльность [20].

После рассмотрения ключевых функций студенческого отряда – как механизма защиты от фрагментации (IMM), генератора социального, человеческого и культурного капиталов (ΔTK), производителя общественного блага (SE), среды личностного взросления (P) и символической интеграции ($S(t)$) – становится возможным формализовать интегральную модель отрядного эффекта.

Эта модель, обозначаемая как ОЕ (отрядный эффект), позволяет описать многомерное влияние отрядного участия на личность, сообщество и социальную устойчивость. Она может использоваться как научный инструмент анализа, а также как основа для разработки индикаторов в сфере молодёжной политики, педагогики и социологического мониторинга.

Обобщающая формула отрядного эффекта:

$$OE = \Phi(\alpha \cdot IMM + \beta \cdot \Delta TK + \gamma \cdot SE + \delta \cdot P + \theta \cdot S(t)),$$

где:

OE – совокупный отрядный эффект;

Φ – свёртывающая (интегрирующая) функция;

IMM – иммунная функция (нормативная защита, преодоление девиации);

ΔTK – прирост совокупного капитала (social, cultural, human);

SE – положительные экстерналии (доверие, репутация, среда);

P – стадийная личностная модель взросления;

$S(t)$ – символическая интеграция во времени;

$\alpha - \theta$ – коэффициенты весов (можно оценивать эмпирически).

В дополнение к структурно-функциональному описанию отрядного эффекта как совокупности IMM, ΔTK , SE, P, $S(t)$, следует рассмотреть и широкую историко-культурную перспективу формирования и действия данного института. Историческая ретроспектива отрядных проектов демонстрирует, что совместное участие в трудовой деятельности формирует устойчивые, долговременные социальные связи, не сводящиеся к текущей роли или географическим рамкам. Яркий пример – отрядное братство БАМовцев: участников строительства Байкало-Амурской магистрали, объединившихся в рамках студенческого движения 1970–80-х годов. Несмотря на распад СССР и появление новых государственных границ, сеть этих связей сохраняется и сегодня, действуя как социальный капитал трансгосударственного уровня. Подобный пример подтверждает: отрядная культура функционирует не только как модель молодёжного воспитания, но и как инфраструктура долгосрочного социального доверия, неразрушаемая сменой политических режимов. На совре-

менном этапе это движение сохраняет потенциал быть: межрегиональной молодёжной культурой с социально-позитивными нормами поведения; каналом межпоколенческой коммуникации (связь между «БАМ–Олимпиада–Сочи–БАМ 2.0»).

Эти мультиканальные коммуникативные связи, основанные на общих трудовых традициях, не сводятся к горизонтальной модели социального капитала: они формируют объёмную, многоуровневую стратегию коллективного действия, в которой сопричастность не ограничена временем или пространством.

Таким образом, отрядный эффект выходит за пределы прикладной молодёжной политики и становится одним из потенциально государствообразующих механизмов. В перспективе международных отрядных проектов он может рассматриваться как цивилизационный маркер, демонстрирующий уникальную способность российской культуры к воспроизводству социальной солидарности в исторических трансформациях (табл. 7).

Таблица 7. Интерпретация модели

Компонент	Содержание	Потенциальные индикаторы
IMM	Социальная защита, дисциплина, ответственность	Участие в ритуалах, выполнение норм
ΔTK	Ресурсная база личности	Связи, навыки, soft skills
SE	Общественное благо и признание	Оценки окружающих, участие в проектах
PP	Траектория взросления	Роли, длительность участия, последующее лидерство
$S(t)$	Принадлежность, межпоколенческая преемственность	Символы, участие в традициях, устойчивость лояльности

Таким образом, модель отрядного эффекта позволяет рассматривать отряд не как узкую форму занятости, а как сложный социокультурный институт, сочетающий в себе: социальное нормирование; воспроизводство ценностей; генерацию доверия; трансформацию идентичности; и производство символического капитала. Формирование устойчивых межгендерных социальных связей в отрядной среде. Отдельного внимания заслуживает эффект формирования устойчивых межгендерных социальных взаимодействий в отрядной среде, значимый в условиях трансформации современных коммуникативных практик молодёжи. В контексте цифровизации и медиатизации социальной жизни, где вопросы межличностных отношений нередко транслируются в искажённом или фрагментированном виде, отрядная среда выступает пространством очного взаимодействия, опосредованного совместной трудовой деятельно-

стью, нормативными рамками, коллективной ответственностью и разделяемыми ценностями.

В рамках отрядного сообщества формируются социальные связи, основанные на совместно пережитом опыте, включённости в общее дело и принадлежности к коллективу. Регулярное офлайн-взаимодействие, характерное для деятельности студенческих отрядов, способствует развитию коммуникативных навыков, взаимного уважения и доверия между представителями разных социальных и образовательных групп. Отрядная среда также выполняет функцию социальной интеграции, создавая условия для взаимодействия студентов различных направлений подготовки, уровней социального капитала семей и регионов проживания, что расширяет горизонты социальной мобильности и межгруппного диалога.

В результате формируются устойчивые межличностные союзы, в том числе семейные, основанные на общности ценностных установок, коллективном опыте и позитивной оценке социальной значимости труда. По экспертным оценкам и данным отраслевых организаций, ежегодно фиксируется порядка тысячи семей, сформированных на основе межотрядных и межрегиональных контактов, возникших в ходе слётов и трудовых проектов, что свидетельствует о долгосрочном социальном эффекте данной формы молодёжной организации.

Представленная в статье модель отрядного эффекта (ОЕ), включающая пять структурных компонентов – IMM (иммунная функция), ДТК (прирост капиталов), SE (социальные экстерналии), Р (личностная траектория взросления) и S(t) (символическая интеграция) – обладает значительным потенциалом как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

С теоретической точки зрения модель ОЕ объединяет в себе подходы социальной философии, социологии и педагогики. Она позволяет выйти за рамки узкого понимания студенческого отряда как формы занятости или молодёжной активности и рассматривать его как целостный институт воспроизводства норм, идентичности, доверия и субъектности. Таким образом, модель способствует интеграции разрозненных научных направлений в единое аналитическое поле.

С практической стороны ОЕ может быть использована как рамка проектирования, диагностики и оценки образовательных, воспитательных и молодёжных программ. Модель задаёт возможность оценивать не только количественные параметры участия (например, число бойцов или трудовых проектов), но и качественные эффекты: формирование устойчивых ролей, символической включённости, нравственной устойчивости, социальных и межпоколенческих связей. Это делает её ценной основой для разработки управленческих решений в сфере молодёжной политики, гражданского воспитания и социальной интеграции.

Методологический потенциал модели ОЕ выходит за рамки концептуальной интерпретации. Она может быть использована как инструмент научного анализа, образовательной практики и программного управления.

Во-первых, компоненты модели могут быть операционализированы в системе эмпирических исследований. На основе элементов IMM, ДТК, SE, Р и S(t) могут быть разработаны опросные шкалы, индикаторы, интервью-протоколы, позволяющие измерять уровни идентичности, степени символической включённости, динамику социальной ответственности и прирост доверия. Это открывает возможность создания валидированных исследовательских инструментов для оценки воспитательных и молодёжных практик.

Во-вторых, модель ОЕ может быть интегрирована в систему мониторинга и оценки программ воспитательной работы. Она применима как в образовательном сегменте (оценка эффективности участия в отрядном движении), так и в региональной или федеральной молодёжной политике. В рамках модели возможны текущие и итоговые замеры, стратегическая диагностика и сопоставительный анализ различных форм молодёжной социализации.

В-третьих, модель может использоваться как методическая основа для образовательных курсов, особенно в сферах социальной философии, педагогики, социологии, проектирования воспитательных программ и государственного управления. Преподавание по модели ОЕ позволит студентам видеть не абстрактную концепцию, а конкретную и структурированную картину воздействия института на личность и сообщество.

Таким образом, модель ОЕ представляет собой не только концептуальную конструкцию, но и универсальный исследовательский и управленческий инструмент, применимый в анализе молодёжных практик, проектировании воспитательных стратегий и разработке научных оснований для долгосрочных программ идентификационной и культурной интеграции.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. Пер. с англ. М.: Логос, 2008. 240 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1. Власть идентичности. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 608 с.
3. Кротов Д.В. Структура социального капитала молодёжи и ее социальная ресурсообеспеченность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2(39). – С. 144–149.
4. Ростовская Т.А., Князькова Е.Ю. Молодёжь и молодёжная политика в России и за рубежом. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024.

5. The Sociocultural Determinants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis / A.V. Vereshchagina, M.A. Gnatyuk, I.V. Pechkurov [et al.] // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. – 2018. – Vol. 8, № S-SPTMSPCL. – P. 2244–2251.
6. Гнатюк М.А. Трансформация трудовых ценностей российской молодежи в условиях глобализации: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гнатюк Максим Александрович. – Ростов, 2016.
7. Студенческие отряды в формировании трудового воспитания и социального капитала молодежи России / А.В. Рябцевич, М.С. Киселев, В.Н. Усов [и др.]. – Ростов-на-Дону: Попов К.Р., 2018. – 131 с.
8. Зубашенко Я.В. Этический каркас студенческих отрядов: к вопросу о нравственном воспитании современной молодежи // Национальное здоровье. 2018. № 3. С. 32–38.
9. Гнатюк, М.А. Специфика трансформации трудовых ценностей современной российской молодежи / М.А. Гнатюк, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8–9. – С. 26–29.
10. Студенческие отряды как система трудового и патриотического воспитания и самореализации молодежи: монография / М.С. Киселёв, Д.В. Кротов, М.А. Гнатюк; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2024. – 172 с.
11. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990. 159 p.
12. Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton University Press, 2005. 376 p.
13. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. NY: Greenwood, 1986. P. 241–258.
14. Патнэм Р. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Simon & Schuster, 2000.
15. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Просвещение, 1989. 480 с.
16. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 352 с.
17. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. NY: Greenwood, 1986. P. 241–258.
18. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983. 320 p.
19. Delumeau J. History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition. Urbana: University of Illinois Press, 2000. 312 p.
20. Кротов, Д.В. Социальный капитал российской молодежи: проблема воспроизводства: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Кротов Дмитрий Валерьевич. – Ростов-на-Дону, 2009. – 251 с.

STUDENT SQUAD AS NATION'S IMMUNITY: THE FORMULA FOR THE SQUAD EFFECT

Turkmenov I.O., Usov V.N., Gnatyuk M.A.
Volga State Transport University

The article presents a conceptual model of the squad effect as an integral social phenomenon that occurs in the activities of student groups. The theoretical and methodological basis of the research is based on the works of Z. Bauman, M. Castells, N. Luhmann, W. Beck, P. Bourdieu, J. Coleman, R. Putnam. It is revealed through five key components: the immune function (IMM), capital gains (ΔTK), social externalities (SE), the stage model of growing up (P) and symbolic integration (S(t)). It is shown that detachments play the role of social immunity of youth in conditions of institutional fragmentation, contribute to the accumulation of social, cultural and human capital, form positive externalities and ensure the continuity of values. The author's model has both theoretical significance for the philosophy and sociology of youth, as well as applied potential for evaluating the effectiveness of youth policy and educational practices.

Keywords: squad effect; student groups; youth; social capital; social immunity; socialization; identity; symbolic integration.

References

1. Bauman, Z. (2008). Liquid Modernity. Moscow: Logos. 240 p. (in Russian).
2. Castells, M. (2010). The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Power of Identity. Moscow: Higher School of Economics. 608 p. (in Russian).
3. Krotov, D.V. (2008). Structure of youth social capital and its social resource provision. Humanitarian and Socio-Economic Sciences, 2(39), 144–149. (in Russian).
4. Rostovskaya, T.A., & Knyazkova, E.Yu. (2024). Youth and Youth Policy in Russia and Abroad. 2nd ed. Moscow: Yurayt. (in Russian).
5. Shevchenko, O.M., Samygin, S.I., Kasyanov, V.V., et al. (2018). Technologies of Social Work with Family and Children. Rostov-on-Don: Phoenix. 250 p. (in Russian).
6. Gnatyuk, M.A. (2016). Transformation of labor values of Russian youth under globalization. PhD dissertation abstract in sociology. Rostov-on-Don. (in Russian).
7. Ryabtsevich, A.V., Kiselev, M.S., Usov, V.N., et al. (2018). Student brigades in the formation of labor education and social capital of Russian youth. Rostov-on-Don: Popov K.R. 131 p. (in Russian).
8. Zubashchenko, Ya.V. (2018). Ethical framework of student brigades: on the problem of moral education of modern youth. National Health, 3, 32–38. (in Russian).
9. Samygin, P.S., Samygin, S.I., & Krotov, D.V. (2023). Prevention of deviant behavior of youth. 2nd ed. Moscow: Yurayt. 284 p. (in Russian).
10. Kiselev, M.S., Krotov, D.V., & Gnatyuk, M.A. (2024). Student brigades as a system of labor and patriotic education and self-realization of youth. Rostov-on-Don: Southern Federal University. 172 p. (in Russian).
11. North, D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press. 159 p.
12. Ostrom, E. (2005). Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press. 376 p.

13. Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In: Richardson, J.G. (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood. pp. 241–258.
14. Putnam, R. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.
15. Makarenko, A.S. (1989). Pedagogical Poem. Moscow: Prosveshchenie. 480 p. (in Russian).
16. Vygotsky, L.S. (2005). Psychology of Human Development. Moscow: Smysl. 352 p. (in Russian).
17. Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In: Richardson, J.G. (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood. pp. 241–258.
18. Hobsbawm, E., & Ranger, T. (1983). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
19. Delumeau, J. (2000). History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition. Urbana: University of Illinois Press. 312 p.
20. Krotov, D.V. (2009). Social Capital of Russian Youth: the Problem of Reproduction. Doctoral dissertation in sociology. Rostov-on-Don. 251 p. (in Russian).

Возможность бессмертия как философская проблема

Афанасенко Яна Александровна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: iana8875@bk.ru

Перевозникова Лидия Сергеевна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: perevoznikova.lidia@gmail.com

Статья посвящена возможности бессмертия как философской проблеме. С позиции диалектико-материалистической проанализирован инструмент целеполагания человеком жизни. Поднята проблема смерти как фундаментального смыслообразующего феномена. Рассмотрены бессмертие как возможность частичного снятия противоречия индивидуального-родового, а также последствия, к которым такое снятие может привести, а именно: усугубление проблемы отчуждения человека от человека, потеря преемственности опыта в культуре, стагнирование развития человеческой сущности. Проанализирована необходимость экзистенциального ужаса в процессе осмысления человеком жизнедеятельности, фундаментальные основания смертности материальных систем, а также реальные и потенциальные инструменты достижения человеком бессмертия с философских позиций.

Ключевые слова: философия, естествознание, бессмертие, жизнь, смерть, смысл, человек, род, вид.

Введение или постановка проблемы

Во все времена люди жаждали бессмертия: кто-то, чтобы избежать боли умирания, потому что смерть всегда существует между моментом, когда мы есть, и моментом, когда нас нет, вне зависимости от нашей воли или нашего отрицания самого факта ее потенциального – для нас – и реального – для других при нас – присутствия; кто-то – по причине жажды знаний о грядущем, до которого, вероятно, можно не дожить; кто-то – от тоски и злости, неудовлетворенности жизнью и желания радикальных перемен. Но, тем не менее, жажда бессмертия всегда сосуществовала со страхом перед ним: страхом продлить и без того жалкую жизнь, страхом ухудшить ее качество при возможном бесконечном упадке, страхом потерять смысл.

Смысл – это внутреннее содержание, цель и разумное основание жизни. Без смысла жизнь невозможна, ведь она есть не просто способ существования белковых тел, хотя, безусловно, не без этого, но она есть деятельная реализация собственно человеческого индивидуального проекта. А проект – суть деятельность, направленная на достижение цели и, что самое главное, ограниченная по времени.

«Цель – смысл – оправдание – существование – такова нехитрая цепочка человеческого целеполагания, некий телеологический архетип и своего рода антропологический фундамент. Можно подвергать сомнению все, что угодно, но не эту схему» [1]. В течение своей жизни человек может ставить перед собой мириады самых разных целей: он может решить, что хочет посадить дерево, может двигаться в сторону построения дома и даже создать семью. Но цель – это не просто идея, не просто вольно подвешенная в воздухе фраза, а образ будущего результат, достичь который возможно лишь при концентрации соответствующих усилий и ресурсов, в том числе такого ресурса как время, исключительно по истечении которого возможны оценка эффективности деятельности и пожинание плодов. Но жизнь не мелкий проект, способный уместиться на нескольких листах бизнес-плана. Как быть с ней?

Человек как «высший цвет материи» реализуется как человек в развертывании своей социальности, в приложении своих сущностных сил – стало быть, человек способен жить как человек в общении и, в первую очередь, в труде. В процессе труда человек меняет мир вокруг себя, преобразует его, в конечном счете преобразуя себя, услож-

няясь. Это характерно как для родового человека, так и для человека индивидуального: мы сегодня сложнее, чем мы были вчера, наш опыт богаче, наши навыки шире. И вот, казалось бы, трудясь, усложняя себя и закономерно усложняя свои запросы, свои потребности, человек и реализует свой собственный проект, движется к намеченной цели, оценивает промежуточные результаты и вновь вкладывается в свой проект, конец реализации которого – смерть. Вопрос, что из себя представляет эта тотальная цель всей человеческой жизни, в рамках данной статьи нами рассматриваться не будет – это дискуссионный, пусть и весьма важный этический, аксиологический вопрос в том числе онтологического характера, но, скажем так, отличная проблематика, требующая собственного специфического рассмотрения. О чем мы реально хотим поговорить, так это о фундаментальных основаниях бессмертия, о той границе, знаменующей конец реализации собственно человеческого проекта, о том феномене, засвидетельствовать который в первом лице человек способен лишь на примере другого и о возможности и текущих средствах достижения противного ему состояния, снимающего одно из фундаментальных противоречий социальной формы материи, – о смерти и о бессмертии.

Статья представляет из себя философский экскурс по материалистическим основаниям истории, конкретно – по противоречию родового и индивидуального как фундаментального противоречия в вопросе развития человека в ходе истории, а также – по естественнонаучным основаниям невозможности бессмертного существования материальных систем, в частности, речь идет о биологических основаниях невозможности практического биологического бессмертия человека с точки зрения теории репродуктивных стратегий живого и теории накопления генетических мутаций.

Бессмертие и противоречие родового-индивидуального

Человека, социальную форму организации материи отличает диалектичность существования: с одной стороны, человек, противопоставляя естественную природу созданной им «второй» природе, культуре, усложняет мир, с другой стороны, противопоставляя себя этим двум природам человек усложняется сам. В единстве и противоречии единичного себя и тотальности рода он существует бесконечно. Но такое бесконечное существование, социальное бессмертие не предел мечтаний непрерывно развивающегося человека с непрерывно развивающимися потребностями. Его мечта – подлинное, практическое бессмертие, непрерывное, непрекращающееся индивидуальное бытие, индивидуальное отрицание смерти, и мечта эта существует столько, сколько существует сам человек, сколько

существует сама смерть. И с течением времени, с развитием человека и его способностей эта мечта все больше становится реальной. Возможно, с течением времени развитие человека приведет его к столь желанному бессмертию. Но тогда возникает вопрос, относящийся уже собственно к развитию: не станет ли бессмертный человек началом конца человека как такового?

Противоречия – двигатель прогресса, источник движения в целом и развития как высшей формы движения, в частности. И противоречие между родового и индивидуальной человеческой сущностью является одним из ключевых противоречий, относящихся к природе человека вообще. Безусловно, такое противоречие строится не только и не столько на биологических основах, сколько на основах социальных, а именно на отчужденности труда индивида и на ограничениях реализации им собственных сущностных сил существующими экономическими рамками, создаваемыми господствующим классом в современную эпоху. Однако расширение биологических возможностей как фундамента, базиса социальности может сыграть в данном вопросе определяющую роль.

Если допустить, что бессмертие может быть достигнуто на этапе существования «перезрелого», вырождающегося капитализма, то это лишь усугубит классовые разногласия между «господами и рабами», став привилегией элиты, очередным капиталом, инструментом эксплуатации. Родовая человеческая сущность окажется под угрозой: «вечная» элита, бессрочно закрепляющая свою власть, превратится в единственный гарант истории, а история как процесс поступательного развития и усложнения человека станет пустышкой и, подобно бессмертным, застынет в вечности: куда может направить наемного работника собственник, переставший развиваться, запертый в своем индивидуальном бытии, на смену которому ничто противоречащее его реальности, принуждающее к развитию, никогда не придет?

Человек существует реально, он есть высшая форма материи, фундаментальными формами которой выступают пространство и время. Человек существует в хронотопе, причем в рамках капитализма этот хронотоп обладает специфической департаментностью: «Для элиты, существующей в современном информационном, глобализирующемся мире, время является определяющим фактором экономического успеха. Время для нее имеет жизненно важное значение, и она стремится жить во времени. Жизнедеятельность элиты не локализуется в границах конкретной социальной среды и выходит далеко за пределы собственной страны... пространство для нее не имеет практического значения, оно для нее не существует. Для народа, особенно для той его части, которая едва сводит концы с концами, время кажется остановившемся. Тяжесть бытия лишает

время его подлинного значения. Для неимущих слоев общества время не существует. Для них значимо пространство, локализованное в пределах конкретной социальной среды (семьи, предприятия и т.д.). Для людей, живущих в таком пространстве, оно оказывается единственно доступной формой существования...» [2]. Если отобрать у человека время, в его распоряжении будет только пространство, следовательно, «вечная» элита в таком случае утратит опору своего существования: оторванная от фундамента, она растворится где-то в предельном бытии, и будет неизменно терять себя, собирать по кусочкам и вновь и вновь распадаться на едва связанные друг с другом фрагменты личности, как это было, например, с Гомером, вновь и вновь пишущим «Илиаду», но забывающем о том, в работе Борхеса «Бессмертный».

Если же бессмертие будет достигнуто не как привилегия господ, а как возможность для всех, вопрос исторического развития все так же будет иметь место: что станет с культурой как целостной характеристикой развития сущности человека, как деятельностью вообще и ее результатах, закрепляемых различными материальными структурами? Ведь родовая человеческая сущность строится в том числе на культуре преемственности опыта поколений и коллективной солидарности сквозь время: «Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного – родового существа, т.е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу. <...> Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально: оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку...» [3]. Таким образом, человек сообразно своей природе производит себя, производит для себя, производит человека, и, как следствие, производит других; производит будущее. Но зачем человеку производить будущее, если он и есть будущее, если он сам есть все?

Протяженное существование и ужас

Жизнь – человеческое существование, бытие подлинное и неподлинное: в своем неподлинном бытии человек приравнивается к вещам, образу «усредненного» человека; в подлинном же человек, осознавая свою конечность, свою свободу, является творцом будущего, реализуя себя для него в настоящем с опорой на данный мир прошлого, «былого». Человеческая жизнь – это процесс взаимодействия индивида с миром, с «другими» через диалог и совместное бытие, в котором, сталкиваясь с собственной конечностью, со страхом, перерастающим в экзистенциальный ужас, который не имеет предмета, поскольку выражает лишь некоторую будущую возможность, начинает создавать себя и творить себя как проект: «Бытие светит человеку в экзистенциальном «проекте» [4]. Жизнь – суть протяженное и *деятельное* существованием человека во времени и в пространстве, «...реальность – в действии. Оно [экзистенциальное учение] даже идет дальше и заявляет, что человек есть не что иное, как его проект самого себя. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь [5].

Конечность бытия человека – условие той высшей степени его осознанности, которое принадлежит «высшему цвету материи» по праву его существования. Сталкиваясь с трудностями на своем жизненном пути, решая проблемы, возникающие в ходе жизни, как уже неоднократно упоминалось ранее, человек творит себя. И продолжает творить, сталкиваясь с наиболее отрезвляющей, выводящей к собственной экзистенции проблемой, какой является осознание своей смерти как потенциальной и неизбежной. Переживание собственной уязвимости, немоги пред лицом тотального универсума, конечности в окружении, казалось бы, бесконечных вещей вводит в состояние экзистенциального ужаса, паралича. Но именно переживание таких состояний делает человека подлинно собой, индивидуальностью, потому что «смерть носит «личный» характер, она – всегда «моя», никем не может быть со мной «разделена», «никто не может отнять у другого его смерть». И поскольку условия и обстоятельства смерти недоступны рефлексии (смерть принципиально непредставима), важно не то, что человек думает о самом событии смерти, но то, какое она может иметь значение для «полноты» жизни, понимания человеком своих бытийных возможностей» [6]. «Неспособность к ужасу, к ужасанию, непонимание ужасного в самом обычном порядке сущего, наделение густотой *ужасного* только особых мест в жизни вместо ужаса всего Бытия, которое в своей совокупности и есть один сплошной ужас, – все это есть знаки того, что называют «кризисом» [1].

Как бы трагично это ни звучало, но ужасание перед лицом смерти является своеобразной возможностью выхода к смыслу жизни. Ожидание смерти выступает смыслообразующим элементом для созидания подлинно человеческого, т.е. осмысленного и рационального бытия.

Что касается «других», столь часто фигурирующих в ранее упомянутых экзистенциальных нарративах, «другие», те, кто не «я», могут представлять собой нечто предельно инородное. И хотя нельзя отрицать принадлежность «я» и «других» к единому роду, закрытость чужого сознания от собственного, как и закрытость собственного сознания перед другими, является основой непонимания между людьми, приводящего к одиночеству: «Ад – это другие» [7], они неумолимо напоминают нам о нашем одиночестве, нашей «заброшенности в мир», которому на уровне явлений мы чужды. И бесконечное, бессмертное пребывание человека в таком аду лишь путь в никуда, особенно если протяженное существование никак не рефлексивируется и не наполняется смыслом, исходящим из осознания собственной конечности. Жизнь – проект, однако проект является в данном случае не процессом, а результатом, обретающим наличное бытие в связи с конечностью выделенного на реализацию времени. В этом контексте ад множится, жизнь по истине превращается в «мутную пену равнодушия под маской какой-то непонятной сверхактивности», и скука становится новым адом [1].

К вопросу о фундаментальных естественнонаучных основаниях бессмертия

Как уже упоминалось ранее, человек, окруженный природой, которая, казалось бы, бесконечна в своей темпоральности, бессмертна, непременно задается вопросами о возможности собственного практического бессмертия путем внедрения медицинских и технологических достижений в свою жизнь: если человек является порождением бессмертной природы, значит он также, как и природа, способен к бессмертию. Но действительно ли природа бессмертна?

Современная наука знает о четырех формах организации материи: физической, химической, биологической и социальной. И, прежде чем говорить о практической бессмертии социальной формы материи, человека, необходимо рассмотреть ее фундамент как таковой, потому что человек – продукт единого, закономерного, поступательного и объективного процесса развития. На уровне физики материя представляет из себя вещество, дискретность, состоящую из корпускул, и поле, обладающее непрерывным, волновым характером. Вещество и поле представляют из себя физические объекты, физические объекты представляют из себя физическую систему, а, как известно

современной физике, любая физическая система подчиняется законам термодинамики. Согласно второму закону термодинамики, в любой замкнутой системе энтропия (мера беспорядка) со временем возрастает, или, в формулировке физика Больцмана, все естественные процессы являются переходом системы от менее вероятных (упорядоченных) состояний к более вероятным (беспорядочным) состояниям, любой реальный процесс является необратимым. Это означает, что со временем любая физическая система преобразовывается и под воздействием необратимых процессов и несет энергетические потери: самопроизвольное рассеивание тепла и затухание колебаний, в определенном смысле данная система стареет. Безусловно, приписывание процесса старения физической форме материи в данном ключе весьма условно, ведь старение связано с жизнью, а жизнь в междисциплинарном ключе представляет из себя динамику развития сложной системы, включающей себя не только физические, но и химические, биологические и информационные процессы. Стоит вспомнить хотя бы энегельсово определение жизни как «способа существования белковых (курсив наш) тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка» [8]. Но даже как метафора, некая аллегория на человеческое старение «старение» физической формы материи весьма показательно. Проиллюстрируем.

В развитии физической формы материи обнаруживается строгая и необходимая объективная логика: от мощных масс-энергетических процессов, в которые вовлечены колоссальные массы и энергия, материя переходит к слабым масс-энергетическим процессам, связанным с электронной оболочкой атомов. Коренным качественным скачком в развитии физической формы материи является возникновение атомной ее организации, что означает конец образования разнообразия микрообъектов и начало построения макросистем. В атоме синтезированы противоположные свойства: устойчивость и изменчивость, стабильное ядро и лабильная электронная оболочка; благодаря сильному взаимодействию нуклонов, ядра атомов не чувствительны к электромагнитному взаимодействию на уровне электронных оболочек, поэтому основным способом взаимодействия материи на атомно-молекулярном уровне ее структуры оказывается соединение неизменных элементов в изменяющиеся системы, то есть прямой синтез субстратов, включающий в себя свою противоположность – распад химических систем на составные части.

Перейдем к анализу химической формы материи, а именно уровней неорганической и органической химии. Неорганика (металлы, соли и мине-

ры), подобно явлениям физического мира, до сих пор далека от понятия жизни, однако нельзя не вспомнить о ее более сложной в отличие от физической организации и, соответственно, более сложных законах ее функционирования, ассимилирующих основания физического мира.

Как известно, любое вещество представляет из себя совокупность некоторых частиц. Например, химические элементы и их аллотропы в совокупности представляют собой химическое соединение, вещество, состоящее из двух и более атомов, которые соединены между собой химическими связями, то есть таким взаимодействием, которые связывает отдельные атомы в более сложные образования (молекулы и кристаллы). Типы химических соединений определяют принцип организации самого вещества, то есть вещество при хаотичном соотношении своих составляющих может быть аморфным, а при упорядоченном – кристаллическим, то есть обладающим кристаллической решеткой. Аморфные вещества находятся в метастабильном состоянии, и с течением времени в них усиливается тенденция к переходу в более устойчивое соединение, кристаллическое. О нем в связи с нашей темой и поговорим подробно.

Кристаллы, или вещества, имеющие кристаллическую решетку, неизбежно обладают временем распада кристаллической решетки, зависящим от типа решетки, прочности связей и таких условий, как примеси в составе вещества, температуры и давления внешней среды. Этот процесс неизбежно связан с внутренней энергией связи, то есть с *общим запасом энергии системы*, который складывается из энергии движения и взаимодействия молекул, энергии движения и взаимодействия ядер и электронов в атомах, молекулах и т.д.: «Все структуры, будь то галактики, звезды, планеты или формы жизни, представляют собой открытые, неравновесные системы, в которых потоки энергии внутрь и наружу являются центральной особенностью. И именно эта энергия, часто называемая доступной или «свободной» энергией – буквально, способностью совершать работу – помогает строить структуры» [9]; «Энергия – способность совершать работу или вызывать изменения – является самой универсальной валютой в естественных науках» [10]. Именно общий запас энергии системы обеспечивает ту или иную продолжительность ее жизни. Согласно закону сохранения энергии, суммарное количество энергии в системе остается постоянным, то есть энергия не возникает из ниоткуда и нигде не исчезает бесследно, а лишь переходит из одной формы в другую. Именно данный закон до сих пор обеспечивает закрепление за тепловой смертью Вселенной статус гипотезы, поэтому в данном контексте мы ее как непреодолимый момент «смерти» всех уровней организации материи рассматривать не будем. Мы полагаем, что вечность мате-

рии не есть сумма вечности ее частей: все природные неорганические соединения в мире находятся в постоянной реакции с другими. При этом свободных атомов на данном уровне организации материи не существует. То есть любые атомы обязательно входят в состав того или иного вещества, а, стало быть, вещества, взаимопревращающие друг друга в соединения иной химической структуры путем химического синтеза по законам химического сродства, – это движущиеся, развивающиеся и, в конечном итоге, принципиально непостоянные соединения.

Как видим, именно в вопросах, связанных с органической химией, мы можем оперировать такими понятиями как жизнь, смерть и бессмертие на вполне научном основании, а не только в качестве метафоры. Ведь именно из сложных органических молекул (белков, жиров, углеводов и нуклеиновых кислот) построены все живые системы, и именно биохимические процессы, управляющие жизнедеятельностью, являются основой жизни, делая молекулярный уровень фундаментальным в иерархии организации живого. Но, как и на уровнях более низких в иерархии сложности материи, на уровне органической химии нет ничего принципиально бессмертного или потенциально бессмертного. Любое химическое соединение все еще действует по законам термодинамики. И в соответствии с кинетическими закономерностями с точки зрения термодинамики «бессмертным» можно было бы назвать соединение, которое находится в глобальном минимуме энергии и не способно спонтанно превращаться в другие вещества. Однако в реальности почти все органические соединения термодинамически нестабильны по отношению к элементам (углероду, водороду, кислороду и т.д.) или к более простым продуктам, таким как углекислый газ и вода; согласно же кинетическим закономерностям, химические реакции неизбежно протекают под воздействием определенных условий внешней среды, что приводит к трансформации, распаду или синтезу вещества. Последние – его смерть и рождение.

От анализа химического уровня существования материи в контексте темы бессмертия перейдем к биологическому как к результату естественного развития химической формы материи. Сущностью биологического способа существования является тенденция к самосохранению путем приспособления к среде. Здесь адаптация – не заданная, а именно творимая устойчивость. Одним из важнейших свойств живого является целесообразность, понимаемая как направленность всех процессов на сохранение живого. Человек, социальная деятельность которого с необходимостью соотносится с биологическим основанием, не способен к той продолжительности жизни, которой обладает, например, рекордсмен-долгожитель гренландская полярная акула (пред-

ставитель подводных млекопитающих) или слон (как рекордсмен среди наземных млекопитающих). Согласно синтетической теории эволюции, господствующей в науке на данный момент, движущей силой эволюционных процессов являются мутации, изоляция, дрейф генов и естественный отбор как основной направляющий фактор; человек, существующий в предсказуемой природной среде, как биологический вид действует согласно сценарию репродукции типа К, то есть производит малочисленное качественное, то есть обладающее наибольшей выживаемостью потомство и характеризуется повышенной ответственностью в вопросе его опеки в течение продолжительного количества времени; в связи с упором на качество потомства организм человека как система, обладающая общим конечным энергетическим запасом, фокусируется скорее на репродукции, чем на поддержании собственного функционирования. Естественный отбор как направляющая не просеивает гены антагонистически плеiotропного действия, ускоряющие старение, но повышающие репродуктивные возможности, а значит при входе в пострепродуктивное состояние, когда биологический вид уже успел оставить потомство, гены антагонистически плеiotропного действия не проходят естественный отбор и продолжают накапливаться в потомстве вида, продолжая все дальше через потомков являться устойчивым фактором необратимости смерти: «Отсрочка времени проявления «неблагоприятных» наследственных факторов – это не просто хорошая идея, которой организму следовало бы следовать на практике; отсрочка может быть навязана самим естественным отбором, и старость соответственно становится самоподдерживающимся процессом» [11].

Как видим, на биологическом уровне существования материи есть гены, неумолимо движущие человека к смерти и обеспечивающие его смертность вообще, но здесь у читателя закономерно может возникнуть вопрос относительно возможности редактирования генов. Этот вопрос мы будем рассматривать скорее с точки зрения праксиологии, чем с этики поскольку этическая сторона вопроса требует отдельного глубокого философского анализа.

Согласно воззрениям пермской философской школы в области философии сознания, мыслит не мозг, а человек при помощи мозга, то есть именно человек как целостная система является субъектом мысли, а не мозг как орган, иначе нельзя было бы объяснить, как на основе конечного числа нейронов возникает бесконечное количество мыслей и идей. Мыслит не мозг, а именно трудящийся человек во всех целокупности своего существа, трудовые операции которого отражаются в сознании, становясь логическими операциями, на базе которых человек и способен не просто хранить, а использовать и синтезировать эм-

пирически получаемые данные в нечто, отличное от них самих. Именно в связи с этим, например, нельзя было бы назвать искусственный и/или органоидный интеллект интеллектом человеческим и в конечном итоге – человеком. Соответственно, при редактировании человеческих генов, что также может сопровождаться непредсказуемыми мутациями, не всегда позволяющими достичь поставленных целей, в частности, беспредельной пролонгации человеческого существования, возникает вопрос: с каким по качеству «когно» человек будет жить свою бесконечную жизнь? Как уже упоминалось ранее, в случае обеспечения биологического бессмертия человек, суть которого и есть будущее, вероятнее всего, потеряет мотивационную компоненту к труду. Труд не вырождается как таковой, поскольку он неизбежно будет принадлежать человеку как одна из его сущностных сил. Однако усложнение «второй человеческой природы», развитие как таковое будет замедлено, что в худшем случае будет способствовать вырождению или стагнации человеческой культуры как целостной характеристики уровня развития его сущностных сил, проявляющихся как в его деятельности, так и в самих результатах этой деятельности. Вместе с тем на уровень развития «отредактированного» организма будет влиять теряемая с возрастом нейропластичность мозга: например, при синтезе нового знания в рамках любой из дисциплин существует вероятность ухудшения качества этого самого нового знания и скорости его непосредственного синтеза; также переизбыток опыта, получаемого в ходе неограниченного существования, может быть источником противоречивых сигналов, ограничивающих деятельность человека, ровно как и причиной диссоциативных состояний его идентичности. Своеобразным итогом подобного эксперимента может стать бесконечно живущая, неизбежно, но малочисленно трудящаяся, имеющая серьезные нарушения в когнитивных способностях популяция.

Бессмертие как реальность

Мы полагаем, что с учетом современного уровня развития науки достижение полного биологического бессмертия на данный момент невозможно. Однако озабоченная идеей бессмертия «элита» не перестает искать инструменты для его обеспечения или хотя бы для торможения процесса старения: «средняя продолжительность жизни наших современников составляет все го 1/2–1/3 максимальной продолжительности жизни человека» [12], а значит видового предела продолжительности жизни мы до сих пор не достигли. Так, например, американский миллиардер Брайан Джонсон в поисках инструментов долголетия не только внедряет в свою жизнь практики оптимальных физических нагрузок и здоровое питание, но и регулярно переливает себе

кровь своего сына, как сам – уже своему отцу. Однако даже с учетом этого его выигрыш в годах при анализе состояния организма составляет не более пары-тройки лет.

Что касается модификации генома человека как одного из инструментов остановки старения организма, как и в случае с любой экспериментальной технологией, необходим длительный период исследований, чтобы сделать определенные выводы об его эффективности или отсутствия таковой. На данный момент единственным проведенным экспериментом с геномом человека является редактирование геномов близняшек Лулу и Наны ученым из Китая Хэ Цзянькуем. В настоящее время сложно предположить, какие конкретно мутации могли возникнуть после вмешательства в геном, однако научное сообщество уже выразило свою правовую и этическую озабоченность в этом вопросе. На примере вмешательства в геном животных можно отметить некоторую неоднозначность выводов: в частности, «есть данные, что удаление гена CCR5 увеличивает риск заражения лихорадкой Западного Нила и тяжелой формой гриппа. С другой стороны, недавние опыты на мышах продемонстрировали, что эта мутация делает их умнее. Люди с врожденной делецией гена быстрее восстанавливаются после инсульта» [13].

Заключение

По итогам проведенного исследования можно заключить, что с философской и естественнонаучной точки зрения никакая материальная система не способна быть вечной и жить бесконечно. На физическом уровне, как и на химическом, согласно второму закону термодинамики, любая система неизбежно подвержена распаду и разложению с последующим переходом в новое состояние. На биологическом уровне бесконечная жизнь также невозможна ввиду неумолимого накопления человеком генетических мутаций, обеспечивающих некоторую «усталость» биологических систем жизнеобеспечения человека, а также ввиду исходящей из этого факта «усталости» нейронных волокон и снижению нейропластичности мозга.

При реализации социальных практик и биологических технологий, низводящих человека как социальное существо к его биологической составляющей, общество может войти в нескончаемую эпоху стагнации культуры и деградации человечества, его сущностных сил. В заключение отметим, что ни одна материальная в философском понимании система не способна на предельное темпоральное постоянство существования.

Литература

1. Варава, В.В. Седьмой день Сизифа. Ужас скуки [Электронный ресурс] <https://nm1925.ru/arti->

[cles/2017/201712/sedmoy-den-sizifa-6789/](https://nm1925.ru/articles/2017/201712/sedmoy-den-sizifa-6789/) (дата обращения: 01.01.2026).

2. Актуальные проблемы социальной философии. Сборник научных трудов / Л.А. Мусаян. – НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права» в Пермском крае. – Пермь, 2014.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи (1844). Отчужденный труд [Электронный ресурс] <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/4.htm> (дата обращения: 01.01.2026).
4. Хайдеггер, М. Бытие и время: статьи и выступления: пер. с нем. – Письмо о гуманизме // М. республика, 1993. – С. 205.
5. Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр // Политиздат – М., 1990. – С. 343.
6. Михайлов, И.А. Бытие к смерти [Электронный ресурс] <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01bef37cc672aab9a62e9dbe> (дата обращения: 03.01.2026).
7. Сартр, Жан-Поль. За закрытыми дверями [Электронный ресурс]. https://royallib.com/book/sartre_ganpol/za_zakritimi_dveryami.html (дата обращения: 03.01.2026)
8. Энгельс Ф. Диалектика природы. // ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ. – М. 1941 – С. 246
9. Шайссон Э. Дж. Космос и культура: системный взгляд на мир / Э. Дж. Шайссон // Перепечатка из издания NASA History Division. – 1981.
10. Шайссон Э. Дж. Возникновение сложности в природе / Э. Дж. Шайссон // *Bioastronomy 2002: Life Among the Stars*: сб. тр. симпозиума, Vol. 213 / под ред. R.P. Norris, F.H. Stootman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – С. 532.
11. Медавар, П.Б. Нерешённая проблема биологии: инаугурационная лекция, прочитанная в Университетском колледже Лондона 6 декабря 1951 г. / П.Б. Медавар; пер. с англ. – Лондон: Н.К. Lewis & Co Ltd, 1952. – С. 21.
12. Западнюк В.И. Старение, активное долголетие и лекарства. Киев, 1987. – С. 87.
13. «Мутация по плану». К чему привели опыты одиозного ученого из Китая // РИА Новости. – 2024. – 14 апреля. [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20240414/genom-1939319153.html> (дата обращения: 10.01.2026).

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF IMMORTALITY

Afanasenko Ya.A., Perevoznikova L.S.

Perm State National Research University

This paper is dedicated to the possibility of immortality as a philosophical problem. The instrument of human goal-setting in life is analyzed from the dialectical-materialistic position. This work examines immortality as an opportunity to partially lift the contradiction between individual and societal nature of a human, as well as the consequences this lift may lead to. These consequences are as follows: the issue of estrangement of one person from another being exacerbated, the loss of succession and continuity of experience in

culture, the stagnation of human nature's development. This article inspects the need for existential dread in the process of human comprehension of life and fundamental grounds for the mortality of material systems as well as the real and potential tools for a human to achieve immortality from a philosophical standpoint.

Keywords: philosophy; natural science; immortality; life; death; sense; human being; genus; kind.

References

1. Varava, V.V. The Seventh Day of Sisyphus. The Horror of Boredom [Electronic resource] <https://nm1925.ru/articles/2017/201712/sedmoy-den-sizifa-6789/> (accessed 01.01.2026).
2. Actual Problems of Social Philosophy. Collection of Scientific Papers / L.A. Musaelyan. – NOU HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law» in Perm Krai. – Perm, 2014.
3. Marx, K. Economic and Philosophical Manuscripts (1844). Alienated labor [Electronic resource] <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/4.htm> (access date 01/01/2026).
4. Heidegger, M. Being and time: articles and speeches: trans. with him. – Letter on humanism // M. republic, 1993 – P. 205.
5. Twilight of the Gods. F. Nietzsche, Z. Freud, E. Fromm, A. Camus, J.P. Sartre // Politizdat – M., 1990 – P. 343.
6. Mikhailov, I.A. Being towards Death [Electronic resource] <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH-01bef37cc672aab9a62e9dbe> (date of access 03.01.2026).
7. Sartre, Jean-Paul. Behind Closed Doors [Electronic resource]. https://royallib.com/book/sartr_ganpol/za_zakritimi_dveryami.html (date of access: 03.01.2026).
8. Engels, F. Dialectics of Nature. // OGIZ GOSPOLITIZDAT. – M. 1941 – P. 246.
9. Chaisson, E.J. Cosmos and Culture: A Systems View of the World / E.J. Chaisson // Reprint from the NASA History Division publication. – 1981.
10. Chaisson, E.J. The Emergence of Complexity in Nature. Bioastronomy 2002: Life Among the Stars, Vol. 213, edited by R.P. Norris and F.H. Stootman. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, pp. 532–532.
11. Medawar, P.B. An Unsolved Problem of Biology: An Inaugural Lecture Delivered at University College London on 6 December 1951. Translated from English by P.B. Medawar. London: H.K. Lewis & Co Ltd, 1952, p. 21.
12. Zapadnyuk, V.I. Aging, Active Longevity, and Drugs. Kyiv, 1987, p. 87.
13. Mutation by Plan. What the experiments of the odious Chinese scientist led to // RIA Novosti. – 2024. – April 14. [Electronic resource] <https://ria.ru/20240414/genom-1939319153.html> (date accessed: 10.01.2026).

